

КЛАССИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Серия основана в 2002 году по инициативе ректора

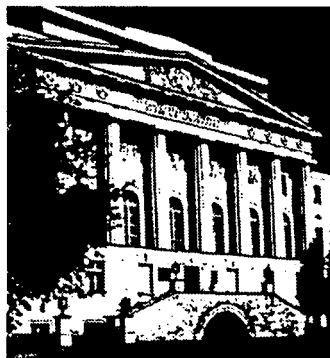
МГУ им. М.В. Ломоносова

академика РАН В.А. Садовниченко

и посвящена

250-летию

Московского университета

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Редакционный совет серии:

Председатель совета
ректор Московского университета
В.А. Садовничий

Члены совета:

О.С. Виханский, А.К. Голиченков, М.В. Гусев,
В.И. Добреньков, А.И. Донцов, Я.Н. Засурский,
Ю.П. Зинченко (ответственный секретарь),
А.И. Камзолов (ответственный секретарь),
С.П. Карпов, Н.С. Касимов, В.П. Колесов,
А.П. Лободано, В.В. Лунин, О.Б. Лупанов,
М.С. Мейер, В.В. Миронов (заместитель председателя),
А.В. Михалев, Е.И. Моисеев, Д.Ю. Пушаровский,
О.В. Раевская, М.Л. Ремнева, Н.Х. Розов,
А.М. Салещкий (заместитель председателя),
А.В. Сурин, С.Г. Тер-Минасова,
В.А. Ткачук, Ю.Д. Третьяков, В.И. Трухин,
В.Т. Трофимов (заместитель председателя), С.А. Шоба

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В.И. Добреньков, А.И. Кравченко

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебник

---

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 020300 «Социология»*

Москва
ИНФРА-М
2005

УДК 316(075.8)

ББК 60.5я73

Д 55

*Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*

Рецензент:

доктор философских наук, профессор, декан факультета
социологии Саратовского государственного университета

Дыльнов Г.В.

Добреньков В.И., Кравченко А.И.

Д 55 Социальная антропология: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2005. —
688 с. — (Классический университетский учебник).

ISBN 5-16-002219-8

В книге излагаются базовые знания социальной и культурной антропологии с учетом мирового опыта, а также вузовского стандарта образования и требований госстандарта: место антропологии в системе научного знания, предмет, объект и методы исследования, теория и эмпирические данные антропогенеза (происхождения человека) и социогенеза (эволюции доисторического общества); типология ранних обществ и исторические этапы развития традиционного общества (охотников и собирателей, родоплеменной строй, вожества).

Книга рассчитана на студентов и преподавателей гуманитарных вузов, а также всех, кто любит эту самую интересную современную науку о человеке и обществе.

УДК 316(075.8)

ББК 60.5я73

ISBN 5-16-002219-8

© МГУ им. М.В. Ломоносова,
художественное оформление, 2003

© Добреньков В.И., Кравченко А.И., 2005

Уважаемый читатель!

Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета. Серия включает свыше 150 учебников и учебных пособий, рекомендованных к изданию Учеными советами факультетов, редакционным советом серии и издаваемых к юбилею по решению Ученого совета МГУ.

Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями, воспитавшими не одно поколение студентов, впоследствии внесших заметный вклад в развитие нашей страны, составивших гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.

Высокий уровень образования, которое дает Московский университет, в первую очередь обеспечивается высоким уровнем написанных выдающимися учеными и педагогами учебников и учебных пособий, в которых сочетаются как глубина, так и доступность излагаемого материала. В этих книгах аккумулируется бесценный опыт методики и методологии преподавания, который становится достоянием не только Московского университета, но и других университетов России и всего мира.

Издание серии «Классический университетский учебник» наглядно демонстрирует тот вклад, который вносит Московский университет в классическое университетское образование в нашей стране и, несомненно, служит его развитию.

Решение этой благородной задачи было бы невозможным без активной помощи со стороны издательств, принявших участие в издании книг серии «Классический университетский учебник». Мы расцениваем это как поддержку ими позиции, которую занимает Московский университет в вопросах науки и образования. Это служит также свидетельством того, что 250-летний юбилей Московского университета — выдающееся событие в жизни всей нашей страны, мирового образовательного сообщества.

*Ректор Московского университета
академик РАН, профессор*

В. Садовничий
В. А. Садовничий

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
-------------------	----

Часть I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1. Предмет и отрасли антропологической науки	25
1.1. Научный статус антропологии	25
1.2. Археология	38
1.3. Социальная и культурная антропология	43
1.4. Юридическая антропология	50
1.5. Историческая антропология	54
1.6. Антропологическая лингвистика	55
1.7. Психологическая антропология	61
1.8. Экономическая антропология	65
1.9. Прикладная антропология	72
1.10. Экологическая антропология	74
1.11. Инвайроментальная антропология	75
1.12. Бизнес-антропология	76
1.13. Антропозоология	80
1.14. Киберантропология	82
1.15. Визуальная антропология	83
1.16. Педагогическая антропология	85
1.17. Религиозная антропология	87
1.18. Социология и антропология	89
1.19. Этнология	96
1.20. Этносоциология	103
1.21. Этнография	106
1.22. Крестьяноведение	112
1.23. Этнография детства	117
1.24. Некросоциология	121

Глава 2. Количественная и качественная методология	125
2.1. Исторический спор двух стратегий	126
2.2. Две стратегии: антагонисты или протагонисты	132
2.3. Две методологии — два значения	141
2.4. Принцип дополнительности двух методологий	150
2.5. Сущность и структура граунд-теории	160
Глава 3. Виды исследования и методы анализа	169
3.1. Принципы антропологического исследования	169
3.2. Аналитические методы	173
3.3. Программа исследования	181
3.4. Виды эмпирического исследования	186
3.5. Монографическое исследование	187
3.6. Повторные исследования	188
3.7. Полевое исследование	190
3.8. Анализ случая	198
3.9. Социография	202
3.10. Биографический метод	204
3.11. Научный эксперимент	209
3.12. Социодраматургические и этнометодологические эксперименты	212
3.13. Социоисторический эксперимент	215
Глава 4. Методы эмпирического исследования	218
4.1. Отличительные черты научного наблюдения	218
4.2. Виды наблюдения	220
4.3. Включенное наблюдение	225
4.4. Наблюдение у этнографов и антропологов	232
4.5. Квазиантропологическое наблюдение	235
4.6. Интервью и беседа	236
4.7. Типология интервью	242
4.8. Формализованное интервью	248
4.9. Свободное интервью	252
4.10. Эффект интервьюера	256
4.11. Анализ документов: общие положения	259
4.12. Сфера применения анализа документов	265

Часть II. АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Глава 1. Биологическая и культурная эволюция	273
1.1. Антропосоциогенез: вверх по лестнице... ..	273
1.2. Достижения палеогенетики	287
1.3. Положение человека в системе животного мира	290
1.4. Эволюционный базис культуры	294
1.5. Человеческий мозг и культурные условности	297
1.6. Появление культуры	299
1.7. Первобытный человек: вымысел и реальность	302
1.8. Человек всегда был агрессивным?	306
Глава 2. Исторические вехи антропогенеза	309
2.1. Австралопитеки	309
2.2. <i>Homo habilis</i>	317
2.3. <i>Homo erectus</i>	319
2.4. Неандертальцы	325
2.4.1. Венец творения и тупиковая модель	325
2.4.2. Внешний вид	326
2.4.3. Среда обитания	328
2.4.4. Общественный строй	331
2.4.5. Зачатки духовной жизни	333
2.4.6. Мы — не родственники	334
2.4.7. Неандертальцы и кроманьонцы: друзья или враги?	336
2.4.8. Первая глобальная война	339
2.5. Кроманьонский человек	341
2.5.1. Появление и расселение	341
2.5.2. Внешний вид	344
2.5.3. Общественный строй и образ жизни	345
2.5.4. Искусство	348
Глава 3. Теории происхождения человека	355
3.1. Фило- и онтогенез	355
3.2. Креационизм	361
3.3. Эволюционизм	364
3.4. Теория Ламарка	365

3.5. Теория Дарвина	366
3.6. Контраргументы Уоллеса	368
3.7. Трудовая теория Энгельса	370
3.8. Синтетическая теория эволюции	372
3.9. Теория двух скачков	374
3.10. Космизм	374
3.11. Теории моно- и полицентризма	379
Глава 4. Общество социальных животных	383
4.1. Морфо- и социогенез	383
4.2. Социальные животные — кто они?	384
4.3. Социальность и эвсоциальность	388
4.4. Пчелиный общественный уклад	393
4.5. Муравьиные мегаполисы	396
4.6. Лестница социальной эволюции	419
4.7. Общество животных и людей: эволюционный момент	422
Глава 5. Предчеловеческое стадо	426
5.1. Анонимная сплоченность	426
5.2. Тандем и гарем	431
5.3. Территория и половой диморфизм	437
5.4. Иерархия и вожачество	438
5.5. Социальная структура биологических сообществ	440
5.6. Переход к стаду предлюдей	446
Глава 6. Человеческое стадо	451
6.1. Хронологические рамки	451
6.2. Социальные критерии	454
6.3. Появление социальных норм	457
6.4. Тотемизм	461
6.5. Общественное разделение труда	464
6.6. Социальные отношения в первобытном обществе	467
 Часть III. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО	
Глава 1. Типология и эволюция обществ	473
1.1. Циклические модели времени	473
1.2. Современные подходы	474

1.3. Дописьменные и письменные общества	478
1.4. Простые и сложные общества	479
1.5. Способы производства	480
1.6. Формационная теория	485
1.7. От механической к органической солидарности	489
1.8. Теория Д. Белла	495
1.9. Цивилизационный подход	501
Глава 2. Общество охотников и собирателей	505
2.1. Первые дни человечества	505
2.2. Антропогенные факторы	515
2.3. Наши примитивные современники	523
2.4. Историко-социологические взгляды А. Кауфмана	528
Глава 3. Родоплеменной строй	537
3.1. Исторические оригиналы	537
3.2. Аборигены: вчера, сегодня, завтра	550
3.3. Исторические пережитки: трайбализм	559
3.4. Линиджи	568
Глава 4. Вождество: начало социополитической эволюции	573
4.1. <i>Chieftdom</i> или <i>chieftaincy</i>	573
4.2. Исследование вождеств	576
4.3. Теория и методология	578
4.4. Время и место появления	581
4.5. Размеры и численность	582
4.6. Социальная организация	582
4.7. Политическая организация	585
4.8. Хозяйственный уклад	587
4.9. Сложное вождество Кахокиа	590
Глава 5. Неолитическая революция	593
5.1. Скачок в эволюции	593
5.2. Доместикация животных	600
5.3. Окультуривание растений	607
5.4. Огородничество и фермерство	611
5.5. Диета и питание	613

5.6. Скотоводство и кочевничество	616
5.7. Плюсы и минусы неолитической революции	621
Комментарии	631
Словарь терминов	670
Литература	675

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антропология представляет собой научное исследование истории человечества и человеческих культур. Буквально слово «антропология» означает науку о человеке. На самом деле это лишь одна из ветвей научного знания, посвященная изучению социальных и биологических характеристик населения, их изменению в историческом времени. Так, во всяком случае, учит нас авторитетнейшая энциклопедия «Британика». Стоит лишь добавить, что антропологию интересует культурное разнообразие человеческой расы не только во времени, но и в пространстве. Интерес к социокультурному разнообразию народов, обитающих на планете, сближает антропологию с этнографией. Видимо, никакая другая наука не подходит так близко к опасной черте, за которой простирается самый загадочный, непознанный и наидревнейший пласт нашего прошлого, а именно единство биологического и культурного, данного природой и построенного людьми.

Антропология, этнография и социология являются настолько близкими науками, что провести границы между ними становится все труднее. Частенько одни и те же фигуранты — выдающиеся ученые — числятся основателями или создателями новых концепций во всех этих науках. Классическим примером служит французский ученый Э. Дюркгейм, которого с равным правом зачисляют в родоначальники как социологии, так и антропологии. Свою книгу Ш. Летурно тоже назвал весьма специфически¹. Э. Гоффман (1922—1982) часто рассматривают как символического интеракциониста, хотя сам он больше считал себя антропологом. Гоффман хорошо известен своими работами, посвященными повседневности, и особенно повседневности отверженных слоев общества (больные психиатрических лечебниц, заключенные в

---

¹ Здесь и далее см. комментарии в конце книги. — *Примеч. ред.*

тюрьмах), а также исследованиями социального взаимодействия. Выдающийся социолог последнего поколения П. Бурдьё начинал свою научную карьеру как антрополог. Немецкий философ и социолог М. Шелер (1874–1928) развивал антропологическое направление в социологии.

В свое время К. Леви-Строс предлагал различать предметы антропологии и социологии по такому критерию: социология изучает сознательные действия, антропология — бессознательные (обычаи, нравы).

Две науки — социология и антропология — постоянно обогащают друг друга. Прикладники заимствуют понятия и принципы фундаментальной науки, но позже переинтерпретируют их либо придают им иную направленность.

В Оксфордском словаре социологии (1998) вообще нет статьи под названием «прикладная социология». Вместо нее стоит ссылка на статью *policy research*, где говорится о том, что подобного рода исследования проводятся неуниверситетскими научными группами и представляют собой приложение открытий (теорий, методов, данных), сделанных в области социальных наук, для решения проблем, поставленных клиентом². Они-то и называются *applied sociology*. Они могут быть крупномасштабными и частными, описательными, аналитическими и каузальными. Они же используются в теории игр, для оценки новых или уже существующих общественных программ, распространения передового опыта и проведения широких социальных экспериментов. Их редко называют социологическими, даже если основной вклад в такого рода исследования внесли социологии, используя характерные для этой науки методы и методологию. Как правило, это междисциплинарные мероприятия, опирающиеся на достижения всего круга социальных наук, в том числе экономики, психологии, антропологии. Представителям прикладной социологии присущи широкий взгляд на вещи, отсутствие собственного профессионального жаргона, узкоспециализированных понятий и теорий. Типичная область применения подобных исследований, названных Г. Маршаллом мультидисциплинарным гибридом, — это трудовые отношения, социальная политика и консалтинг.

Социология семьи, этнических отношений (этнография), криминалистика считаются прикладными областями, хотя рассматриваемые здесь вопросы входят в число основных проблем социологии, т.е. составляют ее ядро. Несомненно, в этих областях имеется фундаментальное знание, хотя в целом данные отрасли и

дисциплины относятся к прикладной социологии. Точно так же к прикладному знанию относится медицина, хотя и в ней есть фундаментальное ядро. Видимо, считает Г. Маукш, отнесение той или иной области знания к ядру или периферии, фундаментальной или прикладной социологии является скорее данью установившейся традиции и субъективных предпочтений, нежели следствием логических рассуждений и методологических обоснований³.

Отнесение того или иного исследования к социологии или антропологии, считал И. Валлерштайн⁴, чаще всего является делом случая, нежели необходимости. На каком основании, спрашивает автор миросистемной теории, можно утверждать, что работы Э. Либоу *Tally Comer* и В.Ф. Уайта *Street — Corner Society* — обе работы классические, написанные одна «антропологом», а другая «социологом» — принадлежат двум различным «дисциплинам»? И таких примеров можно найти множество.

С позиций теории мировых систем, предлагающей современной аудитории (быть может, впервые в истории) комплексный подход к окружающему миру, в том числе научному, не существуют каких-либо критериев, которые можно использовать для точного, а главное — разумного определения границ между четырьмя дисциплинами — антропологией, экономикой, политологией и социологией. Все предполагаемые критерии: уровень анализа, предмет, методы, теоретические посылки — либо не оказываются верными на практике, либо являются барьерами для дальнейшего знания вместо того, чтобы стимулировать его.

Даже внутри одной науки с междисциплинарным размежеванием возникают немалые трудности. Например, знаменитое разделение на четыре части антропологии (физическая антропология, социальная, или культурная, антропология, археология и лингвистика) являлось (и, до некоторой степени, является) скорее практикой, чем доктриной. Оно лишь потом стало доктриной, преподаваемое и оправданное докторами наук или школьными учителями. Ничего нового к пониманию антропологии оно не прибавило⁵.

Своим рождением антропология во многом обязана социологии, так как возникла она в начале XX в. как бы по остаточному принципу: ей отдали то, что не могла либо не успевала охватить социология. Та занималась преимущественно современным обществом, которое как тогда, так и ныне продолжает постоянно беспокоить как ученых, так и правительства всех стран: рост преступ-

ности и девиантного поведения, кризис института семьи и брака, повышение уровня конфликтности и т.п. Сил и времени на все не хватало. А тут еще цивилизованное общество озаботилось, или сделало вид, что озаботилось, несчастной судьбой исчезающих народов, продолжающих влачить (напомним — это рубеж двух прошлых столетий) колониальное прошлое и постоянно подвергающихся нашествию индустрии: то леса у аборигенов перепилят, то земли отберут. А в США их и вовсе в резервации загнали. Выделившись в специальную область знания, проведя множество «выездных сессий» с аборигенами на разных концах планеты, антропология не только обеспечила себе академическое существование, но и привлекла внимание мировой общественности к судьбе коренных народов, повысила их политический рейтинг и значение.

Итак, социальная антропология и социология — почти сестры-близнецы. Вот почему за разработку Государственного стандарта по социальной антропологии взялся не кто иной, как ведущий профильный факультет страны — социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Стандарт «Социальная антропология», рассчитанный на 250 часов, включает следующие ключевые темы и понятия: социальная антропология, ее объект и предметный статус; социальная (культурная) антропология в системе гуманитарной мысли и наук о человеке и культуре; мир человека; повседневность, жизненный уклад, межличностная среда, обыденное знание, менталитет; культурный контекст человеческого поведения; сферы и факторы социокультурной адаптации; культура традиционных обществ как изначальный предмет изучения; принципы интерпретаций явлений культуры; культура и социальная структура; институт родства; соотношение биологического и социального; культура и политика; политическая антропология как субдисциплина; культура и личность; основные течения психологической антропологии; культура и экономика; экономическая антропология как субдисциплина; культура и природная среда; социальная структура, обычаи и хозяйственные традиции в контексте экологической адаптации общества; взаимодействие культур; методы социальной антропологии (включенное наблюдение, сравнительный, эволюционно-исторический, структурно-функциональный и др.); антропологизм как мировоззренческая установка; практическое применение современной социальной антропологии.

В настоящей работе авторы стремились придерживаться его настолько точно, насколько это можно и насколько это принято

в авторских курсах, которые всегда вносят нечто свое в изложение темы. Кроме того, сам по себе Госстандарт — это всего лишь руководство к действию, а не программа, обязательная к исполнению. Он указывает общее направление и подсказывает те темы, по которым специалисты могут идентифицировать данную науку. В нем не учитывается то новое, что постоянно появляется на горизонте научных знаний, но авторы учебников обязаны учитывать и эти обстоятельства. Вот почему в нашем учебнике — при соблюдении стандартной проблематики — освещаются новые направления и проблемы, а старые темы освещаются в новом ключе. Авторы стремились дать целостную систему социально-антропологических знаний, соответствующих современным достижениям науки.

Стержнем изложения курса социальной антропологии, на наш взгляд, должны выступать две темы — антропосоциогенез, раскрывающий происхождение человека и общества с древнейших времен, и традиционное общество, включающее родоплеменной строй, вождества, общество охотников и собирателей, а также неолитическую революцию, приведшую к возникновению земледелия и ранних государств. Дальше двигать социальную антропологию, если речь идет о ее историческом блоке, небезопасно, поскольку начинается территория исторической социологии. Зато первая, перепрыгнув через эпохи и века, вдруг появляется в постиндустриальном обществе и дерзко заявляет о своей актуальности. Но теперь уже речь идет скорее о ее прикладных областях, нежели о классических теориях, а именно антропологии организаций, бизнес-антропологии, киберантропологии и многих других.

Антропосоциогенез, приведший к возникновению современного человека, глобальному обществу и техногенным катастрофам, как следует из названия, включает два процесса — антропогенез и социогенез. Антропогенез — процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначальное развитие его трудовой деятельности, речи, а также общества.

Рассмотрев исторически длительный процесс антропогенеза, мы обратимся к не менее сложному и противоречивому процессу социогенеза. На исторической шкале времени социогенез занимает несколько меньшее время и включает следующие процессы и фазы: социальные животные, формирование стада предлюдей, становление стада людей, возникновение семьи, рода, племени, первобытной общины и вождества. Львиная доля того времени,

которое потратило на свой эволюционный путь человеческое общество, никак не могла быть описана в истории общества по той простой причине, что она составляет его предысторию. История — это совокупность письменных свидетельств о различных явлениях и событиях. Но истоки общественных форм лежат в мире социальных животных.

Человеческий род, истоки которого, как считает современная наука, уходят в прошлое на 6 млн лет, каким-то образом 40 тыс. лет назад, по космическому времени — за несколько секунд, совершил неожиданный скачок, перестал эволюционировать биологически, как это делают все нормальные обитатели планеты, приобрел навыки абстрактного мышления, развил в себе умение говорить, читать и писать, построил десятки тысяч городов, протянул миллионы километров дорог, опутал планету миллиардами видимых и невидимых каналов связи, а в завершение объявил себя хозяином природы.

Разве это не загадочное двуногое существо и разве оно не нуждается в нашем пристальном внимании? Хотя бы для того, чтобы, изучив его доскональнейшим образом, узнав манеры и повадки, спасти от его амбиций стоящую у грани экологической катастрофы планету. А ведь начиналось все когда-то так мирно и идиллически: небольшие группки отдаленно похожих на нас приматов бродили по бескрайним просторам Земли в поисках пропитания. Боролись с превосходящими силами хищников, уворачиваясь от их клыков и умирая в молодом возрасте от бесчисленных травм и болезней, укрывались от непогоды, сооружая примитивные жилища, приручали непокорную стихию огня, создавали непонятные приспособления, которыми на расстоянии попадали в ничего не подозревающих оленей, облачались в шкуры своих жертв, рожали детей, объяснялись словами, объединялись в общины. Словом, творили такое, что ни одному жителю тогдашней планеты не могло бы присниться и в самом страшном сне. Они шли наперекор природе. Они ставили на себе невиданный эксперимент. И он завершился полным триумфом человечества. Правда, небезопасным для самой планеты.

И все это должно быть предметом антропологии. Одна ее ветвь, а именно общая или физическая антропология, анализирует по останкам, найденным археологами, эволюцию скелета и изменения человеческого мозга. Другая отслеживает лингвистическое прошлое нашей речи, третья — эволюцию психики, четвертая — становление социальной организации, пятая — зарождение тра-

диций, ритуалов и культурных норм. Сколько разветвлений в огромном теле современной антропологии, подсчитать вряд ли удастся.

Антропологи первым делом изучают социальные стратегии выживания примитивных обществ и племен в те далекие эпохи, когда отсутствовали современные технологии производства массовой продукции, а человек добывал себе пропитание самыми примитивными орудиями труда, формируя первые системы социальных отношений и родственные структуры. В те давние времена — сотни и десятки тысяч лет назад — история человеческого рода только еще начиналась и приходилось писать ее самые первые страницы. Тогда еще не было письменности, городов и социальных классов, но люди успели создать социальные основы своего бытия — локальные группы, которые антропологи называли сообществами охотников и собирателей, мобильный образ жизни, зачатки культуры и овладеть техническими навыками по изготовлению орудий труда.

В разных уголках тогдашней ойкумены формировались субрегиональные типы примитивных обществ, не объединенные еще глобальными сетями коммуникации, транспортными магистралями и системой экономического обмена. Такие общества и сообщества представляли по преимуществу замкнутые культуры с очень специфическим типом хозяйства и культурными традициями. Социальных антропологов интересует не только своеобразие таких островных образований, но и то общее, что присуще им, что повторяется в их политической организации, экономической деятельности и социальном укладе. Такого рода сравнительные (компаративные) или, как их еще называют, кросс-культурные исследования, призванные выявить объективные закономерности, присущие разным типам примитивных обществ, составляют альфу и омегу той методологии, которая находится на вооружении антропологов. Примером может послужить сравнительный анализ нормативной системы нынешней африканской деревни, сохранившей традиционный уклад пастушеского хозяйства на Новой Гвинее и французского раннепромышленного хозяйства. Очень многое антропология почерпнула из социологии — как в методическом арсенале, так и в своде теоретических понятий. Социология и антропология длительное время развивались рука об руку, а их творческий союз дал жизнь новой дисциплине, которую называют социальной антропологией, являющейся предметом рассмотрения в этой книге.

Находясь под неослабевающим воздействием социологии, социальная антропология постоянно расширяет сферу своих научных интересов и проникает в те области, которые ранее, если говорить о классической антропологии, казались запретными, а именно в современное индустриальное и постиндустриальное общество. Последнее необходимо антропологам как исходная система координат, некая точка отсчета или эталон, с которым сравниваются примитивные общества и благодаря которому ученые: а) обнаруживают в жизнедеятельности наших далеких предков новые и новые черты; б) полнее и глубже описывают само индустриальное общество; в) строят полноценные и достаточно точные прогнозы дальнейшего развития человечества.

Сегодня антропология перестала быть узким тематическим направлением. Это особая философия, особый взгляд на мир, и ему подвластно буквально все — не обязательно существовавшее прежде, но и существующее ныне. Вот почему вы можете встретить антропологию повседневности, антропологию насилия, визуальную антропологию и киберантропологию. Да мало ли что еще. И все это будет постоянно прибывать. Антропология растет как снежный ком. Быть может, настало ее время? Или человечество наконец осознало, что самое загадочное на свете явление — оно само?

В США, Англии, Франции и других странах существуют сотни профильных научных учреждений (включая музеи) и профессиональных ассоциаций, тысячи учебных курсов, а объем специальной и общедоступной литературы по антропологии, как-то учебники, практикумы, программы, монографии, научные сборники и пр., не поддается счету.

Со второй половины 1990-х гг. все громче заявляет о себе отечественная антропология — социальная и культурная. Созданы соответствующие кафедры и факультеты, написаны десятки учебников, проведено множество конференций и симпозиумов. Слово «антропология» звучит сегодня повсюду — на телевидении, в прессе и Интернете. Даже на улице. Оно стало, похоже, злободневным лозунгом, символом постперестроечной эпохи. Видимо, скоро его начнут писать на сигаретах и рекламировать на городских щитах. И все же публичная слава лучше всеобщего забвения. Хотя у нее есть немало теневых сторон.

Один из известнейших современных антропологов К. Коттак⁶ недавно писал о том, как удивляются студенты, узнав необычай-

ные возможности своей науки. Оказалось, что антропология — наука о всех условиях, в которых существовал, существует и будет существовать человеческий род. Она охватывает биологию, культуру, общество и язык, она заглядывает в прошлое и будущее, в то же время раскрывая тайны настоящего.

Описать или хотя бы напомнить обо всем, чем занимается современная антропология, чем она интересуется, что она открыла и проанализировала, абсолютно невозможно. Даже в беглом очерке. Необходимо сделать представительную выборку эмпирических и теоретических материалов, остановившись на главном, которые позволят читателю представить себе историю, предмет и методы этой науки, познакомиться с главными представителями и научными достижениями. Но что еще важнее — в целостном и логически стройном виде представить себе эволюцию человека и общества, основные ступени и вехи, осмыслить формы социальной организации, свести воедино культурное многообразие народов Земли.

Предметная сфера социальной и культурной антропологии только на первый взгляд не вызывает никаких вопросов. Казалось бы, здесь все ясно: надо излагать социальную и культурную сферу общества, стремясь проанализировать не только прошлое, но и настоящее. На самом деле недостаточно ознакомить российскую аудиторию с достижениями зарубежной антропологии и тем ограничиться. Нужно учитывать культурные и образовательные особенности российской науки. В течение целого десятилетия тематика культурной и социальной антропологии освещалась у нас в рамках двух дисциплин — социологии и культурологии. Многие до сих пор считают, что они исчерпывают предмет изучения и вводить новую науку не следует. Социология на протяжении всей своей истории развивалась в тесном взаимодействии с социальной антропологией, нередко их преподавали на одном факультете, на одной кафедре. А иногда и в рамках одного курса. Знаменитый курс социологии Г. Ленски⁷ практически целиком построен на антропологическом материале, и от этого он не стал хуже выглядеть. Напротив, он имеет известные преимущества по сравнению с традиционными учебниками социологии и выдержал уже не одно издание. Отечественная культурология, несмотря на свое название, тесно смыкается с культурной антропологией, раскрывая прошлое и настоящее человеческой цивилизации. Таким образом, в нашей стране сложились определенные традиции, которые в будущем, видимо, не стоит забывать.

Вряд ли российским ученым, равно как и студенческой молодежи, представятся такие широкие возможности изучать племена папуасов или пигмеев, какими обладают наши западные коллеги. Коренные народы Севера давно оккупированы российскими этнографами. А все это предмет традиционной антропологии. Но если молодежь не будет иметь доступа к живым первоисточникам примитивного общества, то чем станут заниматься российские антропологи в будущем? К чему их готовить на студенческой скамье? Ответ, кажется, только один: к изучению современного общества и современного человека присущими антропологии методами и приемами. Здесь она может оказаться как нельзя на месте.

Часть I
ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1. ПРЕДМЕТ И ОТРАСЛИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Антропология наряду с социологией, психологией, политологией и экономикой относится к так называемым социальным, или поведенческим наукам. Они имеют общий предмет — изучают поведение людей индивидуально или в группах, а также похожие методы исследования — анкетирование, интервью, наблюдение, анализ документов и эксперимент. При этом все они активно применяют математические методы и расчеты.

Однако в отличие от них у антропологии, если речь идет о такой ее отрасли, как культурная антропология, много общего с гуманитарным знанием, в том числе культурологией и философией.

Особенно близки между собой антропология (в первую очередь социальная антропология) и социология. Нередко антропологию называют родной сестрой социологии — настолько много у них общего. Одни авторы называют ее разделом социологии, а другие, напротив, считают социологию разделом антропологии. Обе они разветвляются на множество направлений, отраслей и субдисциплин, большинство которых направлены на изучение исторического, культурного и социального становления человека и человеческого рода.

1.1. Научный статус антропологии

Самое раннее употребление слова «антропология» научная молва приписывает великому мыслителю античности Аристотелю, который употреблял это слово преимущественно при изучении духовной природы человека. Однако, как выяснил историю вопроса о. Константин (Горянов О.А.)¹, епископ Тихвинский, ректор Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии, тер-

мина «антропология» древние греки вообще не употребляли. Похожее на него слово «антропологиос», которое один раз употребил Аристотель в Никомаховой этике, означает не существительное женского рода, а прилагательное двух окончаний и на русский язык переводится деепричастием «говорящий о человеке».

Сам термин «антропология» появляется лишь в XVI в. в Германии в названии анатомического труда М. Хандта «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах тела человека»², где повествуется о физическом строении человеческого тела. В конце того же столетия вышел трактат О. Касманна «Антропологическая психология, или Учение о человеческой душе. Антропология, ч. II. О строении человеческого тела в методическом описании»³. В этом случае речь шла уже не об анатомии, а о психологии, поэтому проблематика антропологии как бы перемещалась из сферы тела в область души.

В итоге европейский Ренессанс (XV–XVI вв.) утвердил двойственное значение слова «антропология», а именно как науки о человеческом теле и учении о человеческой душе. Это позволило французским энциклопедистам уже в эпоху Просвещения расширить значение и смысл антропологии и понимать ее как всю совокупность знаний о человеке. Немецкие философы XVIII — начала XIX вв., в частности И. Кант, включали в антропологию главным образом вопросы психологии. Первый труд по антропологии в России принадлежит Панкратьевскому диакону Ивану Михайлову и относится к концу XVIII в.⁴

Бурное развитие антропологии происходило в XVIII в. благодаря колонизации, возросшему вниманию к демографическим и расовым процессам. В XIX в. в развитых европейских странах возникли антропологические общества, имевшие целью изучение многочисленных останков первобытных людей. В течение XIX в. и до сего времени в Англии, Америке и Франции под антропологией понимают учение, во-первых, о физической организации человека и, во-вторых, о культуре и быте различных народов и племен в прошлом и настоящем.

Необходимо сразу оговориться, что слово «антропология» может означать вовсе не то, на что надеется читатель. Во многих случаях оно действительно подразумевает науку, изучающую прошлое человечества, но нередко оно предполагает всего лишь широкий — философско-гуманистический — подход к осмыслению человеческой природы во всем ее многообразии, не обязательно, а часто и вовсе не связанном с историческим прошлым. Так, например, модные в последнее время антропологические передачи на телевидении предполагают беседу с умными людьми —

интеллектуалами-гуманитариями и философами — о смысле жизни, предназначении человека, его биологической эволюции, возможностях человеческой природы, в том числе запредельной чувствительности, отношении человека к смерти и бессмертию и т.п.

Понятие «человеческая природа» в своем антропологическом осмыслении относится к любым стратегиям приспособления или адаптации человека к существовавшим прежде, существующим ныне и, возможно, будущим культурам (типам общества). И в этом смысле антропология касается и прошлого, и настоящего. А поскольку при адаптации — даже к иным мирам и планетам — человек использует свои лингвистические способности, природные данные, мышление, чувства, ощущения и сознание, свою культуру и тело, то все они в той или иной мере становятся предметом изучения антропологии.

Не удивительно, что количество отраслей и разновидностей антропологии столь велико, что уже почти не поддается учету. Так, к примеру, нам встречаются философская и психологическая антропология, физическая и лингвистическая, юридическая и социальная антропология, антропология рождения и антропология родства, антропология детства, антропология возраста и антропология смерти, антропология зрелого возраста, гендерная и структурная антропологии, антропология насилия и антропология повседневности, спортивная и музыкальная антропология, управленческая антропология, антропология власти, антропология сакрального, маргинальная антропология, аксиологическая антропология, натуралистическая философская антропология, иррационалистическая антропология, трансценденталистская антропология, конституциональная и эволюционная антропология, популяционная и этническая антропология, медицинская, экологическая и педагогическая антропология, неотомистская антропология, визуальная антропология, машинная антропология, герменевтическая антропология, художественная антропология, феноменологическая антропология, символическая и интерпретативная антропология, институциональная и динамическая антропология, антропологическая ономастика, космополитическая и постмодернистская антропология, литературная антропология, антропология профессий и антропология знания, этническая антропология, философско-социальная антропология, антропология организаций, антропология социальной политики и многое, многое другое. В официально утвержденном Классификаторе социальной антропологии (350100) значатся:

- 350101 Теория, методология и история социальной антропологии;
- 350102 Этническая антропология и социальная этнография;
- 350103 Экономическая антропология;
- 350104 Политическая и юридическая антропология;
- 350105 Антропология духовной жизни;
- 350106 Психологическая и педагогическая антропология;
- 350107 Антропология социальной работы и социальной медицины;
- 350108 Антропология города и экосистем;
- 350109 Антропология организаций и управления;
- 350110 Прикладная антропология и социальная инженерия.

Некоторые из приведенных выше терминов служат названием подотраслей академической науки, которая именуется антропологией и преподается во всех университетах мира, некоторые слова обозначают тематическое направление, теоретическое течение, небольшую, нередко совершенно крошечную область знания, известную двум-трем специалистам, а некоторые и вовсе служат метафорой, которая выполняет функцию привлекать внимание к цветистому названию, но не представляет никакого серьезного научного интереса. Многочисленность и легкость возникновения новых «антропологий», своеобразная мода на антропологию, по мнению И.А. Протопоповой, свидетельствует о новой смене парадигм в европейском научно-гуманитарном сознании: ориентация на безличные «структуры», «топики» и «интертекстуальность» заменяется обращением к «субъективности», «активности индивида», «авторству» и т.д.

В строго научном смысле *антропология* (от антропо... + ...логия) — межотраслевая дисциплина, исследующая биологическую, культурную и социальную эволюцию человека как особого вида и человеческого общества (главным образом дописьменной эпохи) как особого типа социальной организации. Она включает в себя множество отраслей, субдисциплин, направлений, тематических разделов, исследовательских парадигм, научных школ. Первоначально антропологию понимали как науку о происхождении и эволюции физической организации человека и различных рас, не включая социальные и культурные характеристики. Нынешние антропологи стремятся установить сходства и различия социальных форм жизни и культурных обрядов, религиозных верований и экономических систем самых разных типов обществ — древних и современных.

После расширения тематического поля антропологии ее определение как «науки, изучающей образование человеческих рас,

нормальные вариации физического строения человека внутри этих рас, в том числе в связи с особенностями окружающей людей среды», относится теперь только к общей (биологической, физической) антропологии.

Термин «антропология» был введен в научный оборот главным образом в англоязычных странах (а в 1990-е гг. и в России). В Германии его заменяет этнография, а во Франции — этнология. То, что в США именуют антропологией, а также культурной антропологией, в Европе называют этнологией. Однако термин «физическая антропология» существует как в США, так и в Европе и означает повсюду одно и то же.

Понятие антропологии трактуется в узком и широком значениях. В узком смысле антропология — это исключительно учение о человеке (взаимосвязь тела и мозга, анатомии и физиологии). В СССР термин «антропология» использовался для обозначения физической антропологии. Один из ведущих специалистов в области антропологии Э.А. Орлова утверждает:

«Антропология как область научного исследования окончательно сложилась в последней четверти XIX века и связывалась с задачей полного понимания человека. Здесь объединялись: собственно антропология, или естественная история человека, включая его эмбриологию, биологию, анатомию, психофизиологию; палеоэтнология, или пре-история — происхождение, первобытное состояние человека; этнология — распространение человека на Земле, изучение его поведения и обычаев; социология — отношение людей между собой; лингвистика — образование и существование языков, фольклор; мифология — возникновение, история и взаимодействие религий; социальная география — воздействие на человека климата и природных ландшафтов; демография — статистические данные о составе и распределении человеческой популяции»⁵.

В широком смысле антропология трактуется за рубежом как наука о человечестве в единстве его культурных и социальных аспектов. Она изучает орудия труда, технику и технологию, традиции и обычаи, верования и ценности, социальные институты, семью, брак и родство, экономические механизмы, эволюцию искусства, борьбу за престиж и т.д. В расширенной трактовке антропология охватывает и гуманитарные, и социальные науки. В широком смысле антропология включает: собственно антропологию, или естественную историю человека; палеоэтнологию или предысторию; этнологию — науку о распространении человека на земле, его поведении и обычаях; социологию, рассматривающую отношения людей между собой; лингвистику; мифологию;

социальную географию, посвященную воздействию на человека климата и природных ландшафтов; демографию, представляющую статистические данные о составе и распределении человеческих популяций; медицинскую антропологию (психологию человека, генетику человека); экологию человека и др.

В США согласно одному из официальных источников в антропологии выделяют четыре дисциплины: физическую, археологическую, культурную и лингвистическую антропологию, в Великобритании — только три: физическую антропологию, археологию и социальную антропологию⁶. Однако существуют и другие версии (рис. 1 и 2). В частности, Р. Марно утверждает, что в Великобритании и США в антропологию входят также археология и этнография⁷.

В России однозначного понимания входящих в антропологию дисциплин не сложилось. В предлагаемых типологиях повторяются те дисциплины, школы и направления, которые существуют на Западе. В России вместо антропологии существовала этнография, которая в Англии и США считается отраслью или эмпирическим видом антропологии. Сегодня в многочисленных монографиях, статьях и учебниках, опубликованных как за рубежом, так и в России, можно встретить очень широкий и постоянно меняющийся список дисциплин и направлений, включаемых в антропологию: философская антропология, теологическая антропология, психологическая антропология, социальная антропология, культурная антропология, историческая антропология, городская антропология, антропология религии, символическая антропология, когнитивная антропология, политическая антропология, экономическая антропология, прикладная антропология, лингвистическая антропология и др. Можно констатировать, что в литературе не сложилось единой типологии дисциплин и направлений антропологии. Чаще всего в отечественной литературе основными разделами антропологии считают морфологию человека, учение об антропогенезе и расоведение. С середины XX в. усиленно развивается комплекс дисциплин, объединенных под названием «биология человека» (изучение физиологических, биохимических и генетических факторов, влияющих на вариации строения и развития человеческого организма).

Указанные выше области знания, включенные в сферу антропологии, подразделяются на два больших сегмента — физическую и культурную антропологию. Первая относится к естественным наукам, а вторая — к социальным. У них разные цели и задачи, понятийный аппарат и методы исследования. К примеру, радиоуглеродный метод хронологического определения останков применяется в физической антропологии и не используется в куль-

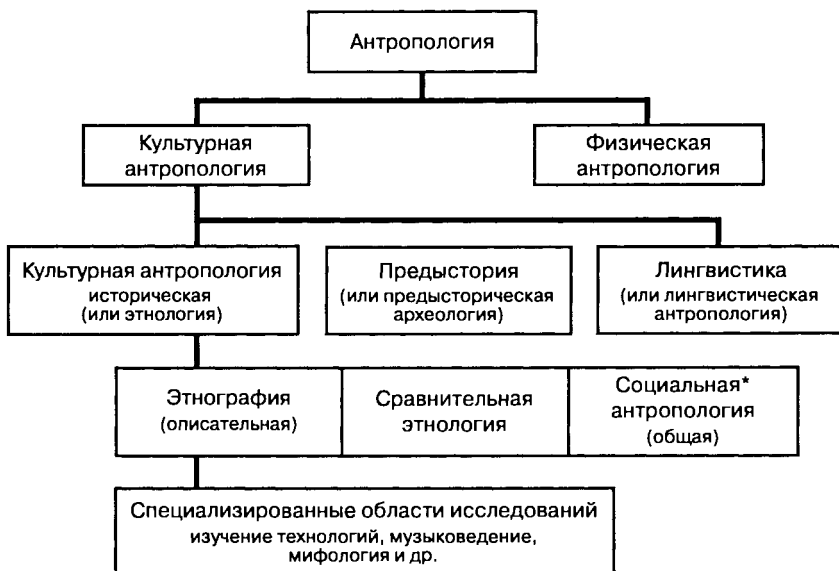

Рис. 1. Дисциплинарная терминология в США

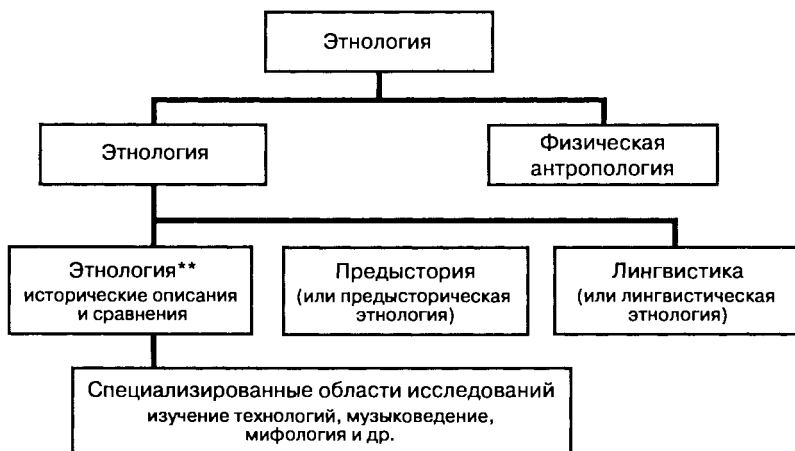

Рис. 2. Дисциплинарная терминология в Европе

* Термин «социальная антропология» используется в Великобритании вместо двух других терминов — «этнология» и «культурная антропология».

** Современная тенденция развития научного знания в Западной Европе, в частности во Франции, — использовать три термина при описании уровней исследования, которые в свое время утвердились в США: «этнография», «этнология», «социальная антропология». В Восточной и Центральной Европе термин «этнография» используется только в значении «этнология».

турной. Хотя, разумеется, представители двух родственных ветвей знания постоянно общаются между собой, обмениваются новостями и открытиями, проводят конференции и симпозиумы, а в курс обучения современного антрополога обязательно входят спецкурсы как по физической, так и по культурной антропологии.

В центре внимания физической антропологии находится биологическая составляющая эволюции человеческого рода. Стремясь проследить истоки возникновения *Homo sapiens* настолько глубоко, насколько это позволяет современная наука, физическая антропология изучает возникновение человеческих рас, особенности их эволюции, генный состав и расовые различия. Ученые обнаружили, что далекими предками человеческих рас являлись высшие приматы, обитавшие в разных регионах мира. На пересечении физической (биологической) и социальной (культурной) антропологии в 1970-е гг. за рубежом сформировалась новая отрасль — *медицинская антропология*, которая представляет собой комплекс знаний о медицинских системах, существовавших и существующих в разных обществах, формах и традициях врачевания и способах оказания помощи больным, культурном контексте медицинских практик, разнообразных социокультурных аспектах производства медицинских знаний и т.д. В США появились специализированные журналы *Anthropology and Medicine*, *Medical Anthropology*, *Medical Anthropology Newsletter*, *Medical Anthropology Quarterly*, *Social Science & Medicine*.

В арсенале физических антропологов находятся такие методы исследований, как антропоскопия (описательная методика), антропометрия (измерительная методика), краниология (изучение черепа), остеология (изучение костного скелета), одонтология (изучение зубной системы), дерматоглифика (изучение кожного рельефа), пластическая реконструкция (восстановление лица человека по черепу), микроанатомия, антропологическая фотография, методы рентгенологии, посемейного изучения, продольного (долговременного) и поперечного (единовременного) изучения групп, приемы восстановления живого облика человека по его черепу, картографирование расовых признаков, включенное (участвующее) наблюдение аборигенных культур и др.

Культурная антропология имеет дело не с расовыми различиями людей и биологической эволюцией человеческого рода, а с культурными различиями и развитием человеческого общества. Она исследует групповое поведение, истоки и происхождение религии, социальные нормы и обычаи, семейную и родственную структуру, систему власти в примитивном обществе, зачатки технологии.

Обе области знания — физическая и культурная антропология — тесно связаны с прикладной антропологией и археологией. Археологи, раскапывая древние захоронения или поселения, обнаружив орудия труда, остатки домашней утвари или пищи, помогают восстановить историческое прошлое человечества, в том числе рацион питания, хозяйственную эволюцию, смену социально-экономических укладов. Напротив, прикладная антропология выполняет функцию терапевта современных обществ, так как помогает адаптироваться представителям национальных меньшинств, коренных народов, аборигенным обществам к современной индустрии, информационным технологиям и законам потребительского общества. Возникающие при переходе от одной исторической эпохи к другой, а именно таким выступает процесс приспособления примитивных обществ к требованиям постиндустриального времени, проблемы и болезни, в том числе культурный шок, лучше всего помогает лечить именно прикладной антрополог. Ныне это одна из самых востребованных профессий.

Археологию иногда считают самостоятельной наукой, равной антропологии и истории, иногда — подразделением а) истории, б) физической антропологии. Какую бы точку зрения мы ни рассматривали, для нас важно то обстоятельство, что обе науки — физическая антропология и археология — очень тесно связаны между собой. На рис. 3 показаны: а) равный статус археологии и антропологии (они крупнее по своему начертанию); б) функциональная связь физической антропологии и археологии.

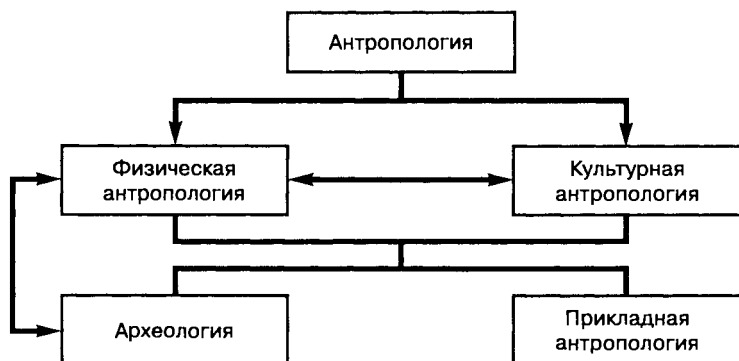

Рис. 3. Внутренняя дифференциация антропологии

В России и многих европейских странах под антропологией понимают преимущественно «*физическую антропологию*» — науку о происхождении и эволюции человека, изучение вариаций физического строения человека с помощью описательных и измерительных методик. Большую же часть проблем, которыми согласно американской традиции занимается «*культурная антропология*», российская и отчасти европейская традиция считают относящейся к «этнографии».

Среди социальных наук антропология занимает особое место, так как прослеживает становление человеческого рода в течение нескольких миллионов лет. Ни одна другая дисциплина не забиралась так далеко в исторические дебри *Homo sapiens*. Накопленный социологией фактический материал касается небольшого исторического отрезка — последних 100–150 лет. Антропологи изучают эволюцию экономической, социальной, политической и духовной сферы человеческого общества с древнейших времен.

Антропология имеет не только самый широкий временной диапазон исследования человеческого рода, но и самую разнообразную тематическую гамму. Шутка ли сказать, она изучает и самые привычные для всех нас вещи, каковой является, например, обычная человеческая рука, и самые экзотические явления — например, брачные церемонии австралийских аборигенов. Кажется, антропологам подвластно все — и языковые формы племен, обитающих в дельте Амазонки, и социальная жизнь обезьян, живущих в дождевых лесах субтропической зоны, и останки животных, чудом сохранившиеся на стоянке первобытных людей. И все это необходимо для того, чтобы ответить на вопросы: кто мы, откуда пришли, как развивались, почему у нас возникли определенные формы социальной организации, культурные практики, духовные символы, орудия труда.

Именно антропологи вынудили социологов шире взглянуть на человеческое общество, не ограничиваться его индустриальными формами, не считать, что существующие сегодня общественные формы — это непременно многомиллионные и многомиллиардные объединения. Рядом с ними, где-нибудь в потаенных уголках Новой Гвинеи, живут крошечные группы охотников и собирателей, ведущие уединенный образ жизни, сохранившие для нас в первозданном виде наше историческое прошлое. Мы должны быть им благодарны, охранять и беречь живые памятники старины.

Традиционно считалось, что антропология ограничивается изучением только примитивных (дописьменных) обществ и не затрагивает современные. В отличие от нее социология изучает не

древние общества, жителей которых уже нельзя опросить присущими ей анкетными методами, а только современные.

Однако сегодня представления о предмете антропологии изменились. Считается, что антропология обладает широким гуманистическим взглядом на мир.

Как самостоятельная наука антропология сформировалась в середине XIX в. Наибольшее развитие она получила в Великобритании и США. В Великобритании антропология развивалась на этнографическом материале, почерпнутом за пределами страны — в многочисленных колониях. Английские ученые часто уезжали в разные уголки мира в поисках затерянных примитивных племен. В других странах Европы антропология складывалась на базе местного фольклора и крестьянской культуры, была направлена как бы вовнутрь и чаще называлась этнологией. В США антропология формировалась на весьма специфичном культурном ареале — изучении американских индейцев, т.е. исконных жителей континента.

Однако сегодня горизонт научного поиска антропологов резко расширился. Видный американский антрополог К. Коттак пишет:

«Антропология предполагает широкий гуманистический взгляд на мир, основанный на сравнительных, так называемых кросс-культурных исследованиях. Иначе говоря, на сопоставлении разных культур и разных народов. Хотя большинство людей по сей день убеждены, будто антропологи ограничивают себя изучением ископаемых и доиндустриальных культур. Но уверяю вас, что антропология — нечто гораздо большее, чем только изучение примитивных обществ. В ее горизонт попадают буквально все общества — и древние, и современные, и она пытается описать их, сравнивая и сопоставляя друг с другом.

В то же время любая другая социальная наука не выходит за рамки одного типа общества, как правило, индустриального, описываемого на примере США или Канады. Только антропология предоставляет человеку уникальную возможность побывать сразу во всех обществах, рассмотреть их в кросс-культурной перспективе, т.е. сравнивая традиции и обычаи разных стран»⁸.

Центральной темой общей антропологии, а также некоторых ее направлений являются антропогенез и антропосоциогенез.

Антропогенез (от греч. *anthropos* — человек и *genesis* — происхождение) — происхождение и развитие всех видов рода Человек (*Homo*), рассмотренные в биологическом, психическом и социокультурном плане. Основой происхождения древнейших людей в

начале четвертичного периода на африканском континенте от предлюдей рода австралопитеков являются особенности группового поведения, высокий уровень развития рецепторных систем, двигательных способностей, особенно конечностей, и вторично — головного мозга. Переход к наземному образу жизни и вертикальному положению тела позволил освободить передние конечности. Это привело к мощному развитию манипулятивной деятельности и формированию орудийных действий, логика развития которых привела к специальному изготовлению орудий труда. В процессе совместного труда групповые отношения превратились в общественные, для обслуживания которых сформировались членораздельная речь и сознание.

Антропосоциогенез (от греч. — *anthropos* — человек, лат. — *societas* — общество и греч. *genesis* — происхождение) — исторически длительный процесс становления человека из биологического существа в социальное и культурное существо — представляет собой неразрывное единство двух параллельно протекающих процессов: антропогенеза (формирование человека) и социогенеза (развитие общества). В марксистской антропологической науке считается, что социогенез есть сущность антропогенеза. Представляя собой две неразрывно связанные стороны единого процесса — антропосоциогенеза, антропо- и социогенез совпадают по времени.

Значительный вклад в разработку антропологической проблематики внесли представители русской философии (Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Л. Шестов, А.Ф. Лосев), а также советские и российские философы и ученые (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.В. Библихин, Ю.М. Бородай, Я. Голосовкер, Л.Н. Гумилев, А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, Вяч. Иванов, И.П. Казначеев, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, Е.М. Мелетинский, Н.Н. Моисеев, В.В. Налимов, В.А. Подорога, Б.Ф. Поршнев, В.Я. Пропп, А.М. Пятигорский, М.К. Рыклин, В.Н. Топоров, О.М. Фрейденберг, С.С. Хоружий, М.Б. Ямпольский и др.).

О текущей тематике отечественной антропологии можно вполне объективно судить по названию секций, а также выступлений участников различных семинаров, конференций и симпозиумов, оглавлению коллективных сборников работ ученых, преподавателей и аспирантов. Они отражают то, что творится на исследовательской периферии, т.е. в корпусе эмпирических исследований, которыми в данный момент занята основная масса специалистов.

Как известно, конгрессы этнографов и антропологов проводятся регулярно с 1995 г. и являются важнейшими научными форумами представителей этих наук в нашей стране. Так, на IV Конгрессе этнографов и антропологов России (2001), где участвовало более 400 человек, среди названий секций значились: «История этнографической науки в России», «Этнография и проблемы теории», «Физическая антропология», «Раса и этнос», «Этнополитика: проблемы формирования и реализации преподавания», «Антропология насилия», «Национальные движения», «Модернизация российского федерализма: этнический аспект», «Традиционные культуры народов России», «Традиционные системы ценностей народов России: прошлое и настоящее», «Народные знания и проблемы поиска “устойчивого развития” человечества», «Этнопсихология времени», «Этничность и религия», «Ислам в России и сопредельных странах», «Традиционные верования и неоязычество», «Брак и семья у народов мира», «Формирование гендерных стереотипов», «Этническая социолингвистика» и др. Научные дискуссии продолжались на круглых столах: «Защита прав и свобод национальностей», «Аудиовизуальная этнология», «Этнопсихология» и др.

В 2003 г. в Омске прошел V Конгресс этнографов и антропологов России, в нем приняли участие 320 человек из 55 городов России, а также ученые Великобритании, Германии, США, Норвегии, Финляндии, Франции. Конгресс обсудил проблемы, связанные с формированием и развитием народов и культур, этноязыковых, этнокультурных, этносоциальных и этнополитических ситуаций и процессов, в частности в Сибири; этнополитической ситуации и методологических подходов к ее анализу; оценки российско-чеченского конфликта с геополитической, культурологической и юридической точек зрения; законов о реабилитации репрессированных народов; осетино-ингушским конфликтом; локальными межэтническими конфликтами; этническими миграциями, сменами этнического состава населения, оттоком русского населения с Северного Кавказа, бытовым и государственным национализмом, проблемами языковой политики, интеграции малых этнических групп в полиэтничном обществе, вопросах этнического представительства в органах власти, деструктивными последствиями «диаспоризации» общественной жизни, созданием историко-культурных заповедников в районах компактного расселения малых этносов, а также сети историко-этнографических музеев и экспозиций в учебных заведениях; соотношением народной медицины (этномедицины) и официальной, научной медицины; проблемами наркомании, насилием в семье с

точки зрения антропологического подхода, феноменом нищенства; поликонфессиональностью и картографированием священных мест, вопросами научной диагностики толерантности в СМИ и коррекции информации в сторону толерантности; структурой семьи у русских, башкир, армян, чукчей. В ходе дискуссий обсуждались: проблемы, связанные с возможностью использования политико-антропологического подхода в процессе изучения властно-управленческих отношений как в традиционных, так и в индустриальных (постиндустриальных) обществах; проблемы этнической идентификации при изменении территорий этническими группами; вопросы традиционного природопользования и хозяйства, проблематика природной среды и отношений человека и природы в различных культурах; проблемы соотношения традиций и новаций в методах и методологических подходах отечественной этнографии, формирование архивов полевых материалов, пути повышения качества полевой продукции, возможности использования методов устной истории и устных исторических источников в этнологии, участия этнографов в экспертных советах и др. На конгрессе были представлены результаты новейших разработок в области физической антропологии, гендерных, этноисторических, этноправовых, этноархеологических, этноэкологических, этногеографических и этнодемографических исследований⁹.

1.2. Археология

Археологическая антропология (*Archaeological anthropology*), или *археология* — это исследование прошлого человечества по материальным свидетельствам. Археология изучает следы деятельности человека, главным образом в напластованиях грунта, образовавшихся в результате этой деятельности (культурный слой), а также на поверхности и на дне водоемов (архитектурные памятники, петроглифы, следы древней ирригации, кораблекрушений и т.д.) для получения историко-культурной информации. Российские специалисты, также как и британские, считают археологию частью истории, а потому преподают ее на исторических факультетах университетов. Напротив, американские археологи видят в археологии отрасль антропологии и включают курс археологии в программу антропологических факультетов. Однако среди археологов широко распространено мнение, что археология — прежде всего самостоятельная дисциплина, обладающая собственными методами, концепциями, теориями и научными открытиями.

Археология — единственная отрасль изучения человека, использующая в большей мере оставленные людьми материальные остатки, чем непосредственные наблюдения над человеческим поведением или письменные свидетельства. Археологи, занимающиеся воссозданием и постижением жизни людей прошлых эпох, используют самые разнообразные методы и приемы. Некоторые из них присущи только археологии, другие заимствованы из физики, биологии, геологии и других наук. Процедура археологического исследования — одна из самых трудоемких в гуманитарных науках. Она включает, по Л.С. Клейну, три основных этапа: вскрытие и фиксация в полевых условиях; лабораторно-камеральная обработка (консервация, реконструкция, технологические анализы); теоретическое осмысление полученных данных, т.е. уточнение хронологии, систематика (классификация, эволюционная типология) вещей, реконструкция процессов и явлений по их следам и отдельным элементам. Некоторые ученые видят в археологии всего лишь совокупность методов, применяемых в исторических, антропологических, искусствоведческих, географических и некоторых иных исследованиях. Для них границы археологии определяются способами получения и анализа материальных свидетельств. Археологическая методика изменяется в зависимости от периода, что привело к специализации археологии и появлению классической, средневековой, индустриальной археологии и др. По предметным критериям выделяют поселенческую, процессуальную, структурную, теоретическую археологию и др. К общедисциплинарным отраслям археологии относятся археоботаника, археозоология, экспериментальная археология, этноархеология, контрактная археология и др.

Экспериментальная археология исследует прошлое опытным путем. Она призвана эмпирическим путем проверять выдвинутые учеными ранее теоретические предположения. Например, археологи изготавливают артефакты для исследования отходов производства; так, при изготовлении каменных орудий определяют количество и размещение полученных сколов и сравнивают их с отложениями на исследуемом археологическом памятнике. Существуют эксперименты, направленные на определение эффективности различных производственных операций, как в случае, когда специалисты по экспериментальной археологии, изучая историю освоения жителями Новой Гвинеи стального топора, использовали для рубки деревьев топоры и из стали, и из камня. Сравнив затраты времени и степень износа орудий в том и другом случае, они получили представление о возможных причинах заимствования новогвинейцами стальных топоров. Эксперименты еще одного

вида проливают свет на процесс превращения обитаемого поселения в археологический памятник; так, археологи сжигали модели неолитических хижин или сооружали копии земляных построек, чтобы исследовать, как они изменяются под воздействием эрозии и других природных факторов.

Этноархеология похожа на экспериментальную археологию тем, что уделяет много внимания сбору данных, способствующих интерпретации археологических материалов и памятников. Разница между ними состоит, однако, в том, что этноархеолог в полевых условиях изучает виды человеческой деятельности, предположительно сходные с теми, которые запечатлены в археологических материалах. Вместо того чтобы опытным путем установить, какие следы на костях тюленя может оставить процедура разделки его туши, этноархеолог отправится в Арктику, чтобы посмотреть, как разделяют мясо инуиты (эскимосы) или алеуты и каковы последствия этой операции. Хотя этноархеолог не получает столь полного представления о спектре возможных вариантов, как экспериментатор, его преимущество состоит в том, что он получает представление о навыках и традициях людей, непосредственно причастных к изучаемому явлению¹⁰.

Новые направления в археологии — военная археология, морская, подводная, археологический туризм, «черная» археология и кладоискательство.

Именно археология дала человечеству основной массив информации, относящейся к ранним эпохам, вплоть до позднего Средневековья. Бесценным является ее вклад в изучение дописьменных обществ, о которых не сохранилось никаких свидетельств, кроме археологических памятников. Методы археологии используются также и для исследования некоторых событий XVII—XX вв., о которых имеется мало документальных свидетельств. Так, предметы православного культа XIV—XIX вв. изучает церковная археология, промышленные объекты XVII—XX вв. — промышленная археология, памятники индейцев после прихода европейцев — нативистская археология. Термин «нативизм»¹¹ обозначает взгляд на какую-либо культуру, например раннесредневековую кельтскую, как архаичную, изолированную от поздних влияний и сохранившую значительное количество элементов языка. В частности, кельтскую культуру с относящимися к ней обрядами друидов и поэтическим творчеством филидов, о которой практически не сохранилось никаких письменных источников, кроме записок Ю. Цезаря, можно исследовать только при помощи археологической антропологии.

Археология реконструирует, описывает и интерпретирует человеческое поведение и культурные образцы на основании добытых ими в процессе раскопок материальных предметов. Главным образом археологи занимаются *предысторией* (периодом, предшествующим открытию письменности). Для археологов первичными данными являются остатки материальной культуры. На их основе ученые реконструируют образ жизни древних городов и поселений, потребительскую и досуговую культуру, традиции и обычаи, особенности быта и трудовой деятельности предков. Находками археологов не всегда являются хорошо сохранившиеся могильники и религиозные храмы, часто это хозяйственные ямы, где находятся и фрагменты кухонной посуды и домашней утвари, и орудия труда, и останки животных, и музыкальные инструменты. Их классификация и точная датировка позволяют ученым по сохранившимся фрагментам восстановить образ жизни и социальную организацию наших предков. Археологическая антропология в отличие от традиционной не ограничивается научной атрибуцией культурного памятника (техническим описанием времени, места, исторических деталей, культурной спецификацией), техническим описанием, а идет гораздо дальше, используя памятники не как самоцель, а как средство раскрытия общественных отношений, существовавших в отдаленную эпоху. Анализируя памятники, археологи отвечают на множество вопросов: питалась ли изучаемая группа людей мясом диких или одомашненных животных? что представляют собой остатки найденной на стоянке первобытных людей пищи — дикорастущие растения или плоды земледельческого труда? и т.д.

Ключевые понятия археологии — «артефакт», «культурный слой» и «археологическая культура». Здесь *артефактами* называются материальные предметы, которые были созданы или видоизменены человеком. Используя артефакты, в частности, можно узнать о происхождении ремесленных изделий — произведены ли они на месте или привезены из другой страны и, если они произведены на месте, то какое сырье добывалось, где именно и по какой технологии перерабатывалось. Такие находки археологов помогают определить способ производства, товарообмена и распределения доходов. С помощью термолюминисцентного метода можно установить возраст керамических изделий. При изучении археологических материалов сегодня все шире используются статистические методы. Применение дескриптивной (описательной) статистики позволяет максимально полно раскрыть информационный потенциал археологической информации, а использование

аналитической статистики дает возможность выработать типологию археологической информации и проверить научные гипотезы.

Материальные остатки, представляющие интерес для археолога, распадаются на четыре обширные категории. Первая — артефакты, т.е. объекты, созданные людьми либо являющиеся отходами их жизнедеятельности. К их числу относятся орудия труда и украшения, одежда из тканей, изъеденные временем бронзовые украшения, глиняные сосуды, отходы производства (например, пластинки, отколотые от каменного ядра при изготовлении орудия), обрезки ниток, оставшиеся после ткацких работ, и др. Вторая — искусственные сооружения: яма, выкопанная в земле для хранения продуктов или для мусора; очаг, наполненный древесными углями и золой; каменные фундаменты построек, туннели рудников, земляные насыпи и гробницы. Третью категорию составляют биологические остатки — необработанные кости, раковины улиток, пыльца растений, обугленные зерна и древесина, пищевые остатки. Четвертую категорию составляют почвенные отложения, скопившиеся на площади памятника и содержащие следы человеческой жизнедеятельности.

Термин «артефакт» дал название целому направлению — артефактной археологии, которая специализируется на классификации археологических данных и культурных типов. При отсутствии строго научных критериев невозможно сделать выбор из огромного количества характеристик, присутствующих в массиве эмпирического материала, в качестве основы для построения классификационной системы. В структуре научного знания понятие артефактной классификационной археологии занимает место после структурной археологии и микротеории¹².

Занимаясь раскопками, археологи срезают один пласт земли за другим, которые называют *культурными пластами*. Основной объект исследования археологов — доисторическое население, не имевшее письменности. Данные археологии помогают антропологам формулировать *законы развития* человеческой культуры и общества. Совокупность культурных черт, в комплексе характеризующих жизнедеятельность того или иного народа в отдаленную эпоху, получил название *археологической культуры*. Она обозначает общность археологических памятников, относящихся к одному времени, одному народу (этносу), определенной территории, отличающаяся общими особенностями, например культура ямочно-гребенчатой керамики, черняховская культура (III–IV вв., степная область Днепра), городецкая культура (VII в. до н.э. — I тыс. н.э., Поволжье), трипольская культура (IV–III тыс. до н.э., Украина и Молдавия), фатьяновская культура (бронзовый век,

Волго-Окское междуречье), абашевская культура (Поволжье). Археологическая культура — это совокупность остатков человеческой деятельности, извлекаемая при исследовании археологических памятников и по ряду уловимых признаков отличимая от другой такой же совокупности¹³. По Л.С. Клейну, археологическая культура — совокупность археологических памятников, объединенных близким сходством типов орудий труда, утвари, оружия и украшений (особенно же сходством деталей в формах вещей, сходством керамической орнаментации и приемов техники), сходством типов построек и погребального обряда¹⁴. Археолог может оперировать понятием «археологическая культура» как некоей самостоятельной сущностью, которую в определенном смысле можно рассматривать отдельно от ее бывшего носителя — человеческого коллектива. Но антрополог, занимающийся изучением древнейших времен на основе археологических данных, поступить так не может. Он исследует свидетельства древних миграций зачастую очень больших коллективов людей, приносящих на новые территории обитания свою культуру в самых различных ее проявлениях, различным образом взаимодействующих с аборигенным населением этих территорий¹⁵.

В России сложился мощный культурный пласт археологических традиций, куда входят анекдоты, байки, прибаутки, песенный фольклор археологических экспедиций.

1.3. Социальная и культурная антропология

Накопление в XIX в. огромного массива эмпирических данных, связанных в первую очередь с исследованием черепов и скелетов неандертальцев, поставило в повестку дня необходимость реконструкции истории человечества и культуры. Так в составе физической антропологии появилось новое научное направление — социальная антропология. В научный оборот это название в 1906 г. ввел один из ее основателей английской этнолог Дж. Фрейзер. Понятие «социальная антропология» довольно быстро получило распространение в англоязычных странах.

В научной литературе сегодня отсутствует единая точка зрения на понимание социальной антропологии, а для ее названия используются самые разные термины, в том числе этнология, культурная антропология, социальная культурология, различия между которыми не всегда носят принципиальный характер. До недавнего времени в нашей стране предпочтение отдавали термину «этнология», а соотношение между этнографией, этнологией и со-

циальной антропологией четко не прописывалось. Для некоторых авторов социальная антропология — всего лишь аналог этнологии («этнографическая антропология»), которая специализируется на теоретическом обобщении социальной и культурной истории народов всего мира, для других — раздел социологии, объектом изучения которого выступают примитивные племена и традиционные общества (в отличие от современных институтов, которые исследуются социологами). Третьи рассматривают ее как своеобразное ответвление или эмпирическое приложение философской антропологии, не получившее еще пока рельефных предметно-структурных очертаний. И сегодня считается, что этнография является преимущественно описательной (эмпирической наукой), а этнология и антропология восходят на уровень теоретических обобщений и универсально-исторических законов.

Различие взглядов наблюдается и в понимании объекта и предмета социальной антропологии. Одни исследователи объектом считают человека (или личность), другие — культуру, третьи — общество, четвертые — народы, населяющие те или иные регионы. Например, Ф.И. Минюшев¹⁶ объектом социальной антропологии считает человека (взятого в контексте его культуры), жизнедеятельность которого протекает совместно с другими. Следовательно, в объект этой дисциплины включается также природное, социальное и искусственное окружение человека. Соответственно предметом социальной антропологии, по его мнению, являются закономерности и механизмы взаимодействия человека с его социальным и природным окружением в условиях конкретной культурной системы. Согласно другой точке зрения¹⁷ объектом социальной антропологии является социокультурный процесс, т.е. процесс трансформации культуры, а предметом — законы, которым подчиняется такой процесс.

С разнообразием представлений об объекте и предмете связано значительное количество вариантов названия социальной антропологии и ее определений. Вот лишь некоторые из них:

1) обобщающая и сравнительная наука, которая стремится к исследованию общих законов социального и культурного развития человека и человечества;

2) сравнительное изучение дописьменных народов;

3) наука, исследующая в сравнительном плане различные типы культур и пути их преобразования при социальной (а не чисто биологической) передаче информации от поколения к поколению; система описания фактов культуры (культурная антропология);

4) раздел социологии, объектом изучения которого являются примитивные и традиционные общественные системы (этнология);

5) наука, традиционно изучающая эволюцию общества и человека путем сравнительного анализа различных культур (культурантропология);

6) наука о динамике культуры как искусственного, неприродного мира человека;

7) наука, изучающая культуру первобытных, традиционных и современных обществ;

8) наука, призванная исследовать социальную фазу развития человека в общем контексте космодинамики его экзистенции.

Из такого разнообразия определений можно заключить, что социальная антропология оперирует понятиями философии, культурной антропологии, социологии, психологии и других наук.

В зарубежной науке тоже нет единства воззрений. Социальную и культурную антропологию в одном случае рассматривают как единую дисциплину, называя ее то социальной, то культурной антропологией, а в другом — как две самостоятельные отрасли антропологии, между которыми очень много общего. Тем не менее все сходится на том, что эта дисциплина, как бы она ни звалась, занимает очень высокое, если не центральное место среди отраслей антропологии.

Культурная антропология исследует особенности связи человека и культуры; устройство культуры: культурные институты, обычаи, традиции, быт, языки, особенности социализации человека в различных культурах и другие проблемы. *Социальная антропология* изучает социальные структуры и взаимодействие в них людей. Термин «социальная антропология» был впервые употреблен Дж. Фрейзером, а формирование этого направления исследований относится к концу XIX в. На протяжении длительного времени ее основным объектом исследования считались «примитивные» общества, а культура рассматривалась как аспект общественной жизни. В отличие от культурной антропологии, сложившейся главным образом в США, социальная антропология, получившая распространение в Великобритании, по традиции не включает в свои исследования лингвистику и археологию¹⁸. Культурная антропология как научная специальность и учебная дисциплина зарегистрирована, правда, под названием «социальная антропология» только в 1993 г.

Объектом исследования культурной антропологии выступают традиционные (дописьменные) общества, а предметом изучения — системы родства, взаимоотношения языка и культуры, осо-

бенности пищи, жилища, брака, семьи, экономические системы, социальная стратификация, первобытные верования и религия, искусство. Социальной антропологией называется культурно-антропологическое знание в Европе, прежде всего в Англии и Франции. В поле ее зрения попадают в первую очередь проблемы социальной структуры и стратификации (точнее сказать, ранжирования), политической организации (в дописьменном обществе — потестарной), управления и применения структурно-функционального метода исследований.

Традиционным обществам присуща неизменность либо длительность цикла смены культурных стереотипов, норм и традиций, протекающая незаметно для жизни одного поколения: прошлое взрослых оказывается будущим их детей. Общественная организация формируется за счет малых групп и знакомых людей. Дописьменная культура зиждется на ритуалах, церемониях, обычаях, изустно передаваемых преданиях, самодеятельном творчестве, органическом единстве с природой. Авторитет старшего поколения, которое выступает основным источником знаний и умений, непререкаем, он сакрализуется и получает ритуальное закрепление в культе предков. Базовыми способами добывания средств существования выступают охота и собирательство, огородничество, пастушество и земледелие. Самые разнообразные сведения о традиционных культурах собраны воедино в «Этнографическом атласе» Дж. Мёрдока, впервые вышедшем в 1967 г. В настоящее время создан компьютерный банк данных более чем 600 традиционных обществ (он известен также как «Ареальная картотека человеческих отношений» — *Human Relations Area Files*).

Культуру как совокупность обычаев, традиций, символов, норм и правил поведения, а также как образ жизни (стиль жизни), присущие разным народам, изучают главным образом в рамках *социальной и культурной антропологии*, которая в последнее время разделилась на множество поддисциплин, направлений и школ. Культурная антропология — часть общей антропологии, изучающая культуру во всех ее проявлениях, применяющая методы, понятия и данные археологии, этнологии, этнографии, фольклора и лингвистики, а также социологии и психологии.

Родство двух дисциплин или подвидов антропологии — социальной и культурной — обусловлено очень своеобразным пониманием антропологами того, что такое культура.

В Древнем Риме, откуда пришло это слово, под культурой (*cultura*) понимали прежде всего возделывание земли. Окультуривание почвы, сельскохозяйственные культуры — понятия, связанные с трудом крестьянина. В XVIII в. для европейцев культура

приобрела духовный, а точнее сказать, аристократический оттенок. Этот термин стал обозначать совершенствование человеческих качеств. Культурным называли человека начитанного и утонченного в манерах поведения. До сих пор слово «культура» связывается у нас с изящной словесностью, картинной галереей, оперным театром и хорошим воспитанием.

Но антропологи в XX в. придали слову иное значение. У австралийских аборигенов или африканских бушменов, живущих по первобытным законам, нет ни оперного театра, ни картинной галереи. Но у них есть то, что объединяет их с самыми цивилизованными народами мира, — *система норм и ценностей*, выраженная через соответствующий язык, песни, танцы, обычаи, традиции и манеры поведения, с помощью которых упорядочивается жизненный опыт, регулируется взаимодействие людей. В своей совокупности они характеризуют образ жизни либо всего общества, либо какой-то его части. А материальные памятники, окружающие людей в повседневной жизни, составляют прошлую культуру, или культурное наследие. И обычаи, и памятники свято оберегаются, передаются из поколения в поколение.

Со временем произошло разделение научного труда: культурологи изучают все проявления человеческой культуры — от шаманских танцев, мифологии и примитивных ритуалов до элитарной и массовой культуры, присущих постиндустриальному обществу, а культурные антропологи — примитивной, первобытно-родовой, племенной культурой, не касаясь современного общества. Таким образом, между культурологией и культурной антропологией существует огромное пространство знаний, которое они делят между собой. Известный американский исследователь Лесли Уайт, которого называют то антропологом, то культурологом и который ввел в употребление сам термин «культурология», рассматривал культурологию (*culturology*) даже как ветвь антропологии, которая трактует культуру (институты, технологии, идеологии) как специфический порядок явлений, организованных по своим собственным принципам и развивающихся по своим собственным законам¹⁹.

Но как только культурные антропологи сузили свой объект, они немедленно вторглись на территорию социальных антропологов. Дело в том, что в простых обществах — у бушменов, индейцев или австралийских аборигенов — все очень миниатюрное, перемешанное или, как говорят специалисты, синкретическое. Социальная структура тесно связана с традициями, семейные кланы — с обычаями, возрастная стратификация — с обрядами инициации, имьянаречением и т.п. На небольшом пятачке, каким явля-

ется примитивное племя, трудно разместиться социальным и культурным антропологам, не нарушив предметных границ, не вторгшись к соседям. Вот почему они трудятся в тесном союзе, пишут общие учебники, часто не отличающиеся друг от друга. Социальные отношения пронизывают простое общество сверху вниз. Но точно так же и культурные отношения пропитывают собой все поры примитивного общества. Это в современном обществе — крупномасштабном и сложно организованном — разобраться с тем, кто есть кто, чуть полегче: специалисты выделяют социальную сферу, экономическую, политическую и культурную — каждая со своей структурой и даже министерствами.

Главные проблемы культурантропологических исследований связаны со становлением человека как феномена культуры: поведение человека, становление норм, запретов и табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, процессы инкультурации, влияние культуры на половой диморфизм, семью и брак, любовь как культурный феномен, становление мироощущения и мировоззрения человека, мифология как культурное явление и др.

Культурная антропология опирается на эмпирические данные, собранные, обработанные, классифицированные и интерпретированные после проведения полевой работы. Культурная антропология предполагает широкий гуманистический взгляд на мир, основанный на сравнительных, так называемых кросс-культурных исследованиях, т.е. на сопоставлении разных культур в различные исторические эпохи, а не только традиционных обществ.

Культурная антропология занимает центральное место в системе антропологических дисциплин. Она изучает общество и культуру, описывает и объясняет социальные и культурные сходства и различия. Однозначного мнения о том, является ли культурная антропология самостоятельной наукой или входит в состав социальной антропологии (а возможно, и в состав этнографии), в зарубежной и отечественной литературе не существует. Американские ученые отмечают у культурной антропологии две стороны: этнографическую (основанную на полевых исследованиях) и этнологическую (основанную на кросс-культурных сравнениях). Европейские же ученые полагают, что этнография и этнология — самостоятельные науки, а не части антропологии. Хотя наибольшее развитие культурная антропология получила в Великобритании и США, этот термин употребляется главным образом в США, в других странах используют термин «этнология». По этому поводу С.В. Лурье пишет:

«То, что в Советском Союзе именовалось этнографией, на Западе именовалось культурной антропологией. В действительности термин “этнография” существует и на Западе и означает примерно то же самое, что и в России. Культурная антропология же с самого момента своего зарождения выступала как более широкая дисциплина и интересовалась, в первую очередь, концепциями, объясняющими структуру и бытование народной культуры, а описательные, “полевые” материалы (сколь бы обильны они ни были) являлись для нее средством либо для проверки концепций, либо для их доказательств»²⁰.

У социальной антропологии помимо разграничения сферы компетентности с культурной антропологией хватает собственных проблем. Вовсе не случайно ее не хотели отделять от социологии, полагая, что у них общий предмет исследования. Да и сегодня скептиков хватает — уж больно много между ними сходства. Взять хотя бы тот факт, что базовые социологические понятия «статус» и «роль» первым выделил и дал им научную трактовку антрополог Р. Линтон. Когда социальные антропологи описывают свои любимые племена, они пускают в ход всю категориальную мощь социологии: здесь вы встретите стратификацию, власть, социальную структуру, социальные институты и т.п. Складывается представление, будто социальная антропология — младший брат социологии, занимающийся изучением человечества на самых ранних и еще очень незрелых стадиях.

Так оно и есть, но действовать социальным антропологам приходится на два фронта. Дело в том, что самую продолжительную стадию человеческого детства, а это 99% мировой истории, изучить социологическими методами, скажем, наблюдением, интервьюированием или опросом, уже не удастся: люди давно умерли. Сохранившиеся ныне племена охотников и собирателей пока еще можно исследовать такими контактными методами, но о далеком прошлом приходится судить на основе документальных источников и археологических раскопок. А ведь наука не может считаться наукой до тех пор, пока она не учитывает всю сумму фактов, все этапы и стадии развития, пока она не способна реконструировать картину мира в ее целостности. Вот и получается, что перед нами не одна, а две социальных антропологии — одна изучает «мертвую» первобытность, а другая — «живую» первобытность. Но в мертвую социальных антропологов не пускают ученые-соседи, в частности историки и археологи, обращая внимание на то, что у социальных антропологов, мало чем отличающихся от социологов, не хватает необходимых методов познания. Им говорят: вы прослеживаете, скажем, универсальные черты социального

института, присущего как простым, так и сложным обществам, а это означает, что вы ведете себя как самый настоящий социолог, только с историческим уклоном. Но и социологи указывают антропологам свое место: мол, у нас есть своя научная дисциплина, а именно историческая социология, которая заглядывает в наше прошлое, — не путайтесь под ногами. Но правда заключается в том, что историческая социология изучает прошлое государственных обществ, начиная с древневосточных империй и заканчивая позднефеодальной Европой. Напротив, социальных антропологов интересует только догосударственный тип обществ, т.е. сохранившие родовой или племенной уклад малые сообщества. Они существовали в далеком прошлом, 35–40 тыс. лет назад, сохранились они и сегодня. И вообще, все аспекты человеческой жизни, которые связаны с этой догосударственной сферой, подлежат нашей компетенции, заявляют они. Вот почему ныне они смело приходят на промышленное предприятие и обследуют неформальные отношения — ту неофициальную область социальных отношений, которая не пронизана действием государственных институтов. Именно так поступили в 1990-е гг. П. Романов и И. Козина²¹, применившие методы социальной антропологии, в частности *case study*, на крупном металлургическом предприятии.

1.4. Юридическая антропология

К числу отдельных ответвлений западной социологии права относят такие научные направления, как юридическая этнология и юридическая антропология. Предметом изучения юридической этнологии являются различные «архаические» правовые культуры многих регионов мира. Юридическая антропология, по мнению Ж. Карбонье, это «наука *homo juridicus*». В рамках юридической антропологии подчеркивается исключительная способность человеческих существ, в отличие от всех других живых созданий, создавать нормы права и следовать их предписаниям. Эти направления научной мысли позволяют более основательно решать вопросы происхождения ранних форм права, так называемого «архаического права».

Юридическая антропология (антропология права, юридическая этнография, этнология права) — совокупность теоретических и эмпирических исследований правовых систем различных обществ (архаических, традиционных, современных). Этнографов и антропологов нормы права интересуют прежде всего как способ выражения отношений между людьми. Отечественные специалисты рассматривают юридическую антропологию (В.С. Нерсесянц,

З.П. Соколова, Н.И. Новикова, А.И. Ковлер) как дисциплину, изучающую правовые формы общественной жизни людей на всех стадиях развития, от архаических до современных, как науку о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках, особенности правового статуса личности в традиционных обществах (индуизм, конфуцианство, ислам), в системе европейского права. Юридическая антропология изучает все правовое многообразие и богатство человечества (и составляющих его этнических групп, народов, наций) в его становлении и развитии, реальном социально-историческом бытии. Правовой плюрализм позволяет африканским обществам сохранять наряду с официальным правом правовые обычаи в качестве мощного регулятора общественных и личностных отношений.

Возникнув в Европе в 60-х гг. XIX в. как составная часть всеобщей истории права, она получила статус самостоятельной дисциплины в 1920-х гг. в Англии. Во Франции определенный вклад в развитие этой науки внес Э. Дюркгейм, первая крупная работа которого «О разделении общественного труда» базируется на материалах истории правовых отношений у разных народов. В Германии большое внимание трактовке права с социальных позиций уделял М. Вебер, имевший юридическое образование. За рубежом данной проблематикой занимались Б. Малиновский, Р. Берндт, П. Боханан, П. Галливер, С. Робертс, Р. Рэттрей, М. Глакман, Л. Поспишил, Э. Эванс-Притчард, М. Фортес, А. Рэдклифф-Браун и др. В России в 1870-х гг. началась систематическая фиксация правовых норм различных народов страны, что позволило перейти затем к историческому истолкованию богатого эмпирического материала. Наряду с исследованием брачных норм (И.М. Кулишер, А.Г. Смирнова) русские историки права интересовались деревенской общиной (А.Я. Ефименко, М.М. Ковалевский). В России довольно рано юридическая антропология отделилась от всеобщей истории права (Е.И. Якушкин, М.М. Ковалевский). В трудах советских этнографов юридическая антропология рассматривается как раздел «нормативной этнографии». Современные российские специалисты в этой области сосредоточили свое внимание на охране и использовании природных ресурсов и правах коренных народов на природопользование в современных условиях²².

Основным предметом изучения здесь выступает обычное право — традиционно сложившаяся и изустно передаваемая другим поколениям система норм, правил, разрешений и запретов, обеспечиваемая соответствующим механизмом санкций и контролем за их исполнением. В культуре аборигенов обнаружено множество запретов, когда нельзя, например, говорить о маленьких детях или

о священных землях, прикасаться к тем или иным объектам, которые считаются злыми, опасными или священными. У коренных народов Севера это касается, например, правил отношения к земле, оленям, правил поведения на охоте, в рыбной ловле, собирательстве, поведенческих запретов в быту²³. В частности, они рассматривают свое право на родовые угодья в первую очередь как свою обязанность по отношению к этой земле. Лесные и тундровые люди, в том числе ханты, воспринимают себя как содержимое земли. Земля для аборигенов имеет прежде всего не коммерческую ценность, а социальную. Принцип непередаваемости земли в традиционном обществе гласит: права на землю могут передаваться лишь между членами одной и той же группы²⁴. В русской поземельной общине регулирующим механизмом землепользования выступало право труда (вложенные затраты) и право на труд (условие приложения трудовых усилий).

Обычное право представляет собой комплексное явление, отражающее систему мировоззрения, правовые ценности, экономические, социальные и культурные отношения. Аборигены, живущие традиционно, часто признают лишь устную традицию. Поэтому необходимо говорить со знатоками культуры и спрашивать их, как нужно вести себя в той или иной ситуации. В российской традиции отношение к обычному праву как живому явлению в наибольшей степени было характерно для начала XIX в. Безусловно, это было вызвано реальным положением народов Севера в тот период. По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. все «инородцы» были поделены на оседлых, кочевых и бродячих. Политика государства в XIX в. строилась на признании «древнего закона», по которому за «иноверцами» закреплялись земли с запрещением продавать их и менять. Реформа М.М. Сперанского должна была узаконить принятую практику, признав нормы обычного права этих народов. В.П. Евладов подробно описал нормы и правила ненцев, которым они следуют на охоте на песцов. В начале XIX в. проводилась работа по письменной фиксации отдельных норм права народов Севера, в частности были созданы специальные комитеты для записи этих норм²⁵.

Сегодня, когда нормы обычного права сохраняются только у аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, основанный на оленеводстве, охоте, рыболовстве и собирательстве, такое сообщество может быть сведено к размерам одной семьи или группы близких родственников, живущих по соседству. В этнографической литературе обычное право за редким исключением рассматривается как древнее, устаревшее явление²⁶. В современном законодательстве понятие «обычаи и традиции коренных малочисленных наро-

дов» впервые встречается в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999).

В последнее время основной интерес специалистов в области юридической антропологии из Института этнологии и антропологии РАН сосредоточен на интерпретации в правовых характеристиках жизни обычных людей, преимущественно наших современников, в различных регионах мира, а главными методами исследования являются включенное наблюдение и углубленное интервью. Институт стал организатором и участником нескольких конференций и конгрессов, из которых особенно важную роль в становлении юридической антропологии в России сыграл XI Международный конгресс по обычному праву и правовому плюрализму 1997 г. в Москве. Прошли две международные летние школы по юридической антропологии, издано несколько книг, в том числе учебники Н. Рулана и А.И. Ковлера. В 1995 г. в институте начал работать семинар по юридической антропологии, который объединил сотрудников Института этнологии и антропологии, а также Института государства и права, Института Востоковедения и Московского государственного университета. В журнале «Этнографическое обозрение» опубликованы материалы З.П. Соколовой, Н.И. Новиковой, Н.В. Ссорина-Чайкова, которые положили начало широкой международной дискуссии о правовом статусе коренных народов, их правах на землю и другие природные ресурсы, перспективах, в том числе правовых, их существования в современном мире. В 2002 г. в г. Шен Май (Таиланд) прошел XIII Международный конгресс Комиссии по обычному праву и правовому плюрализму «Правовой плюрализм и неформальное право в социальном, экономическом и политическом развитии». Спонсорами конгресса выступили Фонд Форда и Институт им. Макса Планка (Германия). Конгресс был организован Региональным центром социальных исследований и устойчивого развития (Таиланд) и факультетом социальных наук университета в г. Шен Май при участии факультета права Университета Трибхуван в г. Катманду (Непал). В работе конгресса приняли участие 95 ученых из разных стран.

В этой области знания активно работают С.В.Соколовский, В.А. Кряжков, М.А. Супатаев, Г.И. Муромцев, Э.С. Львова, А.А. Сирина, М.М. Керимова, Т.И. Селина, Я.В. Чеснов, А.Н. Курский, В.П. Невская, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова, С.П. Тюхтенева, Ю.И. Семенов, В.А. Тишков, С.С., Крюкова, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, А.Н. Ямсков, Е.А. Пивнева и др.

Юридическая антропология сочетает в себе теоретическое изучение правового бытия, законов обычного права, по которым

живут коренные малочисленные народы, и практическое применение этих знаний. Специалисты обсуждают сегодня проблемы управления биоресурсами со стороны аборигенов и коммерческих структур, новые аспекты политики Всемирного банка по отношению к коренным малочисленным народам, участие в этом представителей государственного управления, нефтяных компаний и общественности, путей выживания коренных этносов в условиях освоения нефтегазовых ресурсов и совершенствования отношений между коренными малочисленными народами Севера и предприятиями нефтегазового комплекса.

1.5. Историческая антропология

Историческая антропология — применение антропологического подхода к изучению истории конкретной страны, нескольких стран, а также проведение кросс-культурных исследований. Появление этой дисциплины связывают с деятельностью знаменитой школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Лефевр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Ревель и др.) во Франции²⁷. Благодаря своей книге «Короли-чудотворцы» М. Блок²⁸ может по праву считаться основоположником исторической антропологии. Оформление исторической антропологии в самостоятельное методологическое направление М. Кром относит к рубежу 1960–1970-х гг.²⁹ Если историческая социология уделяет приоритетное внимание истории социальных институтов в европейском обществе, в частности семьи, государства, частного права, церкви, армии, то историческая антропология поглощена скорее «историей повседневности»: образ жизни, картины мира, обычаи, привычки и стереотипы сознания, поведение рядовых людей, скажем, в средневековой Франции, а также отношение людей прошлого к жизни и смерти, болезням, возрастным периодам (детство, молодость, старость); народная религиозность; взаимодействие различных уровней культуры (интеллектуалов и «простецов»); праздники и будни; ритуалы, церемонии и т.д.³⁰ Изучение истории семьи, домохозяйства и родства — одно из важных направлений развития исторической антропологии. Размеры и структура семейных групп, их изменение во времени, циклическая природа домашних укладов, системы родства и практики наследования, а также отношения между мужчинами и женщинами и между поколениями — таковы основные темы исследований в этой области³¹.

В отличие от этнографов, интересующихся преимущественно архаическими компонентами крестьянской культуры, историки

школы «Анналов» более всего заняты изучением «культуры ментальностей» городского населения средневековой Европы³².

Исследование обыденной культуры в России ведет свое начало с работ Н.И. Костомарова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, П.Н. Милюкова. Сегодня этими проблемами занимаются Б.Ф. Поршнев, А.Я. Гуревич, М.М. Кром, А.Л. Ястребицкая, Ю.Л. Бессмертный, М.В. Крюков, В.В. Малявин, А.Н. Мещеряков, А.А. Чекалова, Л.М. Дробижева и др. Родственные ей направления — история ментальностей (Легран д'Осси, Ж. Мишле, Л. Февр, М. Блок, Ф. Арьес, Ж. Ле Гофф, Ф. Граус, П. Динцельбахер, Х. Мейер, У. Раульф, А.Я. Гуревич, Ф. Бродель), микроистория (К. Гинзбург, К. Пони, Х. Медик, Дж. Леви)³³, история повседневности (Х. Медик, А. Людке)³⁴.

Основной метод исследования — *case studies*, изучение отдельных случаев, которое дает почти исчерпывающую информацию об отдельной деревне, отрасли хозяйства, эпохе, но она обладает одним недостатком. Такая информация нерепрезентативна, ее нельзя обобщить на другие случаи и ситуации. Кроме того, историческая антропология ограничена источниками. Если о той или иной эпохе, стране, городе сохранилось недостаточно письменных источников, то проводить историко-антропологические исследования невозможно. Причем не любых источников, а строго определенного типа, скажем, переписки или личных дневников, на основании которых можно судить о повседневной жизни людей.

Мало кто задумывается сейчас над тем, как изменяются трудовые обычаи на протяжении, скажем, последних трехсот или более лет, или чем отличаются коллективные приемы труда у аборигенов Австралии и русских артельщиков XIX в. Сопоставление культурных ареалов во времени (сравнительно-исторические исследования) и в пространстве (межстрановые одномоментные исследования) позволяет проследить очень важные закономерности и тенденции. Социологу, ориентированному не на односторонне-технократическое восприятие труда, а на его широкое гуманистическое понимание, подобные сведения необходимы. Они могут составить предмет особой науки — исторической антропологии.

1.6. Антропологическая лингвистика

Возникшее в рамках исследований культур и языков американских индейцев, это направление работает преимущественно с данными, относящимися к бесписьменным традиционным культурам. В вузах помимо антропологической лингвистики (*Linguistic*

Anthropology) читаются также спецкурсы по лингвоархеологии, «Этнолингвистика и полевые исследования», истории языка, исторической социолингвистике, культуре и языку, палеолингвистике, «Устная традиция и фольклор», исторической фольклористике и др. *Палеолингвистика* изучает древние пласты языка, всевозможные языковые окаменелости, а *лингвоархеология* — быт далеких эпох по названиям различных предметов.

Этнолингвистика — область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой³⁵. Этнолингвистика стремится постичь культуру народа через его язык. Ее предметная область пересекается с такими отраслями гуманитарного знания, как социолингвистика, психолингвистика, паралингвистика, этнология, этнография общения, фольклористика, мифология, поэтика. Идея о связи языка и народа впервые получила оформление в качестве научной теории в работах В. Гумбольдта (1767–1835). По существу, становление сравнительно-исторического языкознания одновременно явилось и становлением одной из предметных областей этнолингвистики, древней этнической истории носителей языковых семей. Во второй половине XIX в. в разных странах, в том числе и в России, начинает развиваться новое направление в этнографии, изучающее лингвистические данные или категории для извлечения этнографической или социологической информации (этнографическая фольклористика, изучение систем родства и т.д.). Новый импульс развитию этнолингвистических идей дала возникшая в начале XX в. структурная теория языкознания, созданная Ф. Де Соссюром (1857–1913), сформулировавшим принцип: «Обычай нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию»³⁶.

Она базируется на двух научных парадигмах — когнитивной и коммуникативной. Этнолингвистика как научное направление, пограничное между лингвистикой и этнологией (антропологией), зародилась в начале XX в. в США (хотя истоки ее подходов усматривают уже в трудах И.Г. Гердера и В. Гумбольдта, а в России — Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и А.А. Потебни; среди родоначальников этнолингвистического подхода европейские исследователи называют также Б. Малиновского, а предвосхищение концепции языкового релятивизма, близкое гипотезе Сепира — Уорфа, находят уже у Э. Дюркгейма, чьи идеи были применены в этнологии, в частности, М. Моссом). Начало этнолингвистики³⁷ связывается с именем американского этнолога немецкого происхождения Ф. Боаса.

Как самостоятельное направление этнолингвистика возникла в рамках культурной антропологии. В работах, ориентированных на

американскую традицию, вместо термина «этнолингвистика» (или наряду с ним) часто употребляют термин «антропологическая лингвистика» — для исследований, посвященных преимущественно когнитивной проблематике, или термин «лингвистическая антропология» — для исследований, посвященных преимущественно коммуникативной проблематике.

Антропологическая лингвистика проявляет интерес к эволюционному развитию человеческой речи, особенно в сравнении с коммуникационными системами приматов, более близких к человеку. Сравнительный анализ структуры и функций коммуникационных систем человека и животных дает надежду установить, каким образом развилась каждая из них, и, возможно, пролить свет на их происхождение. Метод «молекулярных часов», позволяющий установить степень родства разных видов по различиям в их ДНК, очень похож на метод глоттохронологии, используемый при установлении родства разных языков. За 1000 лет в так называемом базовом словаре (он включает те слова, которые есть в любом языке, — «дом», «земля», «небо», названия частей тела и т.д.) сохраняется 86% слов, т.е. каждый из языков двух народов, разделившихся 1000 лет назад, имеет 86% общих слов с предковым языком. Сопоставление эволюционного древа популяций человека с лингвистическими данными и классификацией языков по надсемействам показало, что в большинстве случаев языки генетически родственных популяций принадлежат к одной лингвистической группе. Чем раньше разделились две популяции, тем дольше они эволюционировали независимо и тем больше накопилось замен в их ДНК и в их языках. Конечно, языки не зависят от генов, и корреляции генетического и лингвистического родства определяются лишь историческими обстоятельствами³⁸.

Этнолингвистике интересны местные варианты языка, она любит диалекты, глухие края, маленькие деревеньки, старается дознаться, как и о чем в них говорят, что и как называют. Ведь человек вместе с языком усваивает самобытность культуры своего народа, а она проявляется в каждой пословице, поговорке, образах и метафорах, народных песнях, сказках, заговорах, прибаутках. Одного языка этнолингвистике мало. Ее влекут народные ремесла, обряды, верования — все стороны, все формы народной культуры, потому что в них заключены те же самые смыслы, что и в языке. Народная культура едина, вся она — язык³⁹.

Специалист по лингвистической антропологии интересуется, в частности, тем, какие социальные и этнические группы характеризуются соответствующим вариантом произношения данного

слова. Первоначально культурная антропология в США была ориентирована на изучение культуры народов, резко отличающихся от европейских, прежде всего — американских индейцев. В результате языки американских индейцев, не имеющих письменной традиции, представляли собой основной объект изучения антропологической лингвистики: выяснение звукового состава индейских языков, составление словарей, описание их грамматики, а также интерпретация текстов, изучение бытовых и фольклорных традиций. На ранних этапах значительный вклад в развитие этой дисциплины внесли идеи Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа.

Э. Сепир определяет культуру как социально унаследованную совокупность практик и верований, детерминирующую структуру повседневной жизни человека. Культура для него — то, что общество делает, и то, о чем оно думает. Язык же — как совокупное искусство мышления — является источником сведений о том, «как» общество мыслит. Окружающая нас реальность неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы.

Еще дальше пошел его ученик Б. Уорф, утверждавший, что человеческое познание мира полностью определено языком: даже сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем. Таким образом, люди, говорящие на различных по грамматическому строю языках, видят мир совершенно по-разному. Американские последователи Уорфа — Х. Хойджер, Д. Ли, К. Клакхон и др. — составили «радикальную» версию антропологической лингвистики. Сущность их подхода выражена в категорическом заявлении К. Клакхона: с антропологической точки зрения существует столько же разных миров на земле, сколько есть языков⁴⁰.

Согласно одному из базовых положений антропологической лингвистики — принципу лингвистической относительности так называемая «картина мира» говорящего (то, как говорящий воспринимает окружающий мир) зависит не только и даже не столько от наблюдаемой реальности, сколько от той классификационной сетки, которую конкретный язык с его грамматикой и лексикой навязывает говорящему⁴¹. Классический пример Уорфа связан с разной функцией числительных в языке американских индейцев хопи (уто-ацтекская ветвь тано-уто-ацтекских языков; на нем говорит несколько тысяч человек на северо-востоке Аризоны), с одной стороны, и в английском языке, принадлежащем к группе, названной Уорфом языками «среднеевропейского стандарта», — с другой⁴².

В языках средневропейского стандарта количественные числительные могут сочетаться как с наблюдаемыми объектами, так и с абстрактными понятиями, обозначающими отрезки времени или циклические события. Напротив, в языке хопи количественные числительные сочетаются только с физическими объектами, т.е. такими, количество которых может одновременно наблюдаться говорящим. Это означает, что в картине мира европейца отдельные отрезки времени предстают как штучные экземпляры, но картина мира индейцев хопи устроена иначе: отрезки времени или повторяющиеся события предстают как повторные воплощения одной и той же сущности: *десять дней* — это один и тот же день, повторившийся десятикратно. Б. Уорф заключил, что различия в картинах мира навязаны не тем, как устроен окружающий человека мир, а теми правилами, которые диктуются говорящему его языком⁴³. Хотя человечество в целом обладает едиными биологическими и психологическими основаниями языковых и мыслительных возможностей, географическое пространство Земли представляет безбрежный конгломерат самых разных культур, традиций и языковых миров. Принцип лингвистического и культурного релятивизма гласит, что человек, в особенности, и этнос в целом относительно своего языка, а не экологии, географии, политического режима или хозяйственного уклада.

Правда, другие антропологи не согласны с жесткой версией культурного релятивизма, когда дело идет о словарном аппарате того или иного народа. Так, американский лингвист и антрополог Г. Хойер⁴⁴ полагает, что народы, живущие охотой и собирательством, в том числе апачи на юго-западе Америки, обладают обширным словарем названий животных и растений, а также явлений окружающего мира. Народы же, основным источником существования которых является рыбная ловля (в частности, индейцы северного побережья Тихого океана), имеют в своем словаре детальный набор названий рыб, а также орудий и приемов рыбной ловли.

На близких к социологии подходах в исследовании языка стоит этнография речи (точнее — «речевой деятельности» — *ethnography of speaking*) Д. Хаймза. Если американская этнолингвистика была связана изначально с исследованиями языков и культур индейцев, то французская выросла из этнологических исследований населения африканских колоний. Именно на почве африканистики она принесла наиболее ощутимые результаты (работы Э. Бонвини, Ж. Калам-Гриоль, Д. Рей-Ульман, Ж. Тома и С. Баюше, М.-П. Ферри и др.), в частности, в виде тезаурусных словарей и энциклопедий языков и культуры Африки⁴⁵.

Внимание отечественных и зарубежных этнолингвистов привлекают такие таксономические системы, как обозначения частей тела, термины родства, так называемые этно-биологические классификации, т.е. названия растений и животных (Б. Берлин, А. Вежбицкая) — и особенно цветообозначения, т.е. названия цветов и оттенков (Б. Берлин и П. Кей, А. Вежбицкая). В работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др., посвященных особенностям русской языковой картины мира, анализируется значение и употребление слов, которые либо обозначают уникальные понятия, не характерные для концептуализации мира в других языках (*тоска* и *удаль*, *авось* и *небось*), либо соответствуют понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры или получающим особую интерпретацию (*правда* и *истина*, *свобода* и *воля*, *судьба* и *доля*)⁴⁶. А. Вежбицкая⁴⁷ полагает, что концепция лингвистической относительности обязательно должна быть дополнена концепцией лингвистических инвариантов, которые только и могут обеспечить общее основание для проведения любых сравнений. Вежбицкая исходит из того, что каждый язык образует свою «семантическую вселенную». Не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом⁴⁸.

Цель многолетних исследований А. Вежбицкой⁴⁹ — установить набор так называемых «семантических примитивов», универсальных элементарных понятий, комбинируя которые каждый язык может создавать бесконечное число специфических для данного языка и культуры конфигураций. В книге «Семантические примитивы» Вежбицкая последовательно развивает идею построения универсального метаязыка для описания смыслов на базе небольшого числа элементарных единиц типа «я», «ты», «хотеть», «хороший» и др. Семантические примитивы являются лексически универсалиями, иначе говоря, это такие элементарные понятия, для которых в любом языке найдется обозначающее их слово. Из семантических примитивов, как из «кирпичиков», Вежбицкая складывает толкования даже таких тонких понятий, как эмоции. Так, например, ей удается продемонстрировать трудноуловимое различие между понятием американской культуры, обозначаемым словом *happy*, и понятием, обозначаемым русским словом *счастливый* (и близкими ему по смыслу польским, французским и немецким прилагательными). Изучая языки

Папуа — Новой Гвинеи, австронезийские языки, языки Африки и аборигенов Австралии, Вежбицкая постоянно уточняет список семантических примитивов.

В последнее время возникла *лингвокультурология* — на сегодняшний день, пожалуй, самое молодое ответвление этнолингвистики⁵⁰. В ее задачи входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета. Ключевые понятия когнитивной лингвистики — это понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах. Если когнитивная лингвистика вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как, в принципе, организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства, то все внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку⁵¹. От ученого требуется дать ответ на многие вопросы, в том числе: каким видит мир человек, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, удерживающихся в языке веками, в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку? На основе этой идеи возникла новая наука — лингвокультурология, которую можно считать самостоятельным направлением лингвистики, оформившимся в 90-е гг. XX в. Термин «лингвокультурология» появился в последнее десятилетие в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н. Телия, работами Ю.С. Степанова, А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В. Шаклеина, В.А. Масловой и др. Объектом исследования выступает «языковая личность», под которой понимается «человек как носитель языка», взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения⁵². Новое направление исходит из той же посылки, что и антропологическая лингвистика, а именно антропоцентричности языка.

1.7. Психологическая антропология

Как уже говорилось, многие ученые не видят разницы между социологией и антропологией, считая вторую разновидностью первой. Так, классик антропологии Л. Уайт, видевший в культуре только материальную систему объектов и символов, которая настолько сильно определяет поведение людей, что различия меж-

ду индивидами отступают на второй план, отрицал принципиальную разницу между социологией и антропологией.

Разумеется, это крайняя и неверная точка зрения. У сторонников поглощения антропологии социологией есть непримиримые враги, также не чуждающиеся экстремистских лозунгов. Представители психологической антропологии, в частности Ф. Бокк⁵³, полагают, что поскольку антропологии никуда не деться от изучения человека и его внутреннего мира и поскольку она относится, как и психология, к разряду поведенческих наук, то не следует разграничивать две науки и антропологию надо считать подотраслью психологии. Соединительным мостом между ними является психологическая антропология.

Психологическая антропология (Psychological anthropology) — междисциплинарная отрасль знания, изучающая этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания, этнических стереотипов и т.д.⁵⁴

Относительно времени зарождения этой дисциплины единого мнения не существует: одни авторы полагают, что она возникла во второй половине XIX в. на пересечении психологии и этнографии, другие уверены, что она возникла в 20–30-х гг. XX в. в США и первоначально именовалась «культура и личность». Первая точка зрения будет правильной, если считать создание особой дисциплины, «психологии народов», провозглашенное в 1860 г. М. Лацарусом и Х. Штейнталем, не историческим предшественником психологической антропологии, а ее ранней фазой. На основе сравнительного изучения языка, мифологии, морали и культуры сторонники «психологии народов» пытались раскрыть природу «народного духа», выражающего психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенной нации, и одновременно их самосознание. В начале XX в. свод подобных идей, концепций, эмпирических находок, а часто и домыслов нашел обобщение в 10-томной «Психологии народов» В. Вундта. Новый этап наступил в первой четверти XX в., когда благодаря книгам М. Мид, Р. Бенедикт, И. Халлоуэла, Дж. Долларда, Дж. Уайтинга, И. Чайлда, Дж. Хонигмана, Э. Хьюза идеи психологической антропологии приобрели не только широкую популярность, но и подлинно научную основу. Правда, современное название — «психологическая антропология» — новая наука получила только в 70-е гг. В 20–50-е гг. в ней доминировало направление «культура и личность», которое разрабатывали М. Мид, А. Кардинер, Э. Сепир, Р. Бенедикт и др. Внимание этих авторов в основном

было сосредоточено на процессах социализации и инкультурации, т.е. на приобретении человеком социально значимого культурного опыта. В 30–40-е гг. в моду вошли кросс-культурные исследования, в центре которых находились «национальный характер» и «модальная личность»⁵⁵. В течение всего развития психологической антропологии в XX в. теоретическую тематику и концептуальную моду задавали не антропологи, а психологи, имевшие гораздо более мощные теоретические наработки. Вот почему в 1930–1950-е гг. психологическая антропология практически отождествлялась с неопрейдистской теорией культуры и личности, пытавшейся вывести свойства национального характера из так называемой «базовой», или «модальной», личности, которая, в свою очередь, ассоциировалась с типичными для данной культуры методами воспитания детей. Одновременно с психоанализом в психологическую антропологию проникли идеи гештальтпсихологии, бихевиоризма, когнитивной психологии, а позже — теории информации и коммуникации, социолингвистики. Сегодня психологическая антропология стремится оправдать свое название междисциплинарной науки, выйти из тени психологии, интегрировать самые разные науки, создать фундаментальные концепции, отражающие ее собственный предмет и специфику.

Американский исследователь Ф. Бокк систематизировал основные школы, парадигмы и направления, сформировавшиеся в рамках психологической антропологии, в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1

Основные школы в психологической антропологии

Школа	Подход и годы его существования	Лидеры и ведущие представители
1	2	3
Психоаналитическая антропология	Ортодоксальный (1910 – Поздний фрейдизм (1930 –	Фрейд, Рохейм, Флюгель, Ференци Фромм, Эриксон, Беттлхейм, Лебарр, Деверье
Культура и личность	Конфигуралисты (1920–1940)	Бенедикт, Сепир, М. Мид, Барноу, Холлуэл
	Базисная и модальная личность (1935–1955)	Кардинер, Линтон, Дюбойс, Уоллес, Гладвин
	Национальный характер (1940 –	Клакхоун, Бейтсон, Горер, Кауджилл, Инкельс
	Кросс-культурный (1950 –	Вайтинг, Спайро, Левайн, Спиндлер, Эдгертон, Манро, Д'Андрате

Окончание табл. 1

1	2	3
Социальная структура и личность	Материалистический (1848 – Позиционалисты (1890 – Интеракционисты (1930 –	Маркс, Энгельс, Бухарин, Годелье Веблен, Вебер, Мертон Дж. Мид, Гоффман, Гарфинкель
Когнитивная антропология	Примитивный менталитет (1870 – Девелопментальный (1920 – Этносемантический (1960 –	Тэйлор, Леви-Брюль, Боас, Леви-Строс Пиаже, Кули, Прайс- Уилльямс, Виткин Гонклин, Фрейк, Кей, Берлин, Ханн
Поведенческая	Гуманистическая экология (1970 – Социобиология (1975 – Самость и эмоции (1947 –	Эркман, Макгрей Вильсон, Бараш Мэрфи, Швейдер, Левайн, Лутц

Источник: Bock Ph.K. Rethinking Psychological Anthropology. N.Y., 1988.

Психологическая антропология отличается от смежных дисциплин — общей и социальной антропологии — скорее предметом, нежели методами исследования. В общей психологии главным являются закономерности психических процессов, обусловленность врожденными свойствами; в центре внимания социальной психологии находятся психические и социопсихические процессы, обусловленные непосредственным социальным окружением, прежде всего малой группой; в психологической антропологии интерес вызывают личностные черты, обусловленные не врожденными чертами и не принадлежностью к малой группе, а принадлежностью к более широкому контексту — конкретной культуре. Для большинства психологических антропологов люди разной культуры имеют разную психологию. Они пытаются объяснить значение культуры для таких психологических процессов, как восприятие, познание, запоминание.

Психологическая антропология во многом выполнила наказ К. Леви-Строса — ограничить предмет антропологии бессознательными действиями. Но, выполнив его, психологическая антропология в 70-е гг. оказалась в методологическом тупике: оказалось, что культурное и психологическое невозможно изучать в неразрывном единстве. «Если вычесть постмодернистскую критику, которая была скорее публицистикой, беллетристикой, но не наукой, то антропология раскололась на две составляющие: символическую антропологию и когнитивную антропологию»⁵⁶. В самом деле, психоанализ увлекает антропологов в сферу аффек-

тов, иррационального, либидо, бессознательного опыта детства. Иными словами, как пишет Т. Шварц, «он заставляет нас искать сексуальные проявления и проявления агрессии, удовольствия, страдания, стремления к смерти. Он предлагает теорию культуры, которую он понимает как причину и как результат действия психологических защитных механизмов»⁵⁷. Но культура, как и общество, вовсе не сводятся к бессознательным действиям.

Психологическая антропология в неопределимом долгу перед психиатрией и психоанализом. Такие клиницисты, как З. Фрейд, А. Кардинер, Э. Эриксон, К. Хорни, Э. Фромм, Г. Рохейм, оказали на ее теорию и практику серьезное влияние. Однако психологическая антропология не является клинической наукой, она имеет дело с большим числом индивидов, считающихся нормальными, не страдающими определенными болезнями представителями общества. Сравнивая различные общества и народы, этой науке так или иначе приходится прибегать к кросс-культурным методам, которые выводят ее за рамки психологии. По мнению некоторых авторов, психологическая антропология не должна сводиться к психологии индивида, ей следует избегать психоанализа при интерпретации культуры⁵⁸.

В рамках психологической антропологии получают сегодня право на существование такие направления и тематические разделы, как антропология эмоций, антропология личности, психоаналитическая антропология⁵⁹, психиатрическая (клиническая) антропология, символическая антропология, когнитивная антропология и др. Современная психологическая антропология представлена такими именами, как Ф. Хсю, Дж. Хонигман, А. Уоллес, М. Спиро. Основные проблемы *психоантропологии* — соотношение культуры и мышления, бессознательные формы поведения, измененные состояния сознания, аномальное в культуре, национальный характер, детство как культурный феномен⁶⁰.

1.8. Экономическая антропология

Экономическая антропология — научная дисциплина, возникшая в XX в. на стыке социологии, экономики и социальной антропологии, — исследует взаимодействие людей по поводу товаров и обеспечения услуг. Предметом классической экономической антропологии являлась экономика докапиталистических стран или так называемых крестьянских обществ, где рынок, хотя и присутствует, но не определяет образ жизни⁶¹. Еще Б. Малиновский и М. Мосс указывали на важность изучения ранних форм хозяй-

ства и экономических отношений, под которыми они, правда, понимали не столько производственные отношения, сколько систему распределения и обмена ценностей.

Активное развитие экономической антропологии произошло во второй половине XX в. — интерес к экономике «первобытных» и «племенных» обществ усилился под влиянием краха колониальной системы, возникновения молодых независимых государств в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании, которые относят к странам третьего мира. Стремление направить эти страны по пути капиталистического развития предполагало детальное знание их экономической структуры, традиций производства и труда. И вот тут мнения специалистов разделились: так называемые формалисты (Д. Гудфеллоу, Р. Ферс, М. Херсковиц) доказывали, что категории западно-европейской экономической науки, в том числе капитал, прибыль, рента, заработная плата, универсальны, а потому применимы к любому обществу, а их противники субстантивисты (К. Поланьи, М. Салинз, Дж. Далтон) утверждали, что для примитивных племен и развивающихся стран нужны особые понятия, описывающие кровно-родственные отношения, социальную структуру и первобытную мифологию. Один из видных представителей экономической антропологии Д. Далтон писал: «Мы часто забываем о том, что 80% населения третьего мира живет в небольших... племенных и крестьянских общинах. Поэтому, когда новые нации направили свои усилия на экономическое развитие и трансформацию культуры, возрос соответственно интерес к проблемам экономической антропологии — развернулось изучение племенных и крестьянских экономик в доколониальный, колониальный и послеколониальный периоды»⁶².

Не только перед Западом, но и перед СССР в 1980-е гг., когда впервые советские социологи заговорили об экономической социологии, стояла задача поднять уровень развития национальных окраин России до уровня развития ее центра. Однако ее методология считалась чуждой марксистско-ленинской теории и практике реального социализма⁶³. В связи с этим отечественные социологи предпочитали говорить об экономической этнографии, или этноэкономике⁶⁴. О проблемах индустриального освоения национальных окраин СССР социологи и экономисты писали еще в 60–70-х гг. Г.А. Пруденский⁶⁵, Н.Н. Некрасов⁶⁶, В.Г. Костаков, Е.Л. Маневич⁶⁷, В.Н. Кириченко⁶⁸ отмечали, что строившиеся в городах Средней Азии, Закавказья и Молдавии крупные предприятия сложных производств не обеспечены местными трудовыми ресурсами из-за «недостаточных навыков к индустриальному труду, малой территориальной подвижности населения, слабого зна-

ния русского языка у лиц коренных национальностей и относительной неразвитости сети подготовки кадров»⁶⁹.

В 1970—1980-е гг. советских социологов и этнографов интересовали проблемы связи трудовых традиций с этническими аспектами, неодинаковость хозяйственно-культурных типов⁷⁰, этнической дифференциации хозяйственных традиций⁷¹, в частности следующий факт. Сравнивали тип сельскохозяйственной специализации у трех народов, населяющих Забайкалье, — бурят, русских, эвенков. Если у русских главной отраслью сельского хозяйства оставалось земледелие, то у бурят ведущим было скотоводство, хотя земледелие и получило под влиянием русских заметное распространение; что касается эвенков, то для их хозяйства до сих пор характерно сочетание трех отраслей: охота, оленеводство и рыболовство. Ученые пришли к выводу о том, что «исторически хозяйственная специализация каждого народа-этноса, как правило, обусловлена соотношением (в момент ее возникновения) двух факторов: уровня социально-экономического развития и характера среды обитания... Нет никаких сомнений в том, что и в современных условиях традиционные отрасли, особенно сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ремесла, развиваются на основе трудовых традиций (ковроткачество в Средней Азии, трикотажное производство в Латвии, обработка дерева и художественное литье в России, кожевенное производство в Дагестане и т.д.)»⁷².

С позиций воспроизводства трудовых ресурсов национальные республики тогда предлагалось делить на трудоизбыточные и трудонедостаточные. Прошло 20 лет, и 89 субъектов Российской Федерации с позиций распределения доходов стали подразделять, если можно так выразиться, на налогоизбыточные и налогоонедостаточные, а точнее, на регионы-доноры и регионы-реципиенты (или «дотационные»): первые отдают налоги в госбюджет и способны прокормить себя сами, вторые просят помощи из госбюжета и не способны себя прокормить. Сегодня, как и много лет назад, на правительственном уровне говорят о политике регионального выравнивания с учетом национальных особенностей. Ученые пишут о большом числе кризисных территорий в России, беспрецедентной дифференциации региональных показателей. Кстати, задачи регионального выравнивания стоят не только перед Россией. В Западной Европе региональная политика направлена главным образом на подтягивание относительно отсталых регионов до уровня средних с акцентом на территории, имеющие наихудшие экономические и социальные показатели. При этом нередко используется перераспределение средств от относитель-

но богатых к относительно бедным странам через механизмы ЕС (структурные фонды и пр.)⁷³. Сегодня экономическая антропология приобретает все большее академическое и прикладное значение⁷⁴.

Экономисты-антропологи исследуют системы производства обмена и распределения продуктов в традиционном обществе. Они изучают организацию производства и разделение труда в разных культурных средах, регулярно проводя кросс-культурные исследования и сравнивая индустриальные общества с традиционными, доиндустриальными. В последних изготовление всех или большинства изделий связано с разделением труда по возрасту и полу. Мужчина может делать гончарные изделия, а женщина — плести корзины. Или наоборот. В традиционных обществах технические навыки распределяются между людьми в зависимости от пола и возраста. Таким образом, если замужняя женщина по обычаю плетет корзины, то большинство замужних женщин знают, как это делается.

В племени Ианомами (Бразилия), к примеру, в некоторых деревнях производят глиняные горшки, а в некоторых — гамаки. Они не специализируются на этом, как может показаться на первый взгляд, в связи с тем, что некоторое сырье, необходимое для производства, можно обнаружить рядом с этими деревнями. Глина подходит для производства горшков и легко доступна. Но, хотя каждый знает, как делать горшки, гончарным ремеслом занимается не всякий. Специализация труда способствует поддержанию мира, хотя и не защищает соседние деревни от междоусобных распрей. Среди жителей Тробрианских островов (архипелаг к востоку от Новой Гвинеи) Б. Малиновский (1923–1961) обнаружил, что только две из нескольких изученных им деревень производят определенные предметы, необходимые для совершения обрядов, играющие важную роль в региональной взаимосвязи, называемой *kula ring*. Так, среди представителей Ианомами эта специализация не была связана с их близостью к местам залегаания необходимого сырья, и антропологи не могут установить, в связи с чем вообще появилась эта специализация, но они абсолютно уверены, что она была продолжена внутри *kula ring*, которая соединяет некоторые местности и острова, образуя единую торговую сеть.

Экономист и антрополог К. Поланьи разработал методологию сравнительного исследования обмена (1957). В обществах разного типа он обнаружил три основных типа обмена: 1) рыночный, 2) перераспределение, 3) взаимообмен. Все эти принципы могут быть представлены в одном обществе, характеризуя различные

виды сделок. Однако в каждом данном обществе доминирует только один тип. Господствующий принцип обмена — это такой принцип, по которому распределяются средства производства. Рыночный принцип обмена преобладает в индустриальных обществах, принцип перераспределения — основное средство обмена в общинах, а принцип взаимообмена — в племенах.

В индустриальных хозяйствах, как и во всей мировой капиталистической экономике, доминирует принцип рыночных отношений. Так, в США доминирует распределение средств производства — земли, труда, природных ресурсов, технологии, капитала. Рыночный обмен имеет отношение к процессу приобретения товара за деньги⁷⁵. В рыночном обмене товары покупаются и продаются с целью увеличения прибыли. Их стоимость при этом обусловлена законом спроса и предложения: товар тем дороже, чем труднее его производить и чем больше желаемых его приобрести. Торг — это одна из характеристик принципа рыночного обмена. И покупатель, и продавец прилагают все усилия для получения максимальной выгоды от сделки. Торг не требует личного знакомства продавца с покупателем. Потребители регулярно заключают подобные сделки при посещении магазинов или пользуясь услугами рекламы. Рыночный обмен основан на спросе, своевременной доставке и мотивах выгоды. Он преобладает в индустриальных обществах и не предполагает необходимости личного знакомства обменивающихся сторон.

Перераспределение — основной принцип обмена в общинах, некоторых доиндустриальных странах, реже в обществах с рыночной экономикой. Перераспределение происходит при перемещении товара, услуг или их эквивалента из провинции в центр. В качестве центра, как правило, выступают столица или крупный регион. В общинах это может быть торговая лавка, расположенная недалеко от ставки вождя. Продукт проходит определенные этапы контроля до того, как поступит на центральный склад, откуда значительная его часть может быть централизованно перераспределена без учета рыночных механизмов спроса и предложения. В процессе перемещения продукт может использоваться для удовлетворения нужд официальных властей и их окружения, и в этом случае уже действует такой принцип обмена, как перераспределение. В результате поток товаров в конце концов начинает двигаться в обратном направлении — из центра на периферию.

Экономические антропологи установили, что взаимообмен — один из видов обмена между социально равноправными партнерами, обычно находящимися в отношениях родства, брака или

близкой дружбы. В силу того что обмен происходит между социально равноправными партнерами, он, соответственно, преобладает в эгалитарных обществах — среди садоводов и огородников, живущих в племенах. В свою очередь, взаимобмен подразделяется на три разновидности: обобщенный, равноправный и негативный⁷⁶.

Равноправный взаимобмен характеризуется относительным социальным неравенством партнеров, при котором ожидается получение чего-либо взамен отданного. При негативном взаимобмене особенно ярко выражено социальное неравенство. При обобщенном взаимобмене одна сторона дает другой что-то взамен, не ожидая немедленно получить ничего конкретного. Такие обмены (к примеру, подарки родителей, которые принято сегодня делать в Северной Америке) изначально являются не выгодной сделкой, а лишь выражением теплых, родственных отношений. Вряд ли родители считают каждый пенни, истраченный на собственного ребенка. Они всего лишь надеются, что дети будут уважать моральные устои общества, в котором они живут, в том числе будут любить, почитать и выполнять все необходимые обязанности по отношению к родителям. В общинах наблюдается тенденция к регуляции обменов. Люди постоянно делятся чем-либо с другими членами общины. Исследование жизни некоторых общин Кунг Сан показало, что 40% населения была оказана помощь в виде продуктов питания. Дети, подростки и пожилые люди зависели от других членов племени, которые поставляли им продукты питания. Несмотря на то что количество иждивенцев по отношению к количеству трудящихся людей достаточно велико, члены племени трудятся в среднем в два раза меньше, чем современные американцы, а именно 12–19 часов в неделю. Хотя работы меньше, все члены племени всегда обеспечены продуктами питания, поскольку здесь очень развита взаимопомощь. Выразить благодарность — считается невежливым. Благодарностью можно обидеть, так как это будет подразумевать, что простой акт помощи, который является основным принципом существования в эгалитарном обществе, был чем-то из ряда вон выходящим. Среди Семаи, жителей Центральной Малайзии, для выражения благодарности достаточно выразить удивление щедростью охотника.

Равноправный обмен доминирует в отношениях между чужими, малознакомыми или неродственниками. В общине, к примеру, мужчина может вручить подарок какому-либо другому жителю деревни. Этот человек может быть его двоюродным братом, торговым партнером или его дальним родственником. Тем не менее вручивший подарок всегда будет ожидать получения чего-

либо взамен. Если это не произойдет немедленно, осложнится характер отношений между ними. Члены общины также могут быть участниками негативного обмена, который относится к виду обмена между людьми разного социального статуса. Для людей, постоянно проживающих в так называемом мире близких людей, обмен с посторонним человеком проникнут недоверием и подозрительностью. В таком случае обмен — один из путей построения дружественных отношений с незнакомым партнером. Фактически он является чисто экономической сделкой, не принятой среди родственников. С ростом социальной дистанции между обменивающимися сторонами взаимобмен будет равноправным либо негативным.

Стратегия межобщинной взаимопомощи приобретает важность, когда прежде преуспевающая деревня переживает экономический спад. Жители этой деревни начинают принимать помощь от более благополучных соседей. Таким образом, временно богатые становятся временно бедными, и наоборот. Новые нуждающиеся принимают продукты питания и материальные ценности, необходимые для поддержания нормального уровня жизни. Принимая подобную помощь, они теряют свой престиж, и если деревня переживает дальнейший спад, ее жители обменивают материальные ценности на еду, например сельдь и т.д.⁷⁷ В деревне или племени, находящихся на пике экономического подъема, антропологи наблюдали излишки продуктов питания, которые обменивались на другие, чаще всего материальные, ценности. Чем больше накоплено богатств, тем выше престиж общины среди соседей. Однако члены общины знают, что такое состояние временное, и на следующий год может случиться неурожай. В благополучные годы богатые помогают бедным, ожидая, что те помогут им в соответствующее время.

Подобная экономическая стратегия, именуемая стратегией выживания, совершенно противоположна капиталистической. При капитализме люди охотнее вкладывают свои средства в развитие производства, умножают капиталы, стремятся получить дополнительную прибыль, но не тратят накопленное на помощь нуждающимся. В результате в индустриальном обществе социальная дифференциация возрастает, а в доиндустриальном — снижается. Примитивные общины готовы скорее растратить накопленный излишек продуктов, нежели использовать его для увеличения социальной дистанции между сородичами. Таким образом, региональные системы межобщинного сотрудничества ориентированы больше на адаптивные ценности. Примерно так же ведут себя современные банки. Для тех и других основной источник богат-

ства — престиж в общественном мнении, благодаря которому все большее количество людей становится их клиентами. Антропологи полагают, что важнейшей чертой традиционных обществ является погоня не за прибылью, а за престижем. Между общинами даже разворачивается настоящая конкурентная борьба за престиж, которая, правда, ограничивается скудостью ресурсной базы традиционного общества. Установлено также, что древние племена и общины тратят значительную часть своих ресурсов на социальные и церемониальные нужды. Право на труд в общинах всех типов, в том числе и в русской поземельной общине, приобретает посредством родственных отношений. Работа становится всего лишь одним из множества аспектов социальных отношений, но независимой сущностью.

1.9. Прикладная антропология

Во второй половине XX в. начала активно развиваться *прикладная антропология* — совокупность знаний, полученных при изучении различных культур, ориентированных на решение практических задач, возникающих сегодня перед обществом. Она занимает особое место в системе научного знания, так как в отличие от фундаментальных направлений антропологии, вектор которых устремлен в прошлое, целиком посвящена решению современных проблем. Например, используя сведения физической антропологии, специалисты-прикладники помогают конструировать кабины самолетов, корабельные кубрики и рабочие станки, удобные для человека. Американская армия и разведка широко используют антропологов. Опыт местных племен учитывается при составлении руководств по выживанию в джунглях, пустыне, Арктике. В числе прочего этнографами была подготовлена записка «Как отличить тухлую рыбу от свежей». Военные сразу же засекретили эту работу.

Согласно официальному определению Общества прикладной антропологии (США)⁷⁸ прикладная стратегия представляет собой научное изучение принципов контроля над отношениями людей между собой и широкий спектр приложения этих принципов к практическим программам. Другими словами, прикладная антропология — это применение таких антропологических методов, как включенное наблюдение и этнографическое интервью, а также теорий к практическим проектам, призванным оказать помощь клиентским группам.

Прикладные антропологи работают исследователями, преподавателями, консультантами в банковском деле, маркетинге, рекламе, здравоохранении, образовании, менеджменте, службах миграции и занятости и т.д. Во многом благодаря им правительства индустриальных держав научились бережно относиться к культурной самобытности развивающихся стран и прогнозировать негативные последствия, к которым приводит столкновение культур. В 1960–1970-е гг., когда не учитывались данные антропологии, министры полагали, что индустриальный мир делает добро, помогая отсталым африканским странам: 1) увеличивать производство продукции благодаря механизации сельского хозяйства и переходу к фермерству; 2) увеличивать денежную массу в стране за счет перехода с внутреннего потребления к экспорту сельхозтоваров на международный рынок; 3) создавать рынок дешевой рабочей силы, способствуя ее миграции из деревни в город и развитию крупной промышленности. Хотя авторы данного международного проекта исходили из добрых побуждений, они не понимали культурной специфики и воспринимали традиционное общество с точки зрения западного бизнесмена. Представителей традиционного общества, живших при первобытном строе, заставляли обучаться новым социальным ролям, осваивать азы фермерской экономики и техники. Результаты оказались самыми плачевными. Экспорт сахара и кофе на внешний рынок в больших количествах привел к падению цен на сырье, материальное благополучие людей не возросло. Механизация привела к разорению мелких фермеров, поскольку экономически рентабельными оказались лишь крупные хозяйства. В города потянулись толпы безработных, где для них не были готовы рабочие места. Демократические институты, создаваемые по американским образцам, так и не смогли укорениться в аборигенной культуре. Возросли экономическая нестабильность и социальная поляризация. Как следствие, число гражданских войн и политических переворотов резко увеличилось. В 1990-е гг. западные страны стали относиться к странам третьего мира с гораздо большим вниманием, учитывая их культурные особенности и опираясь на помощь социологов и антропологов.

Прикладная и фундаментальная антропология развиваются в тесном единстве, обогащая друг друга либо практическими открытиями, либо теоретическими достижениями. Примером служит понятие «первичная группа», сложившееся поначалу в общей антропологии, а затем перенесенное в индустриальную антропологию и социологию, превратившееся там в понятие «неформальная группа». Причем известно, как это произошло. В гарвардской группе, проводившей Хоторнские эксперименты под руковод-

ством Э. Мэйо, находился антрополог — специалист по изучению примитивных обществ. После того как было проведено 20 тыс. интервью и обнаружилось сильное давление малой группы на индивидуальную выработку каждого рабочего, само собой, по аналогии с понятием «первичная группа», появилось название «неформальная группа». Поводом послужило наличие жесткой структуры межличностных отношений в экспериментальной группе, непосредственных контактов между рабочими, наличие неформального сговора относительно нормы выработки.

В рамках прикладной антропологии, как уже говорилось, выделились в самостоятельные направления две дисциплины: культурная экология и палеоэкология. Но кроме них существует и множество других субдисциплин.

В последнее время стали активно развиваться новые области антропологических исследований, которых прежде не существовало, в частности экологическая антропология, инвайроментальная антропология, бизнес-антропология и др.

1.10. Экологическая антропология

В последнее время активно развиваются подотрасли *культурной антропологии* — *культурная экология* и *палеоэкология*. Обе они изучают влияние производственной деятельности человека на окружающую среду, только первая дисциплина рассматривает современную, а вторая — древнюю эпоху. Исходное понятие у них — *экосистема*, которая раскрывает единство искусственной и естественной среды. Например, антропологов, специализирующихся в этих областях, интересует влияние перенаселенности планеты в целом либо ее отдельных регионов на урожайность, развитие транспорта и средств коммуникации, каким образом увязаны между собой конкретные технологии разведки и добычи полезных ископаемых, влияние на человеческую культуру перехода от деревенского образа жизни, максимально гармонизировавшего с окружающей средой, к городскому, который нередко конфликтует с ней. По плотности населения древних поселений ученые узнают их принадлежность к столичному, городскому или провинциальному типу территориальных общностей.

Периодический орган экологов-антропологов «Журнал экологической антропологии» (*Journal of Ecological Anthropology*) заявил себя как междисциплинарная научная трибуна, предоставляющая слово специалистам в области гуманистической экологии, биоэкологии, палеоэкологии, социоэкологии приматов и др. Проблема

эволюции традиционной медицины, использующей дикорастущие травы в качестве средства лечения человека, стала сегодня одной из основных тематических областей экологической антропологии. Ученых интересует, как примитивные племена и древнейшие цивилизации, например майя, выбирали, классифицировали, определяли свойства целебных трав. Сравнивая тибетскую медицину с традиционной медициной кельтов или майя, связь между видами растений и религиозными культами, ученые получают ценные данные о социокультурном развитии общества. Ученые поднимаются высоко в горы, черпая у аборигенов информацию о традиционной медицине. Ставший популярным в последние годы среди образованных европейцев и американцев экологический и археологический туризм во многом опирается на данные антропологии, а самих антропологов, историков и археологов использует в качестве гидов, консультантов, менеджеров. Ученых интересуют также проблемы сохранения окружающей среды в зоне обитания примитивных племен (район Амазонии и Новой Зеландии), воздействия технической цивилизации на растительный и животный мир (антропогенные нагрузки), атмосферу Земли и т.д.

1.11. Инвайроментальная антропология

Инвайроментальная антропология (от англ. *environment* — окружающая среда) — сравнительно молодая отрасль прикладной антропологии, главной целью которой является оказание практической помощи правительству и частным компаниям в деле охраны окружающей среды и формирования инвайроментальной политики. Используя самые разные теории из сферы инвайроменталистики и антропологии, эта дисциплина пытается разработать так называемую равновесную модель взаимодействия сообщества с окружающей средой, предполагающую поступательную динамику первого и сохранение второй. Здесь активно применяются методы наблюдения, интервью, выборочных обследований, техника социальной и инвайроментальной оценки. Всесторонне изучив конкретную популяцию (численность, здоровье, образ жизни, социальную организацию), ученые разрабатывают систему практических рекомендаций относительно того, как улучшить инвайроментальную политику частной компании, которая, к примеру, собирается проложить в месте обитания коренного народа железную дорогу, описывают возможные социальные последствия такого строительства для населения и окружающей среды. В сфере инвайроментальной антропологии появились свои журналы и

научные обзоры, монографии и учебники, система научных грантов и спонсорской помощи, научные сообщества и школы, учебные курсы и программы, организации и научные центры: ЕСО (*Campaign for Political Ecology*) в Англии — международная добровольная организация, выступающая за сохранение окружающей среды для будущих поколений, проводящая исследования и издающая журналы, обзоры и книги по инвайроментальной антропологии (<http://www.gn.apc.org/eco/index.html>); Департамент социальной и инвайроментальной поддержки Всемирного банка (<http://www-esd.worldbank.org/>); Общество прикладной антропологии; Проект «Глобальные инвайроментальные изменения» английского университета Суссекса (*Global Environmental Change*), выделивший гранты на проведение 150 эмпирических исследований (<http://www.susx.ac.uk/Units/gec/>), и др.

1.12. Бизнес-антропология

Бизнес-антропология (*Business anthropology*) понимается за рубежом, прежде всего в США, как антропологическая практика (*anthropological practice*), в ходе которой выпускники вузов либо специалисты со стажем применяют теории и методы своей науки к решению конкретных проблем, с которыми сталкиваются руководители организаций, предприниматели и менеджеры в коммерческом секторе, особенно в промышленности. Научно-исследовательские разработки, проводимые университетами и социальными лабораториями, сконцентрированы в трех направлениях: маркетинг и поведение потребителей (*marketing and consumer behavior*), организационная теория и культура (*organizational theory and culture*), международный бизнес (*international business*).

Подобного рода исследования проводятся в Америке начиная с 1930-х гг., когда методы этнографии и антропологии впервые использовали для изучения организационного климата и поведения работников. Сегодня исследователи выясняют, какие культурные переменные тормозят производительность труда, а какие способствуют деловому успеху. Согласно экспертным оценкам около 15% антропологов трудятся в частном секторе, а 20 лет назад их было всего 2%. Используя свой главный козырь — участвующее наблюдение, антропологи оказывают незаменимую услугу менеджерам, обеспечивая их уникальной информацией. К примеру, крупнейшая компания *Xerox Corporation* с участием антропологов создала программу повышения квалификации для сервисных рабочих.

Еще более незаменимы антропологи на международной арене и в сфере межнациональных отношений. Современные транснациональные корпорации и мультинациональные компании сталкиваются с такими проблемами, которые способны решить только специалисты с антропологической подготовкой. Речь идет о том, что в подобных институтах трудятся представители самых разных национальностей, между которыми возникают не только языковые, но и культурные барьеры. Новое поколение руководителей принято называть «кочующими менеджерами»: они очень подвижны, часто переезжают из одного района страны или даже региона мира в другой, где образованы филиалы компании либо где нуждаются в их помощи.

Специалисты установили: если культурные различия между обществами растут в арифметической прогрессии, то трудности межкультурной коммуникации между представителями разных культур и разных классов увеличиваются в геометрической прогрессии. Нередко именно они служат причиной производственного коллапса, серьезных сбоев в работе промышленных предприятий, недопустимых управленческих ошибок и роста числа аварий.

Для международного бизнеса уже не существует технических или транспортных проблем, зато возросли финансовые издержки от прямого непонимания или недопонимания представителей разных культур, занятых решением общей экономической задачи. Даже профессиональная компетентность в рейтинге экономического ущерба отошла на второй план по сравнению с культурными барьерами и непониманием.

Культурные барьеры возникают не только между сотрудниками, но и во взаимопонимании предпринимателей и потребителей. Когда компания *Pepsi Co.* решила продавать свою продукцию в Малайзии, она, не подумав, упаковала ее в зеленые банки. Они очень плохо расходились, потому что здесь зеленый цвет символизирует болезнь и смерть.

Современный мир изменяется быстрее, чем мы могли представить или чем рассчитывали совсем недавно. Образование глобального общества и взаимопроникновение социальных систем ставит на повестку дня следующий и очень важный шаг — культурную интеграцию стран, разделенных морями, океанами и политическими границами. Плодотворный диалог между антропологами и лидерами мирового бизнеса приобрел весомое экономическое измерение, доказав, что эта специальность востребована сегодня как никогда прежде.

Студенты, изучающие сегодня бизнес, могут оказаться в будущем руководителями интернациональных подразделений. Эффек-

тивную помощь в налаживании взаимоотношений с людьми им помогут антропологи и наука антропология, с основами которой знакомятся уже во многих коммерческих вузах. С представителями этнических меньшинств постоянно имеют дело социальные работники и местные власти, адвокаты, администраторы гостиниц и аэропортов, учителя и врачи, продавцы и полицейские. Даже дизайнеры бытовой техники обязаны помнить, что одни и те же технические новшества воспринимаются представителями разных культур неодинаково. Особенно часто с межкультурными проблемами сталкиваются представители иммиграционных властей и таможня.

Квалифицированных специалистов в области антропологии бизнеса и в бизнесе в целом катастрофически не хватает: один дипломированный антрополог (со степенью *MBA*) приходится на 26 выпускников школ бизнеса, а из каждых 235 магистров в области менеджмента и бизнеса всего один специалист, имеющий докторскую степень по антропологии⁷⁹. Юрист Р. Фолкнер из корпорации *Motorola* признался, что вначале он получил ученую степень по антропологии, а уже затем окончил юридический факультет. Точно так же поступают некоторые бизнесмены и консультанты менеджмента, которые ради быстрой карьеры перебираются на азиатские, латиноамериканские и восточно-европейские рынки, где добиваются значительных результатов.

Для изучения потребительских вкусов, особенно в многонациональных странах, уже недостаточно провести фокус-группу или небольшое анкетирование. Ведущие компании мира, в том числе *Apple*, *Motorola*, *Xerox* и *Intel*, занятые в области высоких технологий, нанимают целые штаты антропологов и этнографов, которые выясняют культурные стереотипы людей методами глубокого интервьюирования, наблюдения и видеозаписи не в лабораторных условиях, а в среде естественного обитания культурных меньшинств. Результаты наблюдения за поведением людей в привычной для них обстановке фиксируются в научных отчетах, выполненных для коммерческих фирм, и служат основой принятия дизайнерских и управленческих решений. Половина всех антропологов с докторской степенью, утверждает президент Национальной ассоциации практической антропологии (*National Association for the Practice of Anthropology*) С. Сквайерс, сегодня трудится вне стен университетов⁸⁰. Кропотливые, многочасовые наблюдения антропологов за тем, как ведут себя люди дома, помогают предпринимателям совершенствовать форму и конструкцию компьютеров, мышек, дисплеев, джойстиков.

Изучение социальных и культурных аспектов технологии является одним из приоритетных направлений в области прикладных разработок. Группа антропологов компании *Intel*, продвигавшей на рынок новую модель *Pentium*, в течение долгого времени изучала 10 семей, имеющих детей подросткового возраста, на которых, собственно говоря, и был рассчитан новый компьютер. Ученые навещали семьи каждый вечер, вместе с ними обедали, подробно анализировали распорядок дня и организацию повседневной жизни. Первоначально компьютер рассчитывался для строго индивидуальной работы, но ученые выяснили, что он подобно телевизору приковывает внимание всей семьи и чаще всего устанавливается не в комнате, а на кухне, где чаще всего проводят время домохозяйки⁸¹.

Антропологи наблюдают за пассажирами в аэропортах и на железнодорожных вокзалах, берут у них интервью, помогая администрации решить проблему более комфортного размещения и питания, дежурят в госпиталях, наблюдая за пациентами и выясняя структуру досуговой деятельности. Как бы далеко они ни находились от своего дома, антропологи вспоминают классика своей науки М. Мид, которая не боялась путешествовать по всему миру и забираться ради ценной информации в непроходимые джунгли.

Сегодня конкуренция между компаниями на глобальных рынках становится все жестче. Стремясь обогнать японские автомобильные гиганты, *Chrysler* осваивает миллиардный китайский рынок и продвигает новейшие машины в такую деревенскую глушь, где и о более простых машинах крестьяне не всегда осведомлены. Тем не менее лидеры индустриального мира работают на перспективу. Когда *Motorola Inc.*, почувствовав дыхание конкурентов, также взялась за освоение китайского рынка, предложив новую модель пейджер, она послала группу этнографов изучать быт и потребительские ориентации китайских крестьян. Гигант автомобилестроения *Ford Motor Co.* использовал команду антропологов, когда продвигал на рынок молодежную модель *Ford Focus*. Возглавлял их Т. Машио, полжизни изучавший племена на Новой Гвинее, а теперь признанный во многих странах эксперт по культурному поведению⁸².

Антропологическое образование прививает людям не только целостный подход к пониманию культуры, когда многочисленные детали выстраиваются в понятную картину, — понятную, разумеется, только для подготовленного человека, — но также сравнительный взгляд на вещи, благодаря которому антрополог в разных культурах может различить некие универсальные черты и законы,

которые управляют нашим поведением. Вот почему он без труда ориентируется в племенной культуре Новой Гвинеи и этнических субкультурах Чикаго или Мехико. Другим специалистам такое чаще всего не по силам. Антропологам находится работа не только в далеких странах, которые благодаря сверхскоростным магистральям становятся все более доступными, а благодаря развитию глобальной экономики и Интернету все необходимое, но и у себя дома, поскольку, к примеру, Соединенные Штаты представляют собой этнический плавильный котел, где в мирном (и не всегда мирном) диалоге сосуществуют тысячи субкультур и этнических диаспор. Все они являются членами современного общества массового потребления, и в каждом из них остро нуждается нынешний бизнес.

1.13. Антропозоология

Внутри общей антропологии сегодня формируются новые отрасли и разделы: управленческая антропология⁸³, социальная антропология организаций, художественная антропология⁸⁴, гендерная антропология (Г. Крипс, Дж. Фридландер, И. Кон, Н. Пушкарева), антропологии возраста, интегративная антропология, эниологическая антропология (опыт внедрения восточной медицины) и др. *Антропология возраста* — один из разделов социальной (культурной) антропологии, исследующей возраст человека как био- и социокультурный феномен⁸⁵. В рамках данного направления рассматривается процесс становления социально-возрастного неравенства в традиционных обществах, его реализация в современных этнических культурах и субкультурах, конфликты между поколениями.

Принятая в энциклопедических словарях классификация дисциплин антропологии представляет скорее некий компромиссный вариант, поскольку за редким исключением не существует утвердившихся названий дисциплин и практически каждый год возникают новые разделы и направления: интегративная антропология, анатомическая антропология, девелопментальная (от англ. *development* — развитие), компаративная, городская, антропология образования, экономическая, медицинская, антропологическая лингвистика, антропология религии, этнозоология и др.

Этнозоология, или *антрозоология* (*Ethnozology, Anthrozology* — американизированный вариант полного названия антропозоологии) — подотрасль антропологии, изучающая взаимоотношения человека и животных в различные исторические эпохи и культу-

ры, в том числе процесс их приручения (доместикации). Человечество в течение всего периода доместикации (около 10 тыс. лет) активнее всего использовало животных в двух областях — хозяйственной (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие) и культурной (религиозные церемонии и ритуалы, художественная литература, ремесло и дизайн).

Ни одна человеческая цивилизация не обходилась без использования различных животных в целях охраны жилища и складских помещений, в качестве тяглового и транспортного средства, орудия войны (боевые слоны), инструментов поиска растений, пропавших предметов и людей, источника одежды (шкуры, кожаные изделия) и пищи (мясо, молоко, яйца), экспериментально-лабораторного материала (подопытные кролики и мыши); животных использовали в религиозных и культовых целях (поклонение, мумифицирование, жертвоприношение), как соратника в психологическом общении и т.д. Животные выступали героями сказок и эпосов, объектом живописи и скульптуры, мифическими персонажами, социокультурными маркерами (позитивными и негативными лейблами, эталоном для описания человеческих качеств, например лиса — олицетворение человеческой хитрости) и т.д. К этнозоологии относится отчасти и изучение названий животных в различных языках, а также символики, вызванной теми или иными представлениями о животных и их взаимоотношениями с людьми. Иными словами, человеческая история развивалась в неразрывной связи с жизнью животных, которые принимали в построении культурного контекста общества самое непосредственное участие.

Как научная дисциплина этнозоология возникла на стыке зоологии и этнографии. Наряду с этноботаникой она является подразделением более общей научной дисциплины — этнической экологии. Иногда этноботанику и этнозоологию объединяют вместе под названием «этнозооботаника». Этнозоология, в свою очередь, подразделяется на ряд дисциплин: этнозоотехника и пр.⁸⁶

Первые публикации по антрозоологии появились в 1987 г., а в 1991 г. было основано Международное общество антрозоологии *ISAZ (International Society for Anthrozoology)*. Его создатели убеждены, что в XXI в. отношения между человеком и природой, часто принимающие форму конфликтов и катастроф, станут главной проблемой и вопросы антрозоологии приобретут еще большую актуальность. Официальным органом общества является журнал «Антрозоология» (*Anthrozoology*). Кроме того, активно заявили о себе Институт антрозоологии (Великобритания), Общество поведения животных (США), Международное общество антрозоологии и др.

1.14. Киберантропология

Авангардным направлением считается *киберантропология* (*Cyberanthropology*), изучающая структуру, динамику и природу интернет-сообществ (виртуальных комьюнити) и киберкультуры. Под виртуальными сообществами в киберантропологии понимаются не только подростки, проводящие все свое время в интернет-кафе и за домашними компьютерами. Этот термин произошел от понятия «антропология киборгов» (*cyborg anthropology*), придуманного Д. Харавей и использованного ею в своей книге «Обезьяны, киборги и женщина» для описания общения между представителями разных цивилизаций: людьми, животными и машинами. Киберантропология рассматривает человека как цифровой аналог передатчика информации. Французский просветитель Ламетри первым уподобил человека машине, в индустриальную эпоху машинная метафора получила воплощение в паровых турбинах и паровозах, а в электронную эпоху Макклюэн свел человека к устройству, которое переводит информацию в энергию и деятельность. В начале XX в. появилась идея ноосферы Вернадского, а в конце XX в. широко распространились идеи искусственного разума и биоклиборгов. Машины времени, переносящие вымышленных героев из примитивного настоящего в техносвершенное будущее, разрушили традиционную пространственно-временную систему координат, в которой существует не виртуальный, а реальный мир. Некоторые исследователи, в том числе Ш. Теркли, установили, что для детей, долго проводящих время в Интернете, компьютер стал вторым Я или зеркалом, в котором оно отражается.

Киберантропология ныне стала популярной на многих факультетах, ее материалы расположены в Интернете. Одним из ключевых здесь является понятие «киберпространство», введенное в научный оборот У. Гибсоном. Оно обозначает совокупность всех информационных ресурсов, доступных массовой аудитории благодаря новым технологиям, прежде всего компьютеру и Интернету.

Киберантропология имеет и другие наименования, в частности «*интерактивная антропология*» — в самом широком смысле это анализ электронных сообществ, в которые люди собираются «интерактивно» через электронную почту, компьютерную конференц-связь, и другими способами, т.е. то, что обычно подходит под термин коммуникаций, базирующихся на вычислительной технике (*SMS*). При этом интерактивная компьютерная среда квалифицируется как разновидность субкультуры или сообщества, по ряду важных параметров отличающиеся от физических сообществ⁸⁷.

1.15. Визуальная антропология

История визуальной антропологии неотделима от истории научно-познавательного и документального кинематографа. Уже в 1898 г. исследователь из Кембриджского университета А. Хэддон отправился с фотокамерой Люмьера в экспедицию в залив Торреса. И с тех пор киноаппарат, а позднее и видеокамера становятся привычными инструментами исследования в руках многих антропологов. На первом этапе съемки велись преимущественно в труднодоступных, малоизвестных районах, внимание привлекали в первую очередь редкие экзотические культуры. Опасаясь за их судьбу и учитывая возможность полного их исчезновения в условиях наступления техногенной цивилизации, антропологи стремились как можно полнее и в короткие сроки запечатлеть их образ жизни. Уже в 1920-х гг. на Западе формируются крупные фонды аудиовизуальной информации, сыгравшие значительную роль в превращении визуальной антропологии в самостоятельную научную дисциплину. В 1984 г. в США учреждено Общество визуальной антропологии (*Society for Visual Anthropology — SVA*), которое организует и поощряет инициативные исследования — не только выполнение фотографии и создание кинофильмов, но и получение безкамерных документальных источников, посвященных культуре жестов, танцев, вербальных и художественных символов у разных народов мира. В качестве источников визуальной антропологии могут стать культовые сооружения, наскальная живопись, исторические фотографии, старые граммофонные записи и др. Общество выпускает периодические издания *Visual Anthropology Review* и *Visual Anthropology*, организует ежегодные научные конференции. В американских университетах можно получить ученые степени (магистра и доктора) по визуальной антропологии.

Сегодня визуальная антропология, не утратив былого интереса к редким и экзотическим культурам, стремится отобразить и другие антропологические явления: социальные, художественные, педагогические, религиозные и т.д.⁸⁸ Одним из уникальных инструментов является видеомониторинг культуры — длительные многолетние съемки представителей одной культуры, раскрывающие ее историческую динамику. Проведенная в рамках программы *INTAS* совместно со специалистами из ФРГ и Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) работа по поиску архивных этнографических лент помогла создать своего рода фундамент для постановки видеомониторинга в разных регионах.

Боле того, сегодня визуальную антропологию нельзя свести только к съемке и созданию фильмов, фотографированию и звукозаписи. Она включает в себя помимо съемки сбор, хранение и распространение экранных материалов, теоретическую и исследовательскую работу, обучение, пропаганду и внедрение идей и материалов визуальной антропологии в сферы образования, культуры, СМИ. Огромную помощь в развитии аудиовизуальной антропологии оказывают средства современной электронной техники. Средства современной информационной технологии, в том числе компьютер, портативные видеокамеры, синхронно записывающие звук, мультимедиаальные дисковые системы, цифровая техника, позволяют оперативно копировать кадры, монтировать фильмы, включать в работу огромные объемы виртуальной документации, архивировать и создавать на их основе банк аудиовизуальной информации, осуществлять международный обмен данными⁸⁹.

В аудиовизуальной антропологии формируется оригинальная теория экранного (кинематографического, аудиовизуального) языка, тяготеющая к неэкспрессивным средствам выражения. Предполагается, в частности, что первичные аудиовизуальные документы (материалы съемки) должны отличаться реалистичностью, т.е. быть непрерывными, избегать неестественных ракурсов и движений камеры, сохранять целостность звучания речи, музыки, шумов, правдоподобность освещения и уж во всех случаях исключать всякого рода инсценировки. В отличие от традиционной технологии документального кино в аудиовизуальной антропологии дружеские контакты с объектом изучения, примитивной общностью, первобытным племенем продолжаютя и после окончания съемки: ученые не только показывают и передают общине отснятые материалы, но и проводят дискуссии, просветительскую, а иногда и благотворительную деятельность, помогая народности поддерживать свои культурные традиции.

Отличительная черта антропологического кинематографа — отсутствие дублей при съемке, конечной целью является не фильм, а содержание и полнота отснятого материала. Такая методика была применена для видеодокументирования жизни молоканских и старообрядческих общин в 1992–1998 гг. видеогруппой Центра визуальной антропологии МГУ. За несколько лет было зафиксировано около 300 часов видеодокументаций в Ставропольском и Краснодарском краях, в Пермской области и Удмуртии, в Молдавии и на Украине. Съемки проводились более чем в 50 поселениях. Впервые столь полно снимались старообрядческие службы и моления, были запечатлены религиозные обряды в поповских

и беспоповских общинах. Подробно зафиксированы домашние и полевые крестьянские работы, всевозможные ремесла: ткачество, плетение, изготовление валенок и т.д. Одновременно решалась задача демонстрации полевой методики археографического анализа. Главной целью видеодокументации стало создание портретной галереи старообрядцев. Более сотни человек рассказали перед камерой о своей жизни, вере, отношениях с государством, семьей. Каждое интервью воспринимается как открытие, вхождение в неведомый для современников загадочный мир древней культуры. На материалах уже первого года экспедиционных съемок было создано четыре фильма⁹⁰.

1.16. Педагогическая антропология

Педагогическая антропология — направление в философии образования и теоретической педагогике, которое возникло в конце 1960-х — начале 1970-х гг. За последние десятилетия в нашей стране стала активно развиваться в качестве самостоятельной теоретической и прикладной дисциплины педагогическая антропология⁹¹.

Основоположителем педагогической антропологии по праву называют И. Канта. Он первый ввел в обиход философской науки термин «педагогическая антропология», дал жизнь целому направлению в философии и написал ряд работ, посвященных этой теме: «О педагогике», «Две статьи относительно “Филантропина”», в которых разработал свои педагогические идеи, обосновал значимость и нужность педагогической антропологии для формирования и совершенствования людей при помощи воспитания, обучения и образования. Возникновение педагогической антропологии было тесно связано с выводами о порочности человеческой природы. Если человек порочен, то естественно возникает вопрос, возможно ли духовное воздействие на человека, способное его изменить? Существуют ли в обществе такие рычаги, которые позволяют усовершенствовать человеческую природу? Ответить на этот вопрос и должна была педагогическая антропология, назначение которой — через воспитание и образование попытаться сделать человека лучше, чище, благороднее и совершеннее. Исходя из такой задачи, педагогическая антропология начинает с критики человеческой природы как данности и с размышления о том, как можно усовершенствовать человеческую природу⁹².

Предмет и методы педагогической антропологии определяются исходя из установок философской антропологии, представлен-

ных в концепциях зарубежных антропологов: М. Шелера, Г. Плеснера, Н. Гартмана, М. Бубера, Э. Ротхакера, О. Больнова, Т. Литге, К. Ясперса и российских философов Р.Г. Апресяна, Б.М. Бим-Бада, Л.П. Буевой, И.С. Вдовиной, Б.Т. Григоряна, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова и др. Считается, что педагогическая антропология (И. Дерболав, О.Ф. Больнов, Г. Рот, М.И. Лангевельд, П. Керн, Г.-Х. Виттиг, Е. Майнберг и др.) опирается на философскую антропологию (М. Шелер, Г. Плеснер, А. Портман, Э. Кассирер и др.).

В Западной Европе она рассматривалась в конце 1960-х — начале 1970-х гг. как приложение философской антропологии к педагогической действительности и практике образования. Особенно активно педагогическая антропология развивалась в 1960—1990-е гг. в Германии⁹³, где за эти годы выделилось пять подходов⁹⁴: 1) *интеграционно-научный* (Г. Рот, А. Флитнер); 2) *философско-антропологический* (О. Больнов, В. Лох); 3) *феноменологический*, подчеркивавший включенность исследователя в исследуемую ситуацию (М.Я. Лангевелд); 4) *диалектико-рефлексивный*, рассматривающий образование как процесс самореализации индивида (В. Клафки), понимаемого как субъект, способный к рефлексивному отношению к себе и окружающему миру; 5) *диалогический*. Именно педагогическая антропология выдвинула проблематику сущности человека как субъекта образования.

До революции 1917 г. в нашей стране развивалась школа педагогов-антропологов, яркими представителями которой были К.К. Сент-Илер, М.И. Демков, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, В.А. Вагнер, Ю.И. Айхенвальд и др. К.Д. Ушинский развивал идеи антропологического подхода и даже настаивал на создании не педагогических, а именно антропологических факультетов⁹⁵. После Октябрьской революции были прекращены все педагогические и педологические исследования. Со второй половины 1920-х гг. функции педагогической антропологии взяла на себя педагогическая и возрастная психология (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Э.В. Ильенков, Д.Б. Кабалевский, В.А. Сухомлинский, Д.Б. Эльконин). До начала 1930-х гг. педагогическая антропология успешно развивалась под именем «педология». В первой половине 30-х гг. в стране утвердилась так называемая «бездетная педагогика». Эта педагогическая система на несколько десятилетий стала господствующей в отечественной теории образования. Со второй половины 1980-х гг. в России начался интенсивный процесс возрождения педагогической антропологии как особого направления научного педагогического исследования (Б.М. Бим-Бад, Б.В. Емельянов, В.Б. Куликов, Л.К. Рахлевская,

В.Д. Семенов, Г.Е. Соловьев). В 1990-х гг. педагогическая антропология как отдельная дисциплина вошла в программу высших педагогических учебных заведений Российской Федерации⁹⁶.

Педагогическую антропологию в целом можно охарактеризовать, считает А.П. Огурцов⁹⁷, как способ антропологического обоснования образования. Педагогическая антропология есть человековедение, служащее воспитанию и обучению людей. Она стремится понять, как очеловечивается человек и как люди разного возраста влияют друг на друга. Насколько воспитаем ребенок на разных этапах жизни. Каковы причины и процессы становления личности. Каков характер различных групп (числом членов от двух до всего рода людского) и как личность взаимодействует с ними⁹⁸. Антропологический подход предполагает соотнесение любого знания об образовательных явлениях и процессах со знаниями о природе человека, связывающим получение педагогического знания методом, обеспечивающим интеграцию человека в педагогику, опирается на антропологическую аксиоматику, на основе которой строятся теория и методология проблем становления и развития личности.

Педагогическая антропология разрабатывает учение о педагогических «болезнях», об их признаках, внешних и внутренних причинах и развитии, об их терапии и профилактике (гигиене). Среди болезней души и духа особенно опасны злокачественные душевные образования типа антропофобии, экзистенциальной пустоты и властолюбия. Понятно, насколько необходимы описания этих патологий и педагогические выводы из них.

Университет Российской академии образования и Институт теории образования и педагогики Российской академии образования в 2002 г. провели Международную научную конференцию «Педагогическая антропология: концептуальные основания и междисциплинарный контекст».

1.17. Религиозная антропология

В связи с ренессансом православия в России заметно оживился интерес к религиозной антропологии, традиция которой в нашей стране имеет глубокие корни. Так, в 2001 г. в Институте философии РАН состоялся семинар на тему «Философская и религиозная антропология в современной дискуссии», в котором приняли участие православные богословы и российские философы. О религиозной антропологии писал в своих работах, в том числе «Смысл творчества» и «Проблема человека», Н.А. Бердяев⁹⁹.

Он утверждал, что истоки религиозной антропологии надо искать в том числе и в творчестве Ф. Достоевского: «Все его творчество — антропологические опыты и эксперименты. Достоевский — не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы... Он создал небывалый тип художественно-гностической антропологии»¹⁰⁰. Бердяев также писал о том, что природа человека и человеческой души должна более всего раскрыться в России, где возможна новая религиозная антропология. Отщепенство, скитальчество и странничество — русские черты, и они наряду с другими социокультурными феноменами могут стать предметом ее изучения. «Проблема отношения христианства к миру, к культуре, к обществу, к современности, которая очень мучила русскую христианскую мысль от Бухарева до Вл. Соловьева и Н. Федорова, есть прежде всего проблема религиозной антропологии», — считал выдающийся русский философ¹⁰¹. Автором учения, которое, по существу, представляет первый систематический опыт философского обоснования православной антропологии, является незаслуженно забытый сегодня русский философ и богослов Виктор Иванович Несмелов (1863–1937)¹⁰².

В XX в. проблема религиозного понимания человека становится одним из решающих факторов осмысления современной ситуации в культуре¹⁰³. Религиозная антропология — научная и богословская дисциплина, решающая проблему человека и человеческого существования путем перспективы диалога Бога и человека, перспективы отношений человека и Абсолюта (концепции Г. Плеснера, М. Шелера, А. Гелена, Г.Э. Хенгстенберга, Э. Корета, В. Паненберга, К. Ранера). Ее, в частности, интересуют проблемы происхождения человека, его развития, осмысленности существования перед лицом смерти, категории вины, отчаяния, прощения, преображения, теологическая танатология, поиски антропологических корней религии, антропологического доказательства бытия Бога; теология и антропология о среде обитания человека и перспективах цивилизации; ноосфера и антропосфера; антропологические аспекты милосердия и каритативной деятельности. В рамках этой дисциплины решается вопрос о том, определяется ли специфика культуры религией (на чем настаивал, например, А. Тойнби) или, напротив, культура выбирает соответствующую религию и адаптирует ее к своим традициям (близкую мысль высказывали Вл. Соловьев, а также современный русский ученый Н. Моисеев). В границах религиозной антропологии оформились в качестве самостоятельных ответвлений языческая, исламская,

семитская, христианская, православная, католическая и протестантская антропологии.

Корни православной антропологии, которая делала акцент на активности самого человека (а именно такая антропология развивалась религиозными космистами), надо искать в традиции исихазма (священнобезмолвия), возникшего в аскетической практике еще в IV–VII вв., но теоретически развитого св. Григорием Паламой¹⁰⁴. Она нашла свое продолжение в уникальных идеях русского космизма как направления научно-философской мысли, к которому принадлежат Н.Ф. Федоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев; в религиозно-философской антропологии Ф.М. Достоевского, учении Вернадского о ноосфере, в философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения — В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева¹⁰⁵. Представление о третичном устройстве народа — личности (религия, душа, культура) опирается на православную антропологию с ее учением о тройственном составе природы человека (дух, душа, тело). Сегодня православная антропология входит в число основных православных вероучительных дисциплин; составление полного свода православной антропологии, которое должно иметь большое миссионерское значение и послужить дальнейшему развитию социальной концепции РПЦ, объявляется приоритетной задачей.

1.18. Социология и антропология

Из социальных наук культурой активнее и плодотворнее других занимается социология. Они проявляют общий интерес к социальным отношениям, организации и поведению. Различие между социологией и антропологией объясняется типом общества, который подлежит изучению. Изначально социологи концентрировались на исследовании западного индустриального общества, а антропологи — на изучении доиндустриального. Или, выражаясь иначе, социология изучает массовое общество, а антропология — экзотическое¹⁰⁶.

Но и социология сегодня расширяет сферу своей компетенции и активно вторгается в страны третьего мира — туда, где до сих пор нераздельно царствовали антропологи. Остающиеся здесь антропологи изучают не только традиционные общества, но и процессы индустриализации и урбанизации, которые сегодня охва-

тывают отставшие в своем развитии страны. Таким образом, социологи и антропологи сегодня сблизились и в методах, и в объектах исследования.

У социологии много общего с *антропологией*, которую нередко именуют социологией древних обществ. Антропология изучает происхождение (тогда она именуется физической антропологией), либо историческую эволюцию человека (антропогенез), строение его черепа, скелета, изменение функций руки, формирование мышления, либо историческую эволюцию малой группы — племени, изменение традиций и обычаев, норм поведения, образа жизни, хозяйственной жизни и типов власти, формы родства и семьи. Антропологов интересует историческое прошлое человечества, а социологов — его настоящее.

Некоторые выдающиеся социологи, в частности Э. Дюркгейм, считаются родоначальниками как социологии, так и антропологии. Так происходило в XIX в. Но и в XX в. примеров можно найти немало. Скажем, самый крупный социолог последнего десятилетия француз П. Бурдьё (1930—2002). Закончив в 1955 г. Высшую педагогическую школу, он в 1958 г. уехал в Алжир, где провел интереснейшее эмпирическое исследование. Именно Алжиру, алжирским трудящимся и мелким предпринимателям посвящены его первые опубликованные социологические труды «Социология Алжира» (1961), «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964). Здесь он описывает брачные отношения у алжирских берберов, традиции и обычаи берберов-кабилы, символические и культурные практики аборигенов.

«Согласно “внешним” структурным описаниям наиболее распространенной и, по возможности, необходимой формой брака в племени кабилы была женитьба на параллельной двоюродной сестре. Однако собранная Бурдьё статистика и последующий анализ показали, что эта форма брака в действительности встречается чрезвычайно редко. Когда же такой брак все-таки заключается, то это происходит не по логике подчинения внешнему правилу или обычаю, а по внутренней (и не обязательно осознанной) логике преследования определенных выгод: исполнение обычая приносит новобрачным и их семьям символическую прибыль, престиж, которые в этих случаях предпочитают другим выгодам.

Таким образом, реальность, с которой столкнулся исследователь, представляла собой не решетку запретов и правил, а совокупность практик. Оказалось, что участвующие в практиках агенты руководствуются не внешними правилами (как в структурных моделях) и не сознательным расчетом (как в теориях рационального действия), а практическими стратегиями, порождающий принцип

которых и предстояло объяснить. Социальный мир, увиденный как совокупность практик, не мог быть объяснен ни детерминистскими, ни волонтаристскими моделями. Бурдьё попытался создать такую систему описания, которая учитывает и объясняет реально наблюдаемый баланс свободы и предписанности, воспроизведения старого и появления нового»¹⁰⁷.

В результате социология культуры у П. Бурдьё стала органическим продолжением его антропологии. Сам же он считал различие между этими науками надуманным. В свое время Бурдьё испытал сильнейшее творческое влияние К. Леви-Строса. Оно было настолько сильным, что Бурдьё даже предпринял попытку стать этнологом и занялся изучением феноменологии эмоциональной жизни. Он пытался соединить в своей работе философию, социологию и этнологию, предприняв исследование структур восприятия и ощущения времени в эмоциональном опыте на примере алжирских крестьян, эмигрировавших в большие французские города. П. Бурдьё проводил одновременно этнолого-антропологические исследования (о родственных связях, ритуалах, докапиталистической экономике) и социологические исследования с использованием результатов социально-демографических опросов Национального института статистических исследований и экономики (*INSEE*)¹⁰⁸. Антропологические и социологические исследования П. Бурдьё в конечном счете оказались двумя неразрывными частями единого целого.

В свое время К. Леви-Строс предлагал различать предметы антропологии и социологии по такому критерию: социология изучает сознательные действия, антропология — бессознательные (обычаи, нравы). Предложение заманчивое, если учитывать совет М. Вебера: социологии лучше братья за изучение целе- и ценностно-рациональных действий, а аффективное и традиционное действие отдать другим наукам. Аффективные действия, по всей видимости, изучает психология, а вот традиционные действия (обычаи и нравы) вполне по силам антропологии.

Первый в мире факультет социологии в Чикагском университете (1892) на самом деле объединял социологию и антропологию. Долгие годы антропология считалась академическим партнером социологии. В 1920-е гг. существовало огромное число департаментов социологии и антропологии. Только к 1965 г., когда антропология получила статус независимой академической дисциплины, эти департаменты разделили. В Англии академическая социология с самого начала развивалась в тесном союзе с социальной антропологией. Значительный вклад в развитие обеих наук

внесли А. Радклиф-Браун и Б. Малиновский. Первый даже называл антропологию сравнительной социологией. Классик британской антропологии А. Радклиф-Браун говорит, что подавляющую часть открытий и методов, какими они совершаются, которые входят в круг социальной антропологии, можно было бы вполне отнести к социологии. К сожалению, за социологией в англоязычных странах закрепилась дурная слава как об аморфной дисциплине, которая любит строить глобальные обобщения, не всегда подтверждаемые фактами: «Может возникнуть вопрос, почему бы не воспользоваться словом “социология” вместо тяжеловесного выражения “социальная антропология”. Словоупотребление должно быть точным, а многое из того, что обычно называется социологией, представляет собой несколько аморфную дисциплину»¹⁰⁹.

И сегодня находятся специалисты, которые полагают, что антропология и социальная психология являются разделами социологии, а не самостоятельными науками. Во Франции, как в Англии и США, первые 20 лет XX в. академическая социология тесно переплеталась с антропологией. Правда, в США социология доминировала над антропологией, а в Англии и Франции уступала ей. К. Дженкс, профессор Лондонского университета, пишет: «Британские социальные антропологи склонны думать о себе как о социологах, интересующихся прежде всего социальными структурами и институтами в примитивных обществах либо использующих социальную структуру как рамку для организации и интерпретации культурных феноменов; большинство же американских этнологов рассматривают культуру как главное понятие, отправной момент, подчиняя ей социальную структуру, если, конечно, они вообще прибегают к последней, чаще предпочитая оперировать понятиями культурных паттернов и культурных форм»¹¹⁰.

Вынужденные исследовать крупномасштабные сложные объединения людей, социологи активно использовали анкетные опросы. Вот почему долгие годы статистика оставалась отличительной чертой социологии. Однако с переходом антропологов к изучению современных обществ все чаще в их подготовку входят знания социальной статистики.

В Англии академическая социология с самого начала развивалась в тесном союзе с социальной антропологией. Причины кроются в самой истории. В Америке первой половины XX в. преобладали символический интеракционизм и интерес к социальному взаимодействию; в Великобритании, начиная со Спенсера, доминировала тенденция к кросс-культурному и сравнительному анализу.

Социология и антропология исследуют разные типы общества. Изначально социологи исследовали западное индустриальное, а антропологи — доиндустриальное общество. Но сегодня социология расширяет сферу своей компетенции и активно вторгается в страны третьего мира — туда, где до сих пор нераздельно царствовали антропологи. Антропологи же изучают не только традиционные общества, но и, если речь идет о прикладной антропологии, процессы индустриализации и урбанизации, которыми сегодня охвачены отставшие в своем развитии страны. Таким образом, социологи и антропологи сегодня используют сходные методы, и сходные объекты исследования.

Для антропологии традиционным методом познания является *полевое исследование*, предполагающее долгое проживание в поселении аборигенов. Метод, которым при этом пользуется ученый, называется *участвующим наблюдением*: ученый принимает участие в тех событиях, которые он регистрирует, наблюдает и описывает. Группа ученых, составляющая научную экспедицию, отправляется в заброшенные регионы, чтобы наблюдать за обычаями, нормами поведения, ритуалами и церемониями примитивных племен. В антропологии чаще всего используется качественная методология (глубинные интервью и включенные наблюдения), в социологии — количественная методология — анкетирование и статистика. Хотя, разумеется, жестких границ и непроходимых барьеров между ними нет: социологи чаще обычного «подворывают» качественные методы у собратьев-антропологов, а антропологи с неохотой, хотя и были бы очень рады, применяют количественные технологии — объект для них маловат и разгуляться негде.

Таким образом, антропология ограничена прошлым человеческого общества, а социология — его настоящим. Только объединение наук позволяет создать целостный образ человеческой культуры.

Под разным углом зрения культуру в целом либо ее отдельные стороны изучают различные науки (рис. 4).

На стыке антропологии и социологии возникла самостоятельная область — социология культуры. Она изучает весь спектр культурных явлений прежде всего благодаря опросам общественного мнения. Социология культуры — отрасль социологического знания, изучающая закономерности развития культуры и формы их проявления; при этом человек рассматривается и как субъект (творец), и как объект. Социология культуры рассматривает культуру через призму социальных отношений и социальной структуры общества. Такой угол зрения не чужд и самим антропологам.

Рис. 4. Науки, изучающие культуру

К. Гирц, современный американский антрополог, открыто объявлял себя сторонником веберовской понимающей социологии. Он связывал идею культуры с идеей образа жизни и поведения людей, интерпретировал социальное действие как нечто, что изнутри принадлежит социальному актору и что должно быть изучено извне социальным теоретиком. Он дал ясно понять, что культура — это символическая сеть (*network*), принадлежащая семиотическому контексту, но призванная описывать и объяснять социальную ткань общества¹¹¹. Он тщательно изучил все аспекты культуры — родство, религию, политику, экономику, которые вместе с тем выступают элементами самого общества.

Известно, что социальные науки ориентированы преимущественно на количественные, а гуманитарные — на качественные показатели. Социология и социальная антропология, несомненно, принадлежат к корпусу социальных наук. Но это не означает,

что здесь не используются качественные методы исследования. Причиной все возрастающего спроса на качественные методы в этих науках служит то обстоятельство, что как социология, в частности социология культуры, так и антропология, в первую очередь культурная антропология, изучают культуру и ее компоненты как центральную часть своего предметного поля, а культура — это область скорее гуманитарного и лишь во вторую очередь социального знания.

Обе науки — социальная и культурная антропология, а также социология — претендуют на статус интегральной науки. Это означает, что они: а) оперируют и количественными (статистическими), и качественными (ценностными) методами исследования; б) охватывают не отдельные сферы, а общество в целом, пытаясь вобрать в себя достижения других наук.

Собственно, о том же самом писал в начале XX в. П. Сорокин: социология — это не какая-то там специальная дисциплина типа экономики или политологии, которые изучают лишь одну сторону общества, а всеохватная наука, смело берущаяся за общество в целом и достигающая на этом поприще невиданных результатов. Очень похожие мысли выдвигает подавляющее большинство антропологов, которые считают свою науку такой же интегральной, целостной, всеохватывающей:

«Антропология предполагает широкий гуманистический взгляд на мир, основанный на сравнительных, так называемых кросс-культурных, исследованиях. Иначе говоря, на сопоставлении разных культур и разных народов. Хотя большинство людей по сей день убеждены, будто антропологи ограничивают себя изучением ископаемых и доиндустриальных культур. Но уверяю вас, что антропология — нечто гораздо большее, чем только изучение примитивных обществ. В ее горизонт попадают буквально все общества — и древние, и современные, и она пытается описать их, сравнивая и сопоставляя друг с другом. В то же время любая другая социальная наука не выходит за рамки одного типа общества, как правило, индустриального, описываемого на примере США или Канады. Только антропология предоставляет человеку уникальную возможность побывать сразу во всех обществах, рассмотреть их в кросс-культурной перспективе, т.е. сравнивая традиции и обычаи разных стран»¹¹².

Правда, достичь своих целей социологии гораздо сложнее, чем антропологии. Современное общество — это грандиозное сооружение, не поддающееся мысленному охвату, а примитивное общество, уместяющееся что называется в спичечном коробке,

нетрудно охватить единым взглядом. Да и теоретический прецедент уже создан. Познать сложное общество по аналогии с простым невозможно, а вот обратная процедура действует безотказно. Потому-то антропологи без устали обнаруживают в примитивных племенах «социальные институты», «иерархии власти» и множество других феноменов, которые, быть может, уместны лишь в индустриальных и постиндустриальных обществах. Но движение от сложного к простому — магистральный путь познания, который обозначил полтора столетия назад великий социалист К. Маркс, заявивший, что человек — ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот.

Кстати сказать, интегралистская мода захватила и другие науки, в частности психологию, которая претендует на познание «всего человека». Распознать непомерные амбиции очень просто — стоит посмотреть названия субдисциплин. Скажем, у антропологов, социологов и психологов существуют отрасли, при помощи которых они стремятся «прикусить чужого пирога», в частности: экономическая антропология, экономическая социология и экономическая психология; политическая антропология, политическая социология и политическая психология. Интегральные или псевдоинтегральные науки (тут уж не разберешь кто прав, кто виноват) напоминают гигантского спрута, распластавшего свои щупальцы по всей округе. Они все тянут в рот, но вот не все удается прожевать. В результате стройные худышки, специализирующиеся на узкой области, скажем, математическая лингвистика, достигают более точных и практически полезных результатов, нежели разбухшие от осознания собственной значимости дисциплины-толстушки.

1.19. Этнология

Этнология находится на стыке нескольких дисциплин, основные из которых — социальная и культурная антропология, фольклористика, социолингвистика и семиотика. Хотя термин «этнология» был введен в научный обиход еще в 1784 г. А. Шаванном, а использовать это понятие в качестве наименования новой науки о народах и культурах предложил французский ученый Ж.Ж. Ампер, который в 1830 г. разработал общую классификацию «антропологических» (т.е. гуманитарных) наук, среди которых выделил и этнологию. При этом он разбил ее на два раздела — «элементарную этнологию» и «сравнительную этнологию». В первой половине XIX в. в Европе и Америке возникли первые этнологи-

ческие ассоциации, в частности Парижское общество этнологии (1839) и Американское этнологическое общество (1842). Середина XIX в. оказалась весьма благоприятным временем для быстрого развития этнологии в ведущих западно-европейских странах. Этот процесс был стимулирован глобальной территориальной экспансией европейцев, в ходе которой они столкнулись с народами и культурами, совсем не похожими на европейцев. Колониальная политика промышленно развитых стран требовала самых разнообразных знаний о покоренных народах. Основную массу необходимых сведений могла дать только этнология, и поэтому новая наука пользовалась поддержкой своих правительств.

Первоначально этнология развивалась как наука об отсталых, т.е. не создавших собственной государственности, народах. В этом качестве она существовала вплоть до первых десятилетий XX в., когда появились представления об этносах как о своеобразных общностях людей, не зависящих от уровня их социально-экономического развития.

На первых этапах этнология включала в свою сферу также физическую антропологию, что отразилось в уставе Парижского общества этнологии, где к сфере этнологии относилось «изучение особенностей человеческих рас, специфики их физического строения, умственных способностей и морали, а также традиций языка и истории»¹¹³. С середины XIX в. этнологию как науку о народах отличают от антропологии как науку о человеке, рассматривая их как две разные, хотя и родственные, дисциплины. Тем не менее конференции и симпозиумы проводятся для представителей сразу двух наук, например действующие с 1934 г. международные конгрессы антропологических и этнологических наук (МКАЭН). На рубеже двух столетий этнология становится университетской наукой, и ее начинают преподавать как учебную дисциплину. Благодаря этому обстоятельству в этнологию пришло новое поколение ученых-теоретиков, сменившее основоположников-практиков. Изменилось и представление о предмете этнологии — она все больше стала заниматься теоретическими вопросами.

Однозначного понимания самого термина «этнология», предмета и методологического статуса этой науки до сих пор не существует, поэтому в разных источниках можно встретиться с разными его трактовками. Все специалисты согласны лишь в том, что этнология находится на стыке нескольких дисциплин, основные из которых — социальная и культурная антропология, фольклористика, социолингвистика и семиотика.

За рубежом этнология понимается как наука о народах (преимущественно «примитивных»), в то время как этнография рас-

смачивается как совокупность эмпирических данных о них. Э. Дюркгейм рассматривал этнологию как описательную дисциплину, материалы которой обобщает социология. По мнению К. Леви-Строса, этнография, этнология и антропология — не три науки, а три этапа познания: этнография включает полевые исследования, классификацию и описание различных культур; этнология делает первый шаг к их синтезу в географическом и историческом плане; антропология венчает общие усилия, создавая целостную картину человека в культуре. Таким образом, по мнению К. Леви-Строса, «этнография, этнология и антропология не являются тремя разными дисциплинами или различными концепциями одних и тех же исследований. Это действительно три этапа или три временные стадии одного и того же исследования, и предпочтение, отдаваемое тому или иному из этих терминов, отражает лишь особое внимание, уделяемое одному типу исследования, который никогда не может быть полностью отделен от двух других»¹¹⁴. Согласно К. Леви-Стросу этнология XX в. — это область познания новых культур и новых проблем, она в большей степени, чем этнография, ориентирована на теорию и методологию, объяснение и понимание социокультурных процессов. «Это — сравнительная дисциплина; ее цель — описать культурные (а изначально и физические) различия между народами и объяснить эти различия посредством реконструкции истории их развития, миграций и взаимодействий. Термин “этнология” происходит от греческого слова “этнос” — народ, связанный общими обычаями, нация»¹¹⁵.

По мнению А. Радклиф-Брауна, этнология представляет по преимуществу дедуктивную науку и занимается исторической реконструкцией прошлого народов и племен. Орудием такой реконструкции служит метод исторической интерпретации, который может быть применен даже тогда, когда мы не располагаем никакими историческими документами. По письменным источникам мы можем узнать лишь историю цивилизации на наиболее поздних стадиях ее развития, охватывающих несколько последних столетий; а это не более чем фрагмент истории существования человечества на Земле. Археологи, перекапывая землю, обнажая постройки и поселения, реставрируя утварь и порой останки людей далекого прошлого, дают нам возможность заполнить некоторыми подробностями обширный доисторический период. Этнологический анализ культуры дополняет сведения, получаемые нами из истории и археологии¹¹⁶.

Началом русской этнологии принято считать организацию в 1846 г. Русского географического общества. Оно было создано

для выполнения не только научных, но и прикладных заданий. В программу общества входило всестороннее изучение России: ее географии, природных богатств и народов. Государственные интересы требовали также сведений о народах Сибири, Средней Азии, Кавказа. Для этого внутри общества было создано этнографическое отделение, главная задача которого состояла в исследовании «умственных способностей русского народа», его способов жизни, нравов, религии, предрассудков, языка, сказок и т.д. Тогда же была принята программа «Об этнографическом изучении народности русской», в соответствии с которой проводились все этнографические исследования.

На рубеже XIX–XX вв. значительный вклад в развитие отечественной этнологии внесли труды известного философа Г.Г. Шпета по этнической психологии. В своей книге «Введение в этническую психологию» Шпет высказал мысль о том, что национальную психологию народа нужно исследовать через постижение смысла объективных культурных явлений, в которых запечатлеваются типические субьективные чувства народа.

В русской науке этнографию и этнологию преимущественно считали синонимами (наряду с народоведением), хотя в последнее время наметилась тенденция к их размежеванию. В одном из недавних словарей этнологических терминов утверждается, что «в узком понимании этнология — теоретическое народоведение, в отличие от описательного — этнографии», а «основным предметом изучения этнологии является находящаяся в постоянном развитии теория этноса, определение принципов классификации народов и их субординации, а также методов и способов обработки эмпирического, фактологического материала»¹¹⁷.

Этнология рассматривает этнографию как материал для своих выводов и обобщений, дает ей необходимые для фактов объяснительные механизмы, вырабатывает способы систематизации, обобщения и истолкования этнографических данных. «Современная этнология дает этнографии концептуальный аппарат. Этнография как таковая является в большой мере описательной наукой. Этнология является ее теорией»¹¹⁸. По всей видимости, этнология изучает и сравнивает результаты работы этнографов — эмпирические данные, собранные из разных обществ. Этнологи строят научные обобщения и выводят тенденции, устанавливая универсальные, общие и специфические черты у разных обществ.

Несмотря на значительное сходство, антропология и этнология — разные науки. Как следует из их названия, основу первой составляет отдельный человек (антропос), основу второй — целый народ (этнос). «Этнология шире, чем антропология, по своему

предметному полю. Проблемы этногенеза, проблемы этничности и этнических групп, расселения народов, демографических процессов в поле зрения антропологии никогда не попадали и исследователей, изучающих эти проблемы, антропологами, как правило, не называют. А раз так, то антропологию условно можно рассматривать как часть этнологии»¹¹⁹.

Сопоставляя различные точки зрения, можно заключить, что этнология — это: 1) то же, что и этнография; 2) самостоятельная научная дисциплина, изучающая и сравнивающая результаты работы этнографов — эмпирические данные, собранные из разных обществ; 3) теоретическая часть этнографии; 4) то же, что и социальная (культурная) антропология. Несмотря на разность понимания предмета двух дисциплин, большинство специалистов сходится в том, что этнология — это исследование различных культур в единстве общетеоретического и конкретно-эмпирического (этнографического) уровней анализа, эпитет «этнографический» свидетельствует скорее о первичном сборе информации о культурах (как экспериментального, так и полевого, полученного методом включенного наблюдения, а также посредством анкет и интервью).

Проблемное поле современной этнологии очень широкое — она, в частности, изучает ритуалы, обычаи, верования различных народов; системы родства и родственных кланов у различных народов; социальную и политическую структуру народов (семейные отношения, отношения власти); системы воспитания и динамику культурных черт того или иного народа (культурные изменения); психологические особенности народов; систему ценностей и картины мира различных народов; особенности межкультурных контактов; этногенез, причины возникновения и распада народов, их расселение и возникающие у них демографические процессы, и т.д.¹²⁰ Многое из названного изучается и другими науками, в том числе этнографией, культурологией, социологией, антропологией. А это означает, что предметные области указанных наук пересекаются. Такое в мировой науке происходит постоянно, ничего пагубного в том нет. Плохо лишь то, что научное дублирование размывает территориальные границы, не позволяет четко отделить одну дисциплину от другой. В результате между терминами «этнология» и «антропология» в современной науке исчезли всякие границы. Одних и тех же ученых, работающих в разных направлениях антропологии, называют то антропологами, то этнологами. Две науки почти слились, а значит, стали взаимозаменяемыми. В конечном счете от этого теряются их актуальность, новизна, значение. Как мы помним, в первой половине XIX в.

этнология включала в себя физическую антропологию, во второй половине ее считали составной частью социальной антропологии¹²¹. Учрежденный в 1962 г. Дж. Мердоком журнал *Ethnology* (издается университетом Питтсбурга, США), приглашая ученых из разных стран к сотрудничеству, просит их присылать статьи (объемом до 30 стр.), посвященные различным аспектам культурной антропологии. Вот почему у него есть подзаголовок, который и расшифровывает то, как в США принято ныне понимать этнологию: Международный журнал социальной и культурной антропологии (*An International Journal of Cultural and Social Anthropology*).

В нашей стране отношение к этнологии было различным. Так, в конце 1920-х гг. в СССР преобладало отрицательное отношение к этнологии. На совещании этнографов 1929 г. было высказано мнение о том, что «поскольку этнология претендует на звание отдельной от социологии дисциплины, она должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения»¹²². Однако этнологию «наказали» не за то, что она попыталась провозгласить свою самостоятельность от социологии. Самой социологии при советской власти жилось нелегко, над ней, как домоклов меч, постоянно висел исторический материализм, от имени которого социологам заявляли: для чего вам самостоятельная наука, если есть философия марксизма-ленинизма. Советские идеологи боялись другого: как бы те теоретические обобщения о развитии народов и культур, которые сделают этнологи, не противоречили историческому материализму. Поскольку этот «всевластный господин» занял все господствующие высоты в социальной теории, еще кого-то допускать на них он не мог. Все другие науки должны были располагаться ниже, занимаясь исключительно сбором эмпирических фактов. Именно такую роль исполняли социология и этнография, но никак не этнология. Вот почему ее решили заменить этнографией — наукой описательной и неопасной.

Немаловажен такой факт: нынешний лидер в области антропологической науки, созданный в 1933 г. и являющийся одним из старейших гуманитарных институтов в России (напомним: Институт социологии основан только в 1968 г.), на протяжении 60 лет именовался Институтом этнографии АН СССР. Лишь в конце XX в. ситуация изменилась, и он был преобразован в Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Неприятие социальной теории, открыто заявленное советской властью, сказалось на названии центрального органа социологической науки, который в момент своего образования назывался Институтом конкретных социальных исследований АН СССР (1968)

и только в 1990-е гг. был преобразован в Институт социологии РАН. Таким образом, и социология, и антропология в лице этнографии занимались сбором и обобщением эмпирических фактов, но никак не осмыслением фундаментальных тенденций человеческого существования и открытием новых закономерностей, разработкой общих теорий¹²³.

Сегодня этнология внедряется в научно-исследовательские институты и центры, занимает почетное место в учебных курсах и на университетских кафедрах. Иными словами, с опозданием на много десятилетий в стране формируются прочные институциональные и организационные основы этнологии. Европейский университет в Санкт-Петербурге имеет в своем составе факультет этнологии, где обучаются по трем направлениям: культурная антропология, фольклористика, социолнгвистика. Штат Института этнологии и антропологии РАН состоит из более чем 200 высококвалифицированных исследователей в области этнологии, истории, социологии, религиоведения, культурной и физической антропологии. Исследовательская работа сосредоточена на изучении этнической истории и культуры народов бывшего СССР и других стран, проблем межэтнических отношений и этнических конфликтов. Институт ежегодно публикует более 50 научных монографий, журнал «Этнографическое обозрение» и серию исследований по теме «Прикладная и неотложная этнологии». С 1992 г. ИЭА РАН проводит исследования в области предотвращения и урегулирования конфликтов. В 1997 г. в ИЭА образован Центр по изучению религий и этноконфессиональному картографированию.

В этнологической науке систематизирован обширный эмпирический материал о народах мира, России и сопредельных стран, накоплены значительные теоретические знания. Вместе с тем современная отечественная этнология переживает переломный период: по мнению экспертов, ее отличают концептуальный плюрализм, методологический эклектизм, остро критическое отношение к теоретическому наследию советского периода и активная адаптация зарубежных теорий. Важное значение имеет также тот факт, что в последние десятилетия в мире, особенно в России, значительно усложнились этническая ситуация и межэтнические отношения, а этнология, долгое время находившаяся под запретом, оказалась не готовой к их осмыслению.

За рубежом между тем этнология переживает как бы вторую молодость. К традиционным этнологическим областям знания добавляются новые, в частности четко оформились и успешно развиваются хозяйственная (экономическая), социальная, право-

вая, политическая и религиозная этнология. Процесс дифференциации этнологических исследований еще далек от завершения, и в ближайшее время можно ожидать появления новых направлений¹²⁴.

1.20. Этносоциология

В отличие от этнографии этнология вовсе не ограничивается архаикой. У нее появилась двоюродная сестра — этносоциология, которая предпочитает изучать современные народы, национально-политические движения, бытовые и глобальные проявления национализма в постиндустриальном обществе, этнические конфликты, которых в XXI в. стало даже еще больше, чем в XX в., этническую самоидентификацию и национальное самосознание и др.

Этносоциология — научная дисциплина, сложившаяся на стыке социологии и этнографии, которая ставит своей целью раскрытие этнического многообразия социальных процессов и в то же время — социальной обусловленности и социального разнообразия функционирования этнических черт культуры и быта в их широком понимании.

Термин «этносоциология» был введен в 1930-х гг. Р. Турнвальдом. Под этносоциологией им понималось изучение социальных явлений в доиндустриальных обществах. Независимо от этого в советской науке в конце 1960-х гг. под аналогичным названием возникла пограничная дисциплина на стыке этнографии и социологии. Ее главная задача — изучение взаимосвязи этнических и социальных явлений в жизни современных индустриально развитых стран. Главные теоретические парадигмы, на которых строится этносоциология, это примордиализм, конструктивизм и инструментализм¹²⁵.

В западных словарях по социологии и учебниках мы не найдем термина «этносоциология», ибо там эта дисциплина называется «социология межэтнических отношений». Исследование социального развития этнических групп как самостоятельное направление отсутствует. А если оно и изучается, то на примере так называемых развивающихся народов и именуется социологией развития.

Предметной областью этносоциологических исследований являются прежде всего социальная структура этнических общностей, социально значимые явления в их культуре, в том числе языке, этнические особенности соционормативной культуры, повседневного поведения, психики народов, а также национальное само-

сознание и межличностные национальные отношения. Эмпирическими исследованиями и теоретическими разработками в этой области занимаются Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян, А.А. Су-соклов, А.Г. Здравомыслов, П.И. Кушнер, Б.Х. Юлдашбаев, Р.Г. Кузеев, Д.Ж. Валеев, Ф.С. Файзуллин, Т.О. Бажутина, Т.Г. Исламшина, З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцов, Л.Н. Татарина, О.И. Шкаратан, Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина, Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова, В.С. Агеев, М.В. Крюков, Н.М. Лебедева, А.Н. Око-нечникова и др.

Почва для сближения социологии и этнологии в России сформировалась еще в конце XIX — начале XX в. Во второй половине XIX — начале XX в. в Русском географическом обществе развернуло свою деятельность отделение этнографии. Оно собирало материал по специально разработанной программе сначала о нерусских народах, затем о жизни русского народа. Выдающийся русский социолог М.М. Ковалевский писал, что «вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов имеют особый интерес для русских ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках»¹²⁶. Эти материалы служили основанием не только для изучения прошлого, но и для раскрытия самобытности крестьянского этнического самосознания и повседневного уклада жизни¹²⁷. Среди первых публикаций другого выдающегося социолога XX века П.А. Сорокина было несколько статей по этнографии коми, зырян. Об этом направлении исследований он писал как об имеющем «социологический интерес»¹²⁸. В 1925 г. факультет общественных наук МГУ был преобразован в этнологический факультет и просуществовал до 1930 г., когда в результате жарких идеологических споров этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки. Вплоть до 1960-х гг. советские власти смотрели на этнографию как на науку о традиционной архаике. Впрочем, и социологии в те годы не особенно везло: ее считали выразителем буржуазного мировоззрения. После XX съезда КПСС отмечается постепенное возрождение социологии и одновременно расширение тематики этнографических исследований. Будущий союз двух наук, который произошел в конце 1960-х гг., предопределили два обстоятельства: 1) СССР как многонациональное государство (тогда насчитывалось более 120 этносов) не мог не исследовать, что творится на его многочисленных окраинах, как осуществляется национальная политика; 2) СССР как социалистическое государство, официально провозгласившее переход к коммунизму, стремился продемонстрировать всему миру социальные улучшения в образе и условиях жизни

многочисленных народов, населяющих страну. Так неизбежно национальные проблемы пришлось объединять с социальными, и самой популярной на первых этапах развития этносоциологии темой стали межнациональные браки. В них нашли свой интерес как этнологи, так и социологи. Затем спектр изучаемых проблем расширился.

По мнению одного из ведущих специалистов в этой области Л.М. Дробижевой, сегодня в этносоциологии разрабатывается большой круг тематических направлений, в числе основных можно назвать: исследование социальной структуры наций, изменений в их социальном составе, социальной мобильности (в том числе влияния этнических факторов на социальные перемещения и миграции населения); изучение социально-культурного развития наций, сближения уровня их культурного развития, соотношения интернационального и национально-особенного в повседневной жизни людей разных национальностей, их культурных ориентациях и интересах; исследование социальных аспектов языковой жизни народов, прежде всего условий и факторов, влияющих на распространение языка межнационального общения, развитие двуязычия; изучение этнопсихологических явлений и процессов, межличностных национальных отношений, психологии меж- и внутринационального общения, факторов, определяющих формирование и развитие национального самосознания, национальных интересов, устойчивости и изменчивости некоторых этнических особенностей в психике людей разных национальностей.

Таким образом, этносоциология — попытка соединить этнографию с социологическим методом¹²⁹. Отсюда, возможно, проистекают некоторые странности в предметной специфике этносоциологии, когда в круг научных предпочтений входят совершенно неожиданные темы, например, крупные торговые фирмы и транснациональные корпорации, предполагающие разместить предприятия за рубежом, собирают информацию о культуре труда местного населения и привлекают к сотрудничеству социологов и этнографов.

При изучении этносоциальных проблем используются: опросы (интервьюирование и анкетирование); автобиографический метод и метод свободных интервью; тесты; наблюдения; изучение официальной документации и личных документов (письма, заявки на радио, обращения и т.п.), прессы, литературных источников; статистические источники; переписи и материалы текущего учета населения; нарративные и архивные источники; контент-анализ текущей прессы и средств массовой информации.

1.21. Этнография

В США культурная антропология объединяет этнографию и этнологию, а у европейцев все они числятся чаще всего как различные науки. При этом этнография выполняет функцию эмпирического базиса, а этнология — теоретической надстройки. Одна собирает, другая обобщает. В западно-европейских странах, утверждают Ю.В. Бромлей и С.А. Токарев¹³⁰, термином «этнография» обозначается описательная дисциплина в отличие от теоретической — этнологии. В СССР в этнографию включали оба исследовательских уровня: и описательный, и теоретический. По существу, эта традиция сохранилась до наших дней.

Термин «этнография» более привычен для представителей русской культуры, поскольку в советские годы антропология практически не получила развития и этнография служила как бы ее заменителем. Но в какой степени она способна выполнить эту функцию, являются ли две науки — антропология и этнография — синонимами или это две разные науки, с этим мы попытаемся разобраться.

Этнографию часто путают не только с антропологией, но и с этнологией, поэтому в научных словарях, определяя этнографию, в скобках часто упоминают этнологию как ее эквивалент либо очень похожую на нее дисциплину.

Этнография (от греч. *ethnos* — племя, народ + ...графия) (этнология), наука об этносах (народах), изучающая их происхождение и расселение, быт и культуру. В ряде славянских языков в качестве кальки с наименования «этнография» используются термины «народоведение» (рус.), *narodopis* (словац., словен.), *ludoznawstwo* (пол.) и др. Аналогичным образом в Греции получил хождение термин «лаография». В немецкоязычной литературе изучение традиционного образа жизни народов издавна подразделяется на *Volkerkunde* и *Volkskunde*, причем распространенным является представление, что первая из этих дисциплин изучает народы, отставшие в своем развитии, а вторая — развитые, и прежде всего собственный народ. Подобное деление имеет место и в ряде скандинавских стран: например, в Швеции и Норвегии *Folkeminer* и *Folklivsforsuing* (в Дании первому термину соответствует *Folkeminder*). В качестве аналога немецкого *Volkskunde* в романоязычных странах закрепились термины, соответствующие русскому «народные традиции» (во Франции — *tradiciones populaires*, в Италии — *tradizioni popolari*, в Испании — *tradiciones populares*). Подчас эквивалентом *Volkskunde* в ряде европейских стран выступает и термин «фольклор». Что касается англоязычных стран,

то распространено мнение, что здесь основным аналогом этнографии является социальная (Англия), культурная (США) антропология¹³¹.

В 40–50-х гг. XIX в. русские ученые К.М. Бэр, Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин сформировали основные принципы этнографической науки, которые и стали проводиться в жизнь Русским географическим обществом. На одном из заседаний общества в 1846 г. Н.И. Надеждин выступил с программой «Об этнографическом изучении народности русской», в которой призывал описывать: 1) быт вещественный; 2) быт житейский; 3) быт нравственный; 4) язык. Нравственный быт включал в себя все явления духовной культуры, и среди них — «народную характеристику». Сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и особенностей воспитания детей. Особое место в истории русской науки о народах занимает научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая. Исследование материальной и духовной культуры, психологии и социальных отношений папуасов Новой Гвинеи и народов Океании позволили ученому доказать единство человеческого рода, обосновать идею о том, что все различия между народами вызваны природными и социальными условиями их жизни¹³².

Становление этнографии как науки во второй половине XIX в. за рубежом связано с эволюционной школой (Э. Тэйлор, Л.Г. Морган и др.), исходившей из идей единства культуры человечества. С конца XIX в. исследуются региональные культуры и их взаимовлияние (диффузионизм, культурно-историческая школа). Объектом исследования являлись живые первобытные общества. Отсюда наименование этнографии как «науки о живой старине». На первых порах этнография исследовала не столько общественные отношения, сколько культуру. Главным методом сбора эмпирической информации было и остается полевое исследование. Постепенно горизонт этнографии расширился до изучения культуры традиционного общества в целом, куда первобытное общество входило только как один из элементов. Ученые стали изучать крестьянскую (простонародную) культуру и ее трансформацию под влиянием капитализма. Постепенно в ряде стран, в том числе в СССР, на правах самостоятельных дисциплин выделились два раздела этнографии: 1) этнография первобытности; 2) этнография крестьянства. История становления этнографии в единстве двух ее составляющих, прослеженная Ю.И. Семеновым¹³³, позволяет заключить следующее. В Англии к моменту появления этнографии крестьянская культура уже исчезла, уступив месту промышленности, — сохранились только письменные

источники, которыми активно занимались фольклористы и историки. Единственным объектом оставались заморские колонии, где во множестве обитали первобытные общества, а в некоторых, например в Индии, и живые крестьянские общества. Но эти исследования чаще всего не рассматривались как относящиеся к этнографии, тем более что их объектом была не столько крестьянская культура, сколько крестьянская община. В США традиционное крестьянство никогда не существовало, но зато отчасти рядом с американским обществом, отчасти в его недрах существовало множество индейских обществ, относимых к первобытным. Поэтому этнография здесь возникла как наука почти исключительно о живых первобытных обществах. В Германии, где крестьянство в отличие от Англии продолжало существовать, этнография зародилась прежде всего как наука о простонародной культуре, и только потом, с превращением Германии в колониальную державу, появилась возможность изучать живую первобытность и развивать ее этнографию.

В России в силу особенностей ее развития крестьянский и первобытный миры не просто сосуществовали, но и взаимопроникали. Поскольку граница между ними носила относительный характер, для обозначения двух дисциплин обходились одним термином — «этнография». Применительно к первобытности этнографы называли объекты своего исследования народами или племенами, применительно к цивилизованным обществами — просто народами, что и дало им основание назвать свою науку этнографией.

На территории России этнографы изучают не только традиционное крестьянство и русскую поземельную общину как его основу, но также традиции и быт кочевых народов, в давние времена населявших нашу страну. Этнография исследует общее и особенное в традиционной культуре кочевников и ее генезис, происхождение и формирование отдельных компонентов культур кочевников разных этнических групп, хозяйственный и бытовой уклад номадов, их социальную организацию, особенности семейно-брачных отношений, взаимодействие с соседними народами, пути перехода к оседлости, судьбы кочевников в современном мире, этнический состав и этнические процессы у них.

Часто описание этносов, или народов, дается в этнографии по всему миру и в сравнительном ключе: народы Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Южной Америки и т.п., в результате чего постепенно наметилась сближение этнографии с географией. Начиная с середины 1930-х гг. в СССР был взят курс в основном лишь на геоэтнографию. Остальным разделам этнологической

науки уделялось все меньше и меньше внимания, что нашло, в частности, отражение в структуре Института этнографии АН СССР, который весь состоял из региональных секторов: Западной Европы, Кавказа, Средней Азии и др. Этнография как наука о первобытных обществах получила меньшее развитие, при Институте этнографии АН СССР до 1991 г. существовал сектор истории первобытного общества, подготовивший фундаментальные работы по потестарной системе, экономической этнологии, истории брака и семьи, проблемам войны и мира в первобытном, предклассовом и раннеклассовом обществах и т.д. В этой области отечественными учеными получены серьезные результаты (труды С.А. Арутюнова, С.П. Толстова, А.М. Золотарева, М.О. Косвена, А.К. Байбурина, А.И. Першица, С.А. Токарева и др.). Географический принцип является ведущим в систематизации этнографических знаний в рамках этногеографии. Сохранение понятия «первобытная культура» в составе этнографии позволило предложить теорию, построенную на идее развития, эволюции. Так возникла эволюционистская теория первобытной культуры Э.Б. Тэйлора «Первобытная культура» (1871), где системообразующим фактором в развитии первобытного общества, как и у М. Вебера при анализе эволюции капиталистического общества, была религия. Со временем специалисты стали разделять два родственных понятия — этнографию и этнологию. Под этнографией понимают изучение первобытной и/или крестьянской культуры преимущественно методом сбора эмпирической информации, а под этнологией — изучение тех же объектов и процессов, но преимущественно теоретическим методом. Обе науки (разделы) не противоречат, но дополняют друг друга.

Развитие теоретического слоя знаний в этнографии (этнологии) связано с концепциями Э. Тэйлора, Л.Г. Морган, Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, К. Леви-Строса и др. В конце XIX — начале XX в. некоторые ученые (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт, Ф. Боас и др.), отказавшиеся от старых эволюционистских подходов, утверждая, что объектом исследования должны быть не народы, а культуры, отвергли термин «этнография», объявив о создании новой науки, которую они называли культурной антропологией. Другая часть этнографов из Великобритании и США (Б.К. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, Л.Э. Уайт, Дж. Стюард, Э.Р. Сервис и др.) продолжали считать главным предметом исследования общество, а не культуру. Но и они отказались от термина «этнография», заменив его другим — «социальная антропология» и понимая под ней науку о живых первобытных обществах.

В результате в середине XX в. сформировалось три науки вместе одной: 1) этнология, которая занималась сбором эмпирических данных об обычаях и традициях разных народов и их «географическим» распределением; 2) культурная антропология, на первое место выдвинувшая полевое исследование культуры живущих ныне примитивных племен; 3) социальная антропология, интересовавшаяся социальной стратификацией, семейной структурой, хозяйственным укладом тех же примитивных племен. Изучая один и тот же объект, культурная антропология исходила из первичности культуры, а социальная — из первичности социальной структуры общества. Но поскольку культура и социальная структура составляют неразрывное единство, специалисты часто говорят о существовании не двух, а одной науки — социальной и культурной антропологии. В этой паре наук лидирует социальная антропология, разделом которой иногда считают культурную антропологию. В рамках социальной антропологии в XX в. выделились в качестве самостоятельных направлений, в частности, антропология права (*anthropology of law*), изучающая первобытные законы и правовые нормы, антропология семьи (*anthropology of family*), изучающая системы родства и родственные организации, антропология войны (*anthropology of war*), исследующая конфликты и войны в первобытном обществе, и др.¹³⁴

Хотя в России этнографию понимают как самостоятельную науку, в которой есть собственные теории и эмпирические методы, в США на этнографию смотрят преимущественно как на эмпирический базис социальной антропологии, призванный обеспечивать антропологов бесценными фактами, но не обязанный выработать собственные теории. В научной и учебной литературе, издаваемой в США и Великобритании, можно очень часто встретить неожиданное словоупотребление: авторы пишут об антропологах, но нередко называют их этнографами. Это не ошибка. Стоит приглядеться внимательнее, и все встает на свои места: этнографами антропологи становятся лишь в тех случаях, когда проводят полевые исследования и собирают факты. Все остальное время они выполняют свои непосредственные профессиональные обязанности и остаются антропологами. К. Гирц, авторитет американской антропологии, этнографией называет эмпирическую практику полевых исследований (*fieldwork*), которую он не сводил к совокупности технических приемов. Сходные воззрения мы обнаруживаем и у других антропологов.

В США от 3 до 5 тыс. этнографов и антропологов. Учебные курсы по этим наукам читаются в сотнях университетов страны. Помимо университетских кафедр центрами научной этнографи-

ческой деятельности служат десятки специализированных музеев, среди которых известностью пользуются *American Museum of Natural History (Washington)*, *Carnegie Museum (Pittsburgh)*, *Chicago Natural History Museum (Chicago)*, *Peabody Museum of Natural History (New Haven)*, *Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University (Cambridge, Mass)*. Они издают альбомы, видеофильмы, серии научных трудов, имеют свои веб-сайты. Кроме того, функционирует ряд научных этнографико-антропологических обществ: Американская антропологическая ассоциация, Американское фольклорное общество, Американское общество этноистории, Американское этнологическое общество, Общество прикладной антропологии, Межамериканский индианистский институт, Католическая антропологическая ассоциация и др. Регулярно они проводят международные конференции и симпозиумы, фестивали этнографических и антропологических фильмов.

Современная этнография изучает малые народы и сельское население, сохранившее традиционный уклад жизни, во всех цивилизованных и индустриальных странах Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Южной Америки и т.п. Описание народов, их традиций, культуры, образа жизни ведется на сравнительном материале. Географический принцип при этом часто является ведущим в систематизации этнографических знаний, которая опирается на эмпирические данные, собранные, обработанные, классифицированные и интерпретированные после проведения полевой работы. Этнографы изучают местные нравы и обычаи, язык и ритуалы, экономику и политику, социальную организацию и институты, занимаются сбором эмпирических данных о разных народах мира и их «географическом» распределении по планете. Как правило, этнографы подолгу живут в небольших общинах, изучая местные нравы и обычаи, язык и ритуалы, экономику и политику, социальную организацию и институты.

В последнее время российские специалисты восстановили традиции нашего великого соотечественника Н. Миклухо-Маклая и после векового перерыва впервые отправились изучать обычаи и традиции не народов севера России, а диких племен, живущих далеко за ее пределами, в частности около берегов Австралии. Продолжается специализация этнографического знания, возникают новые направления, научные школы, тематические области и субдисциплины, в том числе этнография питания, потестарная этнография, этнография детства, феминистская этнография, петербургская этнография, ретроспективная этнография, дисперсивная этнография, сакральная этнография, историческая этнография, этнографическая социология, этнографическая линг-

вистика, этнография переписи, этнография любви, постмодернистская этнография, этнография народов гор, этнография чеченской войны, этнография страсти, этнография в интерьере, электоральная этнография, этнография сновидений, этнография города, этнография коренных народов Северной Азии, этнография Аят, этнография культурных стереотипов, этнография Сибири, этнографические веб-ресурсы, этнографический Интернет и др.

1.22. Крестьяноведение

На стыке этнографии, социологии, истории, экономики и антропологии в XX в. получили развитие крестьяноведческие исследования (*peasant studies*), или крестьяноведение. Изучение крестьянских обществ в разных регионах мира позволило выделить ряд черт, общих для всех крестьян. Это семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская традиционная культура, низшее положение в системе социальной иерархии¹³⁵. Для антропологической характеристики крестьянина важно подчеркнуть единство природного, хозяйственного и социального — подчинение хозяйственно-трудовой деятельности природным ритмам, тесное переплетение хозяйствования с отношениями в семье и с соседями, отсутствие ярко выраженной индивидуальности, преобладание социальных связей личного типа¹³⁶. В крестьяноведении подчеркивается, что для крестьянина земледелие — не просто занятие или средство получения дохода, оно образ жизни, признак, который характеризует крестьянство как человеческий тип. Иначе говоря, крестьянское отношение к земле — суть образа жизни¹³⁷. Изначально хозяйствование на земле, объединяющее духовную и материальную сферу, человеческий мир и природу, по мнению И.Е. Козновой, было сакральным актом, священнодействием, воспроизводимым в обрядах. Крестьянству свойственно мифологическое восприятие мира. Крестьянин воспринимал себя с землей как единое целое.

В России крестьяноведение начало формироваться в начале XX в. благодаря усилиям А.В. Чайнова и его научной школы, затем прервалось на 70 лет и возобновилось лишь в 1990-е гг., когда крестьяноведение оформилось в самостоятельное научное направление. Сам термин «крестьяноведение» (как русский аналог *peasant studies*) впервые был употреблен в сборнике ИНИОН в 1977 г.¹³⁸

Поворотным пунктом стала реализация крупного российско-британского проекта «Изучение социальной структуры россий-

ского села», возглавляемого профессором Манчестерского университета Т. Шаниным. На основе данного проекта сформировался коллектив социологов-крестьяноведов из разных городов России. В проекте принимали участие сотрудники научных организаций и архивов из России — ИРИ РАН, МГУ, СО ИРИ РАН, Пензенский педагогический университет, ГАРФ, РГВА, ЦА ФСБ и др. (более 30 человек историков и архивистов), а также представители научно-исследовательских центров и университетов из Австралии, Великобритании, США, Канады, Южной Кореи. Впоследствии их периодические встречи для обсуждения и координации исследований получили наименование «длинные столы». Первый методологический семинар такого рода состоялся в октябре 1990 г. Всего с 1990 по 2001 г. прошло около 40 «столов». Кроме них активно действовал международный семинар, который провел более дюжины заседаний, в ходе которых рассматривались крестьяноведческие исследования и идеи Т. Шанина, Э. Вульфа, М. Левина, Г. Хантера и Я. Ширмера, Ш. Мерля, А. Мандра, Р. Редфилда, Р. Сиви, Д. Филда, О. Вебера, И. Воглера, С. Уиткрофта и Р. Дэвиса.

На протяжении первой половины 1990-х гг. проводилась историческая часть историко-социологического обследования деревень России, Белоруссии и Армении, велась интенсивная работа по сбору и копированию материалов о крестьянском движении в архивах Москвы, С.-Петербурга, Вологды, Казани, Ульяновска, Самары, Саратова, Тамбова, Ростова-на-Дону, Краснодара и ряда других городов. Речь идет о крупных собраниях документов о крестьянском движении на территории Советской России в 1918 г., крестьянских восстаниях и войнах в Поволжье в 1919–1921 гг. и на Кубани в 1920–1922 гг., крестьянской войне 1920–1921 гг. на Тамбовщине и о судьбе красного казачества на Дону в 1918–1921 гг. и т.д. Большой проект посвящен коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачиванию. Группы историков и архивистов приступили к подготовке сборников документов по крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии («Антоновщина») и донскому казачеству в 1918–1921 гг. В дальнейшем участники проекта вошли в состав исследовательских групп проекта «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» и научных проектов по истории советского крестьянства.

Первые развернутые автобиографии 124 сельских семей из 25 сел в восьми регионах России социологи получили еще в советскую эпоху — в 1990 г. В 1995–1996 гг. исследования проводились в селах Вологодской, Тверской, Нижегородской, Орловской, Саратовской, Курганской областей и в Краснодарском крае. В 1998–1999 гг. отобрааны, прокомментированы и опубликованы

в виде отдельных брошюр письма крестьян Краснодарского края, Новгородской, Белгородской, Саратовской областей. В период с 1999 по 2001 г. Центром крестьяноведения и аграрных проблем были проведены три исследования постсоветской сельской России. Новый проект «Неформальная экономика сельских и городских семейных домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (рук. Т. Шанин и В. Радаев) был нацелен на изучение истории сельских семей и сел, анализ бюджетов доходов и расходов, бюджетов времени населения деревень, экономических связей внутри семей, проблем местного управления и др. Исследование проводилось в городах и селах Краснодарского края и Саратовской области. Основным методом изучения стали «глубокие интервью, связанные с вживанием в изучаемое сообщество»¹³⁹. Информация о доходах и расходах семей собиралась путем ежедневного самозаполнения специальных бланков обо всех видах поступлений и расходов. Кроме того, активно используется метод включенного наблюдения за повседневной жизнью сельских жителей. В каждом селе группа из двух исследователей работала в течение 8 месяцев, после чего переезжала в следующее село. Подобного рода «социологические десанты» действовали в разных регионах России, а также в селах Казахстана, Армении, Киргизии, Узбекистана. С января 2001 г. центром ведется подготовка фундаментального труда «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» и разработка проблематики поколенческой истории России XX в.

По мнению Р.В. Рывкиной, методы работы коллектива Т. Шанина содержат много общего с теми, которые использовались дореволюционными исследователями деревни и в 1920-е гг.¹⁴⁰ Свой предмет Т. Шанин называет крестьяноведением, продолжая традицию, заложенную А.В. Чаяновым, исследовавшим «организацию крестьянского хозяйства»¹⁴¹. По Т. Шанину, крестьяноведение — это самостоятельная отрасль общественной науки, объект которой — крестьянин, его семья и его хозяйство, а также его «мир»: село и взаимодействующая с этим миром природа¹⁴². Т. Шанин создал применительно к русским условиям методологию двойной рефлексивности, которая включает: 1) качественную методологию; 2) качественно-количественный интерфейс; 3) двойную рефлексивность. Для их реализации в полевом исследовании социолог должен уметь применять интерактивное наблюдение, связанное с вживанием в изучаемое сообщество, глубокое (или глубинное) интервью с помощью полуструктурированных опросников, а также метод коллективной интеллектуальной поддержки, который был назван автором «длинным столом» (по месту встречи исследователей-полеводов)¹⁴³. Специфика используемого подхода — глубо-

кое погружение в крестьянский мир, активное включение исследователя в повседневную жизнедеятельность российского села.

В нынешнем крестьяноведении отдается приоритет качественным, а не количественным методам, интерпретации смысла событий, а не статистическому учету данных. В этом пункте Т. Шанин серьезно расходится со своим духовным учителем А.В. Чаяновым, который был выдающимся статистиком, всегда оперировал лишь точными фактами и никогда ничего не делал на глазок.

Рефлексивное крестьяноведение пронизано поиском новой субъектности, т.е. диалогом исследователя с изучаемыми группами, поиском многомерных интерпретаций. «Понять “реальность” — значит попытаться отразить различные взгляды на одни и те же события и описать разные интересы»¹⁴⁴. А это значит, что социологический подход в современном крестьяноведении сделал серьезный крен от статистики в сторону социальной антропологии. Объект осмысления здесь: крестьянский двор — сельское сообщество — район. Исходной ячейкой, как в социальной антропологии, служит отдельный индивид и ближайшее окружение — семья, родственная группа, сообщество соседей и друзей, крестьянское подворье, ферма, деревенская община. Если сравнивать обе дисциплины — крестьяноведение и антропологию, то окажется, что обе они применяют схожие методы на одинаковых объектах, а именно качественные приемы к малым группам. В итоге применения глубинных техник познания крестьянский мир предстает как совокупность особых культурных практик и моделей поведения, стратегий и микростратегий индивидуального и семейного уровней, сложным переплетением социальных сетей взаимопомощи и взаимозависимости.

Современное крестьяноведение — как бы новое направление, изучающее крестьянство — последнюю, некогда самую многочисленную социальную категорию на территории нашей страны, представляющую традиционное общество. Представители этой дисциплины, а точнее сказать — нового теоретико-методологического направления, занимающие самостоятельные позиции в части создания научных концепций и применения эмпирических методов, чаще всего обращаются к двум типам источников — историческим архивам и собранным методом углубленного («мягкого») интервью и участвующего наблюдения социологическим данным.

В крестьяноведческих исследованиях А.В. Гордон¹⁴⁵ выделяет четыре направления: 1) «от хозяйства»; 2) «от общины» (социальной организации деревенского микрокосма); 3) «от культуры» (так называемой малой традиции); 4) «от окружения» (положения крестьян в макросоциуме). До недавнего времени в мировой науке безраздельно господствовал подход «от окружения», который

в советской историографии подчинялся принципам классового подхода. В соответствии с ним крестьянство понималось как угнетаемый класс в антагонистических формациях, а при социализме класс — как свободный от эксплуатации класс свободных тружеников, совладельцев общенародной собственности, постепенно превращающийся в индустриальный отряд рабочего класса в аграрном секторе экономики. В отличие от пролетариата крестьянству присущи некоторые социальные, культурные и экономические пережитки, в частности индивидуализм и частнособственническая психология, стремление держаться за личное хозяйство, более низкий уровень образования, религиозные суеверия, местничество и традиционализм. Крестьянство считалось носителем исторически изжитых укладов экономики и моделей экономического поведения и рассматривалось в таких категориях, как «мелкий производитель», «мелкотоварный уклад», «мелкая буржуазия».

Собственно говоря, полагает А.В. Гордон, бытование крестьянства как предмет исследования растворялось в истории феодальной формации, анализе сельскохозяйственной экономики, изложении аграрной политики государства или классификации народных обычаев. «Даже в многотомных прекрасно документированных трудах, обстоятельно описывавших историю сельского населения России, Европы, Востока, у большинства авторов не чувствовалось потребности в особой теории (или научной дисциплине) для крестьянства»¹⁴⁶.

Между тем оформление крестьяноведения в специальную дисциплину побуждало ученых к формированию особых теорий или подходов для объяснения специфики крестьянского хозяйствования, социальной организации, политического поведения, коллективного сознания. За рубежом создано немало интересных научных теорий, объясняющих крестьянство как особый культурный и социально-экономический феномен. В качестве примера можно назвать концепцию «моральной экономики крестьянина» Дж. Скотта, концепции «ограниченности благ» Дж. Фостера, «разделенной бедности» и «инволюции земледелия» К. Герца. Не менее значительным историографическим явлением обещала стать концепция «натуральных производительных сил» (сформулированная на рубеже 1960–1970-х гг. В.В. Крыловым и поддержанная В.П. Даниловым, Л.В. Даниловой, В.Г. Растяльниковым, А.И. Фурсовым)¹⁴⁷. Сюда же относится теория семейной организации крестьянского хозяйствования, которая нашла выражение сначала в аналитической категории «крестьянского хозяйства», сформировавшейся в отечественной аграрной науке на рубеже XIX и XX вв., а затем — в рамках организационно-производственного

направления 1920-х гг. (А. Чаянов) — и в одноименной теории. В свое время А.В. Чаянов, являвшийся лидером ОПН, имел право утверждать: «Я стою в первом десятке мировых ученых своей специальностью»¹⁴⁸. Школа А. Чаянова прославилась также мощными историко-обобщающими трудами по теории крестьянского хозяйства¹⁴⁹. К тому же ряду А.В. Гордон относит концепцию «естественной социальности», восходящую к марксовской категории *Gemeinwesen*, и типологии *Gemeinschaft—Gessellschaft* («общность — общество») Ф. Тенниса¹⁵⁰.

1.23. Этнография детства

Этнографические исследования детства зародились еще в XIX в. Наш соотечественник Н.Н. Миклухо-Маклай собрал ценные данные о воспитании детей у папуасов. В 1920-х гг. на материалах Океании были созданы классические работы Б. Малиновского (о тробрианцах) и М. Мид (Самоа, Новая Гвинея, остров Бали). Р. Ферс подробно описал социализационную систему у тикопия (1936), Дж. Уайтинг — у квома (1941), Я. Хогбин — у вогео (1943). Эта традиция активно продолжается и современными исследователями. По количеству публикаций детство народов Австралии и Океании занимает одно из первых мест в этнографической литературе¹⁵¹.

Исследования детской субкультуры, в частности детского фольклора, образа жизни, быта и игровой деятельности детей и подростков, проводились в 1920—1930-х гг. и в России (работы Г.С. Виноградова и О.И. Капицы). Изучением игровых групповых форм и детского фольклора, функционирования детских рабочих коллективов, группового взаимодействия детей занимались в те годы Е.А. Аркин, А.С. Залужный, Е.А. Покровский, Г.А. Фортунатов. В 1960-е гг. проблемами детской субкультуры и групповой жизни в отечественной психологии интересовались Д.Б. Эльконин, А.П. Усова, Г.П. Щедровицкий. Они показали роль и место игры как ведущей деятельности в формировании психики ребенка, проанализировали технологию игры как своего рода социологической модели одной из форм общественных отношений. В 1970—1980-е гг. в центре внимания российских ученых оказалась социометрия детских отношений, была определена роль эмоциональных предпочтений в малой группе ровесников (Я.Л. Коломинский, Т.А. Репина и др.).

Современная система обучения и воспитания выделила детей из мира взрослых. Появился разрыв между «культурой взрослых»

и «культурой детей». Детская субкультура все больше самоопределяется в соответствии с социально-психологическими потребностями, которые дети стремятся удовлетворить в общении со сверстниками. Ее достижения откладываются в детской традиции и закрепляются в фольклоре как форме ее выражения¹⁵². В 1978 г. известная финская фольклористка Л. Виртанен публикует книгу «Детский фольклор», где рассматривает детское сообщество как самостоятельную «миникультуру», живущую по своеобразным, непонятным взрослому законам.

Специфика современного детского фольклора нашла отражение в трудах многих ученых. Попытка создания универсальной классификации сюжетов и мотивов страшных историй принадлежит С.М. Лойтер, психологические предпосылки возникновения отдельных жанров исследуются М.В. Осориной. Рассмотрению конкретных образов и взаимосвязям современного детского фольклора и литературы посвящены работы А.В. Топоркова, М.А. Мухлынина, О.Ю. Трыковой, Т.В. Зуевой. Проблемы генезиса и художественные особенности садистских стихшков изучают А.Ф. Белоусов, М.Ю. Новицкая, И.А. Бутенко и др.

Исследованиями в фольклорной области занимается целый ряд антропологов, психологов, социологов, педагогов, в том числе М.В. Осорина, О.Ю. Трыкова, М.П. Чередникова, С.В. Лурье. Еще в начале 1980-х гг. М.В. Осорина одна из первых начала публиковать детские страшные истории. Позднее она выступила как автор замечательных статей о детском фольклоре, в которых уже были намечены современные подходы к детскому словесному творчеству. В своих работах М.В. Осорина раскрывает особенности детской субкультуры с присущими ей феноменами, такими как детский фольклор, шалости, страшные истории, детская магия, испытания храбрости и др. М.В. Осорина ставит своей целью описать «феноменологию детского территориального поведения», то, как дети налаживают отношения с ландшафтом, какие места они посещают, что они там делают¹⁵³; стадии освоения ребенком своей телесности и окружающего пространства — сначала своей комнаты и своей квартиры, затем двора, свалки, ближайших улиц и, наконец, более обширного городского ландшафта. В работе выясняются причины того, зачем дети ходят в «страшные места»: в подвалы и на чердаки, в заброшенные здания и на кладбище. Отдельная глава посвящена освоению детьми ландшафта. Здесь описывается, как дети исследуют лес и пещеру, берег реки и городскую улицу. В середине 1990-х гг. М.П. Чередникова вводит в научный оборот понятие «современная детская мифология», которая рассматривается сквозь призму фактов традиционной культуры и возрастной психологии.

На мифологической картине мира основаны такие жанры современного детского фольклора, как страшные истории, вызывания, игры, садистские стишки. Они сформировались во второй половине XX в. и являются результатом коллективного поиска детей ответов на вопросы, разрешить которые индивидуальное сознание ребенка не в состоянии: смерть и посмертное существование человека, потусторонний мир и способы общения с ним. Тесная связь детского фольклора с психическим развитием ребенка и процессами его социализации позволяет выявить эволюцию мифологических представлений детей. Особенности русского фольклора нашли отражение в работах А.Г. Татаринцева, Э.А. Тамаркиной, Т.А. Шуклиной, С.В. Стародубцевой, Ю.В. Приказчиковой. Сбору полевых материалов современного детского фольклора Удмуртии посвящены работы А.С. Мутиной.

Опираясь на опыт народов Австралии и Океании (половые различия и половозрастной символизм, подростковые инициации, мужские союзы, нормы сексуального поведения), в конце 1980-х и начале 1990-х гг. отечественные ученые исследовали широкий спектр вопросов детской субкультуры и этнографии родительства. Так, Н.А. Бутинов обсуждает общетеоретическую проблему взаимоотношения отцов и детей в условиях общинно-родового строя, А.И. Азаров дает сравнительный анализ возрастных обрядов перехода и мужских инициаций, Е.С. Соболева реконструирует стиль социализации детей и подростков на острове Тимор, Е.В. Ревуненкова прослеживает роль и место традиционных институтов и форм деятельности (возделывание риса, особая система обучения и древнее театральное искусство) в сменной системе социализации детей у народов Малайзии и Индонезии, О.В. Зернецкая анализирует отражение мира детства в современной литературе маори¹⁵⁴.

Этнографы, антропологи и психологи, сопоставляя между собой различные культуры, народы и типы людей, составляют «толковые словари» вербального и невербального поведения детей, в которых фиксируют способы выражения отношения ребенка к отдельным элементам окружения при помощи мимики, выражения глаз, улыбки, интонации, жестов и слов. Специалисты отмечают, что легализация половых извращений и активное распространение порнографии в СМИ в 1990-е гг., в том числе ориентированные на детскую аудиторию, а также доступность эротических теле- и видеофильмов, компьютерных игр приводят к *сексуализации* детского сознания. Кризисные явления в современном детском сознании, по их мнению, происходят в следующих направлениях — *меркантилизации, вестернизации, демонизации*¹⁵⁵.

Подверглись дегуманизации две важнейшие составляющие современной детской субкультуры — экранное пространство как

генерированный «совокупный» взрослый (у телевизора дети проводят до 40% свободного времени) и детская инфраструктура — детские журналы, газеты, книги, игры, игрушки, устный фольклор.

В работах В.В. Абраменковой¹⁵⁶ представлен анализ феномена детства в истории культуры и современности в контексте нового междисциплинарного направления — социальной психологии детства — и раскрыта уникальность детской субкультуры и ее значение в построении ребенком картины мира. Она отмечает, что в больших российских городах у современных детей не оказалось дворов, а в сельской местности — игровых околиц. Детские психотерапевты в связи с этим говорят: у детей отняли игровые дворы, и тогда им пришлось занять чердаки и подвалы. Обобщив огромный эмпирический материал, полученный ею в многочисленных полевых исследованиях, где использовались, в частности, наблюдение, беседа, анкетирование, социометрия, рисуночные тесты, референтометрия, метод исторической реконструкции и некоторые другие, В.В. Абраменкова построила весьма интересную с точки зрения фундаментальной социологии пространственно-временную модель детской субкультуры. Вся совокупность взаимоотношений ребенка с родителями, друзьями, родными, ровесниками, социальными институтами и обществом в целом составила n -мерное пространство¹⁵⁷ (рис. 5).

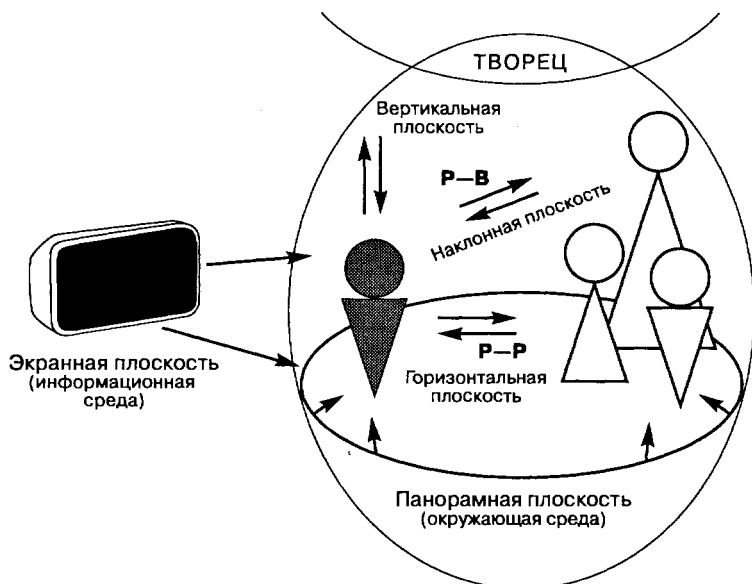

Рис. 5. Пространство отношений ребенка в мире

Пространство детских отношений пересекают несколько гиперплоскостей. *Горизонтальная плоскость* — это отношения с равными себе людьми, прежде всего ровесниками; *наклонная плоскость* выражает отношения ребенка с превосходящими (по возрасту и социальному статусу) людьми, главным образом взрослыми. *Вертикальная плоскость* выводит его вообще из мира людей и переносит в духовное измерение. Здесь сосредоточены моральные представления о добре и зле, религиозные — о смысле жизни, эстетические — о красоте и творчестве (ребенок-Творец). Наконец, *панорамная плоскость* представлена историко-культурными представлениями (сформированной картиной мира) и окружающей средой. А с середины XX в. появилась новая реальность — замкнутое, ограниченное пространство отношений с миром, которое имеет, например, тяжело больной ребенок или современный теле-, видео- или компьютерного экрана, это *экранная плоскость* отношений с информационной средой. Информационная среда в детской картине мира, представленная ограниченной плоскостью этого экрана, активно влияет на всю систему пространств отношений ребенка, постепенно подменяя их «телеэкранной социализацией». Внедряясь в детское сознание посредством оптических эффектов, клипов и самих телеобразов, экран конструирует «новую мораль». Представленность экрана в детской картине мира и его влияние обратно пропорциональны возрасту детей. Другой формой онтологии детских отношений выступает *время*. У него три измерения: прошлое, настоящее и будущее¹⁵⁸.

В изучении детской субкультуры, детского фольклора, детской мифологии, игровой культуры в последнее десятилетие достигнуты немалые успехи. Введены в научный оборот такие жанры и формы словесного творчества детей и подростков, как страшные рассказы и пародии на них, «садистские стишки», рукописные рассказы о любви, пародии на литературные произведения, альбомы девушек и заключенных детских колоний, издаются серьезные научные монографии, учебные пособия, хрестоматии и антологии школьного фольклора¹⁵⁹.

1.24. Некросоциология

В 1990-е гг. появился термин «некросоциология». Он не получил широкого распространения ни у нас в стране, ни за рубежом. Тем не менее, как нам представляется, он не только имеет право на существование, но и указывает на весьма перспективную область

историко-социологических исследований. В России пропагандистом нового направления выступает известный специалист по культурологии и социологии Л.Г. Ионин¹⁶⁰. По его мнению, предметным полем новой социологической дисциплины должен стать диалог живых с умершими так, будто последние никогда не умирали и выступают их современниками. Прошлое вторгается в нашу повседневность самыми разными путями и не обязательно в те дни, когда мы посещаем могилы предков или присутствуем на поминках.

Загробная жизнь согласно верованиям древних египтян была продолжением земной жизни. Умершего родственника египтяне воспринимали как реально существующего, способного принести вред или оказать помощь, приходиться в дом живущих, оставлять какие-либо меты и странным образом вступать с ними в контакт. Живые иногда пытались установить контакт с умершими родственниками посредством писем, где они излагали свои просьбы либо даже угрозы. Некоторые болезни живых считали следствием злых козней умерших. Это было одной из причин возникновения переписки: улаживание отношений с умершими выступало терапевтическим средством, помогающим излечить недуги и обрести душевное равновесие.

Для египтян диалоги с мертвыми: обращения к ним, переписка, знаки, получаемые от них, — были естественным, нормальным явлением повседневной жизни. Согласно этим представлениям у людей ушедших поколений было будущее; будучи в каких-то отношениях связанными, в других отношениях они оставались свободными и могли воздействовать на мир настоящего¹⁶¹.

Непростые взаимоотношения с мертвыми складывались и у других народов, в частности у многих африканских племен. Живым все время казалось, что мертвые недовольны и полны зависти к оставшимся. Они пытаются мстить, иногда за оскорбления, нанесенные им при жизни, но чаще просто за то, что другие живы, а они — нет. По ночам мертвецы даже хотели перетащить в загробный мир живых, вот почему кухонную утварь и предметы, которыми те пользовались, живые уничтожали. Все складывалось в могилу или сжигалось вместе с умершим. Хижину, где он жил, оставляли навсегда. Часто мертвеца со всеми пожитками хоронили прямо в его собственном доме. «Удивительно, что это чувство приписывают мертвым повсюду, при самых разных обстоятельствах. Кажется, что среди умерших всех народов господствует один и тот же настрой: лучше бы нам остаться в живых. С точки зрения тех, кто остался, каждый, кто ушел, потерпел поражение. Поражение заключается в том, что он был пережит. Он не может

с этим смириться, и, вполне естественно, эту сильнейшую боль, которую претерпел, он старается причинить другим»¹⁶².

Появившийся у многих народов мира культ мертвых — это не только, а возможно, и не столько дань уважения своим предком, сколько способ закрыть им доступ в мир живущих. В соответствии со своим социальным положением мертвые получают все, что им может потребоваться, им дается почет и пища, они просто не могут чувствовать себя неудовлетворенными в потустороннем мире. Воинов хоронили вместе с оружием и доспехами, вождей — вместе с женами и рабами, фараонов в дальний поход провожало чуть не полцарства, принесенное в жертву социальным амбициям. Считалось, что если как следует проводить в дорогу умершего, обеспечить его «проживание» на том свете по высшему разряду, то ему незачем будет завидовать живым, посещая их по ночам или забирая их в свой мир.

Во время особого пира и ритуалов в честь умерших представители народности зулу (Южная Африка) громогласно обозначают все должности предков и титулы. Не дай Бог пропустить какой-то титул или произнести его неправильно: предок может оскорбиться и принести страшный вред живым. Дабы задобрить почивших, забивают коз и быков и приглашают предков на пиршество.

Принципиально важным моментом, и в этом надо согласиться с Л.Г. Иониным, является модус сосуществования живых и мертвых: отношения живых и мертвых — это отношения, по сути дела, современников, членов одного и того же общества. Нельзя сказать, что живые — члены общества, племени, группы, а мертвые — нет. И те, и другие — члены общества. Но их статусы неравны: статус умершего предка выше, чем статус живущего современника. «Мертвые сильнее в магическом смысле. Им открыто больше пространств и времен, закрытых для живых. Мертвые знают больше, чем живые, и имеют больше возможностей воздействовать на живых, чем живые на них. В то же время у живых имеется нечто такое, что мертвые утратили и уже не могут получить обратно никогда»¹⁶³.

Сосуществование этих статусных групп не укладывается в привычные рамки возрастной стратификации, ибо у мертвых возраста уже нет: они принадлежат вечности. Здесь речь идет о более фундаментальных понятиях. Настолько фундаментальных, что с точки зрения аборигенов все дальнейшие стратификационные и социально-структурные подразделения носят вторичный, или надстроечный, характер. Мертвые сосуществуют с живыми в одном с ними измерении. В их честь воздвигают памятники, исполняют ритуалы, организуют праздники, в их честь называют своих

детей, их почитают и им поклоняются. Кроме того, им отдают часть общественного богатства и просят их заступничества во время засухи или природных бедствий, всем видом показывая, что умершие выступают непосредственными производителями материальных ценностей наряду с живыми.

Жить вместе живым и мертвым в известном смысле приходится и сегодня. Телевидение и кинофильмы демонстрируют наглядное присутствие мертвых в образе пугающих вурдалаков, вампиров и ходячих мертвецов в повседневной реальности, всякий раз доказывая, что окружающий нас мир — это, по сути, социально-конструированная реальность, большое общество, в котором сосуществуют все умершие и все живущие поколения.

Глава 2. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ И КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Научные дискуссии о том, что лучше — качественный или количественный подход в исследовании социальных процессов, — ведутся уже целое столетие. Они начались с самого рождения эмпирической социологии (рубеж XIX–XX вв.) и продолжаются до сих пор. Одни авторы не видят никаких серьезных различий между двумя важнейшими исследовательскими традициями, считая их исторический спор надуманным. Другие считают, что это два совершенно разных типа мировоззрения, две разные формы научной картины мира, никак не совместимые между собой.

Количественная методология, оперирующая цифрами, расчетами и статистикой, давно и основательно прописалась в социологии. Можно даже сказать, на ней наша наука и выросла. Иное дело качественная стратегия, опирающаяся на глубинные интервью и включенное наблюдение, избегающая формализованных методов и статистики. Она ютилась на задворках научного поиска и никогда не играла в социологии заглавной роли. Так повелось с XIX в., но в XX в., когда на пересечении социологии и антропологии зародилась социальная антропология — а некоторые специалисты полагают, что она родилась не на перекрестке, а в недрах социологии — ситуация изменилась. Качественные методы вдруг обрели второе дыхание и стали играть в социальной антропологии заглавные роли. Социологи как бы отдали на откуп антропологам то, что им самим не пригодилось, а те обогатили качественную методологию новым содержанием и заставили успешно работать на себя.

Без социологов, возможно, социальные антропологи никогда бы и не получили свое главное оружие, которым они гордятся и в веке текущем. Дело в том, что в общей антропологии, измеряющей череп и исследующей человеческие останки, никаких качественных

методов отродясь не было. Правда, они существуют в некоторых подразделениях психологии, скажем в психоанализе, где без глубокого интервью никак не обойтись. Но тем не менее остается историческим фактом, что решающее влияние на социальную антропологию оказала все-таки социология. На то есть свои и весьма убедительные исторические аргументы.

2.1. Исторический спор двух стратегий

Количественные закономерности начали активно исследоваться в рамках так называемой политической арифметики с тех пор, когда в 1662 г. английским статистиком Дж. Граунтом была написана известная работа, посвященная анализу данных о смертности. «В XVII и XVIII вв. появился ряд фундаментальных работ, направленных на изучение статистики народонаселения. Была выявлена устойчивость многих соотношений: соотношение рождений по полу, доля детской смертности, повышенная смертность в городских условиях и повышенная рождаемость — в сельских, процент смертности в определенном возрасте для определенных групп населения и т.д. Поиск подобных закономерностей в последующие века осуществлялся многими учеными. Наиболее известными, вероятно, можно считать Кетле (открывшего целый ряд подобных соотношений при изучении преступности) и Дюркгейма (с его классическими изысканиями в области изучения самоубийств)»¹. Работа А. Кетле «Опыт социальной физики», положившая начало использованию эмпирических количественных данных для установления закономерностей социальных явлений, увидела свет в 1835 г.

Первой крупной эмпирической работой, выполненной с позиций качественного подхода, принято считать работу французского исследователя Ф. Ле Пле «Европейские рабочие» (1855). В монографическом изучении 300 семей, принадлежащих к различным слоям общества, он использовал личные наблюдения и интервью. Таким образом, обе традиции, количественная и качественная, с исторической точки зрения возникли практически одновременно.

Тем не менее качественная стратегия в социологии ассоциируется у нас не с французской школой Ле Пле, а с философией жизни и феноменологией, заложивших теоретический фундамент изучения отдельных и уникальных случаев. Сегодня принято считать, что качественная традиция базируется на гуманистической социологии, в том числе понимающей социологию Дильтея и Вебера, символическом интеракционизме Ч. Кули, Дж.Г. Мида,

Г. Блумера, феноменологической социологии А. Шюца, драматургической социологии Э. Гоффмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля. В центре внимания находятся уникальный жизненный опыт индивида и попытка сквозь эту призму рассмотреть, понять и проанализировать крупные социальные системы, в том числе институты и общества.

Но можно ли относить символический интеракционизм или понимающую социологию к качественной методологии в строгом смысле? Ответ скорее неопределенный: и да, и нет. Да, поскольку они не соответствуют количественной методологии, поскольку направлены на поиск особых путей познания и поскольку сознательно противостоят ей. Нет, поскольку ни Г. Зиммель, ни М. Вебер, ни А. Шюц не разработали принципов качественных методов, которые приняты сегодня на вооружение альтернативными социологами. Они лишь намекали на их возможность, говорили о неких общесоциологических принципах неколичественной методологии, но никто из них не провел полевого исследования в полном соответствии с принципами качественных методов, которые приняты на вооружение современной социологией. Возможно поэтому их относят к донаучному этапу становления качественной методологии, к ее предшественникам².

Качественная традиция в социологии никогда не умирала, но в одни периоды к ней проявляли больший интерес, а в другие — меньший. По большому счету качественная и количественная методология возникли в мировой социологии одновременно и никогда не исчезали. Можно говорить лишь о периодах господства или доминирования (более слабый вид преобладания, чем господство) той или иной методологии, об увлечении (общем или частном) сообщества социологов одной из них, иными словами, о некоей научной моде, увлечении, нежели о вытеснении одной из методологий своей соперницы.

Первый всплеск качественной социологии, если говорить о ее эмпирической, а не теоретической составляющей, был связан со знаменитой чикагской школой начала XX в. Ее представители довели качественные приемы научного исследования до совершенства художественного метода, за что и были серьезно раскритикованы своими противниками, не увидевшими в их работах вообще никакой научности, но лишь художественный вымысел. В таком стиле написаны не только социологические очерки Р. Парка, но и знаменитая книга У. Уайта «Общество на углу улицы»³.

Период 1930–1950-х гг. в США проходил под знаком господства количественной методологии, которая в это время широко

распространилась не только в социологии, но и по всему спектру социальных наук.

В основном и целом количественная методология формировалась в рамках позитивизма. Вначале это был позитивизм французский (О. Конт), а позже, в 1920–1930-е гг., немецко-австрийский. Основные идеи логического позитивизма, как известно, были разработаны вначале членами Венского логического кружка, куда входили известные философы и математики М. Шлик, О. Нерайт, Р. Карнап. В своих построениях члены Венского кружка опирались на некоторые базовые построения «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (1921)⁴.

Одно из ключевых положений логического позитивизма состояло в так называемом принципе верификационизма, согласно которому всякое научно осмысленное утверждение может быть сведено к совокупности так называемых протокольных высказываний, фиксирующих результаты «чистого опыта» и выступающих в качестве фундамента любого знания. Как следствие, верификационизм трактует процесс научного познания как процедуру эмпирической проверки фактов, лежащих в основе соответствующих утверждений.

Первой программной методологией нового типа на почве социологии явился физикализм Дж. Ландберга⁵. В 1930-е гг. он формулирует так называемую прагматическую эпистемологию, центральными принципами которой выступали операционализм, квантификация и бихевиоризм. Последний запрещал изучать субъективные состояния (мотивы, ценности, стремления) как неподдающиеся точной фиксации и количественному измерению. Дж. Ландберг был убежден, что социология должна использовать в своем анализе концептуальную схему, выработанную в современной физике, т.е. действовать по аналогии. Уравняв социологию и физику, он ликвидировал качественное своеобразие социального метода.

Предвидение Дж. Ландберга о том, что социология постепенно перейдет на рельсы естественной науки, во многом оправдалось. Усилиями Дж. Ландберга, П. Лазарсфельда, В. Кэттона, Р. Мертона, С. Додда, С. Стауффера, Р. Бартона, М. Розенберга, Г. Блейлока, Г. Зеттерберга, У. Огборна, П. Бриджмена американская социология получает прочный методологический фундамент и на протяжении многих десятилетий развивается как точная наука, использующая современный математический аппарат и статистическую теорию. Благодаря сильному влиянию бихевиоризма западная социология разрабатывается прежде всего как поведенческая наука и входит наряду с экономикой и психологией в систему

социальных наук. Эпоха развития ее как гуманитарной (т.е. философской) науки с акцентом на интерпретивный метод, характерный для Вебера, уходит в прошлое вместе с эпохой «высокой классики».

Наряду с принципами бихевиоризма и «открытого» поведения в социологии главенствующими являются принципы операционализма и квантификации. Операционализм — процедура конкретизации социологических понятий или сведения их к таким индикаторам, которые можно описать некоторой совокупностью операций (П. Бриджмен). Квантификация — количественное выражение, измерение качественных признаков (например, оценка в баллах личных и деловых качеств работника). Проникновение математики в социологию обогатило ее кластерным, факторным, корреляционным, лонгитюдным и другими методами анализа данных. В то же время интерпретация ее в качестве поведенческой науки привела к обогащению социологии методами, применяемыми в психологии и экономике. Из экономики взяты эконометрические методы, моделирование, эксперимент, а из психологии — психодиагностические методы. Уже к 1940—1950-м гг. была завершена разработка всех наиболее известных тестов (шкала измерения интеллекта Векслера, тест Роршаха, тест тематической апперцепции, 16-факторный личностный опросник Кэттелла). Все это обогатило прежде всего эмпирическую и прикладную социологию, в том числе индустриальную. Социологи-прикладники на предприятиях уже не могут обойтись без экономических моделей и психодиагностики. Преобладание позитивистских, а стало быть, и количественных принципов на методологию и методику социологических исследований продолжалось до конца 1960-х гг.

Вместе с тем в 1960-е гг. ученые уже начинают проявлять интерес к качественным методам. В те годы выходят такие книги по теории социологии, как «Феноменология повседневности» А. Шюца (1967) и «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана (1966), а также «Представление себя в обыденной жизни» (1959) и «Ритуал взаимодействия: эссе о поведении лицом к лицу» (1967) И. Гоффмана и др. Проработкой теоретико-методологических проблем качественной социологии и одновременно критикой количественной занимались А. Сикурел и Н. Дензин. К тому моменту социологами был накоплен большой, если не сказать избыточный, массив количественных данных. Кому-то показалось, что познавательные возможности опросных техник и контент-анализа уже исчерпаны. Что удивительно, о методологической недостаточности количественных методов высказались их

ярые адепты, прежде всего Р. Мертон и П. Лазарсфельд, слывшие оплотом позитивизма в социологии.

Еще в конце 1950-х гг. Р. Мертон в методическом описании своей главной работы отмечал: «Эта часть нашего отчета, следовательно, является значимой для социологического сообщества как практика инкорпорирования в публикациях, детально рассматривающих пути реального развития качественного анализа. Только когда появится значительная часть таких отчетов, станет возможным определить методы качественного анализа более ясным образом»⁶. Подобную идею высказывал и П. Лазарсфельд в работе «Некоторые функции качественного анализа в социальных исследованиях»⁷. Позже П. Лазарсфельд отметил в области совершенствования метода фокус-групп, который издавна считался вотчиной качественной социологии, а Р. Мертон еще раньше провел эмпирическое исследование методом фокус-группы, которое стало мировой классикой⁸.

Книга Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалл «Фокусированное интервью. Проблемы и методы», впервые изданная в США в 1956 г.⁹ (переведена на русский в 1991 г.), основывалась на данных исследования по изучению восприятия фильмов антифашистской направленности и воздействия на людей пропаганды, проведенного во время Второй мировой войны. В полном соответствии с принципами фокус-группы ученые устроили коллективный просмотр фильмов. В зрительские кресла были вмонтированы кнопки, нажатие одной из которых означало «нравится», а другой — «не нравится» (ненажатие означало нейтральное отношение к фильму). Затем по фрагментам фильма, как отмеченным, так и не отмеченным зрителями, проводились детальные интервью (вначале индивидуальные, затем групповые). Патриотический фильм, созданный американскими режиссерами, пропагандировал борьбу с фашизмом, идеалы демократии, силу американского духа и был сознательно рассчитан на пропагандистский эффект, включая разъяснение населению справедливости ведущейся Америкой войны. Как раз его и предстояло измерить социологам, изучавших эмоциональные реакции зрителей. Главной задачей исследования являлось сопоставление запланированных (теоретически ожидаемых) авторами фильма реакций зрителей с фактически испытанными ими. Книга «Фокусированное интервью» представляла собой не отчет о проведенном исследовании, а осмысление накопленного методического опыта. Интервью, проводившиеся членами исследовательской группы по поводу кадров и эпизодов фильма, авторы книги называли фокусированным. Оно отличается от традиционного анкетирования или ин-

тервью тем, что респонденты, отвечая на вопросы, находятся под впечатлением только что пережитого события: они просмотрели кинофильм, прослушали радиопрограмму, прочитали памфлет, статью или книгу, приняли участие в психологическом эксперименте или политическом митинге, похоронном ритуале, свадебной церемонии, являлись свидетелями военного переворота, мятежа, забастовки. Они взволнованы, потрясены или раздражены — как раз то, что надо ученому для организации качественного исследования. Точно так же и антропологическое наблюдение проводится за жизнью индейского племени, члены которого находятся в конкретной ситуации, как-либо ее переживают, в ней участвуют, одним словом, неотделимы от нее. Потому и говорят, что только с помощью качественных методов можно обстоятельно исследовать уникальные случаи, неповторимые жизненные ситуации.

В конце 1960-х гг. конфликт между количественной и качественной социологией еще более обострился. С критикой позитивистски ориентированной методологии выступили сторонники феноменологической социологии. Иллюстрацией могут служить использовавшиеся А. Сикурелом такие методы сбора данных, как участвующее наблюдение, запись на пленки дискуссий, изучение протоколов судебных заседаний и т.д. Позднее под влиянием работ основоположников феноменологической социологии возродился интерес к биографическому методу и методу устных историй. В 1970—1986 гг., которые называют временем «размытых жанров» (*blurred genres*), происходило оформление парадигм, методов и стратегий исследований. Прикладные качественные исследования приобретают поистине индустриальный размах. Проводятся тысячи и тысячи кейс-стади, фокус-групп, глубинных интервью, монографические, исторические, биографические, организационные, этнографические и клинические исследования. В научную практику вводятся компьютерные технологии, которые в последующие десятилетия (конец 1980-х — 1990-е гг.) более широко применяются для качественного анализа исторических, литературных и биографических документов, транскриптов интервью и наблюдений, видео- и фотоматериалов как текстов культуры¹⁰.

В 1980-е гг. Ж. Катц¹¹ выдвинул обвинения против качественной методологии, прежде всего этнографических методов, в нарушении четырех фундаментальных принципов, без которых невозможна никакая наука, — реактивность, надежность, повторяемость и репрезентативность. Он утверждал: этнографы искажают собираемые ими данные через взаимодействие с теми, кого они изучают; у этнографов нет критериев для отбора данных из массы собранных доказательств; этнографы доходят до интерес-

ных открытий, но не имеют способа их воспроизводства, так как их исследования уникальны; этнографы не могут обобщать из-за ограниченного числа случаев.

В результате длительных дискуссий специалисты пришли к выводу о том, что качественный подход опирается на неформализованные («мягкие») способы общения с респондентом (неформализованные, полужформализованные, фокусированные интервью, метод фокус-групп и др.), изучение дневников, биографий и т.д., а количественный — на использование формализованной («жесткой») анкеты, статистических данных и т.д. Тем не менее однозначного понимания не только самих терминов, но и стоящих за ними разных методологий, сферы применимости, достоинств и недостатков в литературе еще нет¹².

В отечественной социологии дискуссия о соотношении количественной и качественной социологии началась еще в докладах по методологии, представленных на VII Международной социологический конгресс (1970). Восемь лет спустя был опубликован перевод коллективной монографии английских феноменологов¹³, содержащий острую критику ограниченности познавательных возможностей позитивистской социологии. С тех пор этот вопрос периодически поднимался в нашей научной литературе, но в массовом порядке стал обсуждаться только в 1990-е гг.

Дискуссия между сторонниками качественной и количественной социологии продолжается и сегодня. Возможно, этот методологический спор подобно извечному спору о «физиках» и «лириках», материализме и идеализме никогда не будет завершен.

Выбор между ними в конечном счете диктуется даже не объектом, а личным убеждением исследователя, ибо исследование есть не что иное, как процесс убеждения (себя и других) в том, что выбран наилучший из возможных вариантов¹⁴.

2.2. Две стратегии: антагонисты или протагонисты

Сегодня стало модным в социологии обращение к дихотомической паре «количественное—качественное». Появляется масса работ, в которых исследователи стремятся расставить акценты и определить глубину расхождений «количественной» и «качественной» парадигм, «жестких» и «мягких» методов, а также представить результаты апробации «новых» методов. Не претендуя на исчерпывающий анализ и раскрытие абсолютной истины, в данном разделе просто представлена палитра мнений о возводимой

«эпистемологической куче» (по выражению Г. Батыгина) и складывающихся практик в социологии.

Качественная социология — это микросоциология, направленная на познание субъективных значений человеческого поведения путем анализа конкретных ситуаций социального взаимодействия. Анализируя слова, жесты, разговорные символы, социолог обобщает свои наблюдения и переводит их на язык научных терминов для более глубокого понимания того, что невыразимо цифрами, неосязаемо схемами, непередаваемо формулами.

В отличие от нее количественная социология — статистика распространенных и типичных случаев. Ее основу составляют социологический позитивизм, структурный функционализм и марксизм, выросшие на фундаменте сциентизма. Здесь в центре внимания находятся общество и его структура, а личность занимает второстепенное место. Количественные методы ориентированы на выявление повторяющегося, регулярного, закономерного, а качественные — на определение различий. Социологи-позитивисты считают, что познание социальных явлений не предполагает специфического отношения между субъектом и объектом познания, не требует иных приемов и методов познания, чем те, которые применяются в естественных науках. Дж. Ландберг — один из основоположников и трибунов социологического неопозитивизма — сравнивал поведение человека, преследуемого толпой, с «поведением» гонимого ветром по мостовой листка бумаги и утверждал, что изучать эти процессы следует одинаковыми методами. Вслед за ним другой позитивист М. Кун, исследуя проблематику личности, утверждал, что человеческое *Я* есть всего лишь объект, который в большинстве отношений сходен с другими объектами.

Итак, если качественные методы — это способы изучения неповторимого случая, выяснение его уникальности, то количественные — это способ изучения типичных случаев, выяснение их похожести. В отличие от массовых стандартизованных опросов в задачу качественных исследований не входит получение однотипных, сравнимых между собой ответов на один и тот же набор вопросов. Поэтому для качественных методов не свойственно использование большого числа респондентов, формализованных опросников и статистической обработки результатов¹⁵.

Они представляют собой исследовательскую методологию, используемую в так называемых *Exploratory Research* (разведывательные исследования). Качественный подход применяется в тех случаях, когда исследователь не обладает достаточным уровнем понимания проблемы или достаточной информацией для проведения точных, формализованных количественных исследований.

Качественный подход опирается на неформализованные («мягкие») способы общения с респондентом (неформализованные, полуформализованные, фокусированные интервью, метод фокус-групп и др.), изучение дневников и биографий, а количественный — на использование формализованной («жесткой») анкеты, статистических данных. К качественным методам относятся: фокус-группы, глубинные интервью, наблюдение (прежде всего включенное), кейс-стади, биографические исследования, метод жизненного цикла, различные виды наблюдения. Замысел качественного исследования подразумевает интерактивные, цикличные отношения между различными этапами исследования. Отсюда признанный в мировой методологии *принцип нераздельности* метода и теории: существует только постепенное, возвратно-поступательное движение (назад и вперед) между осмыслением фактов (их концептуализацией) и сбором данных. Свежий, только что собранный урожай знаний в силу своей непрерывности (еще говорят — континуальности), а также в силу своей гибкости требует очень трепетного, мягкого обращения. Знание, полученное прежде, всегда влияет (иногда ощутимо, иногда почти неосозанно) на дальнейший ход опроса, определяет и направляет его. В результате после очередного этапа интервью, вернувшись с поля, надо усаживаться за письменный стол и готовиться к завтрашнему дню: придумывать новые вопросы респондентам, ставить новые задачи себе, выдвигать еще более глубокие и интересные гипотезы.

Качественные методы сегодня широко практикуются в двух крупных областях, условно отражающих два полюса социальной пирамиды: среди самых обеспеченных (бизнес и маркетинговые исследования) и среди наименее обеспеченных (преступники и бомжи, девиантные исследования). Обе категории респондентов, согласимся, весьма специфичны. Кроме того, они недостаточно многочисленны либо относятся к трудно доступным единицам обследования для того, чтобы к ним применять массовые опросы, статистику и математические методы анализа данных.

Примером активного употребления качественных методов служат эмпирические исследования, проводимые сектором социологии девиантного поведения Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, в том числе глубинные неформализованные интервью с наркоманами¹⁶, бездомными, а также групповые интервью (фокус-группа) по проблемам преступности и алкоголизма, выполненные в рамках международного исследовательского проекта «Балтика».

Проводя количественное исследование, интервьюер чаще всего не может отступить от заданного порядка вопросов (если ин-

тервью формализованное) и должен четко следовать полученным инструкциям. Такие исследования характеризуются высокой степенью гибкости в отношении выбора методов и орудий получения информации: открытые неструктурированные и косвенные вопросы, их содержание и порядок вопросов могут меняться в зависимости от ответов респондентов или появления новых идей у заказчиков. У модератора, ведущего фокус-группы, свобода действий, а сам опрос больше похож на дискуссию, в которой участвуют 8–10 человек.

Количественный метод направлен на то, чтобы установить, какой процент людей придерживается того или иного мнения, какому числу людей присуща данная форма поведения. Количественные методы — это когда опрашивают большие группы людей (не меньше тысячи). Эти исследования отвечают на вопрос «сколько?». Сколько людей что-то любит или не любит, покупает какие-то товары, пойдет на выборы и т.п. Качественные исследования отвечают на вопрос «почему?».

Количественный метод снимает непосредственную реакцию респондента, то, что пришло ему на ум. В отличие от него экспертный опрос — это результат глубокого размышления и рефлексии специалиста. А что из себя представляет на этом фоне качественный метод? В нем сочетаются обе черты: непосредственная реакция человека на событие и в то же время его размышление над ними, их оценка. Вот почему качественные методы называют еще рефлексивными. Они регистрируют размышление обывателя о своей жизни, т.е. обыденную картину мира, и в то же время моментальные реакции на происходящие события, информация о которых социологом накапливается за длительный промежуток.

Количественная методология исходила из минимизации роли субъекта в познании. Вмешательство ученого в ход наблюдения или эксперимента должно быть столь незначительным, что им в идеале можно было бы пренебречь. Чем в большей мере физикам удавалось достичь этого, тем чище был эксперимент, тем весомее были полученные данные, тем больше ему верило научное сообщество.

Наблюдение за мертвой природой или явлениями Вселенной иным быть и не должно. Человек чужой в этом мире, который возник до него и прекрасно существует без его вмешательства. Но общество — совсем иная субстанция. Оно создано человеком, существует благодаря его постоянной активности и вне его немедленно погибнет. Человек неустраним из социальной реальности. Как же тогда изучать эту реальность, задавались вопросом многие гуманитарии, если устранить из процесса познания главное звено?

Оппоненты отвечали им: идеал научного познания един для всех наук и для всех видов реальности. Социальную действительность надо изучать так же беспристрастно, объективно и незаинтересованно, как изучают свою реальность физики, математики, химики или геологи. Многие десятилетия достойных аргументов у гуманитариев так и не находилось. Они ворчали, спорили, пытались сказать что-то свое, но послушно следовали общим правилам игры и продолжали штурмовать вершины непознанного по чужой программе.

Тем не менее накапливавшееся исподволь недовольство должно было когда-нибудь прорваться. Это случилось в 80-е гг. XX в. Социологи перешли от разрушительной критики естественно-научной программы, механически инкорпорированной в социальное знание, к позитивным действиям. Они попросту стали игнорировать каноны физического метода и провели ряд успешных эмпирических исследований по собственной программе. Опыт удался, ему начали вторить во всех уголках Земли. Вскоре качественная методология стала не просто модным увлечением, но серьезным мероприятием, на которое возлагались надежды на оздоровление социологии.

И вот тогда-то появился главный аргумент защитников новой идеологии. Точнее сказать, целая система доводов, выросшая в стройную идеологию научной революции.

Совершенно убедительно прозвучал тезис, который высказывался в середине 1950-х гг. скрывавшимися в подполье сторонниками качественной методологии, о том, что общенаучный метод вовсе не является коллективным созданием всего мирового сообщества. Он создан физиками, получившими его в наследство от механики и траспонировавшими на все области научного знания. Общенаучный метод оказался частнонаучным. Успехи физических наук в XX в. оказались столь ошеломляющими, что эта область знания вызвала восторженное преклонение даже у самых ярых своих врагов. Непроизвольно считалось, что иной человеческая наука и не должна быть. Даже социальная сфера, область человеческих чувств немедленно покорятся, если ученые пойдут на них штурмом, вооружившись физическим экспериментом и математическим аппаратом. Отчасти так оно и было. Вспомним экономику и психологию. Каких впечатляющих успехов достигло математическое моделирование в первой, а экспериментальный метод — во второй?! С этими науками даже стали считаться представители естествознания, которые и в ученых академиях всех стран, и в населении в целом всегда составляли большинство. Экономика и психология набирали авторитет пропорционально

той скорости, с какой они двигались по направлению к физическому идеалу знания.

А социология за ними не поспевала. Она всегда плелась у старших сестер в хвосте, оправдывая свою неспешность то своей молодостью, то сложностью и противоречивостью объекта познания. Мол, общество во всей полноте его проявлений это вам не дебет-кредит и даже не условные рефлексы с комплексами неполноценности. Здесь самый умный сказать большего, чем сказано, не сможет. Оправдывая и догоняя, социология вышла на рубеж двух тысячелетий с грузом нерешенных методологических проблем. Отставание нарастало, а множащиеся эмпирические исследования, проведенные в духе количественной методологии, ничего нового к сокровищнице человеческих знаний не добавляли. Они все чаще стали повторяться, становились рутинной, к ним возникло вначале привыкание, а позже набилась оскомина. Копия, даже очень хорошая, всегда хуже своего оригинала. А количественная методология в социологии была копией даже не физики, а скорее психологии, откуда перекочевало множество методов и принципов познания, и отчасти экономики. Социология светилась отраженным светом, и это становилось все прискорбнее.

Вот тогда-то и вспомнили о богатой родословной социологии. Оказывается, ее отцы еще в XIX в. указывали своим потомкам правильный путь, но молодое, рвущееся к немедленному признанию поколение проигнорировало призыв.

Различие между физическим идеалом науки и гуманитарным, к которому стремится сейчас значительная часть социологов, помимо всего прочего заключается еще и в том, что гуманитарный идеал научного познания не может быть распространен на все науки. Ему не подчинятся физики, математики, химики, биологи, представители прикладных технических дисциплин. Даже психологи и экономисты. Так что гуманитарному идеалу суждено всегда оставаться провинциальным принципом построения научного знания. Ориентируясь на него, социологии угрожает оторваться от основного эшелона наук и еще больше увеличить и без того значительное отставание.

Можно высказаться еще категоричнее: даже в социологии гуманитарный идеал не способен покорить всю сферу знания. Большинство социологов, особенно прикладных, а их всегда большинство, останутся приверженцами, удачливыми или неудачливыми — это другой разговор, методов математической статистики и выборочного исследования. Язык статистики и математики для науки играет ту же роль, что английский язык в мировом сообществе. Это язык межнационального общения.

Возможно, что гуманитарный идеал может служить переходной ступенью к неким новым представлениям о науке, выходящим за пределы классических принципов. Но к каким именно, до сих пор остается загадкой.

У него есть и другое весьма принципиальное ограничение. Дело в том, что он вошел в науку извне — как признание неустрашимого влияния на рост и развитие научного знания внешних социокультурных факторов. Общество создано человеком, он остается его главным действующим лицом, и устранить от человеческого фактора социологии никогда не удастся. Но как быть с внутренними регуляторами научного знания, с его предметной обусловленностью? Помимо социокультурной обусловленности всякое научное познание, в том числе и гуманитарное, должно характеризоваться внутренней, предметной обусловленностью. Поэтому гуманитарный идеал не может быть реализован даже в своей предметной области. Структуру и иерархию научного знания невозможно построить на принципах гуманитарного идеала. Даже квалификация совокупности абстрактных суждений в качестве научной теории предполагает обращение к тем правилам, которые разработаны отнюдь не в искусствоведении или философии. Социальные (социально-экономические, культурно-исторические, мировоззренческие, социально-психологические) факторы развития науки не оказывают прямого влияния на научное знание, которое развивается по своей внутренней логике.

Количественная методология — мощный познавательный аппарат, которым должна пользоваться социология, но она всегда стесняется это делать. Она делает вид, что ее предмет — социальные отношения, социальное Я, межличностные структуры — настолько сложен, что вмешиваться в него с математическим аппаратом нельзя. Математика упростит и схематизирует живую и тонкую ткань социальных отношений. И вот пока она стесняется и делает вид, будто предмет ее исследования сложнее, чем у естествознания, последнее, а вкупе с ним представители психологии и экономики, сразу же почувствовавшие возможности, которые сулит им применение математических методов, обучились количественной методологии. Еще в XIX в., когда социология находилась в одинаковых стартовых условиях с экономикой, психологией, этнографией, она могла наверстать упущенное. Однако пока социология творила миф об особой сложности своего предмета, т.е. занималась методологическим самолюбованием, смежники ушли далеко вперед, и сегодня социологи вынуждены списывать у них «кружева». Социологи то и дело удивляются тому, как здорово экономисты или психологи строят матема-

тические модели, описывающие их реальность. В результате работодатель с удовольствием берет на работу экономистов и психологов, а социологи вроде как и не требуются. Любой выпускник социологического факультета столкнется на рынке труда с подобной проблемой, и называется она проблемой профессиональной неконкурентоспособности. Социолога будут предпочитать представителям родственных наук.

Может быть, это болезнь только наша? Ничего подобного. Посмотрим на статистику США. Из 20 тыс. профессиональных социологов (бакалавров, магистров, докторов) 15 тыс. занято в академической сфере (колледжи и университеты), а 5 тыс. — в прикладной: на предприятиях, в органах местной и федеральной власти, в частных консультативных и исследовательских фирмах, в социальной работе. И вот здесь социологи встречаются со своими конкурентами. На «заборе» можно увидеть объявление о том, что экономисты и психологи требуются, а социологи не требуются. Американским социологам, решившим ради высоких заработков попробовать себя в прикладной сфере, приходится скрывать свой диплом, выдавая себя за специалиста «широкого профиля». Их берут и сразу же ставят перед ними задачи, которые имеют к социологии весьма косвенное отношение.

Мы видим, что социология, отказавшись от математизации, т.е. отказавшись двигаться по тому пути, по которому двигались и естествознание, и экономика, и психология, больше потеряла, чем обрела. Особенно это касается отечественной социологии, которую постоянно включали в состав философских наук. В результате отечественные социологи имеют гораздо худшую подготовку в области количественной методологии, чем, например, американские. И вот сегодня недоучившиеся социологи пытаются строить хорошую мину при плохой игре. Они говорят: эпоха количественной методологии прошла, наступило время качественной методологии. Что же получается? Количественную методологию мы успешно проспали, и на этой базе пытаемся теперь возводить здание качественной методологии. Ныне мы успокаиваем себя тем, что вся мировая социология развернулась в сторону качественной методологии. Как легко стало жить: не надо напрягаться с построением строгих и математически проверяемых моделей, достаточно провести углубленное интервью, вскрыть невидимые глазу процессы и все в порядке. Социологическое сообщество на самом деле очень разнообразно: кто-то стал увлекаться качественной методологией и погнался за модой, а кто-то нет. Поэтому говорить об очередном методологическом поветрии как о всеобщей моде надо очень осторожно.

Одно дело — зарубежные социологи, наевшиеся и объевшиеся математики и всевозможных премудростей методики, другое — наши отечественные социологи, особенно заводские, чаще других сталкивавшиеся с прикладными, а значит не с чисто социологическими задачами. Они количественную методологию, по существу, и не знали. Одна из причин — состав заводских социологов. Кто туда шел? В основном женщины, а не мужчины, в большинстве своем не имевшие профильного для социологии образования. Это педагоги, инженеры, медсестры, бывшие партийные работники и их жены. Экономистов, психологов и философов среди них было крайне мало — не более 3–7%. Да и академические социологи в среднем приличной математико-методической подготовкой не владели. В результате, подводя итоги 30-летнего развития отечественной социологии в послевоенный период, подавляющее большинство академических и прикладных социологов не прошли настоящей школы количественной методологии. А это значит, что вместо доброкачественных научных методик часто применялись кустарные псевдонаучные инструментари.

Наша встреча с первоклассной качественной социологией произошла спустя 30 лет после знакомства советских социологов с количественной социологией в начале 1960-х гг. Как и тогда, в начале 1990-х гг. к использованию «мягких» методов в эмпирических исследованиях привело «расширение контактов с западными исследовательскими центрами, развитие совместных исследований, в том числе маркетинговых, новых для отечественной социологии. В этом контексте российские социологи на практике познакомились с неформализованными методами, ранее известными в основном по учебникам либо по единичным отечественным примерам: биографический метод, групповое фокусированное интервью (фокус-группы), интервью с путеводителем, нарративное интервью»¹⁷. Именно США дважды выступали в роли учителей, познакомивших отечественных специалистов с передовыми технологиями эмпирического исследований: в 1960-х — с количественными, в 1990-х — качественными. И оба раза послушными учениками выступали не прикладники, а представители фундаментальной науки — соответственно Института философии АН СССР и Института социологии РАН. В настоящее время существует несколько научных центров, которые ведут наиболее активную исследовательскую и издательскую деятельность в этой области: Московский гендерный центр (М. Малышева, В. Константинова, Т. Клименкова), Институт социологии РАН (Е. Мещеркина, В. Семенова), Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (В. Воронков, Е. Здравомыслова).

В последние годы вышли в свет монографические работы по фокус-группам, участвующему исследованию¹⁸, имеется опыт применения качественных методов в прикладных исследованиях¹⁹. Тем не менее, как полагает Г.И. Саганенко, в отечественной социологии качественным методам уделяется недостаточное внимание, они по-прежнему рассматриваются скорее как некая научная мода, несовместимая с нормами научного исследования: «В целом, сохраняется ориентация на стандартизированные исследования. Публикации по методологии и методам имеют, за редким исключением, учебный характер и не выходят за пределы типового стандартизированного подхода»²⁰.

2.3. Две методологии — два значения

В научной литературе наряду с термином «качественная методология» широко употребляются его эквиваленты, такие как «качественное исследование», «качественный подход», «качественная социология», «альтернативная социология», «нетрадиционная социология», «неколичественная социология», «нестатистический метод», «неанкетный метод» и др. Всего Р. Теш насчитала 45 различных интерпретаций этого понятия²¹. Нередко они, справедливо отмечает Т. Шанин, «отстоят друг от друга столь далеко, что критики имеют основания назвать “качественную социологию” мусорной кучей. Часто те, кто использует понятие “качественное”, избегают его четкого определения»²².

По мнению В.Ф. Журавлева, «сущностные характеристики качественного исследования, определяющие взаимодействия исследователя и исследуемых, основаны на принципах *открытости* (отсутствие априорных представлений о предмете исследования), *коммуникативности* (понимание научного знания как результата коммуникации), *процессуальности* (понимание нестабильности, изменчивости предмета исследования), *рефлексивности* (интерпретация данных и значений с учетом контекста), *эксплицированности* (осмысление субъективного знания исследователя, его ожиданий и представлений, которые могут повлиять на научный результат), *гибкости*, требующей использовать названные принципы, следуя специфике исследовательского предмета»²³.

Специалисты классифицируют качественные методы по следующим основаниям и на следующие виды:

◆ *тактика проведения исследования* — изучение случая (*case study*), этнографическое описание, восхождение к теории (*grounded theory*), история жизни, история семьи, историческое исследование (устная история);

◆ *форма представления результатов* — преимущественно описательная (дословное описание полученных данных без интерпретаций со стороны исследователя) и преимущественно аналитические (редактирование и систематизация данных, после чего одни ограничиваются кратким комментарием к ним, а другие норовят возвести на их базе мощную концепцию или теорию)²⁴.

Качественные и количественные методы можно определить в позитивном и негативном смысле.

Позитивное значение. В *позитивном* смысле количественным методом называется только такой метод сбора и анализа первичной информации, который соответствует строгим критериям научного метода, выработанным в естествознании, и отвечает требованиям валидности, надежности, репрезентативности.

Все, что не соответствует строгим принципам, должно быть отнесено к качественным методам в *негативном* смысле. Качественная социология в негативном смысле будет включать огромное количество исследований, выполненных с нарушением указанных выше требований, проведенных журналистами и плохо обученными количественной методологии социологами (троечниками и двоечниками). Это сотни тысяч исследований, в том числе проведенных заводскими исследователями в 1960–1980-е гг., а также тысячи исследований, проведенных американцами с нарушением требований научного метода.

Подобная социология угрожает благосостоянию и популярности качественной методологии в позитивном, или истинном, смысле. Ее якобы близнецы только дискредитируют альтернативную социологию. Любое новое дело, если оно получило общественное признание, моментально обрастает подражаниями, фальшивками, многочисленными паллиативами. С одной стороны, сонмище подражателей свидетельствует о том, что альтернативная социология действительно востребована обществом, признана наукой в качестве основополагающей научной программы, при помощи которой можно разрешить ряд весьма важных задач, с другой — мода на альтернативное видение социологического исследования привлекает массу неспециалистов, профанирующих научное знание, стремящихся поживиться на его счет, не задумываясь о последствиях, которые вызывает их неумная деятельность.

Определению качественной социологии в негативном смысле вполне соответствует ее формулировка, предложенная А. Страуссом и Дж. Корбином: «любое исследование, результаты которого не могут быть достигнуты с помощью количественных процедур»²⁵. Т. Шанин именует такое определение сделанным по оста-

точному принципу. По существу, так оно и есть: в корзину с надписью «качественная социология» сваливают все, что не успела охватить своим вниманием количественная социология. Формула «на тебе, Боже, что мне не гоже», разумеется, не отражает реального состояния дел в качественной социологии.

Остаточный принцип оскорбителен и непродуктивен не только в сфере науки. Как известно, на протяжении 70 лет советской власти, а также и в постсоветский период на культуру деньги из госбюджета выделяли именно по остаточному принципу. Государственные мужи полагали, что вначале надо профинансировать более важные для страны отрасли, например оборонную промышленность и сельское хозяйство, а затем уже из того, что останется, выделить средства на развитие менее важных областей, в том числе науку, культуру и образование. В результате военно-промышленный комплекс вконец разорил экономику страны, сельское хозяйство оказалось не в состоянии прокормить собственное население, а достижения советской науки, культуры и образования признаны во всем мире как наивысший эталон.

Качественные методы в *позитивном* смысле представляют собой относительно новое явление, появившееся в конце XX в., для которого была подготовлена самостоятельная методология, принципиально отличающаяся от количественных методов. Вслед за Т. Шаниным качественную методологию можно определить как тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческими стратегиями действующего субъекта, в том числе смыслом, придаваемым им своим действиям.

В позитивном смысле к качественным методам относится лишь небольшая часть эмпирических исследований, проведенных в полном соответствии с требованиями качественной методологии высокопрофессиональными специалистами. К примеру, журналистский опрос, включавшийся в совокупность качественных методов, определенных негативно, уже не войдет в выборку качественных методов, определенных позитивно. Не войдут сюда и исследования, проведенные социологами-дилетантами.

Качественные и количественные методы, определенные негативно, вернее сказать, эмпирические исследования, соответствующие таким методам, смыкаются между собой и образуют широкое поле промежуточной социологии, не относящейся ни к одному из двух методов, определенных позитивно. Подобную ситуацию можно изобразить схематически (рис. 6).

Можно привести массу примеров, почерпнутых из публикаций в «Социсе» и из практики заводской (и не только заводской) социологии, соответствующих количественным или качественным

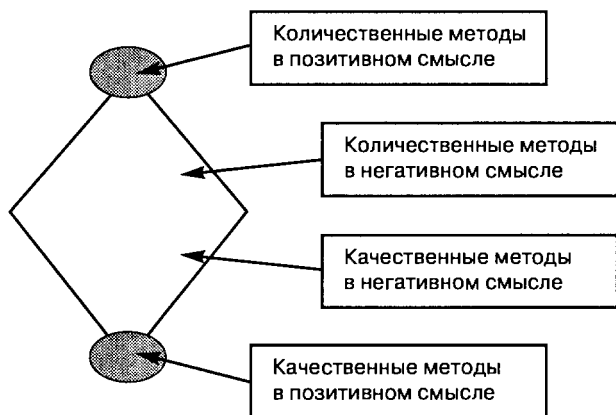

Рис. 6. Соотношение количественных и качественных методов в позитивном и негативном смыслах

методам в негативном смысле. Гораздо меньше примеров исследований, отвечающих строгим канонам количественной и качественной социологии (в позитивном смысле).

Негативное значение. Одним из защитников качественной социологии в России стал в конце 1980-х и начале 1990-х гг. британский социолог с русскими корнями Т. Шанин. Получив заслуженное признание за рубежом рядом фундаментальных работ по русскому крестьянству, он вскоре убедился в ограниченности познавательных ресурсов традиционной, т.е. количественной, социологии и выдвинул программу совершенно нового подхода к изучаемым явлениям.

Несколько отвлекаясь от предмета разговора, напомним, что в свое время другой зарубежный социолог, также российского происхождения, П. Сорокин, выступил с резкой критикой той же самой количественной социологии, назвав увлечение математическими методами и формальными построениями в духе естествознания «квантофренией». Возможно, что тяготение к качественной социологии — черта исконно русского менталитета. Она проявляется даже на отечественной почве, если учитывать тот факт, что среди нескольких сот тысяч социологических исследований, проведенных в СССР за период с 1960-х по конец 1980-х гг., найдется едва ли два-три десятка таких, которые соответствуют самым строгим критериям научного метода и могут быть отнесены к количественной методологии в позитивном смысле. Подавляющее большинство их либо вовсе не являются количественными, либо сочетают в себе черты обеих методологий.

На теоретические воззрения Т. Шанина огромное влияние оказали идеи Миллса, Блоха, Суизи, Чаянова. Все они стоят вне количественной социологии, придерживаются нетрадиционных взглядов на методы социального познания и динамику социальных процессов. Следуя им, а также взглядам Г. Риккерта и М. Вебера, Т. Шанин разработал вполне адекватную для русского менталитета и русских условий методологию двойной рефлексивности.

Ядро методологии двойной рефлексивности включает несколько взаимосвязанных теоретических концепций: 1) качественную методологию; 2) качественно-количественный интерфейс; 3) двойную рефлексивность. Для их реализации в полевом исследовании социолог должен уметь применять интерактивное наблюдение, связанное с живанием в изучаемое сообщество, глубокое (или глубинное) интервью с помощью полуструктурированных опросников, а также метод коллективной интеллектуальной поддержки, который был назван автором «длинным столом» (по месту встречи исследователей-полевиков)²⁶.

В крестьяноведении Т. Шанина социологическое исследование превращается в поликультурный диалог. «Здесь исследовательская работа представляет неостанавливающийся процесс диалога, взаимодействия с респондентом и его данными, непрерывный процесс размышления и продумывания постоянно изменяющейся социальной реальности»²⁷.

В качественном исследовании полевая работа социолога предусматривает интерактивное, или прямое, наблюдение, которое постоянно перемежается многомерными глубокими интервью, сбором артефактов (например, предметы крестьянского быта), магнитофонными записями разговоров, которые способны передать не только смысл сказанного, но и оттенки речи.

Сложное выражение «качественно-количественный интерфейс» представляет собой всего лишь сочетание качественных и количественных методов. Вторые направлены на сбор статистических данных при помощи обычного анкетного опроса, непременно подчиняющегося требованиям репрезентативности, их обработку и анализ при помощи математического аппарата. Качественные методы нацелены на другое — выяснение того смысла, какой своим действиям и речам придают крестьяне, шахтеры, учителя. Они обнаруживают скрытый от анкетирования жизненный мир людей — часто нелогичный или вообще алогичный, всегда спонтанный и не категоризируемый в привычных научных терминах.

Т. Шанин буквально настаивает на том, что социолог должен уделять особое внимание многомерному и комбинированному анализу, в котором сочетаются количественные и качественные

характеристики социального действия, объективная и субъективная информация о нем (в терминологии самого автора — интерсубъективный и субъективный срезы реальности). Примером такого соединения выступают бюджетные исследования, проведенные коллективом российских социологов под руководством Т. Шанина в 1991–1997 гг.

Термина «интерфейс», несмотря на попытки Т. Шанина придать ему строгий теоретико-методологический смысл, обозначает давно известное содержание, а именно «связь» и «взаимодействие», но только представшее в модной интернетовской упаковке. Британский социолог хотел всего лишь подчеркнуть, что связь количественного и качественного методов является весьма непростым делом, особенно для неподготовленного социолога, и на это следует обратить пристальное внимание. Два метода, как и получаемые с их помощью данные, очень разнородны («типологическая разнородность»). Гетерогенны также два среза социальной реальности, описываемые при помощи качественного и количественного методов. «Пользуясь термином “интерфейс”, мы стремились подчеркнуть сложную взаимозависимость предполагаемого единства социальной реальности и его фундаментального методологического разделения на объективную фактичность и субъективно полагаемый смысл», — пишет Т. Шанин²⁸.

Правда, о необходимости дополнять статистические данные нестатистической информацией советские социологи говорили еще в 1960–1970-е гг. Правда также заключается и в том, что ни они, ни британский социолог так и не объяснили, каким образом это делается. По большому счету открытие технологии соединения качественной и количественной информации, технологии научно обоснованной и эффективной, «тянет» на Нобелевскую премию и еще ни одному человеку на свете не покорилось. Провозгласить же связь двух методов — еще не означает решить эту фундаментальную проблему.

Концепция двойной рефлексивности у Т. Шанина связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, где используются техника вживания, глубокие интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола». В центре внимания — взаимное влияние исследователя и объекта. «Рефлексивность представляет собой предположение, что свидетельства (“данные”) никогда не могут быть полностью отделены от влияния исследователя». Двойная рефлексивность подразумевает «субъективность самих объектов — их понимание своего социального и материаль-

ного контекста наряду со значимыми (и разнообразными) решениями относительно выбора стратегии действия». Британский социолог называет двойной рефлексивностью «отношение между следующими элементами: а) тем, что наблюдается исследователем; б) интерпретативными действиями исследователя, а также их влиянием на изучаемый объект; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как он определяет и объясняет поступки и сделанный им выбор. Этот «треугольник» являет собой ядро нашей методологии и ее отправной точкой как в полевой работе, так и в интерпретации результатов, основой ее логической и эвристической силы, а также ограничений»²⁹.

За достаточно сложными формулами у Т. Шанина скрываются следующие явления. То, что наблюдает социолог, например восемь месяцев проживая бок о бок с саратовскими крестьянами (одно из исследований крестьяноведов, в частности В.Г. Виноградова), нельзя расчлнить на объект (человек), его действия или речь и придаваемый им смысл. Все это нерасчленимый комплекс, понять который в силах только сам крестьянин: почему он спрятал деньги в зачанку, а не отдал жене, чем при этом руководствовался, какое значение имеют эти деньги для крестьянина и т.п. Социолог, исходя из каких-либо априорных соображений, почерпнутых из книг или придуманных самим, не в праве интерпретировать человека, его поступки и речь. Он должен узнать об их значении от самого крестьянина.

Научная интерпретация должна появиться после, а не до акта интерактивного наблюдения или глубокого интервью. В противном случае все пойдет насмарку. Такая интерпретация может: а) повлиять на ход эксперимента, б) направить ученого по ложному следу. Субъективность объекта означает то, каким образом тот же крестьянин объясняет свои поступки, какие цели преследует, почему он сделал тот, а не иной выбор. Три названных пункта, или «что наблюдается», «как интерпретирует действия объекта ученый» и «субъективность объекта», называемые Т. Шаниным треугольником, составляют отправную точку полевой работы и одновременно схему теоретической интерпретации первичных данных. Позже они дополняются статистическими данными и вместе образуют полную картину изучаемой реальности.

Характерной чертой теоретического акта является то, что он представляет собой не только отражение некоторого объекта (т.е. выступает разного уровня онтологической схемой), но и рефлексивность, осознание процесса отражения. И в этом смысле социологическое знание включает в свою структуру (имплицитно или эксплицитно) методологические нормы и принципы. Концеп-

туальный аппарат строится на пересечении этих двух гиперплоскостей познавательного процесса. Отличительная черта теоретической рефлексии — ее биомодальность³⁰, которая означает способность одновременно отражать то, что принадлежит субъекту, и то, что принадлежит объекту. Так, в социологии как строгой науке должны четко дистанцироваться язык, на котором говорят исследователь (субъект) и респондент (объект). При этом методологические запреты типа «интервьюер не должен навязывать объекту свое мнение» организуют не только технологию исследования, но и логику развертывания теории.

Важным следствием «треугольной» методологии является «предположение о том, что ни исследователь, ни исследуемый не обладают монополией на понимание коммуникации между ними, ни у кого из них нет привилегии на окончательное знание». Подобная установка очень близка той, которая принята на вооружение в культурной антропологии, а возможно, прямо позаимствована из нее. Ученый действительно не должен обладать монополией на окончательную истину и терпеливо прислушиваться к «субъективности объекта», но окончательный отчет о проведенном исследовании пишет все-таки он, а не крестьянин из саратовской губернии или австралийский абориген, изучаемые нынешними антропологами. Явно или неявно, но ученый привнесет в него свои представления о социальной реальности, проанализирует ее в привычных ему, а не крестьянину, понятиях, выскажет собственные суждения и умозаключения. Конечно, это не монополия, но, возможно, право окончательного решения. Это право Т. Шанин пытается обосновать методологически, заявляя, что «необходимо сохранять баланс между близостью к изучаемому объекту и мерой отстраненности, которая должна обеспечить возможность критической оценки происходящего». Таким образом, двойная рефлексия оставляет именно за исследователем право решающего слова, и с этим необходимо считаться, когда мы взвешиваем преимущества и недостатки качественной социологии.

Т. Шанин прямо заявляет о том, что исповедуемая им интерактивная стратегия полевого исследования возникла в социальной и культурной антропологии, получившей первоначальное развитие главным образом в Великобритании, США и Франции³¹. Эта традиция основана на наблюдении за жизнью небольшого локального сообщества и ориентирована преимущественно на то, что К. Гирц назвал «насыщенным описанием» (*thick description*), имея в виду описание не только фактов (анкетных данных и других форм учета), но также намерений и смыслов, понятийного контекста и его динамики.

В культурной антропологии, а теперь и в качественной социологии «связь исследователя с изучаемым сообществом должна быть длительной настолько, что можно говорить о проживании в нем. Процесс сбора данных должен быть “мягким”, подстраивающимся под ритм жизни сообщества. Вопросы должны быть достаточно открытыми для того, чтобы фиксировать неожиданные события и изменяться по мере возникновения новых проблем и источников информации. Вживание исследователя в сообщество составляет часть исследовательской стратегии, обеспечивая ее успех»³².

Собранные таким образом свидетельства нельзя называть первичными данными, с которыми имеет дело традиционный социолог, обработавший пару сотен или тысяч анкет, внесший закодированные данные в компьютер, а затем получивший одно- или двухмерные распределения. Речь идет именно о свидетельствах как элементах нарративного жанра. Нарратив, т.е. самое обычное повествование о чем-либо, например о поездке в город ради приобретения новой сеялки или оформления паспорта, постоянно присутствует в сочинениях качественных социологов чуть ли не как главный инструмент познания или источник информации.

Если подобный нарратив, содержащий очень далекие от научной лексики выражения, попытаться перевести на язык анкетного кодирования, как-то классифицировать либо просто попытаться навести в нем систематический порядок, то он исчезает. В преобразованном виде нарратив не представляет для качественного методолога никакой научной ценности. Для количественного социолога только с этим преобразованным документом можно что-либо делать. Он переводит язык аборигена на язык цивилизованного европейца, но не простого, а получившего высшее профессиональное образование в области социологии, а затем манипулирует полученными данными, применяя статистику, группировку, теоретическую категоризацию. Для одного нарратив — конечная точка исследования, для другого — его начало.

Составленная таким способом база данных, считает Т. Шанин, «менее структурированная, но в то же время менее искаженная предварительным отбором, неизбежным при узком анкетном обследовании». Действительно, составленная в академической лаборатории анкета отражает мировоззрение образованного горожанина, никогда или случайно сталкивавшегося с сельской глубинкой. Сконструированные им вопросы действуют наподобие фильтров. Они отсеивают все непонятное и неожиданное как посторонний шум. Понятно, что качественным социологам удается собрать в свои сети все, что выпало в осадок или осталось вне анкетных вопросов традиционного социолога. Непонятно лишь то, стоит этому радоваться или напротив надо сокрушаться.

От постороннего шума, выходящего за рамки поставленных исследователем целей и задач, пытаются избавиться ученые всего мира. Физики, как только чувствуют, что уровень шума превышает допустимые пределы, мгновенно прекращают эксперимент. Он сводит на нет все усилия ученых. Для качественного социолога только того и надо. Он готов двадцать раз изменить цели и задачи, каждый раз подстраиваясь под объект, лишь бы схватить все его особенности. «Мягкие» методы, на которые делают упор как на свое главное преимущество качественные социологи, позволяют лавировать почти бесконечно. В этом есть свои плюсы и минусы.

2.4. Принцип дополненности двух методологий

Раньше количественный и качественный методологические подходы рассматривались как противоположности. На самом же деле, как считают Ю.Н. Толстова и Е.В. Масленников, логика исследования в двух случаях довольно сходная. «Различие состоит в выборе конструкторов и, как следствие, — методов. В основе такого выбора лежит специфика предмета исследования»³³. Сегодня всеми социологами признано, что качественная и количественная методологии соотносятся между собой по принципу дополненности³⁴. От идеологии войны научное сообщество перешло к проповеди мира. Но стали ли мы глубже понимать проблему соотношения двух разных стратегий?

Большинство специалистов забывают, что из принципа дополненности автоматически следует принцип неопределенности, гласящий, что ни одна из двух картин мира или методологий не в состоянии дать полную, абсолютную истину отражаемой реальности. В физике принцип неопределенности Гейзенберга также появляется при измерении. Он сообщает, что даже самым мощным на свете электронным микроскопом, дающим 40 000-кратное увеличение, нельзя точно измерить координату и импульс частицы — либо одно, либо другое, но не оба вместе.

Количественная методология дает достаточно точную картину статистического распределения признаков, т.е. картину большой социальной группы. Но она почти ничего не может сказать об отдельном индивиде. Качественная методология дает точное изображение внутреннего мира и поведения отдельного человека, но не способна дать точную картину социальной группы в целом.

Изображая мир с известной степенью неопределенности или вероятности, т.е. в меру искажая картину бытия, две перспективы способны жить только в дружбе — они дополнительные. Эту идею сформулировал Н. Бор и назвал ее принципом дополнительности, который можно рассматривать как обобщение соотношений неопределенности Гейзенберга. Мы можем измерить либо координаты, либо импульсы, но не координаты и импульсы одновременно. Физическое содержание системы не исчерпывается каким-либо одним теоретическим языком, посредством которого можно было бы выразить переменные, способные принимать вполне определенные значения. Различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными. Все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному-единственному описанию. Неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования некой надстоящей или возвышающейся над всеми точки зрения, с которой открывается единственно правильный вид на реальность. Взаимодополнительны не только разные процедуры измерения, но и разные языки, на которых они записываются, — в нашем случае качественный и количественный.

Таким образом, качественные и количественные методы одновременно противоположны и взаимодополнительны (рис. 7). Эта ситуация напоминает измерение в квантовой механике: для того чтобы изучить элементарную частицу, имеющую двойственную природу, физику необходимо применить два противоположных метода. Один изучает ее как волну, другой — как частицу.

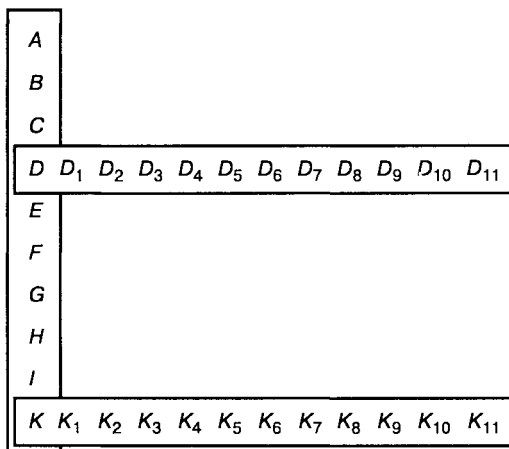

Рис. 7. Дополнительность качественных и количественных методов

В современной социологии, как и в современной физике, отказавшейся от жестко детерминированной ньютоновой картины мира и перешедшей к вероятностному квантово-механическому описанию реальности, складывается одинаковая ситуация. Применение одного метода в один и тот же момент времени исключает использование другого, если он нацелен на измерение тех же параметров. Но оба метода прекрасно уживаются вместе, если они по-разному измеряют один объект, подходят к нему с разных сторон, дают разные проекции на плоскость.

Первым идею дополнительности двух методологий высказал М. Вебер. Она, кстати сказать, возникла еще в конце XIX в., когда обсуждался вопрос о том, какой быть социологии — идеографической или номотетической наукой. Сторонников двух противоположных точек зрения примирил М. Вебер, провозгласивший, что для будущего социологии выгоден их союз, а не противоборство. И сегодня многие социологи считают их союз неизбежным.

На рис. 7 видно, что с помощью качественного метода социолог изучает один случай на всю его глубину — от буквы *A* до буквы *K*. Каждая буква обозначает одно уникальное событие в жизни данного человека или сообщества. К примеру, биографический метод призван выяснить хронологическую последовательность социально значимых событий в жизни одного человека, содержание и уникальность этих событий. Такими событиями могут быть: социальное происхождение (в какой семье родился интервьюируемый), имянаречение, крещение, социализация и влияние семейных традиций на воспитание, школьные годы, выбор профессии и т.д. Каждое событие на нашем рисунке обозначается одной буквой. События, как и буквы, выстроены в вертикальном порядке — так соблюдается принцип иерархии.

Предположим, что на втором этапе социолог задумал перейти от качественного метода к количественному. Что он должен делать? Он выясняет то, насколько типичны два или три события в жизни людей одного и того же или разных поколений. К примеру, все ли проходят через обряд крещения или имянаречения, все ли люди, попавшие в выборочную совокупность, проходили через школу и как у них складывался процесс выбора профессии. Социолог выбирает одно событие, скажем *D*, и тиражирует его на всю выборочную совокупность. Его интересует не вертикальный ряд, а горизонтальный — типичность данного события на выборочной совокупности, включающей, к примеру, 100, 300 или 1000 уникальных жизненных судеб.

В качественной методологии человека, у которого выясняют все подробности жизни в многочасовой беседе или за которым наблю-

дают в течение многих дней, недель, месяцев или даже лет, трудно назвать респондентом. Это интервьюируемый, наблюдаемый или информатор (информант). А вот в обычном социологическом опросе, где снимается моментальная статистическая информация, социолог не углубляется в личные подробности, но в короткое время снимает нужную информацию, речь идет именно о респонденте. Респондент — это объект приложения статистического опроса, количественного метода. Интервьюируемый (наблюдаемый) — объект применения качественного метода.

Цель количественного метода — подготовить как можно меньше вопросов и опросить как можно больше людей. Цель качественного метода — подготовить как можно больше вопросов и опросить как можно меньше людей. В количественном методе используются простые и стандартные вопросы, в качественном методе наоборот — сложные и нестандартные. В количественной методологии нельзя менять стратегию, задавать дополнительные вопросы, не предусмотренные программой, каким-либо образом влиять на респондента. В качественной методологии стратегия и тактика постоянно меняются по ходу интервью, задаются новые вопросы, не предусмотренные программой, а сама программа набрасывается контурно — лишь в самых общих чертах. Здесь успех мероприятия зависит от личности исследователя: как он смог завоевать доверие интервьюируемого, расположить к откровенной беседе и т.д.

Вот что скрывается за теми наукообразными фразами, при помощи которых в учебной и монографической литературе описывают различие и сходство качественных и количественных методов. К примеру, следующий фрагмент из научной работы:

«В социологической практике под качественными данными понимают данные, которые выражаются нечисловым способом³⁵. Носителями их могут быть рисунки, фотографии, видеоматериалы, различного рода символы и знаки, вещи и предметы и прочее. Но чаще всего они представлены в виде вербальной информации — текста или речи. От количественных данных качественные отличаются тем, что содержание последних несет в себе смысл, непосредственно характеризующий сам носитель данных, в то время как количественные данные указывают на масштаб, объем, интенсивность тех характеристик явления, которые выражены в качественных данных. Качественные данные позволяют раскрыть значения социального явления, количественные показывают, насколько оно часто случается или насколько интенсивно оно представлено в социальной реальности. Качественные данные обозначают предмет, количественные — показывают, насколько сильно

этот предмет исследования проявлен в объекте. Продолжая такого рода рассуждения, можно заметить, что одни данные в большей степени ориентированы на создание суждения о социальном явлении, другие — на оценку значимости или тестирование этого суждения. Эти различия в природе двух типов данных привели к тому, что качественные исследования (исследования, основанные на качественных данных) стали связывать в большей степени с этапом генерирования или построения теории, а количественные исследования — с ее верификацией»³⁶.

Распространенный прием обучения американских, а теперь уже и российских студентов, а именно социальная автобиография, служит прекрасным примером взаимной дополнительности двух противоположных методологий — качественной и количественной. В самом деле, от человека, конструирующего свою социальную автобиографию, требуются две удивительные способности: 1) описать логику неповторимых, присущих только этому человеку событий, выстроить в хронологической последовательности жизненно важные события (в какой семье родился, как проходила социализация, какие события, происходившие в жизни родителей, повлияли на жизнь студента, и т.п.); 2) обнаружить «социальный вес» каждого описанного события, его типичность, пересечение с судьбами других людей и общества в целом. Если, к примеру, в 1992 г. ваш отец оказался безработным, в результате чего снизился материальный уровень, пришлось переехать на другую, более дешевую квартиру, сменив район проживания и школу, то каждое из таких жизненно (или лично) важных событий необходимо пропустить — по горизонтали — через социальную статистику и установить, сколько безработных было в тот год, является ли судьба вашего отца типичной, была ли это структурная перестройка и не оказался ли он жертвой сокращения целой отрасли, либо безработица являлась фрикционной, регулярно происходящей в любом обществе, и т.д.

Умение пропустить личные невзгоды сквозь призму общественных проблем — обязательный атрибут социологического мышления. Не научившись увязывать два круга событий — личные и общественные, вообще не стоит связывать свою судьбу с социологией как строгой и вместе с тем уникальной наукой. Таким образом, принцип дополнительности уникального и типичного лежит в основании социологического мышления. Или выразимся еще точнее — в основании мышления профессионального социолога, в основании социологии как особого рода профессиональной деятельности.

У качественной и количественной парадигм существуют поле общих интересов и сфера своих собственных, несходных интересов. «И тот и другой тип исследований, — пишет В.В. Семенова, — схожи научными категориями: концепции, гипотезы, измерительные процедуры, использование теоретического анализа данных. Обе стратегии предполагают научно обобщенные формы представления данных. Значит, проводя качественное исследование, необходимо умение работать с научными понятиями и концепциями; быть знакомым с теориями. Однако, как мы убедились, категориальный аппарат гуманистической социологии существенно отличается от позитивистской. Следовательно, исследователь-“качественник” должен быть хорошо подготовленным теоретически именно в рамках данной традиции». В этом заключается сходство двух методологий. Различаются же они, по мнению В.В. Семеновой, следующими чертами:

«Порядок операций в качественном исследовании существенно отличается: гипотезы выдвигаются “на выходе”; концепции и понятия на начальном этапе формулируются в самом общем виде и становятся более определенными лишь в результате послеполевого обобщения; измерительные инструменты разрабатываются по итогам полевого этапа. Это означает, что в отличие от количественного качественное исследование на начальном этапе носит *открытый характер* и конструируется в четкие концепции только на заключительном. Следовательно, приступая к исследованию, нужно быть готовым к самостоятельной аналитической работе в *процессе* самого исследования. В качественной стратегии форма представления данных и их подача носят *описательный* характер, а это предполагает готовность и умение работать с пространственными текстовыми материалами»³⁷.

На рис. 8 изображены общие и различающиеся моменты в двух стратегиях. Две области — А и С показывают то, что является единым в качественной и количественной методологиях. Действи-

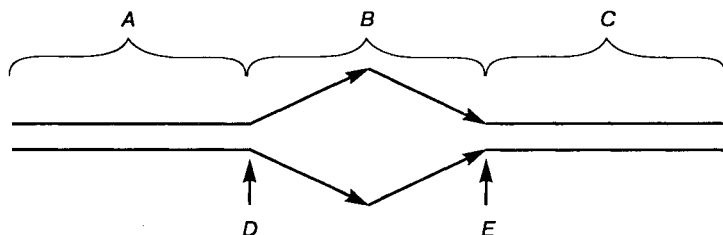

Рис. 8. Общее и различное в двух стратегиях исследования

тельно, на подготовительной (составление программы) фазе *A* обе они используют научно-теоретический аппарат социологии. К нему же они прибегают на завершающей стадии *C*, когда нужно интерпретировать эмпирические факты. Но вот методы и процедуры получения эмпирических данных у них различаются, о чем и говорит зона *B*. Точки *D* и *E* называются переломными: в одной из них начинается расхождение двух стратегий, а в другой — их соединение.

Наглядный пример соединения двух методологий в рамках одного исследования представил специалист по экономической социологии В.В. Пациорковский. В одном из своих исследований о новых формах собственности в сельском хозяйстве им были обнаружены два вида исследовательских ситуаций. Первая, когда колхоз уже распался и бывшие колхозники на собственном опыте знали, что такое «взять пай», в каких формах это делается и какие из них выгоднее. А вторая, когда колхоз живет как прежде и ничего менять не планирует. Понятно, что заранее разработанная анкета во второй ситуации не годилась совершенно, и здесь приходилось работать методом свободного интервью по месту жительства. «Заказчику было представлено два отчета: по первой группе ситуаций количественный, по второй — качественный. Но второй отчет не мог бы появиться без первого: они тесно связаны. Кроме того, второй отчет включал такой обязательный компонент, как анализ статистической документации колхозов»³⁸.

На Западе популярность качественной социологии растет, количественная социология, разработанная до уровня инженерных технологий, возможно, уже исчерпала предназначенный для нее культурный пласт, а для перехода на следующий, более глубокий слой породы, нужен новый подход. Там качественная социология нужна как следующая ступень развития. А в России? Нам еще в количественной социологии следует дорасти до международного уровня. Почему же тогда в 1990-е гг. так резко возрос интерес к качественным методам? Если вспомнить, что именно в этот период резко сокращается государственное финансирование фундаментальных исследований, то ответ очевиден. Одни переходят к новым методологиям от избытка и богатства, другие — от бедности и недостатка.

Возможно, у качественной социологии век в России недолог. В середине 1990-х гг. расширились коммерческие заказы на опросную информацию, а она добывается исключительно количественными методами. Сегодня социологу-выпускнику невозможно устроиться в коммерческую опросную фирму, если он хорошо не знает математической статистики. Качественную социологию, развивающуюся параллельно и несравнимо меньшими

масштабами, ждет будущее при сильной государственной поддержке. Будет ли таковая?

В табл. 2 представлен сравнительный анализ рассмотренных методов.

Таблица 2
Сравнение качественных и количественных методов

Количественные методы	Качественные методы
1	2
ЧТО ИССЛЕДУЮТ С ИХ ПОМОЩЬЮ	
Жизнь общества на основе объективных статистических данных	Жизнь общества на основе субъективных свидетельств людей
КРУГ ИЗУЧАЕМЫХ ТЕМ, ВОПРОСОВ, ПРОБЛЕМ	
Типичные и общественно значимые события: миграция, социальные и этнические конфликты, кризис социальных институтов и др.	Нетипичный индивидуальный опыт (болезнь, религиозные убеждения, потребление наркотиков), личные биографии
ПЕРВИЧНЫЕ ДАННЫЕ	
Закодированные ответы респондентов, статистические данные, официальные документы	Текстовые записи интервью и наблюдений, личные и официальные документы, фотографии
Первичными считаются любые данные, в том числе о субъективных мнениях людей, удобные для обработки методами математической статистики	Первичными являются данные о субъективных мнениях людей, выраженные чаще всего пространными высказываниями, реже — жестами, символами, отражающими их взгляды
ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ	
Социальный мир больших групп людей; повторяющиеся, типичные черты; глобальное общество, социальная структура и институты, социетальные системы; миграция народов	Жизненный мир индивидов или малых групп; неповторимо личные, уникальные черты; локальные сообщества, чувства, взгляды, восприятие; каждодневные социальные практики людей
Общественная жизнь	Частная жизнь
УРОВЕНЬ НАУЧНОГО АНАЛИЗА	
Макроанализ	Микроанализ
Социальное	Индивидуальное
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКА	
Предлагают результаты измерений, выраженные на искусственных (формализованных) языках	Предлагают результаты наблюдений, записанные с помощью естественного, разговорного языка
НА КАКИЕ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЮТ	
Сколько? Откуда? Почему? Каким образом? Как часто? Как долго?	Что это? Откуда? Почему? Каким образом? Каков смысл?
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА	
Позитивизм, количественная методология, теория измерения, теория вероятностей, математическая статистика	Понимающая социология, феноменология, гуманистически ориентированная социология, социальная драматургия

Продолжение табл. 2

1	2
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	
Феноменологизм, т.е. понимание человеческого поведения исходя из интерпретации субъекта	Логический позитивизм, т.е. поиск фактов и причин социальных феноменов без особого внимания к субъективным состояниям индивидов
НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ	
Объективность и незаинтересованность, невмешательство наблюдателя в ход исследования, свобода от оценочных суждений	Метод вживания, субъективность и пристрастность, опора на оценку ситуации и фактов, заинтересованность, герменевтика и «расколдование» смысла
Объектоцентричность, дистанцированность от человека	Человекоцентричность, максимальная приближенность к человеку
Тяготение к естественно-математическим наукам и точности, рациональности и рассудочности, дедукции, расчету	Тяготение к искусству, художественному воображению, интуиции, индуктивным методам
ТЕОРИЯ И МЕТОД	
Четкое разграничение теории и метода как разных форм научной деятельности, различных систем правил, технологий построения	Нераздельность теории и метода, теория как метод: постоянное движение от концептуализации к сбору данных и обратно (их интерактивность)
ТЕОРИЯ И ФАКТЫ	
Факты нужно приспособлять к теории	Теория должна приспособляться к фактам
ВИД ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ТЕОРИЙ	
Гипотетико-дедуктивные, казуальные, формализованные, номотетические, идеальный тип, граф-теории	Неформализованные, недедуктивные, описательные (граунд-теории), идеографические, паттерн-теории
МЕТОДЫ	
Опрос — утомительный экзамен по заранее составленным вопросам	Интервью — неформальный дружеский разговор в доверительной обстановке
Анкетный опрос, контент-анализ (количественный анализ), структурированное наблюдение, формализованное интервью, эксперимент	Участвующее наблюдение, неформализованное интервью, качественный анализ документов (текстовых, реже визуальных — фото- и видеоисточников)
ГИПОТЕЗЫ	
Выдвигаются «на входе»	Выдвигаются «на выходе»
Формулируются в программе до начала сбора данных	Формулируются по ходу исследования и могут меняться в процессе сбора данных
ИНСТРУМЕНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ	
Разрабатываются и проверяются в пилотаже, обычно формализуются	Создаются в ходе полевого исследования, не пилотируются и не формализуются
Один инструмент (анкета) может использоваться неоднократно разными исследователями в разных исследованиях	Один инструмент создается как уникальный интеллектуальный продукт, используется однократно, всякий раз создается заново
Разрабатываются вначале и принимаются по итогам пилотажного этапа	Разрабатываются по итогам полевого этапа

Окончание табл. 2

1	2
ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПОЛЪЗУЕМЫХ МЕТОДОВ	
Числовые	Нечисловые
Стандартизированные	Нестандартизированные
Жесткие	Мягкие
Объективные	Субъективные
ВЫДВИЖЕНИЕ ПОНЯТИЙ	
Общие понятия операционализируются до разработки инструментария и начала полевого исследования	Общие понятия становятся более конкретными лишь в результате послеполевого обобщения
РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	
Минимальна, он выступает пассивным инструментом познания	Велика, он выступает активным инструментом познания
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАБОТАННЫХ ДАННЫХ	
Статистические распределения, шкалы, коэффициенты, связи	Высказывания, фрагменты документов, наблюдений, транскриптов
ЧТО ДЕЛАЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ	
Социолог изучает поведение людей как представителей больших социальных групп, субъектов социального взаимодействия, которое возникает, формируется и развивается в социальных организациях и социальных институтах общества. Социология как строгая наука представляет собой единство теоретического и эмпирического знания, которые социологи получают при помощи опроса, наблюдения и анализа документов. Полученные таким образом данные социология группирует, классифицирует и обрабатывает на основе приемов математической статистики. В результате получается социально-типическая картина поведения, ценностных ориентаций и мнений людей. Социология — логически стройная система достоверного знания — позволяет выводить закономерности и тенденции в протекании социальных процессов, прогнозировать будущие события	Социолог постигает мироощущения людей и смыслы жизни; все время находится среди людей и в гуще событий; анализирует поток разнообразных полевых материалов; гибко строит процесс сбора данных, не придерживается жестко заданной программы и первоначальной стратегии исследования, постоянно меняет их с учетом реальных обстоятельств; осуществляет «монтаж» фрагментов информации об изучаемой реальности в концептуальное видение; многократно возвращается к начальным этапам, критически переосмысливает ситуацию, распознавая реальные противоречия и несоответствия, сопоставляя ситуацию с теоретическими представлениями*
РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ В ВИДЕ	
Структурированного и кодифицированного текста, часто принимающего вид таблиц, графиков и т. д.	Неструктурированных текстовых материалов, содержащих оценочные высказывания людей о практике своей жизни
ВЕРИФИКАЦИЯ	
Главный прием в подтверждении научного статуса теории	Почти запрещенное, грязное слово в тезаурусе «качественников»

* Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 13–14.

В заключение стоит сказать вот о чем. Для современной науки характерен плюрализм в выборе методологии и методов эмпирического исследования, признание равноценности различных стандартов научности. Типологические таблицы, классификации и логические квадраты служат всего лишь пропедевтическим приемом, помогающим лучше уяснить природу и отличительные черты того или иного метода, той или иной стратегии, но никак не руководством к научному поиску, где фантазия ученого раскрепощена и он выбирает метод, наилучшим образом соответствующий его целям и задачам. А задачи научного исследования чаще всего требуют комплексного подхода к проблеме, сочетания самых разных техник, методов и приемов.

2.5. Сущность и структура граунд-теории

Граунд-теория — это жизнеобразующий нерв качественной социологии. Она представляет собой весьма специфическое явление: растет не сверху, как все «нормальные», во всяком случае, привычные нам количественные теории, а подобно лесным грибам снизу; буквально открывается в ходе включенного наблюдения за повсе-дневной жизнью людей. В отличие от формальной или абстрактной теории, вытекающей из выведенных (в соответствии с правилами логики) гипотез, проверяемых затем в ходе наблюдения, граунд-теория развивает свои идеи в процессе непосредственного диалога с фактами.

Граунд-теория — основной носитель и одновременно организатор теоретического знания в качественной методологии. Она получила свое название благодаря тому, что как бы выростала непосредственно из «земли» или «почвы», а лучше сказать — рождалась в ходе проведения полевого исследования, на самом объекте, в процессе общения с людьми или наблюдения за их поведением. Подобно художнику социолог творил свою теорию на виду у всех, пробуя и отвергая множество версий, уточняя и редактируя их в зависимости от ситуации и обстоятельств. В этом смысле качественная теория является «заземленной» («*grounded*»).

Термин *grounded theory* впервые появился в работе Б. Гласера и А. Страусса³⁹ «Открытие граунд-теории: стратегия качественного исследования»⁴⁰ (1967). Именно их авторитетный Оксфордский словарь социологии называет пионерами граунд-теории, ее научными родителями⁴¹.

Для обозначения *grounded theory* в зарубежной литературе используются две аббревиатуры, а именно *GT* и *GTM*. Сегодня *GT*—

широко используемая в социологических исследованиях методология, отвечающая, по мнению ее сторонников, канонам «хорошей науки». Считается, что она может с успехом употребляться как в качественной, так и в количественной социологии. По мнению Б. Гласера⁴², *GT* возникла в конце 1960-х гг. как антипод социально-психологическим исследованиям и теоретическим спекуляциям.

В те годы, а это середина 1960-х гг., оба ученых работали в Калифорнийском университете, где получили грант для руководства исследовательским проектом изучения тяжело больных пациентов в одном из госпиталей. Полевое исследование, а это было именно оно — в отличие от социологического опроса, ради которого ученый на короткое время посещает цех, квартиру или офис — очень длительное и трудное, позволило получить богатейший эмпирический материал и создать оригинальную методику исследования. Позже оказалось, что Б. Гласер и А. Страусс совершили настоящее научное открытие — создали новый тип научной методологии, принципы и основные штрихи которой, возможно, угадывали либо описывали представители так называемой гуманистической социологии за полвека до них. Но одно дело угадать, предвидеть, указать, совсем другое — создать рабочий инструмент, его структуру, характер, принципы действия, сферу применения, достоинства и недостатки, наконец, написать учебник, популяризирующий новую методологию⁴³. Б. Гласеру и А. Страуссу удалось все это сделать и воспитать несколько поколений молодых приверженцев нового метода. Вместе со старшим поколением, т.е. представителями понимающей социологии, символического интеракционизма и даже философии прагматизма, качественная методология предстает сегодня мощной и весьма уважаемой научной традицией, теоретические корни которой восходят в начале XX в., эмпирическое рождение приходится на середину 1960-х гг., а расцвет и повсеместное увлечение — на конец XX — начало XXI в.

Союз двух ученых оказался на редкость удачным. А. Страусс — выпускник Чикагского университета, который, как известно, является родоначальником качественных исследований и накопил в этой области огромный опыт. А. Страусс формировался под влиянием идей Р. Парка, У. Томаса, Дж. Дьюи, Дж. Мида, Э. Хьюза и Г. Блумера. Высокая культура полевого исследования, впитанная им, предполагала, что получить интересные факты можно только в полевом исследовании, а не в библиотеке или кабинете, что хорошая теория вырастает из фактов, что ученый должен вживаться в ситуацию и быть ее активным участником. Все это

нашло отражение на страницах учебников и монографий, посвященных качественной социологии.

В противоположность ему Б. Глассер получил подготовку в Колумбийском университете и испытал влияние П. Лазарсфельда, одного из основателей количественной методологии. Для Колумбийского университета характерен акцент на развитии математических методов в эмпирическом исследовании, основательная проработка формальной, сциентистски ориентированной теории. Воспитанный в подобных традициях, Б. Глассер превратил качественный анализ в хорошо продуманную, эксплицитно сформулированную и систематизированную стратегию научного поиска, подразумевающего кодирование, проверку гипотез, рожденных во время исследовательского процесса, обоснование выборки исследования и многие другие процедуры, которые приближают по уровню научной строгости качественную методологию к количественной.

Новая методология возникла у Б. Гласера и А. Страусса как альтернатива традиционному академическому исследованию, требующему выдвигания и проверки гипотез, технологии верификации, количественного анализа данных, хорошего знания основ математической статистики. Образно говоря, оно являлось весьма эффективным на широких просторах, колхозном поле, но совершенно не годилось для тонкой работы на огороде или отдельной грядке. Здесь лучше подходили глубинное интервью, анализ отдельных случаев (*case study*), длительное погружение в жизненную ситуацию, анализ устных историй, биографический метод, этнографическое исследование.

В противоположность формальным или абстрактным теориям, создаваемым в рамках количественной методологии, дедуктивно выводимым по определенным логическим правилам, содержащим гипотезы, которые нужно проверять опытом, граунд-теория вырастает из наблюдения конкретных фактов, воображения исследователя, выдвигающего по ходу исследования все новые идеи. Понятия, создаваемые творческим воображением ученого, Гласер и Страусс называют сензитивными, т.е. чувственными, интуитивными, а метод конструирования понятий или теоретизирования именуют аналитической индукцией⁴⁴.

Много позже А. Страусс и Дж. Корбин⁴⁵ попытались систематизировать свои идеи о сущности и структуре граунд-теории, выделив три уровня анализа (они же стадии построения теории) в качественном исследовании: 1) представление данных без интерпретации и обобщения, т.е. рассказ участников о своих жизненных историях; 2) создание полноценного (богатого фактурой)

и правдоподобного описательного нарратива, который дает ученому полевое исследование, появляющихся здесь же транскриптов⁴⁶ интервью и интерпретаций, сделанных исследователем; 3) построение теории, используя высокий уровень абстракции и интерпретации.

Отвечая на вопрос «Что такое обоснованная теория?», А. Струсс и Дж. Корбин пишут в своей монографии (сейчас ее можно прочитать и по-русски): «Обоснованная теория — это теория, которая индуктивно выводится из изучения феномена, который она представляет. То есть она создается, развивается и верифицируется в разных условиях путем систематического сбора и анализа данных, относящихся к изучаемому феномену. Таким образом, сбор данных, анализ и теория находятся во взаимной связи друг к другу. Нельзя начинать с теории, а затем доказывать ее. Скорее начинают с области исследования, и все, что имеет отношение к этой области, имеет шанс проявиться»⁴⁷.

Сказать, что граунд-теория представляет собой совокупность индуктивно выведенных прямо из материалов полевого исследования (в том числе высказываний информантов) обобщений, еще не значит дать полное представление об этом уникальном явлении в мире научной методологии.

Круг определений граунд-теории, высказанных ее авторами и последователями, довольно широк. Приведем только главные.

Итак, **граунд-теория** это:

- ◆ Общий метод сравнительного анализа⁴⁸.
- ◆ Общая методология, регулирующая сбор субстантивных (сущностных, качественных) данных ради выведения на их основе индуктивной теории⁴⁹.
- ◆ Качественный подход, используемый для анализа социальных процессов, ограниченных рамками межличностного взаимодействия⁵⁰.
- ◆ Научный подход, основанный на идее, что группа или группы людей имеют специфические социально-психологические проблемы, которые не всегда могут быть артикулированы⁵¹.
- ◆ Форма полевого исследования, которая позволяет применять пошаговые процедуры для сбора и анализа данных об индивидуальных (специфичных) явлениях⁵².
- ◆ Самокорректирующийся метод; набор концептуальных гипотез⁵³.
- ◆ Индуктивно выводимая из данных полевого исследования отдельных явлений теория. Она создается путем прямого и обратного движения от фактов к обобщениям, верифицируется только предварительно⁵⁴.

◆ Основанная на понятийных индикаторах модель, которая руководит концептуальным кодированием совокупности эмпирических индикаторов⁵⁵.

◆ Теория-наблюдение, или субстантивная теория, создающая не статистический, а сущностный образ изучаемого явления⁵⁶.

◆ Попытка понять человеческие действия с позиций индивида, включенного в них⁵⁷.

◆ Применение усовершенствованной версии методики количественного анализа данных П. Лазарсфельда⁵⁸.

◆ Субстантивная теория, которая прекрасно дополняет количественные теории среднего ранга, расширяя сферу их действия, сужая разрыв между теорией, исследованием и практикой⁵⁹.

С методологической точки зрения природа граунд-теории двойственна: с одной стороны, индуктивная, потому что выводится из данных наблюдения, а с другой — дедуктивная, поскольку содержит общие принципы, которые могут быть подвергнуты эмпирической проверке⁶⁰.

Изложив в своей первой работе основные компоненты граунд-теории (постоянное сравнение, теоретическая выборка, процедуры кодификации и др.), Б. Гласер и А. Страусс в последующих произведениях углубили и расширили трактовку нового типа теоретизирования. При этом внимание уделялось не столько детализированию поэлементной структуры новой теории, сколько теоретико-методологическому и даже эпистемологическому сравнению качественной и количественной методологии⁶¹.

Сторонники Гласера и Страусса после каждого исследования создают свою теорию, подходящую только к этому конкретному случаю, охватывающую всю полноту обстановки, многочисленные нюансы и т.д. Такие граунд-теории принципиально отличаются от гранд-теорий, создаваемых чисто дедуктивно и охватывающих большие миры, — отличаются не только камерностью, но и неповторимостью. Над расширением и приложением гранд-теории ко множеству похожих ситуаций трудятся десятки и сотни людей, иногда целые школы и даже страны. Вспомним хотя бы такую гранд-теорию, как марксизм. У марксизма были многочисленные последователи не только в СССР, но и в США. Знаменитый исследователь социальной структуры и стратификации Э. Райт создавал свою концепцию как некоторое продолжение гранд-теории классов К. Маркса, о чем всякий раз не забывал сообщать. Эмпирическую верификацию своей теории он провел в десятке разных стран. Трудно себе представить, что А. Пикард⁶², создавший, по его собственным заявлениям, граунд-теорию на основе эмпирического исследования «Цифровая информация — источник

обучения молодежи», где ему пришлось использовать глубинное интервью и кейс-стади, рассчитывает получить апробацию в международном исследовании или надеется, что его теорию будут проверять и использовать десятки независимых экспертов. Автор откровенно формулирует свою цель: генерировать теорию, которая полностью была бы заземлена (*grounded*) в конкретные данные.

Даже отцы граунд-теории, Б. Гласер и А. Страусс, считали свое детище теорией случая, а не какой-то универсальной конструкцией наподобие теории относительности, применимой во всех уголках вселенной. Их концепция должна вырастать из *этих* фактов, всегда быть готовой объяснить *эти* факты, т.е. быть релевантной *этим* фактам, свидетельствовать об *этих* фактах, обслуживать *эти* факты⁶³.

Но не только на эти факты заземлена граунд-теория. Она, кроме того, заземлена на конкретного автора, создана им и может быть по большому счету понята только им. Б. Гласер настаивает на том, что всякому, кто собирается иметь дело с качественной методологией, нужно изобретать свой собственный рецепт измерения явлений, которые он собирается изучать⁶⁴.

Образно выражаясь, граунд-теория — это мама всех детей на свете, напротив, граунд-теория — мать только для своих детей. Качественная методология — глубоко семейная, интимная, камерная исследовательская методология. Она не ставит своей целью любить весь мир и всех страждущих, поскольку, как выражался Л. Толстой, такая любовь абстрактна. Она любит очень конкретно и весьма эгоистично — только своих и только знакомых. Если и дальше проводить художественную аналогию, то придется отметить, что абстрактная любовь ко всему человечеству — это любовь отчужденная, любовь ко всем и ни к кому конкретно. Этим грешит формализованная теория, создаваемая в рамках количественной методологии. В используемые ею пропозиции можно вставить какие угодно конкретные ситуации, и она их все опишет. Но лишь в самых общих чертах. А любовь к своему ребенку конкретная — теплая, полная жизненной силы и вместе с тем очень индивидуальная и эгоистичная.

Ядро граунд-теории включает несколько компонентов:

1. Эмпирический, итерационный (многократный) подход к сбору и анализу данных. Это означает, что данные собираются, анализируются и пересматриваются циклически, что позволяет улучшить контроль ученого за качеством собираемой информации.
2. Постоянное применение сравнительного метода при построении теории. Поиск сходства в совершенно различных яв-

ниях предпринимается для того, чтобы ярче высветить суть явления либо социологическую переменную. Блестящий пример — ответ А. Страусса на вопрос своего давнего коллеги и сторонника «понимающей социологии» Э. Хьюза: «Что общего у священника и проститутки?». Ответ был таким: «Тот и другой совершают свое дело скрытно, поэтому для постороннего глаза оно наполнено таинственностью». Увидеть общие черты между столь далекими явлениями — суть качественного метода. Сравнительный анализ может также применяться по отношению к аналогичным случаям для выявления их противоположностей. Два представителя одного поколения могут начинать с одинакового социального положения и достичь высокого служебного статуса, но двигаться к этому разными путями (траектория мобильности). Здесь при сравнительном анализе оказалось, что условия и результаты в двух случаях схожие, а характер процесса — разный.

3. Особый способ составления выборки, который принято называть теоретическим. Акцент поставлен не на репрезентативность данных, а на получение богатого эмпирического материала, на базе которого можно сделать глубокие и оригинальные обобщения. Выдвижение гипотез и преемственность с предыдущими социологическими теориями отступают на задний план.

4. Качественная теория принимает так называемый фасетный вид, при котором она разбивается на множество полуавтономных теоретических областей, понятий, суждений, которые, не прибегая к помощи всей теории, можно по отдельности использовать для объяснения новых фактов и явлений. Так, создавая ранний вариант качественной методологии, Гласер и Страусс в середине 1960-х гг. провели исследование престарелых больных в медицинском госпитале, для которого придумали понятия «осознание своего статуса» и «контекст сознания». На протяжении последующих 15 лет они применяли оба эти понятия к самым разным ситуациям и исследованиям.

Фасетная классификация интерпретируется как способ сортировки терминов в заданной области знаний в гомогенные, взаимно исключающие наборы, каждый из которых отпочковывается от универсального набора понятий по одному определенному критерию⁶⁵.

Между двумя типами социологии — качественной и количественной — существуют достаточно глубокие различия. Они затрагивают не только сферу методики, но также методологии, и распространяются на область конструирования научной картины мира — самый верхний уровень в иерархии социологического знания, где социология сливается с философией.

В качественной методологии сценарий разворачивается в ином направлении, чем в количественной. Социолог заранее ничего не выдвигает и не конструирует. Он не знает, каков мир, с которым ему придется столкнуться в заброшенной деревне или в группе социальных аутсайдеров. Он лишь предполагает, что у этих сообществ и свойственных им субкультур есть свои собственные обычаи, традиции, язык и манера выражаться. Ученый должен непредвзято подойти к объекту и понаблюдать, каков он на самом деле: как живут реальные люди, которые вскоре станут объектом его наблюдения, как они разговаривают между собой, как конфликтуют или распределяют социальные роли. Его разум напоминает *tabula rasa* (лат. — чистая доска). Непредвзятое восприятие — исходная установка социолога, отправляющегося в поле.

Движение мысли происходит по сценарию индуктивного метода в противоположность дедукции, которой пользуется проводящий количественные исследования социолог. А. Страусс убеждает научное сообщество в том, что социологи не обязаны ограничивать себя применением исключительно естественнонаучных моделей, в частности лабораторных экспериментов, в качестве неких методологических эталонов. В рамках граунд-теории им предложена альтернатива априорно заданным гипотезам: гипотетические суждения выводятся из опыта, они, по убеждению А. Стросса, дают более богатое и реалистическое видение процесса исследования, чем при дедуктивных методах. Большинство приверженцев качественной социологии настаивают на том, что их научная картина мира создается индуктивным, а не дедуктивным путем. Она почерпнута из самой жизни, а не привнесена в нее из тиши академических институтов. Возможно, так оно и есть. Во всяком случае, аргументов для подобных утверждений находится более чем достаточно.

В зарубежной социологии граунд-теории уделяется сегодня очень много внимания. Так, в 1990-е гг. возник Институт граунд-теории (*The Grounded Theory Institute*) доктора философии Б. Гласера (*Dr. Barney G. Glaser, Ph.D*)⁶⁶. Дважды в год институт проводит семинары, посвященные граунд-теории. Кроме того, создан периодический орган института — *The grounded theory review. An international journal*⁶⁷. Главный редактор журнала — опять же Б. Гласер. Цель журнала — публикация репринтов и оригинальных статей, посвященных *grounded theory*. Статьи, посвященные структуре и развитию граунд-теории, ее практическому приложению в самых разных областях деятельности, в том числе в бизнесе, образовании, здравоохранении, поступают со всех стран. Латентная задача журнала, по выражению его редактора, — сфор-

мировать некое всемирное сообщество граунд-теоретиков, которые будут обсуждать, дискутировать, консультировать, используя он-лайн конференции и современные средства телекоммуникации. К сожалению, пожелание редактора малоосуществимо, поскольку полнотекстовых вариантов статей, которые могли бы служить предметом обсуждения, на сайте журнала не представлено. Читателям предлагается покупать его бумажную версию. Из краткого оглавления журнала известно, что в нем опубликованы, в частности, статьи о зарождении граунд-теории В. Гутрие и Э. Лоу о будущем граунд-теории самого Б. Гласера, использовании граунд-теории в психоаналитической социальной психологии Э. Экинса, в сфере маркетинга С. Хаслама, в медицине Х. Фримана, в гендерной социологии Б. Гласера и др.

Глава 3. ВИДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

В каждой науке, изучающей поведение людей, сложились свои научные традиции и накоплен свой эмпирический опыт. И каждая из них, будучи одной из ветвей социальной науки, может быть определена в терминах того метода, которым она преимущественно пользуется. Методы — это правила и процедуры, с помощью которых устанавливается связь между фактами, гипотезами и теориями, тогда как приемы — это дополняющие методы практические операции.

Понятие метода применимо и к эмпирическому, и к теоретическому знанию. Эмпирики собирают и обрабатывают факты. Но это всего лишь сырой материал до тех пор, пока теоретик не поймет в чем дело и не даст им достойного объяснения. В том и другом случае как социолог, так и антрополог используют метод, т.е. совокупность правил, позволяющих непротиворечиво что-либо объяснить, последовательно выстроить, логично интерпретировать, удачно систематизировать или успешно предсказать события.

3.1. Принципы антропологического исследования

Антропология, этнография, социология и этнология не чураются практически никаких источников, из которых ученый, применяя самые простейшие или очень изощренные методы, был бы способен извлечь полезную для себя информацию. Пытливых исследователей можно встретить в непролазных джунглях Амазонки, в современной художественной галерее, на задворках деревенского дома, в молодежной тусовке и даже на городской мусорной свалке. Вряд ли представители других наук отважились бы на такое. Из магнитофонных лент, обрывков газет, пожелтевших пи-

сем или дневниковых записей они творят буквально чудеса, восстанавливая историческое прошлое племени, о котором почти никто не помнит, генеалогическое древо, состоящее из сотен и тысяч имен, или традиционный обряд почитания богов у северных народов.

Для научных целей используется самый разнообразный материал: результаты исследований и описания ученых-этнографов, записки путешественников, фольклорные и художественные тексты, устные предания, этносоциологические и этнопсихологические исследования, публицистические материалы, официальные документы, историческая и общественно-политическая литература, доклады географов, записки авантюристов и матросов, отчеты посланников, сообщения капитанов морских судов, торговцев и т.п.

Современная наука отчасти пересматривает традиционные цели, методы и стиль этнографии. Получает признание так называемая экспериментальная антропология, сторонники которой, в частности Маркус и Кэшман, утверждают, что все культуры когда-то были уже открыты, а теперь они нуждаются в переоткрытии. Этнограф выступает в роли медиатора между аборигенами и читателями научной книги. И как медиатор, он привносит в книгу много субъективных интерпретаций¹.

Этнограф выступает медиатором в двух смыслах. В ходе полевого исследования он, во-первых, переводит местные культурные категории на понятийный язык западной науки, а, во-вторых, при написании книги или отчета делает так, чтобы его могли понять будущие читатели, т.е. еще раз интерпретирует данные.

С периодом ранней этнографии, называемой «спасающей уходящие культуры», связано понятие «*этнографическое настоящее*». Оно обозначает период, предшествующий вестернизации, когда местные культуры достигали «истинного» расцвета. Благодаря такому подходу получают непреходящую ценность старые классические работы этнографов прошлого столетия, которые застигли «в живых» аборигенные культуры. Понятие этнографического настоящего запрещает ставить печать исторического прошлого на этнографической классике.

Культуры, которые удалось описать Б. Малиновскому в первой четверти XX в., оказались как бы замороженными в историческом времени. Они являют этнографическое настоящее. Точно так же получают вторую жизнь описания миссионеров, путешественников, историков прошлых эпох. Однако современные антропологи напоминают, что последние описывали уже зараженные вестернизацией культуры либо привносили в описание западнорационалистские взгляды и оценки. Сегодня антропологи склонны

считать некоторой идеализацией понятие этнографического настоящего. Культуры всегда находились в контакте друг с другом и всегда изменялись на протяжении истории. Большинство аборигенных культур имели, как минимум, одну встречу с западной культурой перед тем, как их навестили этнографы. Значительная часть их была даже втянута в орбиту западной цивилизации, поскольку они являлись колониями европейских стран².

Таким образом, классики-этнографы, по мнению современных антропологов, игнорировали историю, политику и социальные реальности общества.

Как естествоиспытатели, антропологи собирают документальные данные, делают всевозможные замеры, систематизируют данные, строят таблицы и корреляции, основываясь на многочисленных и независимых источниках. Если им приходится иметь дело с большими массами людей, например крупной народностью, этническими беженцами или сексуальным меньшинством в современном мегаполисе, охватить которые исследователь не в состоянии, то он прибегает к выборочным опросам и наблюдениям, использует статистику и математические процедуры. Однако часто антропологу приходится иметь дело с немногочисленной общностью — вымирающим этносом, небольшим племенем, несколькими стариками и старушками, сохранившими фольклорное наследие своей деревни. В таких случаях им приходится применять субъективные методы.

Подобное название может ввести читателя в заблуждение. На самом деле в нем нет ничего предосудительного. Определение «субъективный» имеет два значения. Во-первых, информацию ученые получают от одного или нескольких человек, а не сотен и тысяч. Перепроверить такого рода данные чаще всего не удастся, поскольку носителей уникальной культуры, как в случае с описанными выше стариками, может оказаться лишь пять-шесть человек на всю планету. Таким информаторам приходится верить на слово, подробно фиксируя все детали разговора. Проверка по множеству независимых источников помогает ученому избавиться как раз от этих самых субъективных напластаваний, например пристрастных суждений, выборочной памяти, личностных недостатков.

Во-вторых, ученый, расшифровывая уникальную запись беседы или просматривая кино- и фотодокументы, волен произвольно интерпретировать увиденное либо услышанное, исходя из своих теоретических представлений, уровня квалификации, особенностей полученного образования. Часто так происходит, что одни и те же факты разные ученые интерпретируют противоположным

образом. Рассудить их никто не может, поскольку а) научный арбитр также придерживается определенной концепции; б) «количество» факта слишком мало.

Таким образом, у объективных методов, в частности репрезентативного опроса или статистических данных, есть несомненные преимущества. Но лишь на первый взгляд. На самом деле статистикам нечего делать на малых общностях и уникальных объектах. К тому же они заранее огрубляют действительность, стремясь уложить ее в 10–15 стандартных показателей, которые для антрополога часто имеют нулевую ценность. Зато субъективный метод, скажем, включенное наблюдение, биографический метод (*life story*) или генеалогическая диаграмма способны преподнести такие сюрпризы, открытия и глубокие прозрения, которые с лихвой перекрывают все свои недостатки.

На телевидении более 20 лет действует «Клуб путешественников», в рамках которого демонстрируется немало антропологических фильмов.

Визуальная антропология ныне приобрела достаточно широкое значение. Одни считают, что это наука о разных культурах, вооруженная камерой и фотоаппаратом, которые беспристрастно фиксируют происходящие события, другие относят ее к сфере высокого операторского искусства, которое умудряется схватывать ускользающие моменты человеческой жизни, а затем поэтизировать их.

Основные черты использования методов полевого исследования в этнографии и антропологии выражаются в следующем:

◆ Непосредственное наблюдение повседневного поведения людей методом участвующего наблюдения (*participant observation*) и получение данных из первых рук.

◆ Непринужденная беседа с теми, кто больше всех осведомлен о повседневной жизни племени, с целью заручиться их согласием на проведение в дальнейшем научного интервью, которое может носить как неструктурированный, так и структурированный вид.

◆ Подготовка программы интервью для получения полноценной научной информации, которая может послужить к дальнейшему углублению исследования данной общности.

◆ Генеалогический метод.

◆ Детальная работа с хорошо осведомленными информантами (*well-informed informants*) о тех или иных сторонах социальной жизни общины.

◆ Глубинное интервью (*in-depth interviewing*), которое нередко завершается составлением коллекции историй жизни конкретных людей.

◆ Эмическое (*emic*), ориентированное на ценности местных жителей исследование (*actor-oriented*), преследующее целью понять верования и взгляды аборигенного населения.

◆ Этическое (*etic*), ориентированное на ценности и задачи самого ученого исследование (*observer-oriented*), позволяющее интерпретировать материал в соответствии с понятиями и теориями этнографической науки.

◆ Проблемно-ориентированное исследование самого разного толка.

◆ Лонгитюдное исследование — продолжительное изучение одного объекта либо одного явления³.

Антропология отличается от других наук, изучающих человека, своей а) компаративностью (сравнительный анализ культур); б) холистичностью (охват всех сторон общества или жизни человека); в) глобальностью (ей доступны все культуры и все страны во все эпохи)⁴.

Антропология выполняет важную нравственную функцию — она старается избавить наше сознание от этноцентризма, привычки недооценивать другие культуры, желая оценивать инокультуру с позиций норм и ценностей собственной культуры. Широкая сравнительно-культурная перспектива, используемая антропологией, помогает глубже понять наше собственное общество, взглянуть на него иначе, чем было принято раньше. Взгляд на собственное общество со стороны обогащает социологическое видение мира.

Получившая широкое развитие в 1970-е гг. так называемая интерпретативная антропология обнаружила свое призвание в описании и интерпретации культуры такой, какой ее видели и понимали прежде всего аборигены. Интерпретивисты типа К. Гирца рассматривали местные культуры как наделенные смыслом тексты, которые постоянно «читают» аборигены, а западные ученые только расшифровывают.

3.2. Аналитические методы

Социальные и культурные антропологи применяют множество научных методов, пытаясь реконструировать историческое прошлое человечества и лучше познать его настоящее. Среди них сравнительно-исторический метод, который еще называют кросс-культурным исследованием (*comparative method, cross-cultural method*), метод исторических пережитков, структурно-функциональный, историко-эволюционный, типологический методы и

некоторые другие. С их помощью устанавливают общее и особенное в социальных и культурных явлениях, единые фазы развития, универсальные законы и тенденции в динамике примитивных обществ.

Интерес к сравнительным исследованиям проявляли еще античные историки и философы, много путешествовавшие по миру и потому имевшие возможность сравнивать народы между собой. И позже записки о путешествиях, мемуары и дневники служили важным источником информации для науки. Путешествия — особый жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о незнакомых или малоизвестных читателю странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров; помимо познавательных он может ставить эстетические, философские, публицистические и другие задачи. От них следует отличать путевые очерки. В путевом дневнике автор описывает не только природу, нравы и обычаи, культуру, но и социальные условия жизни («Путешествие в Италию 1811» Стендаля, «Путешествие в Пиренеи» Тэна, «Зеленые холмы Африки» Э. Хемингуэя, «Ирландский дневник» Г. Белля, «Путешествие по радуге» Д.Б. Пристли, «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова, «Испанский дневник» М. Кольцова и др.). К научным путешествиям относят книги М. Поло, Ч. Дарвина, Ф. Нансена, Р. Амундсена, Р. Скотта, Т. Хейердала, Н.М. Пржевальского, Н.Н. Миклухо-Маклая и др. Получили широкую известность «Хождение за три моря» А. Никитина, «Письма русского путешественника» Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина, «Фрегат “Паллада”» Гончарова и т.д.

В начале XVIII в. Ж.-Ф. Лафито высказал мнение, что причина сходства традиций американских индейцев, изучением которых он занимался, и древних народов Европы объясняется общностью их происхождения. Сравнительный метод являлся главным оружием в руках эволюционистов XIX в. (Л. Морган, Э. Тайлор, Дж. Макленнан, Дж. Фрейзер и др.), а столетие спустя, когда в США получил распространение неозволюционизм, представители этой школы (Д. Стюард, Л. Уайт, Э. Сервис, М. Салинс и др.) также использовали сравнительные исследования и делали акцент на развитии культурной экологии.

Цель **сравнительно-исторического исследования** существующих одновременно либо возникающих последовательно культур — анализ сходства и различия между ними. При этом ученый выделяет главное и повторяющееся, но отбрасывает или умалчивает второстепенное.

Типологический метод также основан на анализе общего и особенного в эмпирическом многообразии явлений. Центральное понятие — «тип» — понимается как идеальная модель, отражающая некоторые существенные признаки определенного множества явлений, но заведомо игнорирующая другие признаки, рассматриваемые в данном случае как несущественные.

Понятие *идеального типа* — одну из ключевых категорий, призванных помочь постичь смысл или смысловую связь часто повторяющегося явления — ввел в научный оборот М. Вебер. Идеальный тип у Вебера — это мыслительная конструкция, некий абстрактный эталон для измерения событий, процессов или явлений. Это прием теоретического мышления, позволяющий на понятийном уровне создать емкий и обобщенный образ какого-либо явления или группы явлений, не прибегая к статистике.

Прием типизации в науке или повседневной жизни сводится к тому, что великое множество самых разных предметов мы разбиваем по группам, основываясь на их дальнем или близком сходстве. Такой путь называется индуктивным — от разрозненных фактов мы приходим к обобщенным типам. Обратный путь дедуктивный. Он применяется в науках, но в основном теоретических, столь же часто, как и индуктивный. В этом случае мы создаем мысленный портрет обобщенного целого, вначале достаточно абстрактный, а затем наделяем его несколькими важными чертами, которые, как нам кажется, позволят отличить его от других типов. В гуманитарных науках идеальный тип носит не только дедуктивный, но и априорный, возникающий до начала эмпирического исследования характер, а потому выступает по отношению к такому исследованию руководством к действию, компасом, указующей схемой, которая определяет ученому, что именно и где искать.

Теоретический анализ здесь требует *культурной унификации*. Сама по себе унификация не есть нечто негативное: это лишь действие по устранению многообразия за счет сведения множества к некоему единству. Ценой такого сведения, правда, становится — при неправильном употреблении метода — потеря культурного своеобразия страны, сведение его к голой схеме. Схематизация необходима потому, что ученый изначально устанавливает ограниченный круг критериев (показателей, индикаторов), по которым он сопоставляет между собой десятки и сотни обществ, допустим, тип власти, наличие стратификации, похоронные обряды, тип родства. Все прочие «мелочи» уходят из поля зрения исследователя, но их можно будет вернуть позже, когда новое сравнительное исследование использует другие критерии, которые

ранее игнорировались, скажем, наличие геометрического орнамента на гончарной посуде или тип орудий труда. Таким способом на одном и том же историческом материале можно проводить несколько исследований, меняя основание сравнения.

Американские антропологи Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек⁵ выделяют пять оснований сравнения для исследований ценностей разных культур:

1. Каково отношение человека к природе?
Подчинение природе — гармония с природой — подчинение природы.
2. Каков временной фокус человеческой жизни?
Прошлое — настоящее — будущее.
3. Какова модальность человеческой активности?
Существование — становление — делание.
4. Какова модальность отношения человека к человеку?
Подчинение — сотрудничество — автономность.
5. Каков характер истинной человеческой природы?
Злая — нейтральная — смесь добра и зла — добрая.

В 1961 г. Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек разработали методику сравнения ценностей у представителей разных культур. В их анкете описывалось 22 ситуации, к каждой из которых задавались вопросы с двумя или тремя вариантами ответов. Респонденты ранжировали ответы на вопросы по степени предпочтения. В ходе математической обработки исследователи использовали критерий Кенделла для сравнения распределения ответов респондентов с равномерным распределением. Далее, с помощью дисперсионного анализа Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек пытались выяснить, влияет ли принадлежность к определенной культуре на выбор альтернатив. Эта методика использовалась при анализе ценностных ориентаций в пяти юго-западных американских культурах: навахо, зуни, атриско, римрок и хоумстед⁶.

Формы сравнительно-исторического метода: сравнительно-сопоставительный метод (раскрывает природу разнородных объектов), историко-типологическое сравнение (объясняет сходство различных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития), историко-генетическое сравнение (объясняет сходство явлений как результат их родства по происхождению), историко-диффузионное исследование (изучающее явления, распространявшиеся в результате заимствований) и др. Широкое распространение сравнительно-исторический метод получил в исторической науке, языкознании, культурологии, этнографии, социологии, антропологии, литературоведении. Метод сравнительного языкознания позволяет проследить разви-

тие культуры и культурных отношений разных народов. Языковеды сравнивают словари у двух соседних народов и прослеживают их динамику. Они считают: «слова» и «дела» неразрывно связаны друг с другом в любой культуре, а исчезновение определенных слов или их замена на синонимы из других языков служат важными показателями взаимодействия культур.

В этнографии это один из основных способов реконструкции первобытного общества. С его помощью изучается этногенез народов мира, устанавливается общее и особенное в развитии этнических культур и социальных общностей, прослеживается генезис и формирование историко-этнографических ареалов и взаимодействие народов, образующих такие ареалы, строится их типология.

Став общепризнанным методом в социальных науках в XIX в., компаративный анализ, сложившийся прежде всего как метод сравнительно-исторический, позволяющий сопоставлять относительно замкнутые, самостоятельные культуры, формировавшиеся в течение всей истории человечества (сторонники теории культурных циклов), и этапы всеобщего линейно-поступательного культурного развития (эволюционисты), в ряде учений был преобразован в сравнительно-типологический (М. Вебер, П. Сорокин), соединился с методами социальной статистики (А. Кетле). Значительный вклад в развитие сравнительного метода внесли Дж. Фрейзер и Э. Тэйлор, который суммировал данные о 350 народах в виде таблиц как основы для сопоставительного анализа культурных черт.

Рост популярности сравнительных исследований, произошедший после Второй мировой войны, проявился в широком распространении опросов общественного мнения (ориентированных на выявление социокультурных различий преимущественно в количественных показателях), в развертывании значительного числа кросс-культурных проектов (Р. Бенедикт, Д. Лернер, А. Инкелес, Х. Кантрил, М.Л. Фарбер, Ф.У. Фрей, К.В. Бак, М. Стикос и др.). По их результатам в США опубликована «Стандартная кросс-культурная выборка» из 186 культур.

В зависимости от объекта и масштаба анализа различают несколько типов сравнительных исследований: сравнения между странами (*cross-country*), которые в известном смысле совпадают с межгосударственными (*cross-national*) исследованиями, межсоциетальными (*cross-societal*), собственно межкультурными (*cross-cultural*), а также макросоциальными или глобальными сравнениями. В последних сопоставление проводится среди максимально возможного числа стран (культур).

Метод пережитков (*survival method*) — реконструкция исчезнувших явлений по их пережиткам в современном обществе. Он представляет разновидность сравнительно-исторического метода. Культурные пережитки — это явления, некогда выполнявшие какую-то важную функцию, но позже утратившие свое назначение и вытесненные другими, более совершенными или удобными культурными изобретениями. Метод пережитков выдвинут сначала русским историком и этнографом К.Д. Кавелиным, а 20 лет спустя независимо от него создавался английским этнологом Э. Тэйлором. По их замыслу, в культуре каждого народа сохраняются остатки прошлого, по которым можно сделать выводы о положении вещей на более раннем историческом этапе. По мнению Тэйлора, пережитки могли иметь одно из трех значений: 1) неизменившиеся остатки; 2) взгляды и обычаи, изменившиеся в процессе приспособления к новым условиям; 3) возрожденные обычаи и представления. Под пережитком он понимал «живое свидетельство или памятник прошлого», «те обряды, обычаи, воззрения и прочее, которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, свойственной ей, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого»⁷. Таких «пережитков», сохранившихся от древних времен, Э. Тэйлор во множестве находил в быту народов Европы современной ему эпохи. Например, пожелание здоровья при чихании — остаток веры в то, что через отверстие в голове могут войти или выйти духи, жертвоприношения при закладке зданий, предубеждения против оживления утопленников и т.д. На основании таких следов более древней культуры можно было реконструировать прежние культуры.

Поскольку люди не склонны слишком быстро менять свои привязанности, обычаи и нормы, культурные пережитки по инерции продолжают существовать достаточно длительное время, несмотря на то что параллельно существуют более совершенные модели. Примером служит ручное ткачество, существовавшее в Европе в тот период, когда уже был изобретен ткацкий станок. Многие нынешние институты и учреждения на самом деле представляют собой пережиточные формы древних институтов и учреждений. Так, например, у большинства народов мира на ранней стадии развития одним из основных учреждений выступали мужские союзы, представлявшие объединения неженатой мужской молодежи. Здесь они спали, работали, проводили праздники. У них были свои ценности, нормы поведения, идеология. Этнографы установили, что мужские союзы не канули в Лету. Пережитки мужских союзов есть и у современных культурных наро-

дов. Это могут быть армейские казармы, подростковые бандформирования, масонские ложи, английские мужские клубы, гильдии купцов, ремесленные цехи, всевозможные мальчишники, объединения бывших однополчан или однокурсников.

В XIX в. Дж. Макленнан использовал этот метод для реконструкции института брака и семьи в первобытном обществе по пережиткам культурной практики похищения невесты. Тогда же Л.Г. Морган при восстановлении форм брака предположил, что терминология родства, как правило, отстает от общественной реальности на одну ступень исторического развития и в результате этого всегда отражает исторически более раннее положение вещей.

По мнению немецкого этнографа Г. Шурца, именно из мужской дружбы возникли первые ростки государственной и экономической организации. Чем большее количество пережитков обнаружено у того или иного народа, тем ниже уровень научно-технического и культурного прогресса в этой стране, тем менее образованным и просвещенным следует считать общество. В позднем Средневековье, а именно в XIV–XVI вв., когда христианство насчитывало полторы тысячи лет, европейские крестьяне сохраняли языческие верования в духов предков, наговоры, заклинания и т.п. Чем ниже уровень образования социальной группы, тем больше у нее пережитки. В научном смысле они важны потому, что благодаря им исследователь восстанавливает культурное прошлое народа, то состояние, которое было характерно для далеко прошлого, а теперь исчезло.

Метод археолого-этнографических аналогий дает возможность реконструировать некоторые стороны первобытного общества, в особенности его материальную культуру, по археологическим находкам, интерпретируемым путем их сравнения с этнографическими аналогами. В круг изучаемых источников включаются как реально бытующие объекты этнических культур, так и реконструируемые на основе воспоминаний лиц старшего поколения, письменных источников и др., а также археологические материалы. В последние десятилетия все большее значение, особенно в западной этнографии, приобретают математико-статистические межкультурные (кросс-культурные) исследования для изучения варибельности и корреляции тех или иных черт культуры у народов мира, что позволяет выявить группы признаков и проецировать их в прошлое вплоть до первобытности.

Применение сравнительных, кросс-культурных и типологических методов позволило социокультурным антропологам выявить так называемые культурные универсалии — черты или закономерности, присущие всем обществам независимо от их размеров и времени существования.

Культурные универсалии — черты, нормы, ценности, правила, традиции и свойства, которые присущи всем культурам независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества. В 1959 г. Дж. Мердок выделил более 70 таких универсалий — общих всем культурам элементов: возрастная градация, спорт, нательные украшения, календарь, соблюдение чистоты, общинная организация, приготовление пищи, кооперация труда, космология, ухаживание, танцы, декоративное искусство, гадание, толкование снов, разделение труда, образование, эсхатология, этика, этноботаника, этикет, вера в чудесные исцеления, семья, празднества, добывание огня, фольклор, табу на пищу, похоронные ритуалы, игры, жестикулирование, обычай дарить подарки, правительство, приветствие, искусство укладывания волос, гостеприимство, домохозяйство, гигиена, запрет кровосмешения, право наследования, шутки, родственные группы, номенклатура родственников, язык, закон, суеверие, магия, брак, время принятия пищи (завтрак, обед, ужин), медицина, благопристойность в отправлениях естественных надобностей, траур, музыка, мифология, число, акушерство, карательные санкции, личное имя, полиция, послеродовой уход, обращение с беременными, право собственности, умилоствление сверхъестественных сил, обычаи, связанные с наступлением половой зрелости, религиозные ритуалы, поселенческие правила, сексуальные ограничения, учение о душе, статусная дифференциация, изготовление орудий труда, торговля, хождение в гости, отучение ребенка от груди, наблюдение за погодой.

Известный американский антрополог Дж. Мердок (1897–1985) создал методологию, применимую и в социологии, и антропологии. В конце 1930-х гг. он сформулировал новый подход к методике кросс-культурных исследований, отличный как от спекулятивного эволюционизма, так и от победившего его партикуляризма «исторической школы» Ф. Боаса. Фирменный знак нового метода — репрезентативные выборки, представляющие все культурные ареалы мира; концептуальные и операциональные переменные; выявление гипотетических связей переменных при помощи кросс-табуляций; создание формализованных кросс-культурных баз данных.

Вместе со своими коллегами он классифицировал огромное количество сведений по различным культурам, заложив основы для целого направления в мировой антропологии. Все исследуемые элементы культуры были зафиксированы при помощи формализованной записи, которая была разработана и положена им в основу *HPAF* (Ареальная картотека человеческих отношений —

Human Relations Area File). Впервые она была опубликована в виде Этнографического атласа⁸, представляющего набор табуляграмм по 600 культурам. В его понимании кросс-культурное выборочное исследование — компаративный статистический анализ, единицами счета в котором выступают «племя», «общество» и «культура», а выборочная совокупность отражает все существующие в мире типы социальных систем.

Мердок сформулировал концепцию универсальной культурной модели и эволюции систем родства, изложенную в книге «Социальная структура». Он считал, что все формы родства детерминированы экологическими условиями, определяющими, в свою очередь, хозяйственный тип и половое разделение труда. Разные типы родственных организаций эволюционируют в разных направлениях в зависимости от изменения окружающих условий⁹. Мердок проводил полевые исследования в Африке¹⁰, внес существенный вклад в развитие африканской этнографии.

Более короткий список культурных универсалий дал К. Уислер. Он выделил всего девять фундаментальных черт, присущих всем культурам. Он назвал их универсальными паттернами: речь, материальные черты, искусство, мифология и научное знание, религиозная практика, семья и социальная система, собственность, правительство, война. Универсалии возникают потому, что все люди, в какой бы части света они ни жили, физически устроены одинаково, они имеют одни и те же биологические потребности и сталкиваются с общими проблемами, которые ставит перед человеческим родом окружающая среда.

3.3. Программа исследования

Теоретические подходы и методы анализа, о которых говорилось выше, находят свое воплощение в программе эмпирического исследования, цель которого — проверить выдвинутые социальным антропологом или социологом теоретические допущения (гипотезы).

Программа исследования — основной инструмент, на базе которого в социальных и гуманитарных науках организуется и проводится эмпирическое исследование.

Сегодня под **эмпирическим исследованием** понимается сбор первичных данных, проведенный по определенной программе и с использованием правил научного вывода, предоставляющий в распоряжение ученого репрезентативную информацию. **Технология** (методика и методы) сбора данных отвечает на вопрос «как получены данные», а сами данные представляют результат ис-

следовательского поиска и отвечают на вопрос «что получено в исследовании». *Стратегия* эмпирического исследования задается программой исследования, куда входят теоретическая модель предмета исследования, эмпирическая схема объекта исследования, методы и методика получения данных, их анализ и интерпретация, но не входит научный отчет, в котором описаны итоги.

Программа исследования содержит теоретическое обоснование методологических подходов и методических приемов изучения конкретного явления или процесса. Она относится к типу стратегических документов научного исследования, цель которых — представить общую схему или план будущего мероприятия, изложить концепцию всего исследования. Программа исследования включает подробное, четкое и завершенное изложение следующих узловых моментов: *методологическая часть* — формулировка и обоснование проблемы, указание цели, определение объекта и предмета исследования, логический анализ основных понятий, формулировка гипотез и задач исследования; *методическая часть* — определение обследуемой совокупности, характеристика используемых методов сбора первичной социологической информации, логическая структура инструментария для сбора этой информации, логические схемы ее обработки на ЭВМ.

Формулировка и обоснование проблемы. В исследовании социальная проблема выступает как своего рода состояние «знания о незнании» определенных сторон (количественных и качественных характеристик) явления или процесса. *Социальной проблемой* называют существующую в самой реальности, в окружающей нас жизни противоречивую ситуацию, носящую массовый характер и затрагивающую интересы больших социальных групп либо социальных институтов. Это может быть незнание причин роста молодежной преступности, увеличения безработицы или снижения жизненного уровня населения, снижения спроса на отечественную бытовую технику, ухудшения политического рейтинга главы государства, превышения эмиграции над иммиграцией и т.п.

Социокультурные проблемы группируют в зависимости от цели исследования, носителя проблемы, масштабов ее распространенности, времени действия противоречия, его глубины.

В соответствии с целью исследования различают проблемы *гносеологического* и *предметного* характера. Гносеологические проблемы порождены недостатком знаний о состоянии или тенденциях изменения социальных процессов. Предметными проблемами принято называть противоречия, вызванные столкновением интересов групп населения либо социальных институтов, дестабилизирующие жизнедеятельность общества.

По масштабам распространенности проблема может носить общенациональный, региональный или местный характер. По времени действия проблемы делятся на *краткосрочные*, *среднесрочные* и *длительные*. Неудовлетворенность персонала фирмы стилем руководства менеджера относится к кратковременной проблеме, поскольку ее можно решить в течение недели-месяца. Проблему адаптации того же персонала к новой форме организации или оплаты труда следует отнести ко второму типу, а вот проблему адаптации его к рыночным условиям правильнее квалифицировать как долгосрочную. Действительно, эмпирические исследования показывают, что на нее у людей уходит от 3 до 5 лет и более.

По глубине противоречия различают проблемы *одноплановые*, когда затрагивается одна сторона социокультурного явления (например, отношение горожан к повышению цен на доставку писем, журналов и газет), и *системные*, касающиеся множества сторон явления, отражающие их дисбаланс (например, изменение духовной ситуации в обществе в переходный период, трансформации всех ценностей и отношений между людьми).

Выделяют следующие основные этапы составления программы исследования:

- ◆ формулировка проблемы;
- ◆ определение цели, задач, объекта и предмета исследования;
- ◆ логический анализ основных понятий;
- ◆ выдвижение гипотез;
- ◆ определение выборочной совокупности;
- ◆ составление инструментария;
- ◆ полевое обследование;
- ◆ обработка и интерпретация полученных данных;
- ◆ подготовка научного отчета.

В процессе формулировки проблемы исследователь стремится точно выразить проблемную ситуацию (и реальное противоречие, определяющее ее) и в то же время не давать чрезмерно широких и абстрактных определений. Чаще всего первоначальная проблема, которая чаще всего именно абстрактна, по ходу исследования постоянно сужается и к моменту выхода в «поле» приобретает четкий, заверченный вид. Целесообразно несколько раз возвращаться к формулировке проблемы. Если проблема не «урезана» до необходимых размеров, всегда остается опасность, что социолог будет искать ответ не на одну, а на множество проблем, а стало быть как следует не решит ни одной.

Идти на изучение нескольких проблем в рамках одного исследования нецелесообразно, поскольку это усложняет инструментарий и делает его излишне громоздким, что в свою очередь сни-

жает, во-первых, качество собираемой информации, во-вторых, оперативность исследования (что ведет к старению социологических данных).

Определение цели, объекта и предмета исследования. Объектом исследования в широком смысле выступает носитель той или иной социокультурной проблемы, в узком — люди или объекты, способные дать социологу необходимую информацию. Чаще всего объектом выступает группа населения — студенты, рабочие, матери-одиночки, подростки, читатели, зрители, артисты и т.п. Если, к примеру, изучаются причины неуспеваемости в вузе, то объектом изучения в равной мере являются студенты и преподаватели.

Предмет исследования включает в себя те стороны и свойства объекта, которые в наиболее полном виде выражают исследуемую проблему (скрывающееся в ней противоречие) и подлежат изучению. Причины неуспеваемости в вузе — это предмет исследования. Он представляет собой концентрированное выражение взаимосвязи социальной проблемы и объекта исследования.

Логический анализ основных понятий. В этом разделе программы предусматриваются такие методологические процедуры, без которых невозможно воплотить в инструментарию единую концепцию исследования, а значит, реализовать его цель и проверить правильность выдвинутых гипотез. Их суть состоит в логическом структурировании основных понятий, определяющих предмет исследования. Логический анализ предполагает точное объяснение содержания и структуры исходных понятий, а на этой основе уяснение соотношения свойств изучаемого явления. Впоследствии он поможет правильно объяснить полученные результаты.

Формулировка гипотез. Их совокупность отражает богатство и возможности теоретической концепции, общую направленность исследования. Гипотеза — научное предположение, выдвигаемое для объяснения изучаемых явлений и процессов, которое надо подтвердить или опровергнуть. Предварительное выдвижение гипотез может предопределить внутреннюю логику всего процесса исследования. Гипотезы — это явно или неявно выраженные предположения о характере и причинах возникновения изучаемой проблемы.

Например, если в ходе анализа причин неуспеваемости в вузе выдвигаются предположения о низком качестве преподавания ряда предметов, отвлечении студентов от учебы на дополнительные заработки, нетребовательности администрации к успеваемости и дисциплине, просчетах в конкурсном приеме в вуз, то именно их и следует проверять в исследовании. Гипотезы должны быть точными, конкретными, ясными и касаться только предмета ис-

следования. В зависимости от того, как сформулированы гипотезы, часто зависит то, какими будут методы исследования. Так, гипотеза о низком качестве преподавания требует проведения экспертного опроса, а гипотеза об отвлечении студентов на приработки — обычного опроса респондентов.

Задачи исследования могут быть условно разделены на *основные* и *дополнительные*. Основные предполагают поиск ответа на его центральный вопрос: каковы пути и средства решения исследуемой проблемы? Дополнительные задачи помогают выяснить сопутствующие главной проблеме исследования обстоятельства, факторы, причины.

Определение выборочной совокупности. Она задается самим объектом исследования (например, обследование студентов, пенсионеров, вкладчиков Сбербанка, работников предприятия). Различие между объектом и выборочной совокупностью заключается в том, что вторая меньше по объему и представляет уменьшенную копию первого. Если объект исследования охватывает десятки тысяч людей, то выборочная совокупность — сотни. Поэтому большинство социологических исследований имеет не *сплошной*, а *выборочный* характер: по строгим правилам отбирается определенное количество людей, отражающих по социально-демографическим признакам структуру изучаемого объекта. В науке эта операция носит название «*выборка*». В программе исследования тщательно описывается *проект выборки*, который в последующем может уточняться.

В таком проекте указываются принципы выделения из объекта той совокупности людей (либо иных источников информации), которые впоследствии будут охвачены опросом; обосновывается техника проведения опроса; указываются подходы к определению достоверности полученной информации (она необходима для того, чтобы удостовериться в степени правомерности распространения полученных выводов на весь объект исследования).

В методическую часть программы исследования включается также характеристика *методов и приемов сбора первичной информации* (анкетного опроса, интервью, анализа документов, наблюдения); логическая структура применяемого методического инструментария, из которой видно, на выявление каких характеристик, свойств предмета исследования направлен тот или иной блок вопросов; порядок расположения вопросов в инструментарии. Сам инструментарий прилагается к программе в качестве самостоятельного документа. Иногда сюда включают *логические схемы обработки собранной информации*, показывающие предполагаемый диапазон и глубину анализа данных.

3.4. Виды эмпирического исследования

Эмпирическое исследование — система логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе для их последующего использования в практике.

Специалисты считают, что единой схемы эмпирического исследования, годящегося на разные случаи жизни, не существует. Выбор вида исследования диктуется характером поставленной цели и выдвинутых задач. Иными словами, глубиной требуемого анализа социальной проблемы, масштабом охвата событий.

В зависимости от того, какой критерий берется за основание классификации, выделяют несколько видов эмпирического исследования.

По глубине анализа социальной проблемы и масштабу охвата событий различают *пробное*, *описательное* и *аналитическое* исследования.

По применяемому методу сбора данных различают *опрос*, *наблюдение*, *анализ документов*, *эксперимент*.

По цели исследования — изучается статика или динамика явления — выделяют еще два вида социологического исследования: *точечное* и *повторное*.

По объему охвата объекта исследования типы исследования делятся на *сплошные* и *выборочные*.

По месту проведения исследования в социологии, психологии и антропологии выделяют *полевые* (естественные) и *лабораторные*.

Выборочное обследование представляет собой способ систематического сбора данных о поведении и установках людей посредством опроса специально подобранной группы респондентов, дающих информацию о себе и своем мнении. Свое название оно получило благодаря использованию специальной процедуры отбора из огромной совокупности единиц исследования (генеральной совокупности) небольшой части (выборочной совокупности), которая достаточно точно отражает основные параметры целого. Процедура построения выборки основана на методах математической статистики и базируется на принципах теории вероятности, являясь более экономичным и не менее надежным методом, хотя требует более изощренной методики и техники.

В этнографии и антропологии применяются как выборочные, так и сплошные приемы обследования. В последнем случае изучаются и детально фиксируются все жилища, хозяйственные постройки семьи, скот (включая количественную инвентаризацию).

Выборочное обследование позволяет охватить большее количество объектов изучения за счет меньшей полноты и глубины. Наиболее результативно сочетание обоих приемов исследования. Для получения массового материала успешно применяется *опрос*, в том числе *анкетирование*, позволяющее использовать затем статистический анализ собранных данных. Анкеты могут заполняться как самим населением, так и этнографами в процессе ведения полевой работы¹¹.

Вопросы, на которые отвечают попавшие в выборочную совокупность респонденты, могут быть как письменными, так и устными. В первом случае выборочное исследование называется анкетированием, во втором — интервьюированием. Помимо традиционного анкетирования и традиционного интервью (на современный манер оно называется *face-to-face* интервью, или личное интервью) сегодня используются новые методики, в частности интернет-опрос (он-лайн-опрос), телефонное интервью.

Традиционное анкетирование за рубежом именуется письменным опросом (*written surveys*) и включает почтовый опрос, а также групповое и индивидуальное анкетирование.

В полевых исследованиях антропологи применяют как объективные (неинтерпретативные), так и субъективные (интерпретативные, оценочные) методы.

3.5. Монографическое исследование

Монографическое исследование — 1) в узком смысле обследование одного или нескольких объектов в рамках хорошо разработанной теории. Напоминает *case study*, в отличие от которого не преследует получения нового знания, а стремится к постановке точного социального диагноза, например к анализу организационной структуры конкретного предприятия; 2) в широком смысле любое исследование одного или нескольких объектов не только с познавательной, но и с практической целью. Объект исследования отбирается типологически на основе имеющейся информации. Предполагается, что он характерен для всего класса явлений.

Как правило, объектом исследования антрополога является одна деревня, которая изучается как можно глубже и интенсивнее. Такой тип исследования называется *монографическим*. Поскольку селения обычно невелики, ученый со временем хорошо узнает каждого жителя. Такую деревню в период Первой мировой войны изучал Б. Малиновский. Описанная им деревня не являлась племенным объединением, а была частью крупного нацио-

нального образования. Тробрианские острова (Меланезия) были невелики и позволяли этнографу посетить все расположенные на них деревушки. Малиновский мог переговорить с каждым жителем. Но лишь одну основательно изученную деревню он выбрал в качестве полигона, обобщив сделанные им выводы. Однако другие антропологи противятся распространению данных исследования, проведенного в одной общине, на всю местную культуру. Особенно если речь идет о сложном обществе. Поэтому они прибегают к методу исследования группы общин, расположенных в разных концах одной страны, о культуре которой они собирают делать выводы.

Монографические исследования распространены в социологии села, где они выступают средством получения «социальных портретов» отдельных сельских поселений. Подобный способ изучения базируется на сборе информации об основных сторонах жизни населения — о структуре семей, занятости, источниках и размерах доходов, особенностях трудовой деятельности, местных обычаях в сфере труда и досуга, традиционных видах общения и др.

Монографическое исследование не претендует на получение репрезентативной информации. Его задача — детальный анализ нового явления, отсутствие информации о котором делает невозможным проведение широкого выборочного исследования. Результаты монографического исследования используются при разработке программ крупномасштабных эмпирических исследований.

3.6. Повторные исследования

Повторное исследование позволяет провести сравнительный анализ, ибо осуществляется несколько раз, по одной и той же программе, с использованием того же инструментария через определенные промежутки времени. *Повторные исследования* — это совокупность нескольких исследований, проведенных по единой программе и инструментарии последовательно через определенные промежутки времени и призванных получить результаты, характеризующие динамику изменения объекта. Они представляют собой средство сравнительного анализа. К ним относят:

◆ *лонгитюдное исследование* — длительное изучение одной совокупности лиц;

◆ *когортные* — изучение лиц одного возраста (поколение) на протяжении длительного времени. Цель — анализ изменений в образе жизни, ориентация людей одного поколения. Объекты исследования меняются, но люди сохраняются;

◆ *трендовые* — на одной и той же генеральной совокупности с интервалом во времени и соблюдением относительно одинаковой методики. Цель — установление тенденций (трендов) социальных изменений, пример — переписи населения;

◆ *панельное исследование* — по единой программе на одной и той же выборке и по единой методике через определенный интервал времени. Цель — анализ динамики событий. Люди могут меняться, но объекты исследования (цех, предприятие) сохраняются.

Панель — это совокупность одних и тех же респондентов, опрошенная в базовом и повторном (через 15 лет) исследовании.

Панельное исследование необходимо для изучения причинных связей и утвердилось в практике исследования общественного мнения. Временной интервал между повторными опросами в таких исследованиях, как правило, невелик (от нескольких дней до нескольких месяцев), а конструкция исследования нередко принимает вид плана «до и после».

В зависимости от выдвигаемых целей повторный сбор информации может проходить в два, три и более этапов. Длительность временного интервала между начальной и повторной стадиями может быть самой разной, так как различна скорость протекания самих социальных процессов.

В 1995–1997 гг. Лаборатория социальной инфраструктуры ИСЭПН РАН проводила трехлетний цикл панельных обследований изменения условий жизни населения в сельской местности России¹². В ходе работ изучались изменения социально-демографической структуры семей, производственной функции (продуктивности) сельских домохозяйств и земельных отношений в сельской местности, а также удовлетворенность различными сторонами жизни, вовлеченность в новые рыночные отношения, теснота социальных связей и неформальных отношений. Эти работы выполнялись в сотрудничестве с американскими коллегами из университета Миссури-Колумбия. Полевые работы финансировались Национальным научным фондом США.

Лонгитюдное исследование (от англ. *longitude* — долгота) предполагает последовательную многократную регистрацию определенных показателей через строго установленные промежутки времени с целью определения динамики их изменения и взаимовлияния. Первоначально лонгитюдное исследование (как метод «продольных срезов») сформировался в детской и возрастной психологии, где он применялся в качестве своеобразной альтернативы методам «поперечных срезов». Первым в психологию его ввел американский психолог, создатель Йельской клиники нормального детства, Г.А. Луций (1880–1961), назвав методом продоль-

ного изучения одних и тех же детей в течение определенного периода времени, чаще всего с рождения до подросткового возраста. Одним из первых разработал и реализовал программу лонгитюдного изучения на примере большого контингента одаренных детей американский психолог Л. Термен (1877–1955). Позже лонгитюдное исследование проникло и в другие науки, в том числе в социологию и антропологию.

На другом полюсе шкалы применения данного метода располагаются такие объекты, как учебный класс или рабочая бригада, над которыми можно проводить наблюдение в течение довольно длительного времени. В лонгитюдном исследовании, крупно- и маломасштабном, могут применяться структурированная анкета, формализованная и неформализованное интервью, но не используются интервенционистские методы (так называемые *action research*).

Сопоставление социолого-антропологических данных за достаточно продолжительный период времени, часто с определенными интервалами, позволяет выявлять тенденции, реально происходящие в социальных, межнациональных и других отношениях. В СССР — это исследование изменений в 1930-е, затем 60–70-е гг. в селе Копанка, этносоциологические исследования¹³ и др. В Великобритании начиная с конца XIX в. с интервалом в 10 лет проводилось исследование «Бедность в Йорке»; в США известность получили исследования Мидлтауна (среднего города).

3.7. Полевое исследование

Особой формой социального исследования, применяемого в этнографии, антропологии, психологии, археологии и социологии, выступает *полевое исследование (field research)* — изучение социальных явлений методом непосредственного наблюдения за поведением людей в реальных жизненных ситуациях. В каждой из этих наук сложились собственная традиция, практика и понимание полевого исследования.

Так, для *археологов* оно обозначает выезд команды ученых на раскопки кургана или другого памятника культуры, часто в прямом смысле в открытое поле, где целое лето под палящим солнцем с лопатой и скальпелем им приходится раскапывать многочисленные культурные пласты земли. Здесь это понятие выступает синонимом экспедиционному исследованию. Правда, иногда полевое исследование археологов проходит в городской черте. Так, в полевом сезоне 2001 г. исследования проводились в зоне ново-

строек на территории древнего Чернигова. Работы велись на территории летописного Передгородья. По ул. Горького, 59 в зоне строительства хозяйственного здания исследован участок древнего города площадью 160 кв. м¹⁴.

В *психологии* полевое исследование — тип исследования социальных явлений или поведения сообществ посредством изучения их в нормальных, естественных условиях. Это прежде всего изучение ограниченной в пространстве совокупности индивидов (людей или животных), пребывающих в повседневных и привычных для них условиях. В зависимости от задач и используемых средств здесь выделяют три типа полевых исследований: поисковое — имеющее описательный характер; диагностическое — направленное на решение практических задач; экспериментальное — связанное с проверкой гипотез.

В *этнографии* и *антропологии* полевым исследованием называется невключенное изучение аборигенной группы, ее культуры и образа жизни, поведенческих ритуалов и социальных практик, с выездом на место ее проживания (часто в отдаленные уголки Земли), где люди находятся в реальных жизненных ситуациях.

Метод полевого исследования основывается на длительном пребывании и вживании исследователя в изучаемую этническую среду. Полевые исследования ведутся преимущественно методом непосредственного наблюдения — либо стационарно, либо в экспедициях (включая индивидуальные поездки отдельных исследователей в район проживания изучаемого народа). Примером стационарных исследований могут служить работы русских ученых Н.Н. Миклухо-Маклая среди папуасов Новой Гвинеи, В.Г. Богораза у чукчей Сибири, английского этнографа и социолога Б. Малиновского в Новой Гвинее и др.

Длительное участие полевого этнографа в жизни изучаемого сообщества, знание местных наречий дает неоспоримые преимущества в получении высококачественной информации. Однако *стационарный метод* не позволяет охватывать крупные этнические группы. Экспедиции могут быть как кратковременными (несколько недель), так и продолжительными (несколько месяцев), рассчитанными на один либо несколько полевых сезонов; могут включать отряды, работающие по общей или различным программам. Применяются маршрутные и кустовые обследования изучаемого народа либо их сочетания. При первом способе работы экспедиция перемещается по определенному «линейному» маршруту, при втором — экспедиция ведет исследования в основном, «базовом» объекте (крупный населенный пункт) и периодически совер-

шает кратковременные выезды в окружающие поселения для проверки и уточнения собранных на «базе» сведений¹⁵.

С советских времен в отечественной этнографии установился определенный временной отрезок на проведение полноценного научного исследования. Считается, что срок стационарной работы должен быть не менее одного этнического года, который по своей продолжительности на два-три месяца превышает календарный. Два-три месяца требуется на первичное знакомство и адаптацию этнолога к новым условиям, после чего он наблюдает жизнь этнической общности или ее части во все временные периоды годового цикла. При этом плодотворность метода полевого исследования возрастает с увеличением срока пребывания исследователя в изучаемом этносе. Так, например, выдающийся русский этнограф Н. Миклухо-Маклай прожил среди папуасов Новой Гвинеи несколько лет. В настоящее время в этнологии этот метод существует в виде срочного, или сезонного, выезда для полевых исследований, который совмещается с маршрутным вариантом этого метода, имеющим целью охватить возможно больше населения или большую этническую территорию в отведенные сроки. Подобный характер полевых исследований дает оперативный материал, но страдает существенными изъянами. Так, срочный (сезонный) выезд обычно планируется на наиболее удобный для исследователя период работы в поле, а следовательно, исключается наблюдение жизни этноса в межсезонный период¹⁶.

Полевая экспедиционная работа со времен становления российской этнографии являлась одним из традиционных видов деятельности не только научно-исследовательских, но и учебных учреждений. Для студентов, как и в археологии, здесь организуется постоянная полевая этнологическая практика.

В *социологии* полевым исследованием называется фаза основного исследования, наступающая после разработки программы, пилотажа анкеты и размножения методических документов. Полем именуется не обязательно естественная среда обитания — сельский уголок, не затронутый цивилизацией, или открытое место. Термин «поле» носит здесь метафорический характер и обозначает выход команды исследователей на объект: рынок, городскую улицу, заводской цех и т.п. Название «полевое исследование» не зависит от метода изучения, поэтому речь может идти о традиционном анкетировании, неформализованном интервью или включенном наблюдении. Однако работа в библиотеке или кабинете уже не будет относиться к полемому исследованию. Полевые исследования здесь проводятся в рамках не только количественного, но и качественного подхода.

Подготовка поля в социологии предполагает проведение следующих работ: обеспечение доступности эмпирического объекта, организация штаба полевого исследования (помещение, оргтехника, режим работы, дежурство, оперативная связь с интервьюерами и другими исполнителями во время полевых работ, обеспечение сохранности и закрытости собираемых эмпирических данных); подготовка комплектов методического инструментария для исполнителей (инструкций, заданий, списков адресов); отбор и обучение исполнителей (интервьюеров, наблюдателей, кодировщиков); устранение эффекта интервьюера и профилактика его негативных последствий; контроль качества работы интервьюеров и других исполнителей (текущий оперативный контроль во время сбора данных, контроль заполненных документов во время приема результатов работы, специальные контрольные процедуры после завершения полевого этапа; оперативный контроль и ремонт выборки в процессе полевых работ)¹⁷.

Начиная приблизительно с середины 1990-х гг., когда в российской социологии очень модным становится качественный подход, первоначальное, более универсальное, значение термина «полевое исследование» постепенно сужается. Все в большей мере он начинает обозначать только один вид социологических исследований, а именно качественные. Таким образом, и в социологии постепенно утверждается антропологическое понимание полевого исследования.

Не менее широкую трактовку полевое исследование получило и в *маркетинге*, где это слово обозначает любые первичные исследования, т.е. сбор и обработку данных специально для конкретного маркетингового анализа. Ему противопоставляется здесь кабинетное исследование, основанное на анализе вторичных данных и работе в библиотеке. В качестве методов получения информации в полевых маркетинговых исследованиях используются опрос, наблюдение, эксперимент, панель и экспертные оценки¹⁸.

Полевые исследования — обычное дело не только в социальных, но и в естественных науках. Полевые исследования есть и у *биологов*. К примеру, наблюдать за поведением львиного прайда можно только в естественных условиях, а именно в саванне. В полном смысле это именно полевое исследование. В экологии центр полевых исследований организует полевые исследования по сохранению природного и культурного наследия. Подобными исследованиями занимаются еще несколько сотен экологических организаций в разных странах мира. Изучение озоновых дыр и загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и водных бассейнах — одна из распространенных тем.

История полевых исследований, как считает видный американский социолог Л. Ньюман, уходит корнями в XIII в. — к отчетам путешественников о дальних странствиях и миссионеров, описывавших чужие культуры и народы¹⁹. В XIX в. антропологи познакомились с ними, возможно, завидуя им, поскольку личного опыта непосредственного контакта с экзотическими странами у них еще не было. Британский антрополог Б. Малиновский (1844–1942) был первым исследователем, который длительное время жил в группе людей и писал о собранных данных. В 1920-е гг. он подвел строгую методологическую базу под новый вид исследования, разработал его принципы и составил научный отчет. Он настаивал на том, что обществоведы должны непосредственно взаимодействовать с туземцами, жить среди них, изучать обычаи, представления и социальные процессы. В 1949 г. по инициативе ЮНЕСКО полевое исследование в Пакистане провел другой известный антрополог К. Леви-Строс (р. 1908). Выдающийся американский антрополог и социолог Р. Линтон (1893–1953) в 1920–1922 гг. провел ряд полевых исследований на Маркизских островах (Полинезия). Английский социальный антрополог Э. Лич (р. 1910), испытав сильное влияние Малиновского, перед началом Второй мировой войны проводил полевые исследования в Бирме, посвященные социальной структуре и политическим институтам качинов. В начале 1950-х гг. он провел ряд полевых исследований в Курдистане, на Цейлоне и Борнео. Выдающаяся антрополог М. Мид (1901–1978) провела значительно больше полевых этнографических исследований, чем любой средний антрополог. На примере культуры жителей Самоа она первой описала процесс взросления у некоторых западных народов, останавливая свое внимание не только на практике детского пеленания, умывания, приучения к чистоте, но и на изучении бессознательных установок взрослых членов общества по отношению к детям и способов коммуникации между взрослыми и детьми, играм с детьми, способам руководства детьми.

Метод полевых исследований позволяет этнологам получить сведения о материальной и духовной культуре. В чертежах, схемах, фотографиях фиксируются существенные элементы материальной культуры: объекты производственной и бытовой жизни этноса, орудия труда, жилища, утварь, одежда и т.д. С помощью современных технических средств (кино- и фотоаппаратуры, аудио- и видеосредств) и традиционных полевых записей фиксируются объекты и явления духовной жизни народа (традиции, обряды, обычаи, ритуалы, фольклор и т.д.), причем материализованные свидетельства духовной культуры, например предметы

культы, народного искусства, места и типы захоронений, фиксируются подобно объектам материальной культуры. В процессе полевой работы предметы материальной и духовной культуры зачастую изымаются из обихода и составляют экспозиции музейных этнологических собраний²⁰.

В социологии формировалась собственная традиция полевых исследований. Начало им положили наблюдения за бедными в Лондоне, которые проводили Ч. Бут и Б. Веб в 1890-е гг. Настоящий размах этому виду придали чикагские социологи. Социологические полевые исследования в США стали проводить на отделении социологии Чикагского университета, где позже оформилась известная чикагская школа социологии. Ее влияние на полевые исследования ощущалось с 1910-х по 1950-е гг.

При полевом исследовании ученый находится в точке событий и осуществляет непосредственное наблюдение. Например, при выборочном опросе социолог спрашивает группу людей о применении наркотиков, а в полевом исследовании он находится рядом с наркоманами и наблюдает за их действиями. Считается, что собранная во втором случае информация точнее и достовернее информации, собранной в первом. Зато результаты полевого исследования ограничены одной ситуацией, их невозможно или трудно типизировать, если не провести дополнительных исследований. Иными словами, такие данные точны и достоверны, но нерепрезентативны, ограничены одним случаем.

Основная цель полевой работы, по Б. Малиновскому, — «уловить точку зрения местного жителя, осознать видение его мира». Эти слова до сих пор остаются лозунгом антропологов. Пути достижения данной цели таковы:

1) необходимо жить среди местных жителей, ежедневно общаться с ними, чтобы к исследователю привыкли и его присутствие не искажало естественного хода событий;

2) нужно знать язык, чтобы понимать разговоры и устранить искажения информации, неизбежные при работе с переводчиком;

3) исследователь должен концентрировать свое внимание на взаимосвязи всех явлений в культуре, так как в реальности они настолько взаимосвязаны, что ни одно не может быть понято без рассмотрения всех прочих;

4) исследователю не следует отдавать предпочтение тем явлениям, которые поражают его воображение и кажутся ему из ряда вон выходящими, главное внимание следует уделять обычной повседневной жизни;

5) желая понять значение тех или иных явлений культуры, исследователь должен прежде всего наблюдать за поведением людей,

а не расспрашивать их: прямые вопросы о значениях и смыслах мало что могут прояснить, так как люди обычно не задумываются о значении явлений своей культуры, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся²¹.

Со времен Малиновского (1914 г., когда он отправился в экспедицию в Меланезию, на Тробрианские острова, считается годом возникновения социальной антропологии) понятие «поле» остается ключевым для зарубежной антропологии и было таковым для отечественной этнографии примерно до 1935 г., когда традиция стационарных полевых исследований в СССР практически прекратилась. Поле — это не просто требование прожить в изучаемой культуре не менее года (соблюдение этого требования отнюдь не гарантирует понимания), это особая техника проникновения в чужой символический мир и перевода его смыслов и значений на язык своей культуры. Антрополог — это одиночка, вынужденный включаться в жизнь окружающих его людей; он как ребенок, проходящий ступени инкультурации²².

Изучение механизмов приспособления промышленных предприятий к условиям рынка, стратегий приватизации и характера трудовых отношений П.В. Романов²³ проводил полевыми этнографическими методами (в частности, *case study*) в рамках исследовательского проекта «Перестройка управления и трудовых отношений на предприятиях России». Объектом исследования выступали два крупных завода: благополучное по всем показателям металлургическое предприятие «Прокат» и машиностроительное предприятие «Кольцо» (названия условные), которое с началом экономических преобразований погрузилось в глубокий кризис.

По заводам был подготовлен специальный приказ, согласно которому всем ответственным лицам предписывалось оказывать содействие проводимому исследованию. После получения временных пропусков социологи определили тактические задачи в виде приблизительного плана интервью и наблюдений и отправились собирать полевые материалы. Группа разделилась: трое исследователей отправились на «Кольцо», трое — на «Прокат». Таковы требования принципа триангуляции — присутствие более одного интервьюера позволяло сверять личные наблюдения или при невозможности использовать диктофон (нежелание респондента говорить под запись либо помехи в виде производственного шума) сопоставлять записи бесед. Поскольку завод в целом был слишком велик, основным объектом изучения стал отдельный цех, насчитывающий 1000 работников, включая аппарат управления. В нем были установлены ключевые информаторы, проведены ин-

тервью с начальником участка, сменным мастером, бригадирами и рабочими различных специальностей.

Использовались классические качественные методы: глубинные интервью, включенное наблюдение и анализ документов. Также полезны статистика и данные опросов, которые подкрепляют выводы, сделанные на основе других источников. Основным источником информации о повседневной жизни завода были неформализованные глубинные интервью. Одни из них проходили в пропахших дешевым табаком цеховых бытовках сменных мастеров, другие — в отделанных деревом апартаментах высших менеджеров. Порой в интервью врвался оглушительный шум станков, иногда приходилось говорить на бегу, когда начальник цеха перебирался с одного совещания на другое. Многие так и остались в жанре чисто формальной беседы, наполненной уходами от темы или односложными ответами. Но постепенно сложился круг доверенных информаторов, с которыми установились откровенные отношения.

В тематический горизонт исследования, проходившего в несколько этапов и занявшего несколько лет, входили все уровни линейно-штабной структуры предприятия — от топ-менеджеров и руководителей цехов до начальников участков и сменных мастеров, а также рабочие основного и вспомогательных производств. Как показал опыт, каждый уровень отличают собственное понимание смысла деятельности, образцов поведения, свои групповые ценности и стереотипы, иными словами, собственная рациональность. Феномены повседневной жизни, определяемые как проблемы, являются теми конструктами, через которые можно «картографировать» социальное пространство предприятия. Для анализа структуры корпоративного контроля были намечены респонденты из числа представителей высшей администрации (главный инженер, директор завода, главный экономист, начальник отдела кадров, председатель профкома). Для каждого подготавливались специфические вопросы, затрагивающие их функциональную сферу, раскрывающую культуру и профессиональный язык прокатного производства. Дополнительным аспектом исследования стал анализ гендерных отношений, воспроизводимых в организации, а именно культурных практик, имеющих в своей основе социально обусловленные стереотипы, относящиеся к полу.

Первые три этапа проекта отняли много времени. Дважды в неделю исследователи посещали предприятие, затрачивая по три-пять часов на поиск респондентов, интервьюирование и включенное наблюдение. После третьего этапа исследование перешло в режим мониторинга, который длился более двух лет. Посеще-

ния предприятия происходили один раз в месяц. Два раза в год составлялся отчет по предприятию с хронологией событий и анализом содержания проблемы.

Один из ученых, член исследовательской группы, сам когда-то трудился на «Прокате» рабочим. С детства ему известен этот специфический уклад рабочего поселка, где все знакомы друг с другом, где быт, работа и досуг сплетены воедино. В этом социальном контексте стерты классовые различия, а соседи по лестничной площадке — начальник цеха и его подчиненный — в любое время дня и ночи могут зайти друг к другу «потрепаться» или одолжить соли. Знание социального контекста помогало в установлении доверительных контактов и получении сведений, закрытых для «чужаков».

Хотя основная часть исследования была завершена в 1994 г., научная группа не теряла связи с предприятием и продолжала проводить регулярные встречи с информантами. В ходе мониторинга руководству передавались резюме научных отчетов, оно консультировалось по социальным вопросам. Социологи принимали участие в заседании совета директоров и выступали перед служащими кадрового отдела. С представителями цехового и заводского управления обсуждались частные проблемы исследования, передавались тексты статей. Подобные встречи оказались продуктивны для обеих сторон, открыв новые перспективы интерпретации имеющихся материалов.

3.8. Анализ случая

Особую роль в полевой этнографии и антропологии играют способ фиксации материалов в форме рассказов информаторов о тех или иных случаях в их жизни (*case study method*), а также запись и анализ бесед местных жителей по тем или иным вопросам, характеризующим традиционно-бытовую культуру²⁴.

Единого понимания сущности данного метода в мировой науке, в том числе американской, где он давно практикуется, не существует. Под определение *case study* — исследование случаев (событий), происходящих на каких-то объектах, с какими-то действующими лицами, — подпадает целая группа методов: биографический, исторический, наблюдение и даже эксперимент. Так Дж. Митчелл²⁵ определяет *case study* как «детальное рассмотрение события или серии взаимосвязанных событий, которые, по мнению исследователя, представляют определенные теоретические принципы», а Р. Йин²⁶ описывает его как эмпирическое

исследование, которое изучает явление в реальном жизненном контексте, когда границы между явлением и контекстом размыты. Р. Уолкер²⁷ отнес *case study* к группе качественных исследований, в которых преимущественно используются глубинные интервью, групповые интервью, описания событий их участниками, проективные техники и другие методы. В отличие от них Дж. Платт²⁸ считает *case study* не столько методом, сколько исследовательским подходом. В свое время патриарх американской социологии, живший в начале XX в., Ф. Гиддингс высказался так: в выборочном исследовании описывают несколько штрихов с большого человеческого портрета, а *case study* — много черт о малом количестве людей.

Первыми активно стали использовать анализ случая представители знаменитой Чикагской школы в 1920–1930-е гг. В качестве объекта для чикагских социологов выступали польские эмигранты (У. Томас и Ф. Знанецкий), негры в Чикаго (Ч. Джонсон), бродяги — сезонные рабочие, мигрирующие на Запад (Н. Андерсен), распадающиеся семьи (Э. Маурер), молодежные группировки и банды (Ф. Трешер), еврейское гетто (Л. Вирт), социально-территориальная стратификация города (Х. Зорбау), платные танцзалы (П. Кресси), внутренняя жизнь гостиниц (Н. Хайнер), организованная преступность в Чикаго (Дж. Ландеско), забастовки (Э. Хиллер), община русских молокан (П. Юнг). Впервые чикагские социологи стали систематически использовать включенное наблюдение, неструктурированное интервью, личные документы и т.п. Комплекс многообразных описаний какого-либо фрагмента городского сообщества получил название *case study* — исследование случая. Это напоминало сенсационное журналистское расследование. Парк придавал исключительное значение информации, полученной из первых рук. Он был убежден, что социолог — это очень аккуратный, ответственный и научно подготовленный репортер. В основе *case study* — неструктурированное интервью. Оно часто использовалось работниками социального обеспечения и психологами, но в массовых опросах предпочитались «вопросники», подлежащие кодированию. Р. Лайкерт, П. Лазарсфельд, Р. Мертон и П. Кендалл изучали с помощью неструктурированного интервью установки, потребительское поведение и массовую коммуникацию²⁹.

Именно Чикагская школа осуществила переход от *case studies* к научному социологическому анализу с использованием методов экспериментальной проверки гипотез. Эта линия получила развитие уже в колумбийской социологической школе. Статистические методы в инструментарии социологических исследований окон-

чательно возобладали в 1940-е гг. В 1941 г. вышел первый учебник статистики для социологов³⁰, большое значение стало придаваться и оценке репрезентативности данных. *Case studies* отошли на второй план, эталоном стали планируемый эксперимент (Д. Кэмпбелл), репрезентативность данных, научный метод в выборочном исследовании. Восприняв математико-статистический аппарат, социология восприняла и нормы экспериментальной науки. Наибольший вклад в формирование внесли эксперименты по шкалированию установки, которые впервые были осуществлены Э. Богардусом и Ф. Оллпортом в 1920-е гг.

В отечественной литературе нет устоявшегося термина для обозначения метода, который в английской традиции называется *case study*. Иногда его называют «монографический подход», но чаще сохраняют английский термин *case study*, который обычно переводят как «изучение случая» (что является дословным переводом английского названия метода). Аналогом *case study* выступают этнографическое исследование, полевое исследование, включенное наблюдение. По определению П.В. Романова оно содержит детальное представление социального контекста исследуемых событий, несет отчетливые следы авторского отношения, его личности, которые не скрываются, более того, демонстрируются открыто. Как правило, данный тип *case study* — это исследование, проводившееся длительное время, в течение которого ученому удалось наладить доверительные отношения с ключевыми информантами и сократить культурную дистанцию между собой и тем социумом, который изучается³¹.

В общем виде «анализ случая» можно определить как углубленное выборочное исследование какой-либо проблемы на одном отдельно взятом, но представительном объекте. При этом предмет исследования, его взаимосвязь с объектом изучаются с большей подробностью и тщательностью. *Case study* — форма качественного описательного исследования, объектом которого выступает отдельный индивид или малая группа. Его предметом может выступать только реальное взаимодействие обозримого числа людей и лишь в очень специфическом контексте. Для сбора данных здесь используются участвующее или прямое наблюдение, интервью, протоколы, тесты, архивные документы, артефакты, аудио- и видеозаписи, транскрипты интервью, записи испытаний и др.³² Техника наблюдения в *case study* достаточно близко напоминает технику антропологических наблюдений. Основное требование к наблюдателю — дать как можно более детальное описание, позволяющее восстановить живую атмосферу события. Протоколы наблюдений за событиями в этом случае оформляются

в свободной форме и носят характер естественной истории, практически не отличаясь от полевых заметок. Они дополняются кратким резюме по поводу собственных впечатлений наблюдателя и представляют своего рода предварительный содержательный анализ полученной информации. По мнению И. Козиной, это стимулирует возникновение объяснительных гипотез, пусть предварительных и частных, которые в дальнейшем могут быть развернуты, уточнены или отвергнуты. В таком случае не требуется приведения строгого обоснования выводов, которое осуществляется позже³³.

Социальные антропологи, практикующие данный метод (или вид эмпирического исследования), не стремятся к глобальным обобщениям, открытию причинно-следственных законов или к статистически репрезентативной информации. Здесь изучаются одно событие или одна общность во всех подробностях.

Сущность такого исследования заключается в том, чтобы, детально изучив один или несколько случаев, раскрыть содержание глубинных процессов, протекающих в обществе, лучше понять изучаемое явление и предложить множественную интерпретацию. Ключевым методологическим моментом *case study* является опора на качественные методы сбора и анализа эмпирического материала³⁴. Исследования, проводимые в стратегии (*case study*), предоставили социологам возможность проникнуть в глубинные пласты повседневной жизни организаций, изучить те стороны их бытия, которые трудно или невозможно охватить традиционным анкетным опросом³⁵.

Для методики «анализа случая» характерно ограниченное использование точных количественных методов. Здесь нередко приходится иметь дело не со статистическими категориями, а с малыми — контактными и полуконтактными — группами. При этом теряет смысл не только проведение анкетирования, но и вообще тиражирование исследовательских документов. Даже интервьюирование здесь не нуждается в формализации. Исследователь выходит на прямое общение с респондентами, проводит с ними обсуждение, прослеживает их действия, даже участвует в некоторых событиях, скажем, в роли ассистента. Подобный способ исследовательского поведения иногда можно обозначить как «близкое наблюдение» (промежуточная форма метода наблюдения наряду с формализованным и включенным). Оно предполагает погружение исследователя (при сохранении своего исследовательского статуса) в объект, «понимание» им мотивации и поступков индивида и группы, привлечение последних к анализу проблемы. Этим объясняется определенная гибкость исследовательской про-

граммы, вероятность перестройки ее по параметрам анализа, гипотезам, а возможно — и задачам исследования. Программируемость «анализа случая» куда более ограничена, чем массовые опросы. Значит, исследователю приходится помнить об устойчивости концептуальной основы своей работы на объекте, избегая дезорганизации и восстанавливая ее целостность после каждого изменения одного из элементов.

Можно выделить две разновидности таких исследований. Одна из них — монографический «анализ случая». Его стратегия предполагает выявление взаимосвязи предмета исследования с объектом: развитие какого-то процесса рассматривается в зависимости от эволюции организационно-экономической и социокультурной среды его протекания, когда эта среда представляет собой его непосредственную и относительно замкнутую «над-систему» (например, предприятие)³⁶.

Другая разновидность «анализа случая» (назовем ее сквозной, или межобъектной) выделяет предмет исследования, пересекающий границы разных объектов, которые не образуют для него какой-либо единой среды, например текучесть кадров с одного предприятия на другое, маятниковая миграция, межорганизационные процессы нововведений и т.д.

Главное преимущество «анализа случая» — разнообразие информативности. Кроме того, он доступен практикующим социальным антропологам. Его диагностические и инновационные способности дают исследователю возможность одновременно выступать в качестве консультанта, т.е. составлять конкретные рекомендации по решению выявленных проблем, причем делать это в соответствии со спецификой данного объекта.

3.9. Социография

Социография — тип эмпирического исследования, лежащий на границе антропологии и социологии. В нем используются принципы и приемы качественной методологии, а потому социография имеет немало общего с журналистским репортажем. Социография синтезирует методы этнографии и социологии.

В литературе нет однозначного толкования термина «социографическое направление в социологии». Одни специалисты полагают, что в зарубежной социологии понятие «социография» не является общепринятым, оно употребляется для обозначения эмпирических, описательных социальных исследований, в которых обобщаются данные статистики и личных наблюдений. В этом

случае социография отождествляется с «социальной географией» (термин введен Р. Штейнметцем в 1913 г.), которая в противоположность абстрактно-теоретическим обобщениям призвана дать полное описание жизни конкретных общественных групп и народов в ту или иную эпоху (их территориальную дифференциацию, пространственное распространение, влияние деятельности человека на окружающую среду, природный ландшафт)³⁷.

Другие же, в частности Т. Хусар, считают социографию чисто венгерским явлением, хотя упоминают при этом, что сам термин был выдвинут Ф. Теннисом, а большая группа социографов работала в Румынии. Правда, лишь в Венгрии в 1910–1930-е гг. жанр документального очерка стал самостоятельным направлением, где в основном проводились этнографические исследования деревни (от типажа диалекта до статистических расчетов) силами Социографического института и Института исследования деревни³⁸.

По мнению Ш. Тара³⁹, в Венгрии социография и в 1930-е, и в 1960–1970-е гг. была событием скорее общественным, даже политическим, чем научным. Она открывала обществу глаза на реальные условия жизни таких классов, слоев, профессиональных, территориальных, национальных групп, о которых общество не знало и не очень хотело знать. Она повышала уровень информированности этого общества, делала более полными его знания о самом себе. Долгое время венгерские литературоведы спорили с социологами насчет того, кому из них в большей степени принадлежит социография. Венгерские писатели доказывали: социография — особый литературный жанр, синтезирующий документальность и художественность⁴⁰. Привнесение в литературу социальных аспектов придает ей убедительность, объективность, злободневность.

В 1976 г. Ш. Тар получил первую премию за лучшее социографическое произведение — он писал в нем о венграх, работающих по контракту в ГДР. Другие произведения Тара в этом жанре посвящены рабочим, условиям их труда и быта. В небольших, четырех-пятистраничных главках, из которых состоит его книга «Наша улица», перед читателем проходит галерея чудаков, трудяг, бездельников, мечтателей, ипохондриков, скаредов, альтруистов, людей общительных и нелюдимых, благородных и коварных. Главные герои его книги — те же самые рабочие, те же люди, которые три-четыре десятилетия назад, в период коллективизации, лишившись земли, скота, а главное, веры в возможность прокормиться хлеборобством, хлынули в город, на заводы и рудники. Следом за ними покидала село молодежь, ища возможность устроить свою жизнь более или менее по-человечески. Большин-

ство этих людей успели получить профессию, но не успели окончательно оторваться от деревни, пустить корни в городе: после смены они возвращались к себе, здесь у них были семьи, здесь они затевали строительство нового, по-городскому обставленного, с телевизором и холодильником, дома. Но в один прекрасный день социализм рухнул, пришла приватизация, промышленные предприятия сокращали производство и штат, и первыми жертвами перемен стали опять же они, деревенские. Придуманная Ш. Таром Кривая улица чуть ли не сплошь заселена такими людьми с обрубленной судьбой, не знающими, куда приложить свои руки и силы, давно отвыкшими от сельского труда, живущими на пенсию или пособие по безработице. И застроена эта улица незаконченными домами, в которых кое-как приспособлена для жилья кухня или какая-нибудь каморка, а остальное стоит без крыши, без полов, без отопления. Незавершенная стройка, несбывшиеся планы, сломанные жизни, разрушившиеся семьи — социальный контекст разворачивающихся в произведении венгерского писателя событий. Обитатели Кривой улицы с рассвета спешат в корчму, чтобы как можно скорее накачаться вином, палинкой, пивом, и старательно поддерживают себя в таком состоянии целый день⁴¹.

3.10. Биографический метод

В антропологии и социологии биографический метод чаще всего относят к разновидностям метода интервью, хотя нередко выделяют в самостоятельный вид эмпирического исследования. Он используется для описания типичной структуры жизненного пути и особенностей коллективной биографии отдельных поколений на основе анализа социально-исторических данных, реконструирования жизненного мира отдельных индивидов на основе изучения личных документов (переписки, дневников, автобиографий, социальных биографий и др.).

В англоязычной литературе биографический метод чаще всего называют *life history*. Но, кроме того, используют множество похожих обозначений, в частности: *life history*, *life story methods*, *self narrative*, *narrative biography*, *life history approach*, *narrative studies*, *methods of life course research*, *life history surveys*, *biographical methods*, *life story approach*, *biographical approach*, *case studies*, *autoethnography*, *personal narrative*, *self-revelatory modes*, *narrative-biographical approach*, *self-representation*, *oral history form*, *self-ethnography*, *narrative ethnography*, *psychoanalytic narratives*, *autoethnography*, *narrative texts*, *life story*

interview, career histories, narrative inquiry, narrative research, narrative analysis, self-reports, self-disclosure, self-conscious anthropology. Нередко данный метод соединяют с другим — *career histories*. Некоторые авторы даже предлагают взамен широко употребляемых терминов «биографический метод» или «история жизни» использовать термин «история отдельного случая» (*individual case history*), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания⁴².

Life history представляет собой сбор автобиографических сведений методом интервьюирования⁴³. Его считают родственником методу *case study*. И причин тому немало. Во-первых, оба они нацелены не на анонимного респондента, у которого собирают типичные штрихи к групповому портрету, а на сугубо индивидуальный подход к биографии конкретного человека. У каждого она своя, неповторимая, а потому и представляет собой «конкретный случай». Во-вторых, оба метода используются в дополнение к другим средствам сбора первичной информации, реже — в качестве главного источника информации.

Этнографы и антропологи практикуют *life history* чаще социологов, так как у них разные цели и задачи: первые стараются составить неповторимую картину жизни местного народа, вторые — дать обобщенный портрет представителей индустриального общества. Антропологам он дает очень многое, а самое главное — такое, что невозможно получить никаким иным способом. Биография — это всегда описание единственной и неповторимой человеческой жизни. Биография индивида с момента его рождения — это история его отношений с другими.

Так, совершенно очевидно, что как бы долго ни жил в общине исследователь, проследить жизнь каждого человека от рождения до смерти он не может. Стало быть, недостающую информацию можно восполнить только одним образом — расспросить о всех обстоятельствах жизни того, кто ее прожил. Но и в том случае, когда невиданное произошло бы с антропологом, который был наблюдателем всей жизни каждого члена племени, он не получил бы из своих записей того, что дадут респонденты, рассказывая о своей биографии, а именно оценку событий, свои переживания, отношение к взрослению, старости, свои обиды и победы. Что именно значит для человека тот или иной эпизод жизни, может знать только он сам. Вот почему биографический метод попросту не может быть заменен никаким иным методом изучения малых сообществ.

Он полезен тем специалистам, кто стремится расширить исторический горизонт своего исследования, открывая то, что произошло раньше, до начала исследования, либо стремясь получить

личную оценку происходившего из уст информатора⁴⁴. Очень точно значение *life history* выразил Ч. Тили: «Социология без истории напоминает сцены голливудского боевика: на экране калейдоскоп захватывающих событий, но кто и что стоит за ними, непонятно».

В основе этого средства познания уникальных особенностей личности лежит изучение индивидуального жизненного пути (социальный статус родителей, место жительства, условия социализации, образование, семья, рабочее место и т.д.). Д. Берто⁴⁵ называет биографию отчетом о жизни, представленным устно самим человеком. Обработка биографических данных с помощью специальных процедур контент-анализа, статистики и типологий позволяет прогнозировать успешность будущей той или иной деятельности испытуемого. Биографические материалы — это нарративные тексты: краткие автобиографии, дневники, письма, воспоминания и т.д.

Происхождение биографического метода специалисты единодушно связывают с деятельностью чикагской школы. Один из ее лидеров Э. Берджес называл идеально подготовленный документ *life history* микроскопом, благодаря которому можно увидеть игру умственных процессов и социальных отношений.

Первой работой, «узаконившей» использование личных документов, писем и автобиографий⁴⁶ в анализе социальных процессов, стала опубликованная в 1918–1920 гг. книга У. Томаса и Ф. Знанецкого⁴⁷ «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Один из томов этой книги составила автобиография польского эмигранта Владека, описавшего свой путь из провинциального Копина в Чикаго. Биографический метод широко применялся представителями чикагской школы. В период с 1910-х по 1930-е гг. школа использовала разнообразие методов, основанных на *case study* или историях жизни, включая непосредственные наблюдения, неформальные интервью, чтение документов, официальных отчетов. В 1916 г. Р.Е. Парк составил программу социального исследования города в Чикаго. Под влиянием собственного предшествующего опыта работы в качестве репортера он утверждал, что обществоведы должны оставить библиотеки и «запачкать руки», ведя непосредственные наблюдения и беседы на улицах, в барах, в холлах шикарных гостиниц. Несколько первых исследований стали основой ранней чикагской школы социологии как описательного исследования уличной жизни, сопровождаемого небольшим анализом. В 1920-е гг. чикагский социолог К. Шоу изучал подростковую преступность, используя написанные по его просьбе автобиографические заметки юного правонарушителя, дополнен-

ные полицейскими и судебными документами, результатами медицинских освидетельствований и т.п. Всю совокупность этих данных он рассматривал как «историю случая»⁴⁸.

К разновидностям биографического метода относятся: а) устная история; б) история жизни; в) история семьи. Кроме того, принято различать три основных типа «историй жизни»: полные, тематические и отредактированные. Биографический метод имеет очень много общего с методом включенного наблюдения, а потому считается одной из разновидностей этнографического подхода к «анализу случая». Чаще всего источником биографических данных становятся личные документы (мемуары, записки, дневники и т.п.) либо материалы интервью и бесед⁴⁹.

Биографический метод относится к сфере качественной методологии и базируется на той предпосылке, что социальную реальность можно вполне аутентично, правдиво и с исчерпывающей полнотой реконструировать на основе не только объективных фактов, собранных статистиками, но и столь сомнительных данных, какими всегда считались мнение человека о самом себе, его воспоминания и биографические свидетельства.

Биографическое интервью — это не спонтанный рассказ о своей жизни, постоянно отвлекающийся на незначимые подробности, а строго организованный и постоянно контролируемый самим исследователем сбор информации. Обычно респонденту сообщают цель и задачи интервью. Ставят наводящие вопросы, поддерживают беседу стимулирующими вопросами, просят сосредоточиться на ключевых моментах, а где надо — раскрыть сюжет более подробно. В процессе рассказа интервьюер-исследователь постоянно задает уточняющие вопросы, которые важны не столько респонденту, сколько ученому. Материал биографии включает любые факты, которые можно узнать о человеке. Не существует фактов, не принадлежащих к области биографии. Точные календарные даты, переживания, событий, действий — все это суть части целостной картины жизни человека.

У специалистов отношение к биографическому методу скорее двойственное. Некоторые авторы считают, что в биографии, рассказанной самими человеком, нет ни грамма истины, поскольку это целиком социальный конструкт. В нем много вымысла, неточных подробностей, иногда выдуманных событий, но больше всего — приукрашенных оценок. Респондент представляет историю своей жизни как последовательность событий, правдивость которых, однако, невозможно проверить. Исследователь может полагаться только на собственное ощущение того, говорит респондент ему правду или нет.

Социолог и антрополог оказываются в непривычной ситуации: с одной стороны, перед ними очевидец событий, а поэтому не доверять его сведениям вроде бы нет оснований, с другой — это заинтересованный очевидец, которому иногда выгодно представить себя в наилучшем свете. При этом обманывать сильно и не приходится: достаточно о чем-то не сказать, что-то подать несколько иначе, чем было на самом деле. С виду история выглядит вполне правдоподобной, но степень такого правдоподобия для ученого навсегда окажется неизвестной. Попытка перепроверить факты биографии по независимым источникам, например рассказам соседей или соплеменников, не всегда удается, поскольку и их повествование в известной степени является субъективным. Фактор субъективности проявляется во всем: и в житейском опыте человека, и в поведении, и в поступках, и в оценочных суждениях, и в мировоззренческих позициях. Социолог может сопоставить «историю жизни» одного человека с историей общества, поскольку она зафиксирована в многочисленных печатных изданиях. Но антрополог, изучающий примитивные племена, лишен такой возможности.

Казалось бы, подобная эмпирическая база не может служить надежным фундаментом научного познания. Однако ученого рассказанные истории (нарратив) интересуют в последнюю очередь. Куда важнее те смыслы и значения, которые они имеют для рассказчика. Респондент конструирует свою прошлую жизнь при помощи культурных традиций, повседневной и знакомой социальной микросистемы и связанных с ней образцов ориентации, а также структурных и поведенческих образцов. Сквозь индивидуальную судьбу антрополог, социолог и этнограф пытаются разглядеть типичные либо характерные черты культуры данного общества. Через рассказ людей о собственной жизни социолог раскрывает историю социальных институтов и социальных трансформаций в обществе.

Биографический метод сегодня взят на вооружение психологами, социологами и педагогами. Социолог может видеть биографию как последовательность статусных пассажей, институционализированных переходов из одного статуса в другой. Н. Дензин⁵⁰ определяет биографический метод как исследовательское использование и сбор документов жизни, которые описывают поворотные моменты индивидуальных жизней. Предмет биографического метода — жизненный опыт личности. Эти документы включают автобиографии, биографии, некрологи, жизненные истории, истории персонального опыта, устные и личные истории. Д. Берто признает несомненную ценность рассказов, где респонденты являются информантами, как это делается в этнографии, когда глав-

ной целью является получение точного описания жизненной траектории собеседника в данном контексте.

Вместе с тем П. Макнейл⁵¹ считает, что метод жизненных историй (или метод устных биографий) относится не только к социологии. Его можно зачислить в активный арсенал этнографического цикла наук наряду с исследованием бюджетов времени и *case study*. Это метод глубинного качественного исследования.

Для антрополога биографический метод имеет особое значение. Дело в том, что ему приходится сталкиваться с представителями дописьменного общества, где никакой статистики не существует, никаких материальных свидетельств, помогающих провести исчерпывающее эмпирическое исследование, например, газет, журналов или заводской документации, в принципе, быть не может. Ему приходится либо наблюдать за поведением аборигенов и систематизировать собственные записи, либо брать интервью у представителей иной культуры, пытаясь понять значение чуждых символов, памятников, ритуалов и обрядов.

В последние годы к письменным биографическим интервью добавились биографические фильмы и видео⁵². Они посвящаются не только выдающимся деятелям науки и искусства, политикам и бизнесменам, но и простым гражданам, повествуя о том, как им приходится искать работу, бороться с социальной несправедливостью, растить детей, устраивать личную судьбу. К примеру, фильм Э. Янга и С. Тодд *Children of Fate: Life and Death in a Sicilian Family* (1992) охватывает 30 лет жизни сицилианской женщины Анжелы, которой пришлось бороться с бедностью, разгулом преступности, мафией и мужем-грубияном, постоянно унижающем ее. Фильм *Wild Swans — Jung Chang* (2001) повествует о жизни трех поколений китайских женщин, переживших социальные трансформации китайского общества в XX в. Фильм *Japanese Religions in America* доктора антропологии Ю. Йамады построен на устных рассказах (нарративах), жизненных историях и автобиографиях представителей японских религиозных сект. Автор относит свое произведение к такой отрасли, как символическая антропология⁵³.

3.11. Научный эксперимент

С экспериментом в методологической литературе творится что-то непонятное: в одних случаях его называют видом исследования, в других — методом. Мы будем ориентироваться на первый подход, а потому описываем его характерные черты именно в этой главе.

Эксперимент (от лат. *experimentum* — проба, опыт) — исследовательская стратегия, в ходе которой осуществляется целенаправленное наблюдение за тем, как ведут себя одни характеристики явления (процесса, ситуации), если последовательно и в определенном порядке изменять другие характеристики.

В социальных науках эксперименты подразделяются на: 1) истинные эксперименты, эксперименты и квазиэксперименты; 2) натурные (натуральные) эксперименты (*natural experiments*) и натуралистические эксперименты (*naturalistic experiments*)⁵⁴; 3) полевые (естественные) и лабораторные эксперименты; 4) параллельные и последовательные (линейные) эксперименты; 5) активные и пассивные эксперименты; 6) эксперименты, «улучшающие» и «дублирующие» реальный мир; 7) методическое экспериментирование и эксперименты в оценочных исследованиях; 8) много- и однофакторные эксперименты; 9) модельные и мысленные эксперименты и др. Кроме того, бывают еще пилотные эксперименты.

По характеру экспериментальной ситуации в социальных науках, прежде всего в социологии и антропологии, выделяют две главные формы — полевой и лабораторный эксперименты.

Лабораторный эксперимент — методическая стратегия, направленная на моделирование деятельности индивида в специальных условиях. Он основан на создании искусственных ситуаций, позволяющих изменять контролируемые переменные и следить за сопутствующими изменениями зависимых переменных. Чаще всего такой метод требует специального оснащения, а порой и применения технических приспособлений.

Полевой эксперимент проходит в естественных для изучаемого процесса условиях. Методика этого эксперимента требует подбора контрольных и экспериментальных групп с необходимым набором переменных. При этом члены группы (испытуемые) могут быть осведомлены либо не осведомлены о том, что они участвуют в эксперименте. Решение об их осведомлении в каждом конкретном случае зависит от того, насколько эта осведомленность может повлиять на ход эксперимента⁵⁵.

В полевом эксперименте антропологи выезжают на место поселения первобытных племен, место жительства национальных меньшинств или место работы других социальных общностей, ставших объектом изучения. Так, Ж. Шефилд и К. Андерсон с коллегами в течение трех лет изучали межнациональные отношения в средней школе США. В первый год они выяснили, что белые и черные американцы по-разному реагируют на проявления подростковой агрессивности на переменах (взаимные толчки,

перебранка, потасовки), на уроках (списывание, взятие без спроса чужой авторучки и т.д.), в столовой (перебранки за столом). В интервью также выяснилось, что белые настроены к черным дружественнее, чем те к ним. Для проверки выявленных фактов Шефилд и Андерсон в 1987 г. провели полевой эксперимент. По случайной выборке они отобрали по 40 белых и черных студентов-мужчин. Каждому предьявляли серию рисунков и рассказов с проявлением умеренных форм агрессивности. Испытуемые должны были проранжировать свои оценки поведения нарушителей — от одобрения и равнодушия до резкого осуждения. В результате белые увидели в действиях черных большую угрозу, чем те у них. Ученые пришли к выводу, что страх перед неграми прививает белым подросткам сама школа⁵⁶.

Х. Бернард указывает, что истинный эксперимент в антропологии проводится редко, но примеры все-таки есть⁵⁷. Так, М. Харрис провел в Бразилии эксперимент по замене слов в вопросе, касающемся расовых отношений. Эксперимент проводился во время переписи населения. Демографы считали уместным и благозвучным слово *parda* предпочтя его слову *morena*, который для англоговорящих жителей означало *brown* (смуглый). Харрис решил выяснить, как скажется на ответах замена первого слова на второе. По случайной выборке он отобрал 505 домов, разбил их на две равные группы и проинтервьюировал по одному взрослому в каждом. В каждой группе задавали открытый и закрытый вопросы. Открытый звучал так: какого цвета кожа, как они сами думают, у них. Закрытые различались набором закрытий — по четыре разных понятия, обозначавших цвет кожи. Необходимо выбрать один вариант. В первой группе варианты были следующие: *branca* (*white*), *parda* (*grey or brown*), *preta* (*black*) и *amerela* (*yellow*). У второй: *branca*, *morena* (*brown*), *preta* и *amerela*. В первой группе респонденты выбрали *parda*, а во второй — *morena*. По результатам эксперимента выработаны практические рекомендации по проведению переписи⁵⁸.

Полевые эксперименты по упрощенной схеме часто проводят журналисты. На время замаскировавшись под представителей какой-то социальной группы или профессии, например нищих, они выходят на улицу, спускаются в метро или заходят в общественный транспорт, прося милостыню. Главная цель — посмотреть реакцию людей. Они получают прекрасную информацию что называется из первых рук. В результате — публицистический очерк живыми красками реальных событий.

Натуральный или натурный эксперимент сильно отличается от истинного и квазиэкспериментов. Во втором случае любое вмешательство устраивается ученым, в первом оно происходит естест-

венно, по жизни. К натурным относятся такие случаи: а) часть жителей решила уехать из деревни в город, а часть — остаться; б) в некоторые деревни в данном регионе провели электричество, а в другие нет; в) часть представителей нацменьшинства посещает школы для представителей среднего класса, а часть обучается в резервации; г) некоторые культуры практикуют женский инфантицид, а другие нет. Любая из этих ситуаций может стать объектом натурального эксперимента, в ходе которого изучается кое-что о поведении людей. В таких случаях нельзя провести пре-тест, измерить независимые переменные до начала вмешательства. Ученый теоретически или по вторичным источникам мысленно восстанавливает исходные условия, затем изучает ход эксперимента и последствия. Часто он лишь застаёт последние, а все другое приходится реконструировать по опросам респондентов.

Американский антрополог Х. Бернард описывает знаменитый натуральный эксперимент, проведенный в 1955 г. в штате Коннектикут, губернатор которого ввел закон об ограничении скорости на дорогах. Виновников штрафовали на 30 дней. Количество ДТП сократилось с 324 в 1955 г. до 284 в 1956 г. Реформа сохранила жизнь 40 человекам, хотя число штрафов сильно возросло⁵⁹. Ученых интересовало: являлись ли суровые меры наказания причиной сокращения числа ДТП. За решение взялись *Campbell and Ross* (1968). Они просчитали статистику ДТП за 1951–1959 гг. в Коннектикуте, Массачусетсе, Нью-Йорке и Нью-Джерси. Все штаты были примерно похожи по климату и количеству ДТП. Выяснилось: во всех штатах выросло число ДТП в 1955 г. и сократилось в 1956 г. Если опираться лишь на эти данные, то можно заключить, что усилия губернатора Коннектикута ни к чему не привели. Однако количество ДТП постоянно сокращалось еще в течение трех лет. В других же штатах статистика ДТП колебалась по годам без всякой видимой закономерности. *Campbell and Ross* интерпретировали полученные данные как серию натуральных экспериментов (*series of natural experiments*) и убедительно доказали, что реформа губернатора на дорогах своего штата удалась.

3.12. Социодраматургические и этнометодологические эксперименты

Этнометодология, разработанная в 1960-х гг., представляет собой радикальную (иногда выражаются еще резче — экстремальную) форму полевого исследования, основанную на феноменоло-

гической философии и парадигме социального конструирования. Первая требует от ученого постоянного «вглядывания» в повседневное поведение людей и проявления здравого смысла с тем, чтобы увидеть за ними нечто другое — скрытый контекст. Этнометодологи не просто исследуют здравый смысл или социальное взаимодействие людей в естественных условиях (поэтому эмпирические исследования квалифицируют как полевые). Они разрушают это взаимодействие, выворачивают логику человеческих поступков наизнанку и спрашивают испытуемого: ну как, ты еще жив?

Этнометодология в действительности представляет уникальную методологию, какой еще, кажется, никогда в мире не было. Она парадоксальна, ее приемы напоминают экстремистские акции, безжалостно проводимые над ничего не подозревающими подопытными.

Этнометодологи с удовольствием изучают повседневный язык, включая паузы и контекст речи. Они полагают, что люди «совершенствуют» понимание здравого смысла, используя скрытые, подразумеваемые социокультурные правила, а социальное взаимодействие — это процесс создания реальности. Люди толкуют повседневные события, используя знание культуры и «ключи» из социального контекста. Этнометодологи исследуют то, как обычные люди в повседневной жизни применяют скрытые правила для понимания смысла социальной жизни (например, чтобы узнать, пошутил кто-то или нет). Этнометодологи исследуют в подробностях обычное социальное взаимодействие, но метод их исследования впору сравнить с хирургическим ножом, хладнокровно вспарывающим живую плоть социального естества.

Основываясь на социодраматургическом подходе Э. Гоффмана, считавшего, что повседневное взаимодействие людей на самом деле не что иное, как череда постоянно разыгрываемых микроспектаклей, представители этнометодологии провели ряд любопытных экспериментов, призванных приоткрыть для наблюдателя то, что скрывается за занавесом — по ту сторону социально конструируемой реальности.

Так, в одном из своих экспериментов Г. Гарфинкель просил студентов, чтобы они, в очередной раз отобедав дома, не благодарили родителей, а расплатились с ними деньгами. Ученому важно было знать реакцию опешивших родителей, которые, попав в необычную ситуацию, обнаруживали те спрятанные в глубь подсознания мотивы, правила, установки, которые формировали их поведение.

Поставить партнера в экстремальную ситуацию и таким способом выяснить скрытые реакции — общая для этнометодологов процедура «всматривания» в социальную реальность. Тот же Гарфинкель неожиданно приближал свое лицо, почти утыкаясь в нос говорящему, и следил за его реакциями. Одни обвиняли его в сексуальных домогательствах, другие предлагали обратиться к психотерапевту. Но главное было достигнуто: разрушалась обыденная структура ситуации.

Разрушение привычных норм общения происходит и в том случае, когда культурные нормы одной нации вторгаются в обычаи другой. Известно, что у немцев и голландцев вполне естественно, когда в ресторане мужчина и женщина поровну делят счет и расплачиваются каждый за себя. Но стоит, не предупредив о том партнера, англичанину или русскому повести себя тем же манером, например мужчина предлагает женщине заплатить за себя самой, как возникает полное замешательство. Разрушаются привычные стереотипы восприятия и оценки социальной реальности.

«Возникает вопрос: зачем вообще нужно нарушать привычные устоявшиеся структуры повседневных взаимодействий? Разве именно повседневность не является ясной и прозрачной сферой жизни, не требующей рефлексивного рассмотрения? Однако эта ясность кажущаяся. Повседневность кажется ясной не потому, что отрефлексирована, а потому, что ускользает от рефлексии. “Обычную жизнь” не анализируют до тех пор, пока ее не нарушит какое-нибудь из ряда вон выходящее событие. Столкнувшись с таким нарушением, “повседневные деятели” стремятся прежде всего “нормализовать” ситуацию, ввести ее в рамки повседневности и к лишь после этого приступают к исследованию нарушившего ход нормальной жизни фактора, который уже интерпретируется как нормальное, повседневное явление»⁶⁰.

Этнометодологу важно не то, как смущался испытуемый, а то, как он выкручивался из неожиданной ситуации. Редко кто воспринимал ее с юмором. В большинстве случаев следовали стереотипные реакции, например, «ты что, сошел с ума?» или «вы явно шизофреник?». Так реагирует подавляющая масса нормальных людей на ненормальные ситуации. Но именно эту «нормальность» и фиксирует социолог. Он получает ответ на исходный вопрос: как люди формируют нормальную (читай: стереотипную) социальную реальность.

Опыты, которые достаточно часто практикуют этнометодологи, называют «нарушающими правила» экспериментами («*breaching experiments*»). Их цель — выявить скрытые в толще повседневности неписанные правила, на основании которых люди

придают смысл реальности в повседневной жизни (отсюда важнейшая философская аксиома методологии: социальная реальность — не стихийное событие, а социально-сконструированный человеческий проект).

Провокации и нарушения естественного хода вещей вызывают у испытуемых мощную реакцию, которая только подтверждает существование в обществе неких социокультурных правил. Они, как перила или подпорки, нужны человеку при движении в социальном потоке. Пока ты не спотыкаешься, то и перил вроде бы не существует. Во всяком случае ты их не ощущаешь, не осмысливаешь, а значит, и выразить, например в опросе, никак не можешь. Логика специалистов по провокациям такова: надо человека слегка подтолкнуть, пусть он упадет и лишь тогда воспользуется подпорками. Скрытые социальные смыслы и неявные социальные конструкции, рассуждают они, можно обнаружить, лишь испытывая объект на излом.

Метод провоцирования и разрушения привычных структур повседневности, несомненно, расширил горизонт познания в гуманитарных науках. Он выходит за рамки привычных анкетных опросов, свойственных традиционной социальной науке (не только социологии, но также антропологии, психологии, экономике, социальной психологии).

Несомненно, этнометодологический эксперимент принадлежит качественной социологии. Она включает специализированный, весьма детальный анализ микроситуаций (например, транскрипты коротких разговоров или видеозаписей социального взаимодействия). Разумеется, этнометодологи не брезгуют и количественными методами, но иначе оценивают их познавательные возможности. Они утверждают, например, что стандартизированные тесты и анкетные интервью (*survey interviews*) определяют способность человека понимать скрытые шифры и применять скорее здравый смысл, чем оценивать объективные факты.

По сравнению с чикагской школой полевого исследования этнометодология придает большее значение методу и утверждает, что данные исследования являются результатом использованного метода в такой же мере, как и изучаемой социальной жизни.

3.13. Социоисторический эксперимент

Уже в течение нескольких столетий историки, археологи, этнологи, антропологи и другие ученые разных стран с успехом используют в своих исследованиях данные, полученные в резуль-

тате реконструкции и исторического эксперимента. Довольно часто при нехватке письменных источников ученым приходится реконструировать те условия, в которых жил и трудился человек в далекую эпоху. Когда сегодня ученые пытаются развести огонь при помощи тех предметов, например, двух кресал, которые имелись у древнего человека и тем самым доказать гипотезу об артефактном «приручении» огненной стихии (наряду с ней в науке существует гипотеза о естественном источнике — зажигании костра от молнии или вулкана, а затем поддерживании пламени в первобытном жилище), то они проводят, с одной стороны, натурный эксперимент, с другой — экспостфактум эксперимент. Ученые искусственно создают ситуацию, в которой якобы находились первобытные люди, а также те трудовые действия, которыми они пользовались, ничего не зная, как это было на самом деле. Они полагаются на принцип аналогии и идеализации. Никогда нельзя быть точно уверенным, что наши далекие предки поступали в точности так, как ведет себя участник эксперимента, или же различные реплики (копии) древних орудий труда, одежды, оружия абсолютно соответствуют своим прототипам. Эти, а также ряд других причин значительно осложняют работу экспериментатора и ставят под вопрос результаты опытов. Тем не менее данный метод исследования не раз приходил на помощь исследователям, часто оказываясь единственным путем разрешения наиболее сложных и спорных вопросов, возникающих в процессе работы. Так, например, при экспериментальной транспортировке макета базальтовой стелы ольмекской культуры, произведенной в Ла-Венте (Мексика), было доказано, что крупные каменные монолиты невозможно было переносить вручную, хотя ранее считалось, что подобный способ вполне возможен⁶¹.

Попытки использования различных экспериментальных методов в истории, археологии, этнографии имеют давнюю традицию, и можно назвать ряд известных ученых, прибегавших к ним. Первым к методу исторической реконструкции и эксперимента обратился немецкий ученый А.А. Роде (1682–1724), изготовивший и испытывавший реплику кремнёвого топора, а также его соотечественник Я. фон Меллен (1659–1743), занимавшийся реконструкцией древней керамики Северной Германии. До этого периода метод эксперимента уже был хорошо известен, постоянно совершенствовался и, начиная с эпохи Возрождения, широко применялся такими известными учеными как, например, Леонардо да Винчи, Галилей, Коперник, Бэкон или Меркати.

С середины XIX в. экспериментальные методы в археологии становятся все более распространенными. К ним прибегают це-

лые группы специалистов-экспериментаторов. В 1874 г. во время археологической конференции в Копенгагене демонстрируется деревянная постройка, срубленная при помощи каменных орудий. В этот же период О. Тишлер и его коллеги экспериментально доказывают возможность сверления каменных изделий при помощи деревянного сверла и подсыпаемого под него песка. Своего рода сенсацией стало первое экспериментальное плавание через Атлантический океан на судне «Викинг», представлявшем копию драккара из Гокстада (IX в., Норвегия). Корабль за 40 дней благополучно достиг берегов «Винланда». Таким образом уже в 1883 г. была сделана попытка экспериментально доказать возможность открытия Америки задолго до плавания Х. Колумба⁶².

В XX в. техника и методика исторической реконструкции значительно усложнились, участники экспериментов предпочитали использовать так называемые методики «погружения в историческую эпоху», «слияния с историей». Так, в 1922 г. в Швейцарии на берегах Боденского озера реконструируются поселения каменного и бронзового веков, где усилиями экспериментаторов воссоздается жизнь людей далекого прошлого. Сейчас на этом месте находится один из крупнейших швейцарских музеев под открытым небом.

Начиная с 1936 г. на территории этого поселения исследуются различные архаичные хозяйственные процессы, исследователи живут в древних домах, готовят пищу, охотятся и обрабатывают землю при помощи древних орудий труда. Новый мощный толчок к развитию экспериментальная археология получает в 50-е гг. в СССР, где в рамках школы выдающегося ленинградского археолога С.А. Семенова разрабатываются новые методы научных исследований. В результате на свет появляется оригинальная методика определения и изучения функций орудий труда по характеру следов работы (трассеологический метод), благодаря которой, например, было доказано, что древние каменные топоры использовались для обработки древесины (это мнение подтверждалось и этнографами, изучавшими изолированные этнические группы папуасов Новой Гвинеи в XIX–XX вв.), а не для перекапывания земли, как считал немецкий археолог Б. Брентьес. При этом экспериментально было установлено, что эффективность рубки леса репликами каменных топоров всего в 3–4 раза ниже, чем при выполнении аналогичной работы современными топорами, сделанными из железа. Если же принять во внимание, что для древнего человека подобное занятие было вполне привычным, а экспериментаторы испытывали явное неудобство в работе, то разница в скорости рубки деревьев значительно уменьшается⁶³.

Глава 4. МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякая наука основана на фактах. Собирая, сопоставляя, группируя и обобщая эти свидетельства объективной реальности, она открывает самое дорогое, для чего, собственно, и создана наука, а именно существующие независимо от нашей воли и сознания объективные законы мира. Способы получения этих фактов называются методами научного исследования.

Особенно урожайным на открытие нового в поведении людей считается метод наблюдения. В нем ученый непосредственно регистрирует события, очевидцем которых он оказался. Он активно применяется во всех социальных науках. В одних, например в статистике и демографии, наблюдением называют любую полевую процедуру (опрос, визуальное наблюдение, сбор письменных сведений путем обхода по домам). Здесь наблюдение как бы противопоставляется методу косвенного знания по литературным источникам. В психологии, социологии и антропологии наблюдением именуют только визуальную процедуру сбора данных непосредственно самим ученым.

Кроме наблюдения, которое считается непризнанной «королевой полей» в социальной антропологии, здесь активно используются также интервью и анализ документов.

4.1. Отличительные черты научного наблюдения

Как только человек начал себя помнить и осознавать, он постоянно прибегал к наблюдению — полету птиц, циклам разлива рек, поведению животных, взаимоотношению людей. Наблюдал, вычленял повторяющееся и закономерное, анализировал события, делал выводы и даже пытался прогнозировать будущее. Налицо все

элементы научного наблюдения. Так что наблюдение — древнейший из методов познания.

Принято считать, что метод наблюдения пришел в социологию из антропологии — науки о дописьменных культурах и племенах. Антропологи наблюдают образ жизни, социальные отношения и взаимодействие, обычаи, нравы и традиции забытых и малочисленных народов, племен и общин. Из антропологии пришла и классификация видов наблюдения.

Правда, этот метод применяется не только в антропологии. Его прекрасно освоили психологи и экономисты, этнографы, политологи, культурологи, не говоря о представителях естественных наук, скажем, биологах, которые без наблюдения и шага ступить не могут. Развитие этнографии как науки было связано, в частности, с переходом от сбора отдельных сведений о культуре народов к стационарному наблюдению, при котором исследователь достаточно долго живет в среде изучаемой группы.

Правда, потрудились над совершенствованием этого метода и сами социологи, прежде всего американские. В период с начала 1940-х до 1960-х гг. чикагская школа разработала в качестве особой техники включенное наблюдение. В ней применялась расширенная антропологическая модель в отношении к группам и окружению в обществе, в котором жил сам исследователь. Появились три принципа: изучать людей в естественном окружении или ситуации; изучать людей посредством прямого взаимодействия с ними; достигать понимания социального мира и делать теоретические заключения о перспективах членов группы¹.

Наблюдение — метод сбора первичной информации путем прямой и непосредственной регистрации исследователем событий и условий на местах. Оно мыслится как планомерное исследование реакции наблюдаемого на предмет исследования без воздействия на него.

Основное условие научного наблюдения — объективность, т.е. возможность контроля путем либо повторного наблюдения, либо применения иных методов исследования (например, эксперимента). С помощью наблюдения и правильных выводов наука устанавливает факты, конструирует теории, открывает законы, наконец, предсказывает будущее. Об использовании метода наблюдения как познавательного инструмента можно говорить лишь в том случае, когда: выделены задачи и гипотезы; определены объект и предмет наблюдения, а также категории, условия, единицы наблюдения; подготовлен инструментарий (дневник, протокол, аудиовизуальные технические средства фиксации и т.д.).

Под наблюдением в социальных науках подразумевают прямую регистрацию событий исследователем с помощью органов чувств (зрение, слух) или специальных записывающих приборов. При этом чаще всего предполагается, что исследователь не предпринимает никаких попыток воздействия на объекты наблюдения, выступая лишь в качестве беспристрастного очевидца происходящего.

Особенность наблюдения в социальных науках состоит в том, что непосредственно видеть и фиксировать можно только факты, относящиеся к внешнему поведению (движения, словесные высказывания и т.д.). Наши мысли, мнения, ценностные ориентации наблюдать невозможно. Правильность результатов наблюдения зависит не только от точности регистрации фактов поведения, но и от их истолкования — определения психологического смысла. Наблюдение обычно применяется, когда необходимо получить первоначальное представление о какой-либо стороне поведения, выдвинуть предположения о ее социальных причинах. Гипотезы можно выдвигать и в рамках наблюдения, однако ученые предпочитают проверять их при помощи других видов исследования, например анкетирования или эксперимента, где используется более сложный арсенал методов, в том числе основанных на математической статистике.

Наблюдая драку на улице или тушение пожара, нужно говорить о повседневном и случайном наблюдении. Повседневное наблюдение не носит избирательного или целенаправленного характера. Иначе говоря, у него нет и никогда не было четко выделенного предмета и объекта наблюдения.

Согласно В.А. Ядову научное наблюдение отличается от обыденного тем, что: а) подчинено ясной исследовательской цели и четко сформулированным задачам; б) планируется по заранее обдуманной процедуре; в) все данные фиксируются в протоколах или дневниках по определенной системе; г) информация, полученная путем наблюдения, должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость².

4.2. Виды наблюдения

В социологии виды наблюдения подразделяются следующим образом:

1. По *форме организации* выделяют: формализованное (структурированное, стандартизированное, контролируемое) и неформализованное (неконтролируемое, простое, бесструктурное) наблюдения.

Первое обычно структурировано жесткой программой, а второе — лишь общим принципиальным планом. В жестко формализованном наблюдении разрабатывается детальный инструментарий (карточки и протоколы). Неформализованное наблюдение не дает информации о тенденциях и закономерностях протекания событий. Оно служит подготовительным этапом к проведению более тщательного формализованного наблюдения или же предшествует эксперименту.

По степени формализованности В.А. Ядов выделяет неконтролируемое (или нестандартное, бесструктурное) и контролируемое (стандартизованное, структурное) наблюдения. В первом исследователь пользуется лишь общим принципиальным планом, во втором — регистрирует события по детально разработанной процедуре³.

Неконтролируемое наблюдение во многом похоже на обыденное созерцание событий. Его может провести каждый из нас. Здесь нет четкой программы, выдвижения гипотез, операционализации понятий и множества других вещей, которые обязательны при любом научном мероприятии. Напротив, контролируемое наблюдение имеет жесткую программу, опирается на продуманную теорию и детальный анализ проблемы исследования. Составлению жесткой процедуры контролируемого наблюдения предшествует детальный анализ проблемы на основе теории и данных неконтролируемого наблюдения. Впервые метод контролируемого наблюдения использовал американский психолог Р. Бейлз (1950) для изучения последовательных фаз в групповой деятельности.

Контролируемым может быть как включенное, так и невключенное наблюдение. Пример строго научного исследования — включенное наблюдение социолога В.Б. Ольшанского. В течение нескольких месяцев он адаптировался к малой рабочей группе. Появившаяся на более позднем этапе программа формализованного обследования включала интервью, опросы и групповые дискуссии.

Какие бы названия ни предлагались в методической литературе, но суть первого критерия классификации типов наблюдения заключается в том, насколько детализированы, прописаны и выверены те процедуры, которые ученый намерен применить в своем наблюдении. Первый критерий выстраивает все множество видов наблюдения на некотором континууме, один полюс которого образован жесткими типами (назовем их хард-стратегиями), а второй — мягкими (софт-стратегиями). Между ними размещается все многообразие реальных наблюдений, в которых ученый в зависимости от поставленных целей, научных предпочтений или

вкусов может градуировать степень жесткости и мягкости. Причем, смягчая процедуру, он необязательно поступает научными принципами. Так, например, представители качественной социологии предпочитают софт-стратегии и добиваются великолепных научных результатов.

2. По *степени включенности* наблюдателя выделяют: невключенное (простое) наблюдение, когда исследователь пассивно фиксирует интересующие его данные о явлении, не вмешиваясь в ход его протекания; включенное (участвующее, соучаствующее) наблюдение, которое называют еще исследованием «в маске», предполагает, что социолог действует под вымышленным именем, скрывает истинную профессию и, конечно же, цели исследования. Окружающие не должны догадываться о том, кто он такой.

Если регистрация события производится «со стороны», т.е. исследователь не вмешивается в сам процесс, то наблюдение считается невключенным. Осуществляя его, наблюдатель обязан находиться вне изучаемого объекта, воспринимать этот объект со стороны, никоим образом не вмешиваясь в естественный ход событий, в том числе не задавая наблюдаемым никаких вопросов. Напротив, когда ученый имитирует вхождение в социальную среду, адаптируется к ней и анализирует события «изнутри», наблюдение считается включенным, или участвующим.

Когда социолог изучает поведение забастовщиков, уличной толпы, подростковой группировки или бригады рабочих, не вливаясь в ряды их участников, то он проводит невключенное наблюдение. Если же он встал в ряды забастовщиков, присоединился к толпе, участвует в подростковой группировке или если устроился работать на предприятие (участие может быть анонимным или неанонимным), то он проводит включенное наблюдение.

Примером невключенного наблюдения выступает изучение научных заседаний. С помощью специальных картотек наблюдения социолог фиксирует поведение докладчика и реакции аудитории, скажем, одобрительные (или неодобрительные) реплики, возгласы, разговоры, вопросы к выступающему и т.д. Обобщая данные, специалист регистрирует количество проявлений поведенческих реакций, а также их интенсивность (силу проявлений). Невключенные наблюдения достаточно широко распространены в социологии, этнографии, демографии, социальной психологии, экономике. Гораздо реже встречается включенное наблюдение, хотя оно является наиболее интенсивным способом получения информации.

3. По *форме взаимоотношений* ученого с испытуемыми специалисты выделяют скрытое и открытое наблюдения.

Когда участники деятельности не догадываются о присутствии исследователя, говорят о скрытом наблюдении. Оно позволяет минимизировать корректирующее воздействие наблюдателя. Этим скрытое наблюдение отличается от открытого, в котором исследователь сообщает участникам о своих намерениях. Скрытое и открытое наблюдения нередко трактуются как две разновидности включенного наблюдения. Иногда они разводятся, и тогда специалисты говорят: надо различать прежде всего включенное и невключенное наблюдение, а характеристики «скрытое» и «открытое» выступают их побочным продуктом.

Термины «включенное» и «скрытое» могут выступать синонимами, обозначающими один и тот же вид наблюдения. Но они же могут обозначать разные типы исследования. Так, наблюдение может быть включенным, но открытым. Оно происходит в тех случаях, когда исследователь сообщает наблюдаемым, кто он на самом деле, но проводит свое исследование, трудясь на заводе, скажем, штукатуром. Он включен в социальную ситуацию, но работает «без маски».

Наблюдение может быть включенным и скрытым одновременно, если исследователь действует инкогнито и находится в социальной ситуации. Наблюдатель может имитировать новичка в населенном пункте, где все знают друг друга, а его появление не останется незамеченным. Цели своего пребывания исследователь не открывает, подбирая любой подходящий предлог.

Одна из модификаций скрытого включенного наблюдения — так называемое стимулирующее наблюдение, в ходе которого исследователь создает новую экспериментальную обстановку с тем, чтобы выявить скрытое состояние объекта, не демонстрируемые на людях черты поведения. Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — как бы провоцирует нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других⁴. Он может, исследуя уровень социального самосознания наемных работников, подговорить руководителей фирмы в определенные моменты прибегать к авторитарным приемам, нарушению прав личности или трудового договора, злоупотреблению служебным положением, мошенничеству и др., регистрируя реакцию наблюдаемых. Таким образом, стимулирующее наблюдение характеризует активную социальную позицию ученого, который поощряет наблюдаемого к определенным действиям, а иногда и провоцирует их.

В популярном цикле телепередач под названием «Скрытой камерой» обычных прохожих ставят в неожиданные, иногда парадоксальные ситуации, а затем фиксируют происходящее на ви-

деокамеру. У социальных психологов он называется методом наблюдения экспериментально созданных ситуаций. Суть его в том, что наблюдатель провоцирует определенные действия, например, фиксирует, как ведут себя пассажиры в ситуации, где предполагается уступить место инвалиду, пожилому человеку и т.п.

Метод включенного (участвующего) открытого наблюдения в первой половине XIX в. применял для изучения положения английского рабочего класса один из родоначальников марксизма Ф. Энгельс. Его книга «Положение рабочего класса в Англии» имеет подзаголовок: «По собственным наблюдениям и достоверным источникам». В обращении к английскому пролетариату он написал:

«Рабочие!.. Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы... но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал»⁵.

Современный образец такого типа наблюдения дает исследование И.А. Рязжских, изучавшего организацию труда в коллективе строителей. Задачи, стоявшие перед исследователем, — изучить особенности процедуры приема нового человека в состав бригады — обусловили отказ от принципа анонимности наблюдения. Но и публичная форма наблюдения дала возможность вскрыть и изучить многие моменты, сдерживающие широкое распространение новой формы организации бригадного труда.

4. По *месту проведения* наблюдения делятся на две разновидности: полевые и лабораторные.

Первые проводятся в естественных условиях, а вторые — в искусственных, т.е. заранее созданных условиях. Лабораторные наблюдения распространены в психологии и социальной психологии, но их мало в социологии и антропологии. Трудно вообразить, каким образом племя аборигенов можно переместить в городскую лабораторию, не нарушив естественно сложившейся между людьми системы взаимоотношений.

5. По *регулярности проведения* наблюдения делятся на систематические (по заранее разработанному плану изучения объекта в течение определенного времени) и несистематические (проводятся без всякого заранее составленного плана в течение неопределенного времени).

Дихотомия «систематическое—несистематическое» может принимать более дробный вид, и тогда авторы выделяют не две, а три разновидности наблюдения: систематические, эпизодические и случайные.

6. По *длительности проведения*, задачам и масштабу изучаемого явления наблюдения делятся на кратковременные (проводятся на первой стадии исследования для формулировки гипотез или контроля и пополнения данных, полученных другими методами) и долговременные, длящиеся многие месяцы и годы, призванные отследить протекание крупномасштабных либо сложно организованных социальных процессов.

В последнее время наблюдение обычно используется как один из элементов полевого экспедиционного исследования, осуществляемого по специально разработанной программе с использованием стандартных символических приемов фиксации элементов обрядности, танца и т.д. Наблюдение может проводиться за действиями как отдельного лица, так и группы (например, при отправлении обряда). В процессе наблюдения все чаще используются технические средства записи: диктофоны, кинокамеры и видеомагнитофоны.

При наблюдении в естественных ситуациях испытуемые не должны подозревать о том, что за ними кто-либо наблюдает и что их поведение оценивается. При этом неизбежно возникают этические (а иногда и юридические) проблемы, имеют место неконтролируемые влияния — например, присутствие других людей.

4.3. Включенное наблюдение

Оно вызывает исключительный интерес как в среде студенчества, так и у самих исследователей. Его можно считать самым экстравагантным и рискованным видом занятия социолога из всех, какие ему приходится выполнять.

Включенным называется наблюдение, при котором исследователь в той или иной степени включен в изучаемый объект и находится в непосредственном контакте с наблюдаемыми, принимая участие в их деятельности.

Напомним, что включенное наблюдение именуют участвующим наблюдением, а также исследованием «в маске» за скрытое проникновение ученого в среду наблюдения. Социолог действует под вымышленным именем, скрывает истинную профессию и, конечно же, цели исследования. Окружающие не должны догадываться о том, кто он такой. Ученый инкогнито может устроиться

на завод и в течение нескольких месяцев проходить производственную практику в качестве стажера, а если у него есть соответствующая квалификация, то и рабочим.

В зависимости от целей исследования объектами включенного наблюдения могут служить: элементы деятельности; категории действий; объект или лицо, выступающее центром внимания группы; индивид как представитель определенной статусной группы; условия, в которых происходит событие.

За рубежом одним из первых включенное наблюдение появилось в Германии в 1890 г. П. Горэ работал в качестве фабричного подмастерья в течение трех месяцев и каждую ночь делал заметки с тем, чтобы исследовать фабричную жизнь. Его работа повлияла на университетских ученых, включая М. Вебера.

Классический пример включенного наблюдения представил в 1936—1939 гг. сотрудник Гарвардского университета В. Уайт, который и ввел этот метод наблюдения в научную практику⁶. В участвующем наблюдении единственный способ снять помехи от вмешательства исследователя — полное вхождение в изучаемую среду, завоевание ее доверия и симпатии. Для того чтобы изучить поведение и образ жизни итальянских эмигрантов, он поселился в трущобах одного из американских городов. Назвавшись студентом-историком, Уайт вошел в местную общину (он дал ей название Корневиль), изучил особый жаргон итальянского языка, подружился с главарями двух банд, научился местным обычаям, играл в карты и катанию шаров и, прожив 18 месяцев в эмигрантской семье, в конце концов был принят как «свой» человек. Вначале он делал записи тайком, но, завоевав доверие, продолжал регистрировать события открыто. К нему то ли привыкли, то ли перестали обращать внимание.

В 1960-е гг. аналогичное обследование провел американский социолог Л. Яблонски. «В одном из своих исследований бандитских формирований, — пишет он, — я понял, что лучший способ установить контакт и взаимопонимание со своими “клиентами” — говорить на их языке»⁷. Включенное, или участвующее, наблюдение предполагало занятость ученого в преступных деяниях молодежной группировки, что приравнивалось к серьезному нарушению закона и было связано с риском для жизни.

Перед ученым в подобной ситуации стоит нелегкая нравственная проблема. Чтобы быть понятым другими, он должен действовать как они, т.е. воровать, насиловать, нарушать закон. Как гражданин, социолог обязан донести полиции о любом преступлении, тем более опасном для жизни окружающих людей. Но профессиональные бандиты не любят играть в преступление, они рабо-

тают по-настоящему: жестоко, методично, без жалости и милосердия.

Взрослые преступники, делился своими наблюдениями Л. Яблонски, способны понять, что научное исследование отличается от полицейского доноса, а подростки — нет. Они склонны видеть в ученом еще одного «полицейского ищейку». Завоевать их расположение крайне трудно. Пока ученый, действующий инкогнито или открыто, не докажет своей способности идти на преступление, никто из подростков верить ему по-настоящему не станет. И только завоевав доверие, социолог сможет выявить скрытые механизмы поведения и внутреннюю структуру криминогенной среды. Никакая имитация, никакая маскировка или «игра в преступление» здесь не помогут. Поведение самого ученого в экстраординарных ситуациях — залог его научного успеха и спасения жизни.

Л. Яблонски напутствует коллег, прикладных социологов, чтобы они были крайне осторожны. Провал обеспечен, если преступники будут считать тебя «глупым быком», если нейтральной позицией ты усиливаешь преступную мотивацию своих «клиентов» или если становишься инструментом в чьей-то нелегальной деятельности. Проводя включенное наблюдение (и рискуя жизнью), ученый должен знать такие вещи, как языковые символы и мотивы поведения, ценностные ориентации, уровень ожиданий и нормы криминальной субкультуры⁸.

Австрийский социолог Р. Гиртлер исследовал венских бомжей (бродяг) как сообщество с собственной субкультурой, правилами поведения, неписаными законами, стратегиями выживания⁹. Метод Гиртлера — глубокое погружение в поле, классическое участвующее наблюдение с длительным процессом завоевания доверия, совместным повседневным времяпрепровождением. Его интересовали также биографии информантов. Он пытался понять, какие структурные факторы способствовали возникновению идентичности бродяги с соответствующим образом жизни.

Одну из первых попыток в России использовать метод включенного наблюдения при изучении народного читателя предпринял в начале XX в. С.А. Рапопорт (публиковался под псевдонимом С. Анский), который, следуя традиции народнического движения, работал шахтером, устраивал громкие читки для рабочих и обсуждения прочитанного, наблюдая их восприятие, понимание и отношение к содержанию книг¹⁰.

Подобное исследование провел А. Горяновский¹¹. В течение 40 дней 1989 г. он работал, естественно, «в маске», в строитель-

ном кооперативе, «славящемся» своими махинациями. Но не рядовым исполнителем, а главным «снабженцем». Благодаря этому социологу удалось установить структуру теневой экономики, каналы расхищения материалов, способы присвоения незаработанных денег, механизм тайных сделок в подпольном бизнесе. Как и У. Уайту на первых порах, нашему социологу на протяжении исследования приходилось прятать свои записи, тщательно маскироваться и контролировать каждый шаг. Хорошо составленная программа и ее искусная реализация на практике позволили получить уникальный материал о поведении людей.

Скрытое включенное наблюдение, когда участники деятельности не догадываются о присутствии исследователя, позволяет минимизировать корректирующее воздействие наблюдателя. Этим скрытое включенное наблюдение отличается от открытого, когда исследователь сообщает участникам о своих намерениях. В зависимости от условий организации включенное наблюдение может быть лабораторным и полевым. В первом случае сбор информации осуществляют в искусственно созданных для наблюдений условиях, во втором наблюдение проводится в реальной жизненной обстановке.

К методам включенного наблюдения путем «смены профессии» отечественные журналисты обратились еще в 1960-е гг. А. Гудимов в «Экономической газете» опубликовал серию репортажей о непростых отношениях ГАИ и шоферской братии, о трудных дорогах водителей-«дальнобойщиков», о необычных заботах продавца киоска. Журналист, перевоплотившийся в автоинспектора, прибегнул для сбора материала к одному из методов активного репортерского поиска. После А. Гудимова была еще книга А. Трубниковой о ее приключениях в женском монастыре, куда она проникла под видом смиренной послушницы. Можно также назвать блестящие репортажи М. Кольцова «В норе у зверя», цикл очерков В. Горбатова «Обыкновенная Арктика», построенный на включенном наблюдении журналиста, принявшего облик полярника, благодаря которому ему удалось изнутри познать бытовые трудности полярной зимовки¹².

А в западной журналистике прославился Г. Вальраф, который под вымышленным именем работал в издательском концерне Шпрингера, на себе испытав все превратности судьбы гастарбайтера. Особая убедительность репортажей со сменой имиджа автора кроется в необычности приемов самого сбора информации, а также в результатах дерзкого поиска. В итоге — уникальные детали и подробности, «потаенная» до поры до времени информация, «теневые» отношения официальных авторитетов, хитроумные

способы уклонения от законов и грозных инструкций — весь этот «улов» новой информации вмиг возвысил общественную значимость прессы, подчеркнул ее естественную склонность к независимости в ее отношениях с властями¹³.

Смена профессии в карьере журналиста, равно как и в деятельности социолога, пользующегося методом включенного наблюдения, требует известного артистизма и театрального перевоплощения. Необходимо так изменить свой имидж, т.е. комплекс видимых другими примет, идентифицируемых именно с этим человеком, чтобы быть неузнанным. При этом менять приходится не только индивидуальные, но и общепрофессиональные черты. Исследователь принимает новый облик — от костюма до нового стиля поведения. Иной имидж включает его в систему неведомых ранее отношений, обогащает уникальной, порой сенсационной, информацией. Сменить здесь имидж равносильно добровольному уходу со сцены, — если, конечно, не следовать примеру мыслителей древнего Востока, советовавших популярному писателю сменить литературное имя и под псевдонимом, в амплуа новичка, возвратиться на литературный Олимп¹⁴.

Феномен попрошайничества методом участвующего наблюдения в 2000-е гг. изучала М. Кудрявцева¹⁵, которая в течение нескольких месяцев вживалась в роль нищенки и просила подаяние. Прибегнуть к количественным методам ее вынудили проблемы доступа к полю, т.е. необходимость налаживания доверительных отношений между исследователем и информантами в течение длительного времени. В подобных условиях традиционное анкетирование и статистический анализ данных не подходят.

Включенное наблюдение требует от социолога непосредственного взаимодействия с интересующими его людьми, принятия исследователем определенной социальной роли. Все информанты знали об официальном статусе исследовательницы (студент, а затем аспирант). Элементом участвующего наблюдения являлось так называемое «стимулирующее» поведение, когда ученый занимает активную позицию и провоцирует ответные реакции у своих информантов. Помимо участвующего наблюдения М. Кудрявцева применяла также скрытое наблюдение, когда информанты не знали о присутствии наблюдающего за ними социолога. Документально работа фиксировалась в дневнике наблюдений на основании полевых заметок. В начале исследования она пробовала брать интервью и записывать их на пленку, но очень скоро отказалась, поскольку диктофон отпугивал информантов. В дальнейшем М. Кудрявцева старалась запомнить ключевые слова, основные моменты беседы и восстанавливала диалог уже дома на

страницах дневника. Информантами выступали профессиональные нищие, т.е. люди, здоровые по природе, но притворяющиеся инвалидами с целью заработать на жизнь, а иногда и обогатиться таким способом. В результате проведенного исследования удалось выявить и описать несколько социальных типов нищих и моделей попрошайничества: «пенсионер(ка)», «церковные нищие», «мать-одиночка», «очень больная старая женщина или юродивая». М. Кудрявцева пришла к выводу о том, что современные нищие, разыгрывающие уличные спектакли, умеют прекрасно манипулировать производимым впечатлением, что выступает несомненным признаком актерского профессионализма. Манипуляцией является сам выход нищего на улицу, «на сцену». Его презентация направлена на то, чтобы соответствовать представлениям о нужде, обездоленности, несчастье. Если собственных ресурсов недостаточно, то нищий прибегает к дополнительным манипулятивным техникам (наклеивание бороды, использование грязной одежды, заворачивание в одеяло полена вместо ребенка и т.п.).

Включенное наблюдение может происходить в обычных условиях, например на стройке или заводе, и в необычных условиях. Специалисту в области социальных наук нередко доводится иметь дело с наркоманами, владельцами оружия, членами уличных шайк, бандитских формирований, «преступных синдикатов», с уголовниками и профессиональными ворами. Проводя включенное наблюдение в криминальной субкультуре, ученый часто рискует жизнью. К рискованным мероприятиям можно отнести также участие социолога в забастовочном процессе. Профессиональный социолог в рядах забастовщиков — явление необычное для зарубежной, а тем более отечественной социологии. Армянский социолог Г.А. Погосян провел включенное наблюдение в ходе забастовки, происходившей в июле 1988 г. в Ереване. Его интересовали социальная динамика явления, характер и типы поведения людей, мотивы и ценности их поступков. По вполне понятным причинам анкетный опрос в такой ситуации провести невозможно. И наш коллега оказался в двойственном положении: исполнитель профессиональной роли и участник забастовочного движения, тактика научного метода требовала нейтральной оценки явлений, а цели забастовки — активного участия в них.

На собственном опыте социолог-«забастовщик» убедился, что противоречивость ролей исследованию никак не мешала. Отношение забастовщиков к представителям интеллигенции в их рядах было терпимым и даже дружеским. Г. Погосяну удалось выявить не только уровни забастовочного движения, детали его организации, логику поведения людей, принимающих участие в открытых

формах демократического протеста, но и сложную, нелинейную мотивационную структуру поступков.

Научно спланированное включенное наблюдение имеет жесткую программу, опирается на продуманную теорию и детальный анализ проблемы. Но предпосылкой для такого анализа вполне могут служить данные неконтролируемого наблюдения. Примером такого двухэтапного социологического исследования может служить опыт В.Б. Ольшанского, тогда сотрудника Института философии АН СССР, проведенный в 1970-е гг. Первым шагом служило включенное наблюдение. Он поступил на завод им. Владимира Ильича и проработал там несколько месяцев в бригаде слесарей-сборщиков. За это время он достаточно сблизился с рабочими, стал в их среде что называется «своим парнем».

Создав нужный плацдарм, В. Ольшанский приступил ко второму этапу, построив программу формализованного обследования, которая включала интервью, опросы и групповые дискуссии¹⁶. Он изучал жизненные устремления молодых рабочих, нормы коллективного поведения, систему неофициальных санкций к нарушителям, неписанные «можно» и «нельзя». При совместном анализе наблюдений и данных анкетирования, проведенного социологами в период осуществления включенного наблюдения, была получена ценная информация о процессах, происходящих в производственном коллективе, о механизме становления «группового сознания».

Лидеры знаменитой чикагской школы социологии — Дж. Мид, Р. Парк, Э. Хьюз, Э. Берджес, Г. Беккер, Э. Гоффман, У. Уайт, А. Страусс — в бытность аспирантами участвовали в многочисленных эмпирических исследованиях, основным методом сбора данных в которых выступало включенное интервью. После себя они оставили прекрасные образцы описания символического взаимодействия в социальных ролях, в которых они побывали: водителем такси, медсестрой-стажером (точнее сказать, медбратом), парикмахером, работником телевидения, музыкантом в стиле джаз и даже начинающим наркоманом. К ним относятся, в частности, социологические очерки Р. Парка и знаменитая книга У. Уайта «Общество на углу улицы»¹⁷. А молодой А. Страусс вскоре станет ведущим специалистом в области качественной методологии и напишет великолепный учебник, переведенный недавно на русский язык¹⁸. Будучи журналистом, Р. Парк описывал особенности поведения обитателей трущоб. Он изучал социальные типы там, где обитают их живые воплощения: преступников — в подвалах, китайских крестьян — в деревенских лачугах, соплеменников отважного Робина Гуда — в непроходимых лесах, ковбоев —

на Диком Западе, последователей Аль Капоне и Анастаси — на улицах больших городов.

Преимущество включенного наблюдения состоит в том, что оно дает социологу самые яркие и непосредственные впечатления о среде, помогает лучше понять поступки людей в реальной жизненной ситуации. Отсюда же вытекает и его недостаток: исследователь может потерять способность объективно оценивать ситуацию, как бы внутренне переходя на позиции тех, кого он изучает. Как правило, итогом включенного наблюдения является социологическое эссе, а не строго научный трактат.

Включенное наблюдение требует определенного периода адаптации наблюдателя и коллектива. Опыт использования этого метода показывает, что срок адаптации длится от 4–5 дней до 2–3 недель и зависит от личных качеств наблюдателя, его пола и возраста¹⁹.

4.4. Наблюдение у этнографов и антропологов

Развитие этнографии как науки было связано, в частности, с переходом от сбора отдельных сведений о культуре народов к стационарному наблюдению, при котором исследователь достаточно долго живет в среде изучаемой группы. Различают простое и включенное наблюдение (в первом случае исследователь «пассивно» фиксирует интересующие его данные, во втором — проникает внутрь изучаемой группы и принимает участие в ее деятельности). В последнее время наблюдение обычно используется как один из элементов полевого экспедиционного исследования, осуществляемого по специально разработанной программе с использованием стандартных символических приемов фиксации элементов обрядности, танца и т.д. Наблюдение может проводиться за действиями как отдельного лица, так и группы (например, при отправлении обряда). В процессе наблюдения все чаще используются технические средства записи: диктофоны, кинокамеры и видеоманитофоны²⁰.

Этнографам приходится уделять внимание тысячам деталям повседневной жизни аборигенов, с которыми прежде они никогда не сталкивались или о которых знали — до выхода в «поле» — только по литературе. Им приходится фиксировать множество поведенческих актов таким образом, чтобы они были понятны европейцу и не противоречили культурным нормам тамошнего общества. Первые дни, а иногда недели все фиксируемые при наблюдении обстоятельства кажутся антропологам очень странными и непривычными. Затем он привыкает к ним и воспринимает проис-

ходящее как нормы обыденной жизни чужого ему социального мира.

Многие этнографы записывают данные своих наблюдений в *личный дневник*, который они держат отдельно от основного массива данных, полученных в полевом исследовании. Позже такого рода заметки о своих первых впечатлениях помогут при интерпретации самых важных тем проведенного исследования. Личный дневник содержит порой самые незначительные мелочи: сведения о климате и смене погоды, запахах, высоте голоса у местного населения, особенностях их речи, даже о том, как они прикрывают рот при разговоре или еде, как они смотрят на собеседника и как меняются их эмоциональные реакции в разных ситуациях.

О важности ведения личного дневника говорил один из первых антропологов Б. Малиновский, который назвал его «случайными заметками о жизни и типичном поведении туземцев». Его ценность заключается в том, что первые впечатления проходят мимо рассудочного контроля. Они строятся на бессознательном и не включаются в рациональные научные схемы. Иногда первые впечатления резко расходятся с тем конечным результатом, который попадает в научный отчет или монографию. Известно, что Б. Малиновский запретил публиковать свои полевые дневники до своей смерти. Они были опубликованы в конце 1960-х гг. и вызвали настоящий шок в антропологическом сообществе: настолько иной представляла с их страниц культура тробриандцев. Конечно, это не значило, что в своих книгах Малиновский писал ложь, а в дневниках правду — это было лишь выражением его стрессов, срывов, естественных в поле, и способом преодоления этого состояния, ни единого намека на которое в его опубликованных работах нет²¹.

Специфика антропологической работы заключается в том, что этнограф в отличие от психолога не может привлечь туземцев в лабораторию и поставить над ними опыт. Лабораторный эксперимент — искусственная среда науки, привычная жителям индустриального общества, которые с удовольствием соглашаются поучаствовать в «ученых забавах». Подопытных кроликов никто не приглашает к эксперименту, их принудительно подключают к аппаратуре и, запуская те или иные раздражители, скажем, ток заданной частоты, фиксируют ответную реакцию. Но этнографы покидают уютные кабинеты, за тысячи километров отправляются в непроходимые джунгли или непролазную тундру, где проводят свои исследования, каждый день бок о бок сотрудничая с аборигенами. Здесь нет измерительной аппаратуры, а антрополог не может зафиксировать ответную реакцию на заданный раздражи-

тель. Лабораторный эксперимент разрушит то, что он призван изучить — непосредственную данность повседневных отношений. К тому же интерпретировать ответную реакцию адекватным способом нельзя, поскольку речь идет об объекте исследования, с которым раньше этнограф не сталкивался. Этот объект, хотя и не бессловесный, как подопытный кролик, но разговаривает он совсем на другом языке.

Целый год К. Коттак²² провел в деревушке Бетсилио на Мадагаскаре в 1966–1967 гг., наблюдая за местным населением и формируя личный дневник. Полученные им результаты можно со всем основанием отнести к данным участвующего наблюдения, поскольку американский антрополог принимал самое деятельное участие во всех областях жизнедеятельности туземцев, а именно ночевал в одной с ними хижине, а потому мог видеть все детали утреннего туалета, завтрака, обеда и ужина, рождения и воспитания детей, приготовления пищи и приготовления мужчин к охоте. Он собирал вместе с ними урожай, ходил на охоту, принимал участие в племенных ритуалах (инициация, имянаречение, похороны), слушал их легенды и предания, сопровождал крестьян в город и помогал продать урожай на рынке.

Он наблюдал местную жизнь как сторонний человек и в то же время помогал им решать те или иные проблемы. Он не скрывал своего имени, целей и процедуры записи, как это делается во многих случаях включенного (анонимного, секретного) наблюдения. Да и не мог этого сделать при всем своем желании, так как слишком отличался по внешнему виду и поведению от аборигенов.

На северо-востоке Бразилии находится Штат Баия, известный в Бразилии и в мире под названием *Tierra de Felicidad* — Земля счастья. Кокосовый рай — самое красивое место в южном полушарии! Отсюда начинается открытие и освоение Бразилии — в начале XVI в. сюда пристала эскадра португальского адмирала П.А. Кабрала. Здесь родились самба и карнавал, а позже — ламбада. Этот район представляет собой биосферный экологический парк, который находится под охраной государства. На этом побережье в старинной рыбацкой деревушке Арембепе в 60-е гг. XX в. была международная коммуна — «рай» хиппи. Побывал там и антрополог К. Коттак, изучавший быт бразильских рыбаков. На своем джипе он отвозил в столицу штата беременных женщин, больных туземцев и свежую рыбу, помогая местным жителям. Антрополог танцевал с ними на осенних фестивалях, распивал местное вино по поводу дней рождения и даже стал крестным отцом девочки из этой деревни. Гуманитарная помощь и součas-

тие стали неразрывными элементами научного наблюдения, помогая К. Коттаку лучше узнать людей.

4.5. Квазиантропологическое наблюдение

Квазиантропологический подход рассматривает современное научное сообщество по аналогии с примитивным племенем. Разумеется, аналогия не столько содержательная, сколько методологическая, так как ученые фиксируют те же поведенческие компоненты (жаргон, жесты, контакты, нормы, ценности, ремесленные навыки), какие бы регистрировал антрополог, находясь в заброшенном племени. Эти компоненты в полном соответствии с антропологическим сценарием непонятны стороннему наблюдателю: профессиональный язык современных ученых может быть так же недоступен для однозначной трактовки, как и язык какого-нибудь племени в пустыне Калахари. В то же время тайный язык прекрасно понятен членам сообщества, поэтому они часто прибегают к намекам, отвлекающим и ничего не значащим фразам, переименованиям, иронии, двусмысленным выражениям, околонучной метафизике, кивкам и прочим мимическим жестам, имеющим смысл только для опытных членов сообщества. Ученый говорит: «Я сомневаюсь в том, что *H* есть *P*». Хотя по смыслу ситуации он ничуть не сомневается в этом.

В свое время М. Линч, Е. Левингстон и Г. Гарфинкель²³ предположили, что различие между обычной и научной деятельностью заключается в том, что вторую легче описать в терминах формальной логики. Независимую проверку высказанных идей провели и развили дальше сходные идеи Б. Лотур и его коллеги²⁴. Они применили так называемый квазиантропологический подход к реальной лабораторной жизни ученых, отслеживая ее в течение двух лет. Они проводили интервью, изучали архивы, письма, мемуары, приказы, научные отчеты и публикации, ежедневно наблюдая поведение ученых, участие в научных дискуссиях, фиксируя их речь, жесты, обрывки разговоров за обедом, интонацию, оговорки, сленг и множество других проявлений поведения. Направление, к которому они себя относят, называется антропологией науки (*anthropology of science*).

Исследование показало, что в чисто научный процесс дедуктивного рассуждения и процесс принятия решений вторгается множество иррациональных элементов, субъективных оценок, пристрастий, спонтанных реакций. Все это квалифицировалось как проявление неформальных стандартов профессиональной на-

учной практики. Авторы выяснили, что опубликованный текст иногда больше скрывает, чем раскрывает истинную позицию и взгляды ученого. Причиной служит необходимость соблюдать определенную социальную условность: не вступать в резкую полемику с оппонентами, уважительно отзываться о научных светилах, соблюдать прочие элементы научного этикета и одновременно делать статью более привлекательной, прибегая к приемам журналистики и риторики.

4.6. Интервью и беседа

Психологи убеждены, что *лабораторный эксперимент*, в ходе которого устанавливаются причинно-следственные связи между различными сторонами поведения людей, исчерпывает все возможности социального исследования. Многие из тех, кто занимается конкретной экономикой, до сих пор уверены, что только *статистический анализ*, позволяющий дать объективную картину колебания цен и товарной массы, является самым надежным мерилom экономического поведения. Психоаналитики убеждены в непогрешимости *вживания* или *вчувствования* во внутренний мир своего пациента как единственно достоверного и глубокого метода изучения человеческого поведения, его интимных сторон и скрытых мотивов. А специалисты по маркетингу не признают иных средств, кроме *изучения* того, каким образом устремления конкретного индивида связаны с его социальными характеристиками и *потребительским поведением*.

В отличие от них некоторые антропологи продолжают думать, что будто самым надежным способом познания остается *невключенное наблюдение*, в результате которого мы изучаем повседневное взаимодействие людей. Для антропологии традиционным методом познания является *полевое исследование*, предполагающее долгое проживание в поселении аборигенов. Но иногда антропологи пользуются методом, который зовется *участующим наблюдением*: ученый принимает участие в тех событиях, которые он регистрирует, наблюдает и описывает. Группа ученых, составляющая научную экспедицию, отправляется в заброшенные регионы Земли понаблюдать за обычаями, нормами поведения, ритуалами и церемониями, наполняющими жизнь примитивных племен.

Известно, что представители соперничающих дисциплин смотрят на методы своих коллег часто весьма пренебрежительно. Например, описательные методы антропологов с точки зрения

психофизиолога могут показаться крайне примитивными. Хотя хороший психофизиолог не пренебрегает описанием вовсе. Так же и антрополог, если это потребуется, воспользуется лабораторными экспериментами для проверки теории, как делает это психофизиолог.

Интервью — это обязательно целенаправленная беседа. И не просто беседа, а как бы разведывание, выяснение важных сведений, новых данных. Иными словами, способ получения информации с помощью устного опроса.

В словаре Ожегова по интересующему нас вопросу сказано: «Интервью — предназначенная для печати (или передачи по радио, телевидению) беседа с каким-нибудь лицом». Слово «интервью» происходит от английского *inter-view* и означает беседу, встречу, обмен мнениями. Действительно, вторая составляющая этого слова переводится как точка зрения, взгляд, мнение, а приставка «интер» обозначает нечто, происходящее «между» кем-то. Однако обычную беседу считать интервью неверно — она протекает стихийно. Разговор на кухне или на улице — тоже не интервью, хотя он представляет собой обмен мнениями между двумя или более людьми.

С развитием науки термин обрел дополнительное значение. Для того чтобы дать определение интервью, необходимо обозначить его отличие от других видов опроса. Ведь интервью применяют не только в социологии.

Журналист, берущий интервью у звезды шоу-бизнеса, актера, политика и т.д., первым делом стремится получить сенсационные факты. Часто ими является информация о личной жизни знаменитости. Таким образом, в журналистике ценится такая информация, которая обладает новостным, сенсационным или интригующим смыслом. С интервью мы сталкиваемся и в нашей повседневной жизни. К примеру, врач опрашивает пациента, пытается установить причины недуга. И чем точнее будут ответы больного, тем доктору будет легче поставить диагноз или прописать лекарство. В данном случае ценность полученной информации в ее точности. Сотрудник уголовного розыска опрашивает свидетеля или подозреваемого с целью получения информации, необходимой для раскрытия преступления. Полученные сыщиком данные должны быть правдивыми и максимально полными.

Таким образом, интервью надо понимать в широком и узком значении. *Интервью* — 1) жанр публицистики, беседа журналиста с одним или несколькими лицами, которая проводится в свободной манере для выяснения новых сведений, установления

недостающих подробностей, определения чьей-то позиции, взглядов на происходящее событие; 2) в науке это способ научного познания с привлечением знаний посторонних людей, последующей статистической обработкой. Интервью в руках ученого — такой же точный и четко сконструированный инструмент, как радиотелескоп.

Итак, *научное интервью* — это метод получения информации от человека в ходе живого диалога (очной беседы), согласно которому специально подготовленный исполнитель (интервьюер) задает вопросы, руководствуясь определенной целью и определенной коммуникативной тактикой (последовательность, форма постановки вопросов и т.п.). Человека, с которым беседует ученый, именуют опрашиваемым, интервьюируемым, респондентом.

Интервью — особый вид исследовательского общения с респондентом, применяемый в качестве метода сбора информации. В основе интервью лежит беседа. Однако здесь роли собеседников закреплены, нормированы, а цели ее заданы «извне» программой и задачами исследования. В силу этого интервью как исследовательское общение представляет собой мотивированное извне «псевдообщение», при котором возникает обычная межличностная мотивация. От характера общения, тесноты контакта и взаимопонимания сторон во многом зависит успех интервью, качество получаемой информации.

Процедура интервью предполагает: а) выбор объекта (т.е. лица, с которым следует проводить интервью); б) определение места и времени проведения интервью; в) запись ответов и окончательное оформление материалов.

Определение места и времени проведения интервью также либо задается предварительно в программе исследования, либо осуществляется интервьюером «на поле» исходя из конкретной ситуации. При этом очень важно, чтобы были обеспечены возможно одинаковые условия места и времени проведения интервью для всех опрашиваемых.

Как правило, в беседе с опрашиваемым интервьюер сам записывает его ответы. В некоторых случаях, чтобы облегчить его работу, не отвлекать от беседы, прибегают к помощи ассистента интервьюера, который ведет подробную запись. Нередко запись беседы проводят с использованием технических средств (диктофонов, магнитофонов), в частности при опросах общественного мнения и в журналистике.

Интервью специалисты определяют еще как проводимую по заранее разработанному плану беседу, предполагающую прямой

контакт интервьюера с респондентом, в ходе которой первый тщательно регистрирует ответы второго.

Существуют ситуации, где интервью просто незаменимы: 1) зондажные опросы экспертов на подготовительном этапе исследования, когда разрабатывается теоретическая модель предмета исследования и выдвигаются гипотезы; 2) пилотаж (пробное исследование), в котором проверяется качество методического инструментария. Метод интервью незаменим и в тех случаях, когда изучаемая проблема требует использования при формулировке вопросов таких терминов, которые могут представлять какие-либо языковые, смысловые или логические трудности для респондентов. В таких ситуациях без интервьюера не обойтись.

Применяя метод интервьюирования, расширяются возможности повышения надежности собираемых данных за счет уменьшения числа неответивших и ошибок при заполнении вопросников. При этом часто возрастает содержательность и глубина собираемой информации. Хотя она, как правило, не является репрезентативной для больших социальных групп людей. В случае непонимания респондентом смысла вопроса интервьюер всегда может прийти на помощь. В интервью более удобно, чем при анкетировании, использовать табличную форму ответов на вопросы, поскольку интервьюер задает респонденту отдельный вопрос по каждой строке таблицы и сам же фиксирует полученные ответы. В ходе интервью такой вопрос будет повторяться столько раз, сколько тем указано в таблице. Причем интервьюер при переходе от одной темы к другой может и заменять формулировку вопроса, не меняя его основной направленности²⁵.

Интервью является не массовым, а индивидуальным или групповым методом обследования. Оно применяется в дополнение к анкете, служит средством углубления или детализации полученной с ее помощью информации. В то время как анкета в сжатые сроки может дать эскиз общественного мнения нескольких тысяч человек, интервью обеспечивает ученого небольшой, но очень подробной информацией.

Наряду с неоспоримыми преимуществами описываемого метода существуют определенные его минусы.

Главные недостатки метода интервьюирования — его малая оперативность, существенные затраты времени, необходимость большого числа интервьюеров, невозможность его использования в ситуациях краткосрочных массовых опросов. Для начинающих исследователей он представляет немало трудностей, так как тре-

бует специальной подготовки и солидного тренинга. К тому же разные виды интервьюирования предполагают наличие у исследователя неоднозначных наборов знаний и умений.

Характерная черта интервью — доверительная обстановка. Но интервью глубоко персонально. Впечатляющим примером применения интервью является знаменитые Хоторнские эксперименты, состоявшиеся в США в 1927–1932 гг. Группа гарвардских ученых, куда входили психологи, антропологи и социологи, во главе с Э. Мэйо опросили 20 тыс. респондентов. И опять целью интервью служило выяснение скрытых факторов трудового поведения — тех, что заставляют рабочих снижать выработку. После того как на первоначальной стадии провалилась попытка измерить влияние материальных факторов — освещения, пауз отдыха, зарплаты — на сдерживание производительности труда, ученые прибегли к глубинному интервью.

Было установлено, что причиной является «тонкая структура» межличностных отношений в малой группе. Любой рабочий свободно мог выполнить задание, но не делал этого, боясь, что администрация срежет расценки. Возникал групповой сговор, защищавший людей от произвола начальства. «Договорные нормы» уважались рабочими как единственный закон поведения. Никакая анкета не могла обнаружить то, что респонденты намеренно скрывали от ученых. Только глубинное интервью, доверительная беседа приоткрыли занавес над тщательно скрываемой тайной — тем самым рестрикционизмом, изучением которого занимался еще Э. Тэйлор.

Хоторнские интервью отличались продуманной программой и разветвленной методикой, составленной по всем правилам современной науки. Только первая фаза реализации этой программы потребовала полгода. В качестве интервьюеров были отобраны пять мужчин и две женщины. Они обладали высокой квалификацией и хорошо знали предприятие. На время интервью людей освобождали от работы и, несмотря на обострение экономического кризиса в стране, сохранили им среднюю зарплату.

Перед основным интервью вопросник долго и тщательно «пилотировался» (пилотаж — пробное исследование). Продолжительность одного интервью — 30–90 мин. На бланке интервью вместе с ответами на вопросы записывались жалобы рабочих на условия труда. Всего их было собрано около 60 тыс. Пример записи жалобы: «дверь в подсобное помещение плохо закрывается» или «после работы я очень устаю». Все ответы и жалобы кодиро-

вались специальным методом, после чего подвергались математической обработке.

Если бы ученые ограничились формализованными вопросами и не проводили глубинного интервью, то многое в поведении людей для них осталось бы скрытым. Многие жалобы фиксировали только внешние признаки недовольства, а их причины коренились в чем-то ином. Например, рабочий накануне поссорился с женой, а придя на завод, выражал недовольство жарой и вентиляцией. У другого нечем было платить за лечение жены, и он был неудовлетворен размером зарплаты.

В отличие от Тэйлора гарвардские психологи не создали, да и не могли создать климата доверительности или, как выражался Тэйлор, «стать близкими рабочему человеку», уметь понять его с полуслова. Они компенсировали этот важный недостаток другими средствами. Вместо доверительности Мэйо предложил психологическое расслабление, непринужденность беседы в уютной, хорошо обставленной комнате. Второй способ преодолеть сопротивление рабочих и получить истинную информацию заключался в особой технике конструирования вопросника.

Мэйо и его коллеги (Ротлисбергер, Диксон, Уорнер) придерживались правил глубинного интервью и применяли довольно тонкую психологическую процедуру беседы. Во многом она базировалась на идеях З. Фрейда. Когда ученые инструктировали своих помощников-интервьюеров, им говорилось, например, что они: 1) должны слушать не только то, что человек хочет сказать, но и то, что он не хочет или не может сказать без посторонней помощи; 2) не должны интерпретировать все, что услышат или увидят, в одинаковом психологическом ключе (респондент может сказать нечто потому, что решил понравиться или просто устал); 3) не должны трактовать неправильный ответ как ошибку, а правильный — как точный факт.

Благодаря свободному интервью и продуманной методике ученые открыли много удивительного в поведении людей. В частности, обнаружилось расхождение между тем, что человек думает, и тем, что он говорит. Искусство непрямого интервью в том и состоит, что ответы интерпретируются не как голые факты, а как некие симптомы, совокупность которых постепенно раскрывает картину объективного состояния человека. Ученые придерживались правила: надо выявить лишь то, что стремился сказать сам интервьюируемый, незаметно направляя его внимание. Бессмысленно навязывать тему, которая ему не интересна. В анкетирова-

нии исследователь поступает именно так: он задает нужные ему, а не респонденту вопросы. Такова фундаментальная ограниченность анкетирования. Согласно логике научного исследования интервью применяется в самом начале, когда ученый незнаком с ситуацией. Напротив, анкета необходима на завершающем этапе, когда сформулирована общая модель и возникает потребность прояснить ее детали. Таким образом, интервью — поисковый инструмент, а анкета — средство доказательства.

4.7. Типология интервью

В научной литературе, в том числе в отечественной, приводится множество типологий видов интервью, в том числе авторских и экзотических. В одном случае все виды интервью подразделяют на относящиеся к количественной и качественной методологии. Правда, критерии отнесения достаточное размытые, а потому одни и те же виды интервью включаются как в качественный, так и в количественный подход.

Авторское употребление названий интервью не относится к какой-либо классификации, стоит в стороне от сложившейся традиции и часто не претендует на то, чтобы стать общепринятой нормой. Множественность критериев, вероятно, объясняется сложностью самого метода и активным применением в самых разных областях деятельности. Допустим, термин «открытое интервью», определяемое М. Кристофферсеном и В. Андерсеном²⁶ как саморазвивающийся и самостимулирующийся процесс уточнения, совершенствования, тщательной разработки темы, широкого употребления не нашел и употребляется скорее в качестве авторского.

Все множество видов, подвидов и разновидностей подвидов специалисты располагают на нескольких континуумах. Чаще всего предлагают следующие шкалы: качественные—количественные, жесткие—мягкие, стандартизированные—нестандартизированные, структурированные—неструктурированные, формализованные—неформализованные, направленные—ненаправленные, фокусированные—нефокусированные, директивные—недирективные, личные—групповые, открытие—закрытые интервью и др. Если присмотреться к предлагаемым континуумам интервью внимательнее, то окажется, что некоторые типологии пересекаются, нестрого разграничиваются, а иногда означают то же самое,

но выраженное разными словами. Так, стандартизация, формализация и структурированность как основания классификации видов интервью весьма близки, особенно первые два, и нередко употребляются как синонимы.

Несмотря на это, некоторые специалисты все-таки пытаются навести классификационный порядок в методическом хаосе. В частности, Н.В. Веселкова²⁷, присоединяясь к точке зрения С. Джонса, Н. Филдинга и С. Конроя, пишет о том, что *стандартизация* (от англ. *standard* — установленный образец, норма, сведение к стандарту) — это унификация параметров интервью в рамках конкретного исследования. Для каждого исследования принимается свой стандарт интервью. Только при условии стандартизации можно говорить о сопоставимости данных. В отличие от нее *формализация* (от лат. *forma* — вид, образ) — это строгое определение элементов (формы вопросов), упорядоченная совокупность которых и образует форму целого (инструментария интервью). Ярким воплощением служит формализованное интервью, где вопросы и ответы на них четко определены для всех интервьюеров и они не имеют права от них отступать. Зато в неформализованном интервью ничего подобного нет. Таким образом, когда говорят о стандартизации, то методисты подразумевают определенные требования к ситуации и процедуре интервью, а под формализацией понимают внешний вид инструмента, формулировку вопросов и закрытий к ним. Под *структурированием* (от лат. *structura* — строение) понимается формирование устойчивых связей между элементами интервью, установление между ними стилового соответствия, упорядочивание их. Под *недирективностью* обычно подразумевается мастерство нейтрального (несуггестивного) опроса, нацеленного на минимизацию «эффекта интервьюера». В определенном смысле недирективность является стандартом любого интервью, в том числе формализованного, и распространяется только на зондажные вопросы о мнениях.

Обобщив всевозможные типологии, мы приходим к выводу: виды интервью различают по трем главным критериям — степени стандартизации вопросов, числу обсуждаемых тем и количеству опрашиваемых. Наибольшее количество подвидов дает первый критерий, а именно то, в какой степени стандартизирована ситуация беседы, т.е. насколько жестко и подробно разработаны правила установления контакта с респондентом, последовательность вопросов и их формулировка, возможности в ходе беседы принимать собственные методические решения.

В зависимости от степени стандартизации вербального диалога выделяют два основных вида интервью:

1. *Формализованное интервью* (беседа по детально разработанной программе, включающей в себя последовательность и конструкцию вопросов, варианты возможных ответов) с закрытыми и открытыми вопросами. Этому виду можно было бы дать максимальную оценку по шкале стандартизации, если бы мы ее построили.

2. *Неформализованное интервью*²⁸ (длительная беседа по общей программе, но без уточнения конкретных вопросов, с минимальной детализацией поведения интервьюера) характеризуется минимальным уровнем стандартизации.

По второму критерию — числу обсуждаемых тем — виды интервью подразделяются на:

1. *Фокусированное, или направленное*²⁹ интервью (подробное обсуждение одной темы, с которой респондент заранее ознакомлен; план такого интервью предусматривает лишь перечень вопросов, которые надо обязательно рассмотреть во время беседы, однако последовательность и формулировка вопросов могут меняться в зависимости от конкретной ситуации беседы, индивидуальных особенностей опрашиваемого). На воображаемой шкале стандартизации этот вид занял бы промежуточное положение, поскольку представляет собой следующую ступень к уменьшению предписанности и несвободы во взаимодействии интервьюера и опрашиваемого.

2. *Нефокусированное (ненаправленное) интервью*, где нет предметного единства, общей темы или исследовательского замысла. Здесь царствует тематическая «солянка», вопросы на самые разные темы перемежают друг друга, не образуя логической последовательности.

Фокусированным, на наш взгляд, является лишь такое интервью, которое посвящено одной теме и позволяет ее рассматривать с разных сторон. Когда начинают играть с терминами «фокус» и «фокусировка», получают множество нелепостей. У одних появляется фокусировка на источнике информации (тенденция некоторых слушателей оценивать источник информации, а не саму информацию), у других — фокусировка на респонденте, например в том случае, если последний ему чем-то не нравится. Третьи говорят о фокусировке на фактах (когда факты вторичны по отношению к мыслям и идеям).

В самостоятельный класс выделяют даже интервью, фокусирующееся на предмете, и «самофокусирующееся» интервью³⁰. Можно еще фокусироваться на эмоциях, переживаниях опрашиваемого, окружающей обстановке и т.п. Расширение смысла в данном слу-

чае не идет на пользу науке, так как фокусировка вовсе не равнозначна переносу внимания человека с одного предмета на другой. Фокус, как учит нас физика, должен быть один. Иначе это не фокус, а нечто иное.

Фокусированное и свободное интервью обычно используется при опросе экспертов, где надо полнее учесть содержание высказываний высококвалифицированных специалистов. Те же разновидности опроса применяются в поисковых, разведывательных исследованиях, когда исследователь только «нащупывает», т.е. определяет содержание и границы проблемной ситуации.

Формализованное интервью может быть фокусированным (целенаправленным, направленным, концентрированным), т.е. посвященным изучению одной темы, интересующей исследователя, и нефокусированным.

Поскольку параметр фокусированное–нефокусированное относится как к формализованному, так и к неформализованному видам интервью, то все вместе они образуют своего рода логический квадрат (рис. 9). Так в единое целое сплетаются два главных вида интервью, выделенных по степени стандартизации задаваемых вопросов (формализованное и неформализованное) и числу обсуждаемых тем (фокусированное и нефокусированное). Их соединение возможно потому, что оба критерия не исключают, а дополняют друг друга. Соответственно дополнительными надо считать и четыре вида интервью.

	Формализованное	Неформализованное
Фокусированное		
Нефокусированное		

Рис. 9. Логический квадрат основных видов интервью

По третьему главному критерию виды интервью подразделяются на:

1. *Индивидуальное*, или личное интервью (беседа тет-а-тет интервьюера с одним опрашиваемым в доверительной обстановке и отсутствие посторонних наблюдателей).

2. *Групповое* интервью (беседа одного интервьюера, который в этом случае называется модератором, с несколькими людьми для выяснения коллективного мнения, установления общей точки зрения на предмет). Главные разновидности — фокус-группа и мозговая атака.

Помимо указанных трех главных критериев классификации видов интервью — стандартизация вопросов, число тем, количество опрашиваемых — существуют дополнительные. Так, например, каждый из трех охарактеризованных типов интервью может различаться по времени проведения исследования. Иными словами, интервью может быть однократным (разовым) или многократным (через определенный промежуток времени). Во втором случае оно приобретает статус повторного или лонгитюдного исследования.

Еще одним дополнительным (неглавным) критерием классификации выступает место проведения интервью. По этому критерию выделяются следующие его разновидности:

1. *Интервью по месту жительства*. В домашней обстановке человек располагает большим временем. В привычных условиях он охотнее отвечает на острые вопросы, требующие сообщения критической информации об отрицательных фактах и явлениях. Беседа приобретает менее официальный характер, чем в служебном помещении. Домашняя обстановка настраивает на достаточно длительное интервью с высокой степенью концентрации на проводимом обследовании. Для маркетолога этот способ ценен еще и тем, что легко устанавливаются доверительные отношения, возможен показ образцов товара, рекламных материалов и т.п. Желательно предварительное согласование сроков интервью по телефону. Однако это дорогой метод сбора данных.

2. *Интервьюирование посетителей магазинов*. Компании, проводящие такие обследования, могут в крупных магазинах иметь свои офисы. Посетители магазина опрашиваются интервьюером в помещении магазина или могут приглашаться для дачи интервью в офис. С помощью данного метода без использования специальных методических подходов трудно обеспечить репрезентативность результатов обследования и вдумчивое отношение опрашиваемых к задаваемым вопросам. По сравнению с первым данный метод является более дешевым.

3. *Интервью по месту работы*, например в офисе. Интервью по месту работы, занятий, может проходить в служебном помещении. Для многих категорий респондентов именно трудовая обстановка является более привычной, естественной и располагающей к продуктивному обмену мнениями. Оно наиболее целесообразно, когда изучаются производственные или учебные коллективы, а предмет исследования связан с трудовой или экономической тематикой. Преимущества производственной среды заключаются в том, что вокруг находятся предметы, которые активизируют сознание в нужном направлении, могут подсказать или напомнить нечто важное. В маркетинге оно используется обычно при сборе информации о продукции производственно-технического и офисного назначения. Оно становится предпочтительным, если предмет опроса касается таких проблем, о которых удобнее поговорить в неофициальной обстановке, свободной от влияния служебных или учебных отношений. Такие беседы обычно посвящены вопросам электорального поведения, национальных и религиозных установок, семейного бюджета и структуры потребления и др. Этот метод, по существу, обладает теми же достоинствами и недостатками, что и первый, однако имеет более высокую стоимость проведения, обусловленную использованием более квалифицированных интервьюеров и затратами рабочего времени, которое оплачивается фирмой³¹.

По стилю ведения интервью делятся на *жесткие* и *мягкие* (третий критерий). В первом случае интервьюеру разрешается грубо перебивать респондента, ловить его на противоречиях, задавать наводящие вопросы, оказывать психологическое давление. Этот метод ведения интервью напоминает тактику поведения следователей при допросе обвиняемых и редко используется. Мягкое интервью предполагает вежливое обращение с опрашиваемым, употребление всевозможных этикетных правил и формул. Самый распространенный стиль ведения интервью находится где-то посередине и напоминает деловые переговоры двух уважающих свои и чужие права партнеров. В фокусированном интервью исследователь поддерживает все высказывания респондента, относящиеся к существу вопроса, и пресекает (в вежливой форме) высказывания, таковыми не являющиеся. Стиль ведения здесь остается мягкий, поскольку не допускаются никакие грубости по отношению к опрашиваемому. В то же время в нем сохраняются элементы директивности, присущие жесткому стилю.

Четвертым дополнительным критерием выступает целевая заданность. Интервью бывает *диагностическим*, если используется психиатром для того, чтобы глубже узнать внутренние мотивы

поведения, черты личности, расстройства, симптомы болезни. Интервью называется *клиническим*, если используется как метод терапевтической беседы с пациентом с целью оказать ему психологическую помощь, например избавиться от навязчивой идеи. В подобной беседе психолог интересуется уже не только явным, но и скрываемым (сознательно или бессознательно) содержанием ответов человека, а также их контекстом: тоном разговора, произвольными запинками, оговорками или жестами, которые способны сообщить множество дополнительных сведений о поведении пациента. В социальных науках они используются редко.

В этнографии применяются две формы интервью: глубинное интервью с основными, так называемыми ключевыми информаторами (обычно стариками, наиболее полно знающими культуру своего народа) с последующим дополнением полученных интервью по отдельным вопросам у вторичных, менее компетентных информаторов; структурные (тематические) интервью у большого числа информаторов. При изучении недавно исчезнувших компонентов традиционной материальной культуры, память о которых еще сохранилась у лиц старшего поколения, используется метод интервью с использованием таблиц узнавания, составленных по музейным коллекциям, старым рисункам, фото³².

Как бы ни разделялись или классифицировались интервью, их общая черта — доверительная обстановка при разговоре. В опросе этого не требуется, ведь анкета — безличный документ. Она дает статистически средние данные. Но интервью глубоко персонально. По ходу беседы ученый меняет порядок вопросов, в зависимости от сказанного задает новые, выясняя подробности, которые он до того не знал.

4.8. Формализованное интервью

На практике встречаются две разновидности формализованного (стандартизированного) интервью — с закрытыми и открытыми вопросами.

Формализованное интервью с закрытыми вопросами — самая распространенная и строгая его разновидность. В нем общение интервьюера и респондента строго регламентировано при помощи детально разработанных вопросника и инструкции. Интервьюер задает вопросы, организует и направляет беседу с каждым опрашиваемым, фиксирует полученные ответы согласно инструкции.

Респонденты с трудом отвечают на большое количество вопросов, даже если их 20–25, включая вопросы по демографическим характеристикам. Интервьюер должен либо ускорить темп работы, либо уговорить отвечающего продолжить интервью, либо пожертвовать точностью формулировки вопросов. Помимо того что нетерпеливость респондентов вынуждает исследователя жертвовать глубиной проработки изучаемых проблем, возникает еще и проблема неконтролируемых отклонений в процедуре сбора информации³³.

Видимо, правы зарубежные социологи, которые в формализованном интервью стараются давать максимально простые альтернативы к любому вопросу. Например, к вопросу: «Если бы это зависело от Вас: что было бы лучше — получить деньги за скот наличными или по переводу?» предлагаются варианты: «наличными; по переводу; не имеет значения»³⁴.

В противоположность им отечественные социологи нередко громоздят сложные вопросы, которые фактически являются завуалированной формой исследовательского вопроса.

Например, в исследовании жилищной проблемы к вопросу: «Как, на Ваш взгляд, необходимо распределять квартиры?» предлагались следующие ответы: «бесплатно; посредством выкупа своей квартиры через членство в ЖСК; то же самое, но предприятие оплачивает полностью или частично сумму первого взноса; квартиры, построенные за счет средств предприятия, предоставлять в долгосрочную аренду без права выкупа; другое; затрудняюсь ответить»³⁵.

В тех случаях, когда в закрытых вопросах предусмотрен длинный перечень вариантов ответов (который плохо воспринимается респондентом на слух), применяются специальные карточки. Они даются респонденту после того, как интервьюер задает вопрос: «На этой карточке перечислены разные виды занятий в свободное время. Скажите, пожалуйста, какими из них Вы обычно занимаетесь, когда у Вас бывает свободное время?» Чтобы в последующем карточки было легче соотнести с вопросом, на них проставляются номера. Формулировки вопросов рассчитаны не на чтение, а на беседу, поэтому план интервью разрабатывается не в письменном, а в устном стиле.

Если в ходе опроса возникает потребность объяснить респонденту неясное слово или смысл вопроса, интервьюер не должен давать собственное толкование, пускаться в пространные разъяснения или как-либо еще отклоняться от сути первоначальной формулировки вопроса. Методические стандарты требуют соблю-

дения следующего правила: «Вопросы следует задавать слово в слово так, как они сформулированы. Если респондент не понял вопроса, то хороший интервьюер не будет пояснять вопрос, а просто повторит его»³⁶.

Количество альтернатив к каждому вопросу должно быть минимальным. Как показывает практика исследований, даже выбор из пяти вариантов создает для респондента немало трудностей: ему сложно воспринимать вопрос в целом, подумать над каждой альтернативой и выбрать правильный ответ. Часто он начинает отвечать, не дослушав список закрытий до конца. Если интервьюер настаивает на том, чтобы были услышаны все варианты, респондент стремится выбрать из крайних альтернатив, пропуская средние значения. Разработчики плана интервью должны учитывать и особенности человеческой психологии, которая в сильнейшей степени обременена культурной спецификой.

В скандинавских странах беседа идет неспешно, рефлексивно. Напротив, для России, как считают специалисты, больше присущ импульсивный тип общения. Омские специалисты А.Г. Геринг и И.А. Огородникова по этому поводу пишут:

«Наши соотечественники стремятся быстро установить контакт, подтверждая либо опровергая мысль собеседника уже с первых слов. Обширная практика таких бесед с незнакомыми людьми в транспорте, магазине, на улице закрепила шаблоны импульсивного общения. При этом человек стремится более выразить себя в беседе, нежели выслушать другого. Следовательно, от интервьюера требуется исключительная добросовестность, ибо он может зафиксировать первые ответы и не настаивать на более внимательном отношении к другим вариантам. На подобное поведение его провоцирует не только желание быстрее выполнить свою работу, но и стремление к поддержанию контакта с респондентом. Если же он настаивает на прочтении полного списка ответов, то вольно или невольно может повлиять на выбор. Человек, не имевший опыта ответов по формализованной анкете, считает, что его первоначальный ответ не понравился “человеку с анкетой” и стремится угадать “правильный” ответ»³⁷.

Интервьюер всегда обязан помнить: его влияние на содержание ответов может быть не только очень значительным, но и неконтролируемым. Не надо забывать и другое обстоятельство: в одном опросе участвует несколько интервьюеров, и если каждый начнет давать волю своей фантазии, то полученные ими данные не удастся свести к единому итогу.

В формализованном интервью влияние интервьюера на качество данных сведено к минимуму, а надежность получаемой информации доведена до максимума. Вводная беседа с респондентом, переходы от одного раздела беседы к другому подробно разрабатываются исследователем и точно воспроизводятся интервьюером.

Таким образом, в формализованном интервью специалисту отводится второстепенная, чисто исполнительская роль. Интервьюер обязан помнить, что при формализованном анкетировании его вообще не было бы. Так что оставаться незаметным — лучшая форма участия. В свою очередь респондент должен внимательно выслушать вопрос и выбрать наиболее подходящий для него вариант ответа из набора, заранее продуманного исследователем. В этой форме опроса влияние интервьюера на качество данных должно быть сведено к минимуму. Надежность получаемой информации зависит в первую очередь от добросовестности и пунктуальности интервьюера.

Вопросы в формализованном интервью у всех специалистов, выполняющих роль интервьюера, должны формулироваться одинаковым образом и произноситься в одной и той же манере. Такова аксиома этого вида опроса. Нарушение принципа единообразия задаваемых вопросов лишает исследователя возможности впоследствии формализовать данные. Качество работы интервьюера во многом определяется качеством вопросника и инструкции к нему, разработанных исследователем.

Формализованное интервью с открытыми вопросами предусматривает меньшую степень стандартизации поведения респондента и интервьюера. Иногда такое интервью путают с другой разновидностью — свободным интервью, где нет даже плана предстоящей беседы. Открытые вопросы — не повод для свободы, но лишь еще большее ограничение для интервьюера, у которого возрастает риск повлиять на мнение респондента. Самодисциплина и ответственность в этом случае только повышаются.

Строго обязательными здесь являются план интервью, последовательность вопросов и их формулировка в открытой форме (варианты ответов не нормируются). Интервьюер воспроизводит вопросы без каких-либо отклонений от заданных исследователем формулировок, а респондент дает ответы в свободной форме. Однако регистрируют их не как попало, а в стандартном и предусмотренном инструкцией виде. Если вы пришли на беседу с магнитофоном, то можно сделать дословную запись с сохранением лексики опрашиваемого, но позже ее все равно придется закодировать и оставить от нее только абстрактные символы. Иногда применяется непосредственная кодировка ответов в ходе опроса.

В этом случае после каждого вопроса приводится схема классификации ответов, в которой интервьюер отмечает нужные позиции. Например, после вопроса: «Какие газеты Вы выписываете?» — в опроснике дается перечень газет, интересующих исследователя, а также предусмотрена позиция — «другие газеты».

Высказывания респондентов могут существенно различаться по объему, композиции, полноте, уровню информированности, аналитическому проникновению в сущность предложенного вопроса. Все эти особенности полученных ответов становятся предметом анализа. В результате данный вид интервью требует несколько больших затрат времени и труда: респондент дольше обдумывает и формулирует ответы, а интервьюер тратит больше времени на их регистрацию. Растут затраты времени на последующий анализ содержания ответов и их кодировку. Именно по этим причинам интервью с открытыми вопросами реже применяется для массовых опросов³⁸.

Формализованное интервью с открытыми вопросами предоставляет респонденту больше свободы и самостоятельности в формулировке ответов и требует от интервьюера максимально подробной, точной регистрации. Все остальные элементы ситуации опроса остаются стандартными: вводная беседа, последовательность вопросов и их формулировки. На стадии обработки для классификации и систематизации полученных данных используется контент-анализ. Чаще всего данный вид интервью применяется в пробных исследованиях для разработки вариантов вопросов, которые в основном исследовании будут сформулированы в открытой форме.

4.9. Свободное интервью

Свободное интервью характеризуется минимальной стандартизацией. Оно проводится без заранее подготовленного опросника или разработанного плана беседы. Определяется только тема беседы, которая и предлагается для обсуждения. Направление беседы, ее логическая структура, последовательность вопросов, их формулировки — все зависит от индивидуальных особенностей того, кто проводит опрос. Полученная информация не подвергается статистической обработке. Она ценна своей уникальностью. Совокупность опрашиваемых невелика (редко превышает 10–20 человек). Для обобщения ответов применяются традиционные методы анализа текстов.

Интервью предполагает предварительную разработку примерных ключевых направлений беседы. Формулировка вопросов, а также их последовательность вырабатываются в процессе интервью в зависимости от индивидуальных особенностей опрашиваемого. Такое интервью мало чем отличается от непринужденной беседы двух приятелей, доверяющих друг другу самые сокровенные помыслы. Различие, пожалуй, заключается в целях беседы. У свободного интервью как метода познания они сугубо научные.

Сторонники так называемой радикальной микросоциологии не удовлетворяются традиционным интервью. В качестве источников достоверной информации они отбирают естественные беседы и разговоры, фиксированные с помощью аудио- и видеозаписывающей техники. Современная аппаратура позволяет регистрировать то, что пропускает или не учитывает обычный интервьюер. Это эмоциональный тон беседы, ее темп и ритм, позы и жесты людей.

Микросоциологи убеждены, что самое достоверное в человеческом поведении — это спонтанные действия, а самая надежная информация — полученная из первых рук. Объект изучения они называют «микрособытием». Это, по определению Р. Коллинза, реальное взаимодействие людей, разворачивающееся в «секундной зоне». Отвечая на вопросы анкеты, респондент обязан точно формулировать свои ценностные ориентации и правила поведения. Но в реальной ситуации он не всегда способен осмыслить их. На помощь ему приходит специалист по «ультрадетальным эмпирическим исследованиям», который с помощью новейшей техники интервьюирует человека в естественной ситуации.

Метод свободного интервью активно используется представителями этнометодологии. Как известно, методы этнографии и культурной антропологии были сформированы под специфику изучаемого объекта — быта и образа жизни примитивных племен, к которым ученые выезжали на полевые исследования. Так продолжалось более 100 лет, пока в 1967 г. Г. Гарфинкель, написавший книгу «Исследования по этнометодологии», не попытался перенести в современное цивилизованное общество процедуры, применявшиеся антропологами при изучении примитивных культур. Сотни лет ученые считали, что нужно изучать те процессы и структуры, которые существуют в социальной реальности и обусловлены ею. Действительно, манеры поведения, язык, форму одежды, образ жизни любого человека, скажем, инженера или предпринимателя, определяются его социальным, в частности классовым, положением, т.е. социальной реальностью. Но Г. Гар-

финкель поставил под сомнение саму социальную реальность. С этой целью он перевернул традиционное социологическое анкетирование и интервью. Если обычно социолог стремится задавать простые и понятные респонденту вопросы, чтобы получить четкую и ясную информацию о том, где он, к примеру, проводит свой досуг или какие газеты читает, то необычный социолог Гарфинкель намеренно ставил опрашиваемых в тупик, задавая «дурацкие» вопросы. Так, например, он спрашивал юношей, почему они придерживают дверь, пропуская вперед девушку. Большинство студентов (а он, как и многие другие американские социологи, чаще всего именно их и опрашивал) отвечали: «Я считал, что такова формула учтивости и способ выказать девушке свое уважение». Подобные ответы интерпретировались им как стереотипы массового сознания, которые, не задумываясь над содержанием, отражают то, что считается само собой разумеющимся.

Свободное интервью призвано уловить помимо рационально организованной информации, например, сведения знатоков-экспертов, быть может, самое дорогое, что есть у человека и что сегодня резко возросло в своей научной цене, а именно непосредственные реакции индивида.

Интервью является не массовым, а индивидуальным методом обследования. Оно применяется в дополнение к анкете, служит средством углубления или детализации полученной с ее помощью информации. Свободное интервью применяется в тех случаях, когда исследователь только приступает к определению проблемы исследования, уточняет ее содержание в конкретных условиях того района или предприятия, где будет проходить опрос. Например, планируя исследование читательских интересов (к прессе), исследователь может провести серию свободных интервью, чтобы выяснить, какая пресса издается либо завозится в город, каковы условия ее приобретения, каковы традиции ее чтения и др.

Такое интервью по своей научно-познавательной функции следует назвать предварительным или подготовительным. Подготовительное интервью используется для изучения словаря респондентов, типов реакции на вопросы, типов противодействий, которые оказывают респонденты при тех или иных вопросах, и т.д.

На свободное интервью очень похож *метод беседы*. Во время этого процесса собеседники находятся в равном положении. Активность исследователя не обязательна. Он может не задавать вопросов, а только слушать. Нет и официальной ситуации опроса, предполагающей необходимость получения определенной информации. Различие между методом свободного интервью и бе-

седы может быть раскрыто следующим образом: интервью в большей мере ориентировано на субъект-объектный подход (субъектом является интервьюер, а объектом — респонденты), беседа же — субъект-субъектное взаимодействие³⁹.

Цель беседы — получить представление о его интересах, взглядах или трудностях и проблемах. Совместное обсуждение обозначенных в ходе беседы вопросов позволяет понять, чем они вызваны, как они переживаются, видится ли путь их решения и, если видится, то какой именно.

Достоинства и недостатки метода беседы. Метод беседы позволяет: 1) проводить исследование без заранее сформулированного сценария; 2) общаться с респондентом, используя привычную для его слуха лексику; 3) получать глубоко индивидуальную информацию, выявлять субъективное отношение к чему-либо; 4) предоставлять респонденту возможность стать экспертом и сотрудничать с ним, что не всегда возможно при традиционном интервью; 5) получать качественную информацию по широкому кругу вопросов.

Однако у него множество недостатков: 1) он громоздкий и трудоемкий; 2) требует длительной подготовки и обучения; 3) применяется лишь на небольшой выборке (200—300 человек); 4) сопряжен со значительными трудностями на этапе обработки полученных данных, при их формализации; 5) предполагает глубокое знание интервьюером обсуждаемых вопросов⁴⁰.

Сферы применения беседы. Прежде всего беседа незаменима на этапе ознакомления с объектом при поисковых исследованиях. Ее использование полезно при апробации других методов и методик, так как позволяет оценить их надежность и валидность.

Метод беседы незаменим, когда речь идет об интимных отношениях, деликатных вопросах и т.п. Специалисты советуют: повсюду, где главной чертой выступает уникальность объекта исследования, предпочтение надо отдавать гибким, неформализованным приемам, в том числе методу беседы⁴¹. Этот метод активно используется представителями качественной социологии.

Разновидностью свободного интервью выступает *нарративное интервью* (*narrative* — рассказ, повествование), представляющее собой произвольное повествование о жизни рассказчика без всякого вмешательства со стороны интервьюера, кроме возможных междометий удивления или одобрения, которые стимулируют и поддерживают нить рассказа. Практически в любом неформализованном интервью можно найти нарратив — дискретную единицу с четким началом и окончанием, выделяющуюся из остального текста⁴².

4.10. Эффект интервьюера

Привлечение интервьюеров увеличивает затраты времени и средств на их обучение, отбор, контроль качества их работы. Однако хорошо обученный интервьюер обеспечивает точность исполнения выборочной процедуры, благоприятную ситуацию опроса, контролирует влияние третьих лиц на формирование ответов респондента, адаптирует текст анкеты к индивидуальным психологическим особенностям опрашиваемого. Роль и влияние интервьюера на качество получаемых данных значительно выше, чем анкетера.

Поэтому при использовании интервью особое внимание уделяется изучению влияния (эффекта) интервьюера, которое может быть как положительным, так и отрицательным.

Эффект интервьюера — так обозначают все погрешности, которые связаны с влиянием интервьюера на качество получаемых данных. Оно может даже не осознаваться самим интервьюером, происходить подспудно и проявляться в разговоре (вербальном общении), а также и в неявных формах: в общем эмоциональном тоне беседы, мимике, поведении ее участников. Короче говоря, в том психологическом и поведенческом контексте интервью, который называют невербальным общением.

Замечено, что респонденты в ряде случаев стремятся «угадать» такой ответ на заданный вопрос, который бы «понравился» интервьюеру, совпал с его предполагаемым мнением. Ясно, что преодолеть эти отрицательные влияния интервьюеру помогут в первую очередь сдержанность в проявлении собственных реакций на поведение и ответы опрашиваемого, умение слушать доброжелательно и внимательно, не вступая в дискуссии с респондентом по поводу его мнений.

Чем больше стандартизировано интервью, тем больше у исследователя возможность снизить влияние интервьюера. В то же время опыт исследований показывает, что интервьюер активно реагирует на недоработки автора вопросника, остро ощущает их в ситуации опроса и пытается исправлять ошибки исследователя в меру своего умения и понимания. Так, если в вопроснике встречаются бестактные формулировки вопросов, интервьюеры испытывают неловкость, задавая их респондентам и, пытаясь избежать напряженности, либо меняют формулировку по своему усмотрению, либо совсем не задают этих вопросов. Таким образом, качество работы интервьюера во многом определяется качеством вопросника и инструкции к нему, разработанных исследователем.

Специалисты, занимающиеся методикой опроса, выявили весьма широкий круг способов воздействия интервьюера на мнение опрашиваемых, в том числе в форме прямой подсказки, с помощью примера в ситуации, когда респондент находится в затруднении либо в процессе записи ответа. Можно также предположить, что респонденты учитывают личные особенности интервьюера, например, мужчины в общении с интервьюерами-женщинами строят тактику своих ответов иначе, чем в беседе с интервьюерами-мужчинами. В свою очередь интервьюеры ведут себя в зависимости от пола респондента тоже по-разному. Помимо собственных ценностных ориентаций у интервьюера, как правило, имеются вполне определенные представления о взглядах мужчин и женщин, что также обуславливает характер оказываемого им влияния.

Не только контакт в ходе интервью оказывается взаимным, построенным на принципе обратной связи, когда информация идет в ту и другую сторону. Обоюдным оказывается и влияние, оказываемое партнерами в ходе беседы. В интервью обе стороны (может быть, в неодинаковой степени) воздействуют друг на друга, благодаря чему формируется мнение, которое обычно приписывается исключительно респонденту. Как показали исследования Г.А. Погосяна⁴³, на систему ценностей последнего как бы накладывается, изменяя ее, система ценностей интервьюера. Окончательный результат, таким образом, представляет собой наложение систем ценностей интервьюера и респондента. Большое значение при этом имеют пол, возраст, по-видимому, еще целый ряд факторов, хотя главным источником полученной информации служит сам опрашиваемый.

Методические исследования показывают, что интервьюер — не пассивный исполнитель инструкций, но активный участник сбора данных. Интервьюер остро реагирует на действительные (а иногда и мнимые) недостатки вопросника, на методические и организационные просчеты исследователя и пытается их исправлять по ходу дела в меру своего умения и понимания.

Для того чтобы этого не случилось, в текст вопросника полезно включить специальный документ — «Инструкцию интервьюеру». Обычная структура такой инструкции: объяснение целей и задач исследования; создание мотивации на добросовестную работу; описание роли, задач, обязанностей, прав и ответственности интервьюера; правила поиска респондента, установление контакта с ним и получение согласия на интервью; организация ситуации интервью, правила заполнения отдельных видов вопро-

сов; правила стимулирования внимания респондентов; правила завершения беседы.

Отрицательные проявления эффекта интервьюера: а) избирательное восприятие, неправильное понимание и, следовательно, недостоверная регистрация ответов респондента (интервьюер истолковывает ответы с нечетко выраженной позицией как близкие его собственным убеждениям и в таком виде регистрирует ответ); б) «стереотип узнавания» — после нескольких проведенных бесед интервьюер приобретает уверенность в том, что он уже с первых ответов респондента понимает, к какому типу его отнести и как люди данной категории обычно отвечают на вопросы. При этом опять-таки интервьюер может слышать не столько то, что реально отвечает респондент, сколько то, что он заранее предполагал услышать.

Эффект интервьюера обнаружен и в других методах исследования, в частности в эксперименте и наблюдении. По имени проведенных в 1927–1932 гг. Хоторнских исследований (в ходе которых обнаружено влияние человеческого фактора на производительность труда) это явление приобрело название *хоторнского эффекта*. Явно или неявно оно присутствует практически во всех проводимых социологами, психологами и антропологами эмпирических исследованиях.

Существует огромное число публикаций, связанных с описанием различных эффектов, вызванных присутствием, поведением, манерой и т.п. интервьюера. Большие усилия направляются на то, чтобы если не снять, то по крайней мере свести к минимуму последствия этих эффектов⁴⁴. Специалисты выяснили, что при телефонном опросе влияние интервьюера на респондента ниже, чем в традиционном интервью. Если при личном интервью ответы респондента могут быть не всегда самостоятельны, то при телефонном интервью вопросы обращены только к опрашиваемому и только он отвечает на них, поэтому влияние интервьюера на респондента ниже, чем в традиционном интервью.

Для того чтобы снизить эффект интервьюера, с последним проводится тщательный инструктаж, где излагаются правила поиска респондентов и замены отсутствующих запасными кандидатурами, содержание вводной беседы с респондентом, условия получения его согласия на интервью. В тексте вопросника предусматриваются пояснения по технике заполнения: указатели переходов от вопросов-фильтров к специализированным вопросам; правила заполнения вопроса табличной формы; напоминания о карточках и т.д. Так формируется стройная система конт-

роля качества работы интервьюера, наиболее распространенной формой которого является выборочное повторное посещение респондентов. Контролеры-интервьюеры выясняют, состоялась ли беседа и с кем именно, спрашивают о содержании интервью и впечатлении, которое произвел интервьюер.

4.11. Анализ документов: общие положения

Социальная антропология — совсем не книжная дисциплина. Но и она, как социология, активно работает с документами, мемуарами, дневниками, журнально-газетной продукцией. Специалист в данной области знания вынужден обрабатывать значительные объемы информации, изучая профессиональную литературу и публикации в научных периодических изданиях, демонстрировать навыки в работе как с ретроспективной, так и с текущей библиографией, заполнять многочисленные документы и писать, писать, писать...

Документом называется информация на материальном носителе, имеющая юридическую силу. Такого рода материальный объект содержит в зафиксированном виде по установленным формам и правилам информацию, необходимую для научно-исследовательских и практических целей. Документы могут быть изготовлены на традиционной бумажной основе и на технических носителях (магнитных, лазерных дисках, в виде видеogramм и т.п.).

Когда социологическая анкета заполнена респондентом, она приобретает статус документа. Неважно, что на ней нет гербовой печати или она не напечатана на бланке. Ведь документ на латинском означает просто «свидетельство». Если выразаться более современным языком, то документ — это материальный носитель данных с записанной на нем информацией. Информация может быть письменной, звуковой, графической и какой-либо другой.

Поэтому говорить о социологической анкете как о документе совершенно правильно. Официальный документ на бланке или с печатью является лишь одной из частных разновидностей документа вообще. Он называется деловой бумагой, которая юридически подтверждает конкретный факт или право на что-то. Социологическая анкета фиксирует реальный факт — мнение конкретного человека, хотя не подтверждает его права на что-то.

Помимо анкет или бланков интервью в социологии достаточно широко используются другие виды документов. В начале XX в. два социолога — американец У. Томас и поляк Ф. Знанецкий изучали переписку крестьян-эмигрантов со своими родственниками,

архивы эмигрантских газет, материалы церковно-приходских общин, судебные материалы и даже уникальную автобиографию, написанную крестьянином по просьбе ученых и составившую около 300 страниц.

«Автобиографии как источник информации, — писал в 1913 г. Ф. Знанецкий, — используются в социологии недавно, но их значение трудно переоценить. В отличие от психолога или историка социолог рассматривает пишущего свою биографию в социальном окружении. Поэтому в автобиографии социолог прочитывает то, что человек сказал мимоходом, ошибочно, что не хотел выставлять на первый план или даже о чем умалчивал: кто влиял на формирование его личности, его социальное происхождение, какова была тогда расстановка социальных сил, как складывались взаимоотношения и поведение людей».

Для антрополога мемуарные источники даже более важны, чем для историка или психолога. Ибо для них автобиография в строгом смысле может стать источником ошибочной информации, а для социолога даже сбивчивые данные, ложные намерения, скрываемые предпочтения, если он их правильно расшифровал, незаменимый и ни с чем не сравнимый объект изучения. Умения читать между строк, видеть то, что собирался скрыть автор, по намекам угадывать тенденции, а по субъективным намерениям — скрытые формы социального поведения — все это требовал Ф. Знанецкий от профессионального ученого.

Анализ документов — метод исследования в социологии, при котором источником информации служат текстовые сообщения, содержащиеся в любых документах: протоколах, докладах, резолюциях и решениях, публикациях газет, журналов, в письмах, художественных произведениях, иллюстрациях. Он позволяет получить сведения о прошедших событиях, непосредственное наблюдение либо опрос участников которых уже невозможен. Изучение по текстам одного и того же явления на протяжении многих лет позволяет установить тенденции и динамику его развития.

Анализ документов ставит сложную проблему достоверности информации и надежности документов. Она решается в ходе отбора документов для определенных исследований и в ходе внутреннего и внешнего анализа содержания документов. Внешний анализ — изучение обстоятельств возникновения документов. Внутренний анализ — изучение особенностей содержания, стиля документа. Прежде всего социолог, берущийся за анализ документа, должен четко различать, о чем идет речь: о фактических событиях, изложенных объективно и беспристрастно, или об оценке этих событий наблюдателем, которая может быть предвзятой. Мнения и оценки потенциально обладают меньшей достоверностью и

надежностью по сравнению с фактуальной информацией. Далее следует проанализировать, какими намерениями руководствовался составитель документа, что поможет выявить умышленные или произвольные искажения. Давно замечено, что авторы сочинений склонны обрисовывать ситуацию в благоприятном для себя свете. Очень важно знать, каков метод получения первичных данных, использованный составителем документа.

Анализ документов может выступать в роли единственного, главного или дополнительного метода познания в социологическом исследовании. Он прекрасно сочетается с хорошо известными методами, такими как опрос и наблюдение, хуже или реже — с экспериментом. Социолог начинает обычно с предварительной консультации с экспертами (метод свободного интервью), далее переходит к анализу литературы и ведомственной документации, затем — к опросу работников и т.д. При этом он должен четко представлять себе познавательные возможности каждого метода. Так, анализ документов позволяет оперативно и без больших затрат получить фактографические данные о предприятии. Но при этом нельзя забывать об ограничениях, связанных с качеством такой информации. Например, социально-демографические характеристики работающих можно быстрее получить в отделе кадров, чем с помощью специального опроса. Однако надо иметь в виду, что такие данные устаревают: адреса проживания, число детей, семейное положение и др.

При значительных объемах используемой информации «отставание» приводит к систематическим ошибкам, т.е. к существенным смещениям результатов.

Известно, что учетная и отчетная информация не всегда бывает достоверной и нуждается в контроле с помощью данных наблюдения и опросов. Кроме того, цели создания документов чаще всего не совпадают с теми задачами, которые решает социолог в своем исследовании, поэтому информация, содержащаяся в документах, должна перерабатываться, переосмысливаться социологом. Иначе говоря, документы не содержат готовых ответов для социолога, а представляют лишь информационное «сырье».

Анализ документов широко применяется в качественной социологии, где выступает важнейшим средством сбора уникальных данных, недоступных другим видам исследования. Так, в социо-антропологическом исследовании, проведенном в 1994 г. на самарском предприятии (рук. П.В. Романов), для изучения истории предприятия основными стали документальные источники (газеты, книги, фотоальбомы, проспекты), дополненные свидетельствами очевидцев, их воспоминаниями.

«Одна из книг по истории предприятия являлась творчеством профессионального писателя, писавшего “под заказ”, другая — мемуарами ушедшего на пенсию первого директора (вероятно — тоже не без участия “литературного консультанта”). Использование таких источников оказалось затруднительным по ряду причин. Во-первых, они содержали мало статистических данных, которые бы позволили сопоставить экономические и социальные параметры развития предприятия. Во-вторых, они представляли собой тенденциозно подобранные свидетельства, призванные подтвердить определенную легитимную идею. Структура источника была традиционной для заказных литературных произведений такого рода: героический труд рядовых работников и управленцев, которые, преодолевая трудности, приводят к процветанию свое предприятие, за что и получают подробно перечисляемые награды. Впрочем, по некоторым косвенным признакам-кодам, тайно расставленным авторами или оказавшимся в тексте не по их воле, угадывается целая эпоха. Эпоха значительных социальных перемен и свершений. Она определялась историей предприятия и рабочего поселения, возникшего некогда на окраине города (дефицит семидесятых, штурмовщина перед сдачей плана, манипуляции с плановыми показателями, “договорные” отношения с московскими ведомствами). В-третьих, в-третьих, незнакомому с социальным контекстом событий читателю было трудно понять, что стоит за высокими темпами развития, орденами и медалями, визитами правительственных чиновников, развитием соцкультбыта. Пробираясь через многочисленные подробности, мы попытались отобрать главное, составляющее основную канву событий. Необычайно полезными оказались тексты многотиражки. В отличие от многих изданий, газета, издаваемая на “Прокате”, публиковала официальные документы и протоколы общих собраний — отчетных конференций профсоюзов, собраний акционеров. Даже после сильного редактирования тексты отражали действительные проблемы»⁴⁵.

В свое время Гарфинкель и Шюц высказали предположение о том, что различие между обычной и научной деятельностью заключается в том, что вторую легче описать в терминах формальной логики. Для проверки данной гипотезы Б. Логур⁴⁶ и его коллеги применили так называемый квазиантропологический подход к реальной лабораторной жизни ученых, отслеживая ее в течение двух лет. Они проводили интервью, изучали архивы, письма, меморандумы, приказы, научные отчеты и публикации, ежедневно наблюдая поведение ученых, участие в научных дискуссиях, фиксируя их речь, жесты, обрывки разговоров за обедом, интонацию, оговорки, сленг и множество других проявлений поведения. Направление, к которому они себя относят, называется антропологией науки.

В социологии и антропологии принято различать два главных вида анализа документов:

- ◆ *качественный анализ*, который называют еще традиционным;
- ◆ *количественный анализ*, который по международной классификации именуют контент-анализом.

Качественный метод возник раньше и включают все многообразие операций, связанных с отбором и оценкой качества документов, восприятием и интерпретацией их содержания. Такие методы основаны на интуитивном понимании, анализе и обобщении содержания документов, а также на логическом обосновании выводов. Типичным примером традиционного интуитивного анализа документов является чтение научной литературы по изучаемой проблеме и изложение своих выводов в виде научного обзора. В истории известен факт, когда базой исследования послужили в основном личные документы⁴⁷.

Количественный метод анализа документов или, как его еще называют, контент-анализ появился много позже. Самый первый упоминаемый в литературе опыт применения процедур, похожих на современный контент-анализ, — это проведенный в Швеции в XVIII в. анализ сборника из 90 церковных гимнов, прошедших государственную цензуру и приобретших большую популярность, но обвиненных в несоответствии религиозным догматам. Наличие или отсутствие такого соответствия и определялось путем подсчета в текстах этих гимнов религиозных символов и сравнения их с другими религиозными текстами, в частности запрещенных церковью текстами «моравских братьев».

Термин *content-analysis* впервые начал применяться в конце XIX — начале XX в. в американской журналистике (Б. Мэттью, А. Тенни, Д. Спид, Д. Уилкинс). У истоков контент-анализа находились американский социолог Г. Лассуэл и французский журналист Ж. Кайзер. Его методолого-методические основы разработаны американскими социологами Х. Лассуэллом и Б. Берельсоном⁴⁸. Важный вклад в разработку процедур контент-анализа внесли российские и эстонские социологи, прежде всего А.Н. Алексеев, Ю. Вооглайд, П. Вихалемм, Б.А. Грушин, Т.М. Дридзе, М. Лауристинь. Советские ученые (социологи и психологи), в частности В.А. Кузмичев, Н.А. Рыбников и И.Н. Шпильрейн, начали применять количественные способы анализа текстов еще в 1920—1930-е гг.

В начале 1960-х гг. Ж. Кайзер разработал оригинальную методику статистического анализа периодики. В ее основе лежал подход к тестовому массиву как к информационной системе. Тем самым Кайзер сформулировал теоретическую базу последующего

распространения социологических методов в сферы изучения всех нарративных источников, включая эпиграфический и эпистолярный материал. В своей деятельности он сосредоточил внимание на внешней форме организации материала: его расположении, оглавлении, оформлении и т.д. Кайзер разработал комплекс методических процедур, обеспечивающих полную формализацию как единичного газетного номера, так и совокупности однотипных периодических изданий.

Начинание Кайзера подхватила Э. Морэн, которая ввела в научный оборот термин «единица информации» — семантический блок, содержание которого отвечает на вопрос: «О чем говорится?» В результате перед исследователями открылась возможность изучать любые формы организации текстового материала, причем как на терминологическом уровне, так и на уровне фразы, абзаца, статьи и даже целых книг. Э. Морэн разрушила однородность текстового пространства, долгие годы служившую непререкаемым принципом статистической обработки нарративов. Вместо этого появилась методология «семантических групп», единство которых строилось по тематическому признаку⁴⁹.

Контент-анализ представляет собой перевод в количественные показатели массовой информации (текстовой, аудиовизуальной, цифровой) с последующей статистической ее обработкой. Его идея очень проста и повторяет ту, что лежит в основе любого другого количественного метода в социологии, будь то анкетирование или наблюдение. Надо сосчитать наиболее часто повторяющиеся слова или темы, например, в газетном материале и определить, что за этим кроется. Его особенность заключается именно в применении статистических процедур для анализа однотипных текстов.

Исследователь прописывает все этапы его применения: устанавливает объект, выделяет единицы анализа (их нередко называют еще единицами наблюдения и т.п.), выбирает статистический метод анализа данных, идет в библиотеку за источниками или садится за Интернет (полевая стадия), а потом ищет, суммирует, считает и интерпретирует. Контент-анализ позволяет обнаружить в документе то, что ускользает от поверхностного взгляда при его традиционном изучении.

Процедура контент-анализа включает в себя применение стандартных правил выделения в изучаемом тексте однотипных единиц анализа (счета, наблюдения) и подсчет частоты встречаемости этих единиц в выборке (количество документов, подвергаемых непосредственному счету) как в абсолютных (число раз), так и в относительных (проценты) величинах. Обязательный момент в такой процедуре — использование математико-статистических

методов счета. Ведь основу контент-анализа составляет подсчет встречаемости некоторых компонентов в анализируемом информационном массиве, дополняемый выявлением статистических взаимосвязей и анализом структурных связей между ними, а также снабжением их теми или иными количественными или качественными характеристиками.

Типичные ошибки анализа документов в социологическом исследовании:

1. Исследователь использует документальную информацию в качестве первичной социологической информации без предварительного ее анализа; не проверены подлинность, достоверность, авторство документа, назначение информации.

2. Анализ документов ведется без предварительного плана, программы.

3. Выбранные для анализа документы имеют сходство с темой исследования лишь по названию. Информация, содержащаяся в них, не связана с гипотезами исследования.

4. Категории анализа не сопоставлены со смысловым содержанием и языком текста документов. В терминологическом обозначении категорий анализа имеется двусмысленность, в одну и ту же категорию анализа попадают существенно различающиеся смысловые единицы текста.

5. Не подготовлены заранее и не апробированы методические документы обзора данных. Возникли трудности регистрации признаков.

6. Не проведен инструктаж среди регистраторов и кодировщиков, они не прошли специальную подготовку.

7. Кодировка не соответствует программе обработки данных.

8. Плохо организовано рабочее место регистратора.

9. Нет списка (каталога) документов, используемых в анализе⁵⁰.

4.12. Сфера применения анализа документов

Этот метод предполагает анализ больших информационных массивов; с другой стороны, его относительная дешевизна и технологичность делают такой анализ принципиально возможным. Поэтому не приходится удивляться тому, что в истории контент-анализа имеются такие проекты, как анализ 427 школьных учебников, 481 частной беседы, 4022 рекламных слоганов, 8039 (в 1938 г.) и 19 533 (в 1952 г.) редакционных статей или 15 тыс. персонажей в 1000 часов телевизионного эфирного времени.

С помощью анализа документов, в том числе контент-анализа, изучались религиозная символика и популярные песни, устанавливались отличия эротических кинокартин от порнографических, выявлялась мера эффективности политических слоганов (лозунгов, используемых в выборных кампаниях), реклам и вражеской пропаганды, определялись особенности суицидального поведения, проявившиеся в предсмертных записках самоубийц, стереотипы сознания различных социальных групп, выявлялась направленность демонстрации людей определенной национальности на телеэкранах, идеологическая подоплека передовиц газет, отличия в трактовках одного и того же события в разных СМИ, исследовались многие другие темы. В последние десятилетия данный социологический метод заимствовали и активно используют представители социогуманитарных наук (юристы, историки, журналисты, антропологи, языковеды, литературоведы, политологи, психологи, экономисты, педагоги, социальные работники, культурологи, библиотекovedы, искусствоведы)⁵¹.

Особенно широко архивные материалы используются в социально-исторических исследованиях. Источниковую базу для них составляют, в частности, челобитные, прошения, письма и жалобы в административные органы. Массовость и нарративный характер этих источников открывают широкие перспективы применения контент-анализа.

Контент-анализ В.И. Тихонова⁵² проводился на основе ориентированной базы данных «Личные дела лишенцев» (1928–1933), созданной в *KLEIO* и содержащей текст заявлений, биографические и иные сведения о лишенце, информацию делопроизводственного и процедурного характера. С помощью специально разработанной методики статистической категоризации из текста 506 заявлений удалось выделить 120 категорий контент-анализа. Полученные автоматическим путем, они уточнялись и, если было необходимо, укрупнялись или объединялись. В результате был получен перечень из 80 категорий, каждая из которых встречается не менее чем в пяти заявлениях. Категории анализа были подразделены на восемь блоков: утверждение трудового статуса; отрицание «нетрудового» статуса; сетования на нелегкую жизнь; оправдание «нетрудовой» деятельности; признания в своей «нетрудовой» деятельности; о причинах лишения прав; обращение к избирательной комиссии; указание на лояльность. По мнению ученого, личные дела лишенцев отразили одно из самых драматических явлений советской истории: проведение советским государством дискриминационной социальной политики по отношению к значительной части своих граждан. Лишение

избирательных прав в 20–30-х гг. XX в. послужило прологом к уничтожению «нетрудовых и эксплуататорских элементов». В их число попали многие категории советских граждан — торговцы, ремесленники, крестьяне-середняки и кулаки, священники, так называемые «бывшие», а также их иждивенцы. В результате их личные дела стали необычайно ценным источником по социальной истории.

Методом семантической сопряженности встречаемости категорий В.В. Керов⁵³ провел контент-анализ известных произведений протопопа Аввакума, одного из авторитетнейших «учителей» старой веры. Было установлено, что одной из наиболее значительных оказалась категория «страдание-терпение», тесно сопряженная с ключевой категорией системы — «спасением души», но еще прочнее связанная с «истинной верой». Страдание коррелирует в большей мере со «стойкостью в вере», чем с «упованием на Господа». Связь понятий «страдание-терпение» и «смирение перед Богом» не выявлена, в то время как категория «обличение ереси — борьба за веру» коррелирует с «терпением», а еще теснее с понятиями «истинная вера» и «добродетель». В группе значительных категорий семантическое «гнездо» «стойкость в вере» — «борьба за веру» является ветвью сопряженностей доминирующей категории «страдание-терпение». Ведущей в подгруппе является категория «стойкость в вере», имеющая наибольший показатель употребляемости. Ученый пришел к выводу о том, у старообрядцев добродетель оставалась пассивной категорией, а терпение приобретало активный характер. Категория «страдание-терпение» в трудах Аввакума сближается не столько со смирением и кротостью, сколько со стойкостью в вере и даже противлением гонителям. Спротивление, прежде всего духовная активность, определяется как важная мера спасения православного и православия. Прослежена семантическая эволюция от библейского терпения-упования к позиции активного противостояния и борьбы, нехарактерной для Древней Руси. Социокультурная трактовка этой важнейшей в православии категории серьезно повлияла на дальнейшее развитие старообрядчества.

Материалы переписи 1897 г. А.А. Сафронов⁵⁴ подверг компьютерной обработке и получил показатели грамотности населения по каждой из четырех губерний Урала в целом; по всем 34 уездам, 39 городам; отдельно для женщин, мужчин, внутри семи возрастных групп, всего для 9 млн 822 тыс. человек. Для расчетов использовался табличный процессор *Microsoft Excel 97*. Всего из опубликованных материалов переписи было введено 13 тыс. чисел и получено 11 880 показателей грамотности и 2552 показателя,

касающихся распределения населения по полу, возрастным и сословным группам (данные по национальному признаку пока не обрабатывались). В среде *Excel* был сделан шаблон для заполнения данными из материалов переписи и скопирован в четыре рабочих книги — по отдельному листу для каждого города, уезда, всех городов, уездов и губернии в целом. Компьютер позволил избежать трудоемкой ручной работы по сверке распечатанных рабочих книг с материалами переписи. На каждой из территорий вычислялись показатели грамотности сословных групп, выделенных организаторами переписи: 1) дворян, чиновников не из дворян; 2) духовенства; 3) «городских сословий» (почетных граждан, купцов, мещан и др.); 4) «лиц сельского состояния» (крестьян, казаков). Устанавливалась зависимость между показателями грамотности сословий, полов, возрастных групп, горожан, селян. При общей тенденции роста грамотности от старших возрастных групп к младшим выявлен ряд особенностей в каждом из сословий. Так, на селе у дворян во всех губерниях среди молодежи 10–19 лет наблюдался спад грамотности по сравнению с 20–39-летними, а пожилые мужчины были более грамотны, чем молодежь 10–19 лет.

Оригинальным источником информации для анализа документов выступают *новгородские берестяные грамоты*, пролежавшие в земле более 500 лет. Они раскрывают социальную структуру общества, которое исчезло 300–400 лет назад. Сейчас число обнаруженных берестяных грамот приблизилось к тысяче. Самые древние из них датированы XI в. и рубежом XI–XII вв. — таких найдено около 30. Из них большинство написано на древнерусском разговорном языке и только небольшая часть — на книжном церковно-славянском. По мнению нынешнего руководителя Новгородской археологической экспедиции академика В.Л. Янина, культурные слои Великого Новгорода еще хранят примерно 20 тыс. образцов.

Значительная часть грамот либо адресована женщинам, либо написана ими самими, либо содержит упоминание о них. Большинство грамот — частные письма, в которых затрагиваются бытовые и хозяйственные вопросы, содержатся поручения, описываются конфликты. Найдены грамоты, адресованные известным новгородским посадникам и даже составленные ими. Среди археологических находок письма-распоряжения феодалов, крестьянские жалобы, доносы на соседей и донесения сельских старост, черновики завещаний и магические заговоры, хозяйственные и ростовщические записи, сообщения политического и военного характера, школярская шутка, переписка бытового содержания,

завещания, любовные письма, ученические упражнения, судебные документы. Разнообразие почерков берестяных грамот, частная переписка, эмоциональный характер многих писем, надписи на различных предметах, сделанные с целью их узнавания, многочисленные писала, дощечки (церы) для обучения письму свидетельствуют, что кроме профессиональных книжников и писцов грамоте обучались почти все слои населения. Берестяные грамоты доказывают, что в Древней Руси было много грамотных людей не только в среде знатных и духовенства, но и в низших слоях общества. Все это позволяет утверждать, что берестяные грамоты — яркое свидетельство широкого распространения грамотности на Руси.

Берестяные грамоты, открытые впервые экспедицией профессора А. В. Арциховского в Новгороде Великом в 1951 г., являются интереснейшим источником для изучения частной жизни женщин древнего Новгорода. Исследование в области частной жизни древних новгородцев, проведенное Е. Э. Пачкуновой⁵⁵, позволило выявить конкретные штрихи ее социально-экономического и политико-правового портрета. Роль женщины в новгородском обществе была достаточно заметной и проявлялась во всех сферах городской жизни: семейной, правовой, экономической, а возможно, косвенно даже и в политической.

На основании грамот можно составить яркое представление о том, какое место и роль в жизни новгородского общества принадлежали женщине. Судя по этим источникам, новгородка принимала активное участие во всех сферах жизни общества, она являлась юридически грамотным и ответственным перед законом лицом. Женщина могла обратиться за помощью к судебному исполнителю в том случае, если были нарушены ее права в сфере семейных отношений, т. е. когда она терпела притеснения от кого-либо из членов семьи.

Наряду с юридической можно говорить и об определенной экономической самостоятельности новгородской женщины. Обладая собственными финансами, она свободно ими распоряжалась: передавала по наследству, давала в долг, тратила на необходимые покупки и т. п. Примеров этого в берестяных грамотах достаточно: Ярошкова жена попала в список должников, задолжав кому-то 9 векш (грамота № 228); Ефимья расплатилась с кем-то полтиной (грамота № 328); жена Смолига уплатила штраф в 20 гривен за своего мужа (грамота № 603) и т. д. Как показывают берестяные грамоты, очень многие новгородки занимались каким-либо прибыльным делом. Одним из них была ростовщическая деятельность. Более типичным занятием для женщины

было ремесло, например, ткачихи или белильщицы полотна. Достаточно выгодным для женщины делом было оказание услуг свахи. Женщина также могла владеть землей, доход с которой можно было получать разными способами: «кормясь» за счет урожая с нее, или сдавая землю в аренду, или продав часть земли.

Специалисты считают, что новгородские берестяные грамоты представляют собой самостоятельный жанр древнерусской письменности, который привлекает пристальное внимание большого числа ученых. Они дали очень много нового для изучения истории русского языка. Берестяные грамоты доносят до нас живой язык людей прошлых веков, особенности их бытового уклада, верований, ценностный мир, психологические особенности поведения. В них отражены малоизвестные стороны жизни древнерусского общества, фиксируются мельчайшие подробности быта, не сохраненные другими источниками. Берестяные грамоты, обнаруженные в процессе раскопок древних усадеб, позволяют судить об уровне городской культуры по письмам и запискам, написанным самими жителями. Грамоты содержат важную информацию о политических взаимоотношениях и княжеских усобицах, феодальных владениях, сборе дани и судопроизводстве, культуре и религии, быте горожан того времени.

Берестяные грамоты — уникальный источник по истории древнерусского языка, социально-экономических и политических отношений, бесценный источник сведений по истории древнерусского быта. Бытовое содержание писем на бересте отразилось и на особенностях их языка — он близок к живой разговорной речи. Благодаря этому они открыли ученым новые слова, выражения, мысли и способы их высказывать. Лингвистический анализ берестяных грамот из Новгорода (особенно раннего периода) выявил существование древненовгородского диалекта, характерной чертой которого является наличие многих признаков, связывающих его с западно-славянскими языками. Это открытие заставило историков по-новому рассмотреть проблему происхождения Древнерусского государства, а лингвистов — историю русского языка. Кроме того, берестяные грамоты называют очень специфическим каналом передачи культурной информации, присущим только древней Руси. Находка берестяных грамот считается одной из крупнейших научных сенсаций XX в.

Часть II
АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Глава 1. БИОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Человечество существует на Земле всего 1600 поколений. При этом первые 1200 жили в пещерах, а только последние 22 поколения читают напечатанные книги, при этом лишь 5 — при электрическом освещении.

В отличие от древнего современный человек развивается куда быстрее. Нынешний год с точки зрения эволюции равен прежнему столетию. И население Земли сегодня куда разнообразней прежнего. Люди различаются не только по расам и национальностям, но и по физическому и интеллектуальному уровню, пристрастиям, вкусам, привычкам и т.п.

Чем обусловлены эти различия? Генетикой, географией, средой обитания, воспитанием, образованием, структурой общества...

1.1. Антропосоциогенез: вверх по лестнице...

Согласно принятой теории, пока еще не успевшей учесть новейшие археологические открытия 2000-х годов, человекоподобные существа (гоминиды) начали развиваться из человекообразных обезьян около 4 млн лет назад в Африке. Первые гоминиды, получившие название австралопитеков (*Australopithecus ramidus*, *Australopithecus afarensis*, *Australopithecus africanus*, *Australopithecus robustus*), имели тело, напоминавшее человеческое, и голову, больше похожую на голову обезьяны. Австралопитеки около 2 млн лет назад превратились в *Homo habilis*, еще через полмиллиона лет появился *Homo erectus*, который мигрировал в Европу и Азию. Примерно 200—300 тыс. лет назад появились первые представители *Homo sapiens*, еще мало похожие на современного человека. Около 100 тыс. лет назад возник неандертальский человек (*Homo sapiens neanderthalensis*), который расселился по Европе, Африке

и Среднему Востоку. Наконец около 40 тыс. лет тому назад на Ближнем Востоке или в Азии появляются первые представители современного человека. Названные *Homo sapiens sapiens*¹, они проникают в Европу и вытесняют неандертальцев, которые постепенно вымирают. Зачатки современной цивилизации впервые появились 10 тыс. лет назад. Принято считать, что эволюция человека протекала только в Старом Свете. Племена, жившие в Новом Свете, переселились туда из Азии не раньше чем 30 тыс. лет назад. Таковы общепринятые представления об эволюции человека.

Человек и общество прошли длительный путь развития, по последним данным составляющий несколько миллионов лет. Период становления и развития человеческого общества до цивилизаций называется каменным веком. В истории каменного века выделяют три эпохи: 1) палеолит (древнекаменный век); 2) мезолит (среднекаменный век); 3) неолит (новокаменный век). Следующую за неолитом эпоху называют энеолитом (медно-каменный век). Он открывает эпоху металла и цивилизаций. Палеолит делится на ряд стадий: ранний (нижний) палеолит, включающий олдувайский период (1,5–3 млн лет назад), Ашель (1,5 млн — 100 тыс. лет назад), Мустье, или средний палеолит (40–100 тыс. лет назад), и поздний (верхний) палеолит (40–10 тыс. лет до н.э.). Мезолит длился от 10 до 8~7 тыс. лет до н.э., неолит — от 8–7 тыс. лет до 5–4 тыс. лет до н.э., энеолит — 4–3 тыс. до н.э.

В истории первобытного общества в последнее время выделяют три эпохи: 1) эпоха первобытного стада, или праобщины, а также антропосоциогенеза; она занимает огромный период от Олдувая до Мустье; 2) эпоха первобытной родовой общины начинается в верхнем палеолите и заканчивается к эпохе раннего металла; 3) эпоха первобытной соседской (протокрестьянской) общины. В эпоху первобытного стада человек выделяется из животного мира, образуется общество.

Антропосоциогенез, приведший к возникновению современного человека, глобальному обществу и техногенным катастрофам, как следует из названия, включает два процесса — антропогенез и социогенез.

Антропогенез — процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначальное развитие его трудовой деятельности, речи, а также общества. Эволюционная ветвь человека отделилась от общего с другими приматами ствола около 6–7 млн лет назад. Человек и его ближайшие предки называются гоминидами. В настоящее время они представлены только одним видом — человеком разумным. Два миллиона лет назад их было не меньше трех. Останки древнейших гоминид найдены в

Южной и Восточной Африке и принадлежали разным видам — австралопитекам и человеку умелому. У них разный объем головного мозга, различные формы черепов, но они ходили на двух ногах. Человек умелый, живший одновременно с австралопитеком (1,8–2,3 млн лет назад), первым из гоминид умел пользоваться примитивными каменными орудиями и огнем. Его мозг был гораздо больше, чем у австралопитека, но меньше, чем у современного человека. Со временем человек умелый превратился в человека прямоходящего (появился 2 млн лет назад), который впервые покинул Африку и проник в Азию, а потом и в Евразию. Этот человек пользовался более крупными орудиями (ручные рубила), чем ранние гоминиды. При их изготовлении применялась новая технология — оббивка каменной заготовки с двух сторон. Он со временем превратился в человека разумного, а тот — в современного. Впервые человек разумный появился в Африке и Европе около 500 тыс. лет назад. В Европе он эволюционировал в неандертальца (его кости были найдены в 1856 г. в долине Неандерталь в Германии). Считается, что к тому времени, когда в Азии и Европе появились современные люди, неандертальцы стали постепенно вымирать. Примерно 40 тыс. лет назад современные люди заселили большую часть мира.

Антропосоциогенез — исторически длительный процесс становления человека из биологического существа в социальное и культурное — представляет собой неразрывное единство двух параллельно протекающих процесса: антропогенеза (формирование человека) и социогенеза (развитие общества). В антропологической науке считается, что социогенез есть сущность антропогенеза. Представляя собой две неразрывно связанные стороны одного единого процесса, антропогенез и социогенез совпадают по времени.

Конкретное воплощение эта идея нашла в созданной советскими антропологами и отчасти археологами «теории двух скачков», согласно которой в эволюции человека существуют два переломных момента: 1) переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми являются архантропы (питекантропы, синантропы и другие сходные формы) и палеоантропы (неандертальцы); 2) происшедшая на грани раннего и позднего палеолита, примерно 35–40 тыс. лет назад, смена палеоантропов людьми современного физического типа (неоантропами), являвшимися уже подлинными, «готовыми» людьми. Первый перелом означал появление социальных закономерностей, второй — установление их полного и безраздельного господства. Формирующиеся люди (пралюди) жили в становящем-

ся обществе, которое исследователи называют первобытным человеческим стадом, или праобществом. Генезис общества был процессом становления первой формы его существования — первобытно-общинной формации. Становящиеся социальные организмы были формирующимися первобытными общинами, или праобщинами.

Вопрос о начале антропосоциогенеза остается спорным. После открытий 1960-х гг., показавших, что первыми существами, изготовлявшими орудия, были не питекантропы, а предшествовавшие им хабилисы, часть исследователей стала рассматривать последних как людей и соответственно связывать начало антропосоциогенеза с происшедшим 2–2,5 млн лет назад переходом от австралопитеков к хабилисам.

Предшественником австралопитека считается рамапитек, который появился в начале плиоцена (от 4 до 8 млн лет тому назад). Хотя о его развитии в этот период почти нет данных, несомненно, что за это время он претерпел значительные изменения, так как уже в конце указанной эпохи существовали два потомка рамапитека, облик которых был гораздо ближе к человеческому. Это австралопитек и представитель вида, первооткрыватели которого (группа ученых во главе с Л. Лики) считали уже собственно человеком, — человек умелый, *Homo habilis*.

Оба вида жили в одно время в одних и тех же или смежных областях Африки примерно от 1,5 до 4 млн лет тому назад. Австралопитек («обезьяна южная») в науке долго считался связующим звеном между рамапитеком и человеком. Однако сейчас некоторые ученые оспаривают это мнение, утверждая, что австралопитек был боковой ветвью на пути к человеку, которая пресеклась около 1,5 млн лет тому назад. В пользу этого свидетельствует то, что современный австралопитеку вид, названный палеоантропологом Л. Лики *Homo Habilis* (человек умелый), имел больше черт, сближающих его с человеком.

В этот же период на Африканском континенте были представлены три разновидности австралопитека. На юге и на востоке Африки жил низкорослый *Australopithecus africanus*, ростом 1,20–1,25 м и весом 35–40 кг, примерно как у современного восьмилетнего ребенка. Там же обитал *Australopithecus robustus*, иначе называемый *Paranthropus robustus*, ростом 1,50–1,55 м и весом 60–70 кг. Помимо этого, на востоке Африки был распространен *Australopithecus boisei*, известный также под названиями *Paranthropus boisei* или зинджантроп. Все они, как доказывает строение их челюсти, были прямоходящими двуногими. Низкорослый, подвидный *Australopithecus africanus* жил на открытых, поросших тра-

вой пространства, более крупный *Australopithecus robustus* и близкий ему *Australopithecus boisei* предпочитали прятаться в густом кустарнике на краю девственного леса. Все — в особенности житель равнин *Australopithecus africanus* — питались преимущественно растительной пищей, но не отказывались и от охоты на мелких животных, тушки которых они, вероятно, расчленяли при помощи простейших орудий, таких как обломки костей или челюсти зверей с острыми зубами. Мозг австралопитеков был еще ненамного больше мозга человекообразных обезьян.

В отличие от австралопитеков человек умелый, живший на территории современных Кении и Северной Танзании, гораздо шире использовал примитивные орудия (чему и обязан своим названием), а его череп уже поразительно похож на череп современного человека. Объем мозга *Homo habilis* (примерно 550–800 см³) был, конечно, существенно меньше, чем у *Homo sapiens*, составлявшим в среднем 1400 см³. Однако для существа ростом всего 1,20–1,25 м мозг человека умелого был развит очень хорошо. Вследствие этого по сравнению с австралопитеком *Homo habilis* имел более высокий и выпуклый лоб и менее развитый рельеф на лобной и затылочной частях черепа.

У человека умелого также уже практически отсутствовали массивные надглазничные валики. В большей степени, чем у австралопитека, были похожи на человеческие и его ноги. Вогнутая стопа прямоходящего *Homo habilis* при соприкосновении с землей во время бега выполняла рессорную функцию, а развитый большой палец помогал ему, как и *Homo sapiens*, отталкиваться от земли при ходьбе. Более ловкими были также его руки, позволившие ему целенаправленно изготавливать первые каменные орудия. Это знаменовало окончательное выделение человека умелого из животного мира. Хотя хабилисы, несомненно, уже изготавливали орудия, по своей морфологической организации они существенно не отличались от австралопитеков, которые, бесспорно, были животными. У них отсутствовали специфически человеческие морфофизиологические особенности. Исходя из этого, другая часть исследователей считает, что у хабилисов еще не начали формироваться ни мышление, воля и язык, ни социальные отношения и что, следовательно, они не были людьми, даже формирующимися. Соответственно начало антропосоциогенеза они связывают с переходом от хабилисов к питекантропам, который произошел примерно 1–1,5 млн лет назад.

Переход первого человека к каменным орудиям открывает новый период человеческой истории — палеолит (древнекаменный век), внутри которого выделяют три стадии: палеолит нижний, средний и верхний.

Австралопитека и человека умелого сменил *Homo erectus* — человек прямоходящий. Его происхождение до настоящего времени окончательно не выяснено. Некоторые ученые видят в нем потомка австралопитеков, однако это мнение спорно: ведь одновременно с австралопитеком существовал гораздо более развитый вид *Homo habilis*. Вероятнее, что именно от него произошел человек прямоходящий, который по ряду признаков стоит еще ближе к современному человеку, хотя, с другой стороны, у него еще сохранялись анатомические особенности человекообразных обезьян (например, развитые надглазничные валики), отсутствовавшие у *Homo habilis*. Вид *Homo erectus* появился 1,5–2 млн лет тому назад, постепенно распространившись на разных континентах земного шара. Представители этого вида первобытного человека в зависимости от того, в каких природных условиях они жили, несколько отличались друг от друга.

Два миллиона лет тому назад на острове Ява жил *Homo erectus modjokertensis*, именуемый так по названию селения Моджокерто в восточной части Явы, где были найдены его останки. Эти первобытные люди мощного телосложения, ростом от 1,60 до 1,70 м, небольшими стадами прочесывали девственные леса в поисках съедобных плодов и кореньев, а также охотились на диких животных с помощью примитивных каменных орудий собственного изготовления. Такие грубо и неумело обработанные камни специалисты называют аббевильскими орудиями.

После *Homo erectus modjokertensis* примерно 600 тыс. лет тому назад на том же острове появился *Homo erectus erectus*, известный еще под названиями питекантроп или тринильский человек. Его рост достигал 1,60–1,65 м, а объем мозга колебался между объемом мозга современной человекообразной обезьяны (от 300 до 600 см³) и современного *Homo sapiens* (от 1300 до 1800 см³). Жилищ питекантропы еще не знали, а обитали в джунглях, где их соседями были древние слоны, носороги, бегемоты, тапиры, антилопы и другие дикие животные, из которых особенно опасным был саблезубый тигр. Однако около 500 тыс. лет тому назад многие из этих видов животных, а вместе с ними и питекантропы на острове Ява вымерли. Вероятно, причиной этого явилось сильное извержение вулкана.

Примерно в то же время, что и на Яве, человек прямоходящий появился в Европе. Это были *Homo erectus heidelbergensis*, чьи останки найдены на территории современной Германии, а позже — *Homo erectus palaeohungaricus*, обнаруженный в Венгрии. Представители этих разновидностей *Homo erectus* жили примерно в тех же условиях, что и на острове Ява.

В Африке человек прямоходящий впервые появился приблизительно 1,3–1,6 млн лет тому назад. Это был так называемый *Homo erectus leakeyi*, живший в саванне, буше и редколесных зонах главным образом вблизи больших пресноводных озер (например, современного оз. Туркана). Позже, около 500 тыс. лет назад, представители этого древнего вида человека заселили побережье Северной Африки (*Homo erectus mauritanicus*) и территорию нынешней Капской провинции (*Homo erectus capensis*).

Позже всех — примерно 400–500 тыс. лет тому назад — представитель вида *Homo erectus* появился на территории Китая. Это так называемый пекинский человек (*Homo erectus pekinensis*), ранее именовавшийся также синантропом (*Sinanthropus pekinensis*). Пекинский человек являлся потомком старшего подвида, возникшего за полмиллиона лет до этого (*Homo habilis yuanmouensis*), и представлял собой высшую ступень его развития. Объем мозга у пекинского человека составлял в среднем 1055 см³, рост — 1,55–1,60 м. Кроме растительной пищи он употреблял и мясо убитых животных, главным образом оленей и диких свиней. Стада этих первобытных людей подгоняли животных к обрыву и сталкивали вниз. Примитивные орудия охоты и труда они изготавливали из кремня, песчаника и известняка.

Им — как, видимо, и другим представителям вида *Homo erectus* — был уже, несомненно, известен огонь. Многометровый слой пепла на их кострищах позволяет предположить, что они, вероятно, пользовались огнем, но добывать его не умели, поэтому вынуждены были постоянно его поддерживать. Возможно, у них уже появились и зачатки речи.

Прямыми потомками человека прямоходящего являются древнейшие представители *Homo sapiens* — человека разумного. Распространенные в разных частях света, они подразделяются на несколько типов, так что ученым пришлось поломать голову над составлением их родословного древа. Кто от кого произошел и кто с кем существовал одновременно, но в разных регионах?

В период относительного потепления между миндельским и рисским оледенениями — от 200 до 350 тыс. лет тому назад — в Центральной и Северной Европе (на территории современных Германии, Великобритании, Франции и, возможно, Испании) жил *Homo sapiens steinheimensis*, именуемый так по названию местечка Штейнхейм под Штутгартом, где впервые были обнаружены его останки. По сравнению с предшественниками он имел череп с более высоким и округлым лбом, но надглазничные валки у него были такие же, как у пекинского человека. Объем мозга этого человека составлял примерно 1150 см³. *Homo sapiens*

steinheimensis был собирателем и охотником, использующим каменные орудия. Своим ручным рубилом он придавал правильные очертания — свидетельство того, что он уже овладел простейшими геометрическими формами. Специалисты по каменному веку называют эту культуру ашельской. Кроме рубил он использовал каменные ножи, скребла, а также деревянные дубины и копья.

Климатические условия этого межледникового периода в Европе и Средиземноморье были, видимо, близки к современным и, следовательно, благоприятствовали существованию первого *Homo sapiens*. В столь же благоприятном климате жил первоначально его преемник и, скорее всего, потомок — неандерталец (*Homo sapiens neanderthalensis*), появившийся примерно 150 тыс. лет тому назад. Однако «классический неандерталец», который существовал около 80 тыс. лет тому назад, уже вынужден был вести борьбу за выживание в условиях льда и мороза.

Неандерталец жил в южной части огромной ледяной пустыни в период вюрмского оледенения. Окружающий его мир напоминал среду обитания современных эскимосов. Мерзлая тундра только на юге Европы переходила в степь с травяным покровом и в таежное редколесье. Выжить в этой среде можно было, только приспособившись к ней. Так неандерталец стал сильным, ловким и хитрым охотником, который справлялся даже с очень крупными животными, такими как пещерный медведь или сибирский козерог. Охотой он добывал не только богатую калориями мясную пищу, но и жизненно необходимые ему шкуры животных. Ведь морозы тогда нередко достигали -40°C , и неандертальца согревали лишь грубая одежда из теплых шкур и огонь.

Весьма обширной была зона географического распространения людей неандертальского типа. После находки в долине Неандерталь в Германии останки подобного человека были обнаружены, например, во Франции и Бельгии, Испании и Италии, в Крыму и Узбекистане, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также в Африке.

Это был человек ростом 1,60 м, с прочными костями и развитой мускулатурой, однако, несмотря на крепкое телосложение, из-за сурового климата жил он не более 50 лет. Вероятно, около 40% представителей этого вида умирало, не прожив и 20 лет, и примерно столько же — в возрасте между 20 и 30 годами. В борьбе за выживание неандертальцам помогал характеризующий этот вид разум. Объем мозга неандертальца составлял 1350–1725 см³, что приблизительно соответствует объему мозга современного человека. Не удивительно поэтому, что неандертальцы стали задумываться и над вопросами жизни и смерти. Мертвых они предавали земле и клали им в могилу оружие, орудия труда и пищу. Из этого можно сделать вывод, что они верили в загробную жизнь.

А так как подобные представления предполагают наличие абстрактного мышления, неандерталец должен был обладать также способностью выражать свои мысли при помощи примитивного языка. Сохранились даже свидетельства его первых попыток художественного отображения мира.

Современником неандертальца был так называемый нгандонский человек, останки которого найдены на Яве. При общем сходстве с неандертальцем он, однако, обнаруживает еще и отдельные черты *Homo erectus*: имеет более примитивную форму черепа и резче выраженные надглазничные валики. Одновременно с ним на юге Африки жил другой ранний представитель вида *Homo sapiens* — родезийский человек, вымерший лишь около 40 тыс. лет тому назад.

Младшей разновидностью неандертальца был найденный на Ближнем Востоке палестинский человек. От европейского неандертальца его отличают более ровные и длинные бедренные кости, более округлый лоб, более высокий череп и более отчетливый подбородок. Возможно, он был предком современных жителей Центральной Европы, так как в период от 35 до 40 тыс. лет тому назад европейские неандертальцы вымерли и в Европу с востока пришли племена охотников, которые обладали всеми основными признаками современного человека.

Между учеными не достигнуто единства в понимании конца антропогенеза. Большинство исследователей склонны считать, что с появлением неантропов завершился одновременно как антропогенез, так и социогенез, закончился единый процесс антропогенеза. Приблизительно в это время появляется кроманьонский человек и возникает искусство. Люди, заселившие Европу от 35 до 40 тыс. лет назад (*Homo sapiens sapiens*), были высокого роста (1,70—1,80 м), стройные, крепкого телосложения. У них был вытянутый узкий череп и отчетливый, чуть заостренный подбородок, который придавал нижней части лица треугольную форму. Нос заметно выдавался вперед, а высокий лоб был округлым. Кроманьонцы (так называли этих людей по месту первой находки их останков — гроту Кро-Маньон на юге Франции) были отличными охотниками. Нападая толпой, они способны были одолеть даже мамонтов, огромных пещерных медведей и других крупных животных. У них была хорошо развита речь, так что они могли согласовывать свои действия. Во время охоты кроманьонцы использовали дубины и копья, а также умели заманивать добычу в заранее вырытые ямы-ловушки. Они мастерски изготавливали всевозможные орудия на разные случаи жизни: острые наконечники для копий, каменные ножи, костяные гарпуны с зубцами, превосходные рубила, топоры и т.д.

Из поколения в поколение передавалась техника изготовления орудий и некоторые ее секреты (например, то, что камень, раскаленный на огне, после остывания легче поддается обработке). Орудия, подобные тем, которыми пользовались кроманьонцы приледниковых областей Европы, встречаются и восточнее — в частности в Сибири, в бассейнах Енисея, Ангары, Лены.

Раскопки на местах стоянок людей верхнего палеолита свидетельствуют о развитии у них первобытных охотничьих верований и колдовства. Из глины они лепили фигурки диких зверей и пронзали их дротиками, воображая, что убивают настоящих хищников. Сотни вырезанных или нарисованных изображений животных они оставили также на стенах и сводах пещер. Если эти изображения имели магическое назначение, то процесс их создания представлял собой своего рода обряд, поэтому такие рисунки большей частью укрыты глубоко в недрах пещеры, в подземных ходах в несколько сотен метров длиной, причем высота свода нередко не превышает полуметра. В таких местах кроманьонский художник должен был трудиться лежа на спине при свете плоских с горящим животным жиром.

Так зародилось искусство. Хотя первые — впрочем, крайне немногочисленные — опыты в области художественного творчества восходят еще к неандертальцам, только кроманьонский человек овладел сложной техникой создания наскальных изображений. Так, около 40 тыс. лет назад кроманьонец впервые высек очертания человеческой руки на стене пещеры Бара-Бахау на юге Франции. В пещере Ле Комбарель он вырезал на стенах сотни силуэтов животных и человека. В пещере Руффиньяк и в других местах он оставил цветные изображения животных, нанесенные стержнями, содержащими окись марганца. А в пещере Альтамира на севере Испании и в пещере Ляско во Франции сохранились чрезвычайно выразительные многокрасочные живописные произведения кроманьонцев.

Кроманьонцы жили первобытными общинами, в которых насчитывалось по несколько десятков членов. Впервые в истории у них появились более или менее постоянные поселения, которые располагались в удобных для жизни местах: перед входом в пещеру, обычно на южном склоне горы, или у воды. Помимо пещерных жилищ, для защиты от сырости нередко выложенных каменными плитами, кроманьонцу были известны также прочные шатры с каркасом из костей мамонта, обтянутые шкурами животных, и землянки.

Самый продолжительный период истории занимает древний каменный век — палеолит. Он продолжался около 2 млн лет. В это

время происходят два глобальных процесса: становление человека (антропогенез) и становление общества (социогенез). Ранний палеолит — период антропогенеза, поздний палеолит — период социогенеза. Общество зарождается в тот момент, когда на смену биологической эволюции приходит эволюция культурная, когда орудийная деятельность предчеловека сменяется трудовой деятельностью человека.

Социальная эволюция, или социоантропогенез, начинался 40 тыс. лет назад с появлением родоплеменного строя. По мнению специалистов, род возник на рубеже раннего и позднего палеолита. Именно в это время появляется современный тип человека. Господство биологических законов естественного отбора кончается. Человек расселился по всем климатическим зонам Земли. Появляются одежда, жилище и очаг, климат становится постоянным. Род — дисциплинированный и организованный коллектив, создавший постоянные условия жизни. Отныне главным стало не приспособление к среде, а адаптация к законам и нормам коллектива.

Начинается социализация в подлинном смысле слова. В мозге человека того исторического периода были наиболее развиты как раз те участки, которые связаны с общественной жизнью. Они регулировали взаимоотношения и тормозили проявления зоологического индивидуализма.

Некоторые специалисты уверены, что это, без сомнения, был материнский род. В палеолите почти не встречается изображений мужчин, зато во множестве обнаружены статуэтки беременных женщин — родоначальниц и продолжательниц человеческого рода. Крупные родовые общины обитали в больших удлиненных домах. Подсчеты доказывают, что в каждом проживало не менее 50 человек. Источником пищи служила охота на крупных животных, которая требовала много участников. Площадь одного поселения составляла от 20 до 40 тыс. м². Жили на одном месте долго, оседло.

Период безорудийной деятельности длился очень долго. Если учитывать самые ранние из обнаруженных сегодня форм древнего человека (около 7 млн лет) и появление первых орудий труда 2,2 млн лет назад, то он продолжался не менее 5 млн лет, т.е. значительно дольше, чем вся последующая цивилизация.

Факты свидетельствуют о том, что эволюция закончилась с окончанием последнего ледникового периода. Если человека верхнего палеолита подстричь, причесать и одеть в современную одежду, то его вряд ли удастся отличить от нас. Труд и порожденное им сознание помогли формирующемуся человеку не только приспособиться к дикой природе, но и приспособить ее к своим по-

требностям, интересам и целям. Антропогенез — это почти непрерывная нить, ведущая от *человека умелого* к *человеку разумному*. Таков питекантроп, обезьяночеловек, живший примерно 0,5 млн лет назад. За ним вверх по эволюционной лестнице идут синантроп и гейдельбергский человек. Еще выше — неандертальцы, обладавшие членораздельной речью и жившие группами по 50–100 человек. Они одевались в шкуры, широко пользовались огнем.

Примерно 50 тыс. лет назад на Земле появился кроманьонский человек, внешне почти неотличимый от наших современников. Он приручал животных, делал первые шаги в области земледелия, знал гончарное дело, умел сверлить, шлифовать. Это был *Homo sapiens*. Развитие производительных сил стало движущей силой прогресса человеческого общества, а его техническое могущество настолько велико, что человечество уже сегодня превратилось в мощную *геологическую силу*. Породив Человека, Природа избрала еще один могучий катализатор мирового прогресса. Благодаря технике деятельность человека приобрела планетарный размах, а будущее всей Земли, и не только ее органического мира, теперь зависит от дальнейшего хода *человеческой истории*. Сегодня нет ни одного континента, где бы ни жил и ни трудился человек². Он покрыл Землю поселениями, густой сетью железных и шоссейных дорог, прорыл каналы, создал искусственные водохранилища и зеленые насаждения, засеял поля. Возникли небывалые прежде искусственные ландшафты.

Окончание эволюции человека означает, что появившаяся речь (язык), вклинившись между ним и окружающей средой, неизменно ускорила разрыв с природой. Впервые культурная эволюция, начавшаяся 40 тыс. лет назад, стала обгонять биологическую: инстинкт и эмоции уравнились обычаем и мыслью. Именно речь явилась основой коллективной деятельности, от которой в свою очередь зависело, каким группам первобытных людей суждено было выжить в борьбе за существование, а каким — погибнуть. Таким образом, те, кто обладал более развитой речью, систематически выходили из этой борьбы победителями, что давало эволюционное преимущество особям с более развитым мозгом и тем самым способствовало его ускоренному росту.

Способность к общению, развивавшаяся у доисторических предков человека очень медленно, сделала гигантский скачок в последние 30–40 тыс. лет — от рисунков кроманьонцев на стенах пещер до современной письменности. Все достижения цивилизации являются следствием того, что человеку свойственно образное и абстрактное мышление.

За многомиллионнолетнюю эволюцию размеры человеческого мозга увеличились в 3 раза. Если учесть, что за тот же период средние показатели роста человека и окружности его грудной клетки возросли всего лишь на 20–40%, то увеличение объема мозга на 200% наводит на мысль, что эволюция человека шла прежде всего по пути развития мозга.

Мозг человека — это гигантское скопление нервных клеток (нейронов) и волокон (дендритов), которые представляют собой ветвящиеся отростки клеток, воспринимающие сигналы от других нейронов, рецепторных клеток или непосредственно от раздражителей.

Интенсивное развитие центральной нервной системы оказало глубокое воздействие не только на среду обитания человека, но и на численность народонаселения мира: в 1000 г. оно составляло порядка 300 млн, к 1900 г., т.е. девять веков спустя, возросло до 1,5 млрд, а в 2000 г. эта цифра превысила 6 млрд (рис. 10). Таким образом, только за XX в. численность народонаселения

Численность населения, млн чел.

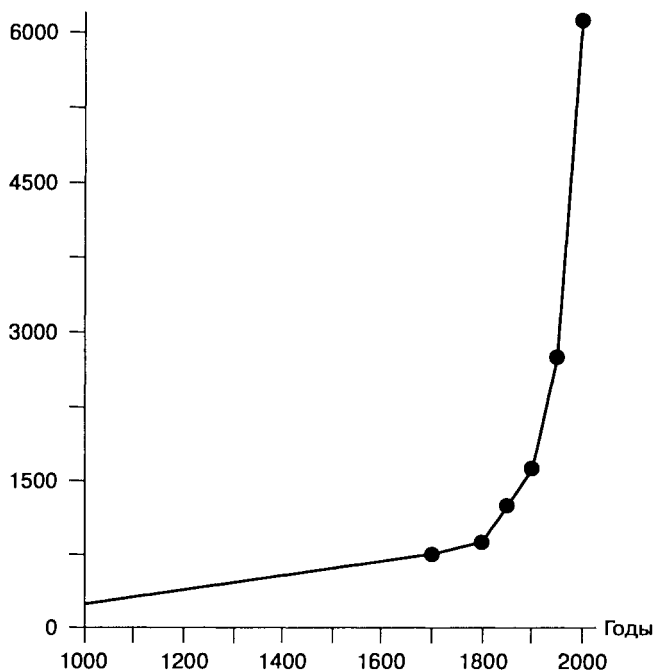

Рис. 10. Рост народонаселения мира с 1000 по 2000 г.

мира возросла на 4,5 млрд человек³. М. Стоункинг, изучив различные варианты ДНК 120 человек разных рас, пришел к выводу, что размер популяции в плейстоцене составлял порядка 18 тыс. человек⁴.

Другим фактором явилось изменение возрастного состава населения Западной Европы, Северной Америки, Австралии и России, где резко увеличилась численность пожилых людей. Так, в Великобритании с 1891 по 1968 г. население возросло с 35 до 52 млн, причем число лиц в возрасте до 45 лет увеличилось на 10–20%, в возрасте от 45 до 64 лет более чем удвоилось, а старше 65 лет возросло в три с лишним раза.

Причина — успехи медицины. Профилактика одних заболеваний и успешное лечение других дали возможность поднять продолжительность жизни с 55 лет в 1888 г. до 75 лет в 1988 г. (данные цифры являются усредненными, так как у женщин этот показатель обычно выше, чем у мужчин). Своими знаниями, которые привели к столь грандиозному рывку, человечество, безусловно, обязано неутомимой и самоотверженной работе ученых XVIII–XIX вв. «Таким образом, развитие человеческого мозга, — пишет Р. Кейп, — обусловило колоссальные достижения, но в то же время породило серьезнейшие проблемы. Демографический взрыв и сопутствующее ему резкое увеличение числа пожилых и престарелых полностью опровергли основную концепцию эволюции, согласно которой выживает сильнейший, а точнее, наиболее приспособленный. По мере приближения человечества к XXI в. все больший процент его будет состоять из пожилых и престарелых людей, отнюдь не сильнейших или не наиболее приспособленных, причем многие из них уже нуждаются и вскоре в еще большей степени будут нуждаться в помощи и поддержке общества»⁵.

Возможно, что за успехи в биологической и культурной эволюции человечество вынуждено расплачиваться дряхлостью и старостью. За последние полтора века число пожилых пар постоянно увеличивается, однако наиболее тяжелая судьба выпадает на долю тех, кто, потеряв спутника жизни, оказывается в полном одиночестве и не имеет никого, с кем можно было бы разделить повседневные радости и невзгоды. Этим изменениям предшествовал длительный процесс эволюции человека, и главным образом его головного мозга. Это, с одной стороны, позволило людям значительно обогнать в развитии всех других обитателей планеты, но, с другой — старческие расстройства мозга или угасание его функций часто делают человека совершенно беспомощным⁶.

Другая расплата — ожирение. Согласно данным Всероссийского мониторинга обеспеченности населения питанием в 2003 г.,

количество россиян старше 30 лет, страдающих от лишнего веса, достигало 55% всего населения. Отсюда — атеросклероз, инфаркт миокарда, ишемическая болезнь сердца, смерть в трудоспособном возрасте. Проводя в течение 16 лет наблюдение за 115 тыс. женщин, ученые во главе с Дж. Мэнсон установили, что в возрасте свыше 18 лет превышение нормальной массы всего на 10 кг увеличивает риск преждевременной смерти. Риск этот возрастает по мере увеличения нагрузки: если масса женщины превышает средний для ее возраста показатель на 18 кг, то шанс умереть раньше сверстниц повышается на 20%, а если на 25–30 кг, то опасность несвоевременной кончины возрастает на 60%.

По мнению американских исследователей, заболевания развиваются из-за того, что наш организм не способен справиться с влиянием современной жизни. «Наш организм не может развиваться в современном мире, где мы можем получить все, что пожелаем. Эта вседоступность убивает нас», — заявил в 2002 г. профессор психиатрии университета штата Мичиган Р. Несс. У современников возникают болезни, которых не существовало 10 тыс. лет назад, когда люди жили в более естественных условиях. Мы мало двигаемся, недостаточно дышим свежим воздухом, зато много куруем и кушаем жирную пищу. «Наше тело — тело человека, который привык проходить 20 миль в день в поисках еды и питья. Пища была богата клетчаткой и практически не содержала жира. Никто не страдал от избыточного веса». По мнению профессора Несса, наш организм создан таким образом, что мы испытываем тягу к вещам, которые вредны для нас: от сигарет до жирной пищи. Тем не менее профессор Несс уверен в том, что большинство патологий необходимы. Кашель, лихорадка и диарея способствуют очищению организма от токсинов. Если бы в ходе эволюции эти признаки были уничтожены, конкуренция среди человеческой расы стала бы ужасающей⁷.

1.2. Достижения палеогенетики

В 1980-х гг. произошла очередная научная революция. Появились данные, которые радикально изменили прежние представления о ранних стадиях человеческой эволюции. Речь идет о выдающихся открытиях новой отрасли знания — палеогенетики (иногда ее называют молекулярной палеонтологией). Оказалось, что в самом человеке, точнее — в его геноме, являющемся совокупностью всех генов организма, можно обнаружить следы эволю-

ционной истории вида. Гены впервые предстали в роли надежных исторических документов, с той лишь разницей, что запись в них сделана не чернилами, а химическими компонентами молекулы ДНК. Палеогенетики, изучив ДНК останков древних людей и сравнив их с генетической структурой современных людей (исследовались представители самых разных рас), установили, что наши прародители появились именно на Африканском континенте около 150–180 тыс. лет назад. Примерно 100 тыс. лет назад их потомки мигрировали по всей ойкумене, замещая всех прочих живших там гоминид, но при этом, что важно, не скрещиваясь с последними. Около 40 тыс. лет назад они добрались до Европы.

Проведенный в 2002 г. анализ ДНК человека показал, что человек мигрировал из Африки несколько раз за всю историю, и при этом прибывающие и уже осевшие популяции постоянно перемешивались, а не вытесняли друг друга. Это сенсационное заявление подразумевает, что генетический набор современного человека содержит в себе как гены *Homo sapiens*, так и гены неандертальцев и других вымерших ответвлений человеческой эволюции. Теория, выдвинутая популяционным биологом А. Темплетоном из университета Вашингтона в Сент Луисе, предполагает, что существовало как минимум две основные миграции человека, 420–840 и 80–150 тыс. лет назад. Доктор Темплетон разработал компьютерную программу под названием *GEODIS*, способную анализировать ДНК, взятую у тысяч современных людей, проживающих в абсолютно разных частях земного шара⁸.

До недавнего времени человек располагался в классификационной нише рода *Homo* совершенно вольготно. Никаких прямых конкурентов: *Homo Australopithecus* (австралопитеки), *Homo Neanderthalis* (неандертальцы) и прочие троглодиты давно пали жертвами беспощадной эволюции. Но шимпанзе почему-то уцелели. В современной антропологии наиболее распространенной является точка зрения, по которой «эволюция человеческой линии заняла не свыше 10 млн лет, а обезьяний предок гоминид имел черты сходства с шимпанзе, был, по существу, “шимпанзеподобен”. В качестве “модельного предка” человеческой и шимпанзоидной линии некоторые антропологи рассматривают карликового шимпанзе — бонобо — из джунглей Экваториальной Африки»⁹.

Генетический анализ помогает установить родство человека с ныне живущими предками и вымершими человекообразными обезьянами. С кем мы в дальнем и ближнем родстве? На помещенном ниже рис. 11 изображено генетическое родство с гоминидами, проценты выражают степень расхождения: чем он ниже, тем мы ближе друг к другу.

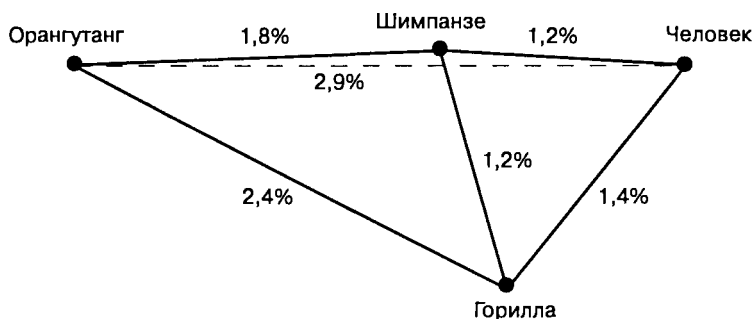

Рис. 11. Генетическая дистанция между гоминидами

Как видно из рис. 11, шимпанзе генетически ближе всего находится к человеку. На генетической дистанции шимпанзе столь же близко расположено к *Homo sapiens*, как и к гориллам, но дальше от орангутангов. Дальше всех от нас — на другом конце генетической вселенной — находятся орангутанги. Точно так же они далеки от горилл, правда, чуть ближе к шимпанзе. Что бы могли означать близкие и дальние генетические связи?

Недавно американские ученые обнаружили, что ДНК Человека Разумного и этой отсталой обезьяны на 99,4% идентичны. Заметим, для справки, что ДНК у разных представителей рода человеческого совпадают на 99,9%, т.е. шимпанзе и человека разделяют всего лишь полпроцента генетического материала. По оценкам М. Гудмэна, показания «молекулярных часов» свидетельствуют, что эволюционные дороги шимпанзе и человека разошлись 5–6 млн лет назад (гориллы откололись за 1 млн лет до этого). Но некоторые антропологи, С. Харкорт например, полагают, что разрыв произошел на 3–4 млн лет раньше.

На Западе сегодня ширится кампания за предоставление шимпанзе, орангутанам и гориллам... гражданских прав. Организаторы кампании настаивают на том, что у этих обезьян должны быть законодательные гарантии, что с ними не будут обращаться жестоко и унижительно, не станут использовать в «бесчеловечных» экспериментах. Ведь обезьяны, как якобы свидетельствуют научные данные, все понимают и обладают многими человеческими качествами. Например, чувством собственного достоинства. Американский зоопсихолог Р. Фуотс свою статью в одном из последних номеров журнала *Psychology Today* недвусмысленно озаглавил «Мой лучший друг — шимпанзе».

1.3. Положение человека в системе животного мира¹⁰

Человек имеет очень древнюю эволюционную родословную. В числе все более и более древних предков оказываются: низшая обезьяна, полуобезьяна, низшее плацентарное млекопитающее, примитивное сумчатое млекопитающее, однопроходное млекопитающее, пресмыкающееся, земноводное, двоякодышащая рыба, ганоидная рыба, примитивное хордовое животное типа ланцетника, общий предок ланцетника и асцидий в виде беспозвоночного. В самом же начале животного мира стоят первые живые существа, которые являются, таким образом, исходным пунктом развития и для человека. Человеческая яйцеклетка некоторым образом напоминает об этой первоначальной ступени филогенетической эволюции.

По строению и расположению своих органов человек относится к классу млекопитающих. Наиболее существенные признаки, присущие как человеку, так и млекопитающим, — это млечные, сальные и потовые железы, волосяной покров тела, специализированные зубы (резцы, клыки, предкоренные и коренные), четырехкамерное сердце и левая дуга аорты, легочное дыхание, наличие диафрагмы, высокоразвитый головной мозг, внутриутробное развитие зародыша, вскармливание детеныша молоком. И у человека, и у животных единые звенья тканевого обмена веществ, сходным образом осуществляются рост и индивидуальное развитие, единый для всего органического мира принцип хранения и реализации генетического кода и др. Максимальное сходство человека обнаруживается с представителями семейства человекообразных обезьян, или *антропоидов*: гориллой, шимпанзе, орангутангом, гиббоном. Общность внутреннего строения человека и антропоидов дополняется внешним сходством: у них единый план строения верхних и нижних конечностей, отсутствие хвоста, очень сходные ушные раковины, наличие ногтей на пальцах и др.

Почти невозможно отличить зародыши человека приматов и других позвоночных животных на ранних этапах развития. У эмбриона человека образуются хорда, жаберные борозды, жаберные дуги и соответствующая сеть кровеносных сосудов подобно тому, как это имеет место у древнейших акулых рыб. Некоторые особенности «рыбьей стадии» развития могут проявиться у человека в виде атавизмов. Пример — шейные фистулы, сообщающиеся с глоткой. В процессе эмбрионального развития у человека появ-

ляется, а затем исчезает, ряд других подобных признаков, но некоторые из них сохраняются в виде *рудиментов*, указывая на явную связь с животным миром. К их числу относятся: копчик — остаток хвоста, выраженный в позвончнике эмбриона в возрасте 1,5–3 месяцев внутриутробного развития, наружный волосяной покров, червеобразный отросток слепой кишки, подкожные мускулы, которые развиты у человека только на лице и в виде рудимента имеется подкожная ушная мышца и др. Всего у человека насчитывается более 90 рудиментов.

От пресмыкающихся человек унаследовал ряд признаков, которые обнаруживаются преимущественно в утробный период, например, в развитии головного мозга, строении и характере приращения конечностей у плода нескольких месяцев.

Характер распределения волос на теле плода группами — по три и пять штук в известной степени соответствует способу расположения чешуи на кожном покрове древних рептилий, послуживших предками млекопитающих. В числе более поздних предков человека были древние млекопитающие, о чем свидетельствует еще большее количество фактов. Так, головной мозг человеческого плода на ранних ступенях развития своей гладкой поверхностью и примитивностью строения сильно напоминает мозг современных низших млекопитающих (эти особенности унаследованы человеком, вероятно, от их мезозойских форм).

О родстве человека с низшими млекопитающими свидетельствуют и другие примитивные черты, обнаруживающиеся в его онтогении. Например, у человеческого шестинедельного зародыша формируются зачатки нескольких пар молочных желез вдоль млечных линий. По всему телу (кроме ладоней и подошв) развивается довольно густой, хотя и мелкий волосяной пушок, иначе лануго. В ротовой полости на мягком небе образуются заметные валики, в ярко выраженной форме столь характерные для обезьян, хищных и других млекопитающих.

Подобная форма наружного уха свойственна человеческим плодам в возрасте 5–6 месяцев и наследуется, очевидно, от ископаемой низшей обезьяны, в некоторых отношениях сходной с макаком и составляющей одно из звеньев нашей родословной. В случае неполной завершенности завитка раковины на его верхнебоковом участке образуется маленькое кожное разрастание в виде бугорка, получившего название «дарвинова».

К числу атавизмов от стадии млекопитающих относятся также: необычайно сильное развитие ушных мышц, позволяющее человеку двигать ушной раковиной; развитие морганьевых желу-

дочков гортани на глубину свыше 1 см; лишние молочные железы, или соски; зачатки некоторых лишних зубов; чрезмерно сильная волосатость на теле и лице; хвостик. У каждого человека есть червеобразный отросток слепой кишки, или аппендикс: этот рудиментарный орган является неоспоримым свидетельством, что наши предки на ступени низших млекопитающих обладали довольно длинной слепой кишкой. У некоторых современных млекопитающих, например грызунов, копытных, в слепой кишке происходит энергичный процесс переваривания пищевых масс.

Аппендикс представляет собой один из многочисленных рудиментов человеческого тела. Чрезвычайно характерной особенностью рудиментов как остаточных органов является сильная изменчивость их формы, размеров и строения. Так, при средней длине 8–9 см аппендикс у человека иногда достигает 20–25 см, как у человекообразных обезьян; он бывает и сильно укорочен, до 1–2 см, а в очень редких случаях и совсем отсутствует. Будучи богат лимфоидной тканью, особенно в молодом возрасте, червеобразный отросток, по-видимому, соответствует какому-то отделу слепой кишки других млекопитающих, не имеющих аппендикса.

Можно полагать, что предки людей в ходе эволюции частично или полностью потеряли следующие черты: тонкость обоняния, волосяной покров, большинство кожных мышц, хвост, хватательную способность стопы, признаки в челюстях и кишечнике, указывающие на растительноядный образ жизни, гортанные мешки, двурогуя матку, заостренность ушной раковины. У самок более поздних предков человека, а именно полуобезьян и обезьян, в связи с уменьшением числа рождавшихся детенышей произошла редукция большей части молочных желез, по мнению Дарвина, передавшаяся и самцам этих предков.

Атавизмы (от лат. «атавус» — предок) представляют собой признаки, отсутствующие у ближайших, но свойственные очень далеким предкам человека. Например, густой волосяной покров тела, появление дополнительных сосков у женщин и мужчин, случаи рождения людей с хвостом и др. Все эти факты в свое время дали основание Ч. Дарвину прийти к заключению, что человек и млекопитающие произошли от одного общего древнего предка. Благодаря развитию мимической мускулатуры антропоиды могут выражать общие эмоции: плач, смех, гнев или возбуждение и т.п. Антропоиды болеют многими инфекционными болезнями, присущими человеку (туберкулез, брюшной тиф, детский паралич, дизентерия и др.). У шимпанзе встречается болезнь Дауна (умственная отсталость), возникновение которой, как и у человека,

связано с присутствием в кариотипе животного третьей хромосомы из 21-й пары. Выявлены черты сходства по группам крови. Биохимические и молекулярные исследования показали, что по сходству белков альбуминов наиболее близки к человеку шимпанзе, горилла, орангутанг; у павиана и мартышки эти белки имеют незначительно сходство с белками человека, и совсем далеки по этому признаку от человека долгопяты и лемуры. Отечественный биохимик А.Н. Белозерский проанализировал результаты молекулярной гибридизации ДНК для выявления степени общности генетической информации в хромосомах человека и некоторых обезьян. Оказалось, что количество сходных нуклеотидных последовательностей в ДНК у человека и шимпанзе составило 91%, у человека и гиббона — 76, у человека и макака резуса — 66%, т.е. чем ближе в систематическом отношении животные стоят к человеку, тем большее между ними сходство в молекулярной структуре ДНК.

Человек унаследовал от приматов такие черты, как широкие плечи и широкая плоская грудь, общность строения локтевого и запястного суставов, кистей рук и всего верхнего пояса, — те качества, которые у обезьян возникли благодаря древесному образу жизни.

Немалое родство человека с животными обнаружено и в области сравнительной патологии и паразитологии. Оказывается, что из 25 видов простейших, паразитирующих на обезьянах, 18 видов встречаются и у человека, в то время как у других млекопитающих животных эти паразиты не зарегистрированы.

В свое время Ч. Дарвин привел убедительные доказательства филогенетической общности эмоций и способов их выражения, посвятив им отдельное сочинение, тесно связанное с «Происхождением человека». В сочинении «Выражение эмоций у человека и животных», вышедшем в 1872 г., Дарвин с успехом показал, что по чертам элементарной психической деятельности и способам выражения ощущений человек, несомненно, генетически связан с обезьянами. Другой важный вывод состоит в том, что среди человеческих рас психических различий не существует.

Однако человека выделяют из мира животных *принципиальные биологические отличия*, такие как вертикальное положение тела и передвижение на двух ногах, высокая степень развития рук и способность выполнять разнообразные, тонкие и высокоточные операции, большой объем головного мозга, который в 2,5 раза превышает мозг антропоидов и в 3,5 раза — площадь его поверхности, и наконец речь, которая свойственна только человеку.

Не случайно Ч. Дарвин в свое время сделал вывод о том, что ни одна из современных человекообразных обезьян не является непосредственным родоначальником людей. Родословную человека составляет длинная цепь его предшественников, она уходит в глубину времен на десятки миллионов лет, и последним звеном перед первыми людьми была ископаемая человекообразная обезьяна. Неизвестный при жизни Дарвина ископаемый предшественник человека был обнаружен впоследствии, подтвердив научное предвидение ученого.

1.4. Эволюционный базис культуры

Потребность в культуре — результат почти семимиллионнолетней эволюции человеческого рода, в течение которой произошли очень важные изменения в строении тела. И первым среди них был переход к прямохождению, освободившему руки для употребления орудий труда. Последние разнообразили употребляемую пищу, а та в свою очередь вызвала серьезные изменения в строении челюстей, органов пищеварения и мозга.

Прямохождение является древнейшей системой гоминизации, сформировавшейся уже 3,5–4 млн лет назад, а возможно, и ранее. Известно, что приматы вообще обладают способностью удерживать туловище в более или менее выпрямленном положении, однако бипедия человека принципиально иная, чем у других крупных гоминоидов, принимающих по временам выпрямленное положение. Лучшим индикатором прямохождения на скелете приматов является тазовый пояс. Основную роль в его преобразовании у предков человека сыграли: расширение подвздошной кости спереди и одновременное усиление ее средней части, а также укрепление крестцово-подвздошных и тазобедренных сочленений и их сближение; прогрессивное развитие элементов мускульносвязочного аппарата, фиксирующих разгибание ноги в тазобедренном и коленном суставах. Отсутствие подобной структуры таза у других приматов побуждает их передвигаться на двух ногах быстро, сгибая туловище вперед. Экспериментально показано, что по энергетическим затратам двуногая походка человека при ходьбе с нормальной скоростью эффективнее, чем типичная четвероногая походка млекопитающих или чем двуногая или четвероногая локомоция шимпанзе. Следовательно, бипедия давала предкам человека определенные энергетические преимущества.

Прямая походка изменила структуру гортани и открыла возможности возникновения речи. Произошедшие вслед за этим крупные изменения в репродуктивной системе женщины перекроили структуру половых отношений. Но не только это. Потребовалась мощная надстройка к ним в виде социальных отношений. Дело в том, что у более сложного вида живых существ, каковым теперь являлся *Homo sapiens*, рождались самые беспомощные детеныши. Их выживание напрямую зависело от того, как сильно помогает в их воспитании вся группа. Так параллельно институту родительства формируется внутригрупповая социальная структура.

Слабость человеческих детенышей компенсировалась удивительной гибкостью и адаптивностью. Волк, носорог или слон способны существовать только в том климатическом поясе, в каком они были рождены. Человек мог жить везде. И все это благодаря тому, что жесткую программу инстинктов, задающих один-два варианта действий, заменила совокупность навыков — система обученных практических умений, приобретенных путем передачи знаний и их практической тренировки. Недаром многие антропологи так и определяют культуру — как совокупность социальных навыков и умений.

Родившись без запрограммированного поведения, люди должны всякий раз заново обучаться тому, как интерпретировать окружающий мир и реагировать на него. Ничего такого животным делать не надо. Учиться каждый раз заново — тяжкий труд, на который отныне обречено было все человечество. Ведь с каждым новым поколением обученное исчезало и процесс приходилось повторять сызнова.

Но вновь природа оказалась небезучастной к людям. Этот недостаток компенсировался тем, что каждое новое поколение, вынужденное заново обучаться социальным знаниям, делало это немножко на более высокой ступени, чем предыдущее. Так накапливались и приумножались знания, так они постепенно развивались и углублялись. А здесь уже надо говорить о культурном и социальном прогрессе человечества. Биологическая эволюция закончилась, началась эволюция культурная.

Биологическая эволюция подарила человеку уникальный инструмент — мозг, способный улавливать самые невероятные сочетания звуков, и гортань, способную их производить. Все мы знакомы со скрипкой и роялем, которые также являются прекрасными инструментами. Беда их, кстати как и гортани птиц, состоит в том, что настроены они на довольно узкий диапазон воз-

возможностей. Благодаря универсальности речевых возможностей человек создал языки самой разной сложности и самых разных видов. Язык стал своеобразным транспортным средством цивилизации: благодаря ему информация передавалась, создавалась, записывалась, дублировалась, переводилась и т.п.

Среди ярких примет, которые отличают человека от животных, ученые в том числе называют две на первый взгляд странные черты — изобретение календаря и использование диеты. Действительно, семидневная неделя — образец произвольной конструкции, демонстрирующей победу социального над природным. Не меньшую культурную функцию выполняет режим питания. К примеру, гиппопотамы могут прекратить есть, но они никогда не смогут перейти на диету.

Только людям присущи диета, самоубийство, превращение сексуального влечения в любовь, семидневная упорядоченность времени. Таковы лишь немногие отличительные характеристики человека. Только люди способны осмысливать свои поступки и контролировать природные импульсы при помощи искусственно сотворенных правил, норм, ритуалов и церемоний. Однако превалирование культурного начала над природным произошло не сразу. Потребовались миллионы лет, в течение которых неподконтрольные импульсы животных переплавлялись в утонченные чувства, систему внутреннего контроля и логическое мышление.

Сознание *Homo sapiens sapiens* (таково техническое название современного человека) составляют идеи, нормы, принципы и символы, которые рождаются в организованных группах и ради организации совместного взаимодействия в группах. Хотя их носители — отдельные индивиды, правила и нормы принадлежат человеческому коллективу в целом. В каждой местности, замкнутой географическими границами и служащей средой обитания самостоятельного этнического объединения, возникают свои, в чем-то непохожие на других, культурные коды поведения, иначе говоря, системы правил и норм, регулирующих взаимодействие с соплеменниками и представителями чужих этносов.

Природа обошлась с человеком как злая мачеха: как только он подрос и начал проявлять самостоятельность, она бросила его на произвол судьбы. *Homo sapiens* — единственное из живых существ, лишенное не только волосяного покрова, но и инстинктов — готовых форм поведения и ориентации в окружающем мире. Вот почему дикая природа кажется ему неорганизованным хаосом. Вот почему человеку пришлось выдумывать искусственные заместители природных ориентиров.

Прошло лишь несколько тысячелетий, как древние евреи придумали семидневный календарь, который позже заимствовали у них христиане и мусульмане. А до этого человечество пользовалось языческим календарем, подчинявшимся естественным фазам движения Луны. Хотя семидневная неделя — совершенно искусственное построение, никак не связанное ни с каким природным ритмом, вызывает удивление то, насколько быстро и ловко все человечество сумело приспособиться к нему, втянуться в него и подчинить ему всю ритмику своей многообразной жизни. Может сложиться впечатление, что и сам человек — искусственное, неземное создание. И это почти так, если учесть, что понадобилось 2–3 млн лет непрерывной биологической эволюции и еще 40 тыс. лет более интенсивной культурной эволюции, чтобы в конечном итоге создать мозг, поражающий своими возможностями и достижениями. Все, что создает человек, возникает как естественное продолжение, выведенное во внешний материальный мир, его разума и воли. В любом культурном изобретении воплощен тщательно закодированный, многократно проверенный экспериментами социальный опыт. Так произошло с семидневным календарем. Это удивительное изобретение организует и распределяет человеческие действия по 24-часовым циклам активности. В календаре выделены специальные дни для труда и специальный день (а ныне два дня) для отдыха, специальные дни отведены богослужениям и общению со знакомыми. Внутри каждого дня временная шкала разбита на часы сна, труда и отдыха, на ней условно выделены часы для занятия досуговой деятельностью (чтение газет и книг, просмотр телевизора, рукоделие), домашним хозяйством (уборка помещения и приготовление пищи), семейного общения и домашних игр и т.п. Очевидно, что мы имеем не только надежный компас в неразберихе повседневной жизни, но и эффективного менеджера-организатора всех наших действий.

1.5. Человеческий мозг и культурные условности

В сравнении с размерами тела человеческий мозг много крупнее, чем у других животных. В нем больше каналов и специализированных зон, где разворачиваются грандиозные по своей сложности умственные процессы. Животные способны научиться контролировать разве что отдельные реакции. Но только человеческому существу подвластно контролировать все реакции и, более того,

заменять естественные на искусственно приобретенные (благодаря мощнейшему оружию, которого нет ни у одного животного, а именно обучению).

Сравним схему инстинктивного и социального поведения. В первом случае между импульсом, поступающим извне, и ответной реакцией организма нет никаких посредников.

Все животные функционируют по схеме «стимул—реакция», а люди — только попав в экстремальные ситуации. Нетрудно вообразить себе весь спектр ситуаций, когда мы то ли опаздывая, то ли не соображая, реагируем моментально, не продумав свои шаги и последствия своих действий.

Возьмем пример сексуального возбуждения. Человеку трудно контролировать себя в подобные минуты. Но они редки и не составляют содержания повседневной жизни. Мы завтракаем, одеваемся, учимся или работаем, ходим по магазинам, судачим с подругами, а сексом занимаемся только подходящее время и в подходящем месте. Слово «подходящее» как раз и подчеркивает наше отличие от животных: над нами властвуют культурные условности.

Они и есть тот посредник, который встает на пути между стимулом и реакцией. Он разрывает непрерывную цепь естественного поведения. Его штаб-квартирой служит мозг. Человеческий мозг временами напоминает офис, в котором кипит непрерывающаяся работа: множество сотрудников-нейронов анализируют, сортируют и интерпретируют то, что мы ощущаем, воспринимаем, чувствуем и переживаем. Многие отбраковываются как несоответствующее нашему внутреннему образу о себе. И наоборот, пропускают именно то, что соответствует тому, чему мы научились, чем овладели, что сделали своим.

Содержанием сознания выступает усвоенный отдельным человеком культурный опыт человечества, т.е. совокупность правил, норм и символов. Оно, это сознание, и выступает в роли незримого цензора. З. Фрейд придумал ему специальное название — Сверх-Я. Оно соотносит каждый природный импульс с культурными правилами: безумно захотев есть, мы не мчимся со всех ног в столовую посреди лекции и не обгладываем соседа. Нет, мы подчиняемся культурным условностям, контролируя мощнейший природный импульс.

Культуру можно представить себе как внешнюю среду или продолжение нашего мозга, чувств и поведения. Она создается, сохраняется и изменяется благодаря социальному взаимодействию. Научение культурным нормам можно назвать процессом социа-

лизации. Конечная цель социализации — достижение конформизма с ожиданиями окружающих людей. Естественно, каково окружение, таковы и мы сами. По большому счету нас воспитывает ближайшая социальная среда, а не далекие к нам социальные институты и абстрактные нравственные принципы. Воспитавшиеся в небольшом захолустном городке юноши и девушки усваивают провинциальные манеры поведения, свойственные замкнутой территориальной общности. Столкнувшись с нравами и нормами большого города, они испытывают неловкость и полностью дезориентируются.

Правда, социализация как продолжающийся всю жизнь процесс подстраивания под ожидания «значимых других» никогда не бывает завершенной: стопроцентного соответствия нормам и требованиям среды никто из нас не достигает. Всегда остается некий зазор — степень отклонения (культурной девиации), показывающая уровень независимости наших мнений, взглядов, мыслей и поведения от мыслей и взглядов «социальных близких». Благодаря чему люди разнообразны и непредсказуемы в своих действиях. Хотя эта непредсказуемость распространяется скорее на конкретные, частные поступки и не распространяется на поведение в целом. Оно по большому счету предсказуемо.

Слегка отклоняющееся от среднего стандарта поведение называют разнообразным, сильно отклоняющееся — девиантным, или нонконформизмом, а просто неординарное поведение зовут экстравагантным.

1.6. Появление культуры

По мнению специалистов, род возник на рубеже раннего и позднего палеолита. Именно в это время появляется современный тип человека. Господство биологических законов естественного отбора кончается. Человек расселился по всем климатическим зонам Земли. Появляются одежда, жилище и очаг, климат становится постоянным. Род — дисциплинированный и организованный коллектив, создавший постоянные условия жизни. Отныне главным стало не приспособление к среде, а адаптация к законам и нормам коллектива.

Начинается социализация в подлинном смысле слова. В мозге человека того исторического периода были наиболее развиты как раз те участки, которые связаны с общественной жизнью. Они регулировали взаимоотношения и тормозили проявления зоологического индивидуализма.

Некоторые специалисты уверены, что это, без сомнения, был материнский род. Крупные родовые общины обитали в больших удлиненных домах. Подсчеты доказывают, что в каждом проживало не менее 50 человек. Источником пищи служила охота на крупных животных, которая требовала много участников.

Как ни странно, но первоисточником культуры, а затем цивилизации стала хрупкая женщина. Точнее, группа, состоящая из матери и ребенка. Два миллиона лет назад по земле бродили бесчисленные детско-материнские группировки, единственным средством выживания которых было фуражирование — поиск подножных кормов (фруктов, корнеплодов, ягод, орехов) с целью их немедленного потребления. Детско-материнские группы дополнялись одним или несколькими взрослыми самцами, следовавшими за ними. Из них отбирались кандидаты для спаривания и ухода за детьми. Этот исторический период называют периодом предлюдей.

Лишь 400 тыс. лет назад появилось население, которое с большими натяжками можно было окрестить «людьми». Из Африки — прародины всего человечества — через Азию они проникли на юг Европы. Их называют *Homo sapiens* (люди мыслящие). У них были довольно сложный мозг и похожий на нас скелет. В их распоряжении находились простейшие орудия труда. Люди вида *Homo sapiens* были организованы в локальные группы численностью 20–30 человек. На смену фуражированию пришло более прогрессивное собирательство, при котором находимая пища складировалась и сохранялась для более позднего потребления.

Собирательство оказалось более трудоемким, но и более эффективным приемом хозяйствования. Оно включало транспортирование, складирование и хранение даров природы. Поскольку в это время был уже открыт огонь, вполне вероятно, что и мужчины, и женщины совместно охотились на мелких животных и птиц. Трудовая кооперация представителей двух разных полов дополнялась, по всей видимости, кооперацией социальной. Уже в этот период можно говорить о зарождении протосемьи, зачатков воспитания и социализации подрастающего поколения, в котором принимала участие не только мать, но и отец. Ученые считают этот шаг решительным прорывом к образованию в будущем общества, ибо отец обучает ребенка прежде всего социальным навыкам.

В промежутке между 75 и 100 тыс. лет тому назад появился более «современный» вид *Homo sapiens*, который примерно 40 тыс. лет назад эволюционировал в *Homo sapiens sapiens*.

С него берут свое начало все живущие сегодня народы. А поскольку все мы произошли от одного корня, никакая теория о превосходстве одной расы или нации над другими не имеет научной основы. Отныне тело и мозг существенно не продвинулись вперед. Зато насколько более выразительными стали жесты и манеры поведения, язык и речевой этикет, формы одежды, закрывающей тело, и прически, украшающие человеческую голову. И это лишь немногие штрихи, указывающие на то, как далеко продвинулась человеческая культура с того самого момента, как человек перестал совершенствоваться биологически.

В последние 10 тыс. лет человек двигался вперед гораздо быстрее, чем в предшествующие миллионы лет. За этот период он прошел путь от каменного века до освоения космоса. Сегодня один человек узнает за один день больше, чем его предок, живший в саванне, узнавал за всю жизнь. Половину всех своих знаний человечество получило в XX в., а $\frac{3}{4}$ знаний в области авиации — после Второй мировой войны.

Специалисты утверждают, что истоки культуры восходят к тому времени, когда наши предки начали иначе относиться к умершим. Ни одно животное не хоронит погибших сородичей. Это делает только человек.

Первым начал хоронить своих предков неандерталец — 80–100 млн лет назад. С этого начинается социальность. И на всем протяжении истории она существовала в небольших замкнутых общинах. Лишь недавно человечество переселилось в огромные «социальные муравейники» — крупные и сверхкрупные города, которые почему-то называют очагами культуры. И сразу же начались всевозможные — прежде всего социального происхождения — болезни и недомогания типа стрессов, эпидемий, преступности, транспортной усталости и т.п. Видимо, человечество не приспособлено к жизни в огромных муравейниках, где, в отличие от самих муравьев, люди теряют моральные принципы и превращаются в анонимных социальных акторов.

Факты свидетельствуют о том, что биологическая эволюция закончилась с окончанием последнего ледника. Если человека верхнего палеолита подстричь, причесать и одеть в современную одежду, то его навряд ли удастся отличить от нас.

Окончание эволюции человека означает, что появившаяся речь (язык), вклинившись между ним и окружающей средой, неизменно ускорила разрыв с природой. Впервые культурная эволюция, начавшаяся 40 тыс. лет назад, стала обгонять биологическую: инстинкт и эмоции уравновесились обычаем и мыслью.

Итак, культурная эволюция — специфическая особенность человека, отличающая его от всех других видов живых существ. Богатая и разнообразная информация, накопленная в ходе этого процесса, не только способствовала выживанию человека, но исключительно повысила его шансы в борьбе за существование. Если сформулировать в одной фразе причины этого успеха как природного явления, то можно сказать: с помощью культурной эволюции человек выработал такое поведение, которое постоянно повышает его приспособленность к жизни.

За очень короткий отрезок времени человечеству удалось освоить — и даже усовершенствовать — большинство специфических навыков, которыми другие организмы овладевали на протяжении всей биологической эволюции. Мы летаем выше птиц и умеем передвигаться по воде быстрее любой рыбы. С помощью приборов мы усиливали наши органы чувств и теперь не уступаем, а часто и превосходим в этом отношении остальных животных. Мы используем практически все существующие в природе способы получения пищи. Мы научились защищать себя лучше, чем любые другие живые существа¹¹.

Знаменательно, что нынешний внешний облик человека на протяжении длительного времени остается практически неизменным. Культурная эволюция, усовершенствовав поведение человека и тем самым обеспечив ему высокую конкурентоспособность в борьбе за жизнь, сделала ненужными любые изменения человеческого организма, не относящиеся к мозгу и нервным клеткам.

Большое значение для культурной эволюции имели такие физиологические особенности, как большой объем мозга и продолжительный период детства.

Отбор индивидов, которые смогут выжить и оставить потомство, шел, в общем-то, по одному-единственному признаку — способности использовать культурную эволюцию, так как именно она обусловила успешное развитие человечества. Человек — единственный продукт культурной эволюции.

1.7. Первобытный человек: вымысел и реальность

В некоторых книгах, скажем, в знаменитой научно-фантастическом романе И. Ефремова «Лезвие бритвы»¹², даже в учебниках, принято идеализировать первобытное время. Палеолитических людей изображают чуть ли не как античных богов. «Благородно-

го дикаря» часто противопоставляют «развращенному цивилизацией» человеку. Мы то и дело слышим о том, что первобытный человек жил в гармонии с природой. Но так ли это в действительности?

Разумеется, некоторых современных заболеваний палеолитический человек практически не знал. Например, кариеса зубов. Но ему были известны полиомиелит, остеохондроз и много другое. Раскопанные археологами погребения свидетельствуют о недостаточном питании, мускульных и скелетных дефектах. Ученые, всерьез изучавшие первобытные племена и жившие с ними бок о бок, рассказывают о крайне низкой продолжительности жизни, о массе хронических заболеваний, отсутствии элементарной гигиены, об умирающих родами 15-летних девчонках, о 40-летних стариках, о чудовищной детской смертности...

История древнего мира знает немало сказаний о благородных поступках, сильных страстях, жажде познания, проявлениях самого высокого духа. Нам известны великолепные наскальные изображения, найденные в первобытных пещерах. Но существует, оказывается, и другая сторона явления: регулярные голодовки, державшие первобытного человека в постоянном страхе, дикие, порой отвратительные нравы и обычаи тех времен (истории о «лишних» детях и «зажившихся» стариках, оставляемых бушманами в саванне на смерть).

В древнекаменном веке люди жили недолго и умирали рано. Синантропы в среднем жили лет по 25–30. Неандертальцев хоронили в возрасте между 30 и 40. Во II тысячелетии до н.э. продолжительность жизни составляла 40–50 лет.

Человеческий род существует несколько миллионов лет. Самому раннему из известных погребений — не более 60 тыс. лет. Выходит, что людей стали хоронить совсем недавно. А что делали с ними раньше? Ученые высказывают гипотезу о том, что всех людей, родившихся и умерших до того, попросту съедали. Ни один питекантроп и синантроп не был погребен.

Их кости, если судить по археологическим раскопкам, расщеплены, обожжены и обгрызаны, как и кости всех остальных животных. Разрубили каменными орудиями, согрели, поджарили в огне костра, а потом расщепляли для извлечения костного мозга. Та же участь поджидала многих неандертальцев, живших позже питекантропов, в эпоху порядка 50 тыс. лет назад. Каннибализм, т.е. людоедство, был в порядке вещей. Нет никаких оснований полагать, что с трупом человека раньше обращались иначе, чем с трупами любых других животных¹³. Но подобное может означать одно:

человек воспринимал другого человека не как гуманоида, а как представителя животного мира, на которого можно охотиться, убивать, загонять, истреблять.

В начале своей общественной истории человек не выделялся сам и не выделял других людей в качестве совершенно особого существа. Такое выделение появилось очень поздно, по историческим меркам почти вчера. Первыми выделились соплеменники. Их считали «настоящими людьми». Если ты — член своей группы, то ты «свой», тебя есть нельзя. На членов другой человеческой группы защита не распространяется. Только «свой» подлежал опеке и защите. В том числе захоронению (в слове за-хорон-ение слышится охрана мертвого на том свете).

Первыми начали хоронить неандертальцы. Но лишь «своих». Иноплеменников продолжали поедать. Кое-где ели до самого последнего времени. Ели тех, кого не признавали. И дело далеко не в «белковом голодании», нехватке пищи и т.п.

В палеолите социальный мир делился на две части: свои — это «настоящие люди» (как называют себя чукчи и многие индейские племена), а чужие — это «нелюдь». Людей есть нельзя, а нелюдь — можно. Даже самые страшные (с современной точки зрения) деяния по отношению к «чужим» не будили дурных чувств. На чужих и нелюдей моральные запреты не распространялись. Даже с точки зрения куда более просвещенных римлян на иноплеменников не распространяются юридические законы. Древние римляне так и писали на границах своей империи: «Дальше этого места закона нет».

Когда же иноплеменников начали признавать людьми? Неравенство «своего» и «чужого» совершенно очевидно даже для людей Средневековья. Земли иноплеменников можно отобрать и освоить; иноплеменников бояться и стараются ослабить, а по возможности — и подчинить.

Выгодно и вполне нравственно использовать труд иноплеменников в виде военной добычи, дани или обращения в рабство. На рабстве держался несколько тысячелетий весь античный мир — цивилизации Египта, Вавилона, Греции, Рима. И тем не менее принуждение к труду — это уже не физическое истребление¹⁴. Сделан первый и очень важный шаг к гуманистическому пониманию человека. Однако окончательный поворот произошел каких-нибудь 200–300 лет назад.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, почему современные солдаты испытывают глубокий стресс, убивая противника? Они знают, что враг посягнул на самое святое — его родину и за это

должно следовать возмездие. Но они также знают, что враг — такой же человек, как они сами, что приходится убивать таких же, как они сами, людей. Современные солдаты испытывают такой жуткий психологический шок, который был неведом первобытному человеку, поедающему чужеплеменника. В его представлениях он никого не убивал — он просто охотился на людей, как охотятся на дичь.

К сожалению, в глубокой древности в массовом порядке истребляли не только людей, но и окружающую природу. Ученых поражают масштабы истребленных человеком животных. Огромные площади поселений буквально состоят из костей сотен и тысяч крупных животных. На сооружение одного «жилища из костей мамонта» уходили кости до 30–40 особей. Общий вес всего «строительного материала» мог превысить 15–20 т¹⁵.

Сооружая такое жилище, шесты (часто — из ребер того же мамонта) вставлялись в теменные отверстия мамонтового черепа. Для этого огромные, чуть ли не по грудь человеку, черепа взрослых самцов ставились основанием бивней вниз и теменным отверстием вверх. А для устойчивости такого черепа под него подкладывали черепа то ли совсем маленьких, новорожденных, то ли даже не успевших родиться детенышей. Из 109 мамонтов, найденных в слоях Межиричей (Украина), детеныши и молодняк составляли 83–85%, а старые животные вообще отсутствовали. В берелехском стаде старые животные составили 21%, молодняк — 50%. Конечно, зрелище 30–40 черепов детенышей, использованных для строительных целей, производит тягостное впечатление¹⁶.

Яркие свидетельства «расточительности» охоты палеолитического человека — вовсе не исключение. На стоянке Амвросиевка найдены останки примерно 800 бизонов. Этих животных поймали в ловушку, используя для нее овраг. Часть животных успели съесть, большая часть — сгнила¹⁷. На Мальге найдены останки 600 оленей, в Шуссендире — примерно 500, в Гурдане — порядка 3 тыс. Массовые облавные охоты приводили к гибели целые стада травоядных. При этом использовалась только часть полученной добычи. Н. Верещагин полагает, что палеолитические обитатели Русской равнины и Крыма должны были ежегодно истреблять 120 тыс. северных оленей, 80 тыс. лошадей, 30 тыс. бизонов или 10 тыс. мамонтов¹⁸. Кстати, у индейцев еще в середине XIX в. организовывались такие же точно загонные охоты — порой губившие целые стада бизонов, от которых использовалась лишь часть.

Во всех древних обществах добывали как можно больше животных, делали запасы — заранее зная, что часть добычи ни использовать, ни сохранить не удастся. Эскимосы в благоприятные годы добывали в 1,5–2 раза больше добычи, чем могли использовать¹⁹. В периоды изобилия эскимосы даже... отгоняли от берега взрослых китов и били только молодняк, т.е. вандализм был совершенно сознательным. На поселении Масик (Чукотка) остались кости более чем 1,5 тыс. китов не старше 2 лет²⁰.

Животных истребляли не только в холодной Антарктике, но в горячей Африке. Ученые рисуют впечатляющие картины истребления животных зулусами в ходе загонных охот. Дротиками они забрасывали слоних с маленькими детенышами. Убивая слона, пигмеи заранее знают, что успеют использовать только часть туши²¹. В середине XX в. в Африке браконьерскими шайками, составленными из коренного населения, поголовно истреблялись целые стада, убивали прежде всего молодняк. В охоте использовали самые чудовищные средства типа металлических петель или ловушек. Полицейские протоколы свидетельствуют: у живой природы Восточной Африки нет страшнее врагов, чем масаи. По законам этого дикого племени юноша не считается взрослым, пока не будет участвовать в охоте на льва и не принесет ножа или копья, покрытого львиной кровью. Британская колониальная администрация пыталась запретить этот обычай, но львов продолжают убивать. Причем не в хозяйственных, а в ритуальных целях.

Итак, первобытный человек стремился взять как можно больше животных каждого вида, в максимально сжатые сроки и с минимальными усилиями. Он не испытывал трепетного отношения к природе и не был в гармонии с ней. Целью первобытного общества было как можно чаще переходить из одной точки в другую и добывать столько, сколько удастся. Если группа могла достигнуть этого — она процветала и быстро увеличивалась в численности.

1.8. Человек всегда был агрессивным?

Данные науки свидетельствуют о том, что агрессия сопровождала человека на всем протяжении его эволюции и продолжает присутствовать в современном мире. Таким образом, это вовсе не побочный продукт индустриальной культуры. Она зафиксирована в обществах охотников и собирателей, земледельцев и скотоводов. История хранит многочисленные упоминания об актах жестоко-

сти и насилия в отношении побежденных противников. При взятии Трои просвещенные греки казнили всех мужчин старше 10 лет, а оставшиеся жители — женщины и дети — были проданы в рабство.

Миф о «добродушном дикаре» основан на фактах, но неправильно понятых. Действительно, бушмены, эскимосы и пигмеи, воспитывая детей, развивают у них дружелюбие, взаимопомощь, готовность к дележу, а любые конфликты между детьми сводят к шутке и игре. К сожалению, миролюбие ограничено рамками своего сообщества. В отношении чужаков нормы поведения предписывают вести себя жестко, мстить за убийства соплеменников, защищать территорию. Иными словами, первобытная мораль предполагает быть добрым к своим и злым к чужим.

У аборигенов Австралии физические наказания детей до девяти лет считались недопустимыми. Ударить ребенка (даже нечаянно) — значит совершить непростительный поступок. Считалось, что мать должна быть первой защитницей своих детей. Однако если мать убивала ребенка, окружающие возмущались, но никаких наказаний не предпринимали. Ученые, работавшие среди аборигенов, сообщают об убийстве детей, которое наблюдается не только в кризисные периоды (во время голода или засухи), но в благополучные времена. Жизнь взрослых здесь ценилась значительно выше, чем жизнь детей. Новорожденных убивали, если у матери уже был один грудной ребенок: в условиях полубродячего образа жизни охотников и собирателей выходить почти одновременно двоих младенцев было практически невозможно. Убивали также одного из близнецов, калек, сирот или лишних детей — детей незамужних женщин, а иногда также детей женщин, умерших во время родов. Убивали и здоровых младенцев потому, что это были девочки, а не мальчики; потому, что ребенок причинил слишком сильную боль при появлении на свет; потому, что маленькие дети очень грязные и с ними много возни; потому, что растить ребенка казалось слишком обременительным. Нежеланному ребенку просто зажимали нос пальцами. Австралийские обычаи допускают, чтобы люди в трудных условиях покидали больных и слабых, особенно если это глубокие старики или дети. Не удивительно, что в первобытном обществе умирало около половины младенцев в возрасте до одного года²². Кстати сказать, детоубийство — широко распространенная практика во всем животном мире, а не только у людей.

Правда, в других племенах, напротив, считалось почетным иметь много детей. Дети повышали статус родителей, а многодетные семьи окружались особым почетом. Этнографы считают, что

широкое распространение детоубийство получило только в тех группах аборигенов, культура которых сильно деградировала под воздействием контактов с европейцами. В обычных же условиях не только родители и близкие родственники бывали обычно ласковы и внимательны к детям, но, как правило, и все взрослые члены коллектива.

Таким образом, враждебная агрессия обычно направлена вовне, а миролюбие — вовнутрь, на своих. В человеческом обществе, и не только в первобытном, чужие рассматриваются как ненастоящие люди, поэтому законы и нормы морали на них не распространяются. Исландские саги XIII в., повествующие об истории викингов, сообщают о междоусобицах и кровной мести, длящихся десятилетиями. Однако, как было обнаружено английскими исследователями, викинги явно стремились избегать убийства близких родственников, а в конфликтах между близкими и дальними родственниками всегда принимали сторону близких. Викинги были готовы идти на убийство родственника лишь в крайних случаях, когда ставки оказывались уж слишком высокими (например, наследование титула или поместья). Родственники жертвы также чаще были готовы мстить за близкого родственника, нежели за дальнего (в последнем случае преимущественно удовлетворялись принятием денег «за кровь»).

Известно, что хладнокровное убийство возможно только в том случае, когда агрессор не вступает в контакт. Если между двумя группами или общинами устанавливается постоянное общение, взаимопосещения, торговый и культурный обмен, то враждебность сменяется дружбой.

Это чисто человеческий способ борьбы с агрессией. Стаи волков или прайды львов не дружат между собой, не вступают в торговый обмен и не ходят в гости.

Человек уже давно постиг эту закономерность. У охотников-собирателей и ранних земледельцев соседние группы постоянно обмениваются брачными партнерами, а церемонии замирения после конфликтов часто сопровождаются обменом женщинами. Это связывает группы узами кровного родства и снижает вероятность кровавых столкновений в будущем.

Глава 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ АНТРОПОГЕНЕЗА

*К основным историко-эволюционным формам антропогенеза принято относить 1) австралопитеков, 2) *Homo habilis*, 3) *Homo erectus*, 4) неандертальцев и 5) кроманьонцев. Каждый из них подразделяется на несколько подвидов. Кроме того, археологи нашли множество таких останков, которые сложно классифицировать, а потому они попадают в самостоятельные или промежуточные подвиды. Они будут указаны лишь в хронологии научных открытий, а весь анализ мы сосредоточим на основных эволюционных видах. Это самые яркие страницы человеческой предыстории.*

2.1. Австралопитеки

Австралопитек, с одной стороны, — древнейший и наиболее примитивный вид человека, с другой — наиболее высокоорганизованный тип приматов. Это своего рода маргинальный тип существ в эволюции семейства людей (*Hominidae*), к которому принадлежат и человек, и его обезьяноподобные предки. У. Ле Гро Кларк, профессор анатомии Оксфордского университета, писал, что австралопитеки — это обезьяноподобные существа с небольшим мозгом и мощными челюстями. На основании пропорций мозговой коробки и лицевых костей скелета можно установить, что по уровню развития они лишь незначительно отличаются от современных видов человекообразных обезьян. Отдельные признаки черепа и костей конечностей, а также зубов, свойственные современным и ископаемым человекообразным обезьянам, сочетаются у них с целым рядом признаков, близких гоминидам.

Для развития этого семейства понадобилось приблизительно 14 млн лет, эволюция рода *Homo* продолжалась и того меньше — около 3 млн лет. В настоящее время принято выделять среди

Hominidae четыре рода: рамапитеков (*Ramapithecus*), австралопитеков (*Australopithecus*), парантропов (*Paranthropus*) и человека (*Homo*).

Рамапитеки были гораздо меньше современного человека, их рост не превышал 110 см, но в отличие от человекообразных обезьян они передвигались в вертикальном положении на двух ногах. Остатки их скелетов, обнаруженные в Индии, Китае и Кении, позволяют отнести их к той же эволюционной линии, по которой развивался и человек. Это самый древний из всех известных предков человека; он жил в лесостепной полосе примерно 12–14 млн лет тому назад.

Род *Paranthropus* сложился примерно в то же время, что и австралопитеки, но его представители отличались большим ростом и более массивным телосложением. Они были современниками *Australopithecus habilis*. Парантропы являлись лесными существами и питались исключительно растительной пищей, в связи с чем у них были развиты крупные зубы с большой рабочей поверхностью. Орудий труда, по-видимому, они не изготавливали.

Австралопитеки стояли на следующей ступеньке лестницы, ведущей к человеку. К настоящему времени обнаружено около 500 останков этого вида ранних гоминид. Мозг взрослой особи составляет $\frac{1}{3}$ от мозга современного человека¹. Все ископаемые останки австралопитеков обнаружены только в Африке. Среди них ученые сегодня выделяют 6 видов²: *Australopithecus anamensis*, *Australopithecus afarensis*, *Australopithecus africanus*, *Paranthropus robustus* (или *Australopithecus robustus*), *Paranthropus boisei* (или *Australopithecus boisei*), *Paranthropus aethiopicus* (или *Australopithecus aethiopicus*).

Они представляли из себя очень маленькие и худые, по нынешним меркам, существа: средний рост около 1,2 м, масса от 22 до 55 кг. Очень маленьким по своему объему был у них головной мозг. Он соответствовал объему мозга человекообразных обезьян. Напротив, челюсти были массивными — постоянно что-то жующими, перемалывающими. Сильно выраженные надбровные дуги и покатый лоб придавали австралопитеку сходство с уличным бандитом, если бы не отсутствие подбородка. Тем не менее черепная коробка уже близка к таковой современного человека, а мозг австралопитека относительно размеров тела имеет больший объем, чем мозг человекообразной обезьяны. Форма неба и зубная система были ближе к человеческим, чем к обезьяньим.

«Австралопитек» нужно понимать не как «австралийская», а как «южная обезьяна» (комбинация от лат. *australis* — южный и греч.

pithekos — обезьяна). Этот не очень удачный термин ввел в науку первооткрыватель — английский анатом Р. Дарт, нашедший в 1928 г. на территории ЮАР череп шестилетнего детеныша, жившего около 1 млн лет назад. В 1959 г. супруги Л. и М. Лики нашли почти полностью сохранившийся череп человекообразного примата — австралопитека, он был зажат между пластинами, точный возраст которых определили в 1,9 и 1,7 млн лет. Его череп мог вмещать мозг объемом лишь в $\frac{1}{3}$ мозга современного человека, но форма основания черепа указывала на то, что он ходил на двух ногах в вертикальном положении. В Олдувае было обнаружено более 50 черепов человекообразных обезьян. Находки были разделены на две группы: крупные, массивные *Australopithecus robustus* и более мелкие *Australopithecus africanus*.

Первой известной науке находкой австралопитеков стал череп ребенка из пещеры Таунг в Южной Африке, обнаруженный в 1924 г. Затем внимание науки сосредоточилось на ущелье Олдувай в Танзании, где Л. Лики обнаружил останки древнейшего представителя нашего собственного рода, названного человеком умелым. Его возраст определен в 1,5–2,5 млн лет. Сейчас хорошо изучены останки одного из ранних австралопитеков — афарского, найденного Д. Джохансоном в Эфиопии. Эта относительно небольшая (ростом 1,1–1,2 м) обезьяна с двуногой походкой и зубами, похожими на человеческие, жила 3,5–4 млн лет назад. Первооткрыватели окрестили его Люси. Мозг и зубы Люси походили на обезьяньи, однако передвигалась она, вероятно, на своих кривых ногах в выпрямленном положении. Внешне она очень походила на карликового шимпанзе — обладала небольшим мозгом, вытянутой мордой и крупными коренными зубами. До этой находки ученые считали, что «южные обезьяны» жили на Земле около 2 млн лет назад. Тогда научный мир признал австралопитека древнейшим предком человека. С тех пор Люси стала самым знаменитым австралопитеком. На основе этой и аналогичных находок был описан австралопитек афарский. В сентябре 1994 г. группа под руководством американского ученого Т. Уайта обнаружила в бассейне реки Аваш в Эфиопии кости человекообразного существа возрастом 4,4 млн лет. Новый вид назвали ардипитеком, что означало «первая наземная обезьяна». Более внимательное изучение показало, что ардипитек существенно отличается от жившего позднее австралопитека афарского. По-видимому, он обитал в лесах, но передвигался уже на двух ногах. Спустя несколько месяцев палеоантрополог М. Лики около озера Рудольф на севере Кении обнаружил множество останков гоминид возрастом 3,9–4,2 млн лет. Хорошо сохранившиеся фрагменты голени

показывают, что этот вид, названный австралопитеком анамским, был бипидалным, хотя строение других костей у него примитивнее, чем у Люси. На нижней челюсти нет подбородочного выступа, а зубные ряды почти параллельны друг другу. Ученые сделали вывод, что анамский австралопитек — прямой предок афарского. В 1998 г. в Стеркфонтейне около Йоханнесбурга был впервые обнаружен почти полный скелет австралопитека африканского³. В 1999 г. в Эфиопии был обнаружен новый вид австралопитека — *Australopithecus garhi*.

Новое генеалогическое древо австралопитеков, построенное на основании последних археологических данных, предстает в следующей форме (рис. 12).

Останки этих и других ископаемых приматов из разных районов Африки позволили глубже заглянуть в наше прошлое и вынудили ученых всего мира признать, что Африка — колыбель человечества. Оказалось, что более половины всего известного срока существования нашего биологического семейства никаких его следов за пределами этого континента не прослеживается. Позже наши предки стали осваивать другие регионы мира.

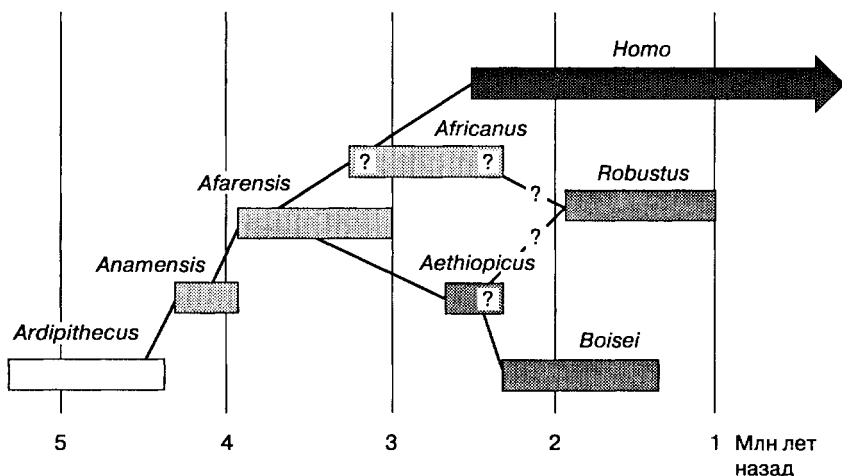

Рис. 12. Палеоантропологическая модель эволюции ранних гоминид на основе последних научных данных

Источник: Early Transitional Species. —
http://anthro.palomar.edu/hominid/australo_2.htm

Эти приматы жили в эпоху, когда тропические леса в Африке стали отступать на север, их место занимали сухие степи и саванны. Австралопитеки, покинув леса, вышли в открытые пространства, кишашие хищниками: львами, леопардами, саблезубыми тиграми. Пропитание добывали преимущественно собирательством, отчасти — охотой на мелкую дичь. При хождении тело держали вертикально. Они могли очень хорошо бегать на двух ногах, высвободив руки. Ни одна древесная обезьяна, перейдя к жизни на поверхности земли, этого не сделала. Горилла, например, в беге, опираясь на костяшки пальцев рук, легко догоняла человека. А четвероногая мартышка-гусар развивает скорость до 50 км/ч⁴.

Подобно людям австралопитек имел позвоночный столб С-формы, но более сутулистый. Он также имел мощные опорные основания на поясничном отделе позвоночника, которые позволяют поддерживать нагрузку массы туловища. Однако в отличие от современных людей австралопитек имел относительно малые позвонки, которые к тому же содержали в себе много патологий. Это говорит о том, что в то время как нижняя часть спинного хребта была развита для прямого хождения, верхняя часть позвоночника еще не развилась в эффективную и подвижную опору, оптимально распределяющую вес тела⁵.

Строение грудной клетки, конечностей и таза показывает, что австралопитеки ходили в почти выпрямленном положении. Для чего австралопитеки высвободили руки? Наиболее подходящее объяснение — они уже пользовались орудиями труда: палками, дубинами, камнями, крупными костями антилоп. Но изготавливали ли они свои собственные орудия труда или пользовались подручным материалом, доказать строго научными методами пока не удастся. Одни ученые полагают, что они не изготавливали свои орудия, а подбирали их в природе, поэтому на них нет следов искусственной обработки. Другие авторы указывают на факты: вместе с их остатками найдены примитивные костяные и каменные орудия, доказывающие, что австралопитеки обладали чем-то большим, чем простая звериная сообразительность, и что они уже умели пользоваться своими руками для изготовления различных орудий. Возможно, что одни подвиды австралопитека, а их насчитывается от трех до девяти, пользовались готовым материалом, а другие изготавливали примитивные орудия труда.

Австралопитеки появились предположительно 5 млн лет назад в эпоху плейоцена в Восточной Африке. Достоверные свидетельства о них относятся ко времени 4,2 млн лет назад. Примерно 3 млн лет назад они заселили как Восточную, так и Южную

Африку. За это время на смену лесам пришли саванны. Изменение климата вызвало переход к прямохождению. Среди них выделяют две эволюционные линии: 1) смешанная диета (растения, маллюски и мясо), 2) вегетарианцы. Вторые вымерли 1 млн лет назад, а первые дали потомство, которое привело к возникновению современного человека. Сейчас время становления австралопитеков многие ученые относят к периоду от 5 до 9 млн лет назад (хотя существуют и другие точки зрения).

Палеоантропологи, изучающие останки гоминид, которые жили примерно 1,8 млн лет назад в Южной Африке, обычно считают их вегетарианцами: для охоты они были не приспособлены, а их крупные уплощенные зубы и мощные челюсти свидетельствуют об умении разжевывать грубую растительную пищу. Однако недавний анализ с использованием радиоактивных изотопов углерода указывает на такой состав пищи, который богат белками животного происхождения, т.е. мясом. Его составляли термиты. Они богаты животными белками, которые так необходимы человеку, а его предкам они были куда более доступны, чем мясо зверей.

Эти некрупные приматы жили, по-видимому, стаями. Общественный образ жизни позволял им не только устоять против хищников, но и успешно нападать на других животных. Р. Дарт полагал, что они сами были настоящими хищниками: в слоях с останками австралопитеков найдены черепа павианов с пробитой левой стороной. Согласно другой точке зрения они следовали за крупными хищниками и отбивали остатки добычи у гиен и шакалов. Однако неизвестна ни одна современная обезьяна, питающаяся падалью. Огня они еще не знали. По мнению некоторых специалистов, австралопитеки лишь случайно пользовались костями убитых животных в качестве орудий или оружия. Мы не знаем, служили ли им убежищами пещеры и расщелины в известняковых скалах. О методах их охоты нам также ничего не известно, но по некоторым находкам можно заключить, что очень часто они погибали насильственной смертью. Возможно, что австралопитеки (во всяком случае, некоторые) становились жертвами своих сородичей.

Уже на стадии австралопитеков, вероятно, начался процесс потери шерстяного покрова. Выйдя из тени лесов, наш предок, по выражению советского антрополога Я.Я. Рогинского, оказался в «теплой шубе», которую нужно было поскорее снять. От перегрева, особенно в условиях интенсивной работы, человек защищается интенсивным потоотделением. Это приспособление было очень эффективным, но лишало организм ионов натрия. Нехватка его

стимулировала хищничество или, у популяций, перешедших к вегетарианству, заставляла искать источник поваренной соли⁶.

Australopithecus africanus, остатки которого были обнаружены в 1924 г. другим южноафриканским палеонтологом Р. Дартом близ города Таунг (Ботсвана), был ростом с шимпанзе или молодую гориллу, держался вертикально. Судя по строению его зубов, австралопитек («южная обезьяна») был всеяден, но отдавал предпочтение мясу. Он населял открытые степи, где активно охотился на всевозможную дичь. Он ближе всех других известных гоминид стоял к предполагаемому предку современного человека. Австралопитек, по всей вероятности, уже пользовался примитивными орудиями охоты из костей, камня или дерева.

В период от 4 до 1,5 млн лет назад на Африканском континенте были представлены три основные разновидности австралопитека. На юге и востоке Африки жил низкорослый *Australopithecus africanus*, ростом 1,20–1,25 м и массой 35–40 кг, примерно как у современного восьмилетнего ребенка. Там же обитал *Australopithecus robustus*, ростом 1,50–1,55 м и массой 60–70 кг. Помимо этого на востоке Африки был распространен *Australopithecus boisei*, или зинджантроп. Все они, как доказывает строение их челюсти, были прямоходящими двуногими.

Низкорослый, подвижный *Australopithecus africanus* жил на открытых, поросших травой пространствах, более крупный *Australopithecus robustus* и близкий ему *Australopithecus boisei* предпочитали прятаться в густом кустарнике на краю девственного леса. Все — в особенности житель равнин *Australopithecus africanus* — питались преимущественно растительной пищей, но не отказывались и от охоты на мелких животных, тушки которых они, вероятно, расчленили при помощи простейших орудий, таких как обломки костей или челюсти зверей с острыми зубами. Мозг австралопитеков был еще ненамного больше мозга человекообразных обезьян.

Australopithecus robustus жили небольшими группами по несколько особей. Их рост был равен примерно 1,5 м, это были сильные гоминиды с длинными, как у человекообразных обезьян, руками. У них были крупные зубы и сильные челюсти, способные пережевывать жесткие растения. Они питались ягодами, листьями и плодами. Запасать еду впрок еще не научились, поэтому им приходилось бродить с места на место в поисках корма, дабы не умереть с голоду. Возможно, они засовывали прутья в гнезда термитов и, извлекая оттуда маленькие белые личинки, съедали их.

Во всяком случае, современные шимпанзе поступают именно так. Они поедали корни, которые выкапывали при помощи палки, а также похищали яйца из птичьих гнезд и ели сырыми. Пока палеонтологи не могут сказать, изготавливали ли они какие-нибудь орудия.

У *Australopithecus africanus* зубы были меньше, чем у *Australopithecus robustus*, поскольку питался он мясом, которое легче усваивается организмом, и его не надо столь тщательно пережевывать, как растительную пищу. Эти австралопитеки охотились на мелких животных. Возможно, они уже пользовались ветками или камнями для того, чтобы убивать одних животных и обороняться от других, обитавших в саванне. Австралопитек бойсей имел широкие челюсти, а вдоль макушки проходил костный гребень⁷.

Австралопитеки пришли на смену питекантропам — древнейшим людям, а тех сменили неандертальцы, которых называют древними людьми. Таким образом, они выступают связующим звеном между животным миром и первыми людьми (рис. 13).

В мире существует очень мало находок возрастом от 5 до 10 млн лет. Это связано с тем, что предков человека тогда было очень немного и останки лишь незначительной их части сохранились до наших дней. Недавно был обнаружен один из них.

В июле 2002 г. произошло важное научное событие: международная группа ученых обнаружила в пустыне Чада череп, который назван наиболее важной находкой в области палеонтологии со времен обнаружения останков австралопитека. Ее возраст — около 7 млн лет. По традиции, обнаруженным останкам дано имя — Тумаи (*Toumai*)⁸.

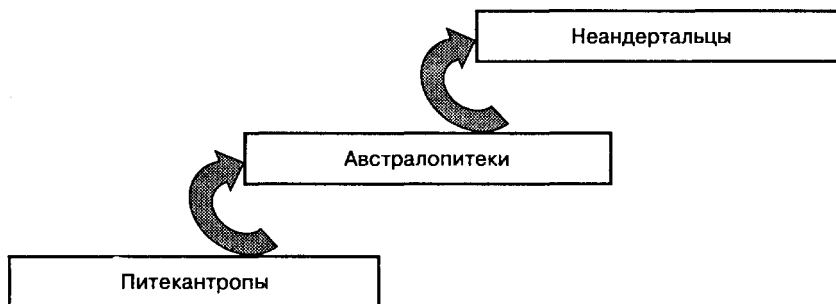

Рис. 13. Связующее звено эволюции

Возможно, это как раз то самое «недостающее звено» в эволюционной цепи, которое связывает людей и животных. Исследования черепа еще не закончены, однако уже ясно, что он представляет собой новую комбинацию современных и древних черт. Еще неизвестно, является ли новый вид, названный *Sahelanthropus tchadensis*, предком человека или представителем тупиковой ветви эволюции. Г. Джи, редактор американского журнала *Nature*, сообщил, что эта окаменелость прояснила запутанный процесс возникновения человека. «Она показывает, что прямой последовательности от древних гоминид до современного человека не было»⁹.

2.2. *Homo habilis*

Homo habilis (человек умелый) — самый первый судя по классификации современной антропологии вид рода *Homo*. Его считают первой собственно человеческой разновидностью, существовавшей в период с 1,6 до 2,2 млн лет назад.

Честь его открытия принадлежит английским супругам Лики, которые обнаружили их остатки в 1960 г. в ущелье Олдувай, в Танзании. Возраст олдувайских находок оценивается в 2 млн лет.

В отличие от австралопитеков человек умелый, живший на территории современных Кении и Северной Танзании, гораздо шире использовал примитивные орудия (чему и обязан своим названием), а его череп уже поразительно похож на череп современного человека. Объем мозга *Homo habilis* (примерно 550–800 см³) был, конечно, существенно меньше, чем у *Homo sapiens*, у которого он составляет в среднем 1400 см³. Однако это на 30% больше, чем у вида австралопитековых. Для существа ростом всего 1,20–1,25 м мозг человека умелого был развит очень хорошо. При сравнении с австралопитеком окажется, что мозг *Homo habilis* даже несколько выделялся: более высокий и выпуклый, чем у его предшественника, лоб и менее развитый рельеф на лобной и затылочной частях черепа. Умственный прогресс налицо, и это самое яркое свидетельство всемирно-исторического процесса *сапиентизации* (очеловечивания) обезьян.

У человека умелого уже отсутствовали массивные надглазничные валики. В большей степени, чем у австралопитека, были похожи на человеческие и его ноги. Более ловкими были также его руки, позволившие ему целенаправленно изготавливать первые каменные орудия. Это знаменовало окончательное выделение человека умелого из животного мира. Хотя хабилисы, несомненно, изготавливали орудия (за что и прозваны были учеными существа-

ми умелыми), по своей морфологической организации они мало чем отличались от австралопитеков, которые, бесспорно, были животными. У них отсутствовали специфические человеческие морфофизиологические особенности. Исходя из этого, другая часть исследователей считает, что у хабилисов еще не начали формироваться ни мышление, воля и язык, ни социальные отношения и что, следовательно, они не были людьми, даже формирующимися. Соответственно начало антропогенеза они связывают с переходом от хабилисов к питекантропам, который произошел примерно 1–1,5 млн лет назад.

Эти существа, во многом напоминавшие современного человека, ростом были меньше африканских пигмеев, ходили на двух ногах вертикально, умели изготавливать каменные орудия и добывали пропитание охотой на птиц, грызунов, а также рыбной ловлей. По всей вероятности, они еще не знали огня, но вполне возможно, что они соорудили из камней примитивные укрытия от ветра.

Наиважнейшая отличительная черта *Homo habilis* — умение изготавливать орудия труда, пусть еще очень примитивные. Это было первой глобальной победой формирующегося человечества, быть может даже более важной, чем использование огня, приручение животных, окультуривание растений или изобретение колеса. Вся цепочка культурных артефактов, которые ныне мы называем величайшими изобретениями, в своих истоках имеет всего один вид — каменное орудие.

Несколькими ударами камня о камень *Homo habilis* оббивал гальку с одной стороны, создавая режущий край. Эту культуру назвали олдованской или олдовайской, а также *галечной* (в речных долинах сырьем для орудий чаще всего были обкатанные гальки). Такие сверхпримитивные орудия (ударники) прозвали *чопперами* (сечками). Их трудно отличить от естественных камней, они разнообразны, неуклюжи и нестандартны. Некоторые, видимо, изготавливались на один раз. Но с их помощью можно было обстругать и заострить деревянное копье или копалку для выкапывания съедобных корней, или выпотрошить некрупное животное, или отрезать кусок мяса.

Каменные орудия тяжело носить с собой, поэтому их, вероятно, делали на месте. Охотники с помощью острых осколков камня разрезали добычу на куски и несли мясо на стоянку. Если охотникам удавалось убить какое-либо животное рядом со стоянкой, женщины и дети прибежали к ним, чтобы поделить добычу вместе. Палеонтологам попадались окаменевшие кости животных, расколотые вдоль. Это говорит о том, что первобытные люди раскалывали их, чтобы полакомиться нежным костным мозгом внут-

ри. Если охотились вдалеке, то мужчины приносили добычу на стоянку, где ее делили между всеми членами общества. Женщины вместе с детьми не отходили далеко от стоянки. Они собирали птичьи яйца, ягоды и ловили небольших зверьков.

Способность мастерить позволила историкам называть *Homo habilis* человеком умелым. Правда, не все разделяют такое мнение, полагая, что *Homo habilis* был все еще австралопитеком. Но опыты с шимпанзе и другими обезьянами показали, что ни один из приматов не в силах научиться изменять форму одного предмета другим (а это лежит в основе орудийной деятельности). Они могут использовать камни и палки, даже подправлять их форму зубами и ногтями, но обстругивать палку острым камнем или отбить у камня другим камнем край, чтоб заострить его, — для шимпанзе задача непосильная. Таким образом, изготовление орудий труда — первая глобальная революция в истории человеческого рода, выведшая гоминид на путь сапиентизации.

Впоследствии такие орудия нашли во многих местах Африки, на Ближнем Востоке и у нас — в Прибайкалье. Однако кости человека умелого известны пока только в Африке. Оттуда известны самые древние орудия — до 2,5 млн лет. В Олдувае человек умелый, похоже, даже строил что-то вроде хижин или круглых заго-родок из колючего кустарника. От них остались лишь «фундаменты» — кольца из крупных камней.

На таких стоянках обнаружены и остатки добычи: рыб, черепах, улиток, мышей, землероек, птиц, а также антилоп, жирафа и даже слона. Питался ли человек умелый только падалью или пробовал перейти к охоте на крупную дичь, остается лишь предполагать. Но все же последнее не исключается, особенно если учесть, что первые попытки овладения огнем относятся к этому времени. Р. Дарт назвал одного из австралопитеков именем Прометея — титана, принесшего огонь людям, так как в слоях с его останками встречались следы огня.

Переход первого человека к каменным орудиям открывает новый период человеческой истории — палеолит (древнекаменный век), внутри которого выделяют три стадии: палеолит нижний, средний и верхний.

2.3. *Homo erectus*

Австралопитека и человека умелого сменил *Homo erectus* — человек прямоходящий. Его происхождение до настоящего времени окончательно не выяснено. Некоторые ученые видят в нем

потомка австралопитеков, однако это мнение спорно: ведь одновременно с австралопитеком существовал гораздо более развитый вид *Homo habilis*. Вероятнее, что именно от него произошел человек прямоходящий, который по ряду признаков стоит еще ближе к современному человеку, хотя, с другой стороны, у него еще сохранялись анатомические особенности человекообразных обезьян (например, развитые надглазничные валики), отсутствовавшие у *Homo habilis*.

Наиболее известные находки сделаны на острове Ява, в Китае, Германии, Венгрии, Алжире, Касабланке, Восточной, Северной и Южной Африке. Питекантроп был лишь недостающим звеном в целой цепи — ни австралопитек, ни человек умелый тогда еще не были открыты.

Вид *Homo erectus* появился 1,5–2 млн лет назад, постепенно распространившись на разных континентах земного шара, и исчез приблизительно 400 тыс. лет назад. Антропологи называют его первым представителем человеческого рода с крупным размером мозга. У взрослых особей он достигал 900–1200 см³. Фактически по объему, но, разумеется не по содержанию, он совпадает с нашим, т.е. современным. Прогресс очевиден — по сравнению с особями *Homo habilis* у нашего героя мозг увеличился чуть ли не на 50%¹⁰.

Представители этого вида первобытного человека в зависимости от того, в каких природных условиях они жили, несколько отличались друг от друга. Два миллиона лет тому назад на острове Ява жил *Homo erectus modjokertensis*. Эти первобытные люди мощного телосложения, ростом от 1,60 до 1,70 м, небольшими стадами прочесывали девственные леса в поисках съедобных плодов и корней, а также охотились на диких животных с помощью примитивных каменных орудий собственного изготовления. Такие грубо и неумело обработанные камни специалисты называют аббевильскими орудиями.

В 1891 г. голландский врач Э. Дюбуа обнаружил в центральной части острова Явы близ селения Тринил окаменевшие кости: черепную крышку, три зуба и бедренную кость. В 1894 г. он назвал обнаруженное существо обезьяночеловеком — питекантропом. Более точно их имя звучало так: *Pithecanthropus erectus* («прямоходящая человекообезьяна») ¹¹. В этом понятии соединены два термина, приобретшие самостоятельное существование, а именно питекантроп и *erectus*. Добавление к последнему приставки *Homo* (человек) дает полное название данного вида — *Homo erectus*. Иногда антропологи добавляют сюда еще одно определение — *egaster*, которое позаимствовано из древнегреческого язы-

ка, где данный термин обозначает труд, работу, мастерство¹². Добавление труда в определение вида *Homo erectus* необходимо в содержательном, можно даже сказать, социологическом смысле. Существо прямоходящее, *Homo erectus* является эволюционно более развитым, чем его примитивный предшественник *Homo habilis*, который по иронии судьбы назван человеком умелым. Настоящим же умельцем следует назвать как раз *Homo erectus*. Возможно, для восстановления справедливости антропологи и прибавили к его научному имени приставку *egaster*.

В 1936 г. Г. фон Кенитсвальд открыл на востоке Явы близ селения Моджокерто череп ребенка, описанный им под названием *Homo modjokertensis*. Теперь выяснилось, что обе находки принадлежат к одному виду древних людей — *Homo erectus*. Это существо уже изготовляло орудия. Обе яванские находки принадлежат разным подвидам: находка из Тринила описывается как *Homo erectus erectus*, а находка из Моджокерто, несколько более древняя, как *Homo erectus modjokertensis*. Человек из Моджокерто имел рост 1,65–1,75 м, полностью выпрямленную походку и довольно объемистую мозговую коробку (750–950 см³). Таким образом, мозг у него был крупнее, чем у австралопитека, однако череп был даже более массивным, чем у последнего. Характерны сильно развитые надбровные дуги, покатый лоб и выступающие вперед челюсти без очерченного подбородка. Этот человек жил от 1 млн до 500 тыс. лет назад.

Homo erectus heidelbergensis, челюсть которого была найдена в 1907 г. в окрестностях немецкого города Гейдельберга, описан в 1908 г. Шетензаком под названием *Homo heidelbergensis*. Жил примерно 900 тыс. лет тому назад. Это самые древние остатки человека из Европы. Зубы этого существа имели уже вполне человеческую форму, резцы уменьшились до размеров остальных зубов, однако в целом челюсть и зубы были значительно массивнее, чем у нас. Как яванский и пекинский, так и гейдельбергский человек умел пользоваться простейшими орудиями труда и охоты.

Яванский человек *Homo erectus erectus*, ранее называвшийся питекантропом, имел широкий приплюснутый нос, низкий лоб, развитые надбровные дуги, массивные выступающие вперед челюсти без подбородочного выступа. Яванский человек уже умел изготавливать примитивные каменные орудия, которые были найдены на Яве вместе с его костями. Все каменные орудия невелики и обрабатывались только с одной стороны. *Homo erectus*, по всей вероятности, пользовался также камнями, палками и дубинками в качестве примитивного оружия.

На этой стадии развития в образе жизни людей произошли существенные изменения. Из собирателя и ловца мелких животных, лишь изредка добывающего крупных подранков, древнейший человек стал активным охотником на самую крупную дичь, вплоть до слонов и носорогов. Обезьянолюди широко использовали коллективные, облавные охоты, применяя огонь. Существенно улучшилась техника выделки орудий. Оббитые с одной стороны ударники (чопперы) по-прежнему широко применялись, но возникли уже чоппинги, или бифасы, — камни, заостренные с обеих сторон, и, наконец, ручные рубила. Орудия приобретают стандартную, устоявшуюся форму, которая сохранялась сотни тысяч лет. Все это позволяет предположить, что на этой стадии возникает еще одно свойство — речь, язык.

Homo erectus erectus скорее всего вел кочевой образ жизни, переходя с места на место в поисках пищи и держась небольшими группами. Кормился он сочными плодами тропических деревьев, различными корнеплодами, мясом убитых животных. Он умел защищаться от хищников и избегать природных опасностей: бурь, ураганов, землетрясений и извержений вулканов, которые нередки на Яве. Он имел все данные для успешной борьбы с естественными врагами: перемещаясь вертикально на длинных ногах, он держал в поле зрения обширное пространство, на расстоянии замечая приближение любой опасности. При выпрямленном положении тела освобождались руки, которые он теперь мог употребить для работы. Руки и мозг, объем которого непрерывно увеличивался, были главным оружием древнего человека в борьбе за существование.

По всей вероятности, *Homo erectus* был первым нашим предком, способным к абстрактному мышлению.

Пекинский человек (*Homo erectus pekinensis*), ранее известный под названием *Sinanthropus pekinensis* (синантроп), останки которого были открыты в пещере Чжуокоу-дянь в 40 км от Пекина в 1928 г. (к 1937 г. были добыты останки почти 40 особей), жил в среднем плейстоцене примерно 220 тыс. лет тому назад, несколько позже яванского человека. Есть свидетельства о том, что этот тип человека прибежал к каннибализму и ему был известен огонь. Установлено, что он еще не умел добывать его сам, а овладел случайно. Возможно, источником огня был вызванный молнией пожар. Чтобы перенести тлеющие угли в пещеру, синантропы могли воспользоваться полыми продолговатыми костями убитых животных, в которые вкатили палкой горячие угольки, а может быть, они просто потащили горящую с одной стороны палку или сук. Об этом свидетельствует находка в пещере примитивного очага с

шестиметровым слоем золы. Огонь давал пекинскому человеку огромные преимущества по сравнению с остальным животным миром, а необходимость поддерживать и переносить его способствовала повышению интеллекта. Огонь не только защищал от хищников, но и позволял синантропам на протяжении многих поколений жить в местности с неблагоприятным климатом.

После *Homo erectus modjokertensis* примерно 600 тыс. лет тому назад на том же острове появился *Homo erectus erectus*, известный еще под названиями питекантропа и тринильского человека. Его рост достигал 1,60–1,65 м, а объем мозга колебался между объемом мозга современной человекообразной обезьяны (от 300 до 600 см³) и современного *Homo sapiens* (от 1300 до 1800 см³). Жилищ питекантропы еще не знали, а обитали в джунглях, где их соседями были древние слоны, носороги, бегемоты и пр. Однако около 500 тыс. лет тому назад многие из этих видов животных, а вместе с ними и питекантропы, вымерли. Вероятно, причиной этого явилось сильное извержение вулкана.

Примерно в то же время, что и на Яве, человек прямоходящий появился в Европе. Это были *Homo erectus heidelbergensis*, чьи останки найдены на территории современной Германии, а позже — *Homo erectus palaeohungaricus*, обнаруженный в Венгрии.

В Африке человек прямоходящий впервые появился приблизительно 1,3–1,6 млн лет тому назад. Это был так называемый *Homo erectus leakeyi*, живший в саванне, буше и редколесных зонах главным образом вблизи больших пресноводных озер. Позже, около 500 тыс. лет назад, представители этого древнего вида человека заселили побережье Северной Африки (*Homo erectus mauritanicus*) и территорию нынешней Капской провинции (*Homo erectus capensis*). К основному стволу в середине 1990-х гг. был добавлен *Homo ergaster*, стоящий на родословном дереве перед *Homo erectus*. Он жил 1,9 млн лет назад и считается создателем ашельской каменной индустрии¹³.

Позже всех — примерно 400–500 тыс. лет тому назад — представитель вида *Homo erectus* появился на территории Китая. Пекинский человек являлся потомком старшего подвида, возникшего за 500 тыс. лет до этого (*Homo habilis yuanmouensis*), и представлял собой высшую ступень его развития. Объем мозга у пекинского человека составлял в среднем 1055 см³, рост — 1,55–1,60 м. Кроме растительной пищи он употреблял и мясо убитых животных, главным образом оленей и диких свиней. Стада этих первобытных людей подгоняли животных к обрыву и сталкивали вниз. Примитивные орудия охоты и труда они изготавливали из кремня, песчаника и известняка.

Им и другим представителям вида *Homo erectus* был уже известен огонь. Многометровый слой пепла на их кострищах позволяет предположить, что они, вероятно, пользовались огнем, но добывать его не умели, поэтому вынуждены были постоянно его поддерживать. Возможно, у них уже появились и зачатки речи.

Homo erectus, по мнению антропологов, был первым видом, покинувшим Африку и расселившимся на других территориях. Судя по новым данным, он обладал завидными адаптационными способностями. Отчасти они могли объясняться физиологическими особенностями, но ученые склонны считать, что главное значение имели поведенческие характеристики. Вероятно, «человек прямоходящий» умел изготавливать одежду, строить укрытия и даже пользоваться огнем, хотя прямых подтверждений тому пока не найдено.

В период относительного потепления между миндельским и рисским оледенениями — от 200 до 350 тыс. лет тому назад — в Центральной и Северной Европе (на территории современных Германии, Великобритании, Франции и, возможно, Испании) жил *Homo sapiens steinheimensis*, именуемый так по названию местечка Штейнхейм под Штутгартом, где впервые были обнаружены его останки. По сравнению с предшественниками он имел череп с более высоким и округлым лбом, но надглазничные валики у него были такие же, как у пекинского человека. Объем мозга этого человека составлял примерно 1150 см³. *Homo sapiens steinheimensis* был собирателем и охотником, использующим каменные орудия. Своим ручным рубилом он придавал правильные очертания — свидетельство того, что он уже овладел простейшими геометрическими формами. Специалисты по каменному веку называют эту культуру ашельской. Кроме рубил он использовал каменные ножи, скребла, а также деревянные дубины и копья.

Так называемый нгандонский человек, останки которого были найдены на Яве, при общем сходстве с неандертальцем явно обнаруживал в себе еще отдельные черты *Homo erectus*: имел более примитивную форму черепа и резче выраженные надглазничные валики. Одновременно с ним на юге Африки жил другой ранний представитель вида *Homo sapiens* — родезийский человек, вымерший лишь около 40 тыс. лет тому назад.

Таким образом, человек умелый, вобрав в себя множество разновидностей, с одной стороны, предшествовал неандертальцу, а с другой — был его современником.

После того как *Homo erectus* просуществовал 1,2–1,3 млн лет без каких-либо заметных изменений, с ним произошло нечто удивительное. Возможно, из-за климатических изменений, его по-

пуляция начала сокращаться, пока он окончательно не исчез. И вот, в то время как большая часть вида *Homo erectus* вымирала, другая его часть внезапно превратилась в *Homo sapiens* — произошло резкое увеличение объема черепа от 950 до 1450 см³.

Однако о неандертальцах и кроманьонцах, представляющих не только антропологическую или археологическую, но также и крупную социологическую проблему, мы поговорим более подробно в самостоятельных главах.

2.4. Неандертальцы

2.4.1. Венец творения и тупиковая модель

Около 250 тыс. лет назад эволюционный процесс преобразил *Homo erectus* в новую разновидность человеческих существ. Эти новые люди принадлежали к той же группе, что и современный человек, т.е. *Homo sapiens*. В прошлом существовали несколько его разновидностей, однако до наших дней сохранилась лишь одна, получившая название неандертальского человека. Кроманьонцев и неандертальцев сегодня принято относить к *Homo sapiens*, но неандертальцев, преобразовавшихся, как считают американские антропологи, из *Homo erectus*, называют ранними сапиентами (техническое название — *Homo sapiens neanderthalensis*), а кроманьонцев — поздними или новыми (техническое наименование последних — *Homo sapiens sapiens*).

До недавнего времени большинство ученых придерживалось мнения, что неандертальцы, жившие бок о бок с предками современных людей 40 тыс. лет назад, являлись просто подвидом человека. Термин «неандертальцы» происходит от названия одного из первых местонахождений европейского плейстоценового человека, открытого в 1856 г. в Неандертале близ Дюссельдофа (Германия). Некоторые ученые считают, что правильнее их называть древними людьми — *палеоантропами*, т.е. древними (но не древнейшими) людьми.

После находки в долине Неандерталь останки подобного человека были обнаружены, например, во Франции и в Бельгии, в Испании и Италии, в Крыму и Узбекистане, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также в Африке. Судя по последним находкам во Франции, там неандертальцы жили, как минимум, 34 тыс. лет назад, а в Испании их присутствие прослежено на период до 27 тыс. лет назад. Неандертальцы (*Homo sapiens neanderthalensis*)

были древней расой людей, живших в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и, вероятно, в Западной Сибири.

О том, когда именно неандертальцы появились в Европе, у антропологов единого мнения нет. Называют разные периоды. Одни считают, что неандертальцы появились здесь около 120–130 тыс. лет назад, другие ученые полагают, что неандертальцы обитали на Земле в период от 30 до 300 тыс. лет назад, третьи — 35–200 тыс. лет назад. Есть авторы, отодвигающие границу появления этого вида еще дальше — за отметку в 400 тыс. лет¹⁴. В зависимости от даты неандертальцы господствовали на планете от 100 до 270 тыс. лет, а затем неожиданно исчезли. Последние представители этого вида жили не позднее 28–30 тыс. лет назад. В течение долгого времени он владел северным полушарием Евразии — от Ирака и Узбекистана на юге до Гамбурга на севере.

Младшей разновидностью неандертальца был найденный на Ближнем Востоке палестинский человек. От европейского неандертальца его отличают более ровные и длинные бедренные кости, более округлый лоб, более высокий череп и более отчетливый подбородок. Возможно, он был предком современных жителей Центральной Европы, так как в период от 35 до 40 тыс. лет тому назад европейские неандертальцы вымерли и в Европу с востока пришли племена охотников, которые обладали всеми основными признаками современного человека.

2.4.2. Внешний вид

Скелетные останки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Древнейшие жители Европы были устрашающими противниками: почти 500 останков, дошедших до наших дней, демонстрируют, что они были не только сильными, но и храбрыми. Американский палеонтолог Э. Тринкаус, один из лучших специалистов в этой области, утверждает, что останки неандертальцев рассказывают о жизни, полной опасностей. Они были, безусловно, умелыми охотниками, что доказывают раны, переломы и деформации конечностей. Желая сравнить их с современными людьми из так называемых категорий риска, Тринкаус вспомнил о ковбоях на родео.

Как выглядел неандерталец? Широко известна реконструкция профессора Герасимова, разработавшего методику воссоздания облика по костям черепа. Из его лаборатории вышел муляж низкорослого волосатого примата с тяжелыми надбровными дугами и скошенным подбородком, сжимающего в могучих руках узло-

ватую дубину. Сделанные по сохранившимся костям современные реконструкции дают наглядное представление об их внешнем облике: невысокий рост (до 1,60 м), грубые и толстые кости скелета, череп с низким лбом и выпуклостью на затылке, валик над глазами, скошенный подбородок, но при этом чрезвычайно крупный, почти как у современного человека, мозг. Огромные глаза позволяли видеть в темноте, острый слух мог воспринимать звуки, недоступные даже собаке.

Подвид *Homo sapiens neanderthalensis* сформировался на основе популяций, мигрировавших в Европу непосредственно из Африки и адаптировавшихся к холодному климату ледникового периода¹⁵. Более высокое положение гортани и обширная носовая полость позволяли неандертальцам дышать морозным воздухом. Укороченные относительно длины тела предплечья и голени препятствовали чрезмерной отдаче организмом тепла, а широкие стопы способствовали передвижению по глубокому снегу.

Несмотря на крепкое телосложение, из-за сурового климата на Земле, жил он не более 50 лет. Вероятно, около 40% представителей этого вида умирало, не прожив и 20 лет, и примерно столько же — в возрасте между 20 и 30 годами. В борьбе за выживание неандертальцам помогал активно формирующийся у них разум. Объем мозга неандертальца составлял 1350–1725 см³, что приблизительно соответствует объему мозга современного человека¹⁶.

Швейцарские ученые обнаружили, что неандертальцы, оказывается, отличались от нас гораздо больше, чем утверждают учебники антропологии. Согласно новой точке зрения неандертальцы уже с раннего детства были непохожи на современных людей. Раньше считалось, будто низкие надбровные дуги, скошенный подбородок и прочие характерные черты этих первобытных людей проявлялись лишь с возрастом. Последние же исследования и новейшие реконструкции лиц неандертальцев говорят о том, что эти особенности были ярко выражены не только у взрослых, но и у детей.

Ученые полагают, что неандертальцы были не близкими родственниками современного человека, а тупиковой, «параллельной» ветвью. Их таинственное исчезновение с лица Земли около 30 тыс. лет назад сегодня объясняют две гипотезы. По одной из них неандертальцы были вытеснены кроманьонцами и постепенно вымерли, а по другой — были кроманьонцами ассимилированы. Проведенный швейцарцами анализ образцов ДНК, взятых из трех ископаемых скелетов, подтверждает первую версию: никакого смешения кровей не было.

С точки зрения физического сложения у них было мало общего с нашими прямыми предками, т.е. людьми современными с анатомической точки зрения, которые имели более слабую структуру тела и более утонченные линии фигуры. Рядом со стройным, высоким кроманьонцем, нашим прямым предком, обитавшим на планете одновременно с ним и, по сути, ничем от нас не отличавшимся, неандерталец явно проигрывал. Потому и укоренилось мнение, что этот примат не выдержал конкуренции в борьбе за существование и вымер. Впрочем, и конкуренции как таковой не было: по мнению ученых, неандертальцы и кроманьонцы существовали в разных областях планеты, разделив, так сказать, жизненное пространство и не «общаясь» друг с другом.

Такому мнению не противоречили и раскопки древних поселений. Хотя неандертальцы тоже грелись в своих пещерах у костра, общались между собой звуковой речью, выражали свои эмоции рисунками на стенах, пользовались каменными орудиями, антропологи четко определяли, кто в какой пещере обитал: рисунки на стенах и орудия труда различались между собой.

2.4.3. Среда обитания

За долгое время жизни рода неандертальцев на Земле климат успел несколько раз поменяться. Поначалу, 150 тыс. лет назад, неандертальцы жили в теплом благоприятном климате. Это был межледниковый период в Европе, а в Средиземноморье он даже напоминал современный. Но затем наступило великое оледенение. Европа превратилась в ледяную пустыню, и случилось подобное 80 тыс. лет назад. Теперь уже он вынужден был вести борьбу за выживание в условиях льда и мороза.

Так называемый классический неандерталец жил в южной части огромной ледяной пустыни в период вюрмского оледенения. Окружающий его мир напоминал среду обитания современных эскимосов. Мерзлая тундра только на юге Европы переходила в степь с травяным покровом и в таежное редколесье. Выжить в этой среде можно было, только приспособиваясь к ней. Так неандерталец стал сильным, ловким и хитрым охотником, который справлялся даже с очень крупными животными, такими как пещерный медведь или сибирский козерог. Охотой он добывал не только богатую калориями мясную пищу, но и жизненно необходимые ему шкуры животных. Ведь морозы тогда нередко достигали -40°C , и неандертальца согревали лишь грубая одежда из теплых шкур и огонь.

Неандертальцы населяли предледниковую зону Европы и представляли собой своеобразный экологический тип древнего человека, сформировавшийся в условиях сурового климата и некоторыми чертами напоминавший современные арктические типы, например эскимосов. Предполагают, что неандертальцы рождались более зрелыми и развивались быстрее, чем ископаемые люди современного физического типа. В интеллектуальном отношении неандертальцы продвинулись достаточно далеко, создав высоко развитую культуру. Найдено множество типов изготовленных ими каменных орудий. Неандертальцы охотились на крупных животных, умели высекать и поддерживать огонь для обогрева жилищ. У них уже существовали некоторые ритуалы (культы, погребения), зачатки искусства, забота о соплеменниках.

Эти люди охотились на крупных животных (вроде шерстистых мамонтов) с деревянными копьями. Они питались их мясом, а толстые шкуры и косматую шерсть мамонтов использовали для изготовления одежды. Неандертальцы, вероятно, жарили мясо на плоских камнях. Сначала они разводили на камнях костер, чтобы они хорошенько раскалились. Когда камни нагревались, горящие дрова отодвигались в сторону, и на горячие камни бросали куски мяса. Жар, исходивший от камней, постепенно прожаривал мясо. Это делало его мягче, и жевать было легче. Чтобы изготовить одежду из звериной шкуры, нужно было прежде всего удалить прослойку жира с ее внутренней стороны. Для этого шкуру растягивали, приколачивали к земле кольшками и очищали ее каменными скребками. Вероятно, шкуру высушивали над огнем, чтобы придать ей мягкость и гибкость. Затем проделывали дырки по краям шкуры заостренным каменным сверлом. Скорее всего человек заворачивался в шкуру и продевал сквозь дырки кожаные ремешки, как бы зашнуровывая одежду. Возможно, так же обматывали и куски шкур вокруг своих ступней¹⁷.

Неандертальцы обычно заселяли пещеры, устраивая при входе занавесы из шкур животных. Они умели мастерить грубую меховую одежду. Заранее проколотые по краю шкуры, раскроенные каменными ножами, сшивались с помощью сухожилий¹⁸. Неандертальцы часто жили в пещерах, но порой археологи находят их стоянки на открытых местах, и уже доказано, что неандертальцы умели строить жилища. И это тем более удивительно, что человек, в отличие от птиц или бобров, инстинкта строительства такого рода убежища не имеет. Его нет уже у приматов. Следовательно, строительство жилищ — целиком сознательная деятельность¹⁹.

Пятилетний ребенок не сможет построить даже простейший шалаш, да и десятилетним детям тоже трудно соорудить такое убежище, которое на самом деле способно спасти их от дождя, снега, холода и ветра. При этом у нынешних детей позади громадный опыт предков. К десяти годам любой ребенок уже в принципе знает, как строится шалаш, чум или даже кирпичный дом. А теперь представим, каково было тем, кто не имел этого опыта. И согласимся с тем, что первые земные строители по уровню своего разума приближались к взрослым людям. К людям, которые способны не только построить достаточно сложное сооружение по готовым рецептам, но и изобрести такое сооружение практически на пустом месте²⁰.

Неандертальцы создали новую индустрию камня и так называемую культуру скребел и наконечников, широко пользовались огнем, были изобретены копье с каменным наконечником и меховая одежда. Ведь жили они в эпоху самого сурового оледенения, когда даже в Крыму и на юге Франции обитали песцы и северные олени. Поэтому они научились выделывать шкуры и шить из них шубы, строить жилища и добывать огонь. Они сообща охотились и собирали съедобные растения, изготавливали разнообразные каменные орудия (мустьерская культура).

Неожиданное открытие немецких палеонтологов в 2001 г. позволяет предположить, что доисторические охотники-неандертальцы уже умели использовать клей для изготовления своих примитивных орудий. Проведя новый анализ двух образцов смолы, найденных в одной из угольных шахт Германии и имеющих возраст около 80 тыс. лет, ученые обнаружили отпечатки пальца, кремния и дерева. По словам немецких археологов, неандертальцы умели обжигать куски березы над огнем для получения дегтеобразного вяжущего вещества, похожего на клей. Березовая смола, нагретая до температуры 300–400 °С, скрепляла деревянное древко и каменный наконечник какого-то орудия. Способность обжигать дерево над огнем для получения дегтеобразного вещества предполагает наличие определенных технических навыков.

Эта находка позволяет антропологам утверждать, что сложившееся представление о неандертальцах как о примитивном в интеллектуальном и технологическом отношении виде не вполне справедливо. Ученые все больше склоняются к мысли, что неандертальцы в плане умственного и технологического развития не так уж заметно отставали от *Homo sapiens*.

2.4.4. Общественный строй

Общественный строй неандертальцев историки называют «первобытным человеческим стадом». Неандертальцы, обладавшие членораздельной речью, жили группами по 50–100 человек на больших расстояниях друг от друга. Контакты и обмен опытом были незначительны — об этом свидетельствуют примитивность и консерватизм материальной культуры. Полагают, что в это время уже существовало частичное разделение труда между мужчинами и женщинами, причем мужчины употребляли преимущественно остроконечники, а женщины — скребла. Это соответствовало их основным занятиям — охоте у мужчин, поискам и сбору съедобных растений, «домашней» работе — у женщин. Неандертальцы (во всяком случае, некоторые орды) впервые начали хоронить своих мертвых. У них же мы находим и первые признаки культов — охотничью магию²¹.

Их социальная жизнь содержала явные человеческие черты. Удивительно, но им не было чуждо милосердие. Пожилые неандертальцы болели обычными болезнями старых людей, например артритами. Однако эти немощные сгорбленные существа все же доживали до 45–50 лет — весьма почтенного по их меркам возраста. Следовательно, о них заботились, кормили, давали место в пещере. Среди скелетов неандертальцев часто попадаются не просто больные, но и настоящие инвалиды: одноглазые, однорукие, т.е. в этом первобытном стаде существовали какие-то «социальные гарантии» по старости и инвалидности.

Неандертальцы были еще типичными охотниками и собирателями. Они должны были кочевать, потому что их жизнь зависела от диких животных и съедобных растений. И если там, где они находились, пропитания не хватало, им приходилось двигаться дальше, хотели они того или нет: их заставляли нужда и голод.

Охота была коллективной и страшно тяжелой: исследуя останки неандертальцев, ученые обратили внимание на характер травм — почти полное соответствие обнаружилось у современных профессиональных участников родео. И все же некоторые, в том числе тяжелые инвалиды — однорукие, одноглазые, доживали до преклонных по тем временам 40–45 лет. Все это свидетельствует о том, что была какая-то социальная организация, какая-то этика. Мы знаем, что неандертальцы знали огонь, сооружали какие-то жилища, совершали какие-то действия в отношении мертвых. Но мы не знаем, какой смысл вкладывался во все это, если таковой вообще существовал. Нам неизвестно даже, владели ли они членораздельной речью²².

С уверенностью можно утверждать, что неандертальцы не достигали преклонного возраста, о котором мы судим по многим признакам — расположению зубов, зарастанию черепных швов и т.д. Все остальные найденные скелеты принадлежат более молодым неандертальцам. В цифрах это выглядит так: 40% детей, 40% людей в возрасте от 20 до 30 лет, 20% — старше 30 лет. Средняя продолжительность жизни не превышала 30 лет. Голод, нужда, постоянная борьба за существование, неблагоприятный климат, плохие жилища, многочисленные болезни, отсутствие гигиены — все это сокращало жизнь неандертальцев, хотя они и были сильными, закаленными людьми. А если взглянуть на зависимость между смертностью и полом, то надо сказать, что возраста старше 30 лет достигали главным образом мужчины. Женщины умирали раньше; это можно объяснить тем, что, будучи слабее физически, они к тому же часто погибали от родов, главным образом, конечно, из-за антисанитарных условий²³.

Хотя неандертальцев часто изображают как варваров или разбойников, археологические находки свидетельствуют: уже 50 тыс. лет назад эти существа помогали ослабленным членам группы, неспособным заботиться о себе самостоятельно. Обнаруженные не так давно в одном из гротов современного Ирака останки 45-летнего неандертальца, у которого не было одного глаза, одной руки (до локтя), а конечности были сломаны во многих местах, красноречиво свидетельствуют, что дожить до такого преклонного по тем временам возраста инвалид мог только лишь с помощью своих соплеменников. Трудно поверить, что он мог собственными силами охотиться или собирать растительную пищу.

Новые археологические материалы дали не только основания для предположения о социальной заботе предков неандертальцев, но и подтвердили, что вторичные признаки неандертальцев развивались достаточно медленно.

Недавние раскопки, проведенные во Франции палеоантропологом Э. Тринкаузом, показали, что предки неандертальцев стали проявлять заботу о ближнем еще 175 тыс. лет назад. Анализ нижней челюсти показал, что к моменту смерти у существа, которому эта челюсть принадлежала, либо совсем не осталось зубов, либо они шатались, что было вызвано обширным пародонтальным воспалением. Исследователи отмечают, что, хотя этот гоминид мог жевать, его способность измельчать твердую или жесткую пищу была существенно ограничена. «Это самый древний пример того, как кто-то смог выжить некоторый период времени, не имея нормально функционирующих зубов, — отмечает Тринкауз. — Для того чтобы этот человек мог есть, пища должна была быть под-

вергнута какой-то обработке — например, комбинации измельчения и нагревания. У них были хорошие инструменты для резки, и они уже овладели огнем, но отсутствие в этом месте очага и инструментов, которые могли бы сделать нечто большее, чем просто нарезать еду на куски, позволяет предположить, что этому индивиду другие члены группы отдавали самые мягкие куски»²⁴. Эти находки свидетельствуют также о том, что хотя эти гоминиды были тогда более развиты в социальном плане, чем предки человека, они уступали им как в поведении, так и в технологии.

2.4.5. Зачатки духовной жизни

Вполне вероятно, что именно неандертальцы стали первыми в длинном списке предлюдей, кто начал задумываться над вопросами жизни и смерти. Мертвых они предавали земле и клали им в могилу оружие, орудия труда и пищу. Из этого можно сделать вывод, что они верили в загробную жизнь. А так как подобные представления предполагают наличие абстрактного мышления, неандерталец должен был обладать также способностью выражать свои мысли при помощи примитивного языка. Сохранились даже свидетельства его первых попыток художественного отображения мира.

Возможно, неандертальцы верили, что черепа и кости пещерных медведей, на которых они охотились, обладают магической силой. Они выслеживали медведя до его пещеры, потом бросали в пещеру горящие ветки, выкуривая его оттуда. Рассвирепевший медведь выскакивал из задымленной пещеры, и охотники набрасывались на него, осыпая ударами копий. Некоторые охотники, по всей видимости, швыряли в зверя тяжелые каменные глыбы. А часть охотников, очевидно, погибала во время схватки. Когда медведь испускал дух, они отрезали ему голову и уносили в свою пещеру. Там они помещали ее в специальную яму, где хранились черепа других медведей, убитых прежде.

Ученые твердо заявляют, что неандертальцы первыми на Земле стали хоронить своих умерших. Но, совершая обряды погребения, они не просто закапывали тела в землю, а предварительно придавали им позу спящего, а могилы обкладывали камнями.

Не менее удивителен тот факт, что погребения неандертальцев сопровождалось приношениями. Так, в одной из могил обнаружена цветочная пыльца, сохранившаяся спустя тысячелетия от погребальных букетов из полевых цветов. В другой могиле рядом с похороненным мальчиком-неандертальцем лежат рога и кости

горного козла. Некоторые авторы усматривают в подобном поведении зачатки религиозных верований. Однако вопрос остается дискуссионным²⁵. Они уже хоронили своих близких, украшая могилы рогами горного козла (пещера Тешик-Таш вблизи Самарканда) и даже цветами (Палестина). Было у них и что-то вроде культа пещерного медведя: во многих пещерах Европы нашли сотни медвежьих черепов и длинных костей, аккуратно сложенных в ниши и «ящики» из каменных плит²⁶.

Долгое время у антропологов не было никаких надежных доказательств того, что неандертальцы знали какие-либо формы художественного творчества, в частности музыки. Недавно ситуация изменилась. Обломок костяной флейты, обнаруженный группой канадских и американских исследователей в одной из пещер Словении, стал сенсацией, вынудив археологов переосмыслить прошлое человечества. Ее возраст — от 43 до 80 тыс. лет. Если это так, то обнаружен старейший музыкальный инструмент в мире. При такой древности предмет мог принадлежать только неандертальцам. Открытие вынуждает задуматься о духовной сущности существ, таинственно исчезнувших с лица земли около 30 тыс. лет назад.

Новые, уточненные датировки находок доказывают, что неандертальцы носили украшения и изготавливали оружие. На территории Южной Франции и Италии у них были высокоразвитые культурные центры, такие как в пещере Арку-Сур-Кюре. Там найдено 36 предметов неандертальской культуры: разукрашенные зубы лисиц, бусы из слоновой кости, кольца, ножи.

2.4.6. Мы — не родственники

В последние годы довольно оживленная дискуссия ведется вокруг ближайшего родственника человека — неандертальца. Еще в 1950-х гг. антропологи разных стран высказывали сомнения относительно того, был ли неандерталец предком современного человека. На этот счет по-прежнему существуют противоположные точки зрения, хотя большинство ученых отрицают роль неандертальца в формировании современного человечества.

Профессору С. Паабо удалось извлечь митохондриальную ДНК из фрагмента позвонка неандертальца, впервые обнаруженного в 1856 г. и жившего около 50 тыс. лет назад. Как показали сравнительные исследования митохондриальной ДНК современного человека и неандертальца, последний вовсе не является ни нашим предком, ни даже близким родственником. Путем сравнительно-

го анализа «наших» и «неандертальских» генов было установлено, что различия между ними столь велики, что эволюционные ветви этих двух видов могли (или должны были) разойтись 600 тыс. лет назад, т.е. в ту пору, когда самих видов еще просто не существовало. Все разнообразие таких ДНК современных *Homo sapiens* — это 24 нуклеотидные замены, а вот в аналогичных ДНК неандертальцев таких замен обнаружено 32. Этот факт позволяет совершенно однозначно утверждать, что неандерталец выходит за пределы видовой изменчивости человека. Следовательно, неандертальцы составляют отдельный вид и принадлежат к совершенно другой, параллельной и тупиковой эволюционной ветви²⁷.

Выводы С. Паабо столь коренным образом меняют представления об антропогенезе, что встал вопрос о проверке этих результатов независимой группой исследователей. С фрагментом неандертальской кости на этот раз работал М. Стоункинг, ученый из группы А. Уилсона, также высочайший авторитет в области палеогенетики. Проведя исследования митохондриальной ДНК из другого образца (останки неандертальского ребенка, жившего 30 тыс. лет назад), он получил такие же данные, что и С. Паабо, полностью подтвердив его выводы.

Спустя несколько лет группа немецких ученых также провела независимое исследование неандертальской митохондриальной ДНК, которое показало: «Подтверждается гипотеза, согласно которой неандертальцы представляют тупиковую эволюционную ветвь и не являются предками современного человека»²⁸.

Палеонтолог К. Стрингер так видит дальнейшую перспективу: «Возможно, мы стоим на пороге создания единой теории, которая объединит палеоантропологические, археологические, генетические и лингвистические доказательства в пользу Африканской моногенетической модели»²⁹.

Недавно проведенный анализ ДНК трех скелетов неандертальцев дает основание говорить о них не как о наших предках, но как о боковой ветви эволюции человека. К. Золликофер и М.П. де Лин из университета Цюриха использовали ископаемые останки для создания трехмерных виртуальных изображений черепов неандертальцев. Ученым удалось восстановить внешний вид черепов и еще больше убедиться в том, что они состоят не в столь близком родстве с современным человеком. Выводы были сделаны с помощью сложной компьютерной графической программы, отображающей развитие черепа неандертальца на различных этапах его жизни. Полученные данные говорят об отсутствии скрещивания между

неандертальцами и первыми представителями современного человека, а также об их небольшом генетическом сходстве³⁰.

Согласно результатам нового исследования (2001), проведенного в университете Цюриха, неандертальцы не были близкими родственниками людей, а являлись совершенно отдельным видом. Для своего исследования ученые из Цюриха взяли черепа детей неандертальца и современного человека. Череп первого отличается большим размером, тяжелыми надбровными дугами и низким лбом. Новые технологии компьютерной реконструкции позволили ученым определить, что эти отличия сформировались уже в младенчестве, а возможно и в утробе, а не развивались во времени. По мнению исследователей, эти различия в строении связаны с разделением неандертальца и современного человека на уровне видов³¹.

В 2000 г. учеными из Института археологии РАН в пещере Мезмайская на Кавказе были обнаружены кости скелета двухмесячного ребенка неандертальца. Анализ митохондриальной ДНК показал его возраст — 29 тыс. лет. Выяснилось, кавказский неандерталец всего на 3,5% отличается от неандертальца из Германии, чей анализ был сделан еще в 1997 г. Незначительные различия свидетельствуют о родстве двух существ, несмотря на большое расстояние, разделяющее их. По подсчетам ученых, немецкий и кавказский неандертальцы имели общего предка около 150 тыс. лет назад. Зато эти показатели очень сильно отличаются от ДНК современного человека. В нем не удалось найти следов генетического материала, который мог бы быть передан от неандертальцев человеку современному. Археологи предположили, что, возможно, существовали разные — генетически различавшиеся — группы неандертальцев, и какие-то из них все же были в числе наших предков³². Наука все больше накапливает необходимого материала для построения филогенетического дерева, показывающего родство между разными популяциями и время их происхождения от общего предка.

2.4.7. Неандертальцы и кроманьонцы: друзья или враги?

Многие ученые и сегодня считают, что неандертальцы — не наши предки. Мы — потомки выходцев из Африки, заполонивших Евразию примерно 28 тыс. лет назад. Подозревают, что эти два вида жили в состоянии жесточайшей вражды друг с другом, которая в конечном счете кончилась полной победой наших предков, а неандертальцы исчезли с лица Земли, не передав нам ни одного гена.

К сенсационному выводу пришел профессор антропологии Вашингтонского и Сент-Луисского университетов (США) Э. Тринкауз в результате нескольких экспедиций. На раскопках в Португалии, проведенных в 1999 г. группой Х. Зильхао при консультации Э. Тринкауза, был обнаружен скелет ребенка-неандертальца. Проведя анализ костей, Тринкауз обнаружил, что им 28 тыс. лет³³. А ведь считалось, что последний неандерталец исчез с лица Земли 30 тыс. лет назад. Он был завернут в некое подобие покрывала, возможно в шкуру, а рядом с его ногами и головой были найдены кости животных, которых, как кажется, поместили туда с особой тщательностью. На шее его была просверленная раковина, возможно, амулет. Но самое удивительное — форма черепа и особенности строения скелета, которые неопровержимо свидетельствовали: малыш был гибридом неандертальца и кроманьонца. Оказывается, все мы — немножечко неандертальцы.

До последнего времени ученые были уверены в том, что примитивные европейские неандертальцы молниеносно вымерли, когда с Ближнего Востока в Европу пришли более приспособленные к жизни кроманьонцы — наши прямые предки. Однако найденный профессором Тринкаузом скелет говорит о том, что неандертальцы и кроманьонцы жили вместе в Центральной Европе в течение 5 тысячелетий³⁴. Более того, Тринкауз считает, что найденный им мальчик — не чистый неандерталец: по мнению профессора, это был ребенок неандертальца и кроманьонца. Так Э. Тринкауз сделал поистине революционное открытие: кроманьонцы не только не вытеснили неандертальцев с лица Земли, но еще и смешались с ними.

Хотя Тринкауз был абсолютно уверен, что неандертальцы вытеснялись или, вернее, поглощались современными людьми очень медленно, тем более что разница в умственных способностях этих двух ветвей, как он считал, была незначительной, ему было бы очень трудно доказать свою правоту, если бы не следующая экспедиция — в хорватскую пещеру Виндиджа (1999). Здесь международная группа антропологов исследовала крупную стоянку неандертальцев, обитавших 28 тыс. лет назад. Раскопки дали богатый урожай — обломки черепов и множество орудий труда. И те и другие принесли сенсацию. Орудия труда были выполнены в различных стилях — от простых каменных топоров, характерных для неандертальской культуры, до замысловатых костяных наконечников, находимых ранее в становищах кроманьонцев. И все это находилось в одном месте, имело один возраст, а это

значит, что ими пользовалось одно и то же племя, возможно на протяжении веков. Последние сомнения рассеялись, когда были исследованы обломки черепов. Некоторые их анатомические особенности оказались характерными именно для современных людей. Так что тесные контакты и смешанные браки между этими двумя ветвями можно считать доказанными. А это заставляет совершенно по-новому взглянуть на эволюцию человека³⁵.

Исследование черепа неандертальцев из знаменитой пещеры Виндиджа в Хорватии позволило выяснить, чем и как питались неандертальцы. Чтобы наиболее точно определить концентрацию следов белка в костях гоминидов, ученые сравнили их с останками животных, травоядных и плотоядных современников неандертальцев — мамонтов, волков, диких быков, арктических лис и пещерных медведей. Результаты исследований однозначно свидетельствуют: неандертальцы были настоящими хищниками. Постов они не знали. Ели мясо и только мясо, в отличие от кроманьонцев, которые употребляли и растительную пищу. По мнению Э. Тринкауса, это опровергает расхожее представление об этих гоминидах, как о «недочеловеках». Они были довольно-таки разумными существами. А то, что в поисках мяса им приходилось побеждать таких опасных животных, как быки и мамонты, говорит о том, что они были искусными охотниками — умели разрабатывать стратегию охоты и осуществлять ее³⁶.

Неандерталец был человеком разумным и вообще первым настоящим разумным существом на планете. Неандертальцы уже довольно высоко поднялись по эволюционной лестнице — обменивались звуковыми сигналами, обозначающими определенные понятия, пользовались каменными орудиями, готовили пищу на огне, возможно, составили первые наскальные рисунки. Тем не менее преувеличивать интеллектуальные способности неандертальцев не следует. «Сознание неандертальцев было подобно двум высоким башням, разделенным тонкой стенкой, — считает С. Митчен из университета в Рейдинге. — А современные люди уже обладали внутренним миром, схожим с готическим собором, внутри которого свободно путешествуют и звук, и свет»³⁷.

Неандертальцы открыли совершенно новую страницу всемирной истории. Они дали человечеству верования, обычаи и обряды, погребение мертвых, сострадание к себе и близким. И если в конце концов уступили свое место на планете кроманьонцам, то только потому, что те оказались более приспособленными к суровым первобытным условиям.

2.4.8. Первая глобальная война

Почему же судьба распорядилась так, что неандертальцы не стали нашими непосредственными предшественниками, но уступили дорогу кроманьонцам? Что помогло более субтильным, физически менее сильным кроманьонцам победить в глобальной войне своих куда более мощных соперников? Наука не дает однозначного ответа (и вряд ли когда-либо даст его), зато выдвигает множество предположений — одно интереснее другого.

Кто-то думает, что они были истреблены другой расой в ходе борьбы за охотничьи земли, другие считают, что виной тому связь с предками современного человека и исчезновение вида в результате скрещивания. Большинство экспертов считают, что в этой трагедии виноват современный *Homo sapiens*. Он одолел своих конкурентов в молниеносной кровавой войне. Почему человеку удался прорыв? Ведь тщедушные переселенцы из тропиков не были приспособлены к холоду так, как неандертальцы. И мышечной массы у аборигенов было на 30–40% больше.

Некоторые ученые полагают, что более развитые кроманьонцы попросту истребили своих неуклюжих конкурентов неандертальцев. Однако такой геноцид представляется маловероятным. Согласно другой теории неандертальцы вымерли от какой-то эпидемии, заразившись от кроманьонцев, которые оказались более устойчивыми. Это тоже сомнительно: неандертальцы жили изолированными популяциями, состоявшими из отдельных групп собирателей и охотников, от силы по 30 человек вместе. Риск распространения инфекции в таких условиях минимален. Многие ученые считают, что вымирание неандертальцев было вызвано технологическим превосходством кроманьонцев. Хотя первые пользовались метательными орудиями, например копьями, и обрабатывали помимо камня также кости и рога северного оленя, человек современного типа заметно усовершенствовал охотничий инвентарь, что позволило ему выжить с наступлением примерно 34 тыс. лет назад очередного оледенения. Конкуренция за пригодные для охоты места могла привести к голоду и массовой гибели неандертальцев. Повышение же смертности всего на 1–2% способно уничтожить популяцию всего за 1000 лет³⁸.

Британские археологи из Брэдфордского университета исследовали химический состав костей, оставшихся от пяти неандертальцев и восьми современных людей, живших на территории современных Британии, Чехии и России от 20 до 28 тыс. лет назад, и выяснили, что у соперников были разные диеты. Оказалось, что наряду с мясом млекопитающих современные люди

употребляли в пищу рыбу, моллюсков и речных птиц, тогда как неандертальцы употребляли в пищу исключительно мясо крупных травоядных животных — оленину либо мамонтытину. Но они попадались не всегда, климат менялся, некоторые виды животных исчезали, охота не всегда была удачной.

В исчезновении неандертальцев, полагает К. Стрингер из музея естественной истории в Лондоне, кроме более высокого уровня развития вновь прибывших племен виновна и нестабильность климатических условий. «Около 30 тыс. лет назад, — объясняет Стрингер, — произошло значительное ухудшение климата, который стал особенно суровым». Количество растительности уменьшалось, а вместе с ней уменьшалось и количество животных для охоты. И вследствие этого начало уменьшаться население неандертальцев. А *Homo sapiens* располагали более совершенными орудиями для охоты и хорошей социальной организацией. Судьба несчастных неандертальцев была предreshена³⁹.

Перестроиться на другой рацион неандертальцы не могли, поскольку были узкоспециализированными существами. В конечном итоге это и могло их погубить. Вот и получалось, что в тяжелые времена современные люди могли перебиваться рыбой, а неандертальцы оставались без пропитания, слабели и умирали. Фосфор, содержащийся в рыбе, развивал мозг, делал кроманьонцев еще более разумными, гибкими и умеющими приспособиться к тяжелым ситуациям. Они учились делать ловушки и, возможно, ставили примитивные капканы на мелких животных, охота на которых, может быть, не так опасна, как охота на мамонтов, и приносит не так много запасов, однако резко повышает шансы на выживание⁴⁰.

Кроманьонцы, появившиеся в Старом Свете около 100 тыс. лет назад, после длительного перемещения из Восточной Африки, по мнению Дж. Баньоне⁴¹, могли привезти с собой новые болезни, которые уничтожили прежних жителей континента, неандертальцев, примерно так же, как случилось с появлением завоевателей в Новом Свете. А может быть, новопривывшие африканцы, будучи физически более слабыми, имели какое-нибудь секретное оружие? На этот вопрос нет точного ответа, а только различные гипотезы.

Как бы то ни было, но столкновение двух эволюционных ветвей — неандертальцев и кроманьонцев — надо считать первой во всемирной истории глобальной войной, продолжавшейся в одних регионах Европы 10 тыс. лет, в других — 5 тыс. Ее последствия предопределили дальнейший путь человеческой цивилизации, а возможно, и судьбу всей планеты.

2.5. Кроманьонский человек⁴²

2.5.1. Появление и расселение

Переход к верхнему палеолиту ознаменовался заселением *Homo sapiens sapiens* не только европейского региона, но и Австралии и Америки, которые в ту эпоху были еще соединены с Азией участками суши. Приблизительно 35–40 тыс. лет назад в Европе, все еще плотно заселенной неандертальцами, неожиданно появились новые обитатели. Палеонтологические данные показывают, что они пришли из Африки через Переднюю Азию. По месту первой находки их останков — гроту Кро-Маньон на юге Франции (1868) — их называли *кроманьонцами*. Они жили здесь 10 тыс. лет назад и пользовались весьма сложной каменной техникой, в частности специальной каменной лампой. Их относят к ископаемым людям современного вида (неоантропов) эпохи позднего палеолита. Известны по костным остаткам, открытым во всех частях света. Появились около 40 тыс. лет назад. С антропологической точки зрения кроманьонцы относятся к современному виду человека (*Homo sapiens*). В специальной литературе кроманьонцами называют только те локальные группы древних обитателей Европы, которые сходны по своему типу с человеком из грота Кро-Маньон и характеризуются высоким ростом, длинной мозговой коробкой, широким лицом и низкими глазными орбитами. Черты антропологического типа кроманьонца прослеживаются в населении более поздних эпох вплоть до современной (например, гуанчи Канарских островов). Их также называют неоантропами. Иногда людей современного типа называют сапиентными, или просто сапиенсами.

Иногда археологи и антропологи рассуждают так: вид *Homo sapiens sapiens* имеет несколько региональных разновидностей, в том числе африканскую, азиатскую и европейскую. Только европейская ветвь в соответствии с первой находкой во Франции получила название кроманьонцев.

Впрочем, о точной дате появления современного типа людей антропологи продолжают спорить. Некоторые утверждают, и небезосновательно, что человек современного типа гораздо древнее, чем считалось раньше. Недавно в Африке обнаружены, как считается, самые древние находки, чей возраст — 90 и даже 130 тыс. лет. Возможно, что Африка — родина кроманьонцев, Впрочем, как и всего человеческого рода.

В восточной Африке обнаружена стоянка людей, живших здесь 125 тыс. лет назад, вокруг которой разбросано большое количество остатков устриц, ракушек, крабов. На сегодняшний день это самое древнее поселение людей в пределах береговой линии. Р. Вальтер и его коллеги обнаружили там же каменные орудия, которые, возможно, использовались для раскалывания раковин. Кроме того, поблизости найдены скелеты слонов и гиппопотамов. Возможно, что именно таким путем, двигаясь по берегу, человек постепенно перебрался в Европу. Предполагается, что темп перемещения людей составлял милю в год. Может быть, так неспешно и пришли во Францию предки кроманьонцев⁴³.

Хорошенько освоив Африку приблизительно 100–125 тыс. лет назад, кроманьонцы перебрались сначала в Азию и лишь позже — в Европу. Причем в Азии кроманьонцы появились даже раньше, чем туда попали неандертальцы: первые поселились в Азии 92 тыс. лет назад, а вторые — лишь 60 тыс. лет назад. Пожив в Азии более 50 тыс. лет, кроманьонцы почему-то мигрировали в Европу. Случилось это 35–40 тыс. лет назад. Здесь-то «азиатских беженцев» и обнаружили, спустя десятки тысяч лет, антропологи. Они и назвали их первыми европейцами.

Наиболее древним верхнепалеолитическим поселением на северо-востоке Европы, по данным П. Павлова⁴⁴, является Мамонтова Курья, расположенная на 66 °с.ш. в среднем течении Усы, открытое в 1992 г. Его возраст около 35 тыс. лет. Стоянка принадлежит к кругу древнейших верхнепалеолитических культур центральных районов Русской равнины. В культурном слое памятника был найден первый в печорском палеолите предмет не утилитарного назначения — бивень мамонта с группами парных насечек. Таким образом, в раннюю пору верхнего палеолита северо-восток Европы был освоен племенами, проникшими в субарктические широты из центра Восточно-Европейской равнины. Причины миграции лежат скорее всего в природно-экологических условиях, сложившихся 30–40 тыс. лет назад в регионе. В это время в центре и на северо-востоке Русской равнины сформировалась обширная область с близкими природно-климатическими условиями. Преобладающим типом ландшафтов в этой области была тундростепь, изобиловавшая крупными стадными млекопитающими. Охота на лошадей, бизонов, северных оленей и мамонтов составляла основу хозяйства палеолитического человека. Поэтому при продвижении на север палеолитические охотники не покидали привычных условий обитания, хотя севернее климат был несколько холоднее и значительно суше. Немаловажным факто-

ром, способствовавшим колонизирующей миграции, было существование мощного очага развития верхнепалеолитической культуры в центре Русской равнины. Не подлежит сомнению, что в период от 25 до 35 тыс. лет назад в субарктических широтах северо-востока Европы было постоянное население. Однако 25 тыс. лет назад произошли драматические изменения: резкое похолодание, самое значительное за весь поздний плейстоцен, вынудило палеолитическое население покинуть северо-восток Русской равнины. С большой долей уверенности можно утверждать, что в интервале от 19 до 24 тыс. лет тому назад на территории северо-востока Европы не было постоянного населения или она не была заселена вообще.

До недавнего времени считалось, что неантропы, явившись в Европу из Азии, тут же уничтожили всех неандертальцев и заняли их экологическую, а затем и социальную нишу. Но действительность оказалась сложнее. Наукой точно установлено, что на протяжении по крайней мере 30 тыс. лет неандертальцы и наши прямые предки — кроманьонцы — жили бок о бок в одних и тех же местах Европы. А раз так, то, несмотря на генетические различия, между ними могли заключаться браки и, несмотря на социальные различия, существовать торгово-обменные отношения. Во всяком случае примеры заимствования технических изобретений и методов охоты одних видов людей у других археологи обнаружили.

Так, культуру скребел и наконечников везде связывали с неандертальцами (палеоантропами). Но и кроманьонцы в середине каменного века (в среднем палеолите) широко использовали те же самые орудия, а неандертальцы, наоборот, в ряде мест применяли более совершенную технику. По-видимому, палеоантропы не только заимствовали новую технику выделок каменных орудий, но и могли совершенствовать свою. Сравнительно недавно антропологи обнаружили культуру скребел и наконечников, характерную для европейских неандертальцев, и назвали ее мустье (по месту первой находки)⁴⁵. Во Франции в ряде мест она сменилась более совершенной культурой шательперрон, которую связывали с пришельцами-неоантропами. Но в той же Франции (Сен-Сезвр) орудия шательперронской культуры были найдены со скелетными останками неандертальца, жившего недавно — 35 тыс. лет назад.

Хотя часть антропологов продолжает настаивать на том, что 40 тыс. лет назад люди европейского типа, кроманьонцы, заселили Европу, перебив либо выморив примитивных неандертальцев (смешения не было). Сравнения ископаемых останков кромань-

онцев с современными обитателями Европы как будто не дают никаких оснований говорить о биологическом прогрессе. Однако новейшие результаты генетического анализа, как уже мы говорили выше, демонстрируют как раз обратное.

2.5.2. Внешний вид

Первые настоящие европейцы были люди высокого (1,7–1,8 м) роста, практически не отличавшиеся от нас, с крупными, грубовато-красивыми чертами широких лиц, стройные, крепкого телосложения. Они были даже немного выше современных шотландцев или скандинавов, более мощно сложены и имели на 10% больший объем мозга.

У них был вытянутый узкий череп и отчетливый, чуть заостренный подбородок, который придавал нижней части лица треугольную форму. Нос заметно выдавался вперед, а высокий лоб был округлым.

Сходный антропологический тип до сих пор встречается у ныне живущих людей на Балканах и Кавказе. Впоследствии останки людей подобного типа находили во многих местах Европы, в нашей стране от крымских пещер до Сунгиря близ г. Владимира.

Как считают лингвисты, строение носа, рта, глотки — все свидетельствует о том, что они могли издавать четкие и разнообразные звуки. Среди древних и древнейших предков человека кроманьонцев можно, пожалуй, назвать первыми ораторами, мастерами устного слова.

Живя бок о бок на протяжении 30 тыс. лет, а это гораздо больше, чем существует человеческая цивилизация, неандертальцы и кроманьонцы постепенно стали походить друг на друга не только по общественному строю или манерам охоты, используемым орудиям, но и по внешнему виду. Так считает Р. Дилтс, руководитель Нейролингвистической программы в *NLP University* (Нью-Йорк). Анатомически неандертальцы во многом походили на кроманьонцев. За одним лишь исключением: неандертальцы, появившиеся на десятки тысяч лет раньше кроманьонцев, были в целом более сильны физически и имели чуть больший объем мозга. Главное различие между этими двумя группами, однако, состояло в степени проявляемого ими необходимого разнообразия. Закон необходимого разнообразия — вот решающий фактор, определивший разные исторические судьбы неандертальцев и кроманьонцев:

«На всех неандертальских поселениях (стоянках), обнаруженных в Европе, Азии, Северной Африке, найдены практически однотипные орудия труда. Эти орудия состояли в основном из обточенных камней или деревянных колющих пик, и, очевидно, у неандертальцев не существовало предметов искусства.

Кроманьонские поселения, с другой стороны, характеризовались уникальностью и разнообразием найденных орудий труда, ювелирных изделий и других артефактов. В дополнение к разнообразным каменным орудиям труда кроманьонцы изготавливали оружие и утварь из костей и оленьих рогов, луки и стрелы, сети, свитые из веревки. Кроманьонцы постоянно изобретали новое, адаптируясь к своей среде и отталкиваясь от прежних изобретений. Неандертальцы были неспособны или, возможно, не желали производить новое или адаптироваться. Ни время, ни местоположение не смогли заставить их разнообразить свой жизненный стиль: последующее вымирание неандертальцев и распространение кроманьонцев и появление современного человека напрямую связано с присущей им степенью необходимого разнообразия. Неандертальцы не были способны адаптироваться как к изменениям среды, так и к своим соседям — кроманьонцам»⁴⁶.

2.5.3. Общественный строй и образ жизни

Кроманьонский человек оставил после себя многочисленные орудия, жилища и остатки добычи. На этом основании мы можем делать выводы о его образе жизни и культуре. Кроманьонцы жили в самом конце последней из ледниковых эпох. В те же времена климат был холодным, а зимы снежными, лишь невысокие травы и кустарники могли расти в подобных условиях. Поневоле им пришлось стать искуственными охотниками.

Кроманьонский человек охотился на шерстистых мамонтов, а также на северных оленей, лошадей, туров, зубров, кабанов и других животных. Но именно мамонт занимал в его добыче главное место, вот почему кроманьонцев называют охотниками на мамонтов. Из своего опыта они знали, что мамонты весной уходят на север, а осенью — на юг, и подстерегали их в это время на путях миграций. Нападая толпой, они способны были одолеть даже мамонтов, огромная пещерных медведей и других крупных животных. Поскольку у них была хорошо развита речь, кроманьонцы могли согласовывать свои действия. Во время охоты они использовали дубины и копья, а также умели заманивать добычу в заранее вырытые ямы-ловушки. Охотники старались рассеять стадо, отделить от него какого-нибудь молодого, неопытного зверя

и загнать его в выгодное для себя место — яму, прикрытую ветвями и травой, в ущелье или болото, откуда мамонт не мог бы выбраться. Там одни забрасывали жертву камнями и тяжелыми валунами, а другие добивали оглушенное животное дубинками, копьями и стрелами.

Успех в охоте и ратном деле им обеспечивали не только хорошо развитая кооперация и хорошо налаженная система взаимодействия, но и технические достижения. Кроманьонцы научились делать множество новых видов оружия. К своим копьям они привязывали острые наконечники из оленьего рога с направленными назад зубцами, чтобы копьё глубоко застревало в боку раненого животного. Для того чтобы метать копьё как можно дальше, они использовали специальные метательные устройства, которые изготавливались из оленьего рога, а некоторые из них украшались разным узором.

Они мастерски изготавливали всевозможные орудия на разные случаи жизни: острые наконечники для копий, каменные ножи, костяные гарпуны с зубцами, превосходные рубила, топоры и т.д. Кроме того, они еще ловили рыбу и собирали растения. Они ловили рыбу при помощи гарпунов, вырезанных из оленьих рогов, с наконечниками и загнутыми назад зубцами. Гарпуны привязывались к копьям, и рыболовы протыкали ими рыбу прямо в воде.

Эти мужественные путешественники добрались даже до холодных арктических районов, научившись шить одежду и сооружать жилища. Даже первый гончарный круг — их изобретение. Из поколения в поколение передавалась техника изготовления орудий и некоторые ее секреты (например, то, что камень, раскаленный на огне, после остывания легче поддается обработке). Орудия, подобные тем, которыми пользовались кроманьонцы приледниковых областей Европы, встречаются и восточнее — в частности в Сибири, в бассейнах Енисея, Ангары, Лены.

Кроманьонцы жили родовыми общинами. Предполагается, что даже в благополучное время она не превышала 20–40 жителей. В условиях сурового климата, когда оледенение достигло своего максимума, большому числу людей вместе ни прокормиться, ни согреться. Крупными поселения первобытных людей стали лишь 10 тыс. лет назад в теплом поясе Ближнего Востока, где впервые зародилось земледелие. К тому же кроманьонцам часто приходилось сниматься с одного места и перебираться на другое — вслед за мигрирующими животными, которые отправлялись в теплые регионы. Считается, что продолжительность жизни кроманьонцев была невелика — не более 30 лет. К тому же женщины

рожали не каждый год, потому что ребенок очень поздно отнимался от груди. И если учесть высокую детскую смертность, то, видимо, среди древних семей не было многодетных.

Как и неандертальцы, они использовали для жилья не только пещеры. Из стволов деревьев, мамонтовых костей и шкур, а в Сибири даже из каменных плит они строили хижины. Кроманьонцы сооружали хижины из длинных берцовых костей и бивней мамонтов, покрывая каркас звериными шкурами. Концы костей вставляли в черепа, поскольку строители не могли воткнуть их в мерзлый грунт. В земляном полу хижин и пещер кроманьонцев было обнаружено множество захоронений. Впервые в истории у них появились более или менее постоянные поселения, которые располагались в удобных для жизни местах: перед входом в пещеру, обычно на южном склоне горы, или у воды. Помимо пещерных жилищ, для защиты от сырости выложенных каменными плитами, кроманьонцу были известны также прочные шатры с каркасом из костей мамонта, обтянутые шкурами животных, и землянки.

Множество таких поселений обнаружено, например, в бассейнах рек Десны и Дона. Особенно примечательны жилища человека верхнего палеолита, открытые при раскопках в районе сел Костенки и Боршево на правом берегу Дона, вблизи Воронежа. Основная жилая площадка здесь достигает 35 м в длину и 15–16 м — в ширину. Ее окаймляют дополнительные помещения — землянки, крыша которых имеет каркас из крупных костей и бивней мамонта. В выемках-кладовых при этих стоянках найдены были орудия охоты и произведения первобытного искусства. Человек современного типа рисовал на стенах пещер великолепные фрески, изображавшие промысловых животных: лошадей, мамонтов, бизонов (вероятно, для каких-то магических обрядов), украшал себя ожерельями, браслетами и кольцами из ракушек и мамонтовой кости; одомашнил первое животное — собаку.

Кроманьонцы разрезали олени рога при помощи каменного резца. Вероятно, они были первыми людьми, научившимися делать иглы и шить. С одного конца иглы они проделывали дырочку, служившую ушком. Затем они зачищали грани и острие иглы, потеряв ее о специальный камень. Возможно, они протыкали шкуру каменным сверлом, чтобы можно было продеть иглу сквозь образовавшиеся дырочки. Вместо ниток использовали тонкие полоски кожи или кишки животных. Кроманьонцы часто приши-

вали к своей одежде маленькие бусины из разноцветных камешков, чтобы выглядеть наряднее.

Одновременно с европейскими кроманьонцами люди того же типа жили также в Африке и Азии. По ряду анатомических особенностей, однако, все они несколько отличались друг от друга — примерно так же, как отличаются современные расы: европеоидная, монголоидная и негроидная. Представители древней монголоидной расы, жившие в Азии в эпоху верхнего палеолита, проникли на Аляску с территории нынешней Восточной Сибири, положив начало заселению Америки. Точную дату установить довольно сложно. Но можно с уверенностью сказать, что к XIV—XII тысячелетию до н.э. уже была заселена вся Северная Америка и часть Южной. Более ранних следов человека на Американском континенте не обнаружено. Этот переход осуществлялся через нынешний Берингов пролив по льду или, возможно, по сохранявшемуся еще тогда узкому перешейку. Кроме древних людей монголоидного типа в заселении Америки, вероятно, принимали участие и представители других рас, попадая в Новый Свет через Берингов пролив либо морским путем. В Австралии же переселенцы, проникавшие через островные цепи Малайского и Зондского архипелагов, появились еще позже — в самом конце палеолита.

2.5.4. Искусство

Но все эти достижения меркнут по сравнению еще с одним: кроманьонцы были *первыми художниками*. Тридцать—сорок тысяч лет назад они расписывали стены своих пещер, украшали рисунками одежду, предметы быта, инструменты. То, что сохранило время, свидетельствует о высочайшем уровне их художественного мастерства. Рисунки и скульптура этих неизвестных художников по праву считаются одними из величайших шедевров, когда-либо создававшихся людьми. Это искусство служит отражением богатой, духовно наполненной жизни людей палеолита.

Хотя первые — впрочем, крайне немногочисленные — опыты в области художественного творчества восходят еще к неандертальцам, только кроманьонский человек овладел сложной техникой создания наскальных изображений.

Это была ориньякская культура позднего палеолита, которая отличалась от мустьерской культуры неандертальцев. Из позднего палеолита происходят многочисленные предметы искусст-

ва древнейших мастеров, которые могут подразделяться на три основные группы: небольшие предметы, украшенные рисунками, резьбой или гравюрами; настенная живопись и гравюры; фигурки человека (обычно женские) или животных.

Раскопки на местах стоянок людей верхнего палеолита свидетельствуют о развитии у них первобытных охотничьих *верований* и *колдовства*. Из глины они лепили фигурки диких зверей и пронзали их дротиками, воображая, что убивают настоящих хищников. Сотни вырезанных или нарисованных изображений животных они оставили также на стенах и сводах пещер. Сравнивая рисунки верхнего палеолита с живописью современных австралийских аборигенов, выдающийся французский историк А. Брюль пришел к выводу, что и то, и другое — часть охотничьих магических обрядов. Пещерная живопись — первый признак появления религиозных чувств. Древние художники полагали, что дух животных как бы передавался их изображению. Возможно, рисовали шаманы — люди, которые могли, по мнению древних людей, контролировать поведение животных.

Если эти изображения имели магическое назначение, то процесс их создания представлял собой своего рода обряд, поэтому такие рисунки большей частью укрыты глубоко в недрах пещеры, в подземных ходах в несколько сотен метров длиной, причем высота свода нередко не превышает полуметра. Чтобы добраться до своей будущей «картинной галереи», кроманьонцам приходилось путешествовать по длинным, узким и темным коридорам пещер, преодолевая значительные расстояния. В таких местах кроманьонский художник должен был трудиться, лежа на спине, при свете плоских с горящим животным жиром. Можно сказать, человеческое искусство зародилось в подполье или в катакомбах.

Около 40 тыс. лет назад кроманьонец впервые высек очертания человеческой руки на стене пещеры Бара-Бахау на юге Франции. Истребление пещерных медведей давало возможность первобытным людям селиться в пещерах и создавать постоянные места обитания, где можно было не только укрыться от непогоды и хищников, но и создавать запасы продуктов и топлива, лечить больных, изготавливать орудия охоты в более комфортных условиях и даже заниматься настенной живописью.

В пещере Ле Комбарель он вырезал на стенах сотни силуэтов животных и человека. В пещере Руффиньяк и в других местах он оставил цветные изображения животных, нанесенные стержнями, содержащими окись марганца. А в пещере Альтамира на севере

Испании и в пещере Ляско во Франции сохранились чрезвычайно выразительные многокрасочные живописные произведения кроманьонцев.

Наскальная живопись австралийцев могла быть частью ежегодного обряда увеличения вида. Некоторые животные на рисунках изображены в период ожидания детенышей, другие — в процессе размножения. Верили ли люди позднего палеолита, что они могли повлиять на ход размножения животных путем их рисования? Или они думали, что животные каждый год будут возвращаться к тому месту, где в плену оставалась их душа, изображенная на рисунке? Часто встречаются целые группы изображений. В некоторых пещерах поверх оригинала накладывались еще три рисунка, хотя рядом на стенах было место, никогда не использовавшееся для рисования. Кажется, можно предположить, что событие, происходившее в окружающем мире, подкрепляло выбор места художником. Может быть, имела место особенно удачная охота после изображения рисунка. Возможно, члены какой-либо группы, имевшей вес в обществе в эпоху позднего палеолита, традиционно использовали для рисунков отведенную площадь.

Наскальная живопись могла быть также нарисованной историей. Быть может, люди позднего палеолита в своих рисунках вновь переживали события охоты, которая уже имела место. Так до сих пор поступают охотники в пустыне Калахари. Согласно одной из интерпретаций наскальная живопись позднего палеолита представляет собой попытку человека контролировать магическими средствами размножение животных. Австралийские аборигены, занимающиеся охотой и собирательством, до сих пор так и рисуют. Они проводят ежегодные «церемонии увеличения» в честь плодородия и для магического воздействия на размножение животных, обитающих на их территории. Исполняющие танец представляют либо подвиги мифологических героев, либо изображают недавние реальные события⁴⁷.

При создании *наскальной живописи* первобытный человек использовал естественные красители и окиси металлов, которые он либо применял в чистом виде, либо смешивал с водой или животным жиром. Эти краски он наносил на камень рукой или кисточками из трубчатых костей с пучками волосков диких зверей на конце, а порой выдувал через трубчатую кость цветной порошок на влажную стену пещеры. Древние художники, сначала процарапав контуры животного, оттенками краски придавали ему объем.

Помимо создания двухмерных изображений на плоскости кро-маньонец с древнейшей поры освоил и объем. В некоторых пещерах обнаружены высеченные в скале барельефы, а также отдельно стоящие изваяния животных. Особенно впечатляют две вылепленные из глины фигуры бизонов, найденные в пещере Тюк д'Одюбер во Франции. Известны также небольшие статуэтки, которые вырезались из мягкого камня, кости, бивней мамонта или изготовлялись из глины с примесью костяной крошки и подвергались обжигу. Старейшая в мире печь для обжига керамики была найдена в лагере охотников на мамонтов в местечке Долни Вестонице в Моравии (Чешская Республика).

Если расцвет пещерной росписи наступил примерно 10–15 тыс. лет тому назад (в так называемый мадленский период), то *искусство миниатюрной скульптуры* достигло высокого уровня значительно раньше. Так, возраст миниатюрной (всего 3,5 см) женской головки из Брассемпюи в Западной Франции — около 25 тыс. лет. Это произведение, вырезанное из бивня мамонта, чрезвычайно выразительно. К той же эпохе относятся и так называемые «венеры» — статуэтки, обнаруженные, например, при раскопках у населенных пунктов Виллендорф в Австрии или Мораваны-над-Вагом в Словакии. Это небольшие, высотой 10–15 см, фигурки женщин, обычно подчеркнута массивных форм; при этом голова и руки у них не проработаны или отсутствуют, так как мастер-резчик хотел сосредоточить внимание в первую очередь на атрибутах женственности — груди и лоне.

Возможно, подобные фигурки символизировали плодородие либо были связаны с культом женщины-матери. Ведь кроманьонцы жили по законам матриархата, и именно по женской линии определялась принадлежность к роду, который почитал свою пра-родительницу.

Долгое время считалось, что изображения плодородия должны быть голыми, а на голове у «венеры» древний скульптор запечатлел волосы. Однако недавние (2000 г.) исследования 90 фрагментов глиняных фигурок, в том числе из местечка Долни Вестонице в Моравии (Чешская Республика), проведенное О. Софер из Илинойского университета (США), выяснили, что «венеры» одеты, на головах у них не волосы, а шляпки. В результате ученые доказали, что одежда впервые появилась не у охотников и собирателей, живших 5–10 тыс. лет назад, как считалось прежде, а гораздо раньше — около 30 тыс. лет назад. Для этого археологам пришлось более подробно изучить древнюю технику ткачества, включая искусство плетения корзин из прутьев, а также примитив-

ной одежды из шнурков и бечевки. «Многие годы специалисты проходили мимо известных фигурок европейских венер, считая их обнаженными, — сказала репортерам доктор О. Софер. — Наши исследования древней техники плетения, которые мы проводим в течение вот уже 10 лет, показали, что на них надета одежда»⁴⁸.

Как считает С. Митчен из университета в Рейдинге, 35–40 тыс. лет назад произошел так называемый «большой культурный взрыв», после которого стали появляться бусы, брелки, статуэтки, рисунки и гравировки на кости. Однако причины «культурного бума» ученым до конца не ясны. Возможно, сказалось более совершенное строение головного мозга предков современных людей. К. Гамбел из университета Саутгемптон утверждает, что дело в изменении отношений между нашими предками. Вынужденные общаться с большим количеством себе подобных, они должны были сохранять в голове всю сложную систему взаимоотношений и иерархии. Это требовало незаурядной фантазии и памяти. Другие ученые, не подвергая сомнению различия в строении мозга людей и неандертальцев, тем не менее указывают на то обстоятельство, что современный человек появился в Северной Африке, как минимум, 90 тыс. лет назад, но никаких свидетельств его живописной деятельности там не сохранилось⁴⁹.

Высоко развитой была у кроманьонцев и *культура погребений*. Первобытные охотники вели очень трудную жизнь, и продолжительность их жизни была короткой — они погибали от ранений, полученных на охоте. Похороны часто были сопряжены с очень сложными обрядами. Покойников, как правило, укладывали в могилу в согнутом положении, с коленями, прижатыми к подбородку. Иногда в могилах находят также различные орудия и оружие. Умершим соплеменникам они давали в последний путь не только одежду, оружие и пищу, но и искусно изготовленные украшения (вероятно, служившие талисманами). В могилах кроманьонцев встречаются ожерелья из раковин и бусы из зубов животных, сетки для волос и браслеты. Мертвых засыпали кроваво-красной охрой, причем телам придавали согнутое положение, так что колени почти касались подбородка.

Представители ориньякской культуры часто хоронили своих мертвых прямо на местах стоянок. Некоторые племена выкапывали неглубокие могилы в земле, наваливали у изголовья и у ног покойного кучи камней; другие придавливали голову, грудь и ноги мертвеца тяжелыми валунами, чтобы покойник не вздумал объявиться среди живых. Иногда мертвецам связывали руки и ноги

и опускали в могилу в скорченном положении, с коленями прижатыми к подбородку; в других случаях тело покойного помещали в пещеру, а вход заваливали тяжелыми глыбами. При раскопках захоронений рядом со скелетом находят обычно оружие, различные дары, украшения, иногда запасы продовольствия.

Краткий миг — 20–25 тыс. лет — продолжалась эпоха кроманьонцев. Получив в наследство от более примитивных существ большой деятельный мозг и достаточно практичную технологию, эти новые люди в относительно короткий отрезок времени сделали невиданный прыжок вперед.

Эти первые современные люди совершили переворот, последствия которого невозможно переоценить. Становление членораздельной речи и развитие системы речевого общения относятся именно к их эпохе, и к ее завершающему этапу восходят самые древние, едва прослеживаемые истоки современных языков. Многокрасочное изобразительное искусство — наскальная живопись. Первые свидетельства символического мышления и наблюдений за природой, за ее циклами. Новые технологии изготовления орудий. Активное приспособление к внешним условиям. Без их достижений нынешний мир и мы в этом мире были бы совсем другими⁵⁰.

Последние открытия археологов заставляют пересмотреть время зарождения наскальной живописи. Недавно британскими археологами в Замбии обнаружены пигмент и предметы для рисования возрастом в 350–400 тыс. лет⁵¹. Привлекает эта находка прежде всего возрастом — до сих пор самые древние следы пигмента датировались в 120 тыс. лет, а рисунки на стенах пещер — в 35 тыс. В сообщениях информационных агентств говорится о том, что пигмент был найден в пещере, но нет упоминания ни о рисунках, ни о пигменте на стенах пещеры. Один из авторов открытия доктор Л. Бархам утверждает, что древние художники использовали краски желтого, розового, красного и бурого цветов. Было найдено 307 фрагментов пигмента, из них: 40% темно-красного цвета, 20 — пурпурного, 20 — светло-красного, 4 — розового, 4 — желтого, 4% черного.

Кого же ученые выбрали на роль наидревнейших художников? Неандертальцы, у которых появились первые признаки духовной культуры — верования, украшения и захоронения, — появились позже. Кроманьонцы, считавшиеся первыми на земле искусствниками и создателями пещерной живописи, пришли в Европу 35–40 тыс. лет назад. Кто был тот человек, который добывал и

готовил краски 350–400 тыс. лет назад? Лучше всего на эту роль подходит *Homo erectus*: появился 1,5–2 млн лет назад, исчез приблизительно 400 тыс. лет назад.

В том, что наскальная живопись появилась только 30–40 тыс. лет назад, никто из серьезных специалистов не сомневается. Речь идет не о готовом продукте — картине, а об исходных материалах для его получения. Что делал с красящим веществом, полученным искусственным путем через смешивание, *Homo erectus*? Раскрашивал себя? Но стоит ли называть это занятие искусством? Интересно, что раскрашивал он себя преимущественно в красный цвет. Вопросы остаются без ответа. Итак, наскальная живопись появилась в Европе 30–40 тыс. лет назад, а первые краски изготовили в Африке 350–400 тыс. лет назад.

Глава 3. ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Людей уже тысячи лет мучает вопрос «откуда мы взялись». Однако не только мы сами, но и умудренные ученые не могут ответить на него совершенно точно. Возникновением и развитием человека занимаются философия, антропология, биология и другие науки. К настоящему времени сложилось несколько школ, теорий и направлений, а именно: креационизм, философское эволюционное учение, эволюционная теория Ламарка, теория Дарвина, трудовая теория Энгельса, синтетическая теория эволюции, теория двух скачков, теория внеземного происхождения человека, теории моно- и полицентризма.

3.1. Фило- и онтогенез

Антропосоциогенез — как его понимать? В научной литературе нет единой трактовки данного термина. Попробуем разобраться.

В отечественной литературе принято делить весь человеческий род на три большие группы: 1) архантропы, т.е. формирующиеся люди (к ним относятся питекантропы, синантропы и другие ранние виды); 2) палеоантропы (неандертальцы), они жили в формирующемся обществе, которое принято называть первобытным человеческим стадом, или праобществом (праобщиной); 3) неолитические антропы (*Homo sapiens*), т.е. «готовые» люди: в этот время праобщество превратилось в «готовое» общество. По археологической периодизации это ранний палеолит. Примерно 35–40 тыс. лет назад, на грани раннего и позднего палеолита, антропосоциогенез завершился. Самый ранний период истории человечества, длившийся не менее 1 млн лет, назывался эпохой становления человека и общества, т.е. антропосоциогенезом¹. В зарубежной литературе нет архантропов, палеоантропов и неолитических антропов. Да и

отечественные ученые все больше отходят сегодня от устаревших советских схем, привыкая к международной терминологии. Между тем схема была довольно логичной, но, к сожалению, она ничего нового к объяснению антропологического материала не добавляла.

Как следует из самого понятия, антропогенез — это происхождение человеческого рода, включая всю его дописьменную историю. В этом случае такой процесс включает все историко-эволюционные типы человека, начиная с древнейших видов гоминид (первого обезьяночеловека — питекантропа) и заканчивая высшим их видом — *Homo sapiens sapiens*. Такова расширительная трактовка антропогенеза. Она имеет право на существование, потому что исключение из этого глобального процесса самых ранних, по существу, еще обезьяньих предшественников человека, чистых гоминид, в частности австралопитеков, не позволит проследить все этапы и выявить все механизмы превращения «недочеловека» в современного человека. Другие специалисты придерживаются узкой трактовки антропогенеза, полагая, что его начало стоит связывать с переходом от хабилисов к питекантропам, который произошел примерно 1–1,5 млн лет назад. Временная шкала антропогенеза сокращается, зато на укороченном отрезке более отчетливо видны произошедшие изменения, в частности морфологические изменения черепа и тела.

Социогенез, вторая составляющая термина «антропосоциогенез», включает всю дописьменную историю человеческого общества, начиная с стада предлюдей и заканчивая появлением ранних государств (Шумер, Аккад, Древний Египет и др.). С первых письменных обществ начинается история общества, государства и цивилизации. Термин «доисторический человек», давно вошедший в научный обиход, заставляет думать, что кроме него существует исторический человек, тот, руками и разумом которого созданы цивилизация и письменная летопись человечества. Стало быть, должны существовать две парные категории — доисторический и исторический человек, доисторическое и историческое общество.

В обыденном словоупотреблении «социальное происхождение» человека предполагает сбор информации о той части родословной, которая непосредственно предшествует появлению на свет данного индивида. Прежде всего о социальном статусе его родителей. Это и есть социальное происхождение человека. Оно отвечает на вопросы: откуда он родом, где его социальные корни. Собственная история человека, хроника его жизни — это уже биография. Так же обстоят дела и с обществом. С момента появления на свет самого общества начинается его история, а корни, социальное происхождение общества, то, откуда оно вышло, должно относиться к социогенезу.

Таким образом, с человеком как родовым существом происходит то же самое, что и с обществом как эволюционной категорией. Антропогенез и социогенез — две исторические универсалии, описывающие глобальный процесс происхождения человеческого рода и общественной формы бытия человека. Правда, между учеными не достигнуто единства в понимании не только начала, но и конца антропогенеза. Большинство исследователей склонны считать, что с появлением неантропов завершился одновременно как антропогенез, так и социогенез, закончился единый процесс антропосоциогенеза.

По отношению к доисторическому прошлому человеческого рода, которое насчитывает, принимая во внимание всех ископаемых обезьян, ранних приматов (дриопитека, рамапитека и сивапитека), не менее 14 млн лет, вполне применим термин «филогенез», используемый специалистами. Тогда период с появления австралопитеков, включая одну из их разновидностей *Homo habilis* (2,2 млн лет назад), до *Homo sapiens sapiens* (130 тыс. лет назад) надо именовать антропогенезом в узком смысле слова. Древнейшие люди действительно начинались с австралопитеков. Они представляли собой высокоразвитых двуногих человекообразных обезьян, которые первыми стали сознательно изготавливать орудия и оружие, в то время как их предшественники пользовались лишь тем, что давала им природа (камни, палки, кости животных и т.д.).

Филогенез (от греч. *phyle* — род, племя и *genesis* — рождение, происхождение) — историческое формирование группы организмов. Это понятие ввел в научный оборот в 1866 г. Э. Геккель. С его помощью он обозначал изменения, происходящие в процессе эволюции различных форм органического мира, т.е. видов. В психологии под филогенезом понимается процесс изменения психики как продукта эволюции. Любые филогенетические преобразования происходят посредством перестройки онтогенезов особей. **Онтогенез** — развитие индивида в отличие от развития вида (филогенеза). Филогенез имеет не только психологическую, но и социальную составляющую, поскольку касается исторического развития в ряду поколений. Графическое изображение филогенеза — родословное (или филогенетическое) древо. Древо жизни — отражение эволюционного пути развития большой социальной группы, ее филогенеза, в виде дерева с ветвями. Родственное филогенезу понятие «филогения» обозначает историческое развитие мира живых организмов как в целом, так и отдельных таксономических групп: царств, типов (отделов), классов, отрядов (порядков), семейств, родов, видов.

Если использовать термины «доисторический» и «исторический» применительно к антропогенезу, то получим такую класси-

фикацию. К раннему или древнему доисторическому человеку надо относить питекантропа (*Homo erectus*), который уже использовал камни и кости, а к позднему доисторическому человеку — неандертальца.

В широком значении «антропогенез» обозначает совокупность всех историко-эволюционных форм гоминид до появления *Homo sapiens sapiens*, т.е. включает филогенез и антропогенез в узком смысле. Социогенез — совокупность доисторических форм общества вплоть до появления первых обществ-государств (античность).

В связи с широким значением антропогенеза в отечественной антропологии используется еще один термин — «гоминизация». *Гоминизация* (от лат. *Homo* — человек) — процесс очеловечивания обезьяны — от появления первых специфически человеческих особенностей до возникновения вида *Человека Разумного* (*Homo sapiens*). Это комплексный феномен, включающий развитие прямохождения, прогрессивные преобразования мозга и особенно его эволюционно более позднего отдела — неокортекса (неэнцефализация), адаптацию руки к трудовой деятельности, изменения зубочелюстного аппарата, формирование членораздельной речи, концептуального мышления, сознания, интеллекта, перестройку онтогенеза, развитие социальной организации, материальной культуры и другие аспекты. Решающим фактором гоминизации явилась трудовая деятельность.

Согласно Н.Н. Моисееву развитие человечества начиная с верхнего палеолита происходило преимущественно в виде совершенствования форм общественной организации. Занимая одну и ту же экологическую нишу, племена конкурировали между собой, и те из них, чья организация более подходила к данным условиям, вытесняли менее приспособленных. В социогенезе постоянно действовал закон неравномерности стихийного развития. Племена, отстававшие в культурном отношении и потому вытесненные со своих угодий более сильными конкурентами, нередко оказывались в менее благоприятных условиях, стимулировавших, однако, их дальнейшее развитие. Если таким племенам удавалось приспособиться к новым условиям, особенно с помощью новых технологий, они начинали быстро прогрессировать и в итоге обгоняли своих в прошлом более сильных соперников. Ведущим фактором социогенеза, с точки зрения Н.Н. Моисеева, выступали особенности организации и социальной структуры племени, а не интеллект и личностные качества, такие как доброта или сочувствие к ближнему².

Оба термина — «антропогенез» и «социогенез» — выступают конкретизацией более широкого и одновременно более размытого термина «социальное происхождение». *Социальное происхождение*

ние человека — общественная позиция и статус родителей. У *Homo sapiens sapiens*, к которому принадлежат сегодня 6 млрд землян, «родителями» выступают все обезьяноподобные предки и ранние люди. В таком очень широком значении наша родословная имеет не менее 14 млн лет, а в узком — более 2 млн. У человеческого общества, как и у человеческого рода, тоже существует своя родословная. О ней мы только что говорили.

Примерно так же рассуждают этнографы, когда пишут о происхождении наций и народностей. В частности, термин «этногенез» Ю.В. Бромлей предлагал относить только к фазе зарождения этноса, а далее следовала «этническая история»³.

Не будет ничего удивительного в том, если новые открытия археологов и антропологов изменят существующие представления о человеческой и общественной родословной. Возможно, одна из них удлинится или укоротится, пополнится новыми ветвями родословного древа, какие-то из них, ранее казавшиеся незыблемыми, отпадут или укоротятся. Вслед за новыми открытиями придется, возможно, пересматривать и теоретические модели. Скажем, в соответствии с новейшими данными самые ранние виды людей (за это их называют еще предлюдьми, пралюдьми) появились 6–7 млн лет назад. В таком случае хронологическую карту антропогенеза придется видоизменить, но как именно, еще не ясно. Но важно договориться о понятиях.

Вряд ли следует пересматривать положение о том, что общество в собственном смысле слова возникло 30–40 тыс. лет назад. Длительную стадию кристаллизации человеческой коллективности, которую именуют стадом предлюдей, по всей видимости, нельзя еще считать началом общества. За ней последовала другая и не менее короткая стадия — стадо людей, которое тоже не совсем корректно причислять к началу общественного развития в строгом смысле. Специалисты предлагают для нее несколько терминов, в частности «протообщество», «предобщество», «праобщество» и др. Стало быть, это еще не общество в собственном смысле слова. Родоплеменная организация, с которой целиком и полностью историки связывают первобытно-общинную формацию, сложилась позже — после прохождения человечеством первых двух стадий и, возможно, хронологически она относится к позднему палеолиту. Так что свое общество человек в буквальном смысле выстрадал — как награду за многомиллионное существование в лоне слепой биологической стихии.

О своих человеческих прародителях мы можем судить сегодня только на основе ископаемых останков.

Антропосоциогенез относится к разряду всемирно-исторических процессов, охватывающих не отдельные общества, страны

или регионы мира, а все население планеты. Антропосоциогенезом называется процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи, а также общества. К основным вопросам антропогенеза относятся: место (прародина) и время появления древнейших людей; непосредственные предки человека; основные стадии антропогенеза, движущие силы антропогенеза на различных его этапах; соотношение эволюции физического типа человека с историческим прогрессом его культуры, развитием первобытного общества и речи.

Проблемы антропогенеза стали изучаться в XVIII в. До этого времени господствовало представление, что человек и народы всегда были и являются такими, как их создал творец. Однако постепенно в науке, культуре, общественном сознании утверждалась идея развития, эволюции, в том числе и применительно к человеку и обществу.

Сегодня исследование проблем антропогенеза осуществляется с помощью данных антропологии (прежде всего палеоантропологии) и родственных ей наук — эволюционной морфологии и эмбриологии, приматологии, палеонтологии приматов, археологии, исторической социологии, психологии и физиологии, геологии палеогена, неогена и антропогена, археологии палеолита, палеогенетики, этнографии и лингвистики.

В биологическом смысле антропогенез представляет собой растянувшийся на исторически необозримый срок процесс адаптации человека и его ранних форм к искусственной среде. Он происходил так: местные архаичные формы гоминид время от времени заменялись пришлыми формами, которые были менее специализированными, но обладали большим потенциалом для дальнейшего развития. В результате современный человек оказался самым неспециализированным организмом на Земле, и ему удалось заселить все экологические ниши, сохранив видовое единство⁴.

Из всех видов гоминид, когда-либо существовавших на Земле, *Homo sapiens* — единственный, чью эволюционную судьбу можно рассматривать в перспективе, поскольку только этот вид дожил до настоящего времени, широко расселившись по земному шару. На протяжении развития рода *Homo* более высокоорганизованные виды гоминид, расы и народы, находившиеся на так называемой оси эволюционной магистрали, вытесняли тех, чья организация была ниже или даже упрощалась в процессе адаптации к специфическим средам обитания, таким, например, как горы или тропические леса. Представители рода *Homo* изначально отличались стремлением к широкой экспансии⁵, и закономерным следствием такого пути развития стало зарождение в Европе техногенной

цивилизации, которая оказалась поистине универсальной, ориентированной на самый широкий спектр климатических и географических условий.

Во время крупных геологических преобразований в истории планеты, когда условия существования становились крайне нестабильными, преимущество в выживании получали универсальные формы живых существ, наименее специализированные и зависящие от окружающей среды. Именно такие формы давали начало новым, более высоким таксонам организмов — типам или классам⁶.

3.2. Креационизм

В науке найдется немало проблем, которые вызывают острые, порой даже ожесточенные споры. Некоторые из них насчитывают десятилетнюю, а то и столетнюю историю. В числе вопросов, которые можно назвать вечными, находится проблема происхождения человека. Большинство теорий, концепций и версий (в том числе не только научных) происхождения человека замыкаются в очень ограниченном круге источников: человек может происходить либо от Бога (креационистская теория), либо от обезьяны (дарвинизм), либо от инопланетян (теория внеземного происхождения). Первые две версии — самые старые, третья — самая молодая. Сторонников божественного происхождения человека именуют креационистами, естественного происхождения — эволюционистами, космического происхождения — космистами.

Самой первой концепцией надо считать религиозно-мифологическое учение о происхождение человека, которое подразделяется на языческую и христианскую традиции. Первая возникла раньше второй и сохранилась у некоторых примитивных народов по сию пору. Более того, в 2000-е гг. в некоторых развитых странах, в том числе в России, наблюдается ренессанс языческих представлений, а вместе с ними и креационистской мифологии. В основе язычества лежит миф, в основе христианства — доктрина и канон.

Во многих мифах говорится, что человек выделился из различных человекоподобных существ, постепенно превращаясь в человека по воле высших существ — богов, демиуров, героев. Последние творят человека, не долго раздумывая, из всего, что находится под рукой: костей животных, кокосовых орехов, дерева. Чаще всего человека лепят из наиболее доступного материала — глины; подобные взгляды бытовали у шумеров, египтян, греков, семитов. Не случайно латинское название земли, почвы — «гумус» — у индоевропейских народов отражено в названии человека — «гомо» или «хомо».

Еще в глубокой древности разные народы создавали легенды о чудесном происхождении первых людей, об их сотворении божеством. Например, библейская легенда о сотворении первого человека из «красной глины» божеством, вдохнувшим в него частицу своего духа — «бессмертную душу», отражает весьма распространенное в те времена в Ассирии, Вавилоне, Египте, Иудее и других странах горшечное ремесло и искусство скульпторов. В мифах австралийцев людей творят, разделяя каменными ножами сросшиеся комки, обнаруженные на дне высохшего Океана, лепят из скелетов зверей, птиц и рыб. Тибетские хадзали полагали, что люди произошли от сочетания разных племен обезьян и духов, все они были косматы, иные обладали рыжей шерстью. Предки селькупов были покрыты шерстью и обладали пугающей внешностью. Пигмеи создавались вместе с шимпанзе и являются их братьями. В Центральной Африке люди вышли на белый свет из разбитого термитника. Перуанцы согласно мифологии возникли из кокосовых орехов. Из древесины делались кеты, нивхи, океанийцы, скандинавы и Пиноккио. Океанийская и масайская женщины появлялись, когда бросали куски мяса в первозданного мужа. Бушменов создал богомол Цагн.

У многих племен Африки и Южной Азии имелись предания о происхождении людей от обезьян. По другим поверьям обезьяны, наоборот, происходили от ленивых людей, сбежавших в лес, чтоб их не заставили работать. А самых близких к нам обезьян — шимпанзе, гориллу и орангутанга — вообще называли не обезьянами, а «лесными людьми». «Орангутанг» по-малайски и означает «лесной человек». В восточных религиях, индуизме и буддизме, обезьяны занимают почетное место и действуют во многих мифах. Иное положение сложилось в западных религиях, т.е. в иудаизме, мусульманстве и особенно в христианстве. В них обезьяна — порождение дьявола, воплощение всякой скверны. Сходство обезьяны и человека породило, например, у тибетцев миф о том, что предками людей являлись обезьяны, бушмены же считали наоборот, — что обезьяны были когда-то людьми, но всемогущий Цагн в наказание за убийство сына превратил их в обезьян. А шимпанзе, считается у некоторых народов Африки, — это одичавшие люди, ушедшие в леса, обидевшиеся на пигмеев.

Библейский сюжет об Адаме происходит от древних мифов «глиняных жителей» Ближнего Востока. Междуречье, главный очаг цивилизации, называют царством глины и камыша. Сырье для Сотворения было тем же, что и для ритуальных игрушек шумеров, — глина, охра и тростник. Согласно шумерским мифам Мукат сотворил племя кахуилла из черной грязи, почерпнув ее в

сердце своем. Когда Мардук и Эйя творили аккадцев, то добавили в глину пинту крови. Хнум вращал египтян на гончарном круге, а Прометей вылепил южных балканцев прямо руками. Ульгено добавлял камыш в сырье для алтайцев. Из камня рождены многие группы Кавказа, Австралии, Пиренеев, Океании. Обилие способов сотворения, быть может, и объясняет такую пестроту всех получившихся людей⁷.

Библейской легенде созвучен магометанский миф, в котором говорится: «Он дал совершенство всему, что он создал, и образовал сначала человека из глины. Затем он установил потомство человека и произвел его из капли, из крошечной капли воды. Затем он образовал его так, чтобы тело его сохранило известные пропорции, и вдунул в него часть своего духа» (Коран Магомета).

На протяжении последних двух тысячелетий, с момента появления христианства, считалось неопровержимым научным фактом происхождение человека в результате божественного творения: человек сотворен Богом — картина его творения описана в Библии. И сказал Бог: «...Сотворим человека по образу своему, по образу Божию, мужчину и женщину».

Проблему сотворения человека не обошли вниманием и другие религии мира, в которых создавались на этот сюжет многочисленные мифы, их называют «антропогеничными». При желании исторического предшественника христианской теории можно найти в мифологических представлениях язычников о происхождении человека, а им от 3 до 10 тыс. лет.

И сегодня религиозно-мифологические концепции, именуемые креационистскими, окончательно не сданы в архив⁸. Их сторонники находят все новые доказательства, а противники — все новые опровержения божественному происхождению человека. В частности, указывается, что согласно Писанию Адам и Ева родились почти сразу после сотворения мира, т.е. всего несколько тысяч лет назад. Между тем Вселенная, по данным науки, возникла 15 млрд лет назад. Предки людей бродили по планете сотни тысяч лет: питекантропы, неандертальцы, кроманьонцы и т.д.

Современные креационисты подтверждают тексты Библии точными расчетами. В частности, они доказывают, что Ноев ковчег мог вместить всех тварей по паре — если учесть, что рыбам и другим водным животным место в ковчеге не нужно, а остальных позвоночных животных — около 20 тыс. видов. Если умножить это количество на два (в ковчег были взяты самец и самка), получится примерно 40 тыс. животных. Средней величины автофургон для перевозки овец вмещает 240 животных. Значит, нужно было бы 146 таких фургонов. А ковчег длиной 300, шириной 50 и высотой

30 локтей вместил бы 522 таких фургона. Значит, место для всех животных нашлось и еще осталось — для корма и людей. Тем более что Бог, как утверждает Т. Хайнц из Института креационных исследований, наверняка догадался бы взять маленьких и молодых животных, чтоб они и места занимали меньше, и размножались активнее⁹.

Сегодня эта проблема активно разрабатывается в рамках *христианской антропологии*, которая согласна с вполне материальным, физическим сотворением тела, но настаивает на духовном, божественном происхождении души человека. О ренессансе креационизма свидетельствуют многочисленные факты: 1) огромная литература (монографии, статьи, научно-популярные эссе), издаваемые как у нас в стране, так и за рубежом; 2) существование особой отрасли знания — *Creation Science*¹⁰ — и многочисленных веб-сайтов в Интернете; 3) функционирование многочисленных исследовательских организаций, кафедр, семинаров, учебных курсов в вузах. Так, в Калифорнии (США) существует специальный *Institute for Creation Research (ICR)*¹¹.

3.3. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Второй по времени считается концепция естественного происхождения. Ее разрабатывали философы и ученые. Ими выдвинуты два источника происхождения человека — из живой и неживой природы. Согласно античным воззрениям Тита Лукреция Кара (95—51 гг. до н.э.), высказанным в поэме «О природе вещей», человечество возникло на Земле естественным путем, а первые люди появились в виде младенцев из «земных утроб». О естественном развитии человека говорили Анаксимандр (VI в. до н.э.) и Эмпедокл (485—425 гг. до н.э.).

О поразительном сходстве человека с обезьянами люди писали и говорили, начиная с глубокой древности. Аристотель, Плиний и Гален считали обезьяну чуть ли не копией человека. Аристотель (384—322 гг. до н.э.) впервые подверг подробному рассмотрению человеческое тело, указал место, занимаемое человеком в системе животного мира, перечислил такие кардинальные различия между человеком и другими животными, как прямохождение, крупный головной мозг, речь, разум, и подверг эти особенности анализу. Позднее римский врач и анатом Клавдий Гален (130—201 гг. н.э.) установил большое сходство в строении тела между человеком и обезьянами.

Знания о человеке и животном мире со временем умножались. В 1699 г. английский анатом Э. Тайзон опубликовал полное опи-

сание строения шимпанзе в книге «Орангутан, или лесной человек: сравнительная анатомия обезьяны, пигмея и человека»¹². В XVIII в. зарождается и научная приматология. Голландский анатом П. Кампер показал глубокое сходство в строении основных органов человека и животных. В конце XVIII в. был опубликован труд Ж.-Л. де Бюффона «История земли» (1766). В нем автор, названный современниками «Плинием XVIII века», впервые высказал «крамольную» мысль о том, что люди — потомки обезьян. Какова же была реакция? Сорбонна, старейший научный центр Европы, вынесла решение о публичном сожжении книги палачом. Религиозная версия происхождения человека казалась непоколебимой.

Однако к середине XVIII в. вера в то, что мир и все живое созданы Богом, была поколеблена новыми открытиями. Множились факты, которые нельзя было объяснить, исходя из религиозных воззрений. В числе первых выступили против устаревших представлений французские ученые, самым видным из которых был Ж.-Б. Ламарк.

3.4. Теория Ламарка

Впервые вопрос о механизме возникновения человека был поставлен автором известной эволюционной теории Ж.-Б. Ламарком (1744–1829) в начале XIX в. Свои мысли о постепенной эволюции животных видов он изложил в книге «Философия зоологии» (1809). Ламарк первым разделил проблему на две части: происхождение физического тела в результате эволюции и появление богоподобного разума. Тело человека свидетельствует о его происхождении от животных, а разум и душа — о божественном происхождении. Богоподобие человека не выводится из естественных законов природы и не может быть приобретено в процессе эволюции. Ламарк утверждал, что по своим физическим особенностям человек ближе всего стоит к человекообразным обезьянам, в частности к шимпанзе, поэтому вполне допускал его происхождение от какой-нибудь разновидности «четвероруких». Ламарк привел ряд доказательств эволюции в мире животных и растений, утверждая, что все современные организмы произошли от древних путем эволюции. Он допускал, что сам человек развился на протяжении времени из обезьяны. Древняя человекообразная обезьяна в связи с поредением лесов была вынуждена сменить древесный образ жизни на наземный и перейти к хождению на двух ногах. Вследствие прямохождения сильно изменилось строение позвоночника, мускулатуры, стопы, кисти, челюстей, зубов, головного мозга. В условиях общественной жизни вскоре у людей развилась членораздельная речь.

В XVIII в. знаменитый шведский естествоиспытатель К. Линней (1707–1778), создатель современной классификации растений и животных, стал первым ученым, который отнес человека и обезьяну к одной группе животных — приматам. Правда, записывает его отдельной строкой — как особый род людей (*Homo*) с одним видом «человека разумного» (*Homo sapiens*) рядом с человекообразными обезьянами. Однако Линней принадлежал к числу ученых, веривших в божественный акт сотворения мира и в неизменность всего живого. Именно поэтому он категорически заявил: существует столько видов, сколько Бог создал их с самого начала. Линней был убежден, что человек в отличие от всех остальных живых существ был сотворен по образу и подобию божьему и ему был дан божественный разум. Однако, несмотря на это, классификация Линнея объединила человека и обезьян в одну группу. Тем самым ученый, возможно, сам того не желая, установил, что человек — это самая высокоразвитая форма млекопитающих, которая ближе всего к человекообразным обезьянам.

К началу XIX в. накопились гораздо более полные сведения о людях, фауне и флоре разных стран мира. Благодаря исследованиям Ж. Кювье (1769–1832) и Ч. Лайеля (1797–1875) существенно расширились представления об ископаемых животных. Дж.Э. Доорник (1808) прямо утверждал, что люди произошли от человекообразных обезьян.

В XVIII — первой половине XIX в. археологи, палеонтологи, этнографы накопили большой эмпирический материал, который лег в основу учения об антропогенезе. Большую роль сыграли исследования французского археолога Б. де Перта. В 1840–1850-х гг. он искал каменные орудия и доказывал, что их использовал первобытный человек, живший одновременно с мамонтом и др. Эти открытия опровергали библейскую хронологию, встретили бурное сопротивление. Только в 1860-е гг. идеи Б. де Перта признали в науке.

3.5. Теория Дарвина

В 1871 г. вышла в свет книга Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой подбор». Так в конце XIX в. появилась новая научная теория, дарвиновская, утверждавшая, что человек произошел от обезьяны путем очень длительной эволюции, борьбы за существование, выживания сильнейших особей и видов, наследования лучших черт от своих родителей, успешной адаптации к изменяющимся условиям, зарождения трудовых, мыслительных и речевых навыков. По предположению Ч. Дарвина (1809–1882), в процессе внутривидового размножения у отдельных особей появляются новые качества, в результате чего некоторые из предста-

вителей вида получают преимущество перед другими и имеют больше шансов выжить в данной среде обитания. Поэтому приобретенные ими качества закрепляются и передаются их потомкам. «Те, которые были сложены крепче и лучше, — отмечает Дарвин, — имели в длинном ряду поколений наибольший успех и выживали в большем числе». Со временем изменения в организмах становятся столь значительными, что появляется новый вид.

По Дарвину, наши древние предки, обезьяны, жили стадами на деревьях, имели остроконечные уши, были покрыты шерстью, оба пола имели бороды. Это были примитивные низшие обезьяны. Более поздними предками, по Дарвину, явились человекообразные обезьяны. Из известных ему ископаемых антропоидов он упоминает дриопитека. Изменение окружающих условий, в частности поредение лесов, вынудило их в поисках пищи перейти от жизни на деревьях к жизни на земле в лесостепной местности. Потом они стали обитать и на открытой местности.

Среди качеств, способствующих выживанию группы, Дарвин выделял не только и не столько физическую силу, сколько способность оказывать взаимопомощь. «Малая сила человека, — писал Дарвин, — была более чем уравновешена... его умственными способностями, которые научили его помогать своим братьям и получать помощь от них». Увеличение в группе удельного веса носителей нравственных начал повышает жизнеспособность племени по сравнению с другими, где этот показатель ниже. «Очевидно, — подчеркивает Дарвин, — что племя, заключающее в себе большее число членов, которые наделены высокоразвитым чувством патриотизма, верности... и участия к другим, — членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, должно одерживать верх над большинством других племен, а это и будет естественный отбор».

Дарвин обосновал свою точку зрения с помощью сравнительно-эволюционного метода, ссылаясь на тот факт, что тело человека имеет общий с телом млекопитающих план строения, состоит из тех же костей и мышц, кровеносных сосудов и обладает теми же внутренними органами — печенью, желудком, почками, легкими и т.п. Даже головной мозг человека и обезьяны, а кроме того, извилины и бороздки коры больших полушарий, во многом схожи. Дарвин видел родство человека с млекопитающими также и в том, что они болеют одинаковыми инфекционными болезнями, имеют общих паразитов, у них идентичный химический состав крови и других тканей. А наиболее близкие к человеку человекообразные обезьяны обладают теми же группами крови, что и человек.

Как установлено современной наукой, антигенный состав крови человека, шимпанзе и горилл одинаков, и его можно, соблю-

дая групповую совместимость, переливать от обезьяны к людям. И еще одно подтверждение предположения Дарвина получено — речь идет о химическом сходстве человека и обезьяны. Определен так называемый альбуминовый индекс, служащий показателем одного из сывороточных белков крови — альбумина. Если принять альбуминовый индекс человека за единицу, то для гориллы он равен 1,09, шимпанзе — 1,14, мартышки — 2,59, для наиболее эволюционно отдаленного от человека капуцина — 5, а для еще более примитивного примата лемура — 18.

Убедительные доказательства родства между человеком и обезьянами получены с помощью метода молекулярной гибридизации дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). Выяснилось, что количество сходных генов у человека и человекообразных обезьян достигает 91%, у человека и гиббона — 76%, у человека и макаки-резуса — 66%. Таким образом, современные достижения подтверждают обоснованность заключения Дарвина о том, что «существует чрезвычайно близкое сходство в общем строении тела, микроскопическом устройстве тканей, химическом составе и конституции между человеком и высшими животными, в особенности человекообразными обезьянами». Современная наука подтверждает и положение Дарвина о перестройке способа передвижения предков человека. Переход к прямохождению, как считается, предшествовал развитию кисти и головного мозга, а затем возникновению речи и мышления.

Однако не все идеи великого английского ученого признает современная наука. Попытка Дарвина построить эволюцию человеческого рода в виде единого линейного процесса, напоминающего дерево, на котором все ветви происходят из общего корня и потому составляют универсальную причинно-следственную цепочку, сегодня признана неудачной. В современной науке эволюционное дерево человека выглядит куда более сложным и запутанным: его ветви многократно ветвятся, образуют параллели, пересекаются, внезапно обрываются, уходя в неизвестность. Нынешние исследователи предпочитают не использовать образ древа, а говорят о так называемой сетчатой эволюции (наиболее точным ее графическим отображением является фрактал — особая нелинейная самоподобная структура)¹³.

3.6. Контраргументы Уоллеса

В конце XIX в. знаменитый исследователь тропической природы А. Уоллес (1823—1913) развил теорию отбора независимо от Дарвина и одновременно с ним, но поставил его трактовку под сомнение. Уоллес писал, что человек наделен гораздо большими

потенциями, чем ему это нужно вообще как биологическому существу. Значит, в человеке есть иное, высшее начало, которое служит его развитию. Он указал, что человеку присущи такие качества, которые не могли возникнуть в процессе естественного отбора и вовсе не были решающими в биологической жизни вида. «Чувства абстрактной справедливости или любви к ближнему, — писал он, — никогда не могли быть приобретены таким образом (то есть путем отбора), ибо эти чувства несовместимы с законом выживания сильнейшего»¹⁴. Он пришел к выводу, что мозг человека не может рассматриваться как результат естественного отбора. Уоллес провозгласил, что этот «мыслительный инструмент» возник в результате потребностей его обладателя, и предполагал «вмешательство высшего разумного существа».

В отличие от Дарвина Уоллес утверждал, что между человеком и животными существует непроходимая пропасть: по крови они братья, но по психике — антагонисты. Ему удалось доказать, что нравственные чувства, как и чувства прекрасного и мистического, вовсе не являются поздними продуктами цивилизации, а напротив присущи «дикарям» на самых низших ступенях культуры. Уоллес первым или одним из первых решительно отверг представление об умственной неполноценности так называемых дикарей. И в этом он получил полную поддержку современной антропологии, вовсе не считающей отсталые племена переходной формой между человеком и обезьяной.

Когда А. Уоллес спросил себя: для чего природа наделила первобытного человека такими свойствами, как, например, математические или музыкальные способности? — то нашел лишь один ответ. По его глубокому убеждению, «умственные и нравственные способности... должны были иметь другое происхождение, и для этого происхождения мы можем найти достаточную причину в невидимом духовном мире»¹⁵. Только высшее существо, т.е. Бог, могло задать человеку нужное направление, поскольку и сам человек руководит развитием «многих животных и растительных форм».

Среди страстных приверженцев Ч. Дарвина был известный немецкий ученый Э. Геккель (1834–1919), профессор Иенского университета. В своей книге «Естественная история мироздания» он дал полное, хотя и основанное на предположениях родословное древо человека и научно аргументировал с точки зрения эволюции существование переходной формы между человекообразными обезьянами и человеком. Эту гипотетическую особь Э. Геккель назвал *Pithecanthropus*, образовав название из двух греческих слов — *pithecós* (обезьяна) и *anthropos* (человек), иначе говоря, обезьяночеловек. Странно, но в 1868 г., когда книга Геккеля впервые

увидела свет, доказательства существования питекантропа отсутствовали — не было найдено ни куска черепа, ни какой-либо другой кости, ничего¹⁶.

Э. Геккель сформулировал знаменитый «основной биогенетический закон», согласно которому каждый человек в своем индивидуальном развитии повторяет в сжатом виде весь путь становления человечества. Он построил схему эволюции человека, состоящую из 22 стадий. Но постепенно стало выясняться, что почти ни одна из них не соответствует действительности.

3.7. Трудовая теория Энгельса

Логическим продолжением учения Дарвина явилась трудовая теория антропогенеза Ф. Энгельса (1820–1895). Она изложена в 1873–1876 гг. и наиболее полно представлена в его статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», которая являлась одной из глав его работы «Диалектика природы». Основу концепции Ф. Энгельса составляет понятие о труде как первом основном условии всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле можем сказать, что «труд создал самого человека»¹⁷. Отсюда берет начало хрестоматийная формулировка «труд создал из обезьяны человека», которая считалась одним из основополагающих утверждений исторического материализма.

Под трудом Энгельс понимал целесообразную деятельность, которая началась с изготовления орудий из камня, кости и дерева. По мнению Ф. Энгельса, сознание сформировалось в результате труда. В процессе труда у людей возникла потребность что-то сказать друг другу. Так появилась речь как средство общения в совместной трудовой деятельности. В свою очередь, деятельность человека оказалась огромным импульсом, приведшим к возникновению культуры и общества.

В своей работе Энгельс устанавливает последовательность основных этапов гоминизации с выделением прямохождения как решающего шага на пути очеловечения обезьяны; дает определение руки как органа и продукта труда; рассматривает возникновение звукового языка и членораздельной речи, человеческого мышления как следствия общественного развития; подчеркивает качественное своеобразие антропогенеза как процесса активного приспособления человека к среде, экологическое превосходство человека разумного над другими видами.

Современная наука добывает все новые сведения одновременно как в пользу теории Дарвина, так и против нее. Не все авторы

соглашаются также с теорией антропогенеза Энгельса. Основное положение трудовой теории антропогенеза — о решающей роли изготовления орудий в процессах гоминизации — разделяется большинством антропологов мира, тем не менее в зарубежной антропологии получают распространение и другие, отличные от нее, концепции. Так, идеи «культурной адаптации» уже выходят за рамки трудовой теории, поскольку здесь речь идет об «аутокаталитической реакции» или «кибернетическом механизме» обратной связи между развитием биологии (мозга) и культуры при ведущей роли генетических факторов. В других подходах роль труда как локомотива глобального процесса гоминизации вытесняют несоциальные факторы, среди них: кратковременное повышение фона радиации, обусловленное тектоническими перемещениями, разломами земной коры и усиленным вулканизмом, инверсии геомагнитного поля Земли, иные стрессовые ситуации, изоляция, гетерозис, а также вызванные изменениями экологической обстановки перемены в поведенческих реакциях, начиная с пищевого поведения и «стратегии размножения» и кончая «предкультурным поведением».

Вслед за пересмотром трудового фактора иначе оценивается эволюция мозга. В современной науке предлагается несколько моделей: постепенного возрастания массы мозга с постоянной скоростью, аутокаталитического ускорения темпов по мере возрастания мозга и, наконец, «эпизодического увеличения», когда быстрые изменения чередуются с периодами замедленного развития. Для процесса эволюции гоминид в целом также в основном разрабатываются модели постепенного филетического развития («градуализм») и «прерывистого равновесия», со сменой длительных периодов относительной стабильности видов (стазисы) периодами очень быстрых изменений, приводящих к формированию новых видов.

Генетики и биохимики находят все больше оснований для объединения человека и человекообразных обезьян в одном семействе. Генетический код человека и шимпанзе совпадает на 99%. В этом убеждает изучение произвольно взятых последовательностей ДНК, отвечающих за одни и те же наследственные признаки у людей и обезьян. И этот вывод подкрепляется изучением белков, состав и строение которых у человека и шимпанзе совпадает даже более чем на 99%. Биохимические и генетические различия между двумя близкими видами грызунов в пределах одного рода в 20–30 раз больше¹⁸. Стало быть, теория Дарвина верна.

Через полвека начали сомневаться и в ней. Крупнейший американский палеонтолог Г. Осборн (1857–1935) является ярким

представителем примирения науки с религией. Согласно его гипотезе аристократизма творение органического мира осуществляется путем целенаправленной эволюции. По Осборну, предки людей не были связаны с предками человекообразных обезьян, т.е. человек произошел не из круга обезьян; люди развились первоначально в Центральной Азии, и их предки вели наземный образ жизни. Эволюция совершается не столько под влиянием внешней среды, сколько благодаря заложенной в организмах способности к самопроизвольному прогрессивному развитию.

3.8. Синтетическая теория эволюции

Основанием современной эволюционной биологии выступает синтетическая теория эволюции (СТЭ), или неodarвинизм, принципиальные положения которой были заложены работами С.С. Четверикова, Ф.Г. Добржанского¹⁹, Д.С. Хаксли, Э. Майера, С. Райта, Н.П. Дубинина, А.Н. Северцова, И.И. Шмальгаузена, Д.К. Беляева, Л.П. Татаринова, В.А. Ратнера и др. Эта концепция объединила классический дарвинизм и достижения генетики и сформировалась в XX в. Непосредственными предпосылками для синтеза генетики и теории эволюции выступали: хромосомная теория наследственности Т. Моргана, биометрические и математические подходы к анализу эволюции, закон Харди–Вейберга для идеальной популяции (гласящий, что такая популяция стремится сохранить равновесие концентрации генов при отсутствии факторов, изменяющих его), результаты эмпирического исследования изменчивости в природных популяциях и др. Математические модели синтетической теории эволюции были разработаны к началу 1930-х гг. Р. Фишером, Дж. Холдейном и С. Райтом. Они включают вероятностные методы теоретической популяционной генетики²⁰. Синтетическая теория эволюции опирается на широкое применение экспериментальных методов, на воспроизводимые опыты.

СТЭ основана на признании популяции как элементарной эволюционирующей единицы, случайных изменениях ДНК и естественном отборе, ведущей роли среды в возникновении видов и сообществ, необходимости разнообразия в сохранении стабильности биологических систем.

В основе этой теории лежит представление о том, что элементарной клеточкой эволюции служит не организм и не вид, а популяция — совокупность особей одного вида, длительно занимающая определенное пространство и воспроизводящая себя в течение большого числа поколений. Исходной единицей наслед-

ственности выступает ген (участок молекулы ДНК, отвечающий за развитие определенных признаков организма). Наследственное изменение популяции в каком-либо определенном направлении осуществляется под воздействием ряда эволюционных факторов (т.е. таких факторов, которые изменяют генотипический состав популяции): мутационный процесс (поставляющий элементарный эволюционный материал); популяционные волны (колебания численности популяции в ту или иную сторону от средней численности входящих в нее особей); изоляция (закрепляющая различия в наборе генотипов и способствующая делению исходной популяции на несколько самостоятельных); естественный отбор как «процесс, определяющий вероятность достижения определенными индивидами репродукционного возраста» (имеющий разные формы — по относительной жизнеспособности, по фенотипическому признаку, стабилизирующий отбор, дизруптивный отбор, ведущий отбор и др.). Естественный отбор является ведущим эволюционным фактором, направляющим эволюционный процесс²¹.

В самом общем виде СТЭ утверждает, что прогрессивное развитие жизни на Земле объясняется генетическим наследованием фенотипических²² признаков, их случайной изменчивостью и естественным отбором. Согласно СТЭ случайные мутационные изменения фильтруются естественным отбором, и постепенно из хаоса неопределенной изменчивости выкристаллизовываются совершенные формы, идеально приспособленные к условиям обитания. СТЭ допускает, что генотипы с более высокой приспособленностью оставляют пропорционально большее число потомков, поэтому их гены в следующем поколении будут представлены с большей частотой. СТЭ предполагает, что эволюция обусловлена повреждением наследственного аппарата под влиянием факторов среды (мутациями) и отбором возникающих случайных признаков, полезных в данных условиях среды, в сочетании с изоляцией. Эволюция представляет непрерывный процесс накопления в популяции случайных мутаций, признаков, ведущих в условиях изоляции (экологической, репродуктивной) к дивергенции и формированию нового вида²³.

Новый толчок к дальнейшему движению СТЭ получила в работах И. Пригожина о бифуркационном развитии, согласно которым в условиях, удаленных от равновесия, открытые системы могут скачкообразно переходить в качественно иное состояние, меняя траекторию своего становления. Бифуркация определяет наличие в системе наряду с детерминистическими стохастическими закономерностей, ибо следствием ее является множественность возможных будущих состояний. Сюда входят и состояния, при которых

возникают диссипативные структуры. Создание синтетической теории эволюции на основе популяционной генетики ознаменовало собой начало преодоления противопоставления исторического и структурно-инвариантного «срезом» в исследовании живого.

3.9. Теория двух скачков

Конкретное воплощение идея антропосоциогенеза нашла в созданной советскими антропологами и отчасти археологами «теории двух скачков», согласно которой в эволюции человека существуют два переломных момента: 1) переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми являются архантропы (питекантропы, синантропы и другие сходные формы) и палеоантропы (неандертальцы); 2) произошедшая на грани раннего и позднего палеолита, примерно 35—40 тыс. лет назад, смена палеоантропов людьми современного физического типа (неоантропами), являвшимися уже подлинными, «готовыми» людьми. Первый перелом означал появление социальных закономерностей, второй — установление их полного и безраздельного господства. Формирующиеся люди (пралюди) жили в становящемся обществе, которое исследователи называют первобытным человеческим стадом, или праобществом. Генезис общества был процессом становления первой формы его существования — первобытно-общинной формации. Становящиеся социальные организмы были формирующимися первобытными общинами, или праобщинами.

3.10. Космизм

В конце XX и начале XXI в. популярность приобрела концепция внеземного происхождения человека, и, как кажется, она получает все больше научных доказательств. Миллионы людей отслеживают все случаи появления НЛО, а ученые спешат составить из них стройную концепцию космического посещения Земли инопланетянами. Травматологи давно подметили, что люди — единственные из всех живущих на Земле существ ломают конечности на ровном месте. Никто не видел, чтобы кошка или собака, поскользнувшись на льду, сломали бы себе лапы. А мы иногда, оступившись или споткнувшись, так ломаем свои кости, будто попали в автокатастрофу. Это может означать только одно: человек не привык к нормальной земной силе тяжести, — считает ру-

ководитель ассоциации «Космопоиск» В. Чернобров. Додумавшись до этой мысли, ученый задался вопросом: а может быть, нам более привычна другая, меньшая по массе, планета? Специалисты из Института медико-биологических проблем РАМН ставили эксперименты по изучению биоритмов растений и животных в условиях полной изоляции. У всех, кроме людей, сохранялась полная синхронизация с 24-часовым суточным ритмом родной планеты.

У теории внешнего (инопланетного) вмешательства три разновидности. Согласно первой в незапамятные времена на Землю высадились инопланетные гуманоиды, которые почему-то утратили связь со своим миром и постепенно одичали, после чего история земной цивилизации началась как бы с нуля. Вторая версия сводится к тому, что высокоразвитая цивилизация инопланетян (не обязательно гуманоидов) вырастила в пробирке или вывела путем селекции популяцию разумных существ, наиболее пригодных для земных условий, и люди — прямые потомки этих существ. Третья версия предполагает, что гуманоиды-предки дали начало роду человеческому, скрещиваясь с земными приматами. В свое доказательство сторонники инопланетной теории указывают на таинственные рисунки в пустыне Наска, изображения космонавтов в скафандре на стенах пещер, необъяснимые знания первобытных племен о звездах, которые нельзя увидеть невооруженным глазом, и т.п. Главный козырь — кости человека разумного и металлические изделия в слоях земной коры, возраст которых — сотни тысяч и даже миллионы лет. Получается, что человек разумный — не потомок австралопитеков и питекантропов, а их ровесник. Подобное возможно лишь в том случае, если разумная жизнь привнесена на землю извне²⁴. Любая мифология, в том числе и первобытная, наполнена сюжетами, которые при желании могут быть истолкованы как инопланетное влияние на земную цивилизацию.

Известный антрополог Больк сделал в свое время замечательное, но почему-то почти забытое наблюдение. Он обнаружил удивительное сходство между обликом человека и... эмбрионов обезьян. В связи с этим он засомневался, действительно ли человек произошел от обезьяны и не было ли все наоборот. Теория Болька объясняет такие свойства древнего человека, как слабость скелета современного человека, его мускулатуры, челюстей, отсутствие густого волосяного покрова. Классическая антропология не способна обосновать неожиданное исчезновение у наших предков того, что явно помогало им выжить в ледниковый период, в ожесточенной межвидовой борьбе. Секрет заключается в неотении — задержке развития или полном отсутствии проявления взрослых призна-

ков в эмбриональном состоянии. Благодаря неотении эволюция имеет возможность повернуться сразу в другое русло, не затрагивая взрослые, довольно консервативные признаки. Более растянутое формирование всех органов человека, по сравнению с обезьяной, помогает им изменяться — в зависимости от внешних условий — еще на эмбриональном уровне, не дожидаясь взросления. Стало быть, эволюция благодаря этому резко увеличивается.

Именно «детскость» человеческого мозга, растянутая на много лет, и обеспечила ему высочайшие способности к обучению (почти по всей долгой жизни), запоминанию, формированию мышления. Адаптивные возможности мозга человека многократно увеличились. А увеличение массы мозга человека явилось лишь следствием его более растянутого развития. Доказательством (и причиной тоже) этого является тот факт, что мы не используем всех возможностей своего мозга. Примерно 90% мозга как бы дремлет. Нам и сейчас не нужен столь большой массивный мозг. Нам нужны лишь особенности его физиологии, обеспечивающей нам обучение, мышление и т. д.

Теория Болька дает очень простое и логичное объяснение эволюционной кривой человечества: изменение признаков было следствием неотенической эволюции в пользу увеличения адаптации мозга, что было более предпочтительно для естественного отбора. Так произошли кроманьонцы — прообраз современного человека. Другая ветвь гоминоида сохранила свои «звероподобные» признаки — неандертальцы, которые и потерпели поражение в конкуренции с кроманьонцами. Они вымерли. Это пример неверно выбранного ими примитивного пути эволюции²⁵.

Польский антрополог Т. Белицкий однажды удивился тому, что эволюция мозга гоминоидов была подозрительно быстрой, а точнее — одним из самых быстрых процессов в истории позвоночных, быть может, вообще в истории животного мира. Он начался 2—3 млн лет назад. С тех пор мозг гоминоидов увеличился втрое, что само по себе загадочно. Но возникла еще одна тайна: около 100 тыс. лет назад стремительный рост мозга внезапно прекратился, а примерно 15 тыс. лет назад он даже несколько уменьшился (15 тыс. лет это, как известно, приблизительный возраст нашей цивилизации).

Недавно генетики Стэнфордского университета в Калифорнии неопровержимо установили, что генетические «Адам и Ева» никогда не встречались друг с другом. Генетическая прародительница современных женщин жила 143 тыс. лет назад, в то время как генетический прародитель всех мужчин — всего 59 тыс. лет назад. Это открытие опровергает не только библейскую версию божественного творения, но и альтернативные теории антропогенеза, которые

настаивают на том, что человек современного вида живет на Земле уже миллионы лет и рамапитеки, австралопитеки и питекантропы не являются его предками. Зато эти 143 и 59 тыс. лет очень органично вписываются в классическую теорию Дарвина и его последователей: 143 тыс. лет назад — это эпоха поздних питекантропов и неандертальцев, среди которых (или рядом с которыми) вызревал *Homo sapiens*, а 59 тыс. лет назад — это время, когда человек современного вида окончательно оформился, чтобы в ближайшие тысячелетия выйти из пещер Палестины на просторы Евразии.

Чешские ученые-биологи супруги Малина считают, что мы «на этих волосатых чудовищ вообще не похожи»: они не могут ходить прямо, не умеют управлять своим дыханием и модулировать звуки, не имеют подкожного жира, длинных ног, ягодичных подушек и, наконец, покрыты густой шерстью. Иначе говоря, мы совсем другие.

В 1960 г. Э. Харди, К. Зауэр и Э. Морган выдвинули гипотезу о том, что люди произошли не просто от обезьян, а от аномальной их формы, которая когда-то обитала... в мелководье Индийского океана. За несколько тысячелетий такой наполовину водной жизни наши предки якобы накопили массу отличий от других приматов. Ученые полагают: именно тогда мы научились, единственные из всех приматов, задерживать дыхание и нырять, волосы у нас остались только на торчащей из воды голове, появился подкожный жир.

Трудности, связанные с решением проблемы о нашем биологическом предке, породили множество гипотез антропогенеза. Достаточно упомянуть теорию Г. Клаача (1922), отрицавшего на основании сравнительно-анатомических данных близкую связь человека с антропоидами и производившего нашу родословную от особого ствола приматов; теорию Ф.В. Джонса (1929), считавшего нашим предком третичного долгопята; теорию Г. Осборна, который, как и Клаач, отрицает происхождение человека от обезьяноподобных предков; Ф. Вайденайх (1947) связывает наше генеалогическое древо с особой группой гигантских приматов — гигантопитеками (от греч. *gigantos* — исполин, гигант и *pithekos* — обезьяна).

Таким образом, сегодня мы имеем целый набор теорий происхождения, и ни одна из них окончательно не опровергнута.

В рамках естественной теории происхождения человека между специалистами нет и никогда не было единства. Современная антропология, а точнее ее частная подотрасль, занимающаяся древними животными и человеком, — палеоантропология, буквально кишит различными суждениями, гипотезами, концепциями, моделями, сторонники которых неослабно полемизируют между собой. Можно выделить ряд кардинальных вопросов, от кото-

рых зависит общая картина антропосоциогенеза и по поводу решения которых идет непрекращающаяся научная дискуссия.

К примеру, более столетия исследователи заняты поисками «утраченного звена» — формы, непосредственно ответившей от общего с африканскими человекообразными обезьянами предка. Антропологи спорят о том, кто из этих обезьян — шимпанзе, бонобо (в отечественной литературе его называют карликовым шимпанзе) или гориллы — ближе к человеку, и о том, что послужило толчком к уникальным морфологическим и поведенческим преобразованиям: развитию двуногости, эволюции кисти, увеличению головного мозга, становлению орудийной деятельности, речи, сознания. Нет окончательной ясности и в понимании пути социальной эволюции человека.

Главная трудность, с которой сталкиваются те, кто ищет доказательства теории эволюции в палеонтологических находках, состоит в том, что палеонтологические данные очень отрывочны. К настоящему времени обнаружены ископаемые останки только небольшой части видов, которые существовали на Земле. Хранитель Чикагского музея естествознания Д.М. Рауп и палеонтолог из университета Джонса Хопкинса С. Стэнли подсчитали, что в музеях мира хранятся ископаемые останки 130 тыс. различных видов животных, в то время как в настоящее время на Земле живет примерно 1,5 млн видов. По их оценкам, со времени кембрия на Земле жило около миллиарда видов животных, то есть более 99,9% этих видов не оставили никаких следов своего существования. Тогда непонятно, какой вид произошел из какого за миллиарды лет эволюции. Изучение осадочных пород далеко не всегда помогает ученым обнаружить необходимые доказательства: из-за эрозии почвы и по ряду других причин обширные участки осадочных пород, в которых хранятся ископаемые остатки, просто отсутствуют.

Геолог Ч. Ван-Андель исследовал слой песчаника раннего мелового периода в Вайоминге, который отложился за 6 млн лет. Когда он сравнил реальную толщину этого слоя с теоретически рассчитанной, то получилось, что реальная толщина слоя составляет всего 2% от расчетной, т.е. 98% осадочных пород отсутствует. Ван-Андель доказал, что подобный результат можно получить практически всюду. Причина этого в том, что в течение миллионов лет шел процесс эрозии старых и отложения новых геологических слоев, в результате чего только небольшая часть геологической истории Земли запечатлена в так называемой каменной летописи. По меньшей мере 90–99% осадочных пород навсегда исчезли. Но и та часть осадочных пород, которая осталась, исследована далеко не полностью²⁶.

3.11. Теории моно- и полицентризма

Непрояснен и вопрос о начале человеческой эволюции. Когда появился наш первый предок — 1, 3 или 6 млн лет назад? А где находится прародина человечества — в Африке, Азии, на Ближнем Востоке или в Европе?

Сегодня некоторые зарубежные ученые разделяют *теорию полицентризма* — происхождения человека современного вида (*Homo sapiens*) и его рас в нескольких районах земного шара от разных форм древних людей. Большинство отечественных антропологов она не принимается. Их точку зрения подтверждают недавние (2002 г.) открытия американских антропологов. В 1997 г. международная группа ученых обнаружила череп доисторического человека *Homo erectus*, жившего 1 млн лет назад в Эфиопии. После чего ученые из университета Беркли (США) потратили еще два года на то, чтобы очистить и повторно собрать измельченный череп. Работу проводили совместно группы эфиопских и американских исследователей. Их результаты были опубликованы 21 марта 2002 г. в журнале *Nature*. Оказалось, что африканский череп был удивительно похож на известные азиатские останки. Эфиопские ископаемые останки черепа доказывают, что все человеческие расы произошли от одной ветви доисторического человека — *Homo erectus*.

У специалистов нет сомнений в том, что это первичное появление человека было одиночным видом, а не являло собой две отдельные и практически автономные (возникшие параллельно в разных центрах). *Homo erectus* появился приблизительно 1,8 млн лет назад и очень быстро заселил Африку, Азию и Европу. Таким образом, разделения *Homo erectus* на две разновидности не было. Эфиопские и американские ученые также полагают, что начало цикла ледниковых периодов, произошедшее приблизительно 950 тыс. лет назад, является датой вероятного разбиения *Homo erectus* на разные поселения, которые затем развивались обособленно. Африканский подвид *Homo erectus*, вероятно, привел к появлению современного *Homo sapiens*, европейская ветвь, возможно, дала неандертальца или *Homo neanderthalensis*, в то время как азиатская ветвь исчезла²⁷.

По мнению В.М. Алексеева²⁸, сторонника полицентризма, человек, равно как и ближайшие ему антропогенные формы рода *Homo*, не обладает видовой ценностью. Зато ему присуща популяционная ценность. В природе нет других организмов, так сильно, почти катастрофически, реагирующих на изменения окружающих условий, как человек. Человеческий детеныш, воспитанный волчьей стаей, превращается в волка, но волк, куда бы его ни по-

местили, остается самим собой. Воспитанные вне человеческого общества люди становятся умственно неполноценными, у них значительно изменяется характер образования социальных связей. Если исчезнут все волки, но сохранится одна пара, то через несколько поколений этот вид будет воспроизводиться с теми же морфологическими свойствами, что и вид в целом. У людей не так. Если последующие поколения будут жить в разных географических и климатических условиях, приспособляясь к реальным условиям, это будут разные по характеру и образу жизни популяции. Принцип *популяционной ценности* превосходно согласуется с представлениями о характере адаптивной радиации *Homo*, с теорией полицентрического происхождения человека, высокими темпами эволюции *Homo* и полным уничтожением всех родительских форм. Принципиальные отличия между человеческими популяциями, состоявшие в том, что одни популяции дали цивилизации, а другие при прочих равных условиях — нет. С точки зрения популяционной ценности каждый человек более уникален, чем особь у приматов или у любых других млекопитающих.

Основателем гипотезы полицентризма, т.е. нескольких центров происхождения сапиенса, является американский антрополог Ф. Вейденрейх (1938, 1943). Им выделено четыре таких региона формирования человека современного типа и его рас: Юго-Восточная Азия (австралоиды), Южная Африка (капоиды или негроиды), Восточная Азия (монголоиды) и Передняя Азия (европеоиды).

Среди современных зарубежных полицентристских схем одна из наиболее разработанных — гипотеза А. Тома (1962, 1964, 1973), в соответствии с которой выделяются три основных очага сапиентации: европеоидно-негроидный (западный), монголоидный и веддо-австрало-айноидный (восточный). К числу традиционных полицентристских концепций, предусматривающих происхождение современных больших рас от местных палеоантропов, относится и гипотеза Ф. Смита (1985), согласно которой выделяется пять центров сапиентации с независимым возникновением *Homo Sapiens* от местных неандертальцев в Северной Африке, южнее Сахары, в Западной Азии, Восточной Азии и Европе.

В отечественной антропологии преобладают гипотезы «дицентризма» с выделением двух первичных очагов сапиентации: западного (европеоидно-негроидного) и восточного (монголоидного или австрало-монголоидного). В основе полицентристских концепций отечественных антропологов (В.П. Алексеев, А.А. Зубов и др.) и археологов лежит признание мощной центростремительной роли социогенеза на поздних этапах человеческой эволюции. Основные аргументы полицентризма — отдельные краниологические призна-

ки большого таксономического веса, свидетельствующие о хронологической и морфологической преемственности гоминид в ряде локусов Афроевразии, а также археологические материалы, которые не дают достаточных оснований для выделения единого центра возникновения верхнепалеолитической культуры неантропов.

В настоящее время ученые накопили достаточно доводов в пользу гипотезы, согласно которой эволюция гоминид в человека разумного завершилась не в одной, а сразу нескольких точках планеты. М. Стинер из университета Аризоны выяснила, что самые ранние украшения появились примерно в одно и то же время в четырех районах. Так, в Турции были найдены раковины моллюсков с специально выдолбленными отверстиями. Их возраст составляет 40–45 тыс. лет. В то же время в Кении, Болгарии и Ливане обнаружены цепочки из скорлупы страусиных яиц и другие подобные украшения.

Школа эволюционистов, возглавляемая С. Гоулдом и Н. Эдлриджем, выдвинула новую теорию, которая должна, по их мнению, объяснить отсутствие промежуточных форм. В качестве объяснения они выдвинули идею «пунктирного равновесия» (так называемая концепция пунктуации).

В соответствии с этой теорией предполагаемый переход от вида А к виду Б происходит в небольшой, географически изолированной популяции и занимает одну геологическую микросекунду — период времени слишком короткий, чтобы промежуточные формы оставили следы в виде ископаемых остатков. Затем новый вид Б покидает свой ареал и распространяется по всей области обитания старого вида А. На шкале в миллионы лет ископаемые остатки вида Б как бы внезапно заменяют ископаемые остатки вида А, так что складывается впечатление, будто вид Б возник сразу, без переходных форм.

По мнению сторонников теории пунктирного равновесия, отсутствие остатков переходных форм вполне естественно. Это дает им право утверждать, что все виды развились один из другого в процессе эволюции, не оставив палеонтологических свидетельств эволюции²⁹.

Помимо рассмотренных выше теорий в науке различают также гипотезы происхождения человека.

Симбиальные гипотезы. К. Фогт, Ф. Амегино, Дж. Сера пытались доказать, что люди произошли от американских обезьян.

Тарзиальная гипотеза. Английский биолог и анатом Ф.В. Джонс создал подробно разработанную гипотезу о происхождении человека непосредственно от древнетретичного долгопята.

Гипотеза «Африканской Евы». В 1992 г. американский исследователь А. Уилсон из Калифорнийского университета предположил:

все человечество произошло от одной женщины («Евы»), когда-то жившей в Африке, примерно 100–200 тыс. лет назад, потомки которой заселили остальные континенты, породив все расовое разнообразие человечества. Гипотеза основана на серьезных статистических расчетах, в частности на анализе мирового распределения типов митохондриальной ДНК. Открытие А. Уилсона стимулировало всплеск исследований в крупнейших лабораториях мира. И все независимо выполненные работы говорят в пользу восточной Африки как места, где впервые появился человек. Данные анализа этой ДНК, независимо полученные другими исследователями, подтвердили, что современный человек возник около 150 тыс. лет назад в Африке, откуда переселился в Евразию, где достаточно быстро вытеснил *Homo erectus* и предположительно полностью неандертальца. Аналогичные данные получены группой под руководством М. Хаммера (университет Аризоны, США). Уточненный возраст гипотетического «Адама» — 160–180 тыс. лет.

Полевая гипотеза. Академик В.П. Казначеев считает, что человек — это соединение вечно существующей полевой разумной субстанции с неразумной белково-нуклеиновой.

Уфологическая гипотеза. Согласно ей разумная жизнь на Земле корректируется Высшим разумом; гуманоиды не просто внедряют через наше подсознание нужные человечеству религиозные, философские и научные концепции, но и изменяют самих людей.

Эдемский сад и канделябр. У. Хауэлс (1976) предложил две гипотезы: «Ноев ковчег» и «канделябр». Первая в наши дни стала известна под названием «Эдемский сад». Она исходит из предположения, что небольшая группа современных людей возникла в недалеком прошлом в каком-то одном месте, а в процессе распространения расселилась по всему миру. Согласно же гипотезе «канделябр» локальные поселения *Homo* (например, из Африки, Азии и Европы), распавшись на группы, развились независимо друг от друга в современных людей. Подобно параллельным ветвям канделябра неандерталец эволюционировал в современного европейца, тогда как пекинский человек — в сегодняшних китайцев.

Глава 4. ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ

Интересной темой для антропологического исследования являются так называемые социальные животные, организация их социума как примера сложной системы. Пчелиные ульи и муравьиные колонии служат хорошим примером: несмотря на относительную простоту организма отдельных насекомых (как пчел, так и муравьев) и незначительные возможности их мозга, образуемый ими социум представляет собой весьма сложную систему, отличающуюся исключительной прочностью и слаженностью функционирования.

4.1. Морфо- и социогенез

Разграничение двух процессов и феноменов — морфогенеза и социогенеза необходимо по нескольким причинам. Совершенно очевидно, что анализ эволюции общества на стадиях, предшествующих появлению *Homo sapiens sapiens*, т.е. собственно социогенез, необходим для того, чтобы в дальнейшем более полно и всесторонне рассмотреть собственно историю человеческого общества, когда решающими факторами развития выступали цивилизация, письменность, разделение общественного труда, научно-технический прогресс.

Как в социогенезе, так и в истории общества решающими факторами развития выступали не природные, а артефактные. Иными словами, не изменение внешнего вида или внутреннего устройства организма, а созданные или создаваемые руками человека вещи. На двух исторических этапах — стадии социогенеза и стадии истории общества — определяющими факторами выступали общественное разделение труда и технический прогресс (эволюция орудий труда), причинно обусловившие появление других факторов роста, скажем, урбанизации или частной собственности. Таким образом, технический прогресс и углубление обществен-

ного разделения труда — два глобальных фактора, действовавших на обеих фазах развития человеческого общества — генезиса и истории, — являющиеся общими для них, а потому их объединяющими. Специфическим фактором, действовавшим на стадии истории и отсутствовавшим на стадии генезиса, является, в частности, письменность. Вероятно, при дальнейшем анализе могут появиться и другие специфические факторы.

Однако как общие, так и специфические факторы, присущие генезису и истории человеческого общества, отсутствуют в другом фундаментальном процессе, имеющем к фундаментальной социологии самое непосредственное отношение, а именно к развитию общества животных. У социальных насекомых, а также у других видов общественных животных существовали и существуют по сию пору такие формы социальной организации, которые похожи на: а) зачаточные, эволюционно ранние формы социальности у человека (стадо, локальная группа, род, семья); б) зрелые, эволюционно поздние формы социальности у человека (муравейник или пчелиный улей напоминают по социальному устройству сложный тип современного общества).

Разумеется, в появлении и эволюции форм социальности (у энтомологов для такого случая существует особый термин — эвсоциальность) никакой роли технический прогресс и углубление разделения общественного труда, а тем более письменность не играют. Конечно, морфологические основы разделения труда и кастового строя у социальных насекомых (пчел, ос, термитов, муравьев) обнаружены. Но это именно морфологические основы, обусловленные действием чисто биологических, в том числе генетических, факторов. Однако не изучив их, мы не сможем полностью понять и человеческое общество.

Вот почему второй раздел посвящен проблемам морфо- и социогенеза общества.

4.2. Социальные животные — кто они?

В широком философском смысле понятием «общество» обозначают практически любую совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. Поэтому общество называют иногда «второй природой», подчеркивая тем самым, что общество находится *вне* естественной природы, не может считаться ее логическим продолжением и не способно функционировать по ее законам.

Такая точка зрения имеет и своих противников. Они утверждают, что человеческое общество как раз и является прямым продолжением биологического сообщества животных и что в общест-

ве нет ничего такого, чего не было и не могло бы быть в животном мире. По мнению специалистов, организация сообщества социальных животных — образец сложной системы. Ярким примером служат пчелиные ульи и муравьиные колонии: несмотря на простоту организма насекомых и незначительные возможности их мозга, образуемый ими социум представляет собой весьма сложную систему, отличающуюся исключительной прочностью и слаженностью функционирования. Научно доказано, что выведение из строя (механическое удаление) до 40% элементов таких систем практически не сказывается на функционировании всего социума.

Муравейник представляет собой совершенный аналог человеческого общества: он так же, как оно, сложно организован, в нем существуют разделение труда и специализация, свой язык, на котором «разговаривают» муравьи, и т.д. Поэтому муравьев, как и многих других живых существ, ведущих совместный образ жизни, сторонники такой теории называют *социальными животными*.

Наука относит муравьев к общественным насекомым, способным образовывать семьи, состоящие из нескольких «каст» (колонн). Одни виды муравьев возводят наземные города — муравейники, напоминающие современные города-миллионики, а другие ведут бродячий образ жизни, напоминающий наших далеких предков — собирателей и охотников. Подобно людям муравьи занимаются уходом за личинками и их вскармливанием, стоят на охране всех входов муравейника от вторжения чужаков, даже «пасут» и «доят» тлей и т.д. Велик соблазн и человеческое общество представить по образу и подобию муравейника.

Тем не менее внешнее сходство часто бывает обманчиво. В свое время Г. Спенсер предостерегал от подобного отождествления, указывая, что в отличие от человеческой общины совокупность обитателей любого муравейника, термитника, пчелиного роя — это всегда *дети одной и той же матери*, т.е. независимо от своих размеров сообщества «общественных насекомых» представляют собою не что иное, как *одну-единственную семью*. Поэтому даже *рода* как такового у них нет.

Внешнее сходство часто бывает обманчиво. Человеческое общество является результатом эволюции природы, а не ее органической частью. Муравьи живут 65 млн лет и ни один из 10 тыс. видов за это время практически не изменился. Человек существует всего 2 млн лет, но претерпел за такое короткое время качественные изменения. В чем же дело?

А дело в том, что все насекомые — муравьи, пчелы или гусеницы — эволюционируют не как индивиды, а как род. У животных — а человек по своей биологической природе принадлежит к ним — действует *естественный отбор*, известный нам по опи-

саниям Ч. Дарвина. У насекомых же царствует *грегарный отбор* (от лат. *grex* — стадо): совершенствуется не особь, а вся популяция. Вот почему объединения насекомых называют *биологическими сверхорганизмами*. Все особи действуют генетически запрограммированно как организм одного типа.

Сверхорганизм подобен машине. Животные и люди биологически универсальны, они поочередно могут выполнять различные функции (добывание пищи, размножение, строительство, оборона и т.д.). К тому же они однополые. Но муравьи и пчелы биологически специализированы, в большинстве своем они бесполое. Одни особи способны только к размножению, другие могут добывать пищу, но лишены способности к воспроизводству.

У насекомых минимальные способности к обучению, а у человека — максимальные. Поведение людей на 80% социально приобретенное и на 20% биологически прирожденное. Середину на воображаемом континууме способности к обучению занимают высокоразвитые животные, например обезьяны, которые в обучении достигают поразительных успехов. Чем выше способности к обучению, тем выше уровень индивидуального развития. Все насекомые похожи друг на друга. Но это трудно сказать о животных и совершенно невозможно о людях. Только люди создали общество — высокоорганизованную форму совместной деятельности индивидов. Следовательно, уровень индивидуального и уровень общественного развития тесно связаны друг с другом: чем богаче индивид, тем сложнее общество. Выражение «социальные животные», относимое к муравьям и пчелам, остается скорее метафорой, нежели строгим научным понятием.

Хотя между человеком и животными современные ученые обнаруживают много общего, серьезные различия двух видов живых существ не должны отходить при этом на второй план. Только человек способен соединить оба вида естественного отбора — индивидуальный и коллективный (грегарный). У животных они разделены. Волки подчиняются индивидуальному отбору, а муравьи и пчелы — грегарному. Последние эволюционируют всем родом, но не способны развиваться поодиночке.

В эволюционной истории планеты появился новый вектор естественного отбора, который антропологи назвали *грегарно-индивидуальным отбором* (от греч. *gregus* — стадо). Его суть в том, что стадо с лучше отработанными навыками коллективного взаимодействия, социальной солидарностью и вместе с тем простором для развития индивидуальных черт, обеспечивающее большее их разнообразие, получало стратегическое преимущество в борьбе за выживание. Длительный период становления стада предлюдей, продолжавшийся миллионы лет, надо считать наиболее подходя-

щим временем для формирования гregarно-индивидуального отбора. Подобная фаза соединила в себе два противоположных начала: 1) коллективную взаимопомощь, коллективную опеку над слабыми особями, 2) индивидуальную иерархию, борьбу за господство над всеми наиболее сильных, агрессивных представителей. Благодаря действию первой тенденции шанс выжить и оставить потомство получали особи с менее развитой мускулатурой, менее агрессивные, но с более развитым мышлением. Лучшие перспективы развития получили стада, где все взрослые получали доступ к охотничьей добыче и к половым контактам, где была лучше организована взаимопомощь, слабые от рождения или вследствие ранений могли выжить, обогащая генофонд, накапливая и передавая коллективный опыт. Действие второй тенденции привело к возникновению неравенства, иерархии, системы власти и развитию сильной личности — изобретателей, народных умельцев, шаманов, художников, вождей. Немалую роль в эволюции человеческого общества играли выдвигавшиеся вожаки, обладавшие силой, способностью к убеждению и организации, выполнявшие потестарные, т.е. властные, функции.

Благодаря единству двух начал человеческий род способен был передавать опыт, информацию и накопленные знания: «в человеческом сообществе опыт, приобретенный отдельными, наиболее способными членами, становится достоянием всего коллектива, не теряется для будущих поколений. Иначе обстоит дело с коллективно живущими животными, у которых индивидуальная пластичность поведения, как правило, не закрепляется в коллективном опыте, что вынуждает новые поколения всякий раз начинать с нуля»¹. Индивидуально человек прогрессирует, развивая свои физические и духовные способности. Прогрессирует и общество в целом, продвигаясь по пути демократии и цивилизованности, двигаясь от простого к сложному, от традиционного к постиндустриальному обществу.

Не только люди обучают друг друга, но и животные. Выдра обучает выдренка плавать, волчица учит волчонка навыкам охоты. Но каждое следующее поколение выдр и волков не становится лучше предыдущего.

Благодаря сознанию человек не только научился совершенствовать орудия труда, но и изобрел способы внетелесной передачи информации методом ее кодирования в знаковых объектах (книгах, рисунках, чертежах, ритуалах и т.д.), составляющих носители культуры. В результате современные врачи способны не только применять последние достижения науки и техники, но и использовать методы древнейшей тибетской медицины. Но способны ли животные применять и совершенствовать знания своих предшественников?

Тем не менее соединение двух механизмов эволюции — индивидуального и группового отбора — не всегда приносит ожидаемые плоды. Как считает В.М. Алексеев:

«Сама установка на социальные связи противоречит индивидуальной установке (инстинкту сохранения) животного на борьбу за существование, на то, чтобы выжить и оставить потомство, подавляя в нем важнейшие качества, определяющие поисковую активность, инициативность, агрессивность. Некоторые особи в условиях группового развития оказываются наименее приспособленными к индивидуальному существованию как по физиологическим параметрам (мышечная масса), так и по уровню агрессивности. Оказываясь вне сообщества, такие особи элиминируют намного вероятнее по сравнению с другими особями, обладающими наибольшими перспективами при движущем отборе. И все же более подготовленные к обособленному существованию особи не выдерживают конкуренции со стороны особей, ведущих групповой образ жизни, поскольку в этом случае они противостоят не обособленным особям, а организации этих особей»².

4.3. Социальность и эвсоциальность³

По отношению к насекомым термин «социальное» вряд ли может применяться в том же самом значении, в каком его используют социологи, описывая человеческое общество. Для характеристики форм поведения и типов организации, похожих на человеческие, но тем не менее человеческими не являющихся, энтомологи и биологи придумали термин «эвсоциальное». Он включает корень «социальное (общественное)» и приставку «эв», которая придает весьма специфический оттенок всему слову. Эта специфика на первый взгляд выглядит весьма странно, и вот почему.

Эвсоциальный (*eusocial*) переводится как (очень) общественный, истинно общественный. Энтомологический термин, описывающий большинство высокоразвитых форм обществ (сообществ) животных. К ним относятся колонии муравьев, термиты, осы и пчелы. С приставкой «эв» (*eu*) образовано немало слов, приобретающих в результате превосходную степень чего-то. Так, эвдемонизм — это этическое направление, считающее счастье, блаженство (греч. *eudaimonia*) высшей целью человеческой жизни; эвфемизм (от греч. *Euphemia*) — воздержание от неподобающих слов; эвфуизм (греч. *euphyes* — благовоспитанный) — изысканно-перифрастический, высокопарный слог; эвристика (от греч. *heurisko* — отыскиваю, открываю) — специальные методы, используемые в процессе открытия нового (эвристические методы).

Эвсоциальность (*eusociality*)⁴ — феномен репродуктивной специализации, присущий некоторым видам живых существ (табл. 3); это означает, что в колонии нерепродуктивных животных существуют специализированные касты, осуществляющие функцию воспроизводства потомства. Наиболее известные примеры — муравьи, осы и пчелы⁵.

Таким образом, приставка «эв» придает слову какое-то превосходящее значение. Получается так, что по отношению к животному миру мы говорим о некоей высшей социальности. Но это далеко не так. Более высокой, чем в человеческом обществе, социальности не существует. Как станет ясно из дальнейшего, эвсоциальность действительно описывает высшую или истинную социальность, но лишь по сравнению с другими, низшими, формами социальности, которые характеризуют самые разные виды общественных насекомых и животных (солитарность, полусоциальность и др.).

Таблица 3

Примеры эвсоциальных насекомых

Виды	Характеристика	Примеры
Муравьи	Все муравьи эвсоциальны. Королевы-матери и рабочие особи отличаются морфологически. У некоторых типов муравьев рабочие не имеют даже яичников; у других типов рабочие откладывают только яйца мужских особей	<i>Fire Ants, Solenopsis invicta, Pharaohs ants, Monomorium minimum, Carpenter Ants, Camponotus Pseudomyrmex</i>
Пчелы	Многие виды пчел вообще несоциальные существа	<i>Sweatbees, Lasiglossum Bumblebees, Bombus Honeybees, Apis mellifera, Carpenter Bees, Xylocopa</i>
Осы	Некоторые виды ос эвсоциальные, но многие таковыми не являются	<i>Paper Wasps, Polistes Yellowjackets, Vespula Stenogastrine wasps Tropical Wasps, Epiponines, Polybia</i>
Термиты	Все термиты являются социальными. У них есть мужские и женские особи-рабочие, хотя большинство социальных насекомых диплоидны*. Часто у них есть король и королева	
Тля** и трипс***	Некоторые виды тли и трипса эвсоциальны. Когда формируются их скопления, стерильные особи способны выполнять только функции защиты (солдаты), но не воспроизводства и воспитания. В результате этот вид насекомых способен создавать более продвинутые общества	

* Диплоид (от греч. *diploos* — двойной и *eidos* — вид) — клетка или особь с двумя гомологичными наборами хромосом.

** Тля — мелкое насекомое, длиной 1–3 мм, ползающее и летающее, в основном зеленого цвета.

*** Трипс — маленькое крылатое насекомое темно-бурого цвета.

Источник: *Eusocial insects.* —

<http://es.rice.edu/projects/Bios321/eusocial.insect.html>

У отряда перепончатых насекомых развиты экстенсивное разделение труда, морфологическая специализация и кооперация, существуют касты, за которыми природой закреплены конкретные задачи, например собирательство, оборона, воспитание. Воспроизводство рода осуществляется избранными и способными к репродукции особями (элитой), которых обслуживают бесплодные рабочие особи. В колонии проживает сразу несколько поколений, которые поддерживают благосостояние сообщества. Сходный уровень социальной организации отмечен у некоторых видов позвоночных. К примеру, крысы имеют кастовую систему, в которой взрослые особи, неспособные к воспроизводству рода, заняты сбором пищи, рытьем и утеплением нор⁶.

Эвсоциальность ученые называют еще *анонимной* характеристикой. Это случилось потому, что насекомые в отличие от человеческого общества способны формировать лишь такие сообщества, где особи признают друг друга не как индивидуальности, а только как членов группы⁷.

Минимальное количество каст у эвсоциальных насекомых — три: 1) королевы, царицы, матки (фертильные женские особи), основная функция — воспроизводство потомства; 2) рабочие (стерильные женские особи), основная функция — помогать матке в выращивании и воспитании потомства; 3) трутни (пчелиные самцы), основная функция — оплодотворение самки и воспроизводство потомства⁸. У некоторых видов насекомых дополнительными кастами выступают солдаты, защищающие колонию. У других они входят в число основных каст.

Далеко не все виды насекомых можно назвать истинно социальными, или эвсоциальными. Социальные качества не закреплены в их генетическом аппарате или в морфологии. Они собираются вместе на очень короткое время — ради воспроизводства потомства или выполнения иных функций. Затем распадаются, и уже ничто их больше не связывает. Некоторые насекомые даже не нуждаются в партнере, поскольку они двуполое.

Эвсоциальность (*eusociality*) характеризует лишь три вида насекомых: 1) некоторые *Hymenoptera*, т.е. перепончатокрылые (муравьи, пчелы и осы); 2) все термиты (*Isoptera*); 3) тля растительная. У эвсоциальных насекомых (*Eusocial insects*) выделяют три основные черты:

- ◆ *коллективная забота* о подрастающем поколении;
- ◆ *репродуктивное разделение труда*, подразумевающее наличие сервисных (обслуживающих) каст, стерильных в половом отношении;
- ◆ *одновременное существование нескольких поколений* особей, помощь старшего поколения в выращивании молодых особей⁹.

Таким образом, у многих, но не у всех эвсоциальных насекомых существуют хозяйственная дифференциация (распределение заданий и разделение труда), кастовая дифференциация (основанная на морфологических различиях особей) и возрастная дифференциация (сосуществование в рамках одной семьи или колонии молодых и старых особей).

Многие виды эвсоциальных насекомых (муравьи, пчелы и осы) являются гаплодиплоидными¹⁰ одновременно. У них женские особи имеют две аллели¹¹, а мужские — только одну. Как следствие, у них более разнообразная и запутанная система родственных отношений (*kin*), чем у диплоидных видов. К примеру, гаплодиплоидные особи предпочитают заботиться о своих материях, подкармливая их, а не о своих дочерях или сестрах. В результате у таких насекомых рождаются стерильные касты, не способные к продолжению рода, не занятые заботой о своем потомстве, его выращивании, но все время и силы затрачивающие на обеспечение королевы-матери. Общественные, или социальные насекомые на первое место ставят благополучие рода, а не индивида, поэтому продолжение рода на индивидуальном уровне, равно как и создание семьи в нашем понимании, здесь практически отсутствует.

Насекомые, образующие крупные скопления, не обязательно являются эвсоциальными, т.е. истинно общественными. Социобиологи различают несколько уровней организации групповой жизни. Ученые-энтомологи выделяют следующие степени (уровни) социальности:

1. **Солитарность** (*solitary* — обособленность) — отсутствие репродуктивного разделения труда, сосуществования поколения и воспитания поколения;

2. **Субсоциальность** — родительская забота о молодых особях;

3. **Коммунальность** — представители одного поколения живут в одном месте (рой, стадо, гнездо), но у них отсутствует забота об отпрысках;

4. **Квазисоциальность** — представители одного поколения живут в одном месте (рой, стадо, гнездо) и у них есть забота о выводке;

5. **Полусоциальность** — дополнительно к квазисоциальности существует репродуктивное разделение труда;

6. **Эвсоциальность** — дополнительно к полусоциальности присутствует совместное проживание нескольких поколений особей¹².

В некоторых источниках квазисоциальность и полусоциальность (*semisocial*) входят в качестве подвидов в субсоциальность¹³. В других источниках вводится термин «парасоциальность», куда включают коммунальность и квазисоциальность¹⁴.

Благодаря ранжированию социальных насекомых по уровню развития у них общественных связей становится понятным то, почему энтомологи называют эвсоциальность истинной социальностью (*truly social*). Эвсоциальность находится на самой вершине эволюционной пирамиды и включает все, а не часть признаков, выделяющих общество животных: социализацию, многопоколенность и разделение труда.

У одного и того же вида, как правило, встречается все многообразие уровней социальности, которые характеризуют тот или иной подвид. Среди пчел существуют солитарные, эвсоциальные, полусоциальные и коммунальные подвиды. Около 1000 их подвидов проживает в небольших колониях, где правит бал королева-мать с несколькими дочерьми-рабочими. Колонии эвсоциальных пчел, а их несколько сот разновидностей, представляют собой сложные, высококоординированные общества. Матка, окруженная обслуживающими ее репродуктивные функции особями, руководит коллективным процессом воспитания молодого поколения. Внутри колонии особи выполняют узкоспециализированные функции. Они общаются между собой посредством «химических посланий», прикосновений, звуков и символических танцев. Гнездо представляет сложное архитектурное сооружение с множеством галерей, тайных ходов, запасных выходов, отделений, камер и помещений. Функции защиты, сбора и хранения пищи, воспроизводства, равно как и другие виды деятельности, регулируются автоматически. Биологический механизм управления колонией (роем) реагирует на изменение условий существования вне и внутри улья.

Насекомых называют коммунальными, если особи одного поколения занимают односоставное гнездо, но каждая заботится только о собственном потомстве. У полусоциальных видов существует репродуктивное разделение труда между половой кастой и стерильными рабочими особями, однако все они относятся к одному поколению. В гнездах эвсоциальных таксонов, кроме различных каст, присутствует несколько рабочих поколений: старшие заботятся о своих младших братьях и сестрах. Полная эвсоциальность известна только в двух отрядах насекомых — у термитов (*Isoptera*) и перепончатокрылых (*Hymenoptera*). Все муравьи эвсоциальны, тогда как у пчел и ос встречаются разные уровни социальной организации¹⁵.

Подавляющее большинство пчел — солитарные (создают общее гнездо), некоторые их виды — коммунальные (плюс к тому в нем проживает несколько поколений). Совсем немногие разновидно-

сти пчел проживают маленькими колониями и относятся к полусоциальным насекомым.

Основными причинами, обеспечившими успех социальным насекомым в межвидовой борьбе, ученые называют:

◆ Синхронное выполнение заданий: фуражирование, воспитание потомства, забота о жилище, воспроизводство. При повышенном уровне активности насекомые не мешают и не вредят друг другу.

◆ Рабочие особи наводят порядок и решают проблемы благодаря высокому уровню кооперации и сотрудничества, на что неспособны солитарные насекомые. Сюда относятся защита от врага, строительство гнезда, забота о молодежи, кооперация во время охоты и собирательства.

◆ Разделение и специализация труда служат залогом успешного поддержания равновесия (гомеостаза): ресурсное обеспечение колонии, поддержание и управление микроклиматом в гнезде, соответствие кастовой конструкции колонии экологическим условиям местности¹⁶.

4.4. Пчелиный общественный уклад¹⁷

Социальное поведение пчел и формы их общественного устройства давно привлекали внимание философов и ученых. Многие люди сравнивали жизнь семьи пчел с жизнью государства, перенося на нее существовавший общественный уклад. Еще древние египтяне видели в пчелином гнезде государство во главе с пчелой-фараоном, Платон и Аристотель — рабовладельческое общество, управляемое аристократами-трутнями. Л. Фигье в своей книге «Жизнь насекомых» сравнивал общественное устройство пчел с республикой, а пчелу-матку — с ее президентом. Наблюдая за жизнью пчел, специалисты поражаются совершенством организации: десятки тысяч насекомых, наделенных только рефлексам и инстинктами, работают как единое целое, как один организм с множеством исполнительных органов. Инстинкты и организация жизни пчел настолько совершенны, что пчелы кажутся разумными существами.

Как показывают данные науки, пчелы — вегетарианцы: энергию, белки и витамины получают исключительно из растений, опыляя их во время цветения и помогая развитию. Пчела — идеальное биологическое создание, обладающее уникальными способностями. Она использует магнитные и электромагнитные поля Земли, воспринимает поляризованный солнечный свет, видит в ультрафио-

летовой части спектра, обладает навигационными приборами. Поразительна пластичность обмена веществ: поглощение кислорода в полете в 500 раз выше, чем в состоянии покоя. Она способна перетаскивать груз, превышающий собственный вес в 20 раз (лошадь — 1,5–2). На один килограмм веса пчелы приходится более 1 млн нервных клеток, в то время как у человека всего 150 тыс. Пчела — самое чистое создание на планете. На ее лапках никогда не бывает бактерий. Длительность жизни пчелы — от 35 дней у летних до 270 у осенних пчел.

Они появились на планете 80 млн лет назад. В далеком прошлом пчелы устраивали гнезда в дуплах деревьев или даже прямо на ветках деревьев. На пасеках же пчелы живут в ульях. Пчелиный сот состоит из многих тысяч ячеек, скрепленных между собой общими стенками и доньшками. Ячейки — это геометрически правильные шестигранные призмы строго определенного размера. Шестигранная форма ячейки не только позволяет им затрачивать на ее строительство минимум воска и времени, но и сооружать соты исключительно высокой прочности и большой емкости. Соты — совершеннейшее воплощение строительного принципа. Ч. Дарвин называл пчелиные соты верхом архитектурного совершенства с точки зрения экономии труда и воска.

Пчелы — надсемейство насекомых подотряда жалящих перепончатокрылых. В мире насчитывается более 30 тыс. видов пчелиных (*Apoidea*), которые объединены в 11 семейств. Они различаются морфологическим устройством, внешним видом, регионом обитания, социальной организацией и образом жизни. По своим размерам они варьируются от 2 мм до 4 см.

Большинство видов пчел — одиночные, некоторые селятся колониями. Самые высокоорганизованные представители пчелиных, характеризующиеся высокоспециализированным собирательством и общественным образом жизни, входят в семейство *Apidae*, объединяющее род *Psithyrus*, — шмели-кукушки, *Bombus* — шмели, *Apis* — медоносные пчелы. Они живут не в одиночку, как многие другие насекомые, а большими семьями, сообществами. Поэтому их стали называть общественными насекомыми.

Пчелиная семья — великолепно организованный, очень гибкий, простой в своем естественном совершенстве и в то же время беспредельно сложный мир. Сообщества состоят из десятков тысяч особей. Каждая особь (рабочая пчела, матка, трутень) развивается из отдельного яйца и является в известном отношении самостоятельным организмом. Тем не менее ни одна из них не в состоянии жить отдельно. Пчела очень быстро, буквально за несколько часов, умирает, если оказывается в одиночестве. Семьи

медоносных пчел складывались в разных природно-климатических условиях и географических зонах, которые привели к возникновению форм, существенно отличающихся друг от друга.

Про общественных насекомых писал К. Лоренц в своей книге «Агрессия (так называемое “зло”)». С давних пор известно, что их сообщества, зачастую насчитывающие до нескольких миллионов членов, по сути дела являются семьями, поскольку состоят из потомков одной-единственной самки или одной пары, основавшей колонию. Пчелиная семья состоит из одной матки, нескольких десятков тысяч рабочих пчел (от 15–20 до 80–100 в разное время года) и нескольких сотен, очень редко 1–2 тыс. трутней, живущих только в летнее время. Выполняемые особями функции строго разделены, отсюда тесная и практически полная зависимость как друг от друга, так и от всего сообщества.

Сообщество медоносных пчел биологи подразделяют либо на три касты (королева, рабочие, трутни), либо на две, объединяя королеву и трутней в одну касту:

◆ *репродуктивные касты* — королева и трутни: первая откладывает яйца, вторые оплодотворяют ее;

◆ *рабочая каста* — сестры, все дочери королевы-матери: обслуживают яйца (потомство), королеву, трутней и гнездо.

Во главе пчелиной семьи находится пчела-матка, основная функция которой состоит в производстве потомства. Всю работу «по дому» выполняют пчелы-работницы, а появляющиеся в летний период трутни — пчелы-самцы — пригодны только для оплодотворения матки.

Поскольку главные действующие лица пчелиной жизни — матка и рабочие пчелы — женские особи, пчелиный улей можно назвать эволюционным торжеством *матриархата*. Впрочем, он царит и у других социальных насекомых, в частности муравьев.

Рабочие пчелы — женские особи с недоразвитыми половыми органами, длиной 12–14 мм, масса различна и зависит от породы в пределах от 90 мг до 115 мг. Их еще называют сестрами матки. *Трутни* — особи мужского пола, они появляются в мае-июне, а изгоняют их в конце лета; зимовать они могут только в безматочных семьях. Трутни лишены возможности сбора пищевых запасов, поскольку приспособлений для сбора нектара и пыльцы у них нет. Тем не менее они неотъемлемая часть сообщества, так как во время спаривания с неплодной маткой они передают матке мужские половые клетки, после чего матка становится плодной. Не будь их — не было бы продолжения пчелиного рода.

Как видим, в пчелиной семье проявляется половое неравенство: только матка, обладающая хорошо развитыми половыми органа-

ми, способна вступать в брачный контакт с мужскими особями и откладывать яйца. Рабочие пчелы, а это женские особи, имеют недоразвитые половые органы, а потому не могут спариваться с трутнями. Сестры не составляют конкуренцию своей более счастливой и более ценной для семьи избраннице-королеве. Они трудятся в поте лица: кормят личинок, обогревают гнездо, собирают нектар и пыльцу с цветов, носят в улей воду, вырабатывают в своем организме воск для постройки сотов. Они защищают улей от всевозможных врагов: муравьев, бабочек, ос, от нападения других пчел, чистят, вентилируют (проветривают) улей, поддерживая в нем нужную температуру, заделывают щели и отверстия в улье пчелиным клеем (прополисом). Трутни живут недолго, после выполнения работы их отправляют в изгнание, зато никакой работы они не выполняют. Таким образом, в добавление к половому неравенству существует еще и трудовое.

Пчелы не терпят чужаков, которых узнают по несвойственному запаху. Случайно залетевших гостей пчелы-работницы агрессивно выдворяют вон.

4.5. Муравьиные мегаполисы

Со школьной скамьи мы знаем, что муравьи — насекомые общественные, с четким разделением обязанностей в муравейнике. Муравей — символ трудолюбия почти у всех народов. Поведение муравьев подчиняется очень сложным законам. Внешне это не проявляется. Целый придворный штат занят обслуживанием и кормлением королевы. Все входы-выходы из муравейника сторожат солдаты, снабженные страшными челюстями, есть своя иерархия и среди рабочих. Вместе с тем в муравьиных сообществах наблюдаются войны, грабежи, предательство и пьянство. Муравьи выращивают в подземных теплицах грибы и тлей, которыми питается муравьиная аристократия.

Вся жизнь в муравьином сообществе крутится вокруг самки. Задача этой царственной особи одна — откладывать яйца, производить потомство. Больше она ни на что не способна. Величественной детородящей особе муравьями придана свита, которая должна ухаживать за отложенными яйцами и снабжать ее пищей. Остальной народ муравьиного государства разделен, по условному определению ученых, на касты¹⁸.

С этих позиций муравейник представляет собой практически полный аналог (или прообраз?) человеческого общества: он, также как и человеческое общество, сложно организован, в нем

существуют и разделение труда, и специализация, и свой язык, на котором «разговаривают» муравьи, и т.д. Поэтому муравьев, как и многих других живых существ, ведущих совместный образ жизни, сторонники такой концепции называют *социальными животными*.

Об этом писал еще Аристотель. Его удивляла способность маленьких существ к согласованным действиям, кооперации и разделению труда, образованию иерархического сообщества, четкому порядку и подчинению. В самом деле, наука относит муравьев к так называемым «общественным» насекомым, способным образовывать сообщества, состоящие из 20–30 тыс. особей, распадающихся на слои, касты, колонии, отряды и т.п. Члены одной касты возводят целые города — муравейники, напоминающие современные многомиллионные города, тогда как другие выходят на охоту и собирательство, напоминая тем самым далеких предков людей — собирателей и охотников, третьи занимаются исключительно уходом за личинками и их вскармливанием, четвертые стоят на охране всех входов муравейника от вторжения чужаков, пятые даже «пасут» и «доют» тлей и т.д. По своим делам, подчиняясь инстинктивной программе, одновременно направляются тысячи муравьев, каким-то странным образом координируя совместные действия.

Выдающийся русский философ В.С. Соловьев в своей книге «Оправдание добра»¹⁹ писал о том, что не только человека, но и другие существа, в частности муравьев, следует причислить к разряду общественных животных. Муравейник напоминает крупные мегаполисы типа Лондона и Пекина: здесь такая же сложная социальная организация и многочисленное население. Эволюционное учение доказывает, что «муравьиная общественность... развилась по некоторым общим социологическим законам». Если характерным признаком цивилизации есть социальное разделение труда, считает Соловьев, то невозможно отрицать существования муравьиной цивилизации. У муравьев оно развито достаточно высоко: в их сообществе есть воины, рабочие и рабы. Более того, у муравьев в обилии есть домашние животные (прирученные насекомые из других зоологических семейств).

Морфология. Мирмекологи (зоологи, специализирующиеся на изучении муравьев) подразделяют муравьев на 12 современных и вымерших подсемейств, объединяющих 297 родов. А всего известно около 15 тыс. видов муравьев. Длина рабочих муравьев 0,8–30 мм, самки крупнее. Они бывают желтого, красного, коричневого, черного и даже металлического цветов. Маленькие существа нераз-

борчивы в еде, и большинство их видов всеядные. Лишь некоторые из них питаются избирательно.

Муравьи — общественные насекомые, обитающие на земле и деревьях по всему миру, кроме Антарктики, Исландии, Гренландии и некоторых удаленных от континентов островов. Их называют еще маленькими строителями, заселившими весь земной шар. Преимущества, даваемые муравьям кооперацией, привели к тому, что на сегодняшний день это доминирующая по численности группа членистоногих. Так, на 1 акре (0,4 га) саванны в Кот-д'Ивуаре (Африка) обитает 8 млн муравьев, образующих примерно 3 тыс. колоний. Вместе с термитами (еще одной крупной группой общественных насекомых) муравьи составляют треть общей биомассы наземных животных в тропическом лесу бассейна Амазонки. Другими словами, при средней популяционной плотности 3,25 млн муравьев и 0,4 млн термитов на 1 акр они в сумме весят лишь вдвое меньше, чем все прочие сухопутные животные этого дождевого леса. В лесах умеренного пояса они перемещают и аэрируют грунта не меньше, а в тропических лесах — больше, чем земляные черви²⁰. По расчетам специалистов²¹, в каждый момент времени в течение последних 100 млн лет на планете проживает около 1 квадриона²² муравьев. В Западной Африке на 1 га приходится до 20 млн муравьев²³.

Эволюционно муравьи — близкие родственники ос, и некоторые исследователи даже считают их своего рода высокоспециализированными осами. Анатомическое и поведенческое сходство муравьев с осами в 1960-е гг. было подтверждено научно: в США найдены два ископаемых образца, соответствующих «осо-муравью», т.е. переходной форме между двумя группами. Этот вид (*Sphecomyrma freyi*) датирован концом мелового периода — примерно 80 млн лет назад. Некоторые специалисты считают, что муравьи или их предшественники появились на планете 100 млн лет назад. Таким образом, осы выступают эволюционным предком муравьев. Приблизительно 65 млн лет назад муравьи отделились от праформы и начали эволюционировать совершенно самостоятельно.

Муравьи — самое эволюционно продвинутое семейство насекомых с точки зрения поведения, экологии и физиологии. Их колонии представляют собой сложные социальные образования с разделением труда и системами коммуникации, позволяющими особям координировать свои действия при выполнении задач, которые не по силам одному индивиду. Сообщество муравьев состоит в основном из самок. Немногочисленные самцы, за редким исключением, не принимают участия в жизни колонии.

Они остаются в гнезде до брачного лета, а после него оказываются бездомными и не способными о себе заботиться. В принципе, их единственная функция — спаривание, и, выполнив ее, они быстро умирают. За небольшими исключениями, самцы развиваются из неоплодотворенных яиц, т.е. генетически гаплоидны — обладают только одним набором хромосом, достаемым им от материнской яйцеклетки²⁴.

Жизненный цикл всех муравьев включает четыре стадии и длится от 8 до 10 недель:

Яйцо → Личинка → Куколка → Зрелая особь.

Жилище. Гнезда сооружаются в почве, древесине, на поверхности земли (муравейники). Существуют и бродячие виды, не имеющие постоянного гнезда.

Гнезда муравьев совсем иные, чем у медоносных пчел и общественных ос. Это не симметричные структуры из геометрически правильных ячеек, а сложные сети из неодинаковых по размеру туннелей и камер. Будь это подземные лабиринты или, у лесных муравьев, «картонные» сооружения из растительных волокон и частиц почвы — общее устройство их одинаково. Колония лесных муравьев, обитающих на юге США, построена по деревенскому стилю (*village-style*) и представляет собой муравейник высотой в 6–9 м и до 2 м в диаметре, с населением в 60–90 тыс. особей. Этот вид распространен практически по всему миру²⁵.

В тропиках живет муравей-портной, названный так потому, что он строит гнезда из скрепленных друг с другом листьев. Способ постройки удивителен: у муравья нет никаких инструментов для «сшивания» листьев. Вместо иглы ему служит личинка. Подтянув края двух листьев, муравьи-рабочие крепко прижимаются друг к другу. В это же время другие рабочие, держа в челюстях личинок, водят ими по краям листьев. Личинка имеет железы, выделения которых помогают ей при постройке кокона перед окукливанием. Клейкая жидкость, быстро затвердевающая на воздухе, выделяется через рот личинки. Прикладывая личинку ртом к краям листьев, муравьи склеивают их. Так из листьев образуется мешок, внутри которого и помещается гнездо.

В любом муравейнике должно быть тепло и влажно. Об этом постоянно заботятся его многочисленные обитатели. Насыпаемые видами *Solenopsis* земляные холмики служат для улавливания солнечного тепла и функционируют как миниатюрные парники. Некоторые муравьи собирают мелкие камешки, кусочки древесного угля и мертвых растений и укладывают их на поверхность гнезда в качестве солнечных коллекторов.

Не менее поразительна архитектура термитника. Огромные здания, выводимые термитами, или, как их называют иначе, белыми муравьями, не идут ни в какое сравнение с достаточно затейливыми постройками пчел, ос и обычных муравьев. Они похожи то на слегка округленные кучи глины, то на конусообразные строения, иногда напоминающие островерхие готические соборы. В них обитает до 1,5 млн мелких существ. Сельские жители Африки, аккуратно проделав дырку в термитнике, разрушают нутро и в образовавшейся прочной «скорлупке» пекут хлеб, хранят съестные припасы и держат кур. Они хорошо усвоили: на месте термитника и в его окрестностях все растет лучше, чем на обычных грядках. Сначала термиты строят одну или две конические башенки, постепенно расширяя вокруг них стены. Появляются все новые и новые башенки, которые покрывают довольно удобные подземные помещения, устроенные одновременно с первыми двумя башенками. После этого все конусы покрывают сводом из прочной глины, склеенной термитной слюной. Они не трескаются от жары, не размываются дождями. Эту крышу невозможно пробить даже железом. Их не способны продавить своим весом даже крупные животные. Слоны любят почесаться об эти постройки, гепарды взбираются на них оглядеть окрестности. Над первым рядом башен воздвигается другой, покрывается новым прочным сводом, потом третий, четвертый... Дворец термитов имеет высоту до 8 м. На случай ливней термиты строят отводные трубы²⁶.

Постройки термитов образуют целые поселки. Это соизмеримо с размерами Аркаима, легендарного города людей эпохи бронзы. Шары, кувшиноподобные и колоколообразные купола, стенки которых образованы рядами восходящих по спирали колонок, сложная система галерей, скрещивающихся или переходящих одна в другую. Южноафриканский биолог Э. Морайс провел эффектный эксперимент. Он разрушил вершину термитника и вставил в брешь тонкую металлическую пластину, исключавшую возможность какой-либо коммуникации между строителями с двух сторон. Несмотря на это, термиты построили две половинки с каждой стороны от пластины. Когда последнюю убрали, половинки термитника идеально подошли друг к другу²⁷.

Социальное устройство. Все муравьи живут колониями. Их называют социальными или общественными потому, что у них существует разделение труда между мужскими и женскими особями, а также между кастами, составляющими муравьиное сообщество.

С научной точки зрения все муравьиные общества поделены на три главные касты: 1) царицы, основывающие новые колонии

и после этого выполняющие функцию машины по воспроизводству поколений; 2) крылатые мужские особи, выполняющие роль брачных партнеров для маток, которые после спаривания умирают²⁸; 3) неспособные к зачатию женские особи и призванные выполнять хозяйственные задачи (охотники, солдаты, пастухи, надсмотрщики, носильщики, дворники, санитары, воспитатели и т.п.). Рабочие муравьи представляют собой недоразвитых самок, не способных к продолжению рода.

По своему генетическому потенциалу все оплодотворенные яйцеклетки способны превращаться в цариц, но в жизни так не происходит. Природа выработала какой-то запретительный механизм, оставляющий реальные возможности рожать только для одной или двух-трех особей. Правда, до тех пор пока все муравьи живут коллективно. Как только население чрезмерно разрастается, мгновенно срабатывает тот же биологический механизм, но уже в разрешительную сторону, и на сторону отправляется несколько молодых муравьев-самок, на новом месте формирующих дочерние семьи. Они в буквальном смысле вылетают из гнезда²⁹.

Рабочая каста часто делится на подкасты, или субкасты. Причем попадание в ту или иную субкасту зависит не от умственных способностей, трудовых навыков или положения родителей, а исключительно от физических размеров. Обычно рабочая каста делится на две либо три субкасты: 1) мелких, средних и крупных, либо 2) мелких и крупных особей. У разных видов муравьев на одних и тех же по своим габаритам особей могут возлагаться разные обязанности. В одном случае мелкие рабочие выполняют защитные функции и называются солдатами, в других — они выполняют роль социализаторов³⁰. Крупные особи чаще всего занимаются охотой. Мелкие и средние рабочие в большинстве случаев выполняют переходящий круг задач, которые меняются с возрастом. Сначала они работают няньками, кормя и чистя расплод, затем становятся строителями, расширяющими и ремонтирующими гнездо, а самые старые (и чаще прочих гибнущие) выполняют опасную роль фуражиров, т.е. собирают и приносят в муравейник еду³¹.

Социальная структура термитника напоминает монархию, во главе которой стоят царица-матка и царь. Следующую ступень в иерархии этих муравьев занимают термиты-воины, ступенью ниже — термиты-рабочие. Термиты-рабочие сооружают постройку, скрепляя крупницы глины слюной, они добывают корм, непрерывно уносят из покоев царицы яйца, ухаживают за ней, присматривают за белыми, почти прозрачными личинками. Рабочее сословие гораздо многочисленнее воинского. Во время походов войны идут впереди рабочих. Работницы-самки заняты воспитанием подрастающего поколения, приучают его к промыслу,

защищают от всевозможных опасностей. Царица-роженица и крошечный царь живут в особых покоях постройки. Пищу для них непрерывно приносят, их чистят, убирают из кельи отбросы. Дело царя и царицы — производить потомство³².

Таким образом, преобладающим типом социальной структуры в муравьином обществе в целом выступает кастовая система. В большинстве случаев ученые обнаруживают три касты (класса): царицы, сестры-рабочие, мужские особи. У некоторых видов могут выделяться также субкасты. Каждая каста выполняет определенный вид работы (функцию, вид деятельности, задачу), необходимый для существования колонии. Ни одна особь не может уклониться от предписанного природой занятия ради своей прихоти или волеизъявления.

Термин «каста» здесь вполне применим, хотя речь и не идет о человеческом обществе, потому что каждая из этих групп представляет собой закрытое сообщество. Рабочий не может стать королевой, мужская особь — сестрой-рабочей. У них пожизненное (морфологическое) закрепление функций. Анализ распределения генов показывает: рабочие муравьи-сестры имеют больше общего наследственного материала, чем могло бы быть у их потомства, будь эти рабочие муравьи способными к продолжению рода (тогда к материнским генам прибавились бы гены разных отцов). Каждая из сестер обладает (из-за особенностей размножения муравьев) в среднем 75% наследственного материала, присущего всему поколению. Сами они не принесут потомства, поэтому их задача — выкормить как можно больше молодых маток, своих сестер, могущих передать эти гены новой семье. У человека сестры наследуют лишь 50% генетического материала родителей³³.

Недавние исследования показали, что в сверхкрупных колониях, имеющих не одну, а много маток, принадлежность к одному и тому же набору генов уже не выдерживается. Пример — жизнь так называемых огненных муравьев. В данном случае рабочие муравьи, выхаживающие молодняк, находятся с ним в отдаленном родстве, но тем не менее свою задачу они выполняют самоотверженно, до полного изнеможения заботясь о каждом юном существе и мужественно защищая его от внешних врагов³⁴.

Рабочие муравьи словно бы жертвуют собой, не становясь родителями, чтобы выкормить, вырастить свою плодоносящую сестру и ее потомство, чтобы вести хозяйство колонии. Однако гены рабочих муравьев продолжают жить в потомстве их сестры, создавшей новую семью, — молодой царицы. Правда, то, что на первый взгляд нам кажется самоотверженностью и бескорыстием, на самом деле, с точки зрения генной стратегии и интересов муравьиной колонии, является своекорыстием, необходимым для

сохранения наследственности³⁵. Для вида в целом гораздо эффективнее, чтобы сестры-работницы отказались от индивидуального деторождения ради коллективного: царица-мать выводит здоровое потомство на протяжении многих лет без отдыха и отпусков по беременности. А раз так, то в муравейнике нет и быть не может супружеских пар, института родительства, нуклеарных семей.

В результате на свет появился удивительно совершенный эволюционный механизм, сохраняющий устойчивый вид с его почти совершенной социальной организацией почти 100 млн лет. За это время в разные стороны разошлись континенты, вымерли мамонты и большинство некогда обитавших на планете животных, возникли и исчезли с лица земли цивилизации, страны и города. Пospорить с такой жестокостью, разумеется, лишь в рамках человеческого общежития, муравейника может только один человеческий сверхорганизм — поземельная (родовая, соседская) община, существующая на земле уже более 10–15 тыс. лет.

Муравейник — специфический тип иерархической системы (рис. 14), которую современные биосоциологи именуют гетерацией. Она предполагает, что особи, занимающие более высокий ранг, управляют поведением особей, занимающих более низкий ранг, но лишь до определенной степени. В то же время активность низкостатусных особей влияет на поведение высокостатусных. Такую взаимосвязь между макро- и микроуровнями, построенную на принципе обратной связи, ученые называют также бидиректоральным потоком.

Муравьиные колонии очень сильно варьируются в размерах — от нескольких десятков до миллионов особей. Численность колоний у некоторых видов достигает 20 млн особей. Натуралисты, знакомые с ситуацией, утверждают, что муравьи — самый многочисленный вид живых существ на Земле³⁶. Колонии муравьев крошечного вида *Leptothorax*, например, состоят из 10 или 100 членов и умещаются в одной вишневой косточке.

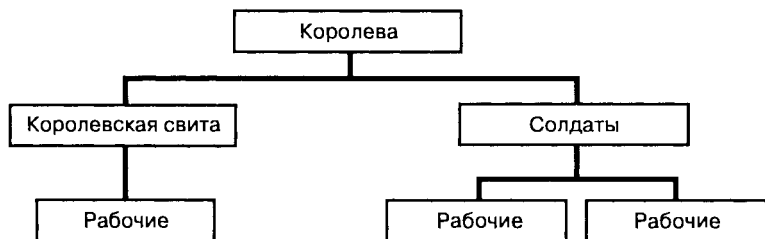

Рис. 14. Социальная иерархия в обществе насекомых

Различаются они также формой, типом, местоположением, устройством и размерами гнезда — дома, где обитает муравьиная колония. Неодинакова у них и форма социальной организации жизни. Но у всех видов определяющим фактором социальной структуры выступают не мужские, а женские особи, и главная среди них — царица-мать, родоначальница всего сообщества. В этом смысле все муравьи, а возможно, и все социальные насекомые, все еще живут при *матриархате*. Точнее сказать, муравьиный мир — это материнско-дочерний универсум. В зависимости от количества одновременно находящихся в колонии цариц виды муравьев подразделяются на а) моногинных (т.е. содержащих одну матку) и б) полигинных (две или более цариц). У некоторых полигинных муравьев одна или несколько фертильных самок, покинув материнское гнездо вместе с группой рабочих, строят новое гнездо. Этот процесс называется роением, или почкованием. В гнездах родов *Camponotus* и *Iridomyrmex* иногда живут несколько цариц, которые «не терпят» друг друга и занимают внутри муравейника отдельные территории. Такая ситуация называется олигогинией — в отличие от полигинии и моногинии (присутствия только одной плодущей самки). Самки видов, живущих маленькими колониями, спариваются только один раз, а у видов с крупными колониями их оплодотворяет несколько самцов (полиандрия). Самцы способны лишь к единственному в жизни спариванию. Для них это основное в жизни занятие.

Матриархат — это, по мнению большинства антропологов, самое яркое отличие общества муравьев от человеческого общества, где на протяжении многих тысячелетий господствует *патриархат*. В одном случае второстепенную роль выполняет мужчина, в другом — женщина. Однако муравьи обращаются со своими мужьями более жестоко, чем мужчины со своими женами. У муравьев с мужской особью, пригодной только разве что для размножения, можно сделать все что угодно: изгнать, лишить пищи и средств существования, нанести тяжкие телесные повреждения, четвертовать, съесть и просто убить. Здесь всем верховодят женщины, они же решают судьбу всего общества.

У всех видов муравьев новую колонию основывает молодая царица-мать, которая сразу же после спаривания теряет свои крылья, превращаясь из мобильного существа в оседлое. Для нее выстраивается специальное помещение в самом безопасном месте муравейника. На многие недели и месяцы она остается в добровольном заточении, откладывая яйца и воспроизводя потомство. Подобная функция — самая важная для муравьиного сообщества, поскольку они в отличие от людей или крупных животных живут

относительно недолго. Царица живет многие годы (18–20 лет у *Lasius* и *Formica*, менее 10 у *Solenopsis*), рабочие — намного меньше. Срок жизни самцов самый короткий — меньше года, считая от откладки яйца до брачного лета. Выше, чем у других животных, у муравьев и смертность. Вот почему многочисленное потомство — единственное либо главное условие их выживания.

Каждое утро сотни тысяч муравьев североафриканского вида *Cataglyphis bicolor* выползают из своего жилища в знойной Сахаре, чтобы разыскивать для колонии мертвых насекомых. Путь далек и опасен, большинство из них становятся добычей пауков и хищных птиц. Иногда они притаскивают на себе пищу, в 20 раз превышающую их собственный вес. В среднем эти муравьи живут одну неделю. Но жертва их сполна вознаграждается тем, что матка деловито и сосредоточенно трудится над распространением их генов. Жизнь — это смена поколений, и обеспечивается она всеми возможными средствами³⁷.

Во время кладки яиц царица никуда не может отлучаться, она даже не ест и все жизненную энергию отдает потомству. На кормление потомства идут даже ее крылья. Поскольку и в дальнейшем, после появления на свет муравьиных личинок, мать не охотится и не добывает корм для своих детенышей, колонии нужны многочисленные слуги, которые занимаются пищевым промыслом. На научном языке он именуется фуражированием (фуражировкой)³⁸. Фуражировка — дело опасное. Фуражиры всех муравьев, кроме бродячих, выходят на поиски пищи в одиночку и могут столкнуться с множеством хищников (прежде всего пауков и мух-ктырей), враждебно настроенных муравьев собственного и других видов, а также с неблагоприятными погодными условиями. Продолжительность жизни фуражира измеряется днями; это работа для самых старых рабочих, которым «все равно скоро умирать». Как и для брачного лета, у каждого вида муравьев есть четкий график фуражировки. Разные часы сбора пищи помогают свети к минимуму число конфликтов и оптимизировать разделение ресурсов между таксонами, занимающими одно и то же местообитание. Одиночные фуражиры расползаются от гнезда к источникам корма в пределах колонияльной территории. В зависимости от вида они просто движутся в знакомом направлении, следуют по подземным туннелям или по следу, оставленному феромонами на поверхности. В местах фуражировки они ориентируются по заученным зрительным стимулам³⁹.

Чтобы выжить, самка-основательница должна вырастить достаточное количество рабочих нужного размера, которые возьмут

на себя функции фуражировки, ухода за расплодом и расширения гнезда. Если кормильцев недостаточно, колония перестает быть самодостаточным сообществом и гибнет. Напротив, если их переизбыток, то колония избавляется от лишних ртов при помощи особого биологического механизма сокращения численности популяции. Муравьи-фуражеры лишены крыльев, так что удрать на сторону или убежать из колонии они не могут. Только что вылупившееся поколение юных муравьев немедленно приступает к общественно полезному труду. Никаких радостей детства в нашем понимании они не знают. Они разбегаются в разные стороны в поисках пищи для себя и своей матери. Иначе им и нельзя: поскольку в ряды рабочих муравьев попадают прежде всего или исключительно бесполое особи, не способные заниматься главным муравьиным делом — выращиванием потомства, им остается только одно — монотонный, но не обязательно изнурительный труд по добыванию средств существования. Хотя муравьям несвойственны развлечения, их жизнь не состоит исключительно из работы. Одновременно трудятся лишь немногие рабочие особи. Уровень общей активности колонии циклически колеблется, но даже в периоды ее пика многие муравьи чистятся, стоят на месте или слоняются без дела, ничем конкретным не занимаясь. Возможно, это отдыхающая смена.

Высокий статус царицы-матки не дает ей никаких привилегий в нашем понимании. По существу, в течение многих лет, а нередко эта цифра приближается к 15–18 годам, она остается машиной по кладке яиц. Никто и ничто не скрашивает ее однообразного воспроизводственного существования. Как и у людей, периодически взрослые дочери оставляют родительское гнездо и основывают новую колонию, которая быстро разрастается, разбивается на касты, и в ней продолжается заведенный веками традиционный образ жизни. Колония становится зрелой, когда в ней появляются дочерние репродуктивные касты.

Коммуникация. Никакое хорошо организованное общество не может функционировать без отлаженной системы коммуникации. В отличие от людей, каналы передачи информации во всех муравьиных сообществах — биохимические. Переносчиком сведений, необходимых для жизни социальных насекомых, являются феромоны — химические вещества, вырабатываемые экзокринными железами (или специальными клетками). Выделяясь во внешнюю среду одними особями, феромоны оказывают влияние на поведение других особей того же вида. Сегодня насчитывают 15 разновидностей подобных веществ.

Феромоны — разновидность особых сигнальных веществ. К феромонам относятся половые аттрактанты, вещества тревоги, сбора и т.д. Испуганный муравей предупреждает прочих членов колонии об опасности, выделяя феромон тревоги. Его улавливают остальные, начинается всеобщая суeta, правда, никогда, в отличие от людей, не переходящая в панику: каждый муравей или пчела знают, что им делать в экстремальной ситуации. Поднявший тревогу муравей может одновременно выделять ориентационный феромон, привлекающий к нему сородичей и тем самым помогающий им организовать оборону. Длинные цепочки муравьев, снующих взад-вперед между гнездом и источником пищи, идут по химическому следу, проложенному первыми нашедшими данный корм фуражирами и закрепленному их последователями. Когда еда кончается, фуражиры перестают выделять соответствующий феромон.

Феромоны играют исключительную роль в жизни насекомых: они регулируют состав колонии и специфическую деятельность ее членов. Работницы индийского вида *Herpengathos saltator* даже источают особый букет ароматов, который показывает их статус: муравьи высших рангов могут выделять редкие молекулы смеси углеводородов. Чем сложнее ароматический состав, тем больше преимуществ при откладывании яиц. Когда шествует такое душистое насекомое, низшие ранги отступают и сгибаются в поклоне. Ведут себя почти как приматы.

Таким образом, социальной меткой, при помощи которой в муравьином обществе различают особей разного ранга, проводят границы между высоко- и низкостатусными индивидами, служит химическое вещество. В крупных колониях статус завоевывается в нелегкой борьбе, цена за каждую новую ступеньку часто бывает слишком высокой, а претендентов на одну вакансию слишком много. Муравьиные виды, сохранившие сложную иерархию соподчинения, формируют клики — неформальные сообщества, состоящие из нескольких дюжин особей. У многих видов муравьев, в частности древесных, если матка производит слишком много самцов, бескорыстные, казалось бы, сестры-работницы организуют команду, которая штурмует камеры с личинками и убивает будущих самцов десятками и даже сотнями⁴⁰.

Состав феромона в каждой колонии очень специфичен, поскольку зависит не только от физиологии муравьиных особей, но и от состава пищи, которой они питаются. Уникальность феромона позволяет ему выступать идентификационной меткой. С ее помощью особи распознают представителей своего вида, отличают чужаков и немедленно объявляют тревогу либо распознают дорогу к дому.

Способность муравьев отличать членов собственной колонии от всех прочих насекомых — основа их общественной жизни. При встрече муравьи ощупывают (фактически — обнюхивают) друг друга своими антеннами, проводя безошибочную идентификацию. Муравья, пытающегося проникнуть в гнездо муравьев другого вида, хозяева немедленно убивают. Исход встречи с особями своего вида из других колоний варьирует от постепенного признания до смертельной схватки.

У людей, как мы знаем, идентификационными маркерами служат цвет кожи, строение тела, форма черепа, стиль одежды, язык и т.п. Ничего подобного муравьи не различают. Некоторые ученые считают, что они вообще глухие. Кроме того, у муравьев нет голоса.

Установлено, что муравьи общаются также с помощью осязания (тактильных стимулов), например при выпрашивании еды, и звуков. Существование зрительной коммуникации у них не обнаружено, хотя у многих муравьев глаза хорошо развиты и видят они прекрасно (рабочие особи некоторых видов слепы). Муравьи почти глухи к распространяющимся в воздухе звуковым волнам, однако весьма чувствительны к вибрациям твердых тел. Сами они вызывают такие колебания путем стридуляции, или постукивания. Стридуляция, т.е. генерирование звуков за счет трения друг о друга двух поверхностей, производится муравьем при неоднократном поднимании и опускании брюшка⁴¹.

Как выяснили новосибирские ученые Ж. Резникова и Б. Рябко, насекомые делятся друг с другом сведениями о направлении пути, о числе встреченных объектов, улавливают закономерности движения и упорядочивают информацию методом сжатия. Все это позволяет считать подобные контакты муравьев языковыми. Правда, «разговаривают» муравьи гораздо медленнее людей. Зато с обучением языку, похоже, все как у нас. Лингвистические способности не даются муравьям от рождения, а прививаются воспитанием в семье. Ни один из муравьев, изолированных с момента выхода из кокона, не проявил потом способностей к общению и совместным действиям с сородичами⁴².

Экспериментально установлено, что более 50% информационных посланий муравьи посылают и принимают при помощи а) феромонов и б) языка жестов⁴³.

Гармония, утопия, конфликты. В муравьином социуме некоторые авторы стремятся увидеть воплощение социальной утопии, недостижимое в человеческом мире. С их слов, в муравейнике якобы царят равенство, братство и справедливость: каждый вовремя накормлен и защищен, никто не обижен, все друг друга

любят, постоянно заботясь о слабых. Муравьиная царица не захватывает чужое имущество и не разоряет низшие касты, поэтому муравьи-рабочие не ходят толпами, выкрикивая «Долой царицу и ее клику!». Правда, смена правительства в муравейнике выглядит весьма жестоко: захворавшую царицу выбрасывают из уютных апартаментов. У социальных насекомых, как и при коммунизме, все общее: общее имущество, общие заботы, общая судьба и даже дети. Они не знают своих родителей, поскольку института родительства у социальных насекомых не существует. У одной царицы-матери от разных отцов вылупляется огромное количество отпрысков, которые являются достоянием всей муравьиной республики. И заботятся о них все без исключения. Правда, в отличие от человеческого общества дитя у семи нянек не остается без глаза: муравьиная молодежь вырастает здоровой, крепкой, трудолюбивой. Муравьи не перекадывают друг на друга свои обязанности, поскольку они пожизненно, на генетическом уровне, закреплены именно за ними. В муравейнике, как и в улье, все происходит по законам природы:

«У муравьев нет ни сотовой связи, ни компьютерных сетей, ни электричества, ни даже парового отопления. Нет у них ни министерств, ни ведомств, ни даже самой простенькой демократии. Наконец, они мелки, города их хрупки, и любой может шутя разрушить муравьиный мегаполис. Они никогда не создадут вакцин против своих муравьиных болезней, не слетают на Луну и не построят хотя бы игрушечный танк. Все это так. За универсальное совершенство своего маленького мира муравьи расплатились дорогой ценой. Но справедливое и гармоничное общество муравьев существует десятки миллионов лет, а наша цивилизация — чуть больше пятидесяти веков»⁴⁴.

Возможно, что эволюция муравьиного общества происходила в том же направлении, что и человечества — от неравенства к равенству, от автократии к демократии, от иерархии к сетевым структурам. Что тогда — правы певцы муравьиной утопии?

Социальные насекомые, считают ученые, в ходе эволюции утратили принцип иерархического построения колонии. Когда-то одна из самок в результате борьбы монополизировала кладку яиц. Но со временем она утратила преимущества, даваемые высоким рангом, у нее остались только обязанности класть яйца. Мы называем ее царицей, но она никем и ничем не управляет. Та же эволюция сформировала касту рабочих муравьев, которой было отведено в воспроизводстве последующих поколений. Архаическое разделение на ранги не устояло перед равенством всех особей,

диктуемым запрограммированным инстинктом благополучия всей семьи⁴⁵.

Тогда и вправду эволюционная линия развития муравьев — от организма к сверхорганизму. Сверхорганизм — удивительное явление, свойственное немногим видам так называемых социальных насекомых. В нем царит принудительный мир. Он завершил долгую эволюцию, прошедшую через множество внутренних конфликтов. Сегодня становится все яснее, как много сделала эволюция для социальных насекомых, преодолев поистине неразрешимые противоречия, некогда раздиравшие муравьиные коллективы.

Муравьиная эволюция сходна с человеческой и в другом — в движении от неразвитого разделения труда к развитому. Первоначально, считает знаток общества насекомых известный социобиолог Е. Уилсон⁴⁶, в муравейнике не было ни разделения труда, ни каст. Царица-матка и ее дочери выполняли весь круг работ по «дому» — от сбора пищи до заботы о потомстве. Однако позже появилось то и другое. Вначале произошло генетическое разделение на плодоносящих и бесплодных особей, затем — хозяйственное, а после этого — эволюционное на касты, выделенные не по экономическим, как у людей, а по морфологическим критериям.

Так ли уж безобидно на самом деле муравьиное царство? Так ли оно безоблачно, гармонично и радостно? Эволюция действительно достигла немало. Победили муравьиные демократии не разделенных на ранги. Колонии, освобожденные от ссор и междоусобиц, быстро разрастались. Возникли блуждающие виды, например так называемые армейские муравьи, обосновавшиеся в Америке. Они сотнями тысяч шествуют через леса, уничтожая всех, кто не может убежать с их дороги. А в раскаленных песках Сахары каждое утро сотни тысяч муравьев вида *Cataglyphis bicolor* выходят, чтобы собирать для колонии в качестве корма трупы мертвых насекомых. Одни муравьи убивают своих, другие питаются останками чужих, но то и другое — жертвы войны, а не мира. Так может быть на смену иерархии пришла не только демократия, но и социальный (социобиологический) хаос?

Мир муравьев чрезвычайно разнообразен. И не только в силу региональной специфики, заставляющей одних принимать гигантские, а других микроскопические размеры, одних быть рыжими, а других — черными, одним тесниться в переполненном мегаполисе, а другим уютно устраиваться почти в деревенской тиши и заниматься фермерским хозяйством. Существующие ныне муравьи, и в этом ученые правы, находятся на разных эволюционных фазах.

Начиная с середины 1960-х гг. энтомологи все внимательнее изучают внутреннюю жизнь муравьиного общества и выясняют о нем все новые подробности, которые не всегда укладываются в существующие стереотипы. Действительно, в ряде случаев муравейник устроен на удивление гармонично, и миллионы маленьких граждан взаимодействуют как некий сверхорганизм. Но часто сообщество раздирают внутренние противоречия и конфликты. Взаимоотношения между муравьями одного вида, не говоря о еще более сложных межвидовых взаимоотношениях, не так просты и гармоничны, как это может показаться на первый взгляд. В этом мире обнаружены конфликты, соперничество, убийства, поедания, калечение, некормление, паразитирование, рабовладение и множество иных пороков, которые, как считалось прежде, принадлежат лишь человеческому обществу⁴⁷.

Классическое государство муравьев, с давних времен служившее для человека образцом совершенства, в действительности не перестает испытывать сильное внутреннее напряжение. Муравьиные сообщества волнуют не только постоянные конфликты с воспроизводством молодняка. Более сложная проблема встает из-за близкого родства всех членов сообщества: когда родственные гены господствуют в такой монокультуре, есть все условия для внедрения в колонию паразитов.

Оказалось, что «в муравейнике, где все муравьи — сестры и братья, разводятся тысячи тунейдцев. Когда муравьиная колония переезжает на новую квартиру, сторонний наблюдатель сможет вволю посмеяться: помимо собственных личинок и куколок работницы ташат целый зоопарк клещей, тараканов, пауков, чешуйниц, жуков и мух, которые выдают себя за друзей муравейника и кормятся от него. Жук атемелес... располагает целым арсеналом желез, благодаря которым он легко подделывает запах своих кормильцев; большего не требуется. Муравьи сами заносят дармоеда в святая святых — инкубатор, где вызревают личинки колонии. Здесь наглец обустроивается с комфортом: отдыхает, чистится и кормится — пожирает личинки»⁴⁸.

Первой причиной дисгармонии служит несходство генетических программ, по которым построены базовые касты в муравейнике. Одни особи могут откладывать яйца, другие лишены детородных функций, хотя по половому признаку они относятся к женским особям. Стало быть, желание продолжать род у них сохранилось, но оно заблокировано. Как следствие, между двумя одинаково мощными биологическими программами — коллективно-запретительной и индивидуально-разрешительной — возникает

противоречие, затем — напряжение, и в конечном итоге оно проявляется в протестном поведении. В колониях, где матка не обладает монополией на яйцекладку, царит хаос, идут непрерывные стычки из-за прав на продолжение рода. Муравьи затрачивают на соперничество больше времени, чем на работу. А когда кладка завершена, некоторые стремятся сожрать яйца соперников⁴⁹.

Дело доходит до брато-, сестро- и матереубийства. Самцы муравьев родственны с самками всего лишь на 25%, у них нет отцов, поскольку появляются самцы из неоплодотворенных яиц. Случается, что матка производит слишком много братьев, и тогда самоотверженные сестры убивают сотню-другую мужских личинок. Богатые белком личинки вскармливаются женским отпрыском. Но гибель мужских личинок — утрата для царицы-матери, которая, во-первых, состоит в одинаковом родстве как с дочерьми, так и с сыновьями, во-вторых, лишается продолжателей рода, которые однажды оплодотворят молодую матку другого государства и станут основателями родственной колонии.

Американские исследователи, обобщив многочисленные факты о конфликтах в мире муравьев, пришли даже к выводу, будто не гармония, а противоречия и столкновения — основной мотив эволюции данного вида⁵⁰. Появились два новых понятия — *intergenomic conflict* и *intragenomic conflict*. Первое характеризует межвидовой конфликт — борьбу разных видов и колоний муравьев, второе — внутривидовой конфликт, или столкновение между кастами, представляющими социальную структуру муравьиной колонии. Однако вскоре и этого оказалось мало. Обнаружился новый тип конфликта — генетический⁵¹. Казавшийся некогда простым и гармоничным муравьиный организм оказался куда более сложным и противоречивым. Его биологическая программа состоит из разных генетических подпрограмм, которые, развиваясь по-разному, вызывают разрыв репродуктивных функций. Митохондрия передается исключительно по материнской линии, в то время как ядерные гены (*nuclear genes*) в равной мере наследуются мужскими и женскими особями⁵².

Лучшее средство преодолеть генетический конфликт — спаривание царицы-матки со многими самцами. В результате генетического перемешивания обогащается наследственный генофонд вида и все члены колонии приобретают одинаковую степень родства. Так поступают, в частности, муравьи-листорезы, создавшие самые высокоразвитые на Земле сообщества насекомых. Специалисты называют это «генетической гармонизацией». Правда, есть риск, что развитие семьи примет опасное направление. Чем больше число разных отцов у рабочих сестер, тем тоньше между ними

родственные связи. Через несколько поколений может вернуться древний принцип: рабочие муравьи станут снова сами производить потомство.

Впрочем, войны у муравьев случаются куда реже, чем может себе представить человек, поскольку они соблюдают границы своих владений и снисходительно относятся к добычкам, забредшим на их территорию. В отличие от людей во время войн муравьи не жгут чужих домов, не разбивают муравьям головы об угол и не насилуют молодых самок.

Поскольку разные виды муравьев находятся не на одинаковых эволюционных стадиях, у них господствуют различные формы социального устройства. В тропиках обнаружили маленькие колонии, где происходят постоянные распри. У них сохранились обычаи, свойственные ранним стадиям эволюции. Так, например, у подвида *Ponerinen* рабочие сестры против обыкновения откладывают яйца. Между ними часто возникают единоборства в стремлении решить спор: кто больше отложит яиц в общую камеру для выращивания. Схватки за жизненное пространство неизбежны там, где царица не добила монополии на кладку яиц. Часто проходит неделя, пока в мятежном муравейнике не установится покой. Конфликты порой занимают больше времени, чем работа. Так было и в давние эпохи муравьиной эволюции. Эти древнейшие муравьи все еще живут при многоступенчатой иерархии.

Другие виды в ходе эволюции отказались от иерархии⁵³. Когда-то они делегировали для кладки яиц матку, которая только считается главной царицей, но фактически ничего не решает. А каста работниц отказалась от продолжения рода и тем самым от соперничества в пользу своих плодовитых сестер. У них сильнее развиты демократические начала, и они каким-то образом достигают согласия между морфологически различными кастами внутри сообщества. Инстинкт равноправных существ запрограммирован на всеобщее благо. И это сразу принесло необычайный успех: в муравейники вернулись спокойствие и рабочая дисциплина. Колонии, свободные от внутренних распрей, вырастают до колоссальных размеров. Муравьи-солдаты миллионными колоннами патрулируют окрестности империи и уничтожают все, что не пускается наутек⁵⁴.

Вряд ли правы те, кто утверждает, будто история муравьев — это история борьбы за выживание. В таком случае и человеческая история — непрекращающаяся война. На самом деле генезис социальных насекомых, равно как генезис и история человеческого общества, знали самые разные периоды, как мирные, так и немирные. Да и сами сообщества неоднородны по составу. Не только у

насекомых, но и у людей разные страны находятся на различных исторических и эволюционных ступенях: кто-то живет при родовом строе или феодализме, а иные шагнули в технотронную эпоху. Отсюда разные интересы, ценности и идеалы, разные традиции и методы борьбы, разное представление о справедливости передела геополитической карты мира.

Таким образом, внешнее сходство человеческого общества и муравьиного социума весьма обманчиво. Г. Спенсер предостерегал от подобного отождествления, указывая, что в отличие от человеческой общины совокупность обитателей любого муравейника, термитника, пчелиного роя — это всегда *дети одной и той же матери*, т.е. независимо от своих размеров сообщества общественных насекомых представляют собой не что иное, как *однуединственную семью*. Поэтому даже *рода* как такового у них нет.

Гармония часто достигается очень дорогой ценой — за счет подавления индивидуальных интересов и разнообразия. Некоторые авторы полагают, что муравейник напоминает не современное плюралистическое общество, а тоталитарное государство или фашистский строй, где все одето в униформу и осуществляется по единому стандарту. По мнению Б. Холлдоблера, у многих видов разделение обязанностей в колонии зашло так далеко, что муравьи на всю жизнь генетически заключены в рамки той «специальности», которую они получают, еще не увидев солнечного света. Такая колония живет как единый сверхорганизм, из него никто не может убежать или поменять в нем свое положение⁵⁵.

Если муравейник и напоминает человеческое общество, то это общество закрытого статуса с жесткой системой предписанных статусов: если родился рабочим, то останешься им на всю жизнь, если родился солдатом, будешь только солдатом. Строгая иерархия, жесткая специализация, отсутствие социальной мобильности, свободы действий, неподвижная социальная структура и инстинктивный автоматизм поведения — характерные черты муравьиного общежития. Здесь отсутствует семья как основная ячейка общества, нет приватного пространства и личной жизни, отношения между поколениями, радости наслаждения дружескими чувствами и интимными отношениями. Зато внешне муравейник — социально отлаженная и высокостабильная общественная система.

Виды хозяйственной деятельности. Природа, утверждая современные биологи, рассматривает организмы как соревнующиеся хозяйственные предприятия. Выживает в конкурентной борьбе тот

вид, который сможет обеспечить свою царицу наилучшей пищей, а та — родить более здоровое потомство. Иными словами, кто больше преуспел в освоении природных ресурсов, их добыче и переработке.

У многих муравьев в ходе эволюции сформировались формы поведения, очень похожие внешне на некоторые занятия цивилизованного человека: садоводство и огородничество, ремесла, скотоводство, занятие сельским хозяйством, рабовладение, захватническая деятельность.

«*Огородничество*» и «*садовничество*». В тропической Америке огромные полчища муравьев-листорезов («огородников») совершенно обнажают деревья. Они питаются определенным грибом, который они выращивают в подземных «оранжереях» и удобряют листвой. Это высокоэффективное хозяйство обслуживается специализированным персоналом, разбитым на «бригады»: одни муравьи обирают листья и измельчают их; другие тянут частички листьев домой в сопровождении эскорта огромных солдат с мощными челюстями, способными прокусить кожу человека или животного. Внутри муравейника также существует разделение труда: крупные муравьи крошат крупные кусочки, более мелким остаются кусочки помельче. Самые маленькие муравьи-садовники, три сотни которых весят столько же, сколько один солдат, суетятся в губкоподобных тканях гриба, распределяют пережеванную листву и уничтожают паразитов. Измельченные листья скатываются в комки, которые складываются в разных частях жилища. С комков муравьи удаляют виды плесеней и бактерий, а затем из плесневого грибка *Rhizites* закладывают «грибной сад». В некоторых лесах американского континента, как подсчитали эксперты, до 20% листвы уходит в подземные муравьиные лабиринты. Грибные плантации к тому же производят полезные антибиотики, благодаря которым колонии защищены от опасных паразитов. Неперевариваемую целлюлозу листвы гриб превращает в сахар — неисчерпаемый источник пищи для муравьев⁵⁶.

Муравьи-листорезы могут оставаться в одном гнезде лет десять — это огромное сооружение, достигающее в глубину и ширину 6 м и требующее значительных усилий по уходу и ремонту.

«*Скотоводство*». Муравьи из подсемейств *Formicinae*, *Myrmicinae* и *Dolichoderinae* «разводят домашний скот»: тлей, черевцов, листоблошек, цикад и гусениц. Они заботятся о подопечных, оберегают их многочисленный приплод от житейских невзгод, а в ка-

честве благодарности получают сладкое «молоко» — переработанный насекомыми сок растений. Кочевые муравьи-«скотоводы», переселяясь сами, перегоняют на новые «пастбища» и «стада» тлей. При этом, как считается, поедают часть своих тлей.

Муравьями-«скотоводами» называют также садовых или бурых муравьев-лазиусов. Чаше других видов они содержат в своих жилищах тлей, которых нередко окружают глиняными стенками-«стойлами». Они «доят» и тлей, живущих на ближайших к муравейнику растениях. Тли выделяют капельки сладкой жидкости после того, как муравьи усиками пощекочут им брюшко. Эта жидкость (экскременты тлей) служит им пищей.

Дерево, усыпанное тлей, превращается в своеобразное пастбище. Под его корнями, глубоко в почве находится дом пастухов — муравейник. Обычно он появляется уже под двух-трехлетним деревцем. Улетая закладывать новую семью, крылатая муравьица тащит в челюстях самку тли с яйцами. А весной, с появлением первых листиков, «пастухи» рассаживают юных самок по побегам. Первое время «пастухи» помогают тле: охраняют, растаскивают по новым веточкам. А фуражиры, снующие по стволу, ее доят. «Породистая» тля эффективно концентрирует сок дерева, испаря лишнюю воду и оставляя сахар — получается своего рода медогонный аппарат, — а излишки «сиропа» выделяет для «хозяев». Позже тля настолько размножается, что начинает давать не только «молоко», но и «мясо». В результате, как и у людей, формируется полный цикл мясо-молочного животноводства.

Ученые отмечают: все муравьи-рабочие, занимающиеся сельским хозяйством, полностью потеряли способность к воспроизводству потомства, у них даже не развиваются нужные органы. Такова плата за высокую специализацию. Не занимаются муравьи, пожалуй, только земледелием с применением плуга и тягловой силы животных.

«Ремесленничество». Некоторые виды занимаются «ремесленным» промыслом: в пустыне обитают муравьи-«жнецы», в полях — муравьи-медоносы, в лесах — муравьи-«ткачи»⁵⁷. Муравьи-«портные» (ткачи) строят гнезда из листьев, соединенных шелковыми волокнами, причем из «сшитых» таким образом зеленых листьев и стебельков делается каркас, а некоторые стены и галереи целиком шелковые. Источник нитей — личинки с крупными прядильными железами. Муравьи-«ткачи» — самые многочисленные общественные насекомые Старого Света: колония может объединять более 500 тыс. особей⁵⁸.

Грабительство. Из 15 тыс. видов муравьев варварским ограблением чужих жилищ живут около 300. Среди них — бродячие муравьи. У них два отличительных признака: постоянная мобильность и быстрая мобилизация. Как следует из названия, этот вид муравьев не знает оседлости. Время от времени, а некоторые виды регулярно перемещаются на новое место обитания, когда на старом оскудевает добыча. Это массовое событие, затрагивающее тысячи и миллионы муравьев. Американские и африканские бродячие муравьи — хищники, массами выходящие на охоту и проводящие жизнь в дороге с недолгими привалами. Колонии некоторых их видов огромны, а последствия набегов часто катастрофические. Обитают бродячие муравьи главным образом в тропиках. Самые боеспособные колонны африканских завоевателей достигают 22 млн особей. Муравьи крупные, с мощными режущими жвалами, способными убивать даже мелких позвоночных. Скорость движения в походном порядке — около 20 м/ч. Кочевка длится несколько дней, стоянка — от недели до 3 месяцев. Взрослые муравьи постоянно носят весь скарб семьи на себе. Так поступали первобытные охотники и собиратели до того, как перешли на оседлый образ жизни⁵⁹.

У американских муравьев *Eciton* оседлая и кочевая фазы циклично чередуются: каждая длится две-три недели. Мигрируя, эти муравьи движутся в светлое время суток. В час колонна проходит 100–300 м. Она состоит из авангарда шириной 10–15 м и сужающегося арьергарда, который растягивается на 45 м. Солдаты концентрируются на периферии колонны, а более мелкие рабочие — в ее внутренней части. Первые охраняют сородичей, а вторые несут в жвалах расплод, ловят и перетаскивают добычу, выбирают место для привала. Пищу составляют беспозвоночные; эти муравьи могут убивать рептилий и гнездящихся на земле птиц. Ночью колонна останавливается. От 150 тыс. до 700 тыс. рабочих сцепляются коготками на лапках, образуя живое гнездо, которое растет слой за слоем, как снежный ком, превращаясь в цилиндрическую или яйцевидную массу диаметром до одного метра⁶⁰.

Отличительная черта бродячих муравьев — умение вмиг мобилизоваться для сокрушительного набега. Чтобы одолеть противника, требуется точно скоординированное нападение сотен, а то и тысяч муравьев. Эти навыки организованных нападений оборачиваются и против оседлого муравья. Тактические приемы бродячих муравьев разнообразны. Одни охотятся исключительно ночью и высылают из гнезда только ударную колонну. Другие —

к примеру, те же *Eciton*, наводящие ужас даже на млекопитающих и людей, — охотятся днем и наступают всепожирающим многометровым фронтом⁶¹. Чтобы захватить чужой муравейник врасплох, бродячим муравьям нужно нападать как можно более неожиданно, уметь быстро собраться в походную колонну, а затем развернуться наступающим фронтом.

Позывным к военному сбору служит распыляемый в воздухе особый феромон. Муравей-разведчик, натолкнувшись на крупную добычу, немедленно мчится к стоянке, оставляя за собой пахучую дорожку. След разведчика становится сигналом к мобилизации — и тысячи муравьев включатся в армию. Муравьи, оставшиеся в результате химической мобилизации не у дел, образуют резерв, который собирается на месте грабежа, готовый оказать транспортные услуги и перенести богатые трофеи. Их называют мародерами.

«**Рабовладение**». Некоторые виды муравьев специализируются на эксплуатации чужого труда. Для муравьев-амазонок (*Polyergus*) рабовладение — единственный способ существования. Они не могут есть самостоятельно: «рабы» кормят их изо рта в рот. Ни строить, ни собирать корм они не могут. Единственная их работа — нападать на гнезда муравьев других видов и уводить их в рабство. Рабы кормят и чистят хозяев, выращивают их приплод и строят для них гнездо — по образу и подобию собственного. В простейшей форме рабовладение — побочный результат территориальных конфликтов или набегов на мелкие колонии в поисках корма. Мертвые и раненые соперники съедаются победителями, а уцелевшие рабочие и приплод могут быть «угнаны в рабство»: остаток своей жизни они будут обслуживать гнездо хозяев.

Эти крупные муравьи — прирожденные воины, отлично знающие свое дело «десантники», вооруженные мощными жвалами. Отправляясь в набег в чужой муравейник, амазонки движутся большими и стройными колоннами, впереди и по сторонам которых идут «разведчики». На подходе к чужому муравейнику высыпаются «передовые отряды», и когда они возвращаются, колонна начинает атаку⁶². Нападение всегда происходит стремительно. Прокусывая своими длинными челюстями головы врагов, они врываются в муравейник и похищают куколок. Обычно они нападают в жаркие часы дня, когда куколки находятся в самых верхних этажах муравейника. Отряд, возвращающийся назад из удачного набега, узнать нетрудно: муравьи несут в челюстях добычу — куколок, своих будущих «рабов»⁶³.

«Рабовладельцы» обитают в разных уголках планеты, в том числе в черноземной полосе России, на Кавказе и во многих странах Европы.

4.6. Лестница социальной эволюции

Человеческое общество является *результатом* эволюции природы, а не просто одной из ее составных частей. А результат, как известно, может иметь совсем иную сущность, нежели процесс, породивший его. И поскольку общество *выделилось* из природы, постольку оно действительно в известном смысле *противостоит* ей. Так что выражение «социальные животные», относимое к муравьям и пчелам, остается скорее метафорой, нежели строгим научным понятием. Поведение муравья *генетически запрограммировано* на выполнение определенного комплекса видов деятельности. В отличие от членов человеческого общества, каждое из этих насекомых просто не в состоянии переключиться на другие, неизвестные им прежде или просто принципиально новые виды деятельности. Биологически (на генетическом уровне) запрограммировано у насекомых и *сотрудничество*: помогая друг другу транспортировать тяжелый предмет, муравьи действуют инстинктивно⁶⁴. В социологическом же смысле они не взаимодействуют. Социальное взаимодействие (или, как его называют по англоязычной кальке, — *интеракция*) возможно только там, где есть мыслящие⁶⁵ индивиды, обладающие осознанными намерениями, целями, потребностями и интересами, при этом оно всегда носит в гораздо большей степени *стохастический*, нежели жестко детерминированный характер.

Тем не менее можно утверждать, что элементы (или зачатки) социальной организации существуют уже у общественных насекомых — пчел, муравьев, термитов: они живут коллективно, у них наблюдаются разделение труда, оборона территории, контроль порядка, сложившаяся система отношений, есть определенная «социальная иерархия» (рабочие, воины, няньки). В то же время имеются веские основания считать, что у животных нет *социализации*.

Поведение простейших животных, ведущих коллективный образ жизни (причем каждая отдельная особь такой коллективности — это именно простейшее животное), хотя и бывает иногда внешне похоже на человеческое, но происходит сплошь и рядом чисто *инстинктивно*. Инстинкты — это биологические програм-

мы действия, которые являются врожденными и передаются генетически. Инстинкт предполагает направленное, линейное, жестко предписанное поведение (без вариантов); любое отклонение от следования инстинкту нередко грозит смертью.

Роль инстинктов снижается по мере эволюции. Если поведение червей и моллюсков на 100% инстинктивное, то у рыб имеются зачатки разума, а поведение млекопитающих уже в значительной степени разумно. Высшую ступеньку эволюции занимает человек, у которого роль инстинктов минимальна.

Совокупность животных организмов образует естественную *иерархию*. Все их многообразие можно расположить на своеобразной лестнице видов — от самых простых до самых сложных. Чем сложнее организм, тем дольше приходится ему обучаться для эффективного приспособления к окружающей среде. Насекомые в отличие от людей рождаются уже практически взрослыми, т.е. готовыми нормально функционировать в своей экологической нише. Высшим организмам приходится труднее. Природа (точнее, эволюция) позаботилась о том, чтобы выделить специальный период времени, в течение которого новорожденный обучается и приспособливается к взрослому миру своего биологического вида, чтобы овладеть хотя бы минимальными навыками выживания. Этот период называется *детством*. У птиц он длится один сезон, у тигров, слонов и обезьян — несколько лет. Чем выше по лестнице видов, тем продолжительнее период адаптации.

Если бы мы попытались построить возникающую в ходе эволюции иерархию живых существ от низших — насекомых, до высших — человека, то получили бы диаграмму, изображенную на рис. 15. На ней по оси Y будет возрастать сложность организации психики живых существ; по оси X — плотность инстинктов и степень их влияния на поведение живого существа.

Закономерность здесь такова: чем примитивнее существо, тем большую роль в его поведении играют инстинкты. У насекомых поведение практически на 100% инстинктивно. У слонов, волков уже меньше инстинктов и больше приобретенного поведения, которое передается родителями. Поведение обезьян в еще меньшей степени определяется инстинктами. У человека, по мнению некоторых исследователей, поведение более чем на 80% — *социально приобретаемое*. Чем больше инстинктов, тем меньше роль родителей. У насекомых функцию родителей выполняет, по сути, сама природа (врожденные программы поведения). Соответственно, чем меньше инстинктов, тем выше роль и ответственность родителей.

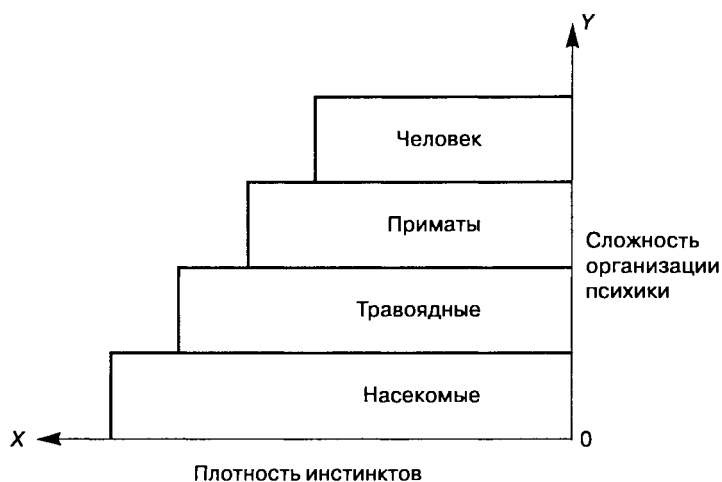

Рис. 15. Чем примитивнее живое существо, тем сильнее на его поведение влияют инстинкты

Такова общеэволюционная закономерность, выстроенная средствами строгой научной теории. В последнее время исследователи вносят в нее определенные уточнения и поправки. К примеру, немало загадок продолжают поставлять на научную кухню одни из древнейших обитателей планеты — муравьи и пчелы.

Следующее звено после общественных насекомых в эволюционной цепочке биологических форм совместной жизни представлено высшими животными. К ним относятся и ранние люди или, как их еще называют, предлюди.

Вот ведь какой парадокс: самые организованные и сознательные существа — люди — начинали свою эволюцию как совершенно безмозглые (в буквальном смысле слова) и хаотичные существа. Тот далекий период называют первобытным человеческим стадом. Напротив, муравьи как начали свой путь коллективно организованными существами, так и закончили его. Вернее сказать, где начали, там и закончили, ибо за 65 млн лет они не проделали и сотой доли того эволюционного пути, какой за 5 млн лет совершил человек — в противоречиях, отступлениях, революционных скачках вперед и головокружительных падениях.

Для низших организмов характерна максимальная зависимость от среды: малейшие колебания температуры способны уничтожить целый вид. Чем выше эволюционная ступенька и сложнее орга-

низм, тем он меньше зависит от изменений, в том числе катастрофических, среды. На вершине пирамиды стоит *Homo sapiens*. Эволюционный процесс увеличения приспособительных возможностей по мере усложнения организма и относительной независимости от колебаний среды называется *автономизацией онтогенеза*⁶⁶. Автономизация у животных означает, что по достижении физиологической зрелости они приспособлены к обособленному существованию и могут самостоятельно добывать себе пропитание. Взрослые особи обеспечены необходимыми поведенческими программами, в том числе программой размножения.

Согласно закону де Бера на ранних фазах индивидуального развития животные более сходны между собой, чем на поздних. Изменения в развитии организма, установившиеся на ранней стадии, влияют на все последующие. Чем дальше эволюционирует организм — индивидуальный или общественный, человека или животного, — тем больше отклонений от первоначального образца. На более ранней стадии развития, которой предшествует меньше стадий, этих уклоняющих влияний меньше. Отсюда следует, что взрослые формы различных животных должны сильнее отличаться друг от друга.

4.7. Общество животных и людей: эволюционный момент

Термин «общество» в широком историко-эволюционном смысле применим не только по отношению к людям, но и по отношению к социальным животным, в первую очередь социальным насекомым⁶⁷.

Современное человеческое общество намного сложнее, чем любое общество, когда-либо существовавшее в мире животных. Тем не менее в течение последних 100 тыс. лет, когда впервые появился *Homo sapiens sapiens*, человек современного анатомического вида, он существовал в рамках небольших обществ собирателей и охотников. По своему устройству и организации они были даже проще тех, которые подобно осколкам старины существуют в джунглях Амазонки, в пустыне Сахара или в лесах Новой Гвинеи у примитивных племен, также занимающихся охотой и собирательством. Первобытные общества, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, связанных между собой кровными и территориально-политическими узами, представляли собой более высокий уровень развития, чем обще-

ства социальных насекомых, состоящие порой из нескольких миллионов особей. Их можно назвать племенами, в которые объединилось несколько локальных групп (*bands*).

Племенная форма социальной организации древних людей поддерживалась благодаря местному патриотизму (ощущению своей принадлежности к племени), постоянно поддерживаемым и укрепляемым традициям и неформальным институтам (называемым еще социальными практиками), благодаря которым в первобытном обществе происходили процессы распределения земли, работы и продуктов, дарообмен, участие в общественном строительстве (например, сооружении гидромелиорации), коллективных ритуалах и принятии управленческих решений.

Приблизительно 10 тыс. лет назад произошла так называемая неолитическая революция, связанная с domestikацией растений и животных, а вслед затем с переходом к земледелию. Аграрные общества стали большими по размерам территории и численности населения. Они стали намного сложнее в управлении, а скорость возрастания организационной сложности общественного устройства теперь уже намного опережала ту, которая была присуща первобытному сообществу эпохи плейстоцена, когда социальным поведением человека руководили биологические инстинкты.

Примерно 5 тыс. лет назад произошла новая глобальная революция, связанная с появлением на планете первых государств. Государство — это одна из крупнейших социополитических инноваций человечества, которая привела к еще большему углублению общественного разделения труда, кооперации и координации действий людей. На несколько порядков усложнилась и возросла в объеме социальная иерархия, основанная на неравенстве и подчинении. Хотя в зачаточном виде она встречается у социальных насекомых и социальных животных, только люди умудрились превратить ее в мощный общественный институт, имеющий не только самодовлеющую, но и законную силу.

Переход от плоской социальной пирамиды к высокой означает всегда умножение уровней управления и расширение количества горизонтальных связей в обществе, его сегментацию. Но чем больше уровней управления, тем сложнее регулировать сектора общества и большие массы населения. Формируется достаточно сложная система стратификации с кастовой или сословной системой в основании, растет степень неравенства, появляются опосредованные функции управления населением. Государство осуществляет более сильное принуждение, стараясь сделать общество более управляемым. Между обществом, т.е. массой рядовых граждан, и государством,

а именно аппаратом управления, возникают неизвестные ранее явления — отчуждение, противоречие, напряжение, конфликт.

С появлением на исторической сцене важнейшей политической инновации человеческого разума — государства — именно оно, а не биология или культура, становится локомотивом прогресса общества.

Общество, приобретшее государственную форму устройства, отгораживается от людей стеной социальных институтов, в зазорах между которыми, а также в промежутке между государством и обществом возникает множество неформальных образований. Это некие социальные ниши, которые люди плотно заполняют личными и межличностными отношениями, привязанностью, симпатиями, дружбой и т.д. Иными словами, той социальной материей, которая оказалась уничтоженной или вытесненной на периферию общественной жизни крупными бюрократическими структурами, корпорациями, институтами. В этих нишах, как в тихих заводах, люди отдыхают, приходят в себя, строят интимные связи и доверительные отношения. Немецкий социолог Ф. Теннис назвал такое размежевание конфликтом между обществом (читай государством) и общиной — малой человеческой общностью, построенной на доверительно-личных взаимодействиях.

Социальная эволюция человеческого рода достигла такой высокой стадии, когда индивиду приходится обучаться умению выживать не в дикой природе, с которой боролся дикарь, а в социальной среде, которая предстала перед его взором еще худшими джунглями, где выживает сильнейший, где происходит постоянный социальный отбор, где одни группы и расы воюют с другими. Человечество создало вторую природу, но оказалась ли она лучше первой?

Социальные институты могли появиться только на исторической стадии эволюции человеческого общества и лишь в крупнонаселенных общностях. Их главное предназначение — регулировать отношения между людьми, не являющимися кровными родственниками. В примитивных обществах — локальных группах, племенах, вождествах — все люди были близкими или дальними родственниками. Здесь не было институтов в нашем понимании, которые улаживают взаимоотношения между людьми на основе формальных правил, созданных не узкой группой родственников, а всем многочисленным населением (либо его полномочными представителями). Формальные правила и юридические законы — это неродственные или квазиродственные нормы.

Преимущества коллективной организации жизни древний человек почувствовал на самых ранних этапах эволюции: накопление и превращение личного опыта отдельных членов сообщества в традицию, передаваемую от поколения к поколению. Среди основных преимуществ группового образа жизни И.А. Шилов указывает следующие: повышение эффективности активной обороны, более экономный тип энергозатрат (метаболический «эффект группы»), возможность передачи опыта взрослых особей молодым через подражание и прямое обучение и т.п.⁶⁸ Г. Ферстер⁶⁹ считает «основным признаком живых существ их способность образовывать коалиции», называя так организацию элементов, которые при объединении способны совершить то, чего каждый из них в отдельности никогда не смог бы достичь.

В процессе антропогенеза человек достаточно рано начал развиваться вопреки биологическим законам. Согласно последним внутри группы и между группами должна идти постоянная борьба и отбор сильнейших. Для выживания рода и его успеха в межвидовой конкуренции крайне вредно оставлять в живых больных, старых и инвалидов. Но именно это с нарастающей скоростью происходило в человеческом обществе. Складывается впечатление, что история человечества — это в конечном счете совершенствование системы социальной помощи и защиты. Максимум филантропия достигла в западных постиндустриальных странах, где уровень цивилизованности измеряется уходом и выживаемостью стариков, больных и инвалидов. Как ни странно (странно с биологической точки зрения), человечество лишь возмужало и окрепло, защищая старых, больных и беспомощных. Они, оказывается, нужны человечеству не меньше, а то и больше ради культурного прогресса. Сострадание к сирым и убогим, бедным и беззащитным, во-первых, как ничто другое формирует этические принципы — основу культурных завоеваний человечества, во-вторых, позволяет молодым надеяться, что и им в старости будет оказана достойная помощь. А это базис позитивной мотивации и основа социального самочувствия в обществе.

Социальная эволюция ведет не только к увеличению разнообразия индивидов и дифференциации членов одной группы, но и к закреплению способов групповой защиты. Групповой образ жизни способствует накоплению опыта совместной защиты, который при непрерывной смене поколений и поддержании минимально допустимой численности группы становится традицией, закрепляемой даже генетически⁷⁰. А это означает непрерывную эволюцию форм социальной организации людей.

Глава 5. ПРЕДЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СТАДО

Человеческое общество не появилось сразу. Ему предшествовал длительный период превращения из стада человекообразных обезьян — эпоха праобщества. Основной формой организации в этот период была праобщина, называемая также часто первобытным человеческим стадом. Оно прошло несколько ступеней эволюции, имело несколько исторических форм, точные контуры которых еще не до конца понятны ученым. Поскольку на этой фазе предюди (в науке их называют гоминидами¹) мало чем отличались от животных или, скажем так, лишь начинали отличаться от них, вполне логично их именовать социальными животными.

5.1. Анонимная сплоченность

Многие социологи полагают, что изначальной формой социального объединения является семья, а уже из нее в процессе эволюции развились другие формы сообществ, какие мы встречаем у высших животных. Это может быть верно, но лишь для общественных насекомых, а возможно, и для некоторых млекопитающих, включая приматов и человека. Однако в общеэволюционном смысле такое утверждение, считает К. Лоренц², нельзя считать верным. Самая первая форма сообщества — анонимное скопление, типичный пример которого дают рыбы в Мировом океане.

Анонимную стаю известный этнолог К. Лоренц³ считает самой распространенной и примитивной формой сообщества. Ее обнаруживают у многих беспозвоночных, насекомых и высших животных. Громадные анонимные стаи встречаются у рыб, птиц и многих млекопитающих. Стаями называют охотничьи сообщества волков (и других хищников). Даже люди при определенных условиях (их иногда называют экстремальными) могут впасть в состояние анонимной стаи, например при панике. Некоторые рыбы в

случае опасности собираются в такую плотную массу, что она выглядит как одна громадная рыба.

Размеры стаи различаются как у разных видов животных, так и у одного вида в разное время: в разных косяках, почти не отличающихся друг от друга, постоянно может находиться и 20, и 100 животных. Численность косяка меняется в зависимости от внешних условий — нормальных или экстремальных, а также от времени года. Волки (*Lupus canes*), обитающие в Северной Канаде, летом в одиночку охотятся на миниатюрных полевок, а зимой объединяются в стаи от 5 до 40 особей, охотясь на оленей карибу.

По расчетам В.М. Алексеева⁴, на протяжении длительного времени — от питекантропов до неантропов могли существовать высокоорганизованные группы предлюдей до 500 особей. Меньшая численность неэффективна в условиях стадной охоты, большую не выдержит экологическая ниша, в которой обитали древнейшие люди: ограниченные источники доступной пищи, жесткая межвидовая конкуренция, условия ледниковой эпохи.

Термином «стая» нельзя обозначать случайное скопление особей одного и того же вида, собравшихся по поводу какого-либо события, скажем, множество мух или коршунов, нависших над падалью. Понятие стаи К. Лоренц определяют тем, что отдельные особи некоторого вида реагируют друг на друга сближением, а значит, их удерживают вместе какие-то поведенческие акты, поэтому для стаи характерно то обстоятельство, что множество существ, тесно сомкнувшись, движутся в одном направлении. В известном смысле такое поведение можно считать сплоченностью. Но, разумеется, в ином, чем у людей, смысле. Самое главное в примитивной сплоченности то, что она формируется между *анонимными* особями, лишенными признаков индивидуальности. Об этом мы говорили в связи с социальными насекомыми.

Стая и стадо — два этимологически очень близких состояния, которые характеризуют социальных животных, а на ранних стадиях — и человека (точнее сказать, предлюдей).

Внутри такого скопления нет ничего похожего на структуру: никаких вожаков и никаких ведомых — лишь громадная масса одинаковых элементов. Стая и стадо лишены иерархии, кастовой структуры, разделения труда, которые характеризуют социальных насекомых — муравьев, термитов и пчел.

Когда стадное существо устремляется к себе подобным, часто теряя всякое чувство меры, а потому следует за муляжом, вступает с ним в единоборство, заигрывает и т.п., то можно считать подобную форму сплоченности *анонимной* и *инстинктивной* одновре-

менно. Поскольку инстинкты, как известно, слепы, то весьма ограничена и избирательность поведения социальных животных. По всей видимости, они хорошо отличают своих врагов или другой вид животных, но теряются в кругу своих. Главное, чтобы это была особь своего вида, а какого она достоинства — можно определить по физико-химическим свойствам, например специфическому запаху, и не более. Если бы человек в своей эволюции остановился на этом примитивном уровне избирательности, то никакой культуры, этикета поведения, индивидуальных различий, произведений высокого искусства и т.п. он никогда не создал бы. Вот что такое *анонимная сплоченность* в условиях *примитивной избирательности*.

У крупных примитивных объединений существуют свои достоинства и недостатки. Так уж устроена природа, что всего в ней поровну. Сообща легче обороняться от врага или, напротив, нападать и побеждать его. При коллективной охоте многократно возрастает процент успешных попыток. И наоборот, при индивидуальной он резко падает. Но и недостатков у крупных стай хватает: большим скоплениям животных трудно найти корм, им невозможно спрятаться, возрастает подверженность паразитам и т.д. Плотные стаи сельди провоцируют их эксплуатацию так называемыми «хищниками одного удара». Да и рыболовецким траулерам легче охотиться на косяки рыбы, нежели на одиночных особей.

Но это лишь в том случае, если сеть имеет широкий захват. На самом же деле хищнику труднее сосредоточиться на одной жертве, когда перед его глазами в беспорядке перемещаются, группируются и разгруппировываются тысячи косуль. Даже современная ракета часто пролетает между целями, если их одновременно выставлено чрезвычайно много.

Перелетные стаи скворцов используют затруднения хищника с выбором цели для того, чтобы специальной воспитательной мерой внушать ему дополнительное отвращение к охоте. Если стая замечает в воздухе ястреба-перепелятника, то стягивается настолько плотно, что кажется, будто птицы уже не в состоянии работать крыльями. Однако таким строем скворцы не уходят от хищника, а спешат ему навстречу. В конечном счете они обтекают его со всех сторон: в результате такого маневра у хищной птицы забирается воздух из-под крыльев, так что она не может не только нападать, но и вообще летать. Только такое поведение имеет видосохраняющую ценность.

Профессионально подготовленные хищники — профессионально, разумеется, в биологическом смысле — не нападают

на жертву внутри плотного стада. Почти всегда они стараются отбить от стаи одну особь и устроить на нее облаву, часто групповую. Так поступают львы и тигры.

Инстинкт, собирающий животных, не только слеп, но и разрушителен. Если голодная стая, достигшая в результате прибытия все новых и новых особей (а сила притяжения возрастает в геометрической прогрессии по мере разрастания размеров стаи) ошеломительных масштабов, попадает на не очень обильное пастбище, которое способно прокормить $\frac{1}{3}$ всей популяции, то большинство стаи просто гибнет, не способное искать пищу самостоятельно. В таких случаях естествоиспытатели говорят, что стая превысила экологически допустимые пределы.

Большие массивы птиц или рыбы превращаются из биологической в топографическую проблему. Из-за своего размера они становятся легко распознаваемы для хищника, занимают большие экологические ниши, вытесняя соседей, вытаптывают, выклевывают и поедают все на своем пути.

Стайная или стадная форма защиты своего собрата также имеет ограничения. Отражение хищника или защита схваченного им члена стаи далеко не всегда оказываются удачными. Нападения галок на ястреба, схватившего одну из них, лишь докучают ему, но не приносят никакого вреда. Защита своего товарища от саблезубого тигра чаще всего не приносила неандертальцам успеха. В таких условиях ценность каждой особи для сохранения вида резко падает. Ни один вид, за исключением человека, не поднялся на ступень выше по эволюционной лестнице для того, чтобы перейти к более эффективным способам защиты своих товарищей. Потери в своих рядах большинство страдающих от разбоя видов животных пополняет лишь одним способом — переходом к иной стратегии воспроизводства. Детей рождается больше, но и корма хищникам прибавляется.

Эволюционно, путем постепенных переходов развились тяжелооруженные боевые порядки буйволов, павианов и других мирных видов, перед оборонной мощью которых пасуют самые страшные хищники. Но к революционному скачку сразу на несколько ступенек оказался способен только *Homo sapiens*: превращение палки в топор, лук и стрелы, их эволюция в огнестрельное оружие и превращение последнего в новейшие виды ядерного вооружения — поразительное доказательство развития оборонительных возможностей некогда очень заурядного стадного существа.

Стайно-стадный образ жизни, несмотря на ряд его очевидных плюсов, является эволюционным тупиком, если речь идет о выс-

ших приматах. Перемещаться в плотном косяке с тысячами и миллионами особей, не сталкиваясь и не погибая в давке, можно лишь в том случае, если ориентация осуществляется на инстинктивном уровне. Любая попытка сориентироваться сознательно приведет к гибели.

Весь репертуар взаимного влияния, совместного поведения и взаимодействия ограничен самыми простейшими целями, главные среди них — добыча пропитания и защита от хищника. Для всех прочих форм поведения коллективность им не нужна. Напротив, у подлинно коллективных существ, прежде всего у человека, объединение, присутствие значимых других необходимы для очень широкого набора видов деятельности, включая такие неважные для выживания занятия, как проведение досуга и развлечения. Иными словами, коллектив покрывает у человека почти весь спектр видов существования. Именно поэтому — благодаря разнообразию запросов, на которые он должен отвечать, — коллектив (община, сообщество, общество) приобрел сложную организацию, иерархию, структуру.

По наблюдениям К. Лоренца для стайных животных типично отсутствие какой бы то ни было агрессивности, а вместе с тем и отсутствие индивидуальной дистанции. Сельдевые и карповые косяковые рыбы не только при беспокойстве, но и в покое держатся так плотно, что касаются друг друга. У многих рыб во время нереста агрессивность возрастает, но она исчезает, как только эти животные, позаботившись о продолжении рода, снова собираются в стаи.

Лишь у немногих видов птиц и в больших перелетных стаях супружеские пары — или, точнее, родители и дети — держатся вместе, как у лебедей, диких гусей и журавлей. Понятно, что громадное количество птиц и теснота в большинстве крупных птичьих стай затрудняют сохранение связей между отдельными особями, но большинство животных не придает этому никакого значения. В том-то и дело, что форма такого объединения совершенно анонимна; каждой особи общество сородича так же мило, как и любого другого. По существу, здесь все сородичи на одно лицо, а потому идея личной дружбы абсолютно неприменима к отношениям в стайном сообществе. К. Лоренц так и утверждает: анонимное стасообразование и личная дружба исключают друг друга⁵.

Связи, соединяющие такую анонимную стаю, имеют совершенно иной характер, нежели личная дружба, которая придает прочность и стабильность человеческому обществу.

5.2. Тандем и гарем

Свою социобиологическую эволюцию человечество начинало, по всей видимости, с гораздо более низкой ступени, чем социальные насекомые (муравьи, пчелы) и хищные животные (например, пещерный медведь). Вторым они уступали в индивидуальной мощи и конкуренции за биоресурсы, первым — в организационном совершенстве. Зажатый между этими двумя видами человек вынужден был ускоренно эволюционировать, да так, что вобрал в себя все самое лучшее от каждого из них, а затем и превзошел их. Одних — в коллективном устройстве, других — в индивидуальном развитии.

Наземные приматы, обитающие в африканской саванне (собакоголовые обезьяны), — павианы, бабуины и гамадрилы (в отличие от мощных орангутангов и горилл) — в одиночку защититься от леопарда, льва или гиеновых собак не способны: они плохо вооружены и медленно бегают. Единственная надежда — создать сложную оборонительную организацию. Ее выработал естественный отбор.

В основе лежит жесткая *иерархия* самцов. У многих живущих группой животных, если они обитают в безопасности (например, на деревьях, как орангутанги), или сильно вооружены (как львы), или очень быстро бегают (как лошади), во избежание бесконечных конфликтов самец-доминант изгоняет остальных самцов, включая сыновей. У собакоголовых обезьян же все половозрелые самцы остаются в стаде, образуя его оборонительную структуру.

С подобными проблемами, считает В.Р. Дольник⁶, в свое время столкнулись и предки человека. Живший в Восточной Африке 3–4 млн лет назад прямоходящий предок человека — афарский австралопитек — был крайне мал ростом. Не выше был и пришедший ему на смену *Homo habilis* — первый изготовитель каменных орудий. Только следующий вид — *Homo erectus*, прямоходящий человек, появившийся там же около 1,5 млн лет назад, был в полтора раза выше. «Ранние гоминиды, — пишет В.Р. Дольник, — не охотились на крупных животных. Так что хотя они и имели под рукой заостренный камень, убить им хищника в одиночку, скорее всего, не могли. Это были некрупные, от природы слабо вооруженные существа, к тому же бегавшие медленно (даже в сравнении с павианом), очень неверткие и вдобавок не способные быстро вскарабкаться на дерево. Следовательно, предположение о том, что они жили отдельными семьями или небольшими, слабо организованными группами (как гориллы и шимпанзе) не проходит»⁷. Скорее всего, если судить по аналогии с приматами,

наши далекие предки вели стадный образ жизни. Следовательно, социальная организация стадных обезьян саванны доносит до наших дней как бы действующую модель социальной структуры предков человека.

О формах социальной организации предлюдей, живших миллионы лет назад, мы можем судить весьма приблизительно. Останки скелетов, следы кострищ или каменные орудия труда позволяют судить только об анатомических особенностях, отчасти — хозяйственном укладе и жилище нашего предка. Но какова социальная организация сообщества пралюдей и древнейших людей, к примеру австралопитека или человека умелого, остается только догадываться. Помочь ученым могут наблюдения за поведением и образом жизни приматов, очень близких к человеку по некоторым своим свойствам (некоторым, но не всем).

На основе наблюдений за приматами можно говорить о трех важнейших факторах, регулирующих стадные отношения: привязанность самца к самке (образование тандема и гарема), взаимное тяготение матери и детенышей (выводок) и взаимное тяготение однополых особей друг к другу⁸. Как видим, в этом списке отсутствуют важнейшие свойства, отличающие либо выделяющие социальных насекомых, как-то: разделение труда, кастовый строй, коллективное воспитание молодежи. К этому человечеству еще предстояло прийти, до этого было еще очень далеко.

А пока что в самом начале человеческой предистории и на протяжении нескольких миллионов лет наш предок оставался стадным животным, мало чем отличающимся по образу жизни и поведению от приматов. Прямохождение и первые опыты использования орудий вряд ли повлияли на социальную организацию. Они были еще очень слабыми, чтобы двигать вперед социальный прогресс. Много позже, когда они приведут к возникновению мышления, сознания и речи, резко изменятся формы социальной организации и человечество совершит революционный скачок. Но произойдет это приблизительно в верхнем палеолите, если не позже.

Итак, *стадо предлюдей* — это аморфное образование достаточно большого (от нескольких десятков до нескольких сотен) количества особей, т.е. анонимное скопление, напоминающее стаю рыб в океане.

Надо согласиться с К. Лоренцом в том, что семья не являлась исходной ячейкой формирующегося человеческого фактора. Поначалу она была таким же слабым эволюционным фактором, как прямохождение и орудия труда. Ко всем трем предчеловек обращался случайно, необходимость их использования не была закреплена ни анатомически, ни социально.

Тем не менее семья или, лучше сказать, протосемья на той ранней стадии была. Она и не могла не быть, поскольку существует у всех или большинства видов животных. Другое дело, какой формы она была.

По всей видимости, протосемья не была моногамной. Эволюционной первыми были, вероятнее всего, *тандем и гарем*. Основу первой составляла пара мать и ребенок, основу второго — самец с несколькими самками. Та и другая формы унаследованы человеком от своих животных предков, обе они биологически предопределены и биологически наиболее эффективны. В одном гареме может быть только один доминирующий самец, а самок может быть столько, сколько он способен удержать.

Мать и ее детеныши с биологической точки зрения являлись наиболее устойчивой, а потому исходной микроструктурой стада пралюдей. Время от времени к базисной группе приставал один или несколько взрослых самцов, круживших в непосредственной близости. Образовывалась новая структурная единица — гаремная группа или просто гарем, состоявший из одного физически сильного самца, нескольких самок и их общих детенышей. По эволюционному времени такого рода группы, видимо, появлялись позднее материнско-детских групп.

Прежде всего у тех высших приматов, которые были нашими биологическими предками, образовывалась потомственная связь, как минимум, двух поколений (мать—ребенок). Природа позаботилась о том, чтобы эта связь была закреплена наиболее сильным образом — биологическим инстинктом. На последующих витках эта потомственная связь преобразуется в кровнородственную. Из нее в дальнейшем возникнет сложная и разветвленная система родства с отчетливо осознаваемыми и почитаемыми предками. Сеть родства станет потом первой в истории человечества социальной системой — основой и фундаментом общества людей.

Как установил Г. Кюммер, мельчайшей устойчивой единицей групп у гамадрилов является *гаремная семья*. Ее «составляют крупный самец, одна или две взрослые самки с их потомством, одна-две неполовозрелые самки и иногда молодой самец. В этой группе безраздельно властвует старший самец, могучий, вдвое более крупный, чем самки. Он ведет группу, внимательно следит, чтобы ни один из членов его семьи не отстал. В случае неповиновения он даже кусает самок. Вечером гамадрилы снова возвращаются к скалам, однако не обязательно к тем, где они провели предыдущую ночь. Во время пастьбы несколько семей объединяются в

группы, которые относительно устойчивы по составу. По крайней мере, две-три семьи ежедневно отмечаются в одной и той же пасущейся группе. Размер таких групп довольно велик — 30—90 животных»⁹.

Стадо шимпанзе — это сложное сообщество, в котором вожак может выбирать себе любую самку из группы, а остальные самцы — только некоторых, причем чем ниже самец стоит на лестнице доминирования, тем сложнее ему найти партнершу. Внутри стада обезьян формируются своего рода гаремы, которые, впрочем, не очень устойчивы, поскольку тот же вожак легко может забрать любую самку в свой гарем или просто воспользоваться ею походя. И все это очень похоже на обычаи многих первобытных племен, где так же просто осуществляется переход женщины от менее сильного мужчины к более сильному, но никак не наоборот.

Первоначальной для всех животных структурой выступает *брачная пара*, которая объединяет случайно выбранных особей на непродолжительное время. Соединение нескольких пар создает группировку, нескольких группировок — стадо или стаю. Отношения между особями устанавливаются лишь во время гона и периодов совместной охоты, а затем они прекращаются. Таким образом, в целом взаимоотношения особей носят непродолжительный и нерегулярный характер. Они безразличны друг другу, их не интересует полнота индивидуального сходства между ними. После периода гона самец может остаться с самкой, чтобы проконтролировать появление потомства.

Оба типа протосемьи — тандем и гарем — нужно считать биологически первичными. Гарем необходим для того, чтобы лучше выполнять воспроизводственные функции, тандем необходим с точки зрения социализации: воспитанием потомства занимается не весь коллектив, а только мать. (В известном смысле надо говорить о возвращении вспять, когда пишут о феминизации школьного образования и семейного воспитания: детьми и подростками занимаются женщины-учительницы и матери-хозяйки; мужчины не идут работать в школу и заняты добычей денег.)

Если это так, то вторичными надо считать отношения между самцом и самкой, мужем и женой. Их сложнее удержать, сохранить, сделать устойчивыми. Природа не выделила под них прочный биологический фундамент. Природе они не нужны, если не считать некоторых видов млекопитающих, у которых для воспитания потомства необходимы оба родителя.

Вторичный тип связи, объединяющий в одно целое мужскую и женскую особь, появился очень поздно, вероятно, лишь у кроманьонцев. По своему содержанию и характеру его надо именовать социальным, а по значению — революционным. Следуя подобной логике, к третичным надо относить иерархические связи между людьми, которые к воспроизводству, сексуальным отношениям и воспитанию потомства никакого отношения не имеют.

Если первичные связи носят исключительно биологический характер, вторичные являются биосоциальными, то третичные — исключительно социальными. Тот факт, что иерархические отношения мы встречаем у некоторых или многих видов социальных животных, в том числе у приматов, не опровергает нашего утверждения об их исключительно социальном характере. Дело в том, что определение «социальное» относится не только к людям, но и к некоторым видам животных, которых называют социальными или общественными, а потому трактуется как в узком, так и в широком значении.

Итак, стадо предлюдей надо рассматривать в качестве аморфного и неустойчивого коллективного образования, в котором единственно устойчивой структурой выступали либо тандем, либо семья (рис. 16).

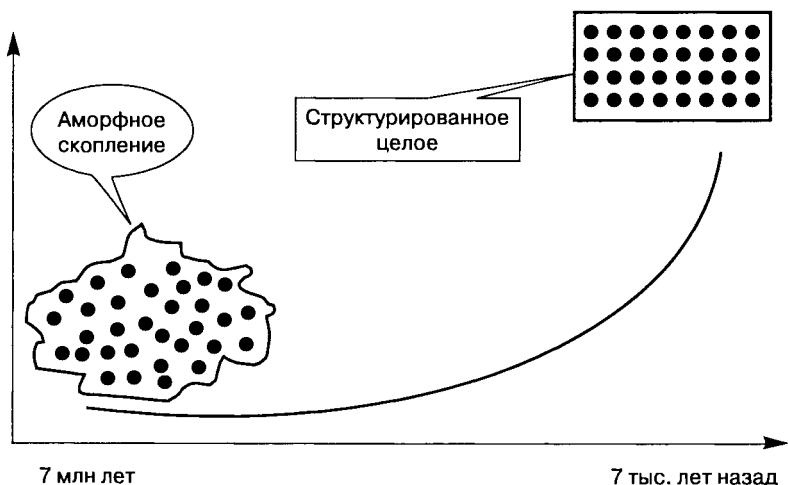

Рис. 16. Аморфное первобытное стадо с устойчивыми вкраплениями

Структурные кристаллы, в роли которых выступал гарем либо тандем, поначалу являлись именно вкраплениями, которые в течение нескольких миллионов лет разрослись до полноценной кристаллической решетки. На отдельных секрциях чужеродного материаларосло социальное «мясо», вокруг скелета образовалось тело — тело полноценного человеческого общества. Тандем и гарем превратились в семью и род, роды объединились в племена, на их основе возникли вождества, которые преобразовались в ранние государства. Ну а дальнейшая история общества уже известна любому школьнику.

Аморфное скопление предлюдей и приматов называют еще популяцией. Она образует первичную структуру, в которой сексуальные отношения характеризуются эндогамией. Вторичную структуру некоторые авторы предлагают называть *расширенным социумом*. Сексуальные отношения для вторичной структуры характеризуются экзогамией¹⁰.

Волки *Lupus canes*, обитающими в Северной Канаде, постоянно держатся небольшими семьями по две-три особи. Такая организация эффективна при охоте на мелких животных. Как только в поле зрения попадают крупные животные, волки при помощи разнообразных сигналов (воя) оповещают соседние волчьи семьи о необходимости объединить усилия. Волки в округе лично знакомы и регулярно общаются. Они представляют некий социум, рассредоточенный по округе. Правда, в нем отсутствует иерархия, доминирование, упорядоченность, обмен индивидуальными вкладами.

Третичную структуру называют демом. Демы «представляют собой элементарную структурную единицу популяции, и именно на их основе обеспечивается адаптивный ответ популяции в целом на изменение вне- и внутривидовых условий»¹¹. В отличие от популяции дем, размеры которого в пределе определяются размерами ареала, должен обладать строгой структурой, а численность его особей определяться не только экологическими особенностями, но и самой структурой. Дем — достаточно строгая организация, устав и существование которой полностью определены законами социальной эволюции¹².

В основе образования любого дема лежит возникновение пирамидально-ярусной структуры во главе с доминантом. Пирамидальность состоит в том, что импульсы в группе проходят по вертикали, снизу вверх, а ярусность в том, что особи, занимающие один ярус, нейтральны по отношению друг к другу¹³. Можно предположить, что первобытные стада людей, как и некоторых видов животных, были организованы по принципу пирамидально-ярусной структуры.

У человека популяционная организация не заканчивается образованием третичной структуры. Поэтому для организаций человека введены дополнительные обозначения. Третичной структуре наиболее соответствует понятие антропогеоценоза, введенное В.П. Алексеевым¹⁴. Для более высокой структуры наиболее полное развитие получило понятие хозяйственно-культурного типа, введенное С.П. Толстовым в 1932 г.

Скопления павианов и гамадрил достигают 750 голов. Именно такие скопления и следует считать демом. В таких аморфных образованиях между особями, принадлежащими к разным семьям, не наблюдается строго выраженной иерархии. С биологической точки зрения они нужны для поддержания генофонда и воспроизводства поколений. Подобные ассоциации крайне слабо помогают борьбе за выживание, защите от хищников или выполнению хозяйственных функций.

5.3. Территория и половой диморфизм

Защита территории — обязательный элемент инстинктивной программы поведения любого животного, каким бы малым или большим оно ни было. Это и понятно: защищают жизненные ресурсы, средства существования. Не будь такой программы, ни один живой вид не выжил бы. Без плодотворной территории стадо не может существовать, процветание его зависит от ее размеров и качества. Она сужается, если стадо теснит противник либо в этой местности наступило засушливое время. Кормовую базу приходится все время расширять — естественно, за счет соседей. Территориальные стычки между соседними группами — историческая универсалия животного и человеческого обществ. Они ведутся с соблюдением или без соблюдения правил игры. Поскольку самки заняты не менее важным делом — воспроизводством тех, кто будет кормиться на этой территории, защиту и расширение кормовой базы природа возложила на сильный пол, который во все времена нес наибольшие потери. Занимаясь ратным делом, самцы как-то между прочим приватизировали собственность на свой участок, а в человеческом обществе еще и возвели вокруг собственности мощные социальные институты.

У большинства приматов, в том числе и у человека, самцы крупнее самок в среднем в 1,5–2 раза. Именно они доминируют в сообществе и выполняют все основные функции повседневного жизнеобеспечения: структурирование группы, наведение порядка в сообществе, распределение функций и обязанностей, очеред-

ность приема пищи и ее размеры, защита сообщества, добывание пищи. При этом характер отношений между самцами совершенно иной, чем у самок. Мужское начало ответственно за формирование в сообществе вертикальных (иерархических) отношений, связанных с господством и подчинением, неравноправием, борьбой за власть, лидерством, вытеснением, перераспределением. Женское начало формирует горизонтальные отношения, основанные на эмпатии и дружбе, равноправии, заботе и воспитании, улаживании конфликтов и т.д.

Социоэкологические исследования приматов выявляют исключительно сложную связь между степенью выраженности полового диморфизма, конкуренцией между самцами, характером отношений между особями разного пола, соотношением самцов и самок в группе, отбором самцов-защитников, которые снижают риск убийства детенышей самцами-чужаками, и особенностями экологии, например типом питания и наличием хищников.

Впрочем, половой диморфизм еще не может служить однозначным указанием на более жесткие иерархические отношения в группах или ориентацию на гаремные формы социальной организации. Причина диморфизма может скрываться в различной пищевой специализации полов или быть связана с потребностью в защите от врагов.

Американский антрополог О. Лавджой связывает половое различие в размерах тела с переходом австралопитековых к моногамии и строит на этом основании свою модель социальной организации ранних гоминид. По мнению Лавджоя, их сообщество состояло из нескольких парных семей с потомством. Вполне допустимо, что эти существа жили сплоченными группами по 25–30 особей, благодаря чему обеспечивалась коллективная защита от хищников. Мощные, крупные самцы, несомненно, были уже способны применять (как современные шимпанзе) с этой целью камни или палки, а выпрямленное положение тела и изменение техники метания предмета делали защиту более эффективной¹⁵.

5.4. Иерархия и вожачество

Иерархия у животных и предлюдей выстраивалась по принципу доминирования. Система доминирования формируется в группах лично знакомых животных. Она может существовать даже в стаях и стадах, но не во всей популяции, а лишь в отдельных сегментах. Если группа небольшая, то доминирование на основе личного знакомства распространяется на все сообщество.

Простейшим проявлением доминирования выступает удержание соседа на индивидуальной дистанции, запрещение ему угрозами и/или реальными атаками приближаться к опасной черте, переступив которую он мог бы конкурировать в борьбе за корм или самку. Самцы, охраняющие свои территории, — это вожаки сообщества, не допускающие проникновения в группу чужих самцов. «Воспринимаемая агрессивность членов группы как направленную по отношению к самому себе, вожак вмешивается в ссоры между ними, разнимает драки, поддерживает животных, с которыми связан более и наказывает других. От силы и злости вожака зависит его способность удерживать группу на своей территории, охрана границ от вторжения соседних групп. При этом угрозы и атаки вожака иногда поддерживаются остальными членами группы. Возможная поддержка товарищей, в том числе и со стороны самцов-субдоминантов, имеет большое значение для сохранения статуса вожака. Такие самцы-консорты (сопровождающие) имеются и в косяках лошадей, и в гаремах обезьян»¹⁶.

Поведение вожака-лидера и вожака-доминанта имеет разные поведенческие основы и разные статусные характеристики. Вожак — признанный глава сообщества. Он обладает своего рода формальным статусом. Рядом с ним ждут своей очереди еще несколько сильных самцов, которые вполне самостоятельны в своем поведении, а товарищи могут следовать или не следовать их примеру. Это непризнанные будущие вожаки, которые должны завоевать свой формальный статус в ритуальных поединках с вожаком.

Лидер независим от остальных членов стада, действует главным образом в своих интересах. Вожак, напротив, полностью зависит от группы и действует в общих интересах. Он занимает оборонительно-охранительную позицию, лидеры, претендующие на самок и руководство сообществом, — наоборот агрессивно-наступательную. Таким образом, вожак выполняет более разнообразные функции, требующие от него разных стратегий поведения: защита от лидеров, оборона стада от хищников, управление внутригрупповыми отношениями. В свою очередь последняя, управленческая, функция распадается на ряд подфункций, например, среди функций вожака табуна лошадей выделяют управление движением лошадей, удержание их на определенной территории, обнаружение опасности, сигнализацию о ней, увод косяка в безопасное место, защиту косяка от охотников, поддержание своего доминирования, прекращение драк между членами косяка, заботу о жеребцах, больных животных и ряд других.

Внутригрупповые отношения часто проявляются в действиях устрашения, подавления, подчинения, приказания. Это односторонняя вертикально-иерархическая связь — от более сильного к

слабому, от более зрелого к младшему. В результате устанавливается так называемый порядок клевания (*peck-order*), определяющий право сильного первым подойти к пище или к самке. Животные обучаются ему в детских играх, где более взрослые и сильные всегда доминируют над младшими и слабыми.

Животные, находящиеся на низших ступенях иерархии, подвергающиеся агрессии со стороны других членов группы, психологически чувствуют себя угнетенными. Психофизиологическим последствием выступает повышенная «стресс-реакция» (реакция напряжения): страх, замирание, учащение сердцебиения, подавление дыхания. «Немалое значение в поддержании иерархического ранга животных имеют традиции. Иерархические отношения в группах обезьян отличаются большой стабильностью и сохраняются неизменными многие годы. Пока существует иерархия, количество агрессивных реакций между животными невелико. Это и понятно: право каждого на пищу, на место в группе, на ухаживание за самкой вполне определено»¹⁷.

Присутствие одного вожака в стаде сплачивает его, наличие двух — раскалывает на две части, каждая из которых следует за своим вожаком в разных направлениях.

С.Л. Уошбэрн и И. Деворе, наблюдая павианов на свободе, установили, что стадо управляется не одним вожаком, а «коллективом» из нескольких старейших самцов, которые поддерживают свое превосходство над более молодыми и гораздо более сильными членами стада за счет того, что всегда держатся вместе — а вместе они сильнее любого молодого самца.

Жизненное пространство распределяется между животными одного вида достаточно строго. На благо потомству выбираются лучшие отцы и лучшие матери. Дети находятся под защитой. Сообщество организовано так, что несколько умудренных самцов — своеобразный сенат — обладают достаточным авторитетом, чтобы решения, необходимые сообществу, не только принимались, но и выполнялись.

5.5. Социальная структура биологических сообществ¹⁸

О форме социальных отношений у древних людей, живших сотни тысяч и миллионы лет назад, мы не узнаем уже никогда — они не оставляют материальных следов, их не удается обнаружить при помощи известных археологии методов. Единственный путь — реконструировать социальные отношения предлюдей и ранних

людей по аналогии с теми отношениями, которые существуют у высших приматов, на основании тех данных, которыми располагают приматология, социобиология, социозология приматов, этологии человека, социальная антропология и палеоэкология. Сейчас можно говорить лишь о самой общей модели социальных отношений в группах гоминид, точнее, о принципах, ибо даже в пределах одного вида животных они существенно различаются.

По мнению специалистов, вероятность гаремных структур невелика, но допустима в небольшом количестве популяций: когда гоминиды начали потреблять мясную пищу, более талантливый охотник мог обеспечить пропитанием нескольких партнерш. (Заметим, среди современных охотников-собираателей гаремные отношения не возбраняются, но все же это редкость, да и число жен в гареме невелико: две-четыре.) Возможен также и промискуитет — довольно свободные половые отношения. Поскольку эволюция человеческого рода происходила несколькими путями, нельзя исключать вероятность и других форм брачных отношений. Современные данные подтверждают идею о существовании серийной моногамии (последовательных парных браков) на ранних этапах гоминизации.

Даже в пределах одного вида приматов форма социальной структуры изменяется в зависимости от погодных условий (например, небывалой засухи или обилия дождей), наличия пищи (ее достатка или нехватки) и конкуренции за ресурсы между соседними сообществами (т.е. плотность популяции). Различия в социальном поведении между видами (или популяциями) специалисты в области социозологии склонны объяснять, исходя из характера распределения а) пищевых ресурсов и б) репродуктивных партнеров. Средние размеры сообщества шимпанзе, бонобо¹⁹ и современных охотников-собираателей сходны (25—35 особей вместе с детьми), и нет никаких причин полагать, что размеры групп наших предков были иными. Не исключено также, что сообщества то распадались на небольшие группки, отправляясь на поиски пищи, то объединялись на ночевку или для сбора обильного урожая фруктов или орехов (позднее источником пищи могли быть туши убитых или отбитых у хищников животных).

Замечено, что наибольшей бывает сплоченность групп у тех представителей одного и того же вида (шимпанзе, павианы ану-бисы, макаки резусы и лапундеры), которые обитают в открытой местности с сухим климатом. В таких условиях в отличие от лесных экосистем шимпанзе, например, чаще всего образуют группы, в составе которых есть взрослые самцы, тогда как отдельные особи или группы без самцов исключительно редки. Причина та-

кой трансформации — присутствие хищников: чем выше опасность их нападения, тем больше самцов в каждой группе. Не подлежит сомнению, что ранние гоминиды жили в непосредственном соседстве с саблезубыми тиграми, гиенами, гепардами и леопардами и не могли сравниться с ними ни в силе, ни в скорости. Именно сплоченность и большие размеры групп помогли австралопитекам успешно адаптироваться к окружающей среде.

Не последнюю роль играют внутригрупповые привычки и традиции. Известно, что шимпанзе в природе сильно отличаются характером использования орудий, техникой добычи пищи, индивидуальными привязанностями взрослых особей. Чрезвычайно велика роль «личности» отдельных членов группы, в первую очередь лидера.

Какой вывод можно сделать с точки зрения социологической реконструкции до- или раннеобщественных форм поведения наших предков? Поскольку человеческий род эволюционировал несколькими видами (теория полицентризма), рассредоточенными в разных географических ареалах, то можно ожидать, что у каждого вида, даже если они некогда представляли один материнский ствол (теория моноцентризма), будет своя собственная форма социальной структуры, отличная от других форм социальных взаимоотношений. Разумеется, при наличии каких-то универсальных принципов социальной организации, отличающих человеческий род от других животных. И сегодня мы видим многообразие народов и обществ, которые очень серьезно отличаются друг от друга по формам социальной структуры (взять хотя бы европейское, исламское или буддийское общества), но при этом разделяют некие универсальные принципы построения, например принцип иерархического неравенства, статусного престижа и т.д.

Социальные связи в древних сообществах могли формироваться на основе как патрилокальности, так и матрилокальности. Ближайшие родственники человека — шимпанзе и бонобо (карликовые шимпанзе) — патрилокальны: самцы проводят всю жизнь в той группе, в которой родились, а взрослые самки обычно переходят в другие группы. По мнению Фоули, патрилокальность обусловлена развитой системой кооперации между самцами и ее низким уровнем между самками. Значит, в жизни сообществ ранних гоминид социальные связи самок существенной роли не играли, зато тенденции к объединению самцов со временем усиливались, ибо это способствовало успеху в охоте и защите от хищников. По данным этнографов, некоторые традиционные человеческие культуры не патрилокальны, а матрилокальны. Стабильность социальных групп ранних гоминид в значительной мере зависела от самок. Они способны формировать стабильные груп-

пы на основе родства и дружеских привязанностей. Такая форма социального поведения присуща и карликовому шимпанзе. Когда ранние гоминиды встали на ноги и утратили клыки, то тенденции к кооперации самок могли усилиться при наличии по соседству хищников. Развитие дружественных связей между ними могло быть обусловлено также совместным выращиванием потомства. Современные женщины, видимо, следуют в своих отношениях той же модели поведения. Во многих традиционных патрилокальных обществах жена, перейдя в дом мужа, устанавливает тесные связи с его родственницами, вместе с ними ведет хозяйство и воспитывает детей. Принято считать, что девочки с раннего возраста склонны к дружественным отношениям, тогда как мальчики чаще образуют группы для повышения собственного статуса.

Для моделирования социальных отношений гоминид необходимо учитывать и то обстоятельство, что с развитием орудийной культуры конфликты внутри группы становились опаснее. Для их регулирования бонобо используют не только элементы дружелюбного поведения — поцелуи, объятия и касания, присущие также и обыкновенному шимпанзе, но и сексуальные элементы, причем как во взаимоотношениях между особями противоположного пола, так и своего.

Сделаем крайне важный для социологии вывод: как и современные приматы, наши далекие предки жили сообществами, социальные отношения в которых могли быть весьма разнообразными. Приматологические исследования последних лет показывают, что социальная организация и социальные отношения даже у видов одного рода могут сильно различаться.

В табл. 4 мы попытались представить эволюционную цепочку, которая и привела в конечном счете к возникновению первой формы настоящего общества — первобытной общины, а также к более поздним и совершенным формам социальной организации. Нетрудно убедиться, что это был нелинейный процесс, в котором

Таблица 4

Эволюция социальных организаций

Последовательные типы социальной организации	Время образования
1. Стадо предлюдей (обезьянолюдей)	5,5 млн лет назад
2. Разложение стада предлюдей	2 млн лет назад
3. Стадо людей (праобщина), локальная группа	1,5 млн лет назад
4. Первобытная община (род и племя)	40 тыс. лет назад
5. Соседская община, вождество	10 тыс. лет назад
6. Раннее государство	5 тыс. лет назад

каждый последующий этап был менее продолжительным, чем предыдущий (в дальнейшем мы не раз столкнемся с этой закономерностью).

Стадо предлюдей (пралюдей) представляло собой относительно большую (от 40 до 500 особей), но недостаточно устойчивую группу, члены которой могли образовывать лишь небольшие постоянные микрогруппы (тандем и гарем). Члены таких группировок держались вместе и поддерживали практически непрерывные отношения, знали друг друга и отличали «своих» от «чужих». Базовую устойчивую ячейку стада, которое все еще оставалось весьма аморфным, образовывали не столько отцовско-материнские, сколько материнско-детские группы.

Несколько самок, каждая со своим выводком, образовывали нечто напоминающее детский садик. Стабильность социальных групп ранних гоминид зависела именно от самок. Судя по результатам многолетних наблюдений Ф. де Ваала за колонией обыкновенных шимпанзе в Арнеме (Голландия) и Ч. Беша — в национальном парке Таи, самки способны формировать стабильные группы на основе родства и дружеских привязанностей. Сообща им легче защищаться, воспитывать потомство, добывать пропитание. Обезьяны-гелады заботятся о потомстве всей стаей, и если дается сигнал тревоги, далеко забредшие детеныши бросаются на спину любому из стаи, несущемуся в укрытие. В стаде павианов мать с детенышем — привилегированное существо, ее охраняют самцы.

Взрослые самцы чаще предпочитали одинокий образ жизни. Между самцами и самками связь была слабее, нежели между самкой и детенышем. И такие взаимоотношения продолжались вплоть до институционализации моногамной семьи.

Таким образом, самой первой и самой устойчивой клеточкой первобытного общества, а лучше сказать — сообщества предлюдей, выступали *материнско-детские группы*, т.е. некие базисные группы, включавшие только мать и ее детенышей в качестве постоянных структурообразующих элементов. Время от времени к ней приставал один или несколько взрослых самцов, круживших рядом. Подобные формирования обнаружены у многих видов хищников. Самцы нужны самке только для воспроизведения потомства, а прокормить его она может и сама. Итак, человеческая история, как можно только догадываться, но не обязательно утверждать, началась с того, чем и завершается сегодня, а именно матерями-одиночками. Сегодня это беда всего общества, социальная патология. Тогда, возможно, это было общеэволюционной нормой.

Стадо предлюдей мало чем отличалось от стада обезьян. Они жили в лесу: 50–70% времени проводили на деревьях, а осталь-

ное — на земле. Ранние и поздние предлюди были еще животными, в принципе не отличавшимися от обезьян. Стадо предлюдей ничем ни отличалось от стада павианов. Это были достаточно аморфные образования. Они совершенно не походили на слаженный и хорошо организованный муравейник. Но лишь по видимости. На самом же деле неорганизованное стадо предлюдей развивалось по линии углубления: оно отличалось качественными отношениями от биологического сверхорганизма.

В животном мире нет обществ. В нем есть только зоологические объединения, для обозначения которых придуман специальный термин — «грегарное объединение». Слово «грегарный» указывает на такой тип отношений, который нельзя назвать социальным.

Вообще говоря, в данном контексте слово «стадо» используется несколько условно и является скорее аналогом соответствующего зоопсихологического термина. В англоязычной социологической литературе для обозначения такого рода сообществ чаще употребляется термин *band* — отряд, банда, который в своем русскоязычном понимании носит несколько более узкий, специфический смысл. Вероятно, по своим размерам и образу жизни стадо предлюдей действительно напоминало такой бродячий отряд. В отечественной науке в большей степени утвердился термин «стадо», или «грегарное объединение». И тот, и другой термины указывают на такой тип отношений, который, вероятно, еще нельзя назвать *социальным* в современном смысле.

Стадо предлюдей — стадо человекообразных обезьян — приходится на тот период, когда Землю заселяли австралопитеки. Они появились 5,5 млн лет назад, а исчезли 2 млн лет назад. У африканской прямоходящей обезьяны была массивная челюсть, небольшой мозг (500 см³) и рост (1,53 м), сильные мышцы, пригодные для пережевывания твердых растений и сырого мяса. Они хорошо бегали, но еще плохо ходили, передвигались короткими шагами с покачиванием туловища влево и вправо. Несомненно, австралопитеки были еще животными, а не людьми, хотя и пользовались примитивными галечными орудиями.

Камни и палки, которые они употребляли вполне регулярно, нужны им не для труда. Они нужны для защиты от хищников. Они ничего не производили. Австралопитеки лишь приспособлялись к среде с помощью орудий. В этот период не родилось еще даже самой примитивной и самой первой формы трудовой деятельности — собирательства. Мать с детенышами просто подкармливались готовыми плодами, которые они находили на месте, либо питались павшими животными.

Два миллиона лет назад предлюди мало чем отличались от своих ближайших родственников — шимпанзе, ибо только еще учи-

лись твердо опираться на две конечности, при всякой опасности они легко переходили на четвероногий способ передвижения. Орудия труда, которыми гоминиды едва умели пользоваться, еще только начинали преобразовывать лапу животного в человеческую ладонь. Между двумя особями время от времени возникала половая связь. Рождались детеныши. Могла бы родиться крепкая, дружеская семья. Но предлюди оставались животными, чувства любви и семейной привязанности они не знали. После зачатия самец покидал самку, не испытывая никакой отцовской привязанности. Мать, оставшись с детьми, заботилась о потомстве. К тому ее обязывал не долг и социальный статус, а природный инстинкт.

Нижний палеолит, длившийся 2 млн лет, — период кочующих стадом питекантропов. У них впервые появляется скарб — набор деревянных, костяных и каменных орудий. С его появлением, а также «приручением» огня и изготовлением инструментов жизнь стада обретает независимость от внешних обстоятельств. Скарб становится зародышем протосоциальных отношений: сохранность скарба превращается в первую социальную обязанность, толчок к разделению труда внутри стада.

Связанная с этим совокупность операций и действий, повторяясь многократно и длительное время, к началу среднего палеолита превращается в алгоритм зарождающегося обычая, т.е. становится основой устойчивого порядка внутростадных отношений. К началу среднего палеолита (эпоха неандертальцев) каждое стадо выступает носителем первого универсального поведенческого комплекса — бытового обычая. Обычаем, т.е. неким эмоционально переживаемым комплексом поведения, были пронизаны все немногочисленные тогда виды специализированной деятельности: собирание, деторождение, распределение и поедание пищи, разведение и уход за огнем.

5.6. Переход к стаду предлюдей

Как мы выяснили, исходная точка исторического движения к обществу — стадо предлюдей (обезьянолюдей). Оно отстояло от нас на 2 млн лет. Полмиллиона лет оно разлагалось (промежуточный этап — выделение гаремных групп), а затем превратилось в стадо людей.

Социальная структура сообщества австралопитеков представляла собой небольшую группу, имевшую определенную кормовую территорию и делившуюся на несколько гаремных групп, состоящих из одного мужчины и нескольких женщин, взрослые мужчины и юноши составляли одну группу, дети и женщины — дру-

гую. Вряд ли в это время между сородичами существовали какие-либо человеческие чувства или их аналоги, например помощь больному, сострадание к умирающему. Австралопитеки еще даже не хоронили своих товарищей, и это говорит о многом²⁰.

Гаремная группа состояла из одного физически сильного самца, нескольких самок и их общих детенышей. По времени они, видимо, появились позднее материнско-детских групп. И эти формирования не являются еще собственно человеческим изобретением, поскольку встречаются у многих видов животных. Так, например, структура табуна включает гаремные группы с жеребцом-доминантом, группу холостых жеребцов, которые держатся обособленно, группы «лично привязанных» животных и др. У гаремного вида — гориллы — во многих группах имеется более одного самца, участвующего в репродукции. Социальная структура шимпанзе зависит от места обитания: популяции, населяющие границу саванны, в отличие от лесных сородичей образуют сплоченные и многочисленные сообщества, реже разбиваются на мелкие группки в поисках добычи. В периоды сильной засухи стада павианов анубисов формируют необычные для себя группировки, которые напоминают гаремы павианов гамадрилов. Ближайшие родственники человека — шимпанзе и бонобо — патрилокальны: самцы проводят всю жизнь в той группе, в которой родились, а взрослые самки обычно переходят в другие группы. Однако при общем преобладании такой системы обмена особями некоторые самки обезьян проводят всю жизнь в родной группе.

Надо, видимо, согласиться с мнением М.Л. Бутовской о том, что «социальные структуры и отношения в сообществах обезьян очень разнообразны. Поэтому вряд ли уместно строить однолинейные, жесткие модели социальной эволюции человека или основывать их на анализе поведения какого-либо одного вида приматов или только сообществ современных охотников-собираателей»²¹.

Откуда у матерей-одиночек, воспитывающих пару-тройку детенышей, вдруг появился самец-покровитель, неизвестно. Вероятно, параллельными путями формировалось несколько вариантов социальной структуры предлюдей, но у каждого вида гоминид она была своей. По эволюционному времени такого рода группы, видимо, появлялись позднее материнско-детских групп.

Прежде всего у животных образовалась потомственная связь, как минимум, двух поколений (мать-ребенок). Природа позаботилась о том, чтобы она была закреплена наиболее сильным

образом — биологическим инстинктом. На следующих витках потомственная связь преобразуется в кровно-родственную связь. Из нее возникнет будущая система родства с осознаваемыми и почитаемыми предками: мамы, папы, бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети. Сеть родства с самками ближайших и дальних родственников буквально через эволюционную ступеньку станет первой в истории человечества социальной системой — основой и фундаментом общества людей. Первой, но не единственной. И даже не главенствующей.

Общество так уж устроено, что воинствующее начало берет верх над началом миролюбивым, самцы доминируют над самками, мужчины — над женщинами. Такой общественный порядок, укреплявшийся на протяжении многих тысячелетий, называют *патриархатом*. В жизни гоминид социальные связи самок существенной роли не играли, зато тенденции к объединению самцов со временем усиливались, поскольку «боевое братство» способствует успеху в охоте, защите от хищников или соседних сообществ, а значит, и выживанию группы в межвидовой борьбе.

Средняя продолжительность жизни животного в стаде значительно короче биологически возможного предела или, например, жизни в заповеднике или зоопарке. Одним словом, стадо не защищает слабого, если это не самка или детеныш, которым еще предстоит произвести себе подобных. В человеческих сообществах, даже самых примитивных, все гораздо сложнее. Они защищают слабых, немощных старцев и не только помогают и жалеют их, но зачастую и оказывают им особые знаки внимания, уважения, симпатии. Именно эти чувства — сострадание и альтруизм — отличают общество от стада. Они были приобретены человеком в процессе долгого антропогенеза²².

Вероятнее всего, что стадо формировались по биосоциальным законам, общим для всех стадных животных²³. К примеру, лучшие куски доставались самым сильным, самок и детенышей защищало все стадо, а старых и немощных представителей отдавали в качестве естественной дани на съедение хищникам, все тем, кто охотился на двуногих наземных полуобезьян. А в поединках за самку с более слабыми безжалостно расправлялись более сильные и умевшие лучше использовать каменное оружие — у австралопитеков не было инстинкта волка.

Важное отличие состоит в том, что предлюди объединялись не под давлением биологического инстинкта, а ради удовлетворения таких потребностей, которые в одиночку они никак не могли бы удовлетворить, например для защиты территории, обороны от хищников, продолжения рода или совместной охоты.

Итак, стадо предлюдей знало две формы социальной организации: материнско-детскую и гаремную (рис. 17). Они послужили переходной ступенью от стада предлюдей к стаду людей. С социологической точки зрения между ними существует очень серьезное различие. Дело в том, что материнско-детские группы имеют только горизонтальный тип социальных связей. В них нет доминирования, господства, подавления, но есть забота, воспитание, обучение. Гаремные группы организованы по принципу вертикальных связей. Они иерархичны. Здесь есть лидеры, господство, насилие и подчинение.

Два разных начала, но оба они, несмотря на свою противоположность и кажущуюся выигрышность первого варианта, эволюционно были необходимы человеческому обществу. Мы это знаем по себе. Макросоциальная, государственная, жизнь устроена иерархически, а внутрисемейная формируется на горизонтальных принципах человеческих связей.

Вполне возможно, что обе разновидности группы представляли собой не последовательные ступеньки, а два подвижных состояния стада предлюдей, существующих одновременно. Подобную гипотезу высказал выдающийся отечественный историк Б.Ф. Поршнев²⁴. Вовсе не случайно он называл стадо предлюдей «тасующимся стадом». То было стадо особого рода: то разбухая, то съеживаясь в объеме, то распадаясь на единицы, оно не имело постоянного состава. Одна и та же особь могла оказываться последовательно членом разных сообществ по мере их соединений, разъединений, тасовки. В подобных группах не могло быть стойкого семейного ядра вроде семейных групп гibbonов. У предлюдей самцы составляли более мобильный, чем связанные молодью самки, социальный компонент стада. Потому Поршнев называет

Рис. 17. Эволюция от стада предлюдей к стаду людей

их зоогеографическим элементом. Это как приходящий папа сегодня. Оторвавшись от своих самок, он уже не возвращался к ним вновь, а примыкал к другим, таким же случайным материнско-детским группам.

Стаду предлюдей в целом присущ пока еще биологический образ жизни. Передвигаясь на огромные расстояния в поисках подходящей пищи (а надо вспомнить, что это был период великого оледенения), они питались чем попало и как попало. Условия жизни вели к неизбежному разрыву стадного сцепления: самки с молодняком отставали, отрывались от взрослых самцов, причем не сезонно, а без всякой надежды соединиться вновь. На гигантской карте территориальной миграции самцы присоединялись к самкам с молодняком только на время. Затем разъединялись и соединялись с новыми группами. Таковы возможные причины появления так называемого промискуитета — беспорядочных половых сношений, явления, логически доказанного как исходная ступень человеческой семьи, хотя совершенно не характерного для животных.

Глава 6. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СТАДО

В науке сегодня не сложилось единого мнения о времени разложения працеловеческого стада и появления собственно человеческого стада — исторических предшественников родоплеменной организации, а затем и государств.

6.1. Хронологические рамки

Прошло много времени, прежде чем стадо предлюдей, т.е., по существу, обезьян, превратилось в стадо людей, а затем на развалинах первобытного стада не возникла первобытная община.

В отечественной науке первобытным человеческим стадом, или праобществом (праобщиной), принято называть формирующееся общество. Термин «первобытное человеческое стадо» введен в 1930-х гг. в советскую науку для обозначения социальной организации формирующихся людей. Археологические границы вызывают в науке многочисленные споры. Одни авторы относят период человеческого стада к раннему палеолиту, другие — к среднему.

Это понятие связано с теорией двух скачков в антропосоциогенезе, первый из которых знаменует возникновение древнейших, а второй — «готовых», по определению Ф. Энгельса, людей¹. Между ними лежит эпоха биосоциального развития, когда физическая эволюция человека еще опережает культурный прогресс и в процессе трудовой деятельности изживаются остатки зоологического индивидуализма. В советской науке преобладало мнение, согласно которому время первобытного человеческого стада соответствует раннему (нижнему и среднему) палеолиту, этапам древнейшего и древнего человека². Наконец, третья часть авторов считает необоснованной саму концепцию и полагает, что уже с появлением древнейшего человека возникло «готовое» человеческое

общество в форме общины. Многие историки и этнографы называют не вполне удачным сам термин «первобытное человеческое стадо», вот почему эта форма все чаще обозначается термином «праобщина».

Примерно 35–40 тыс. лет назад, на грани раннего и позднего палеолита, антропосоциогенез завершился. На смену формирующимся пришли «готовые» люди — неоантропы (*Homo sapiens*), а праобщество превратилось в «готовое» общество. Одни ученые включают праобщество в первобытное общество в качестве первого этапа его развития. Другие считают смешение праобщества и начального этапа эволюции «готового» общества неоправданным. Под первобытным обществом они понимают общество, каким оно было в период от завершения социогенеза до начала становления классов и государства. По археологической периодизации это поздний палеолит, мезолит и отчасти неолит.

Среди многих точек зрения можно выделить две основные, которые можно условно назвать материнско-родовой и общинной³. По первой первобытное человеческое стадо, в котором господствовал промискуитет, на грани раннего и позднего палеолита превратилось в материнский род, ставший первой формой сформировавшегося общества. В силу экзогамии род не мог существовать вне связи с другими, и поэтому его возникновение было одновременно и появлением системы двух взаимобрачующихся родов, дуальной организации. Вместе с родом, таким образом, возник и брак, который в своей исходной форме был групповым (дуально-родовым) и дислокальным браком.

По второй теории основной единицей первобытного общества на всех этапах его развития была первобытная община, состоявшая из парных семей. Община и семья — основные и универсальные ячейки. Род никогда не имел экономических функций, его роль в основном сводилась к регулированию брака. Материнский род не первичен по отношению к отцовскому: и тот и другой равноценны по своим функциям и историческому значению. По вопросу о времени возникновения первобытной общины среди сторонников данной точки зрения нет единства. Одни считают, что она возникла на грани раннего и позднего палеолита, другие относят ее появление к более раннему времени, нередко выступая при этом против понятия «первобытное человеческое стадо». В 1940-х гг. С.П. Толстов, пользуясь критерием уровня развития производительных сил, вычленил три основных этапа первобытной истории: первобытное человеческое стадо (становление первобытного общества, начинается с употребления орудий), перво-

бытная община (зрелость первобытного общества, начинается с введения орудий для производства орудий) и военная демократия (превращение первобытного общества в классовое, начинается с освоения металла). В 1970-х гг. Ю.И. Семенов построил другой типологический ряд — праобщина (первобытное человеческое стадо), раннепервобытная (раннеродовая), позднепервобытная (позднеродовая) и протокрестьянская (первобытная соседская) общины. В той и другой классификации, как мы видим, присутствует понятие человеческого стада.

В развитии первобытного человеческого стада выделяют стадию архантропов и стадию палеантропов, которые жили в мустьерское время. Ареал расселения архантропов был относительно невелик и ограничивался первоначально регионами с теплым климатом. Жили они небольшими коллективами, скорее всего по 20–30 взрослых особей, занимались собирательством, требующим больших затрат времени, но дающим относительно мало пищи и притом чаще всего низкокалорийной⁴.

Большинство авторов сходится во мнении, что рубеж 35–40 тыс. лет назад можно условно принять за начало человеческого общества как такового. Разумеется, и на этом этапе еще продолжают действовать биологические факторы эволюционного отбора, с каждой последующей стадией они все больше вытесняются факторами социальными. Согласно Ю.И. Семенову⁵ уже с эпохи *Homo habilis*, человека умелого, начинается дробление больших группировок на более мелкие сегментации с замкнутой *иерархической системой мужского доминирования*. Данный процесс получает более четкие очертания в эпоху *Homo erectus*. Наконец, своего максимума процесс формирования стада людей, или праобщины, достигает в эпоху неандертальца. Уйдя 35–40 тыс. лет назад с исторической сцены, неандерталец унес целую эпоху социогенеза — стадный этап. С кроманьонца начинается новая страница всемирной истории — формируются локальные группы, роды, племена, а затем и вождества.

Таким образом, время существования *питекантропов* выпадает на длительный и очень трудный период разложения стада предлюдей, зарождения в его недрах человеческого стада. Приблизительно 500 тыс. лет назад произошло «приручение огня» («эффект Прометея»). Для Европы это было время очередного наступления ледника. Стоянки обитания человека прямоходящего уже оборудовались наземными жилищами. Это было начало постепенной трансформации «человека прямоходящего» в палеантропа — «неандертальского человека».

У родоначальника человеческого стада *Homo erectus*, человека прямоходящего, на 25–30% по сравнению с его эволюционным предком увеличился мозг, достигнув рубежа в 900–1200 см³. Он стал выше ростом, крупнее и мастеровитее. Совершенствуется техника обработки камня для получения орудий.

Начиная с австралопитека биологическая эволюция человека все ускорялась. У питекантропа объем мозга увеличился до 900 см³. Он еще не вполне освоился с прямой походкой и не мог проходить большие расстояния. Питекантропы — первые истинные люди — появились в тропиках как потомки австралопитеков около 1,5 млн лет назад. Питекантропы (его подвиды — «человек умелый» и «человек прямоходящий») первым заговорил, начал изготавливать одежду, строить хижины, расселился в регионах с холодным климатом, стал охотиться на дичь и пользоваться огнем.

Время существования питекантропов выпадает на период разложения стада предлюдей и зарождения в его недрах человеческого стада. Фаза человеческого стада хронологически совпадает с другим типом человеческого существа — неандертальца, создавшего археологическую культуру раннего палеолита. В период с 300 тыс. по 40 тыс. лет назад он заселил Азию, Африку и Европу. Средний рост неандертальца 165 см, объем мозга достигает 1200–1300 см³. Тем не менее особым интеллектом он не отличался. Об этом свидетельствует вышеупомянутый выдвинутый вперед лоб, низкий, словно сплюснутый с боков череп.

Фаза неандертальца короче двух предыдущих. Биологический прогресс ускорялся, физические изменения в строении человека шли по нарастающей. Примерно в середине этой фазы, а именно 150 тыс. лет назад, мозг заметно усовершенствуется, скелет становится похожим на скелет современного человека. Поэтому с этого момента ученые говорят о появлении людей мыслящих — *Homo sapiens*.

Итак, с питекантропа началось формирование человеческого стада, а неандертальцем оно закончилось. Следующий историко-эволюционный тип — кроманьонец, это уже время первобытной общины, рода, племени, а затем и вождества.

6.2. Социальные критерии

Термин «человеческое стадо», принятый в отечественной истории архаического общества и не разделяемый зарубежными антропологами, использующими для этих целей термин *band*, может ввести в заблуждение. Небольшая группа древних людей, состоящая из взрослых и детских особей, численностью в 20–30 ин-

дивидов, с осторожностью передвигающаяся из одного места в другое, вряд ли кому напоминает несущийся табун лошадей или тупо бредущее стадо баранов. Слово «стадо» потребовалось, видимо, для того, чтобы лучше выявить специфику социальных отношений в первобытном сообществе: обезличенность, отсутствие разума, речи и навыков трудовой деятельности, господство инстинктов и т.п.

Человеческое стадо — это не только научное понятие, но и очень специфическая категория-метафора, которая отражает а) самую раннюю стадию развития общества и б) аморфное состояние современного общества или его части. Устаревшим термином, обозначающим самую раннюю форму организации общества, а именно первобытное человеческое стадо, выступает слово «орда». Другими синонимами, имеющими оскорбительно-уничтожительный смысл, выступают слова «быдло», «чернь», «толпа» и др. В обиходном значении стадо обозначает многочисленное неорганизованное скопище людей.

В человеческое стадо современные люди превращают тогда, когда теряют контроль над своим поведением, способность к самостоятельному мышлению, духовную или нравственную опору, следуют только низменным инстинктам. В этом состоянии люди слепо подчиняются вожаку или вождю, становятся покорной, обезличенной массой. Если сделать всех людей одинаковыми по своим возможностям и потребностям, то это будет стадо, а не человеческое общество (Ф. Кривин). Авторитарный лидер железной рукой ведет человеческое стадо к принудительному счастью. Человеческое стадо обладает мощной способностью к психическому заражению, оно инертно, способно верить, но не думать, способно подчиняться чужой воле, но не способно сопротивляться. Его можно вести к коммунизму, но нельзя — к капитализму, ибо это строй индивидуалистический.

Подобные выражения встречаются в художественной, публицистической, религиозно-нравственной и философской литературе. В частности, у К. Пронина есть такие строки:

«В пляс по лезвиям мечей
В свете зарева заката
Пляска рук, мечей, свечей...
Человеческое стадо
Обезумело, кричит,
Пляской дьявольской объята
Конокрады, палачи,
Ведьмы, люди, псы, поэты...»

Чрезвычайно важным моментом социальной эволюции, по мнению Ф. Энгельса, было приспособление верхних конечностей не только в качестве дополнительной опоры при движении или каких-то хватательных движениях (скажем, при лазании по деревьям), но и для выполнения элементарных *трудовых* операций. Хотя у обезьяны и человека «число и общее расположение костей и мускулов одинаково... рука даже самого первобытного дикаря способна выполнять сотни операции, не доступных никакой обезьяне»⁶. В то же время, подчеркивает Энгельс, «рука... является не только органом труда, она также и продукт его»⁷. Необходимость выполнять трудовые операции задала определенное направление эволюции, в ходе которой и сложился совершенно уникальный инструмент, который одновременно является частью тела, — человеческая рука. Такого рода неотъемлемым от тела орудием не обладает ни одно другое живое существо. Как отмечает Н.В. Клягин⁸, первые ручные рубила «человека умелого» требовали 3–10 ударов на орудие, то уже древнеашельское (1,5 млн — 800 тыс. лет назад) рубило аббевильской техники — 25 ударов. Для получения средне-верхнеашельских (примерно 800–400 тыс. лет назад) рубил требовалось уже порядка 65 ударов. С увеличением мозга качественный скачок совершило сознание нашего предка и возросли способности к абстрагированию. Человек прямоходящий совершает трансконтинентальный, растянутый на миллион лет, миграционный переход из Африки на просторы Южной и Центральной Европы, Южной Азии и островов Индонезии. Возможно, он захватил с собой главное богатство — новую форму социальной организации — праобщину, которую иначе еще именуют стадом людей.

Развитие руки и трудовой деятельности стало толчком для перевода биологической эволюции на путь эволюции *социальной*. Происходит качественное изменение всей хозяйственной жизни — от простого прикармливания человек переходит к собирательству, т.е. к систематическому поиску растительной пищи, транспортированию ее на стоянку, складированию и хранению ее для будущего потребления.

Отложенное потребление, т.е. не поедание найденного сразу и на месте, а накопление впрок, характерная черта нового отношения к собирательству. Другая особенность — использование простейших орудий труда, такой, скажем, как палки-копалки. А затем — рыбная ловля. Именно этот период существования Г. Морган называет «младенческим периодом существования человека», когда

«человечество училось пользоваться огнем, давшим возможность питаться рыбой и переменить свое местожительство, когда оно пыталось создать членораздельную речь. В этом совершенно примитивном состоянии человек является не только ребенком, в масштабе развития человечества, но и обладателем мозга, в который не проникла ни одна мысль, ни одно понятие, связанное с каким-либо учреждением, изобретением и открытием, — одним словом, он стоял на самой низкой ступени, но таил в себе все, чем он стал впоследствии»⁹.

Мужчины и женщины в этот период охотились на мелких животных и мелкую дичь. Охота на крупных животных появится значительно позже. На этом этапе четко выраженного разделения труда между полами, видимо, пока еще не происходило.

Таким образом, человеческое стадо — группы первобытных людей, объединившихся для совместного выживания. Заслуга перед человечеством этой формы социальной организации людей — борьба со своей зоологической природой, выжигание ее каленым железом и окончательная победа разума над инстинктами.

Структурные элементы первобытной культуры — тотемы, табу, верования, заповеди, требования обычного права, моральные нормы — были прямо направлены на обуздание зоологических инстинктов членов первобытного стада. Они представляли собой культурные формы регулирования страстей, желаний, влечений, вражды и т.п. Не вызывает сомнений, что культура рождалась как способ ограничения природы, причем средствами весьма жесткими, репрессивными. И сегодня появляются теории, указывающие на то, что в современном человеке не умерли первобытные инстинкты и что культура как средство их обуздания нужна сегодня как никогда.

6.3. Появление социальных норм

Важным моментом, характеризующим качественное развитие человеческого стада, стало обуздание полового инстинкта и создание первых социальных норм — запретов (табу). Уже на этапе человека прямоходящего возникают новые отношения, зарождаются нравственность, первомораль, определяющие нормы поведения. Вероятно, именно с этого момента — появления первых социальных норм, пусть и в зачаточной форме — следует отсчитывать начало человеческого стада.

Понятие «табу» (*taboo*) ввел в научный оборот и вообще в европейские языки известный английский мореплаватель и иссле-

дователь XVIII в. капитан Дж. Кук, изучавший жизнедеятельность примитивных племен в Полинезии. Табу означает строжайший запрет на совершение определенных действий, налагаемый на всех членов племени или какую-то его часть. Нарушение «табу по представлениям примитивных народов, освобождало некую неведомую опасность, находившуюся до этого в скрытом состоянии. Эта сила карала (чаще всего смертью), причем не только самого нарушителя, но и коллектив, членом которого он является. Соблюдение “табу” осмысливалось как своеобразная профилактическая мера, защищающая коллектив от смертельной опасности, которая может произойти из-за неправильного поведения отдельной личности»¹⁰.

Первой формой явилось табу на промискуитет, второй — табу на пищу.

Отношения между полами у обезьян и предлюдей почти не различались. Они всецело определялись физиологией размножения. С самкой, находящейся в эструсе (состояние полового возбуждения), вступают в отношения все желающие. При этом доминирующие самцы не ставят никаких препятствий подчиненным. Неограниченные половые отношения называются *промискуитетными*. Разрешались половые связи между всеми особями мужского и женского пола независимо от того, к какому поколению они принадлежали. Любой мужчина мог быть половым партнером любой женщины.

По данным социобиологии, репродуктивные стратегии самцов и самок у приматов различны (у человека тоже). В среднем самцы более промискуитетны и ориентированы на сексуальные контакты со многими партнершами. Стратегия самок двояка: они выбирают либо самца-помощника (т.е. хорошего отца), либо «носителя хороших генов» — физически здорового, сильного, привлекательного, занимающего высокое место в иерархии. В последнем случае потомство имеет шанс унаследовать от отца очевидные преимущества, но мать лишается помощника. Для самок ранних гоминид парные связи с конкретным самцом оказались жизненно важны и адаптивны, так как репродуктивная способность самок была низкой, а дети долго нуждались в родительской опеке¹¹.

Промискуитет как бы унаследован человеком от своих животных предков, и нет ничего удивительного в том, что он существовал у предлюдей. Но его последствия были другими. У обезьян число взрослых самок в два-три раза выше числа взрослых самцов. Поэтому конфликты здесь — явление редкое. Напротив, в стадах предлюдей самок не хватало, поэтому здесь конфликты —

явление частое. Нередко они заканчивались смертью одного из самцов.

Если сегодня женщины в среднем живут дольше мужчин, то в эпоху раннего и позднего палеолита продолжительность жизни женщины была меньше, чем у мужчин. Переход к прямохождению и связанная с этим значительная перестройка организма неизбежно повлекли за собой возрастание числа осложнений при беременности и родах, а следовательно, и повышение числа смертности. Репродуктивная система животных складывалась в течение многих миллионов лет, а у человека ей пришлось изменяться слишком быстрыми темпами. Эволюция человека как социального существа отрицала его эволюцию как существа природного.

Процесс перестройки пришелся на время жизни предлюдей и ранних людей. Конфликты из-за самок снимали сплоченность объединения и его способность противостоять хищникам. Конфликты мешали охоте, разрушали слаженность и кооперацию.

Эволюция зашла в тупик, из которого формирующий человек нашел неожиданный с точки зрения животного мира выход. Он нашел то, чего нет и никогда не было в природе, а именно социальную норму.

Первые запреты ограничивали *половые отношения* в период охоты, сева, сбора урожая и других видов трудовой деятельности. В некоторых племенах, существующих и поныне, такие требования сексуального воздержания сохранились до сих пор, например, у пигмеев или у народа моту (Новая Гвинея) существует обязательное воздержание в ночь перед охотой. Индейцы-пипили из Сальвадора также воздерживаются от сексуальных контактов с женами в течение четырех дней перед посадкой семян.

Со временем табу становились все более длительными, а периоды между ними сокращались. Ограничения снимались только на время особых праздников. На островах Фиджи на праздник мужчины и женщины публично, без всякого разбора вступали в половую связь. Через несколько дней ограничения восстанавливались.

Половые отношения в человеческом стаде приобретали эпизодический характер. В человеческую жизнь вторглось нечто инородное, что не диктовалось биологическим инстинктом. Это и было, вероятно, начальной социализацией, регламентировавшей важнейшие стороны жизни человека.

Вслед за ним, скорее всего, появилось пищевое табу. Оно сводилось к запрету поедать все, что только можно, и в любое время. Возможно, второе табу произвело не менее *революционные* изменения в отношениях между людьми, нежели первое. Фактически

благодаря ему на свет появились распределительные отношения и коллективная собственность, свойственные только человеческому обществу. Разумеется, и животные не оставляют детенышей без пищи — с ними делятся в первую очередь. Однако накормить собственных детей — это природный инстинкт, а уступить часть добычи другому, особенно неродственнику или тому, кто не участвовал в многодневной изнурительной охоте, — это уже начало разделения труда и социальных отношений как таковых.

Выделим принципиальное положение: формирующийся человек начал обучаться тому, как подавлять собственные эгоистические импульсы (зачатки самоконтроля). Что касается *предчеловека*, то он умел подавлять только чужие импульсы.

Хотя в охоте или собирательстве принимали участие не все члены рода, при распределении пищи в той или иной мере учитывался каждый член общины. Такое распределение можно было бы назвать уравнительным, поскольку оно не учитывало ни имущественного положения, ни родственных связей, ни трудового вклада. Все получали поровну, а точнее сказать, в соответствии с физиологическими потребностями разных по полу и возрасту людей. Правда, в трудные времена, когда пищи остро не хватало, первыми ее получали трудоспособные члены стада, ибо именно они обеспечивали выживание — не только свое, но и всех остальных. Иждивенцам приходилось голодать. В особо трудных случаях от этих иждивенцев даже избавлялись, а иногда их просто поедали. Как уверяет Г. Морган, не случайно каннибализм на протяжении десятков тысяч лет был «бичом человечества». Умерщвление первой категории иждивенцев (детей) называется *инфантицидом*, второй категории (стариков) — *геронтоцидом*.

Таким образом, распределение пищи — основная характеристика формирующегося общества и важнейшее отличие человека от млекопитающих. Оно явилось следствием пищевого табу. Но и первое табу, на промискуитет, тоже привело к формированию особого распределительного механизма — между представителями двух разных полов. Оба вида табу, повлекшие два типа распределительных отношений, касаются самых фундаментальных потребностей человека — в пище и в воспроизведении рода. Стоит здесь навести порядок, как он по цепочке распространится на все другие потребности и инстинкты, в том числе безопасность, социальное общение, престиж и др.

С двух крупнейших на свете табу началось возведение пирамиды человеческого общества, великое домостроительство человека. За ними потянулись другие нормы, образовав непрерывную, а теперь уже неразрывную цепочку социальных норм.

По мере эволюции человеческого стада запретов становилось все больше, они пронизывали всю жизнь первобытного человека. В период родоплеменного строя табу регламентировали буквально все стороны жизни первобытного человека, в том числе относившиеся к медико-гигиеническим вопросам. Так, достаточно рано сформировалось табу в отношении лиц, оказывающих помощь или ухаживающих за ранеными и больными. Их роль в истории велика. С помощью табу охранялись ключевые стороны коллективной жизни. Табу охраняло роженицу, инициации, сексуальное поведение, собственность. Табу ограждало от опасностей, связанных с отношением к покойникам или употреблением неизвестной пищи.

Табу олицетворяли собой *коллективную волю*, возвысившуюся над человеческим стадом и управлявшую жизнью каждого отдельного индивида. В коллективной воле эволюция как бы нашла заменитель свержорганизма. Как и в муравейнике, в формирующемся обществе постепенно наводится порядок, гармония и организованность. Сливались воедино, социальные нормы превращались в систему социального контроля, правда, пока еще не формального. В эпоху палеолита перед табу, как много позже — в эпоху расцвета гражданского общества и индустриальной демократии — перед законом все были равны. Табу охраняли не только властителей и священников, но и женщин, детей, стариков, инвалидов.

Первые социальные нормы и ограничения послужили историческим прологом к возникновению *культуры*. Культура возникает в тот самый момент, когда локальная группа, пытаясь выжить, начинает взаимодействовать, строить социальные отношения специфическим для нее способом, применяя специфические для нее орудия труда и технологии к специфическим условиям и климату. Чем совершеннее орудия и технологии, тем выше производительность труда и многочисленнее население, сложнее социальная структура и утонченнее культура сообщества.

6.4. Тотемизм

Человеческое стадо отличается от своего эволюционного предшественника тем, что на этом этапе появляется индивидуальность людей, а вместе с ней и родственные отношения в сообществе наших древних предков. Возможно, что первоначальной формой индивидуальности служила идентификация человека не со своим именем, а с коллективом. В свою очередь, коллективность отождествлялась с тем или иным животным. Подобная форма коллективной идентификации получила название *тотемизма*.

Как отмечает С. Токарев, тотем (от алгонкинского слова «тотем» — «его род») — это чаще всего животное, реже растение, которое становится табу (запретным) для всех членов данной прабщины. Тотем — это видимый знак единства и солидарности первобытного рода. Через тотем почитается не только животное, но и данный род. Таким образом, тотемизм — самая ранняя и самая сильная форма идентификации группы. В то же время это первая культурная форма социального символа.

За исключением строго определенных ритуалом обстоятельств к тотему вообще нельзя прикасаться: его нельзя убивать, нельзя есть его мясо и причинять ему какой-либо вред. Ко всем животным данного вида относятся с величайшим страхом и одновременно с любовным почтением. Их пытаются задобрить и ждут от них милостей. Случайно погибшее животное оплакивается и хоронится как соплеменник.

Зарождение тотемизма и магии — самые значимые явления неандертальской фазы с точки зрения состояния духа и очередного этапа структурирования семантического пространства. Ее можно назвать фазой тотемического сознания¹².

Видимо, ритуал невозможен там, где нет первобытных верований и где они еще не появились. Верование и ритуал рождаются практически одновременно. Придать ритуалу особенную, сверхъестественную или потустороннюю силу, вдохновляющую и возбуждающую жизненную энергию исполнителей, могло только верование. Самой древней формой верования выступает тотемизм, а одной из самых древних форм ритуала является, следовательно, тотемический ритуал.

Первым объектом верования выступало животное. Наши предки ощущали с избранным в качестве тотема (родового символа) животным, скажем, медведем или волком, такое же кровное родство, как с самыми близкими людьми. Через тотемного предка осуществлялась символическая связь родовой общины с территорией. Тотемизм освящает традиционное право данного рода на его землю и его угодья.

Переход к тотемической стадии существенно обогащает ритуал. Он приобретает чисто театральные эффекты, выстраивается по законам драматургического действия с собственной завязкой, интригой и развязкой. В ритуалах погребения кроме хореографического кружения и завываний, кроме показательной порчи вещей умершего встречается раскраска тел и лиц.

Итак, ритуал — это уже не только пританцовывание вокруг костра, но и повествование о своем отношении к почитаемому

вождю или об истории почитаемого животного, раскрытие характера и образа жизни племени, демонстрация в театрализованных действиях единства потустороннего и реального миров. Это эпос в миниатюре. Понятно, что с возникновением ритуала человеческая культура вступила на новую, качественно более высокую ступень своего развития.

Веками повторяющийся обычай постепенно расширяется и обрастает дополнительными структурами, действиями, операциями, которые в совокупности составляют ритуал. Ритуал вырастает из коллективных действий по поводу обычая. Но не простых действий, а внушающих соплеменникам чувство солидарности, приобщенности к группе, коллективную уверенность.

И обычай, и ритуал включали первоначально одни и те же действия. Чем же они тогда различались? Формой и содержанием. Формой потому, что ритуальные действия имели экспрессивно-выразительный характер и поначалу представляли элементы коллективной хореографии, например вытанцовывание вокруг огня. Содержанием потому, что ритуал имел мировоззренческую начинку. Он призван был вдохновить и сплотить группу, заставить поверить ее в существование каких-то высших сил и духов. Обычай же просто представлял передачи чего-либо, стереотипные действия, основанные на запоминании, некую схему, выполняемую бессознательно. Одними из первых появились на свет ритуальные трупоедение (канныбализм) и захоронение.

Трансляция норм поведения проводилась старшими членами общин при посвящениях — инициациях, где юношам и девушкам сообщают священные предания и верования рода, племени, внушают повиновение обычаям и моральным предписаниям, особенно в области половой жизни и в отношении к старейшим. Неофитам объясняли, что в случае нарушения этих норм они будут наказаны богами, духами, установившими эти правила.

Суть тотемного танца состояла в уподоблении человека определенному животному: его повадкам, характеру, охотничьим манерам. Магическое соединение в инсценированном действе повадок человека и повадок животного служило для первобытного человека необходимым условием успешной охоты. Во-первых, человек таким способом приобщался к духу родового животного, как бы вставал под его защиту и становился тем самым непобедимым. Во-вторых, человек верил в переселение души животного на время охоты в тело человека, способность того руководить действиями первобытного охотника и таким путем увеличивать вероятность успеха. Ведь животное всегда успешнее человека в охоте, если в ней не пользоваться оружием.

Подражание охотничьему арсеналу поведения избранного животного, его способам маскировки, загонной охоты, подкрадывания к жертве и методам нападения служили также прекрасным тренингом, своеобразными курсами повышения профессионального мастерства. Позже тотемные танцы оторвались от своей естественной основы и превратились скорее в театральную инсценировку, ритуальное и церемониальное представление. Они приобрели некоторую повествовательную функцию, так как рассказывали зрителям, прежде всего молодежи, которая в такие минуты проходила активную фазу социализации и общинного воспитания, историю рода, образ жизни предков, их героические приключения. Таким образом, тотемическая обрядность послужила как бы истоком для театрального действия и мифологии.

Первые реалистические рисунки берут свое начало от магико-тотемической идеи возможности воздействия на тотемное животное через его изображение. С тотемизма берет начало скульптура, передающая сложную символику тотемного знака. Наконец связь с мифологией определила роль тотемизма в формировании коллективной исторической памяти. В неразрывной связи с верой в тотемических предков находятся представления о тотемическом цикле рождения и смерти. Умерший становился тотемическим предком, он возвращался при новом рождении, чтобы вновь пройти весь цикл.

Одним из наиболее известных следов тотема является восточный (китайский) календарь, в котором каждый год ассоциируется с каким-либо животным (например, «черная свинья», «красная обезьяна»), образуя систему из пяти 12-летних циклов. Сакрализация по признаку крови в иудаизме — также реликт тотемного прошлого.

6.5. Общественное разделение труда

В первобытном человеческом стаде занятия распределялись в соответствии с естественным разделением труда и способностями каждого из членов этого коллектива. Женщины собирали плоды, поддерживали огонь, присматривали за детьми и делали укрытия из прутьев на временных стоянках. Из шкур убитых животных изготавливали одежду. Мужчины охотились, защищали свою территорию и изготавливали примитивные орудия. Они обрабатывали камни, дерево и кости животных, делали из этих материалов ножи, копья и дубины — весьма грубые изделия, которые тем

не менее вследствие суровых условий жизни приходилось постоянно совершенствоваться. Старики и дети помогали собирать плоды.

Уже этот довольно примитивный вид разделения общественного труда представляет собой качественный шаг вперед по сравнению с миром животных. У последних в принципе отсутствует разделение труда между полами. Не бывает так, чтобы, например, у львов самка занималась собирательством, а самец — охотой. Каждое животное — универсальный добытчик пищи. Только у людей одни особи могут пользоваться плодами чужого труда, обменивая их на плоды своего труда.

Разделение труда позволяет человеку собирать или делать только то, что он лучше всего умеет делать, а не то, что ему хочется для удовлетворения биологических потребностей, как у животных. И лев и львица умеют делать одно и то же, кроме единственного различия — рождение и обучение потомства. Разделение труда у людей сразу же поставило их на ступеньку выше по лестнице эволюции. Человек стал узкоспециализированным, а потому и более эффективным производителем. Специализация мужчин на охоте, а женщин на собирательстве позволила примитивной группе не оставаться без пищи. Если мужчины возвращались с неудачной охоты, они могли удовлетворить свои потребности плодами, собранными женщинами. У животных такой кооперации нет. Удачная охота позволяла накормить более калорийной пищей все племя, а плоды и корни сохранить на черный день.

С момента первого разделения общественного труда сложилась пищевая специализация людей: женщины преимущественно вегетарианцы, а мужчины — мясоеды. Обмен продуктами труда позволил мужчинам получать необходимые организму растительные витамины и минералы, а женщинам — обеспечивать свой собственный организм и организм будущего ребенка витаминами, содержащимися в мясе. Как выяснилось, большинство приматов питаются как мясной, так и растительной пищей. Прожить исключительно на мясной диете человеку, видимо, невозможно. Обмен разноориентированной пищей позволял устанавливать первобытным людям более тесные социальные связи.

Чем разнообразнее источники питания и пища, тем гарантированное их поступление. Но чем разнообразнее питание, тем разнообразнее культурная жизнь общества и тем больше возможностей для развития человеческой личности. Разнообразие пищи почти зеркально отражается в разнообразии типов личности и типов поведения.

Чем гарантированное питание, тем больше численность проживающего на данной территории населения, тем выше вероят-

ность перехода к оседлому образу жизни и, стало быть, развитию городской культуры. Чем многочисленнее население, тем крупнее становятся общества, тем разнообразнее, универсальнее и гибче доминирующая культура, которая опирается или окружена широким спектром субкультур.

Чем многочисленнее население, тем сложнее им управлять, тем более громоздким становится государственный аппарат, тем больше постановлений, законов и нормативов издается. Следовательно, тем выше вероятность перехода от неписаного к писаному своду социальных норм. Чем больше размеры группы, тем актуальнее становится поиск подходящих правил соединения нежонатой молодежи и обучения ее добытым знаниям. Стало быть, тем необходимее совершенствование институтов семьи, брака, образования.

Чем глубже разделение труда в первобытном стаде между полами, тем весомее роль социальных факторов. В стаде животных и в стаде предлюдей шансы на спаривание определялись физической силой, более старший и более сильный самец монополизировал это право, отгоняя, выгоняя или вовсе уничтожая молодых претендентов. В человеческом стаде на первый план выдвинулись статусные права. Если прежде самец, не спрашивая самку, просто овладевал ею, то теперь женщина выбирала себе брачного партнера в зависимости от того, насколько хорошо он выполняет функцию кормильца и заботливого отца. Мужчина, в отличие от самца, перестал воспринимать женщину как машину для воспроизводства потомства и передачи его генов следующим поколениям. Она стала его социальным партнером, от взаимодействия с которым зависело его экономическое выживание и общественное благополучие.

Роль инстинктов, которые прежде устремляли друг к другу два противоположных пола, отныне стали выполнять интересы: она заинтересована в нем, а он заинтересован в ней. Причем на каждом следующем витке эволюции количество взаимных интересов возрастало. Инстинкты, в принципе, не способны становиться разнообразными или возрастать в числе.

Иными стали взаимоотношения между двумя мужскими поколениями. Теперь уже мужчина как глава семейства находил своему сыну брачного партнера, готовил подарки, обучал социальным навыкам.

Чем глубже разделение труда, тем больше различий наблюдается между членами одной группы, а значит тем выше уровень социального неравенства и дифференциации. Чем выше уровень социальной дифференциации в социуме, тем разнообразнее обще-

ственная жизнь. Но это одновременно порождает новые задачи, решать которые человечеству предстояло еще только научиться. Прежде всего речь идет о том, чего не было в мире животных. Мать обучала детенышей только навыкам охоты и выживания. Но в человеческом стаде зародились социальные отношения, которым тоже необходимо было обучать молодое поколение. В одиночку мать не могла справиться. К воспитанию детей привлекается отец, а социализация превращается сначала в совместное — отцовско-материнское, — а затем в коллективно-общинное мероприятие. Таким образом, на стадии человеческого стада впервые появляется социализация в истинном смысле слова.

Выход за узкие рамки семейных отношений и превращение в общественное событие произойдет уже на следующем витке эволюции, когда появятся племена, рода и вождества. И вновь движущей силой прогресса выступит знакомое нам разделение общественного труда.

6.6. Социальные отношения в первобытном обществе

Общественное разделение дало человечеству еще две важные вещи. Первая — стоянка охотников или первобытный лагерь. Большинство обезьян вынуждены постоянно перемещаться, находя пропитание там, где они остановились. Где застигала их ночь, там они и устраивали себе гнездо. При таком образе жизни не могут появиться скарб, домашняя утварь, орудия, съестные припасы. Постоянный лагерь для первобытных людей служил тем местом, куда они возвращались после длительного отсутствия, прежде всего мужчины-охотники, где они находили знакомых собратьев, членов семьи, предметы и пейзаж, к которым они успели привязаться и считали своими. Стоянка — одновременно место отдыха (рассказы об охоте, обсуждение последних событий, развлечения и игры), школа (обучение молодого поколения социальным и трудовым навыкам) и кухня (распределение, приготовление и употребление пищи).

Наличие постоянного лагеря позволяло полнее изучить окружающую местность, узнать все биоресурсы и эффективнее их использовать. При мигрирующем образе жизни животные и птицы перемещаются вдоль определенного маршрута, мало отклоняясь в стороны и довольствуясь лишь тем, что встречают под ногами. Примитивный лагерь давал радиальный охват: мужчины и женщины могли участок за участком обследовать всю окружающую

площадь, ничего не пропуская, а затем вернуться на место, чтобы утром возобновить обследование. Как только все ресурсы прилегающей местности были использованы, группа или племя сворачивали лагерь и переносили его на другое место.

Постоянный лагерь укреплял также и межпоколенные связи. Женщина привлекала к переноске собранных плодов подростков, занимаясь приготовлением пищи, она наблюдала за поведением детей, контролируя и направляя их действия. Подростково-женские группы занимались собирательством, обустройством жилища и приготовлением пищи, воспитанием и передачей жизненного опыта, организацией досуга и игровой деятельностью.

Разделение труда — это закрепление людей за выполнением определенных задач. Чем глубже разделение труда, тем уже задача, закрепленная за каждым индивидом, тем больше вероятности, что он выполнит ее более качественно. Но чем выше качество исполнения задач, прежде всего экономических, тем выше общий уровень культуры группы. Образно можно сказать так: локомотивом социальной и культурной истории выступает общественное разделение труда.

С ростом профессионализации и выделением верхушки общества резко возрастала эффективность производства. Об этом догадывались уже в глубокой древности. В книге Мэн-Цзы IV—III вв. до н.э. мы читаем: «Когда бы каждый сам делал все, что способны принести человеческому телу сто ремесел, да и пользовался только тем, что сделал сам, весь народ не знал бы отдыха».

Родовые группы охотников древнего каменного века, состоявшие из отдельных семей порой в несколько десятков человек, сменились земледельцами, в поселениях которых уже существовала дифференцированная социальная система. Первоначально единообразное общество все более отчетливо делилось на группы и социальные слои. Предметы, найденные в более древних захоронениях, свидетельствуют о равенстве жителей поселений независимо от пола. Полноправными членами общества были даже дети.

Коллективизм этого образа жизни наиболее ярко проявлялся во время совместных работ на полях и при строительстве ирригационных сооружений. Однако уже начался первый этап специализации труда: ремесленники обрабатывали камни и металлы, изготавливали керамику, остальные добывали пищу.

Об особенностях социальной структуры можно судить по распространённым в Центральной Европе длинным домам, их насе-

ление представляло собой уже отдельные сообщества. В одном таком доме жило, вероятно, от 30 до 60 человек, которые совместно строили укрепления и работали на полях. Это сообщество образовывали, как правило, кровные родственники. Они еще не знали частной собственности на землю — в то время она еще только зарождалась. Наибольшие изменения в социальные отношения земледельцев привнесли начавшиеся войны. Насилие существовало и во времена охотников и собирателей, но только появление собственности, проблемы ее приобретения, приумножения и защиты способствовали развитию специфически военного мышления. Впервые в истории ремесленники начали изготавливать оружие и другие технические средства для борьбы человека с человеком. Изменился и характер содержимого захоронений. Мужчин чаще погребали с оружием, особенно если это был известный воин. К III тысячелетию до н.э. глубокие изменения в социальной жизни привели к появлению института царской власти. В Египте более четко пролегла грань между правителем и остальными членами общества: царя, до этого лишь богатого и влиятельного человека, игравшего ведущую роль в обществе, приравнивали к божеству. От других людей его отделяла пропасть, созданная религией. Так некогда равноправное общество благодаря объединению религиозной и политической власти превратилось в абсолютную монархию с сильным аппаратом управления.

В Месопотамии царства формировались вокруг шумерских городов, центрами которых были храмы. Жрецы здесь контролировали не только культовую деятельность, но и хозяйственную жизнь, организацию орошения и главные зернохранилища. Принадлежность практически всей земли в городе местному божеству и всеобъемлющее подчинение управления, хозяйства и культуры храму позволяли жрецам представлять царя как наместника Бога на земле.

В период становления государства зависимость населения от царя не была еще столь сильной. Разливы больших рек не только позволяли собирать богатые урожаи, нужно было проводить работы, которые требовали совместных усилий населения, что формировало особенности общественного устройства. Обработка земли привела к появлению крупных общин, из которых на основе растущего богатства возникали большие города как опорные пункты обороны и экспансии. Различия в функциях отдельных групп сформировали новые группы — жрецов, ремесленников, торговцев, наемных работников и земледельцев. Вскоре общество стало делиться на аристократию, свободных людей и рабов.

* * *

Подведем краткие итоги. *Первобытное человеческое стадо* — условное название начального этапа первобытного общества, его дородовой стадии, относящейся к эпохе древнего палеолита (каменного века). Период становления человека и общества. Переход от «стада» к роду завершает сложение человеческого общества. Люди каменного века занимались собирательством, охотой, рыболовством; в неолите появились мотыжное земледелие и скотоводство. Каменный век сменился бронзовым веком (у австралийских и некоторых других племен сохранялся до XX в.).

Человеческое стадо — это очень специфическая категория-метафора, которая отражает: а) самую раннюю стадию развития общества и б) аморфное состояние большой группы людей, которое может характеризовать современное общество.

Исторические заслуги данной стадии эволюции человеческого рода заключаются в том, что она подготовила все необходимые социобиологические предпосылки для формирования человеческого общества. После нее эволюция стала качественно иной — из преимущественно биологической она становится преимущественно культурной. Человеческое стадо — такое промежуточное состояние, при котором биологическое и культурное начала находились в неразделенном состоянии, не имея преимуществ друг над другом. В этом плавильном котле еще трудно разглядеть собственно человеческие черты, которые только еще начинают прорисовываться на общем зверином фоне. Тем не менее именно об этой стадии развития можно твердо говорить, что социальное начало победило и эволюция приобрела необратимо прогрессивное направление.

Часть III
ТРАДИЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО

Глава 1. ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВ

Попытки систематизировать историю человеческого общества, навести хоть какой-то порядок в череде сменяющихся событий, политических режимов и социальных укладов предпринимались философами, антропологами и социологами неоднократно. Все мыслимое и реальное многообразие обществ, существовавших прежде и существующих сейчас, социологи разделяют на определенные типы. Несколько типов общества, объединенных сходными признаками или критериями, составляет типологию. В литературе принято выделять несколько типологий. Рассмотрим основные подходы, концепции и модели развития общества.

1.1. Циклические модели времени

Попытки как-то систематизировать ход общественных событий — выделить в них циклически повторяющееся или, напротив, линейно развивающееся — предпринимались человечеством в глубокой древности. В античной философии господствовала идея круговорота в эволюции мира и общества. Индийская религия признавала закон постепенного одухотворения природы, который осуществляется благодаря дыханию Брахмы. Каждый раз после очередной эпохи небытия появляется более совершенная человеческая раса, но она проходит те же четыре юги (эры) развития по нисходящей: от Золотого века, где царствуют Истина, Добро и Красота, к веку железному (Кали-юга), погруженному во Зло, Ложь и Безобразия. О пяти исторически сменяющихся поколениях — Золотом, Серебряном, Бронзовом, Героическом и Железном — учил также греческий поэт Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.). Гераклит считал, что мир в целом и общество время от времени

гибнут в мировом пожаре, затем возрождаются в том же виде. Идея исторических циклов не нова. Еще до начала нашей эры римский историк Полибий в 40-томной «Всеобщей истории» и китайский историк Сыма Нян в «Исторических записках» рассматривали историю общества как круговорот, как цикличное движение. Идею больших исторических циклов выдвинул в начале нашей эры арабский историк аль Бируни, а через 200 лет эту идею развивал Ибн Халдун из Туниса¹.

Идея нециклической направленности истории впервые сложилась в рамках христианской эсхатологии (от греч. *eschatos* — последний, конечный). Согласно этому учению человечество обречено на историю божественным проклятием, и сам божественный промысел ведет его через ряд этапов к страшному суду и прекращению земной истории. Видным представителем таких воззрений был Аврелий Августин (IV–V вв.).

В эпоху Возрождения идею циклов в историческом процессе высказал французский историк Дж. Вико, а немецкий философ и историк Иоганн Гердер в конце XVIII в. в работе «Идеи к философии истории человечества» подчеркивал генетические начала в истории, периодические перевороты между эпохами космического масштаба. Дж. Вико (1725) считал, что все нации проходят три эпохи, отмеченные характерной формой правления. Первая из них — божественная, когда нет еще государства, а в обществе правят жрецы; вторая — героическая, которую отличает аристократическое государство; третья — человеческая, форма правления — республика или представительная монархия. По завершении данной эпохи нация впадает в смертельный кризис. Однако к концу XVIII в. утверждается идея исторического прогресса в покорении сил природы и в нравственном развитии общества. Она опирается на ускоренное развитие производительных сил и общественных отношений в эпоху промышленной революции конца XVIII — начала XIX вв. (И. Гердер, 1784, и др.). Эту идею поддержали в XIX в. Г. Гегель, К. Маркс и Ф. Энгельс².

1.2. Современные подходы

В современной науке существуют разные варианты периодизации истории общества. Все зависит от того, под каким углом смотреть на историю обществ, какой критерий брать за основу и считать стержнем типологии, например, орудия труда, способ производства, тип технологии, образ жизни, хозяйственный уклад, уровень развития культуры или политический режим.

В 1962 г. известный антрополог Э. Сервис³ выделил четыре типа или уровня социальной и политической организации общества: локальная группа (*band*), племя (*tribe*), вождество (*chiefdom*) и государство (*state*), локальная группа — небольшое сообщество собирателей, основанное на родственных отношениях. Племена занимаются неинтенсивным производством пищи (огородничество и скотоводство). У них есть поселения и/или родовые группы, но нет управления (централизованной власти) и социальных классов (социально-экономической стратификации). У руководства племени не существует еще легитимных средств навязывать свою волю другим в процессе принятия политических решений. Община — форма социально-политической организации, промежуточная между племенем и государством, — имеет дифференцированный доступ к средствам и постоянную политическую структуру. Государство — такая форма социально-политической организации, которая основывается на централизованном управлении и социально-экономической стратификации.

Можно выбрать не политическое устройство, а, скажем, тип орудий труда — и так поступают историки, археологи, этнографы. У них идет речь об изменении орудий труда, поэтому они различают каменный, бронзовый и железный век. Палеолит (древний каменный век) делится историками на ряд стадий: ранний (нижний) палеолит, включающий олдувайский период (1,5–3 млн лет назад), Ашель (100 тыс. — 1,5 млн лет назад), Мустье, или средний палеолит (40–100 тыс. лет назад), и поздний (верхний) палеолит (40–10 тыс. лет до н.э.). Мезолит длился от 10 до 8–7 тыс. лет до н.э., неолит — от 8–7 тыс. до 5–4 тыс. лет до н.э., энеолит — 4–3 тыс. до н.э. Приоритет здесь принадлежал Г. Мортилье (1869). Теперь его периодизация — с некоторыми уточнениями — считается классической. Согласно ей различают древний (нижний) палеолит — протолит — с древнейшими культурными ступенями абвилльской, ашельской и мустьерской и поздний (верхний) палеолит — миолит — с культурными ступенями ориньякской, солютрейской и мадленской⁴. Все эти ступени различаются способами обработки камня.

Люди эпохи палеолита пользовались лишь оббитыми каменными орудиями, не зная шлифованных каменных орудий и глиняной посуды (керамики). Палеолитические люди занимались охотой и собиранием пищи (растения, моллюски и др.). Рыболовство только начинало возникать, а земледелие и скотоводство не были известны. Люди эпохи неолита жили уже в современных климатических условиях и в окружении современного животного и растительного мира. В неолите наряду с оббитыми распространились

шлифованные и сверленные каменные орудия, а также глиняная посуда. Неолитические люди наряду с охотой, собирательством, рыболовством начали заниматься примитивным мотыжным земледелием и разводить домашних животных.

В качестве критерия можно взять коммуникационные технологии и тогда мы получим, вслед за М. Маклюэном, нечто вроде культурологической типологии обществ. Историю человечества известный канадский социолог М. Маклюэн⁵ делит на четыре периода:

1) племенное общество, когда человек жил в устно-акустическом мире, структуру которого определяли мифы и ритуалы;

2) тысячелетия фонетического письма. Письменность перевела акустическое восприятие в зрительное, и этот коммуникационный период взорвал племенное общество. Он полагает, что алфавит в сочетании с менее важными средствами коммуникаций — колесом и дорогой — явился главной пружиной общественно-экономического движения соответствующей эпохи;

3) следующий этап был связан с «галактикой Гутенберга» и длился 500 лет. Изобретение книгопечатания было источником всех последующих процессов, составивших содержание развивающейся капиталистической формации. Становление национальных государств, индустриализация, формирование массовых рынков, распространение грамотности, образования, науки и культуры и многое другое берет начало с создания Гутенбергова станка. Печать подорвала корпоративные основы средневекового европейского общества и расчистила дорогу капиталистической конкуренции, специализации, кооперации, способствовавших росту капиталов и переходу к индустриальному обществу;

4) переход к современной электронной цивилизации. В сегодняшнем мире, утверждает Маклюэн, происходит очередной катастрофический коммуникационный взрыв культуры, полностью перекраивающий жизнь человека и общества.

На первый план можно выдвинуть взаимоотношения людей, их обычаи и традиции, семейный уклад, образ жизни и формы социальной организации. Одним из первых по этому пути пошел американский этнограф Л. Морган, благодаря которому широкую известность даже среди неспециалистов получила следующая типология: дикость, варварство и цивилизация. При этом дикость совпадала с палеолитом, а варварство — время перехода от неолита к веку железа.

В зависимости от того, каков критерий классификации, общества делятся социологами на закрытые и открытые, дописьмен-

ные и письменные, первобытные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические, доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные, стабильные и нестабильные, переходные и устойчивые, стагнирующие и динамично развивающиеся, дикие, варварские и цивилизованные и т.д.

В культурно-исторической периодизации, принятой в науке XVIII–XIX вв. и получившей наиболее полное обоснование у американского этнографа Л.Г. Морган (1818–1881), выделяются три эпохи истории человечества: дикость, варварство, цивилизация⁶. Он предпринял попытку периодизации древней истории культуры по критерию «изобретения—открытия». Добывание огня, изобретение лука, гончарное ремесло, земледелие, скотоводство, использование железа — важнейшие исторические вехи эволюции культуры дописьменного и раннего письменного общества. Классический труд «Древнее общество» (1877) посвящен вопросам возникновения семьи, собственности и родоплеменной организации. Исследовав быт и старинные обычаи индейцев, он пришел к идее рода как основной ячейки первобытного общества. На его исторической шкале выделены три главных этапа: *дикость, варварство и цивилизация*. В свою очередь, первые два подразделяется на три ступени — низшую, среднюю и высшую. При этом каждая последующая ступень менее продолжительна по времени, чем предыдущая. Так, низшая ступень варварства короче, нежели высшая ступень дикости, однако продолжительнее, чем средняя ступень того же варварства. По существу, здесь предвосхищается установленный позже Б. Поршневым закон неравномерного исторического развития общества⁷.

Если, как это сделал Морган, историческую шкалу принять в 100 тыс. лет, то период дикости продолжался 60 тыс. лет ($\frac{3}{5}$ жизни человечества), 20 тыс. лет (или $\frac{1}{5}$) занимал древний период варварства, для среднего и позднейшего периода остается 15 тыс. лет, а цивилизация возникла всего 5 тыс. лет назад⁸. В классификации Л.Г. Моргана дикость началась с появлением человека и завершилась возникновением гончарства. Этому периоду соответствует время становления человека и раннего родового строя (палеолит и мезолит археологической периодизации). Варварство начинается с изобретения гончарного производства и завершается появлением письменности.

Хотя современные ученые не согласны с Морганом в том, чтобы считать первобытные народы дикарями и варварами, они разделяют его точку зрения относительно цивилизации. Цивилизация, утверждает Морган, начинается с изобретения письменности. Употребление иероглифического письма является отчетливым

признаком начала цивилизации. Без литературных памятников не существовало бы, можно сказать, ни истории, ни цивилизации. Создание гомеровских поэм, передаваемых устно либо со временем записанных с достаточной точностью, датирует начало цивилизации у греков⁹.

1.3. Дописьменные и письменные общества

Сегодня социологи, антропологи и культурологи приняли в качестве одного из базовых критериев типологии обществ письменность. Это первая и исходная модель эволюции общества. Если в качестве главного признака выбирается наличие письменности, то все общества делятся на *дописьменные*, т.е. умеющие говорить, но не умеющие писать, и *письменные*, владеющие алфавитом и фиксирующие звуки в материальных носителях: клинописных таблицах, берестяных грамотах, книгах и газетах или компьютерах. Хотя письменность возникла около 10 тыс. лет назад, до сих пор некоторые племена, затерянные где-нибудь в джунглях Амазонки или в Аравийской пустыне, не знакомы с ней. Изобретение письменности свидетельствует о достижении народом высокого уровня культуры. Не знающие письменности народы называют дикими, отсталыми, нецивилизованными.

Дописьменные общества являются также донаучными, доиндустриальными и доиндивидуальными. У них нет истории, но есть только легенды. Время и пространство ограничены. Они крайне плохо осведомлены о других народах. В строгом смысле они не имеют теологии и космологии. Они не могут создать науку, ибо она предполагает продвижение, постепенное накопление верифицированных знаний, что в свою очередь требует записи результатов наблюдений и опытов. Благодаря этому последующие поколения создают систематическое знание на прочном экспериментальном фундаменте. Культура здесь развивается медленно, она не знает прогресса.

Культура становится цивилизацией только тогда, считает американский социолог А. Грин¹⁰, когда у нее появляются письменный язык, наука, философия, высокоспециализированное разделение труда, сложная технология и политическая система. Дописьменные культуры не обладают этими чертами. Но главный их недостаток — отсутствие письменности. Важность данного фактора следует из самого названия культур, которые не являются цивилизациями, — «*дописьменные*».

1.4. Простые и сложные общества

Согласно второй типологии общества также делятся на две группы — простые и сложные. Критерием выступает число уровней управления и степень социального расслоения. В *простых обществах* нет руководителей и подчиненных, богатых и бедных. Таковы первобытные племена, кое-где сохранившиеся по сию пору. В *сложных обществах* существуют государственный аппарат, наука, техника, социальное расслоение людей. Здесь не просто появляются руководители и подчиненные, но они составляют противоположные классы — господствующий и негосподствующий. Возникшее когда-то стихийно социальное неравенство теперь закрепляется юридически, экономически, религиозно и политически. Толчок к появлению сложных обществ был дан зарождением самого мощного института — государства. Простые общества возникли 40 тыс., а сложные — 5–6 тыс. лет назад.

Сложные общества — многочисленные, от сотен тысяч до сотен миллионов человек. Изменение численности населения качественно изменяет социальную ситуацию. В простом малочисленном обществе все друг друга знали и находились в прямом родстве. Даже в самом раннем типе сложного общества — в вождествах — люди все еще остаются родственниками, близкими или дальними, хотя могут занимать разные социальные положения. Позже в сложных обществах личные, кровно-родственные отношения заменяются безличными, неродственными, особенно в городах, где часто даже проживающие в одном доме незнакомы друг с другом. Система социальных рангов уступает место системе социальной стратификации.

Сложные общества называют стратифицированными потому, что, во-первых, страты представлены большими группами людей, во-вторых, эти группы состоят из тех, кто не является родственником по отношению к правящему классу (группе).

Обобщив многочисленный эмпирический материал, сравнив развитие общества в самые разные исторические эпохи, английский археолог Г. Чайлд¹¹ выделил следующие признаки сложных обществ:

- ◆ расселение людей по городам,
- ◆ развитие неаграрной специализации труда,
- ◆ появление и накопление прибавочного продукта,
- ◆ возникновение четких классовых дистанций,
- ◆ переход от обычного права к юридическим законам,
- ◆ зарождение практики крупномасштабных общественных работ типа ирригации и возведения пирамид,
- ◆ появление заморской торговли,
- ◆ возникновение письменности, математики и элитарной культуры.

Обобщенную формулу сложного общества можно выразить так: государство, стратификация, цивилизация.

В сложном обществе индивиды занимают разные позиции на шкале доступа к власти. Наверху располагается правящий класс, который добивается всего отнюдь не благодаря родственным связям. В крупном государстве правящий класс не может состоять сплошь из кровных родственников. Правящий класс крупного государства гетерогенный, т.е. разношерстный по своему составу, в нем перемешаны все родственные группировки. Напротив, в простом обществе сплошь и рядом властные позиции находятся в руках одной родственной группы, клана.

Описанные выше две типологии легко соотнести между собой и сделать два вывода:

1. Простые общества совпадают с дописьменными: у них нет письменности, сложного управления и социального расслоения.

2. Сложные общества совпадают с письменными: здесь появляются письменность, разветвленное управление и социальное неравенство.

1.5. Способы производства

В основании третьей типологии (рис. 18) лежит способ добычания средств существования, т.е. *способ производства*. Согласно этому критерию все общества с древнейших времен до наших дней можно разделить на следующие типы:

- ◆ общество охотников и собирателей,
- ◆ общество огородничества,
- ◆ общество скотоводов,
- ◆ земледельческое общество,
- ◆ индустриальное общество.

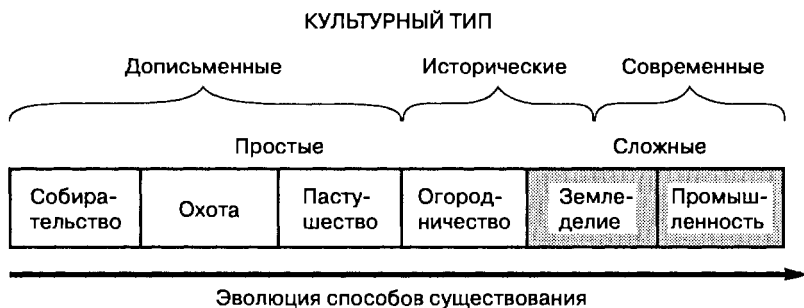

Рис. 18. Третий тип классификации человеческих обществ

Источник: Hess B.V. et al. *Sociology*. N.Y., 1991. P. 53.

Самый древний способ пропитания — охота и собирательство. Соответственно ему выделяется *общество первобытных охотников и собирателей*. Оно состояло из небольших кровно-родственных групп (их называют локальными группами, а также трибы), состоящих из 40–60 человек и отделенных друг от друга огромными пространствами. Их основу составляли несколько семей с многочисленным потомством. Все члены трибы, постоянно живущие друг с другом и редко встречающиеся с другими группами, находились в родственных отношениях. Так продолжалось несколько сот тысяч лет. Это самый продолжительный по историческому времени тип общества.

На смену ему пришли два других типа общества и способа производства — скотоводство (пастушество) и огородничество (его еще называют садоводческим обществом). *Скотоводство* — более эффективный способ добывания средств существования, основанный на приручении (одомашнивании) диких животных. Скотоводы, также как охотники и собиратели, вели кочевой образ жизни. Из охоты постепенно выросло скотоводство, когда люди убедились, что приручать животных экономичнее, чем добывать их на охоте. Из собирательства выросло огородничество, а из него — земледелие. Таким образом, *огородничество* — переходная форма от добывания из природы готовых продуктов (диких растений) к систематическому и интенсивному взращиванию окультуренных злаков. Небольшие огороды со временем уступили место обширным полям, примитивные деревянные мотыги — деревянному, а позже железному плугу.

С *земледелием* связывают зарождение государства, городов, классов, письменности — необходимых признаков цивилизации. Они стали возможными благодаря переходу от кочевого к оседлому образу жизни. Земледельческое, или аграрное, общество 300 лет назад сменила машинная индустрия (промышленность). Наступила эра *индустриального* общества. Дымящие заводские трубы, загазованные городские кварталы, гигантские угольные разрезы — отличительные признаки индустриального общества.

Американский футуролог профессор Хьюстонского университета О. Марклей¹² выделяет четыре стадии или эры в развитии человеческой цивилизации (рис. 19): кочевничество, земледелие, индустриальная и информационная эра. Каждая ступень представляет более высокий уровень развития техники и технологии, более сложное общественное устройство.

Движущий механизм социальной истории у него — прогресс орудий труда. Первобытная палка-копалка для сбора дикорастущих плодов, равно как и такое же примитивное по способу изго-

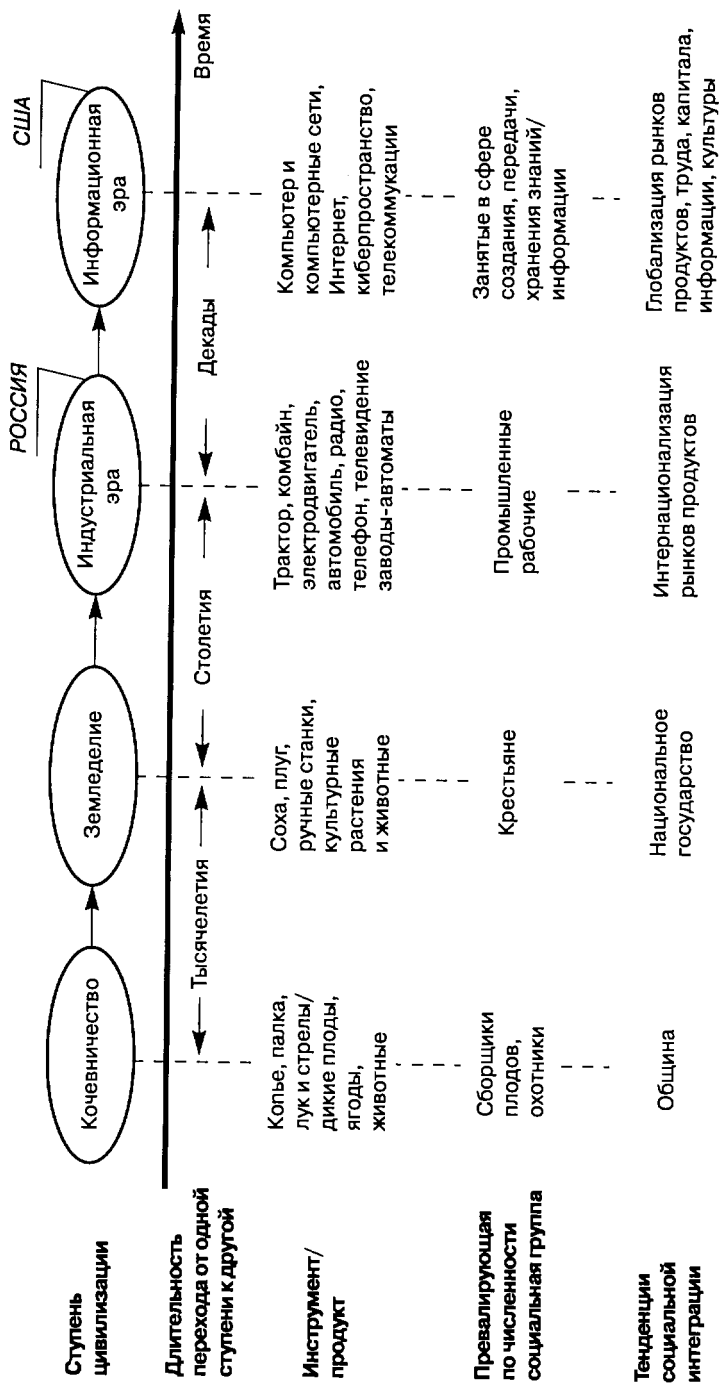

Рис. 19. Четыре стадии человеческого общества О. Маркля
 Источник: Алешина И.В. Постиндустриальное общество и международные деловые коммуникации. —
<http://www.kennan.ua.gov/materials/profi/part2/aleshina.htm>

товления охотничье копьё постепенно уступают место деревянному плугу. Смена техники и технологии знаменуют собой переход от эры кочевничества (охоты и собирательства) к эре земледелия. Развитие машинного производства означало переход от земледелия к индустриальной эре. Компьютерные сети, обеспечивающие мгновенную связь разных уголков планеты, определили становление информационной стадии человеческой цивилизации.

Казалось бы, чем сложнее социальный порядок, тем больше времени должно требоваться на его установление. Однако у людей все происходит наоборот: на продвижение к каждой последующей ступеньке уходит все меньше времени. Историческое время ускоряется и достигает пика к XXI в. Так, переход от кочевничества к земледелию занял тысячелетия; от земледелия к индустриальной эре — столетия; от индустриальной эпохи к информационной — десятилетия. По мнению И.В. Алешиной, адаптировавшей схему О. Маркля, Россия все еще находится в стадии движения от индустриального общества к информационному.

Рассматривая социокультурную эволюцию человечества, известный американский антрополог и социолог Г. Ленски (1928—1994) положил в ее основание критерий технологии¹³. Он сравнил между собой около 400 типов обществ и выделил пять параметров, на базе которых только и можно обнаружить их сходство: *население, культура, производство и средства к существованию, социальная организация, социальные институты.*

Самая примитивная технология, считал он, была у охотников и собирателей. Всего каких-то 10 тыс. лет назад все население планеты составляли охотники и собиратели. Ныне лишь немногие из них выжили. Палка-копалка, копьё и лук, бродячий образ жизни, небольшая численность группы, стратификация исключительно половозрастная, власть состояла из вожака и шамана, уравнильное распределение и концентрация всех социальных отношений вокруг системы родства — таковы существенные признаки той эпохи.

Приблизительно 10—12 тыс. лет назад зародилось примитивное огородничество, а затем и пастушество. Вместе с ними появились простейшие технологии рыхления почвы и содержания скота. Очагом новой культуры стал Ближний Восток. Некоторые народности, в том числе йаномамо (*yanomamo*), сочетали старое и новое, т.е. охоту и собирательство с огородничеством. При пастушестве появляются прибавочный продукт и социальное неравенство.

Первые земледельческие общества сформировались 5 тыс. лет назад, хотя неолитическая революция началась 8—10 тыс. лет назад. Именно тогда произошел качественный скачок в техноло-

гии: изобретение колеса, ирригационных сооружений и письменности положили начало цивилизации. Пришедшее ему на смену индустриальное общество заставило вместо человека трудиться машины, а вместо тягловых животных — пар и электричество. Домашний труд превратился в фабричный. Города превратились в клоаки преступности и нищенства, вынудив правительства выделять огромные средства на благоустройство, медицину и социальное обеспечение. Наконец, постиндустриальное общество, основанное на безотходных технологиях, знаниях и информатике, словно вернуло человечество в золотой век. Трудиться стали меньше, а зарабатывать больше, стали дольше жить и меньше болеть. Увеличился и стал гораздо более разнообразным культурный досуг людей.

Вместе со своими коллегами Г. Ленски разработал две историко-сравнительные таблицы, приводимые ниже (табл. 5 и 6).

Критерии классификации человеческих обществ

Таблица 5

Тип общества	Культивируемые растения	Металлургия	Плуг	Железо	Новые источники энергии
Охотники и собиратели	–	–	–	–	–
Примитивное огородничество	+	–	–	–	–
Развитое огородничество	+	+	–	–	–
Примитивное аграрное общество	+	+	+	–	–
Зрелое аграрное общество	+	+	+	+	–

Средний (медианный) размер общин и обществ: типология общества, человек

Таблица 6

Тип общества	Средний размер общин	Средний размер обществ	Количество обществ
Охотники и собиратели	40	40	93–62
Примитивное огородничество	95	95	48–45
Развитое огородничество	280	5800	107–84
Аграрное общество	Не установлено	Более 100 000	38–48
Рыболовство	60	60	20–22
Пастушество	55	2000	17–22

Источник: *Lenski G. et al. Human Societies: An Introduction to MacRosociology. Hardcover, 1994; Lenski G., Lenski J. Human societies: an introduction to macrosociology. N.Y.: McGraw-Hill, 1974; Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology, Eighth Edition. N.Y.: McGraw-Hill, 1999.*

1.6. Формационная теория

В середине XIX в. К. Маркс (1818–1883) предложил свою *формационную* типологию обществ, получившую широкое распространение, особенно в нашей стране. Основанием служат два критерия: способ производства и форма собственности. Вместе они образуют *общественно-экономическую формацию* — исторический тип общества, характеризуемый определенным состоянием производительных сил, производственных отношений и определяемых последними надстроечных форм. «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹⁴. Общественно-экономическая формация — общество, находящееся на определенной ступени исторического развития. В основе формации (рис. 20) лежит известный способ производства, представляющий собой единство базиса (экономики) и надстройки (политики, идеологии, науки и др.). История человечества выглядит как последовательность пяти формаций, следующих друг за другом: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций, первой стадией которой является социализм.

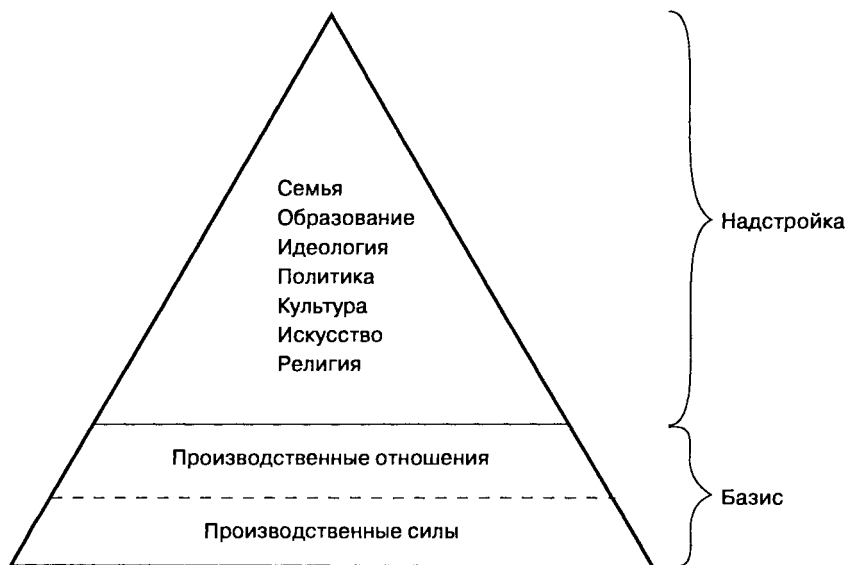

Рис. 20. Модель общества К. Маркса

В данном определении зафиксированы следующие структурные и динамические элементы:

1. Никакая отдельно взятая страна, культура или общество не может составлять общественную формацию, но только совокупность многих стран;

2. Тип формации определяется не религией, искусством, идеологией и даже не политическим режимом, а ее фундаментом — экономикой;

3. В самой экономике надо выделить центральный элемент, чтобы догадаться, к какой формации принадлежит ваша или соседняя страна;

4. Таким элементом выступают производственные отношения, а в них — отношения собственности;

5. Надстройка всегда вторична, а базис первичен, поэтому политика всегда будет только продолжением экономических интересов страны (а внутри нее — экономических интересов господствующего класса);

6. Все общественные формации, выстроенные в последовательную цепочку, выражают прогрессивное восхождение человечества от низших ступеней развития к высшим;

7. Если в жизнь страны не вмешиваются чужеродные факторы, то она или представляемое ею общество в своем развитии должны пройти все ступени, не перепрыгивая и не пропуская ни одной формации.

Общества, различающиеся языком, культурой, обычаями, политическим строем, образом и уровнем жизни людей, но объединенные двумя признаками, характеризующими базис, составляют одну общественно-экономическую формацию.

Маркс выделил пять формаций, представляющих поступательные ступени в развитии человеческого общества, однако не все они одинаково ценны для судьбы человечества. Три формации — рабовладельческая, феодальная и капиталистическая — базируются на частной собственности и носят антагонистический характер. Они никак не могут выступать гуманистической моделью человеческого будущего. Первая формация — родоплеменная — хотя признает коллективную собственность и исключает антагонизм, тоже не способна служить ориентиром. Пятой объявлялась *коммунистическая*, которая должна наступить в будущем. В ней тоже господствуют коллективная собственность, равенство и справедливость в социальных отношениях. Три антагонистических формации представляют, по Марксу, не историю, а лишь предысторию человечества. «...Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹⁵.

История начинается с *первобытно-общинной формации*, при которой люди трудились сообща, не было частной собственности, эксплуатации, неравенства и социальных классов. Вторым этапом является *рабовладельческая формация*, или способ производства. Этот тип общества возник на развалинах первобытной общины, когда появились прибавочный продукт, безвозмездное присвоение чужого неоплаченного труда, частная собственность, государство и классы. Основными классами считались рабы и рабовладельцы. Первых захватывали во время бесчисленных войн и отдавали вторым в вечную собственность. Они распоряжались рабами как говорящими орудиями.

На смену рабовладению пришел *феодализм* — способ производства, основанный на эксплуатации лично и поземельно зависимых непосредственных производителей земельными собственниками. Он возник в конце V в. в результате разложения рабовладельческого, а в некоторых странах (в том числе у восточных славян) первобытно-общинного строя. Главными признаками феодального способа производства являются: 1) господство натурального хозяйства; 2) сочетание крупного феодального землевладения и мелкого крестьянского (надельного) землепользования; 3) личная зависимость крестьян от феодала, внеэкономическое принуждение крестьян к прибавочному труду; 4) низкое состояние техники; 5) политическое господство монарха, феодалов.

Крестьянин более свободен, чем раб, но менее свободен, чем наемный рабочий, который становится наряду с собственником-предпринимателем главной фигурой на следующем — *капиталистическом* — этапе развития. Основным способом производства становится добывающая и обрабатывающая промышленность. Феодализм серьезно подорвал основу своего экономического благополучия — крестьянское население, значительную часть которого разорил и превратил в пролетариев, людей без собственности и статуса. Они заполнили города, где в это время начинают строиться фабрики и заводы. Наиболее дальновидные помещики и сметливые купцы догадались, что наиболее производительный фактор — юридически свободный рабочий, регулярно получающий заработную плату. Рабочие заключают с работодателем контракт, или договор, который ограничивает эксплуатацию определенными нормами, согласованными с юристами и законами. Собственник предприятия не складывает деньги в сундук, а пускает свой капитал в оборот. Размеры получаемой им прибыли определяются ситуацией на рынке, искусством управления и рациональностью организации труда.

Завершает историю *коммунистическая формация*, которая возвращает людей к первобытному равенству, но на более высокой материальной основе. Коммунизм проходит в своем развитии низшую фазу — социализм, и высшую — непосредственно коммунизм. Согласно Марксу, это бесклассовое общество с высоким уровнем производительных сил, сознания и культуры, когда труд превращается в жизненную потребность и действует принцип «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям», государство сменяется самоуправлением граждан.

Общественно-экономические формации он рассматривал как последовательные ступени лестницы, по которым народы мира продвигаются в процессе исторической эволюции. Некоторые из наиболее крупных стран, прежде всего многонациональных, внутренне не однородны и включают в себя локальные образования, воспроизводящие, хотя и в превращенном виде, предшествующие формации. А, кроме того, мы найдем на земном шаре и такие области, где господствуют или сохраняются в модернизированном виде феодальные, рабовладельческие или даже первобытно-общинные отношения. Передовая Америка и отсталый Бангладеш — соседи по формации, если базируются на капиталистическом типе производства.

И хотя на каждом из «перегонов» исторического пути появлялась «ведущая» формация, это не означало, что данная ступень должна быть пройдена всеми народами. Перескакивание через ступени было нормальным явлением на протяжении всей мировой истории, а разные группы народов восходили от одной стадии к другой по разным историческим лестницам. Сравнительная история стран Запада, Востока, Севера и Юга дает множество тому подтверждений. В этом смысле можно сказать, что человечество как целое не прошло в своем развитии ни одной формации. Разные его отряды двигались разными путями.

Как известно, в основе формационной теории лежит линейное представление о развитии истории, согласно которому история трактуется как единый процесс прогрессивного развития от низшего к высшему. Для своего времени формационная теория была значительным шагом вперед, ибо она впервые дала четкую универсальную схему всемирно-исторического процесса, основанную на материалистическом понимании истории. Однако сегодня очевидны и недостатки формационной теории. Большинство историков оспаривается положение о существовании и последовательной смене пяти общественно-экономических формаций, в особенности на Востоке. Делаются попытки расширить понимание самого термина «формация» путем его замены на более широкие категории, в том числе относящиеся к мировым цивилизациям.

1.7. От механической к органической солидарности

Одну из первых и плодотворных теорий развития общества создал французский социолог и антрополог Э. Дюркгейм (1856—1918). В своей книге «О разделении общественного труда» он писал о том, что общество движется от механической солидарности к органической.

Согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы (рис. 21): 1) механической солидарности (доиндустриальное общество); 2) органической солидарности (часть доиндустриального и все индустриальное общество). Для ранней стадии, механической солидарности, характерны жесткая регламентация, подчинение личности требованиям коллектива, минимальный уровень разделения труда, отсутствие специализации, единообразие чувств и верований, господство обычаев над формальным правом, деспотическое управление, неразвитость личности, преобладание коллективной собственности.

На поздней стадии, при органической солидарности, символизирующей современное общество, сокращается тирания коллективного сознания и возрастает суверенитет отдельной личности, появляется понятие частной жизни. На смену клану приходит вначале семья, а затем трудовая организация. Ее нынешняя форма — промышленная компания. Индивиды группируются уже не по признакам родства, а по содержанию трудовой экономической деятельности. Их круг общения — не род, а профессия. Место и статус человека определяет не единокровность, а выполняемая функция. Классы, заменившие собой кланы, формируются в результате смешения профессиональных организаций с предшествовавшими им семейными формами.

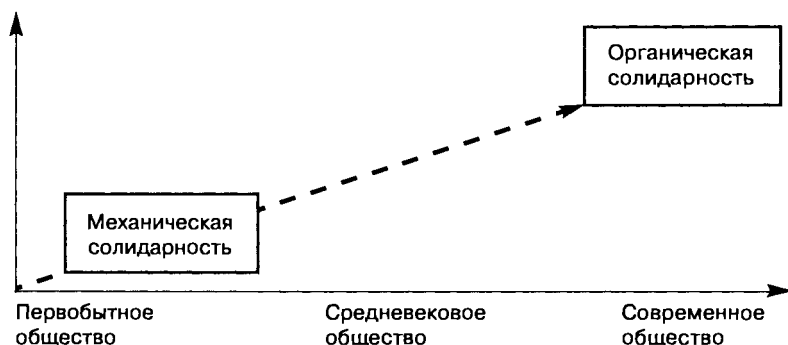

Рис. 21. Теория механической и органической солидарности Э. Дюркгейма

Изучая эволюцию человеческого общества, Э. Дюркгейм столкнулся с особым феноменом, который он назвал коллективным сознанием: «совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, которая и образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь»¹⁶. Оно представляет для общества особую и предпочтительную ценность. Если общие верования, дорогие каждому идеалы и традиции оказываются под угрозой, то все сообща берутся за их охрану. Оскорбление общих верований как тягчайшее преступление карается особенно сильно.

Ткань социальных отношений уплотняется благодаря коллективному сознанию, т.е. наличию общих интересов и убеждений, верований и стремлений. Разделение труда и специализация индивидов на выполнении какой-то конкретной функции вносят разнообразие в общество. Но чем больше в нем разнообразие, тем сильнее в людях стремление к единству и обмену деятельностью. Обмен предполагает взятие на себя взаимных обязательств. Из этого проистекают сотрудничество и кооперация.

Развитая форма кооперации выражается договором. Договоры между покупателем и продавцом, предпринимателем и рабочими, ссужающими и занимающими, доверителем и поверенным представляют собой известную форму взаимодействия, кооперации. Их отношения регламентируются правом или законом, на которых основаны социальные институты общества. Малые части общества, организованные внутри себя, также стремятся к целостности и солидарности, как и общество в целом. У них тоже развивается коллективное, а точнее, групповое сознание.

Социальная солидарность — главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Она возникает как логическое следствие общественного разделения труда, т.е. специализации и распределения людей по профессиям. Индивиды, связанные трудовыми функциями в единую систему общественных отношений, становятся уже не просто носителями профессиональных ролей, но и социально зрелыми личностями. Солидарность покоится на *коллективном сознании* — совокупности общих верований и чувств, которые разделяют члены одной группы или общества. Коллективное сознание отражает характер народа, его идеалы и традиции.

В примитивных обществах, основанных на механической солидарности, индивидуальное сознание во всем следует и подчиняется коллективному. Личность здесь не принадлежит себе, она поглощается коллективом. Напротив, в зрелых обществах, основанных на органической солидарности, оба начала дополняют друг друга, не поглощаясь. Гарантия личности здесь — это не просто словесное признание прав и свобод человека, автономности со-

знания, но прежде всего признание самостоятельной сферы действия за индивидом¹⁷. В действиях проявляется свобода человека. Разумеется, степень свободы личности от коллектива точно измерить нельзя, она величина условная. Даже в своих профессиональных занятиях, выступая членом той или иной организации, «мы согласуемся с обычаями, навыками, которые нам общи со всей нашей корпорацией. Но в этом случае испытываемое нами иго менее тяжело, чем когда все общество давит на нас...»¹⁸.

Чем более примитивно общество, тем больше сходства между индивидами, тем рудиментарнее разделение труда и более ярко выражен коллективный характер общества. И в таком обществе репрессивные функции права преобладают над всеми другими. Механическая солидарность подчеркивается принуждением и насилием. Разнообразие же предполагает терпимость и демократию.

По мере дальнейшего разделения труда границы между профессиями стираются, их различия становятся все менее выпуклыми. Зато разнообразие внутри профессий усиливается. Возрастает и количество профессий¹⁹. Следовательно, разнообразнее специализация индивидов, выполняемые ими функции. Поэтому более сложными и дифференцированными становятся трудовые организации, основывающиеся не на сходстве, а на разнообразии функций.

Солидарность на сходстве, убежден Дюркгейм, слабее солидарности на разнообразии. Если коллектив удовлетворяет какую-то одну социальную потребность индивида, например в защите, то индивид имеет только одну точку соприкосновения с коллективом. Такая односторонняя связь всегда слабее многосторонней, ее легче разорвать. Вот почему в примитивных обществах члены какой-то группы легко входили в нее и легко уходили. Не только калмыки и монголы, на которых ссылается Дюркгейм, но и русские крестьяне легко покидали своего хозяина (помещика), во всяком случае до середины XVII в., как только он начинал сильно притеснять их. Они уходили на свободные земли юго-западной части России и Сибири, основывая новые поселения и трудовые организации. Так сформировалось донское казачество и начиналась колонизация Сибири.

В низших обществах при незначительном разделении труда, хотя и преобладало деспотическое управление, солидарность оставалась слабой. Всякий был свободен удалиться вместе со своей семьей. Социальные связи были не так прочны, как в современном обществе с развитым разделением труда. Римляне с легкостью раздавали права гражданства покоренным племенам, взятые в плен могли легко инкорпорироваться в новое общество, хотя бы через усыновление. В нынешних же обществах процесс гражданской ассимиляции — натурализация — очень сложен и длителен (например, в США).

Чем стереотипнее коллективное сознание, проще обычаи и поведения, тем менее развитой должна быть личность. Наоборот, чем сложнее и неопределеннее правила поведения, тем больше требуется индивидуальной рефлексии для того, чтобы общие нормы применить к частным случаям. С прогрессом общества средняя степень интенсивности и определенности коллективного сознания, согласно Дюркгейму, убывает²⁰. Если раньше коллективное сознание регулировало все сферы социальной жизни, то впоследствии — все меньшую и меньшую часть их. Если на ранних стадиях авторитет главы семейства почитался общественным долгом, то уже в Древнем Риме уважение к отцу стало частным делом каждого. Общество в целом это уже не интересовало.

Но, выйдя из-под коллективного контроля, семейная жизнь уже изменялась от дома к дому; семейные чувства потеряли своеобразие и определенность, полагает Дюркгейм. Из коллективной жизни постепенно выделяется новая сфера — частная жизнь. В развитом типе современного общества неприкосновенность частной жизни гарантируется всеми его институтами. Напротив, в менее развитых обществах, особенно тоталитарных, частная жизнь индивидов не защищена от насилия со стороны коллектива.

В простых обществах регламентированы все стороны экономической и социальной жизни. Дюркгейм ссылается при этом на Фюстеля де Куланжа, который писал, что прежде государство сохраняло свою тиранию до мелочей. «Одежда обыкновенно утверждалась неизменно законами каждой общины: законодательство Спарты регулировало прическу женщин, а афинское запрещало им приданое больше трех платяев. В Родосе закон запрещал брить бороду... В Спарте, наоборот, он требовал, чтобы брили усы»²¹.

Вместе с тем при излишней регламентации бытовых мелочей архаическое законодательство не способно было решить более важные вопросы. Например, редко где однозначно разделялись проступок и преступление соответствующим определением. Все это предоставляло огромный простор личному мнению судей и произволу правителей. Допустим, в Афинах малейшее нарушение религиозных ритуалов квалифицировалось не как проступок, а как преступление, наказываемое смертью.

Там, где коллективное сознание достаточно примитивно, диктуемые им нормы поведения мало способствуют прогрессу разделения труда. У славян община, или задруга, говорит Дюркгейм, «увеличивается часто в мелких размерах, что нищета там бывает велика; однако так как семейный дух очень силен, то вообще продолжают жить сообща вместо того, чтобы взяться за какие-нибудь посторонние занятия, как занятия моряка, купца»²². Замечание Дюркгейма в известной мере верное. Так называемое отходни-

чество, т.е. посторонние промыслы, зародилось в российском крестьянстве довольно поздно. И то оно оставалось временным занятием, связь с землей русских полукрестьян-полурабочих не прерывалась никогда. Отходничество (или вторичная занятость, выражаясь словами Дюркгейма) — «отречение от непрочного и все более оспариваемого существования»²³, существования в качестве земледельца. Кроме отходничества к таким формам отречения Дюркгейм относит эмиграцию, колонизацию, специализацию и самоубийство. Все они возможные формы исхода в борьбе за существование.

Исходной клеточкой всеобщего коллективизма служит орда. Совершенный образец такой социальной организации можно найти у индейцев Северной Америки. Все взрослые обоих полов ирокезского племени равны между собой. Даже родство, говорит Дюркгейм, здесь еще не организовано, «ибо нельзя дать этого имени распределению масс по поколениям»²⁴. В понятие «организация» Дюркгейм, видимо, вкладывает наличие кровнородственной связи людей, механизма распределения и закрепления социальных функций между ними.

Обширный естественный коллектив — орда — распадается на частные сегменты. Это первобытная семья, т.е. сообщество единокровных родственников. Подобный сегмент социального целого французский ученый называет кланом. Социальные чувства, объединяющие людей в такую ячейку, — это коллективная месть, коллективная ответственность и взаимное наследование собственности. По существу, первобытный клан отличается и от современного клана, и от собственно семьи, ибо представляет достаточно многочисленный ареал — до нескольких тысяч человек.

Внутренняя организация клана — Дюркгейм называет ее политико-фамильной — еще достаточно слаба. Каждый взрослый держится по отношению к вождю совершенно независимо, влияние каждого основано на личных заслугах, межличностные отношения строятся на взаимном доверии и терпении, но не на социальной зависимости и неравенстве. Каждый клан, иногда это отдельное население, ведет свое происхождение от одного предка. В принципе, никто еще не отличает себя от других как самостоятельную личность. Существует только одна коллективная личность и общая собственность. Такой тип неразвитых межличностных и собственнических отношений, где индивид поглощен группой, Дюркгейм называет коммунизмом²⁵.

Нераздельная собственность примитивного общества над индивидами тесно корреспондирует с поглощением личности коллективом. Однако там, где «индивиды суть простые принадлежности коллективного типа, они вполне естественно становятся принадлежностями воплощающей его центральной власти»²⁶.

Управляющая власть здесь целиком продукт простоты коллективного сознания как демиурга общественной жизни. Простота же всегда абстрактна, поэтому нужен конкретный орган или индивид, выступающий глашатаем этой простоты. Верховный орган или вождь в первобытном клане вовсе не узурпирует коллективную власть. Он естественный выразитель коллективной воли, добровольно ему переданной. Наличие сильного коллективного сознания обязательно предполагает наличие сильной личности. К ней переходит и в ней сосредоточивается право нераздельной собственности общества над вещами.

В отличие от примитивных стадий в эпоху органической солидарности индивиды группируются уже не по отношению своего происхождения, но по конкретной природе своей социальной деятельности. Их первичная среда не род или племя, а профессия. Место индивида в общественной пирамиде определяет не реальная или фиктивная единокровность, а выполняемая им функция. Зарождающиеся еще только классы и уходящие с исторической сцены касты теперь формируются в результате смещения «профессиональной организации с предшествовавшей семейной»²⁷.

Усиление профессионального начала в производственной и социальной жизни соответствует усилению территориального разделения в структуре населения. Вместо кланов, родов и племен появляются территориальные округа (марка, община, сотня, село, графство, провинция, департамент). Принцип совместного проживания замещает признак совместного происхождения. Возникают новые формы группировки населения, организации коллективной жизни. С одной стороны, город и село, с другой — профессиональные союзы и трудовые (производственные) организации. Новые формы коллективной организации более гетерогенны и открыты. Оседлость и закрепленность уступают место экономической и социальной мобильности — перемещению товаров и движению рабочей силы.

Прогресс общества, по Дюркгейму, происходит по мере того, как сокращается доля наследуемого и возрастает доля индивидуально приобретаемого в судьбе отдельного человека. Наследственность и закрепление индивида за данным видом труда приводят к тому, что профессиональные типы людей различаются между собой и социальным положением, и образом жизни, и одеждой, и манерой поведения. В примитивном обществе носители различных общественных функций различались также анатомически: на фиджийских островах вожди хорошо сложены, высокого роста, мускулисты, а «люди низшего сословия» очень худые вследствие чрезмерного труда и плохого питания. В современном же обществе эти различия в значительной мере исчезли²⁸.

Чем шире контакты между людьми, в том числе и профессиональные, чем многочисленнее население, тем выше плотность социальных связей и интенсивность взаимодействия людей, «но эта интенсификация и составляет цивилизацию»²⁹. В этой связи Дюркгейм вводит в оборот понятие «закон тяготения социального мира», под которым понимает динамику социальной массы, рост плотности населения как следствие разделения труда и прогресса цивилизации³⁰. Разделяющие народы социальные слои и профессиональные перегородки все более исчезают, и последние притягиваются с силой, пропорциональной плотности населения и уровню развитости специализации труда.

Итак, цивилизация развивается у Дюркгейма в сторону сокращения тирании коллективного сознания и возрастания суверенитета индивидуального.

1.8. Теория Д. Белла

Ее создателем считают американского социолога Д. Белла. Он подразделил всемирную историю на три стадии: *доиндустриальную*, *индустриальную* и *постиндустриальную*. Когда одна стадия приходит на смену другой, изменяются технология, способ производства, форма собственности, социальные институты, политический режим, культура, образ жизни, численность населения, социальная структура общества.

Термин «постиндустриальное общество» ввели в научный оборот в середине XX в. А. Тоффлер и Д. Белл. Однако идея постиндустриального общества была сформулирована еще в начале XX в. А. Пенги и была введена в научный оборот после Второй мировой войны Д. Рисменом, но широкое признание получила только в начале 70-х гг. благодаря фундаментальным работам Р. Арона и Д. Белла³¹.

В *доиндустриальном обществе*, которое еще называют *традиционным*, определяющим фактором развития выступало сельское хозяйство, с церковью и армией как главными институтами. В *индустриальном обществе* — промышленность, с корпорацией и фирмой во главе. Процесс и результат индустриализации можно выразить графически (рис. 22). Прямая *AB* изображает процесс индустриализации. Нижняя часть прямоугольника показывает степень насыщения общества промышленными достижениями. Она минимальна в традиционном обществе и максимальна в индустриальном. В *постиндустриальном* — теоретическое знание, с университетом как местом его производства и сосредоточения.

Доиндустриальные общества иначе называют *традиционными* потому, что главным рычагом социального прогресса здесь выступала передача знаний от стариков к молодежи, строгое следова-

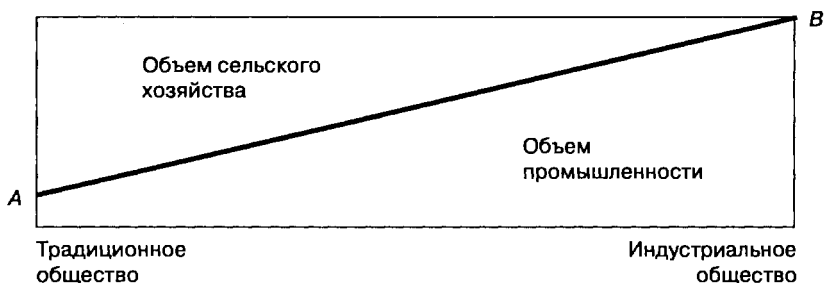

Рис. 22. Процесс и результат индустриализации

ние однажды установленным обычаям и традициям. Наука активно не вмешивалась в общественное производство, а руководила всеми общественными явлениями религия, будь то архаические верования (фетишизм, магия и др.) или современные христианство, ислам, буддизм и т.д.

Слово «доиндустриальное» обозначает все общества, где не было еще индустрии, т.е. машинного производства. Их можно было бы называть и допромышленными или докапиталистическими, суть дела от этого не изменилась бы. Промышленность в современном понимании зародилась не так давно — 200–250 лет назад. Хотя индустриальная революция, разумеется, в своей ранней фазе, началась лет 300 назад.

Стало быть, весь предшествующий период истории охватывается доиндустриальным, или традиционным, обществом. К нему следует причислить все простые (дописьменные) общества, значительную часть письменных (сложных) обществ, которые существовали в эпоху рабовладения и феодализма (по классификации К. Маркса). Конечно, очень далеко в историю уходить нельзя — снизу нас подпирает особая планка, за которой находится период первобытного стада (стадо предлюдей и стадо людей). Если считать начало человеческого общества с 35–40 тыс. лет тому назад, то весь этот отрезок будет занят традиционным обществом. Последнюю тысячу лет нам придется поделить на два непропорциональных отрезка: 1) 300 лет, отводимые на индустриальное общество, и 2) 30 лет, занятых постиндустриальным обществом (рис. 23).

Но и постиндустриальное общество охватывает далеко не все существующие на планете страны, а только самые передовые, например США, Япония, Германия, Франция, Канада, Корея, Великобритания. Большинству же стран, в том числе и России, еще только предстоит присоединиться к ним. Как скоро подобное произойдет, будет зависеть от темпа экономических преобразований в нашей стране, скорости научно-технического прогресса.

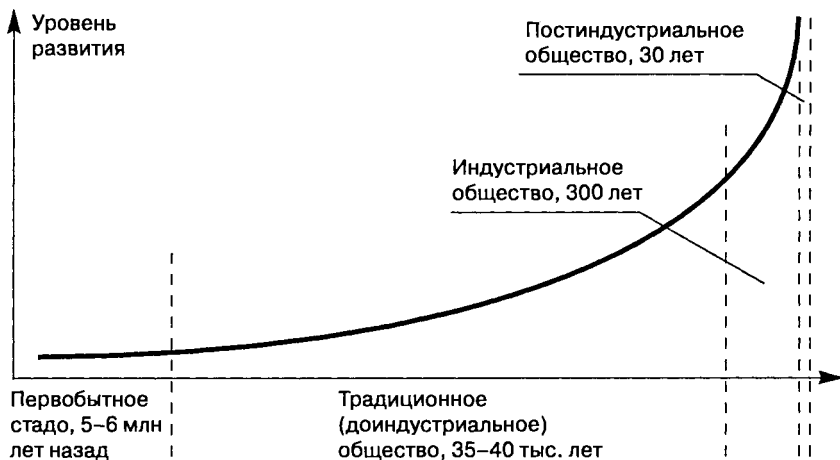

Рис. 23. Современная шкала исторического времени общества

С экономической точки зрения *индустриальным* считается общество, где подавляющая часть людей ($\frac{3}{4}$ занятого населения) трудится в промышленности (индустрии). В *постиндустриальном* обществе большинство занятого населения трудится не в промышленности, а в сфере обслуживания и информации. В *доиндустриальном* обществе большинство занятого населения трудится в аграрном секторе (сельском хозяйстве); $\frac{3}{4}$ занятого населения здесь работодатели, самонанятые или занятые семейным трудом. В доиндустриальном обществе базисом системы производства являлась не индустрия, а система ручного ремесла, основанная на семейном труде. Она характерна для средневековой Европы.

Итак, всемирная история разделена на три крупные стадии: *доиндустриальную*, *индустриальную* и *постиндустриальную*. Когда одна стадия приходит на смену другой, изменяются технология, способ производства, форма собственности, социальные институты, политический режим, культура, образ жизни, численность населения, социальная структура общества.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу сопровождается превращением товаропроизводящей экономики в обслуживающую, что означает превосходство сферы услуг над сферой производства. Изменяется социальная структура: классовое деление уступает место профессиональному. Собственность как критерий социального неравенства теряет свое значение, решающим становится уровень образования и знания. Подобные про-

цессы наблюдаются в США и Японии, завершающих переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Но они не отмечаются в России, которая не так давно завершила переход от доиндустриального общества, где большинство населения составляли крестьяне, проживавшие в сельской местности, к индустриальному.

Доиндустриальный тип господствует в Африке, Латинской Америке, Южной Азии. Для него характерно преобладающее значение земледелия, рыболовства, скотоводства, горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности. В этих областях хозяйственной деятельности занято около $\frac{2}{3}$ работоспособного населения. Главным определяющим началом жизнедеятельности в таких обществах является состязание человека с природой.

Индустриальный тип общества охватывает государства, которые распространены в Северной Америке, Европе, на территории бывшего СССР. Здесь главное — развитие производства товаров массового потребления, которое осуществляется за счет широкого применения различного рода техники. Главным в таком производстве является состязание человека с преобразованной природой.

Постиндустриальный тип наибольших успехов достиг в США, Канаде, Японии и Западной Европе. Главным здесь становится труд, направленный на получение, обработку, хранение, преобразование и использование информации. В этом обществе доминирует состязание между людьми. Если в Африке $\frac{2}{3}$ населения все заняты сельским хозяйством, то в США в аграрном секторе трудится менее 3% активного населения. В то же время промышленным производством заняты около $\frac{1}{3}$, а в сфере услуг — $\frac{2}{3}$ всего трудоспособного населения. Успехи достигнуты благодаря научно-техническому прогрессу и резко возросшей эффективности производства. Производительность труда в промышленно развитых странах в области сельского хозяйства сегодня более чем в 15 раз превышает аналогичный показатель для развивающихся стран.

Для постиндустриального общества характерно не только повсеместное использование достижений науки и техники во всех областях человеческой деятельности, но и целенаправленное развитие самой техники на основе развития фундаментальных наук. Ушло время гениальных умельцев, считал Д. Белл, которые могли без соответствующих знаний изобрести ткацкий станок, паровой двигатель или телефон. Сегодня во все большей степени источником новаций в технике становятся достижения в фундаментальных науках. Без них невозможно было бы создать ни автомобиль, ни ядерный реактор, ни лазер, ни компьютер.

В 1960-е гг. видный американский экономист Г. Кан, приняв в качестве критерия классификации обществ уровень душевого дохода, разделил страны мира на пять групп: 1) доиндустриальные, со среднедушевым доходом от 50 до 200 долл.; 2) частично индустриальные, с доходом от 200 до 600 долл.; 3) индустриальные, с доходом от 600 до 1500 долл.; 4) общества массового потребления, или развитые индустриальные, с доходом от 1,5 до 4 тыс. долл.; наконец, 5) постиндустриальные, с доходом, превышающим 4 тыс. долл.³²

В начале 1970-х гг. появилась еще одна типология обществ. Американские социологи Г. Кан и Д. Белл предложили термин «*постэкономическое общество*», при помощи которого они обозначали то историческое состояние, которое приходит на смену современной цивилизации и описывает более масштабное социальное явление, нежели термин «индустриальное общество». В отечественной науке ее сторонником является В.Л. Иноземцев, который провел теоретико-методологическое обоснование данной концепции и развил дальше идеи Г. Кана и Д. Белла. По его мнению, становление такого общества следует расценивать не как изменение существующей социальной структуры, а как возникновение нового общества, замещающего экономический строй³³.

В доэкономическую эпоху не было рынка, частной собственности и эксплуатации наемного труда. В экономическую эпоху рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация стали главными факторами развития общества. В постэкономическом обществе они постепенно должны отмереть. Переход от экономического общества к постэкономическому будет весьма продолжительным и связанным с изменением основ рыночного хозяйства.

Становление постэкономического общества представляет собой деструкцию экономического строя. Так же, как раньше экономические отношения расширяли сферу своего господства, устраняя прочие хозяйственные и политические формы, так и ныне новое общество прокладывает себе дорогу отрицанием элементов прежнего социального устройства. Важнейшей чертой этого процесса становится преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной материальными факторами.

Современные ученые выдвигают и другие типологии общества, в том числе преמודернистского, модернистского и постмодернистского состояния (С. Крук и С. Лэш³⁴), а также «первой», «второй» и «третьей» волн цивилизации (А. Тоффлер³⁵). В начале 60-х гг. Ф. Махлуп и Т. Умесао ввели в научный оборот термин «информационное общество», положивший начало теории, развитой такими авторами, как М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер,

Р. Кац и др. Прогресс человечества рассматривается здесь сквозь призму беспрецедентного расширения знаний. К ее предшественникам относят З. Бжезинского, который разработал концепцию технотронного (от греч. *teche*) общества, также подчеркивающую главенствующую роль знаний в современном обществе.

Сегодня известны теории постиндустриального капитализма, постиндустриального социализма, экологического и конвенционального постиндустриализма. Позже постиндустриальное общество назвали также постмодерным. Наряду с названными концепциями в 60-е и 70-е гг. возникли представления, согласно которым современное общество можно обозначить как постбуржуазное, посткапиталистическое, пострыночное, посттрадиционное и постисторическое. Однако эти экзотические понятия не получили в литературе заметного распространения³⁶.

Отечественная социология использует все типологии в их либо оригинальном, либо модифицированном виде. Иногда появляются попытки объединить их в некоторую синтетическую модель. Интересную попытку соединить различные типологические подходы предложил В.Ф. Анурин, объединивший в одной теоретической модели формационный подход Маркса, трехчастную концепцию Моргана и современные эволюционные схемы (рис. 24).

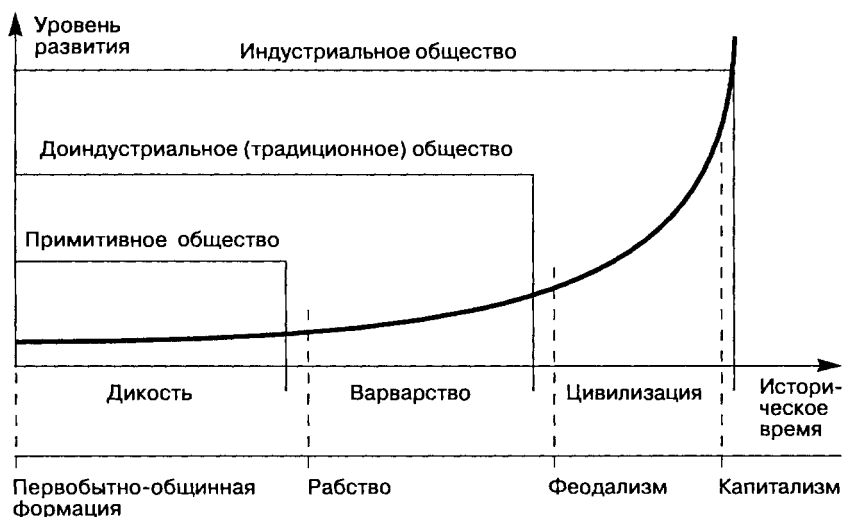

Рис. 24. Временная шкала развития общества В. Анурина

1.9. Цивилизационный подход

В российской социологии *цивилизационный подход* сформировался в 1990-е гг. в противовес формационному учению Маркса, которое преувеличивало значение экономики и производства, но недоучитывало, а то и вовсе умаляло роль культуры и духовного начала. Наши ученые, в течение 70 лет вынужденные маскировать свои воззрения в марксистские одежды, теперь освободились от необходимости рассматривать эволюцию общества только под одним-единственным углом зрения и обратили свои взоры на давно развивавшийся в Западной Европе и США культурологический подход.

Сторонники цивилизационного подхода не только акцентируют внимание на анализе общественного производства, но и рассматривают активную роль надстроечных явлений, культуры, не обходят вниманием ценностные установки личностей, поведенческие стереотипы, складывающиеся в ходе развития отдельных наций и народов.

Многие авторы трактуют цивилизацию как общее обозначение той исторической эпохи, которая приходит на смену варварству и противопоставит ему как синоним общества, которое воплощает научный способ производства и гуманные формы общественной жизни. Наряду с этим понятие «цивилизация» используют для обозначения качественной специфики, своеобразия той или иной страны, группы стран, народов на определенном этапе развития. В отличие от формации цивилизация есть конкретное, живое социальное тело, наделенное культурным своеобразием.

Цивилизация может ограничиваться рамками как национальными (китайская цивилизация, индийская цивилизация, русская цивилизация), так и региональными (западно-европейская цивилизация, арабская цивилизация и т.п.). Зарождаясь на каком-то этапе исторической эволюции, национальная или региональная цивилизация движется вплоть до ее распада по ступеням исторической лестницы, задерживаясь на одних, минуя другие, относительно быстро проскакивая третьи. Наиболее мощные цивилизации складываются на протяжении многих столетий или даже тысячелетий. Они аккумулируют опыт и достижения многих десятков поколений.

Современный мир характеризуется цивилизационным многообразием. В нем существуют десятки цивилизаций — западно-европейская (распадающаяся, в свою очередь, на французскую, английскую, испанскую и т.д.), североамериканская, китайская, индийская, латиноамериканская, российская, африканская, араб-

ская и др., каждая из которых сложилась на разнородной формационной основе, сочетая в себе черты феодализма, капитализма, социализма и т.д. В результате количество существующих в современном мире цивилизаций превышает количество общественных формаций Маркса.

В рамках цивилизационного подхода, именуемого также культурологическим³⁷, ныне оформилось множество самостоятельных теорий, научных традиций и парадигм. Одни из них сосредоточили внимание на динамике и смене цивилизаций. Самой многочисленной группой среди них являются циклические теории, которые основываются на идее повторяемости этих возрастных ступеней в развитии каждой цивилизации. Развитие истории предстает здесь в виде смены культур, или цивилизаций, каждая из которых проходит одинаковые ступени, которые напоминают возрастные ступени отдельного человека — детство, юность, зрелость и старость. Так, в цивилизационно-культурной парадигме Н.Я. Данилевского, П. Сорокина, О. Шпенглера, А. Тойнби³⁸ и Д. Икэды³⁹ история человечества мыслится как совокупность своеобразных, относительно замкнутых цивилизаций (их насчитывали от 5 до 21), каждая из которых проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения, умирая от естественных катастроф, военных поражений или внутренних конфликтов. Ядром каждой цивилизации выступает духовная культура во всей ее неповторимости, а прогресс — духовное совершенствование людей, сопряженный с отказом от абсолютизации материальных ценностей и возрождением гармонии между человеком и природой.

Идею цивилизации как культурно-исторического типа плодотворно развивали русский ученый Н.Я. Данилевский (1822—1885) и немецкий философ О. Шпенглер (1880—1936). У первого главным критерием выступала языковая близость, а сами культурно-исторические типы понимались как сочетание психических, антропологических, социальных, территориальных и других признаков. В его классификации культурно-исторических типов выделены следующие «цивилизации»: египетская, китайская, ассирийско-вавилонно-финикийская, халдейская или древнесемитическая, индийская, иранская, греческая, римская, новосемитическая или арабийская, перуанская, германо-романская или европейская. Время жизни любой цивилизации, утверждал Шпенглер, подчинено жесткому ритму: рождение, детство, молодость, зрелость, старость, закат. Первые три фазы составляют восходящий этап, четвертая — вершину, две последние образуют нисходящий этап. Восходящий этап характеризуется органическим типом эволюции во всех сферах общественной жизнедеятельности — поли-

тической, экономической, научной, религиозной, художественной. История общества и культуры начинается у него с варварства примитивной эпохи, затем развиваются политическая организация, искусства, науки и т.д. В классический период культуры наступает их расцвет, сменяющийся окостенением в эпоху декаданса, и, наконец, культура приходит к новому варварству, когда все становится предметом торговли, вульгаризируется. Конец, или закат, культуры означает ее переход в фазу цивилизации.

Наиболее полно учение о круговороте локальных цивилизаций трех поколений, их цикличной динамике изложил известный английский историк А. Тойнби в 12-томном «Исследовании истории». В развитие циклической теории заметный вклад внесла также французская историческая школа «Анналов» во главе с М. Блоком⁴⁰, Л. Февром⁴¹ и Ф. Броделем⁴².

Идею трех волн в истории человечества — аграрной, индустриальной и постиндустриальной — обосновал американский футуролог А. Тоффлер. Среди российских исследователей исторических циклов следует отметить Л.Н. Гумилева и особенно современного историка И.М. Дьяконова с его концепцией восьми фаз общеисторического процесса.

Американский социолог Ф. Фукуяма⁴³ формулирует эту проблему как «конец истории». Либеральная демократия (экономическая и политическая) и потребительская культура населения развитых капиталистических стран («золотой миллиард») завершают, по его мнению, историю. История продолжается лишь в странах, которые еще не достигли уровня жизни «золотого миллиарда». В отличие от цивилизационной цикличности здесь утверждается идея восходящего развития — становления мировой цивилизации на основе жизненных стандартов развитых капиталистических стран.

Вторая разновидность представлена теорией столкновения цивилизаций. Ярким представителем выступает американский политолог профессор Гарвардского университета С. Хантингтон⁴⁴. При анализе глобальной ситуации акцент им сделан на стабильных образованиях, которые обозначаются как цивилизации, а не только на весьма изменчивых политических ориентациях государств. Причину конфликтов он видел в принципиальном различии цивилизаций, а не в изменчивой политике государств, их представляющих. В 1996 г. С. Хантингтон опубликовал ставшую вскоре бестселлером книгу «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка», где провозгласил тезис о том, что если XX столетие являлось веком столкновения идеологий, то XXI столетие станет веком столкновения цивилизаций. Он выделяет шесть современ-

ных цивилизаций — индуистскую, исламскую, японскую, православную, китайскую и западную, которые дополнил еще двумя: африканской и латиноамериканской. Политическое лицо XXI в. станут определять не политические идеологии и политические режимы, которые уходят в прошлое, и даже не национальность, а религиозное вероисповедание. В будущем, утверждает С. Хантингтон, будут сталкиваться между собой не государства, а цивилизации. Следующая мировая война, если она разразится, должна быть войной между цивилизациями, причем мировые конфликты пройдут по линии разлома между цивилизациями.

Особую опасность для западной цивилизации представляет исламский мир, который переживает демографический взрыв, культурное возрождение и где отсутствует центральное государство-лидер, вокруг которого могли бы сплотиться страны. Вторая опасность исходит из Азии, особенно из Китая. Если исламская опасность связана с неуправляемой энергией миллионов активных молодых мусульман, то азиатская опасность вытекает из господствующих там порядка и дисциплины, способствующих подъему азиатской экономики. Успехи в экономике укрепляют стремление влиять на судьбы мира. Хантингтон предлагает западным странам сплотиться, расширить рамки НАТО. Россия рассматривается им как потенциальный союзник Запада в противостоянии китайской и мусульманской цивилизациям. Западу целесообразно поощрять гегемонию России в православном мире, который лежит на границах исламской и китайской цивилизаций.

В 1970-е гг. возникла школа миросистемного анализа (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), которая объединяет формационный и цивилизационный подходы.

Сделаем выводы: развитие человеческого общества последовательно проходит три стадии, соответствующие трем главным типам общества, — доиндустриальную, индустриальную, постиндустриальную. Переход от первобытной фазы к доиндустриальному, или традиционному, обществу называется неолитической революцией, а от него к индустриальному — промышленной революцией.

Глава 2. ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

В эпоху палеолита, особенно раннего, человек производил орудия и использовал их лишь для собирательства, охоты и рыбной ловли (присвоение имеющейся легкодоступной пищи), и в этом смысле он слабо отличался от животных. Охотничье-собирательское хозяйство (дополненное рыболовством) сильно зависело от природы, и зона распространения человека ограничивалась зонами теплого климата и обилия пищи. Небольшие семейные группы постоянно передвигались в поисках пропитания вслед за сезонной миграцией животных, они вели полуголодное существование, обладали примитивными орудиями и жили недолго. Но надо сказать, от охоты и собирательства люди зависели десятки тысяч лет и во многом зависят сегодня. Ныне охотничьи и собирательские общины существуют в Африке, Азии и Латинской Америке. Правда, они, сохраняя для нас живой голос древности, одна за другой исчезают с лица планеты.

2.1. Первые дни человечества

Не очень много известно нам о первых днях человечества. У антропологов нет даже относительно времени и места появления человека в его развитой форме. Не хватает большой главы, которую надо заполнить воображением. У человечества, по мнению антропологов, было более миллиона лет для того, чтобы усовершенствовать охоту и собирательство как исторически первый способ хозяйственной деятельности. Он сохранился до сих пор, хотя и поменял свои социальные функции, превратившись из средства добытия пропитания в разновидность досуговой деятельности.

Почти 99% своей долгой и нелегкой истории, если отсчитывать ее от первых предлюдей, взявших в руки орудие труда, человечество занималось только охотой и собирательством, или фура-

жированием (*foraging*) — подножным кормом. Лишь в последние 10 тыс. лет у них появилась возможность сменить род деятельности и перейти к земледелию.

От этой эпохи не сохранилось ни письменных документов, ни монументальных построек, и очень немного археологических артефактов (орудия труда, следы костров, скелеты животных и людей). Сохранившиеся с тех времен примитивные общества на протяжении двух последних столетий претерпели воздействие современной цивилизации, в результате чего они в значительной или незначительной степени трансформировались.

Действительно, нам не очень много известно о первых днях человеческого рода. Тем не менее антропологи и археологи упорно что-то ищут, выезжают в дальние экспедиции, производят тщательные раскопки, снимают слои за слоями, пытаются в далеких глубинах истории точнее разглядеть детали, контуры, общую картину самого длительного в нашем существовании периода. И надо сказать, им многое удалось. Во всяком случае литература, посвященная предыстории человеческого общества, хронологии, ведению хозяйства, социальной структуре, образу жизни охотников и собирателей, за рубежом накоплена очень большая (библиография включает несколько тысяч названий).

Приблизительно 1,6 млн лет назад, когда началась геологическая эпоха плейстоцена, похолодание было особенно сильным. Это время получило название великого ледникового периода (*Great Ice Age*). С тех пор глобальная атмосфера то и дело колебалась между теплой и очень холодной температурой. На протяжении долгого времени северная часть Европы и Америки была покрыта толстым слоем ледника, который начал отступать 15 тыс. лет назад. Уровень мирового океана был тогда на 300 футов (1 фут = 30,48 см) ниже современного. Холодное дыхание проникло даже в Африку, и в те далекие времена Сахара была покрыта не песками, а тропическими лесами. В течение последних 800 тыс. лет на планете отмечено по крайней мере 9 холодных периодов. Межледниковые периоды характеризовались потеплением, нередко более существенным, чем ныне. Крупное похолодание случилось 75 тыс. лет назад, когда Америка еще не была заселена, а в Европу из Африки проник неандерталец. После непродолжительного умеренного периода 40 тыс. лет назад холода вновь усилились и держались до времени 18 тыс. лет назад. Постепенное улучшение климата началось 15 тыс. лет назад, и в VI тысячелетии до н.э. глобальный климат достиг современных показателей¹.

Вюрмский ледниковый период закончился в Европе около 12–17 тыс. лет назад с таянием ледяного покрова в северной

Европе (Шотландия, Скандинавия, северная Германия и Россия). С отступлением льда растительность степи и тундры стала использоваться под пастбище северными оленями и другими травоядными животными, которые постепенно продвигались на север. Люди тоже продвигались на север, следуя за своей добычей. Нестадные животные, леса, кустарники появляются в юго-западной Европе. С уходом крупной дичи обитатели западной Европы были вынуждены прибегнуть к большему разнообразию в еде. При замене хозяйства, основанного на потреблении крупной дичи, за время 5 тыс. лет, когда отступал ледник, развился вид более гибкой адаптации. Вода, освобождаясь при таянии ледника, привела к повышению уровня мирового океана. Сегодня на большинстве побережий есть зона мелководья, называемая материковым шельфом. За ней глубина постепенно увеличивается вплоть до резкого перехода к глубоководью, носящего название континентальный откос. В эпоху ледников замерзло столько воды, что обнажилось большинство континентальных шельфов. Земля простиралась до самого континентального откоса. Воды, начинавшиеся в этой зоне, были глубокими, холодными и темными. Немногие морские организмы могли существовать в такой негостеприимной среде².

Как же люди адаптировались к окружающей среде в юго-западной Европе по окончании ледникового периода? С повышением уровня морей создались более благоприятные условия для развития морской жизни в мелководной, более теплой прибрежной зоне. Количество и разнообразие рыбы, которую человек мог потреблять в пищу, резко возросло. Более того, теперь, когда реки впадали в океан более плавно, такая рыба, как лосось, могла подниматься по европейским рекам на нерест. Стаи птиц, гнездившихся в прибрежных топях, мигрировали по Европе в зимний период. Даже обитатели неприбрежных районов Европы могли воспользоваться новыми благоприятными условиями, такими как миграция птиц и весенний нерест рыб, наполнявший реки в районе юго-западной Франции.

Именно с этим последним по времени глобальным потеплением антропологи связывают переход человечества к собирательству как регулярному виду хозяйственной деятельности³. С уменьшением популяции крупных животных собирателям пришлось искать новые ресурсы. Внимание человека переместилось от крупных, медленно размножающихся животных (таких как мамонты) к таким видам, как рыбы, моллюски и кролики, которые размножались быстро и в большом количестве. Например, Д. Лабелл и его коллеги⁴ реконструировали способ интенсивного собирания

улиток в Кеф Зоура (восточный Алжир). Дюжины мест стоянки древнего человека в Кеф Зоура и вокруг были заняты от 7 до 10 тыс. лет тому назад носителями Капсийской культуры. Капсийцы — это люди эпохи мезолита, которые сильно зависели от популяции земляных улиток, включая и современный вид, называемый во французском языке «эскаргот» (*escargot*). На стоянках в Кеф Зоура остались миллионы раковин земляных улиток. Капсийцы кочевали, сменяя места стоянки, когда истощалась местная колония улиток. Они также употребляли в пищу некоторые виды растений, включая разные травы, желуди, кедровые орехи и фисташки.

Стоянка Ниттано в Японии в бухте недалеко от Токио служит дополнительным подтверждением важного значения широкого применения собирательства. Ниттано несколько раз от 5 до 6 тыс. лет назад занимали носители культуры Джомон, в Японии известно 30 тыс. их стоянок. Люди Джомон охотились на оленей, свиней, медведей и антилоп, они также употребляли в пищу рыбу, моллюсков и растения (включая ягоды, орехи и клубни)⁵.

Первые люди, которых, вероятно, было всего несколько десятков тысяч, блуждали по земле в поисках пищи, будучи зависимыми от смены времен года, от климатических изменений. Примерно 200 тыс. лет назад население планеты увеличилось. Первые технические победы, освоение огня повлекли за собой увеличение населения, которое приблизилось к 500 тыс. человек. Примерно к 40 тыс. лет до н.э. все континенты, включая Америку и Австралию, были населены *Homo sapiens sapiens* (человеком разумным, его современным подвидом).

Между 40 и 35 тыс. лет до н.э. — новый скачок: население земного шара достигло 5 млн человек. Подобному росту способствовали многие факторы: климатические изменения, которые привели к увеличению пищевых ресурсов, технический прогресс — новые орудия охоты, открытие способов хранения съестных припасов.

На ранней стадии первобытного общества, т.е. 100–200 тыс. лет назад, когда население не доходило до 1 млн человек, небольшие группы людей жили на больших расстояниях друг от друга. Они представляли собой небольшие объединения от 20 до 60 человек, связанных кровным родством и ведущих бродячий образ жизни. У них не было постоянного жилья. Их заменяли временные пристанища (стоянки, лагеря). Уходя на долгую охоту, мужчины возводили временные лагеря, где оставляли женщин, детей и стариков. Группки мужчин-охотников, сильных и выносливых людей,

передвигались на очень далекие расстояния, охотясь или собирая растения. Для пропитания всей первобытной группе требовалась площадь в несколько сот квадратных километров. Для 20–60 человек нужно было 200–600 км² площади. Если такими площадями-участками покрыть всю территорию земного шара, которая в те далекие времена оставалась обитаемой (а ее было меньше, чем сейчас), то количество людей действительно будет очень мало. Там, где раньше обитало одно первобытное племя, сейчас располагаются целые города, области и даже небольшие государства.

При такой редкой плотности населения контакты между людьми были совсем нечастые — раз или несколько раз в году. А часто они не виделись многие годы. В пустыне Калахари многочисленные группы бушменов народности сан, насчитывающие каждая не более 100 человек, обычно бродят в поисках питательных растений, но сходятся в засушливые месяцы у единственного в округе колодца.

Вся социальная жизнь у таких людей умещается на небольшом пятачке, занятом стоянкой: здесь спали, ели, изготавливали орудия труда и готовили пищу, рожали и воспитывали детей, передавали охотничьи знания от стариков молодым. На стоянке из костей диких животных, павших или убитых во время охоты, сооружали легкие и продуваемые ветром жилища, которые можно было быстро разобрать, если надо — перенести в иное место, если не надо — бросить на произвол судьбы. Временным жилищем могли также служить пещеры и землянки. В пещерах, вопреки распространенному мнению, первобытному человеку жилось нечасто и беспокойно, поскольку ими пользовались также медведи, гиены, волки.

Когда запасы пищи на данном месте были исчерпаны, группа откочевывала в другое место. Маршруты их миграции зависели от сезонных созреваний плодов, нереста рыбы, передвижения и размножения животных. За год группа 4–5 раз меняла место стоянки. Ее имущество ограничивалось тем, что люди могли легко унести с собой. Постоянная готовность к передвижению не позволяла аккумулировать богатства, а низкая техника производства — создавать прибавочный продукт. Поэтому в группах охотников и собирателей еще не было социальной дифференциации и неравенства.

При бродячем образе жизни каждая женщина могла позволить рожать не чаще, чем один раз в 5–6 лет, когда предыдущий ребенок уже сможет самостоятельно ходить на большие расстояния, так как при перекочевках нести более одного младенца (плюс раз-

личный хозяйственный груз) она была не в состоянии. Иными словами, у первобытной женщины в течение жизни было не более шести детей, из них четверо, как правило, умирали. У современных охотников-собирателей, по статистическим исследованиям, 20% детей умирают на первом году жизни⁶.

Для земледельцев (да и для кочевников, обладающих вьючным транспортом, и для оседлых скотоводов) это ограничение снимается, и появляется возможность для каждой женщины полностью реализовать свои способности к деторождению. Это означало, что прирост населения у оседлых производящих обществ, их способность к демографической экспансии становились в 5–6 раз выше, чем у бродячих присваивающих групп.

Охотничье-собираческое хозяйство (дополненное рыболовством) сильно зависело от природы, и зона распространения человека ограничивалась зонами теплого климата и обилия пищи. Собирачество — более надежный и доступный источник пищи. Напротив, охота — более сложное и рискованное занятие, многие смельчаки погибали в неравной битве с дикими животными. Охота требовала использования копий, луков со стрелами, дротиков, метательных палок, ловушек, сетей, арканов. Охота на оленя, кабанов, медведя, лов глубоководных морских рыб могли осуществляться лишь при наличии общинных производственных отношений, коллективными усилиями, совместным трудом мужчин-охотников и рыболовов, тогда как собирачество моллюсков было делом женщин и детей.

Первобытные люди постепенно переходят от беспорядочных стадных облав (по принципу «кто попадется») к загонам, вынуждающим животных двигаться в определенном направлении, а затем и к засадам. Такая организация потребовала разделения труда и специализации — обособления отдельных ее этапов, элементов, действий, их закрепления за отдельными людьми. Самостоятельными операциями оказывались выслеживание, спугивание, гон, подготовка засады, забой зверя, разделка туши. И все это требовало совместного, коллективного труда. Кто-то выслеживает зверя, кто-то устраивает засадную яму, кто-то оттачивает кремневые наконечники копий. Ни одно из этих действий само по себе не удовлетворяет потребности людей в пище. Лишь вместе они, выполняемые в определенной последовательности, могут привести к нужному результату. Общая цель организует, сплачивает, объединяет людей.

Надежность собирачества объяснялась большим разнообразием пищевых ресурсов, поэтому уменьшение одних их видов

компенсировалось другими видами биоресурсов. И в этом смысле древние люди использовали более богатую витаминами и белками пищу, чем современный человек. И не случайно, что собирательство почти всегда дополняло все другие возникшие позже способы добывания пищи, причем около 500 видов растений и животных потребляются людьми в настоящее время. Вместе с тем, будучи легко доступной, пища в эпоху собирательства была более разнообразной, чем у земледельцев и скотоводов, так как последние ограничили многообразие в основном кругом одомашненных животных и растений, но присваивающая хозяйственная деятельность в силу определенного способа взаимодействия с природой была малоэффективной в экономическом плане по сравнению со сменившей ее производящей экономикой. Более того, развитие собирательства имело свой предел, который определялся условиями природы и экстенсивным характером этого вида деятельности, с одной стороны, а с другой — темпами развития человечества, ростом народонаселения планеты⁷.

Известно, что члены групп, живущих охотой и собирательством, великолепно знают природные условия своего местобитания. Они прекрасно ориентируются в привычном ландшафте, без труда находят нужные для изготовления тех или иных вещей материалы, сохраняют в памяти и передают из поколения в поколение огромное количество информации о повадках обитающих на их территории животных и о свойствах произрастающих там же трав, кустарников и деревьев. Некоторые группы охотников-собирателей, живя бок о бок с земледельцами и скотоводами, были хорошо знакомы и с земледелием и скотоводством. Однако это не повлекло немедленного перехода от охоты к скотоводству, от собирательства — к земледелию.

Материальная культура охотников и собирателей сведена к минимуму, а собственность на вещи и предметы высокой ценностью еще не обладает. Они мешают быстрому передвижению в пространстве. Основные орудия — палка, дубинка, пика, лук и стрелы, рыболовные принадлежности, ловушки, огонь и емкости для хранения и транспортировки пищи.

В подобном обществе нет необходимости в сложных социальных механизмах, поскольку само общество представлено мозаикой небольших локальных групп численностью от 30 до 100 человек, состоящих из нескольких родственных нуклеарных семей. В обществах охотников-собирателей нет правительства, властных структур и военной организации, а социальные конфликты сведены к минимуму.

Присваивающее хозяйство — охота, собирательство и рыболовство — часто обеспечивают даже более стабильное существование, чем ранние формы земледелия. Об этом пишут путешественники прошлого века, наблюдавшие жизнь австралийских аборигенов. Застав общества, еще не затронутые цивилизацией, Э. Эйр, Дж. Грэй свидетельствовали об изобилии, царящем «в хижинах туземцев». Исследования последних десятилетий подтверждают это положение с помощью сравнений, статистики, измерений. Балансирование на грани голодной смерти тех, кто вел присваивающее хозяйство, — довольно редкая ситуация. Голод для них не норма, а исключение. Качество питания таких групп удовлетворяет требованиям самых строгих современных диетологов. Идет ли речь о бушменах пустыни Калахари или о пигмеях из джунглей Центральной Африки. Традиционная пища высококалорийна и содержит все необходимые для организма компоненты. Наконец, присваивающая экономика эффективна не только в том смысле, что она обеспечивает всем необходимым, но также и в том, что достигается это за счет весьма скромных физических усилий. Подсчитано, что в среднем «рабочий день» охотников-собирателей составляет от 3 до 5 часов, и этого оказывается вполне достаточно. Притом дети не принимают участия в хозяйственной деятельности⁸.

По сравнению с ранними земледельцами, осваивающими азы производящего хозяйства, охотники-собиратели находятся в гораздо более выигрышном положении. Земледельцы больше зависят от капризов природы, привязаны к одному месту и ограниченному кругу ресурсов. Рацион их однообразней и бедней. По сравнению с охотой и собирательством хозяйство земледельцев более трудоемко — поля требуют постоянной заботы и ухода. Их поселения, многолюдные и скученные, были в гораздо большей степени, чем стойбища скотников, живших небольшими группами по 25–50 человек, подвержены инфекциям. Собранные американским антропологом Р. Ли данные о современных охотниках и собирателях в Калахари — группе по имени !канг (восклицательный знак указывает на отличительный звук в их языке — щелчок) из народности сан — уникальны. Оказалось, как это ни странно, что их рацион также питателен, как рацион типичного американца. Он превышал минимальную дневную порцию (1,965 Ккал и 60 г протеинов в день). Люди !канг, работая в среднем только 2–3 дня в неделю, могли немного увеличить свое производство. Но они этого не делали, поскольку надобности трудиться больше у них не было.

Бродячий образ жизни не надо путать с кочевым образом жизни, который присущ современным цыганам и древним скотоводам. Всю свою историю человечество бродило небольшими группами, чуть поддерживая свое существование собирательством. На зрелой стадии собирательства мужчины и женщины поровну делили заботы о воспитании потомства, делились продуктами труда, объединялись кровными узами и браком, принимали коллективные решения (возможно, это признак, отсутствующий у животных).

Итак, на начальной фазе человеческое общество состояло из охотников и собирателей. Примерно 500 тыс. лет назад возникли первые формы разделения труда: молодые мужчины охотились, часто рискуя жизнью, а женщины продолжали заниматься собирательством. На время деторождения и выкармливания младенцев их отселяли от основного лагеря в специальные жилища.

Охота являлась более разнообразной и физически трудной деятельностью. Чтобы загнать крупного момента, а затем убить его, или чтобы поймать среднего по размерам парнокопытного, надо было обладать выносливостью, мужеством, знанием повадок животного, умением бесшумно нападать, метко стрелять и т.д. Охота потребовала большего профессионального мастерства, нежели собирательство. Правда, и там надо было знать многие виды съедобных и несъедобных растений, лечебных трав, места их произрастания и время наилучшего сбора.

И вообще, первобытный человек должен был хорошо знать названия и повадки большинства животных, сезонные маршруты их миграции, рецепты приготовления мяса, выделки и применения шкур в качестве одежды, изготовления домашней утвари, оружия и домашней обстановки, а также секреты изготовления сложносоставных орудий труда и оружия.

Собирательство не обязательно связано с растениями. Прибрежные народы собирали, например, моллюсков, оставшихся после морского прилива. На одной из стоянок в северной Африке ученые обнаружили миллионы раковин земляных улиток. Жившие здесь люди кочевали, сменяя места стоянки, когда истощалась местная колония улиток. Они также употребляли в пищу некоторые виды растений, включая разные травы, желуди, кедровые орехи и фисташки. Другие добывали земляных улиток.

До сих пор в различных регионах необъятной планеты исследователи обнаруживают живые осколки старины — примитивные племена бродячих охотников и собирателей. Это самый продолжительный период жизни человечества: из 2–3 млн лет

эволюции человеческого рода 99,9% времени занимал именно этот самый примитивный и, пожалуй, самый экологически чистый способ хозяйствования.

Люди древнего каменного века приобрели обширные знания о материалах, используемых при производстве орудий труда, оружия, одежды и посуды, устройстве жилищ. Эти знания позволяли им находить новые источники добывания пищи и способы охоты. Вместо крупных животных, мамонтов и северных оленей, объектом охоты стали туры, дикие свиньи, олени, косули и лоси. Охотники должны были отлично знать повадки животных, перемещавшихся по территории, на которой люди уже жили оседло. Охотники и собиратели изучали территорию вокруг своих поселений, чтобы находить новые виды продуктов питания растительного и животного происхождения. Это позволяло собирателям на длительный период оседать в районах с изобильными источниками пищи. Для хранения излишков съестных припасов требовались большие сосуды, которые было трудно транспортировать. Все более насыщенной становилась потребность в постоянных селениях и неподвижном образе жизни.

В соперничестве за ресурсы охотники-собиратели обычно уступают сложным обществам, и поэтому они сохранились в современном мире только в тех регионах, которые не представляют интереса для крупных корпораций либо освоение территории стоит чрезвычайно дорого. Это пустыни (бушмены, или сан Юго-Западной Африки), арктические пространства (инуиты Арктики), тропические леса (пигмеи Африки).

Культура собирательства и охоты является древнейшей, имеющей долгую историю стадией развития человеческой цивилизации. Жизни бродячих племен постоянно угрожали голод, гибель от руки врага, детоубийство. Казалось, что собиратель и охотник исчерпал все возможные варианты поведения. Как биологический вид человек столкнулся с ситуацией, когда количество добываемой пищи непрерывно сокращалось. Человек решил эту проблему, перестроив программу поведения. Существо, жившее в налбниках у природы, превратилось в земледельца, управляющего природой. Это было настоящим переворотом в культурной эволюции. До того как человек научился культивировать злаки, его шансы на успех были весьма неопределенны.

Согласно большинству статистических оценок общая численность собирателей и охотников равнялась 5–6 млн. Но и этого оказалось слишком много. Даже при этом весьма примитивном способе производства, — а точнее, благодаря прежде всего ему —

возникла слишком большая антропогенная нагрузка на природу. Несбалансированное соотношение числа едоков и количества пищи превратилось в острую социальную проблему. Она вызвала *продовольственный кризис*. По мнению антропологов, он начался около 10 тыс. лет назад, когда Земля оказалась переполнена собирателями и охотниками. Свободного пространства для существования еще большего их числа не осталось. Популяционный пресс на природу удалось ослабить, только перейдя к более высокому способу производству — земледелию.

Если стадию охоты и собирательства некоторые ученые называют периодом почти *нулевого уровня*, или застойного развития, то земледелие (аграрную культуру) — *промежуточной стадией*, которая продолжалась 10 тыс. лет и характеризовалась все это время низкими темпами развития. Сменившее его индустриальное общество, которое еще называют научно-технической культурой, стало самой короткой, но самой интенсивной по уровню развития стадией. Аграрная культура охватывает эпоху, когда основой материального производства служили земледелие и скотоводство. Сельское хозяйство зародилось примерно за 8 тыс. лет до н.э., а интенсивное промышленное производство началось после 1750 г.

Сегодня собирательство употребляется совершенно в другом значении. Этим словом обозначают не исторический тип хозяйственной деятельности либо единственно доступный первобытному человечеству способ выжить, а разновидность досуговой деятельности, которой занимаются весьма богатые либо очень обеспеченные граждане, которым, кажется, некуда девать деньги, как только коллекционировать марки, картины, книги и множество других, очень разных и совершенно несъедобных вещей. О таком увлечении и модном поветрии повествует в своей книге М. Рац⁹.

2.2. Антропогенные факторы

Антропогенные воздействия — влияние человека на природу — могут носить как позитивный, так и негативный характер. Восстановление исчезнувших видов животных — пример позитивного влияния на природу, уничтожение очередного вида растений или животных — пример негативного воздействия.

Разрушающее, или негативное, влияние человека на природу получило в науке наименование *антропогенных нагрузок*, а необратимые нарушения, серьезный вред, причиняемый человеком природе, называется *экологическими деформациями*. Правда, в разряд последних относят и то, на что человек никак не влияет либо его

деятельность служит косвенной причиной происходящего, к примеру, опустынивание либо землетрясения. Зато они очень сильно сказываются на поведении и жизнедеятельности людей, а потому должны рассматриваться в числе *антропогенных факторов*, понимаемых как любое воздействие, причина или условие, связанные с человеком, но относящиеся к природе.

Ныне принято думать, что современный человек, вооруженный последними достижениями науки и техники, наносит природе непоправимый вред. Но только ли современный?

Отношения между человеком и природой являлись идилическими на протяжении многих тысячелетий. Первобытные общества — небольшие локальные группы по 60–80 человек, кочующие в поисках съедобных растений и животных, обитавшие на огромном расстоянии друг от друга, не могли нанести серьезного вреда природе. Они зависели, боялись, почитали и обожествляли ее. Пиетет перед матерью-природой чувствуется в их мифах, преданиях и ритуалах. Еще в XVIII в. на господство природы никто не посягал, хотя и тогда человек усердно вырубал леса, травил зверей и загрязнял реки.

Длительное время раньше, а часто и сегодня примитивные племена, ныне кое-где сохранившиеся в заброшенных уголках планеты, жили с природой в удивительном равновесии. Иначе и быть не могло. Племена охотников и собирателей полностью зависят от растений и животных природной экосистемы. Энергетическим источником продовольствия и топлива служит солнечный свет, поглощаемый растениями. Как правило, эти племена не могут создать избыток продовольствия или топлива как источников энергии и выживают за счет знания возможностей продуктивности местных экосистем. Охотники и собиратели хорошо приспособлены к окружающей среде, и хотя их существование может показаться сейчас «примитивным», их ум полностью занят задачами изучения местности, свойств и районов произрастания растений и повадок животных.

Так считали до недавнего времени. Но вот в 2001 г. Дж. Алрой, исследователь Центрального узла связи экологического анализа и синтеза (*NCEAS*) в Калифорнийском университете (США), отслежил биологические эпохи вплоть до настоящего времени при помощи созданной им компьютерной модели. Выяснилось, что в период 12–13 тыс. лет назад на Североамериканском континенте среди более чем 30 видов млекопитающих обитали мамонты, гигантские броненосцы и три разновидности верблюдов. Однако доисторические люди охотились на них в течение 1000 лет, пока

полностью не истребили. «Это был такой длинный период, что они не понимали что делают, пока не было слишком поздно и все животные были истреблены поголовно. Больше чем половина фауны млекопитающих Америки исчезла в катастрофической волне массового истребления охотой в самый конец плейстоцена», — отметил ученый¹⁰.

Отношение общества и природы уже в глубокой древности приобрело весьма неоднозначный, если не сказать противоречивый характер. Оно постоянно сопровождалось не только установлением гармонической связи с природой, но и разрушительным воздействием на нее. По-видимому, в заметных формах наносили ущерб природе уже синантропы около 400 тыс. лет назад, когда они стали использовать огонь. Бродячие охотники и собиратели регулярно устраивали пожары. Именно так австралийские аборигены расширили ареал дикого саговника, бушмены Ботсваны — орехов монгонго. Благодаря пожарам устанавливался синхронный цикл созревания диких растений, это повышало урожаи, которые можно было собрать одновременно. Бродячие охотники и собиратели нередко сознательно использовали этот эффект.

В результате пожаров уничтожались значительные площади растительного покрова. Огонь (систематические пожары) как «универсальное» орудие охоты использовался более 100 тыс. лет тому назад, что имело серьезные негативные экологические последствия. «Огненная технология» уже в донеолитическую эпоху вызвала деградацию окружающих экосистем, ландшафтов, снижение качества и количества биоресурсов (выжигание лесов, растительности при охоте на животных и т.д.). Ученые считают, что развитие охоты человека на мамонта было одной из важнейших причин его исчезновения. Некоторые виды фауны раннего плейстоцена, возможно, вымерли из-за разрушения среды их обитания. На огромных пространствах создавались «пирогенные ландшафты» — обедненные биологическим разнообразием, склонные к эрозии, опустыниванию, снижению уровня грунтовых вод, пространства. Деградация ландшафтов, изменение климата — таковы эффекты длительного антропогенного пресса на природу древних охотников¹¹.

Странное поведение народности индейцев майя, весьма компактно проживавших в городах с развитой культурой, а затем оставивших их, долгое время оставалось для ученых загадкой. Многие из ранних центров майя, первые из которых появились около 2 тыс. лет до н.э., были расположены около сезонных болот, которые содержат влагу только с июля до ноября. Спустя приблизительно 1,6 тыс. лет после того как цивилизация майя разви-

валась на территории низменности полуострова Юкатан в Латинской Америке, они мигрировали к новым областям, где создали сложные системы водохранилищ, которые позволили их цивилизации процветать в течение нескольких столетий. И долгое время ученых мучил вопрос о том, почему майя поселились в болотистых районах и почему затем покинули эти земли. В ходе целого ряда экспедиций, проведенных группой ученых из университета Цинциннати и колледжа искусств и науки Мак-Микена было установлено, что на протяжении нескольких столетий индейцы майя планомерно разрушали экосистему района начального расселения, что привело к экологической катастрофе. Изучив топографию, гидрологию, почву, растительность и культурные особенности населения майя, ученые сделали вывод о том, что сельскохозяйственная деятельность майя постепенно лишила эту местность лесов по мере роста численности населения майя. Вырубка лесов ускорила эрозию почвы. В период дождей вода поступала в болота с частями верхнего слоя почвы, которые постепенно заилили водохранилища и уменьшили их глубину. В результате эти земли превратились в некое подобие трясины и уже не могли давать необходимое количество воды для питья и выращивания урожая. Болота превратились из постоянных в сезонные. Это обстоятельство и привело к тому, что в период 400 г. до н.э. по 150 г. н.э. некоторые ранние городские центры майя были оставлены, жители мигрировали и начинали осваивать новые сложные системы водохранилищ.

Индейцы Северной Америки умело пользовались дарами земли и воды (там, где таковые были), но редко создавали среду обитания там, где требовалось концентрированное долгосрочное усилие. Вопреки романтическим представлениям охота внутри весьма ограниченного ареала позволяла жить только впроголодь. Голод был частым гостем, естественная смертность — высокой. В Америке, например, свыше 70 видов крупных млекопитающих вымерли между 15 и 8 тыс. лет до н.э. Эти потери, означавшие, по сути, насильственную смерть свыше 40 млн животных, приходятся в основном на 2 тыс. лет между 11 и 9 тыс. лет до н.э. Для сравнения: в течение предыдущих 300 тыс. лет исчезли всего 20 видов¹².

Историю заселения людьми планеты Земля можно представить как глобальный процесс постепенного разрушения экологии планеты и роста антропогенного воздействия на природу. Первым переломным моментом явился переход от кочевых охотничьих и собирательских общин к общинам оседлых земледельцев, который впервые произошел на территории современного Ближнего Востока около 12 тыс. лет назад; вторым было начало использования

ископаемых видов топлива и последовавшая вслед за этим индустриальная революция, которая началась в Англии в XVIII в. В средневековой Франции расширение пахотных земель привело к тому, что было вырублено не меньше половины лесов: по самому скромному подсчету получается, что из 26 млн га, занятых лесом в 1000 г., уцелело только 13 млн га. Каждое изменение влияло на факторы, определяющие численность и скорость роста населения. Необратимые изменения окружающей среды, происходящие на суше, в воде и даже в атмосфере, являются следствием последних двух веков индустриализации.

Индийские племена юкаре в Боливии живут в полной гармонии с окружающей природой, добывая себе хлеб насущный главным образом охотой, рыболовством и выращиванием бананов и маниока. Они по-прежнему общаются с духами леса и своих предков, а главным лекарем остается шаман, с помощью лекарственных трав и заклинаний излечивающий практически любую болезнь. Аборигены на Суматре едят обезьян, охотятся на крокодилов и собирают ядовитых пауков... Они все берут у природы, ничего не выращивая самостоятельно. Люди живут рядом с огромными обезьянами-орангутангами и, кажется, умеют разговаривать с ними. Их окружают невероятные полчища летучих лисиц, а в хижины забредают гигантские вараны. Туземцы и к животным, и к растениям относятся как к разумным созданиям.

По мнению Ж. Дорст, некоторые «охотничьи племена выработали законы поведения, во многом напоминающие основные экологические принципы, регулирующие равновесие, существующее между хищником и жертвой»¹³. Эти правила предусматривали минимальное изменение природы (и присвоение ее даров) при условии удовлетворения основных жизненных потребностей.

В мире существует около 5 тыс. таких групп общей численностью около 300 млн человек. Помимо того что они принадлежат к наименее развитой, экономически и политически, части населения планеты, эти народы проживают, как правило, в экологически не защищенных, но богатых природными ресурсами регионах. По этой причине они часто оказываются в центре многочисленных конфликтов.

Ради развития энергетики или с целью высвободить земли под пастбища путем выжигания или вырубки тропических лесов коренные народы изгонялись из родных мест на неплодородные земли или переселялись в крупные города. Их положение, и без того бедственное, еще более ухудшалось. Вместе с тем контакты с более крупной цивилизацией часто изменяют их поведение и потребительские запросы таким образом, что они становятся сто-

ронниками, зачастую активными, эксплуатации природных ресурсов и получения доходов от этого.

В Амазонке и ее притоках обитает более 2 тыс. видов рыб и множество необычных млекопитающих и рептилий, в том числе амазонский ламантин, речной дельфин иния, гигантская выдра и крокодиловый кайман. Многообразие рыб поразительно: от маленькой, но зловещей краснобрюхой пираньи — наводящего ужас прожорливого хищника, обитающего на больших отмелях, — до других близкородственных видов, питающихся семенами и фруктами, падающими в воду с прибрежных деревьев. Арована, которая может достигать в длину 1 м, выпрыгивает из воды за сидящими на ветках жучками.

Начавшаяся недавно вырубка влажного тропического леса ведется просто пугающими темпами: каждый час исчезает 4 км² невозстановимого леса. Безжалостное уничтожение этой сложной и разнообразной экосистемы имеет глобальные последствия, угрожает существованию дикой природы, образу жизни местных индейцев, обитавших в лесу в течение столетий, грозит лишить будущие поколения самой возможности наслаждаться этим лесным царством и разгадывать его тайны.

Местные индейские племена живут в гармонии с лесом, используют его, подражая природе, не причиняя вреда. Единственный луч надежды связан с признанием колумбийским правительством индейцев лучшими хранителями леса. В 1989 г. был создан национальный парк Чири-бикете площадью 10 тыс. км², в котором всякое внешнее использование леса запрещено, а управление предоставлено индейцам. Несмотря на свою величину, он охватывает лишь 0,17% территории влажного тропического леса. Традиционный индейский метод заключается в том, чтобы расчистить небольшой участок, известный как чагра, или «сад в лесу», на котором выращиваются юкка, перец, манго и другие культуры. После короткого периода высокой урожайности племя переходит на новое место и расчищает другую чагру, возвращая прежнюю лесу. Естественная прогалина, которая может быть вызвана пожаром, покрывается лесом за 40 лет; чагре требуется до 200 лет, но это лучше, чем полное уничтожение, вызванное сплошной вырубкой.

Вырубка лесов привела к исчезновению многих видов животных, иные же находятся сейчас на краю гибели. *Brazilian rosewood* давно уже пользуется большим спросом из-за красоты древесины, используемой для производства мебели. Сейчас оно используется лишь в виде очень тонкой пленки, накладываемой на другие виды древесины, однако так активно вырубалось, что теперь

ощущается нехватка древесины даже на этом рынке, а само дерево занесено в Красную книгу. *Rio Palenque mahogany* входит в первую десятку видов растений, которым грозит исчезновение. Известно всего 12 взрослых деревьев, хотя к настоящему моменту и проросло множество семян. И это всего лишь два частных проявления значительно более масштабной проблемы и не более чем намек на судьбу многих других неизвестных видов, также находящихся под угрозой исчезновения.

Вот еще пример из современной антропологии. Во Вьетнаме было племя горных кхмеров. Тысячи лет они жили в своей нише, охотились с луками и стрелами. Но во время вьетнамской войны племя исчезло. Американцы обвиняли в их уничтожении вьетконговцев, а те — американцев. Но расследование показало, что никто их не трогал, все было проще и страшнее. Дикарям в руки попали американские карабины. Они быстро освоили новую технику — и через несколько лет племя исчезло. Перебили друг друга, уничтожили окружающую фауну, деградировали.

Как сейчас выясняется, проблемы охраны окружающей среды интересовали еще древних правителей. Так, экологические соображения принимали во внимание императоры древнего Китая во время строительства и реставрации Великой китайской стены. Недавно недалеко от крепостной заставы Яньмэньгуань в провинции Шаньси была обнаружена каменная стела 453-летней давности, на которой вырезан императорский указ о... защите экологии.

Высота стелы — 1,6 м, ширина — 1 м. Как свидетельствует надпись, она создана в 1549 г. при правлении династии Мин (1368—1644). Вырезанный на стеле указ объемом примерно 700 иероглифов по своему содержанию весьма строг. В горных районах вблизи застав Яньмэньгуань, Ниньугуань и других 16 застав категорически запрещается вырубка леса и необходимо восстановить лесные массивы и пастбища.

Природоохранные мероприятия в этих районах были поручены специальным чиновникам. Те же, кто осмелится вырубать лес, будут задержаны и отправлены на тяжелую военную службу в малоосвоенные южные окраинные районы страны. Местные чиновники, злоупотребляющие служебным положением или халатно относящиеся к природоохранной работе, будут наказываться наравне с простолюдными.

Как упоминается в летописях, горная застава Яньмэньгуань в те времена играла важную роль в защите от нашествия кочевни-

ков. В этой связи археологи не исключают, что решение об усилении экологической охраны в этом районе, принятое минскими императорами, учитывало необходимость обороны, говорится в сообщении агентства «Синьхуа».

Особую озабоченность российского правительства вызывает обстановка на Крайнем Севере. Северные территории страны — это хозяйственный и экологический резерв не только России, но и всей планеты. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности занимают 60% территории Российской Федерации. Здесь сосредоточено 80% сырьевых ресурсов России, расположено 70 городов, более 300 поселков городского типа, около 1300 других поселений. На этой территории проживает 8% населения (11 млн человек), в том числе более 200 тыс. человек, представляющих 32 национальности коренных малочисленных народов. Особенности градостроительства на Севере обусловлены слабой устойчивостью природной среды к антропогенным нагрузкам, значительной дигрессией природных ландшафтов при использовании недр и строительстве поселений, негативными последствиями проявления природно-техногенных процессов (заболачивание, термоэрозия, карст, просадки и т.д.).

Установлено, что в течение последних 20–25 лет ландшафты Крайнего Севера необратимо деградируют (от 0,1 до 2% территории ежегодно) под воздействием процессов интенсивного освоения, формирования систем поселений, строительства объектов инфраструктуры. При этом теряется полностью растительность, заболачиваются и покрываются отвалами обширные территории. Так, Ямало-Ненецкий автономный округ фактически представляет зону экологического бедствия, поскольку в нем погибло до 50% экосистем. При существующей практике природопользования к 2005 г. будут разрушены экосистемы на 20–30% арктических площадей, составляющих в основном всю территорию их активного освоения. В последующие 10–15 лет Крайний Север может лишиться лишайникового покрова, что приостановит оленеводство, пушной промысел и отстрел диких оленей — основные отрасли природопользования коренного населения. Во внутренних пресноводных водоемах России в течение нескольких последних лет прослеживается тенденция снижения запасов ценных промысловых рыб (осетровые, судак, сазан) и увеличения численности малоценных рыб. На большинстве водоемов промысел осуществляется без координации действий заготовителей, используются неэкологичные орудия лова, отсутствует учет вылова и реализации продукции, сильно развито браконьерство.

Традиционный уклад жизни коренных народов Севера отвечал требованиям рационального природопользования, исключавшим нарушение природного равновесия ранимых северных ландшафтов. Изменение условий жизни и труда аборигенного населения, нарушение экологического баланса территорий, отчуждение земель традиционного природопользования под промышленное использование оказали неблагоприятное влияние на здоровье коренных народов Севера. По данным Госкомсевера России, нарушения здоровья наиболее значительно выражены у коренного населения. Это относится к коренным малочисленным народам Северного, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного районов.

В настоящее время около 25–30%, а в некоторых отдаленных поселках и до 100% населения из числа коренных малочисленных народов оказались, по существу, экологическими мигрантами и вынуждены переселяться в более крупные поселки из-за ухудшения экологической обстановки, связанной с сокращением площади оленьих пастбищ, загрязнением водоемов и истощением рыбных ресурсов. Невосполнимый ущерб окружающей среде и здоровью человека наносит экспедиционный метод освоения природных ресурсов территории.

Настоящих первобытных племен на Земле остается все меньше и меньше. Скоро их не останется совсем. С каждым годом современная цивилизация все глубже в джунгли вытесняет девственные первобытные племена, главное условие выживания которых — полная гармония с природой. Когда первобытные племена исчезнут окончательно, мы рискуем забыть, как развивалось человечество.

2.3. Наши примитивные современники

Настоящих первобытных племен на Земле остается все меньше и меньше. Папуасы — одна из тех народностей, которым пока удастся сохранить свой быт, каким он был сотни и тысячи лет тому назад. Охота папуасов остается столь же опасной и захватывающей, обряды и верования — столь же удивительными и необъяснимыми для современных европейцев. Папуаски отсекают себе фалангу пальца после смерти мужа, а мужа отрезают часть уха в случае гибели ближайшего родственника... Они не знают письменности, но умеют разговаривать с душами умерших¹⁴.

Бушмены из племени сан, обитающие в пустыне Калахари, стали героями всемирно известного фильма «Наверное, боги сошли с ума». Он повествует о том, как на бушменов с пролетающего самолета упала бутылка «Кока-колы». Жители пустыни, никогда не видавшие европейцев и не сталкивавшиеся с их техническими достижениями, решили, что бутылка упала с неба. Но зачем? Они пытаются приспособить ее для хозяйственных нужд и детских забав. Но вскоре оказывается, что бутылка — предмет раздора: каждый хочет завладеть диковинкой. Тогда старейшина отправляется в дальний путь для того, чтобы найти тех, кто послал им этот дар, и вернуть его. Путешествуя по современному миру, он встречается с самыми разными людьми. И всех, с кем он сталкивается, поражает его непосредственность и совершенно необычная для европейцев логика мышления.

Исследователи отмечают, что бушмены Калахари живут небольшими группами (30–50 человек) и занимаются охотой и собирательством. У бушменских этносов *'ко*, *г'ви* и *'кунг* каждая группа владеет определенной территорией. Члены других групп могут заходить на нее только по особому разрешению и при определенных обстоятельствах. Несколько групп *'ко* образуют своего рода союз. Внутри этой системы группы связаны матримониальными узами. Кроме того, члены групп собираются вместе на различные церемонии (обряды посвящения, ритуальные танцы). И хотя у каждой группы собственная территория, в случае острой необходимости ей разрешается пользоваться ресурсами территории «союзных» групп. Остальные группы не имеют на это право.

Сходные объединения существуют и у бушменов *г'ви* и *'кунг*. Большую часть жизни индивиды проводят в тесном кругу знакомых людей (своей группы). В засушливый сезон из-за недостатка пищи группы делятся на семьи, вынужденные некоторое время жить самостоятельно. Поселение группы состоит из 10–20 простых хижин, расположенных по окружности. Расстояние между ними таково, что обитатели соседних строений могут свободно переговариваться друг с другом: например, родители часто живут вблизи своих детей¹⁵. Хижины строятся из веток, которые втыкаются по кругу в землю и, переплетаясь в верхней части, образуют свод. Все сооружение покрывается травой. Размеры хижин неодинаковые. Обычно высота не более 2,3 м, а ширина основания от 2,5 до 4 м. Выходы ориентированы на открытую площадку посередине поселения. Каждая супружеская пара имеет собственную хижину, где живет со своими детьми. Незамужние женщины строят себе отдельную хижину, а холостяки и вдовцы ночуют под открытым небом.

До сих пор во многих уголках земного шара сохранились живые реликвии — племена, живущие охотой и собирательством. Их можно встретить на Мадагаскаре, в Южной Азии, Малайзии, на Филиппинах и других островах побережья Индийского океана. Одним из самых известных случаев являются аборигены Австралии. Это коренные австралийцы, населяющие свой континент уже более 40 тыс. лет. Они до сих пор не перешли к земледелию и скотоводству. В западном полушарии тоже есть собиратели. Эскимосы Аляски и Канады — это древние охотники. Совсем недавно, правда, они начали пользоваться винтовками и пересели на снегоходы. Коренное население Калифорнии, Орегона, Вашингтона и Колумбии занимается собирательством, также как индейцы на Великих Озерах (Канада). Для многих коренных американцев рыболовство, охота и собирательство остаются важными источниками существования (иногда коммерческими). На травянистых равнинах Аргентины, южной Бразилии, Уругвая и Парагвая также обитают древние охотники-собиратели.

Всех их делят на две группы: коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни.

В мире существует около 5 тыс. таких групп общей численностью около 300 млн человек. Помимо того что они принадлежат к наименее развитой, экономически и политически, части населения планеты, эти народы проживают, как правило, в экологически незащищенных, но богатых природными ресурсами регионах. По этой причине они часто оказываются в центре многочисленных конфликтов.

Ради развития энергетики или с целью высвободить земли под пастбища путем выжигания или вырубки тропических лесов коренные народы изгонялись из родных мест на неплодородные земли или переселялись в крупные города. Их положение, и без того бедственное, еще более ухудшалось. Вместе с тем контакты с более крупной цивилизацией часто изменяют их поведение и потребительские запросы таким образом, что они становятся сторонниками, зачастую активными, эксплуатации природных ресурсов и получения доходов от этого.

В 1989 г. Международная конференция труда одобрила Конвенцию 169. Она призвана закрепить права коренного населения в международном законодательстве. В ней затрагиваются такие проблемы, как право на природные ресурсы и их использование, процедуры переселения и компенсации, передача прав на землю, наказание за незаконное вторжение на земли коренных народов и племен, защита их прав при реализации сельскохозяйственных программ. В конце 90-х гг. Конвенцию подписало большинство

стран, на территории которых находятся коренные народы и народы, сохранившие племенной образ жизни.

Охота и собирательство продолжалось сотни тысяч лет. Совсем недавно, по историческим меркам, человечество перешло к следующей стадии — огородничеству. Историки точно не знают, как давно это произошло. Зато им точно известно, когда на смену огородничеству пришла новая фаза развития — земледелие. Произошло это примерно 10–12 тыс. лет назад. Земледелие непосредственно выросло из огородничества — как его органичное продолжение. Разница между двумя укладами хозяйства невелика.

По имеющимся оценкам, ныне лишь 50 тыс. обитателей нашей планеты живут собирательством и охотой. Люди, не знающие сельского хозяйства и добывающие пищу посредством собирательства, охоты и рыбной ловли, встречаются в самых отдаленных районах Земли: в пустынях Австралии, африканских джунглях, болотах Амазонки, в Арктике; они являются последними представителями первобытной культуры.

Под влиянием современной цивилизации и у традиционных народов меняется отношение к окружающей среде. Так случилось с масаи — одним из самых колоритных племен Восточной Африки. Масаи — небольшое племя, которое живет в отдаленном районе Кении. Самое ценное, что у них есть, — это коровы. Эти животные считаются у них священными, и расстаются они с ними только в исключительных случаях. На протяжении веков масаи в отличие от луо, кикуйю и других племен сумели сохранить древние обычаи и веками существовавший уклад жизни предков. Они живут за счет домашнего скота. Они не знают земледелия или ремесел, зато уверены, что Верховный Бог Энгай даровал им всех животных на свете. А потому кражи скота у других племен для масаев — обычное дело. На временных стоянках они строят жилища, обмазывая округлый каркас из веток навозом. В их хижинах нет окон, а очаг располагается внутри, рядом с постелями из шкур животных. Вокруг деревни, в которой живут обычно пять-семь семей, масаи строят забор из шестов или колючего кустарника — крааль, чтобы защититься от нападений львов, леопардов или гиен. Питаются масаи молоком или кровью животных. Мясом — в исключительных случаях. В голодное время они протыкают сонную артерию коров короткой стрелой и пьют еще теплую кровь. После чего замазывают рану свежим навозом, чтобы использовать животное снова. Масаи издревле владели землями в долине Серенгети, в окрестностях кратера Нгоронгоро и Великого Африканского разлома — Рифт Веллей. В XIX и начале XX в.

они сумели выжить и доказать европейцам права на исконные земли своих предков. Но они не сумели противостоять натиску цивилизации конца XX в.

За последние 30 лет масаев выселили с большей части их земель. Белые люди запретили пасти там скот, объявив их земли «заповедными». Богатые белые туристы, приезжавшие в Танзанию на сафари, желали «видеть животных, а не полудиких оборванцев». Выселенных масаев, которые самовольно возвращались, уничтожали или сажали в тюрьмы.

То тут, то там в саванне стали появляться бунгалло и лоджи. И масаи поняли, что львы, антилопы, газели и туристы гораздо важнее, чем они сами. Оставшись без средств к существованию, многие занялись браконьерством.

Тысячелетиями племена масаев сосуществовали с природой, а теперь начали неистово ее истреблять. Их собственный скот почти вымер, но зато бивни слонов и рога носорогов прекрасно продаются на черном рынке. И теперь носороги на землях масаев истреблены, а поголовье слонов сократилось в сотни раз¹⁶.

Пигмеи, обитающие в Африке, питаются только тем, что найдут, поймают или убьют в джунглях. Они великолепные охотники и их любимое мясо — слоновье, но чаще им удается добыть не очень крупных животных или рыбу. У пигмеев существует особая техника ловли рыбы. Метод, который они применяют, основан на отравлении рыбы растительными ядами. Рыба засыпает и всплывает на поверхность, после чего ее можно собирать просто руками. Пигмеи живут в гармонии с природой и берут ровно столько рыбы, сколько понадобится. Невостребованная рыба просыпается спустя полчаса без каких-либо повреждений.

Пигмеи живут на территории современного государства Заир и тесно связаны с внешним миром. Долгое время они вели торговлю со своими соседями, меняли лесные продукты (мед и мясо) на сельскохозяйственные культуры (бананы, маниока). На протяжении долгого времени они подвергались влиянию языка европейцев. И в других уголках планеты примитивные собиратели ведут сегодня торговлю с производителями продуктов, и большинство полагаются на правительство и миссионеров.

Антрополог Н. Пикок, изучавший пигмеев эфе в заирском лесу Итуру, нашел, что они, как и тысячи лет назад, живут небольшими подвижными группами, занимающимися собирательством. Однажды известный американский антрополог Дж. Мэрдок назвал современных охотников и собирателей «нашими примитивными современниками». Но так ли это на самом деле?

Можем ли мы по современным племенам достоверно судить о том, как жили на самом деле люди сотни тысяч лет назад? Разве не наложила на них отпечаток жизнь в современном обществе?

2.4. Историко-социологические взгляды А. Кауфмана

Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919) принадлежит к замечательной плеяде выдающихся экономистов и статистиков дореволюционной России. Им написано множество фундаментальных монографий, посвященных в основном анализу русской поземельной общины и крестьянскому (аграрному) вопросу. Книга А.А. Кауфмана «Формы хозяйства в их историческом развитии» (1910) представляет собой курс лекций, прочитанный в Московском народном университете весной 1908 г. Касаясь общественной и хозяйственной организации первобытного общества и указывая на ее коренное отличие от современной капиталистической, А.А. Кауфман подчеркивает несколько важных обстоятельств: а) судить о конкретных особенностях хозяйственной организации любого общественного строя лучше всего по живым остаткам, если они сохранились на территории данной страны; б) к настоящему моменту «сохранилось множество остатков иной, более ранней общественно-хозяйственной организации, только сверху, так сказать, затронутых влиянием капитализма. Такие остатки наблюдаются даже в самых передовых по хозяйственному развитию странах Западной Европы, но особенно много их, конечно, у нас, в России: на огромном пространстве нашей страны можно наблюдать все переходы, начиная от вполне развитого капиталистического хозяйства и кончая остатками самой первобытной хозяйственной организации»¹⁷; в) современный хозяйственный строй России представляет собой гетерогенное образование, характеризующееся сочетанием элементов из различных, в том числе исторически исчерпавших себя, экономических формаций.

Если гетерогенность — отличительная черта не только России, но и других стран, в том числе стоящих на более высокой степени развития, то возникает вопрос: в чем же специфическая черта нашей страны? Напрашивается ответ, который, к сожалению, не затрагивается А.А. Кауфманом напрямую, что различие кроется в *степени гетерогенности*. Иными словами, в том, насколько сильно в экономической жизни чувствуется присутствие прошлых укладов, занимают ли они главенствующую или второстепенную позицию, тормозят или ускоряют движение экономики? Судя по

единодушному признанию большинства дореволюционных историков и экономистов о том, что капитализм всего лишь «скользнул» по поверхности экономической жизни российского общества, А.А. Кауфман склоняется к признанию если не главенствующей, то очень серьезной роли докапиталистических укладов в становлении капитализма в России.

Вопрос о степени гетерогенности автор предлагает решать в плоскости сравнения а) образа жизни людей разных эпох и б) структурных особенностей хозяйства в различные исторические эпохи. Отвечая на первый вопрос, А.А. Кауфман предлагает исследовать уклад и образ жизни жителей «в глухих местностях Центральной Африки и Австралии», но прежде всего наши народности «Крайнего Севера и северо-востока Сибири». Источником средств существования у тех и других выступают охота и рыболовство. В обоих случаях человек берет у природы все готовое. Правда, слово «готовое» обманчиво, предупреждает ученый. «Человек берет готовое — это вовсе не значит, чтобы это готовое доставалось легко: напротив — от первобытного дикаря-охотника или рыболова, при крайне несовершенных орудиях промысла, требовались такие качества, как большая физическая сила, выдержка, верный глаз и меткая рука, знакомство с привычками и нравами зверя или рыбы; чтобы добыть себе пищу, приходилось затрачивать множество усилий и подвергать себя постоянным опасностям»¹⁸.

Охоту и рыболовство А.А. Кауфман относит к пионерным формам добывающей промышленности. Что касается «обрабатывающей промышленности» (если подобный термин вообще применим по отношению к первобытному состоянию), то она находилась в зачаточном положении. По сравнению с дикарем одежда и домашняя утварь современного крестьянина, даже из беднейших слоев, полагает А.А. Кауфман, покажется роскошью. Единственное, что дикарь мог изготовить, это звериная шкура, на которую он тратил при отсутствии нужной техники и технологии, а также квалификации огромное количество времени. Не меньше усилий и времени требовалось на изготовление примитивной снасти или оружия. Одним словом, «обрабатывающая промышленность» тогда являлась трудозатратной и малоэффективной.

А.А. Кауфман вслед за К. Бюхером подчеркивает принципиальную особенность в образе жизни дикаря — формирование демонстрационного поведения раньше хозяйственного. При всей трудозатратности основных отраслей хозяйства, забиравших массу времени, дикарь умудрялся не меньше времени тратить на изготовление украшений: «дикарю приходилось затрачивать огром-

ное количество труда на изготовление или починку одежды, жилища, орудий и т.п., потому что ведь работать ему приходилось каменным топором, иглой из рыбьей кости и т.п. И что особенно характерно для дикарей: громадное множество труда затрачивалось *на украшение* предметов обихода: ручка каменного топора австралийского дикаря—это настоящее художественное произведение, покрытое тончайшею резьбой, на которую затрачены годы труда; сибирский остяк или архангельской самоед вовсе не носит белья, — но его меховая «малица» или «гусь» украшены множеством нашивок из разноцветного сукна; иные дикари и вовсе не носят никакой одежды, но затрачивают годы труда и подвергаются жестоким страданиям, чтобы покрыть свое тело узорами — татуировкой. Существует поэтому даже предположение, что первобытный человек прежде чем выучиться работать по-нашему затрачивал свои усилия главным образом для целей развлечения или украшения, и что настоящий хозяйственный труд лишь постепенно развился из забавы (Бюхер)¹⁹. Что это — крайняя нерасчетливость и нехозяйственность поведения дикаря или высочайшая предусмотрительность?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, А.А. Кауфману пришлось бы совершить революцию в собственном мировоззрении. К сожалению, ничего подобного не произошло. Он с увлечением подгоняет конкретные факты под весьма прямолинейную и опровергнутую современной наукой схему Бюхера.

Оказывается, «первобытный дикарь до последней степени ленив — он отправляется на промысел только тогда, когда ему угрожает голодная смерть, и предается полному безделью, пока у него остается что-нибудь от последней охоты... Когда у него есть добыча, он пожирает ее, совершенно не думая о завтрашнем дне; он не оставляет никаких запасов, да и не может оставлять, потому что не знает никаких способов сохранения пищи впрок... Отсюда резкие переходы от продолжительного голодания к самому необузданному обжорству, от полного безделья к самым напряженным усилиям для добывания пищи»²⁰.

На самом деле демонстрационное поведение связано с религиозными ритуалами. Потусторонним духам надо было оставлять еду, приносить жертвы, украшаться, чтобы они видели: оставшиеся в живых соплеменники чтят их и считают их не менее значимыми фигурами, чем соседей. Украшения связаны также с зарождением первых ростков искусства и художественного гения человека, с появлением совершенно нового качественного состояния — социальных отношений. Последние не ограничиваются совмест-

ным трудом, совместным проживанием и сексуальным партнерством. Социальные отношения формируются там, где возникает «зеркальное Я» (принцип Ч. Кули): человек смотрится в другого и вносит поправки в собственное поведение; он прислушивается к тому, что думают о нем другие. Так вот без демонстрационного поведения, угощения соседей (потлач), выставления богатств на показ, бравирования силой, умом, красотой или сноровкой невозможно появление главного в социальных отношениях: поведения с оглядкой на общественное мнение, на значимых других.

К сожалению, А.А. Кауфман проглядел этот сюжет в эволюции первобытного общества. Хотя все детали дальнейшего анализа этого периода не расходятся с общей картиной, как ее представляет современная социальная антропология: дикари ведут бродячий образ жизни, фуражируют (питаются подножным кормом), живут малыми общностями из нескольких родственных семей, не знают социального неравенства и передачи имущества по наследству. При контактах с культурными народами дикари получают от них болезни, дурные нравы и пьянство, бездельюшки и технические приспособления, при помощи которых они уничтожают не только природу, но и самих себя²¹. Правда, подобное происходит лишь с теми племенами, которые задержались в своей эволюции и встретили другие народы на высоком уровне развития. Всего человечества, планомерно переходившего от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию, «разрушительное влияние культуры» при встрече с передовыми нациями не касалось.

«Плановый» переход человечества к земледелию, по мнению А.А. Кауфмана, происходил под действием двух факторов: увеличение численности населения и сокращение численности дичи, которой первое питалось. Отсюда поиск новых и более эффективных форм хозяйствования: одни племена, обнаружив «растение с вкусными и питательными семенами или корнями, выпалывали вокруг него сорную траву, взрыхляли почву палкой или первобытным заступом, и мало-по-малу доходили и до того, что начинали сажать семена такого полезного растения. Другие приручали животных и из бродячих охотников становились кочевниками-скотоводами»²². При объяснении причин межформационного перехода взгляды А.А. Кауфмана практически ничем не отличаются от воззрений на социальный прогресс, скажем, С.Н. Булгакова или Косинского (как и большинства других дореволюционных мыслителей), четко следовавших за концептуальной схемой Мальтуса.

Гораздо больший интерес представляют взгляды А.А. Кауфмана на роль скотоводства. Он подчеркивает, что через эту исто-

рическую фазу хозяйства прошли все народы — от древних греков и гуннов до современных киргизов, туркменов, калмыков, бурятов, пасущих свои стада на необъятных просторах российских степей. Что касается скотоводческого прошлого русского народа, то А.А. Кауфман о нем умалчивает. Видимо, его не было вовсе. Понятно, что в культурных контактах чисто земледельческих народов, каковым являются русские, и чисто скотоводческих всегда возникает проблема недопонимания. Последнее преодолевается лучшим знакомством с бытом и укладом жизни соседнего народа. Уклад и образ жизни кочевников А.А. Кауфман изучил по непосредственным обследованиям народов Средней Азии.

Скотовод кормится целиком от своего скота: от него он получает мясную пищу, молоко и молочные продукты (не исключая водки), одежду (шерсть животных), жилье (из волос лошадей изготавливают переносные войлочные юрты), домашнюю обстановку (ковры) и домашнюю утварь в роде мехов для молока и кумыса, обувь и сбрую (кожа) и т.д. Тем не менее экономические гарантии ему выданы лишь наполовину, поскольку «скот содержится исключительно на подножном корму. Уродился корм — скот сыт, сыт и его хозяин; случилась засуха или гололедица или выпал глубокий снег — вообще нет или мало подножного корма, скот пропадает массаами, многие скотовладельцы остаются вовсе без скота, значит — без средств существования»²³.

Скотовод в условиях России — только наполовину скотовод. На вторую половину он кочевник. Только у земледельческих народов скотоводство оседлое. У киргизов стада передвигаются в поиске подножного корма круглый год, а вместе с ними кочуют и люди. Кочевки — правильные переходы скотовода со своими «стадами с места на место, вслед за подножным кормом; отсюда необходимость для скотовода быть *скотоводом-кочевником*»²⁴. Однако в отличие от настоящего кочевника или, точнее сказать, бродячего собирателя-охотника современный кочевник обладает средством накопления первоначального капитала, так как «скот — это уже *имущество*, которое может скопиться в одних руках сотнями и тысячами голов, образуя крупные богатства; это — имущество, дающее доход и потому подходящее под понятие *капитала*, который дает своему обладателю власть над трудом других. Одни обладают таким имуществом в больших, иногда в громадных размерах; другие владеют небольшими количествами скота, едва достаточными, чтобы кое-как прожить; третьи скота не имеют вовсе или почти вовсе. И это имущественное неравенство влечет за собой и неравенство социальное: крупные скотовладельцы — это «белая кость», аристократия; малоскотные — рядовая

чернь, влачащая жалкое существование; у кого скота вовсе нет, тот поступает в службу к богатому скотовладельцу... возникает личная зависимость, очень похожая на рабство. С такими отношениями личной зависимости мы встречаемся везде, где только встречаем скотоводческий быт: о таких отношениях свидетельствует библейская легенда о Иакове, который служил у своего будущего тестя Лавана; с рабством мы встречаемся у древних греков в эпоху "Илиады"; отношения, похожие на рабство, еще недавно существовали у кочевников Закавказья и Туркестана. По сравнению с охотниками-дикарями кочевники-скотоводы обнаруживают большой прогресс, в смысле домашнего быта и так называемой материальной культуры: их переносные жилища, юрты, гораздо совершеннее по своему устройству, а у мало-мальски состоятельного кочевника богато украшены коврами и нашивками; их питание несравненно правильнее и разнообразнее, одежда и обувь несравненно лучше; у них появляются разнообразные предметы роскоши, начиная с ковров и других принадлежностей юрты и кончая, в особенности, конскою сбруей. Нравы у кочевников гораздо мягче, чем у дикарей-охотников, в значительной мере потому, что главное занятие скотовода — *не лишение жизни*, как у охотников, а *уход* за скотом; но в то же время привычка постоянно быть на лошади и еще не исчезнувшие охотничьи традиции делают из кочевников отличных воинов, особенно страшных своею подвижностью и неутомимостью. Наконец-то свободное время, которое оставляет кочевнику уход за скотом, позволяет кочевникам, или по крайней мере избранным из них, предаваться умственным занятиям»²⁵.

Охотничий быт и кочевое скотоводство возможны лишь при редком населении — для того и другого необходимы большие подкормные площади. По мере эксплуатации последних их качество ухудшается: «в киргизском крае можно найти немало пространств, которые некогда были превосходными ковыльными степями и на которых теперь растет одна редкая полынь. От всех этих причин кочевникам мало-по-малу становится тесно. Между кочевниками начинаются столкновения из-за пастбищ, принимающие иногда кровопролитный характер. Временами кочевники объединялись в большие массы и под предводительством какого-нибудь смелого вождя предпринимали далекие походы, чтобы овладеть землей под пастбища. Такой смысл имело нашествие на Европу гуннов и германских племен, несколькими веками позже — нашествие татар на Русь... В конце концов, однако, и кочевникам под влиянием утеснения ничего не остается, как перейти к новым формам быта и хозяйства. Из кочевников они делаются земледельцами.

Многие сотни лет тому назад такой переход совершился у германских племен, у венгров, частью у татар; тысячи лет тому назад он совершился у древних греков; в настоящее время мы можем наблюдать его у всех кочевых племен азиатской России — киргиз, бурят, алтайцев и т.п.»²⁶.

Хозяйственная трансформация кочевников начинается с того, что они не ограничиваются подножным кормом для скота и начинают заготавливать запасы сена на зиму. Постепенно появляются постоянные зимние жилища — зимовки: устраивают загоны для скота, и в эти загоны на зиму ставят юрты, которые для сохранения тепла засыпают снегом и землей, или устраивают землянки. Со временем жилища благоустраиваются и вокруг них разрастается запашка, дающая не только необходимый для прокорма крестьянской семьи, но также и товарный, продаваемый на рынке хлеб. Скотовод, имеющий запашку и заготавливающий на зиму сено, не может уходить далеко от своего жилища: он должен поспеть ко времени посева, сенокоса или уборки хлеба. Параллельно изменяется правовая режим пользования землей.

Кочевники не знают земельной собственности: их пастбища — общее достояние многочисленного рода. При переходе к земледелию общими остаются пастбища, но земельный надел становится индивидуальным, на который оформляется право частной собственности. Коллективная собственность может сохраниться и на те сооружения, которые возводились сообща, например ирригационные системы.

Как только кочевники перешли к оседлому укладу, резко возросла скорость технического прогресса. Собственную землю приходится не только эксплуатировать, ее приходится восстанавливать и улучшать. В ход идут более щадящие средства обработки и удобрения. Кочевник не знал технологии природосохранения. Не ведал ее и охотник. Оба они брали с данного участка все, что можно, а затем переходили на новый. Земледельцу же переходить некуда. А «по мере того как развивается и совершенствуется земледелие, данная площадь земли оказывается в состоянии прокормить все большее количество людей, и наоборот, для прокормления человека оказывается нужной все меньшая площадь земли. Сибирский крестьянин при первобытном залежном хозяйстве должен иметь, чтобы кое-как прожить, не меньше 50—60 десятин; крестьянин средней России, ведущий трехпольное хозяйство, довольствуется гораздо меньшим количеством земли, но все-таки и ему нельзя обойтись менее чем 8—10, примерно, десятинами; а бельгийский земледелец, у которого поля разделаны как огород, отлично существует на десятине или полудесятине. Развитие и

совершенствование земледелия, таким образом, постепенно увеличивает так называемую емкость страны, т.е. количество людей, которое может жить и кормиться на данном пространстве»²⁷.

Второе направление прогресса земледельческого уклада хозяйства — парцеляризация земельных наделов. С течением времени все меньшая часть земли остается в собственности общины и все большая часть переходит сначала в личную, а затем частную собственность крестьян. Вскоре и пастбища — последний оплот — переходит в безраздельную собственность индивидов. Вслед за парцеляризацией собственности происходит усиление социально-экономической дифференциации земледельцев. Расщепляется уже не земля, а население. Выделяются очень бедные, бедные, среднесостоятельные, зажиточные, очень зажиточные, богатые слои крестьянства и кулаки, которые не всегда подходят под категорию земледельческого населения, но часто используют надел для извлечения прибыли, которую уже в качестве капитала могут инвестировать не обязательно в сельские промыслы. На базе социального расслоения формируется социальное неравенство. Соединение того и другого дает социальную стратификацию общества: «крупные владельцы образуют земельную аристократию; из мелких землевладельцев слагается свободное крестьянство, безземельные же составляют несвободный класс — рабов или крепостных; лишенные возможности существовать самостоятельно, они отдаются во власть крупным владельцам, которые их руками обрабатывают свои земли»²⁸.

Охотники и собиратели, скотоводы-кочевники и оседлые земледельцы представляют у А.А. Кауфмана три исторические ступени общественно-хозяйственного развития. Всем им присуща одна общая черта — господство так называемого *натурального хозяйства*: «каждая хозяйственная единица затрачивает свой труд исключительно на изготовление предметов собственного потребления, и каждая удовлетворяет свои потребности исключительно продуктами собственного труда»²⁹. Натуральное хозяйство — это хозяйство, не знающее экономического обмена. Данную формулировку А.А. Кауфман позаимствовал у Бюхера. Ее недостаток — в упрощенности трактовки экономических категорий, ее преимущество — в выходе на мотивацию и поведение людей. Вслед за немецким автором русский ученый утверждает природную антипатию людей, выросших в недрах коллективного хозяйства, ко всякому обмену на том основании, что часто за ним скрывается обыкновенный обман, либо корыстный, либо неосознанный. Первый мотив присущ в равной степени и рыночному и нерыночному обществу, а второй больше свойствен нерыночному. Оно

не дает людям нужного социального опыта денежного общения, заключения сделок, вступления в эквивалентные отношения, обмена и т.п. У индивидов попросту нет нужной социальной квалификации, а там, где все делается на глазок, обман случается чаще, чем нужно. «“Менять” и “обманывать”, — пишет Бюхер, — слова одного корня, а в старину почти одного значения: в те времена не было общего мерил ценности, а потому при обмене, действительно, постоянно приходилось опасаться обмана. С другой стороны, первобытный человек рассматривает продукт своего труда как бы частицу самого себя; кто передает другому свое изделие, тот как бы отказывается от обладания частью самого себя и тем самым дает власть над собою нечистым силам»³⁰.

В натуральном хозяйстве нет ни того ни другого. «Нравственная чистота» примитивного уклада дополняется еще одним преимуществом — отсутствием узкой специализации, порождающей массу однобоких профессионалов. При натуральном хозяйстве все члены крестьянской семьи, вынужденные заниматься всем трудовым циклом и участвовать в самых разных операциях, овладевают широкой квалификацией. Они буквально умеют делать все. Наконец, третье преимущество — питание экологически чистой продукцией: «крестьянин питается хлебом с собственных полей; собственный скот дает ему мясо, молоко, масло и другие молочные продукты; одежда изготавливается женщинами из собственного льна и из шерсти собственных овец; такой крестьянин сам может срубить или перебрать избу, может наладить соху, телегу или дровни»³¹.

Глава 3. РОДОПЛЕМЕННОЙ СТРОЙ

Даже те, кто знаком с курами преимущественно в виде гриля, знают, что цыплята вылупляются из яиц. Бройлеры получают от скрещивания курицы породы «плимутрок» и петуха «корниш». Происходит это «на зоне» — зоне родительского стада — под строгой охраной автоматизированной системы поения, кормления и терморегуляции. Тут господствует родоплеменной строй с ярко выраженным патриархатом. У каждого петуха гарем примерно из 10 самок, которых он топчет и охраняет. Куры несут яйца. Норма строгая — 300 штук в год. Не справишься — под нож. У людей тоже был родоплеменной строй: пища добывалась охотой, собирательством и/или примитивным земледелием, практиковались примитивные орудия труда, а единственным видом транспорта служили пешие переходы. Общение в основном устное, местами употребляются примитивные пиктограммы. Но несмотря на гигантские успехи научно-технического прогресса, до сих пор в различных уголках планеты сохраняются племенные пережитки. Их называют трайбализмом.

3.1. Исторические оригиналы

Важность родового периода в истории славян невероятно велика, хотя бы по той причине, что от первого упоминания о венетах (III в. н.э.) до первых государственных объединений славян (630 г. н.э.) прошло три века. Морган доказал, что род представляет собой учреждение, общее для всех народов, вплоть до их вступления в эпоху цивилизации. Прямым указанием на родовую организацию служит наличие тотемных животных. У славян известны поклонения ворону, соколу, волку, бобру, кунице и др.

Древний Рим первоначально представляя собой родовую общину, а со временем стал могущественной державой, которая включала в себя значительную часть Европы, побережье Северной

Африки, Египет, Малую Азию и Сирию. Другие племена, а их большинство, канули в безвестность, почти ничего не оставив после себя. Это и не удивительно, поскольку родоплеменной строй — это еще ранний, дописьменный этап существования человечества. В эпоху бронзы (III—II тысячелетия до н.э.) на Кубани жили племена, названия которым археологи дали по их погребальным обрядам. Это племена ямной, катакомбной, срубной, дольменной археологической культуры и майкопские племена, получившие свое название от всемирно известного кургана в г. Майкопе. Они давно вымерли, а о их существовании известно только по археологическим раскопкам.

Напротив, племена пуштунов в Афганистане, корни которых тоже уходят в глубокую древность, не только существуют сегодня, но способны даже противостоять великим державам, обладающим ядерным оружием. Их не могли покорить ни Великобритания в XIX в., ни СССР в XX в. Только США в XXI в. удалось установить в Афганистане хрупкое равновесие, договорившись с воинственными племенами и пообещав им крупную финансовую помощь. С давних времен чукчи и эскимосы жили территориально-родственными группами. Общинно-родовой строй и родовые традиции сохранились местами в этом регионе вплоть до начала XX в.

В течение многих столетий племя было единственной социальной организацией, которую знали африканцы, и нередко и сейчас, в начале XXI в., определяет их общее мировоззрение и действия, их отношение как со своими соплеменниками, так и с окружающим миром.

Исходные кирпичики, из которых складывается социальная структура родоплеменного общества, в зарубежной литературе чаще всего именуется кланами, локальными группами и линиджами¹, а в отечественной — родами. Принципиальной разницы между этими терминами нет.

Термин *tribe* был введен в научный оборот в XIX в. сторонниками эволюционистских и расовых теорий, которые с его помощью хотели резко отделить общество белых людей, продвинутое и высокообразованное, от более примитивного и, с их точки зрения, неорганизованного общества представителей небелого населения, прежде всего Южной Африки и Родезии². Появившись поначалу как чисто научный термин, он впоследствии превратился в общеупотребительное клише, имеющее четко выраженные политические оттенки. Именно этим он и не нравился антропологам и социологам, которые всегда выступали за равенство всех

культур и обществ. Они стремились, сохранив само слово, насытить его иным, прежде всего научно нейтральным, содержанием, поэтому важнейшей характеристикой родоплеменного строя они стали считать сохранение *линиджа* — цепочки предков, берущей начало от прародителя рода. Не устраивал он антропологов и по другой причине: слишком разноплановыми были те общества, которые пытались объединить общим термином «племя». А известный американский антрополог М. Фрайд предложил его и вовсе выкинуть из своего лексикона. Тем не менее он сохранился. Более того, он оказался чрезвычайно полезным при описании пережиточных форм социального устройства, сохранившихся в индустриальном и постиндустриальном обществе под названием *трайбализма* (о нем пойдет речь далее).

Родоплеменной строй — это обобщающее название для очень большого и крайне многообразного в культурном и социальном плане политического пространства главным образом Африканского континента, на котором мирно или немирно уживаются небольшие племена охотников и собирателей численностью не более 100 человек (бушмены в пустыне Калахари) и мультинациональные объединения в несколько миллионов человек, познавшие уже радости товарно-денежных отношений, как, например, народность фулани (*Fulani*).

Племенем в зарубежной антропологии чаще всего называют совокупность небольшого числа формально независимых общин, занимающих одну и ту же территорию, объединенных общим языком и культурой, а что еще более важно — родственными связями. Территориально-поселенческая ячейка такого общества — это, как правило, одна деревня, занимающаяся земледелием, или локальная группа, продолжающая вести бродячий образ жизни охотников и собирателей. Плотность населения колеблется от 1 до 250 человек на 1 км².

Основу хозяйства составляли собирательство, охота и рыболовство. Для охоты на мелких животных и птиц использовались лук со стрелами, силки, ловушки, гарпуны, остроги. Наряду с загонной получила развитие индивидуальная охота с засадами и скрадыванием, была приручена собака. Простое присваивающее хозяйство позволяло получать минимально необходимый и, только как исключение, избыточный продукт. В коллективной собственности находились промысловая территория со всеми имевшимися в ее пределах объектами охоты, рыболовства и собирательства. Коллективной могла быть и собственность на охотничьи загоны, рыболовные запруды, лодки, жилища, огонь. Индивидуальные

орудия труда — топоры, копья, луки со стрелами, бытовая утварь, одежда, украшения — являлись личной собственностью. Собственность на пищу или другую добычу была также коллективной. Распределение ее было уравнительным.

Род представляет союз кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови³. Там, где происхождение считается по женской линии, что было общераспространенным в архаическом периоде, род состоит из предполагаемой праматери и ее детей, а равно детей ее женских потомков. Там же, где происхождение считается по мужской линии, род состоит из предполагаемого прародителя и его детей, а равно детей его мужских потомков. Современная семья представляет собой неорганизованный род с нарушенной кровной связью, члены которого рассеяны всюду, где встречается данная фамилия.

Род был коллективом людей, осознавших свое родство по одной линии и связанных обычаями экзогамии. В первобытной родовой общине действовал принцип народовластия. Коллективная воля сородичей имела определяющее значение при решении любых вопросов. Особым авторитетом при этом обладали зрелые, умудренные опытом люди, как правило, старшее поколение. Именно эта среда выдвигала предводителей, которые руководили повседневной хозяйственной, общественной и идеологической жизнью коллектива.

Структуру органов власти родовой организации можно представить следующим образом:

- 1) общее собрание рода;
- 2) совет старейшин (старейшина);
- 3) вождь (военачальник, предводитель охоты).

Общее собрание решало все важнейшие общие дела, касающиеся всего рода. Собрание избирало старейшину, военных вождей, предводителей охоты, которые управляли повседневной жизнью родовой общины. Для решения особо важных дел собирался совет старейшин.

Предводителем становился обычно самый старший, сильный, опытный либо самый искусный в ораторском мастерстве. Впрочем, и сегодня представители власти выдвигаются по тем же самым критериям. Власть старейшины осуществлялась в форме распоряжений, советов, приказов, которые отражали интересы всей группы, поэтому практически всегда исполнялись. Ослушавшиеся подвергались осуждению со стороны всех членов коллектива.

Племя — это макроструктура первобытного общества. Над ним почти ничего не возвышалось, если не считать образовавшихся позже надстроечных структур — конфедерации или союза племен. Зато внизу располагалось множество родов, именно внутри племен и объединенных в племенное целое родственными и хозяйственными узами, общей территорией, оборонительными функциями и общей культурой (культом предков, обычаями и традициями, отправлением религиозных ритуалов), наконец, управленческо-административной структурой (общий племенной совет).

Согласно мнению Л. Моргана⁴ (1818–1881), именно родовая организация вывела человечество из стадии дикости и привела его к цивилизации. Исследовав быт и старинные обычаи американских индейцев, он пришел к идее рода как основной ячейки первобытного общества. Историю человечества Морган разделил на два периода: ранний, когда общественный строй основывался на родах, фратриях и племенах, и поздний, когда общество стало территориальной, экономической и политической общностью. Только благодаря родовой организации — самому устойчивому и универсальному институту древнего общества — возможна преемственность развития культуры. Первобытный род он понимал как сложнейший социокультурный институт, важное культурное изобретение, которое менее развитые народы заимствовали у более развитых. Морган полагал, что отстоящие далеко друг от друга народы не могли каждый раз заново открывать его. Род являлся продуктом высокоразвитого общества. Он был изобретен достаточно интеллектуальными людьми в одном месте, откуда он, как позже методы земледелия, стал распространяться по всему свету. Причиной заимствования родовой организации одними народами у других служит ее очень высокая эффективность.

Морган был одним из первых исследователей семьи как социального и культурного института, для описания которого он изобрел терминологию родства и употреблял кросс-культурный метод исследования, которые позже поступили на вооружение современной антропологии.

Согласно его воззрениям, материнский род включал праматерь, ее детей, детей ее дочерей и детей ее женских потомков; дети ее сыновей и дети ее мужских потомков принадлежали к другим родам, а именно к родам своих матерей. Родовая организация не допускала браки в пределах рода. Покоясь на родственных узах как связующем начале, она предоставлял каждому отдельному своему члену такую личную защиту, какую не могла ему дать никакая другая организация. В эпоху открытия Америки европейцами

племена американских индейцев были по общему правилу организованы в роды со счетом происхождения по женской линии. Во всей туземной Америке род получал свое имя от какого-нибудь одушевленного или неодушевленного предмета, но никогда не от человека. У некоторых племен, например у моки, оседлых индейцев Аризоны, члены рода вели свое происхождение от того животного, имя которого они носили, веря, что их отдаленные предки были превращены Великим духом из животных в людей.

Род — совокупность кровных родственников, имеющих общее родовое имя, — выступил основанием (первым этажом) огромной социальной пирамиды, надстроившейся над ним. У американских индейцев роды являлись экзогамными коллективами матрилинейных родственников, объединенных отношениями общей собственности, взаимного наследования, взаимопомощи и взаимозащиты. Они имели свои тотемные имена. Род имел право адопции, отдельное от других родов кладбище.

Вторым этажом служила *фратрия* — подразделение племени, объединяющее несколько взаимобрачных родов, которые большей частью произошли первоначально из одного рода⁵. Это слово греческого происхождения: *phratría* — братство. Здесь кроется подсказка: впервые ученые обнаружили такую форму социальной организации в древнегреческом обществе. Когда американские ученые, в частности Морган, стали изучать индейцев, они перенесли на их структуру данную терминологию.

В Афинах согласно конституции Солона каждая из четырех фил подразделялась на 3 фратрии, а каждая фратрия — на 30 ген (т.е. родов). Попасть в фратрию было не так-то просто. Только после семилетнего возраста ребенок вносился в списки фратрии, т.е. становился настоящим товарищем, сочленом. Их объединяли преимущественно религиозные цели.

Фратрия была объединением «братских» родов, для которых роды другой фратрии были двоюродными. Роды одной фратрии выступали солидарно, поддерживая друг друга, особенно в экстремальных ситуациях: в случаях убийства в племени, выбора предводителя и т.п. Фратрии имели свои религиозные братства, особые обряды посвящения, церемонии.

Третий этаж — *племя*, соединение родов, обычно организованных во фратрии, все члены которых говорили на одном диалекте. Племя было эндогамным, являлось верховным собственником территории, носителем определенной культуры — бытовой общности, обладало этнокультурными особенностями и социально-потестарными функциями⁶.

Четвертым выступала *конфедерация* племен, члены которых говорили на соответствующих диалектах одного и того же основного языка. Все это в целом составляло родовое общество, предшествовавшее политическому обществу, т.е. государству.

В результате получалась матрешечная иерархия: роды вкладывались во фратрии, те — в племена, которые объединялись в конфедерацию либо союз племен.

Союз племен — временное объединение родственных или соседствующих племен, образованное прежде всего для отражения угрозы нападения врага. В ряде случаев союзы племен, возникшие в оборонительных целях, продолжали свое существование, но уже в социально-экономических интересах входивших в них племен (ирокезская лига, конфедерация криков и др.). Обычно после устранения военной угрозы союзы распадались. Союзы племен возникли в период перехода к классовому обществу, который получил название периода военной демократии, когда наряду с обычным выборным вождем возрастает социальная роль военачальников, избираемых демократическим путем членами племени или совета племен. Эти союзы можно считать предтечей государства, а их военных предводителей — праобразом королевской, княжеской власти⁷. В зарубежной антропологии они получили название вождеств.

На ранних этапах первобытного общества род и община, по всей видимости, совпадали. Община состояла из группы или групп родственных семей. Разрастающиеся роды делились на внутриродовые группы, те, в свою очередь, — на еще меньшие группы сородичей и т.д. Такие группы называют линиджами.

Современные коренные американцы являются потомками нескольких волн миграций народов Евразии на континент. Коренные культуры Северной Америки чрезвычайно разнообразны и не похожи одна на другую. В Северной Америке к моменту колонизации насчитывалось до 12 разновидностей культур. Все они достаточно отличались друг от друга способами ведения хозяйства. Внутри культурных типов также существовали различия, связанные с этническим происхождением, социальным и политическим устройством, хозяйственным укладом. Основу родоплеменного общества в доколумбовой Америке составляли несколько конфедераций племен: конфедерация ирокезов, состоящая из пяти независимых племен, конфедерация криков (6 племен), конфедерация оттава (3 племени), лига дакота (7 «огней совета»), конфедерация моки (7 пуэбло) и ацтекская конфедерация (3 племени).

Конфедерация или лига ирокезов была самым важным политическим образованием, созданным коренными американцами за все время колонизации континента. Лига имела эффективную политическую систему и свод законов — конституцию, записанную на 114 вампумах. Главным ее законом был *Кайнерекова*, или *Великий закон мира*, который запрещал ирокезам убивать друг друга. Созданная до прибытия европейцев, конституция ирокезов в дальнейшем оказала влияние и на создание конституции Соединенных Штатов. Все племена лиги имели достаточную свободу в решении собственных вопросов. Совет лиги состоял из 50 мирных вождей, где каждое из племен имело строго определенную квоту: онондага — 14 вождей; кайюга — 10; онейда — 9; мохок — 9; сенека — 8. Главным вождем — *тадодахо* — всегда был представитель онондага. На советах мохок, онондага и сенека назывались *старшими братьями*, а онейда, кайюга и тускарора — *младшими братьями*. Все решения совета должны были приниматься единогласно. Вождей выбирали женщины, так как ирокезское общество было матриархальным. Они сохраняли свой статус пожизненно, хотя могли его лишиться за недостойное поведение и некомпетентность⁸.

Через родоплеменной строй прошла и античная Греция. Эллины были организованы в роды, фратрии и племена, а последние путем слияния были соединены в нации. В некоторых случаях органический ряд был не полон. Как у отдельных племен, так и у наций управление основывалось на роде как единице организации и давало в результате родовое общество или народ, строй, резко отличающийся от политического общества или государства. Органом управления был совет вождей совместно с агорой, или народным собранием, и басилевсом, или военачальником. Народ был свободен, а его учреждения демократичны.

Племена образуются двумя главными путями — отпочкованием и объединением. В густонаселенном или перенаселенном районе, где не хватает ресурсов, от главного ствола отделяется часть племени и перебирается на новое место жительства. Племена, образовавшиеся путем деления, вначале говорят на одном языке либо на диалектах одного и того же языка. Процесс расчленения совершался у американских индейцев в течение нескольких тысячелетий, пока из 70 стволов, соответствующих такому же числу языковых семей, не сформировалось несколько сот племен. Морган выделил следующие функции и признаки индейского племени:

- ◆ обладание территорией и именем;
- ◆ обладание особым диалектом;

- ◆ право вводить в должность избранных родами сахемов и вождей;
- ◆ право смещать этих сахемов и вождей;
- ◆ обладание религиозными верованиями и культом;
- ◆ высший правящий орган — совет вождей;
- ◆ в некоторых случаях — верховный вождь племени.

Объединение родов в племя происходило на основе двух признаков — кровного родства и общей территории. Поэтому племя, с одной стороны, является кровно-родственным союзом, поскольку его образуют ячейки, связанные кровным родством, с другой — территориальным союзом, поскольку группы родственников проживают на одной территории, образуя одну деревню. К объединению их толкала необходимость обороняться от внешнего врага, хозяйственные потребности либо действия захватчика, который захватил огромные территории и создал империю.

У племени два органа управления — собрание, или совет племени (в котором принимали участие все члены племени), и совет вождей (старейшин родов). Избирался также военный предводитель, игравший значительную роль преимущественно в периоды войн. Чаще всего племенные союзы возникали из потребностей военного характера, поскольку между племенами часто происходили столкновения, в которых уничтожались и материальные блага, и люди. Истории известны захватнические походы, предпринимавшиеся в древние века большими народами — китайцами, персами, египтянами, греками и римлянами. На завоеванных территориях они утверждали свое государственное устройство и называли свой язык, обычаи и культуру.

Экономической основой родоплеменного общества выступают чаще всего два уклада — огородничество (примитивное фермерство) и скотоводство. Политическая организация носит неформальный характер и не приобрела еще каких-либо государственных форм⁹. Вождество и лидерство, особенно на уровне деревни или группы, также неформальное. Во многих племенных обществах исходной политической единицей, сплачивающей племя, выступают: а) клан — совокупность людей, считающих, что они происходят от общего предка; б) возрастные классы — разделение людей на разные статусные группы в зависимости от принадлежности к детям, юношам, зрелым мужчинам и старикам; в) группы интересов, которые со временем выделяются в политические партии, экономические классы, религиозные конфессии.

Формирование племен из разрозненных объединений начинается в период неолита. Органом самоуправления выступает пле-

менной совет, включающий военных и гражданских вождей. В дальнейшем отдельные племена разрастаются, образуя союзы племен. Из них позже возникают еще более крупные общности — народности.

На территории государства Папуа — Новая Гвинея, где в конце XIX в. жил и проводил исследования замечательный русский ученый и путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай, обнаружено до сих пор неизвестное первобытное племя. Как недавно сообщила газета «Интернэшнл геральд трибюн», племя, живущее в условиях каменного века, было найдено в 500 км от порта Лаэ международной этнографической экспедицией. Удалось выяснить, что племя, насчитывающее около 120 человек, впервые сталкивается с белыми людьми. Вся домашняя утварь сделана из дерева и камня, только несколько охотничьих копий имеют металлические наконечники, которые были выменяны у соседних племен.

Немало интересных сведений дали отечественной науке путешествия российского журналиста О. Алиева¹⁰, пять сезонов прожившего в джунглях Новой Гвинеи. В конечном итоге он сумел проникнуть во внутренний мир этих первобытных людей, женился на аборигенке и стал полноправным членом папуасского племени. По сути, он побывал в нашем собственном прошлом — словно слетал на машине времени на 20—30 тыс. лет назад. На Новой Гвинее еще можно открыть неизвестную долину и встретить первобытных людей. Их единственное оружие — каменные топоры, копья, луки и стрелы. Они поклоняются своим богам, а когда наступает темнота — опасаются злых духов. Здесь еще живо далекое прошлое человечества с кровавыми обрядами и жертвоприношениями.

Аборигены прекрасно обходятся без письменности и огнестрельного оружия, но умеют делать то, без чего им действительно не прожить: добывать огонь трением, готовить лепешки из саговой пальмы, изготавливать охотничий яд из листьев неведомых нам растений, ловить рыбу руками, строить двухэтажные дома из листьев папоротника. Шаманы здесь лечат соплеменников методами, которые неизвестны ни в одном другом регионе планеты.

Эти люди питаются личинками насекомых, которые они отыскивают в коре деревьев лучше, чем птицы. Рыбу в лесных ручьях женщины ловят практически голыми руками. Мужчины украшают своих жен невероятными татуировками... Шаман обыкновенными камнями стачивает женщинам зубы, делая их острыми, как бритвы¹¹.

Оказалось, что у папуасов беспорядочных убийств не бывает в принципе. Все они связаны с войной. Женщина здесь — немалая ценность: рабочая сила, сексуальный объект, мерило благосостояния и мужской состоятельности. Похищение невесты — прямая экономия: за выкраденную у соседней жену не надо платить выкуп родителям (кстати, немалый: жених должен привести в деревню невесты пять крупных свиней, да в подарок вождю порося).

Война — постоянный спутник традиционного папуасского общества. Ее причинами, как и сегодня, являются обладание властью, женщинами и домашними свиньями.

Племя йаномами (*yapomami*), изолированно обитающее в Венесуэле в верховьях Ориноко, ведет с соседями постоянные войны, поэтому здесь сложился культ воина, следствием которого явилось ритуальное убийство новорожденных девочек. Племя йаномами — огородническое. Его политическая организация сложнее, чем у племен, занимающихся собирательством. У них есть деревни, патрилинейные родовые группы¹², разветвленная система власти.

Воинственные племена, сохранившиеся до наших дней, служат скорее историческим правилом, нежели исключением. Самым ярким историческим примером выступает древняя Спарта.

Тропа войны — всегда огромный риск, неясно, чем обернется она для всего племени. Если воины отправляются на охоту за людьми — они сами становятся объектом охоты. Сколько раз бывало, что, уже возвращаясь после удачной битвы с головами врагов, они оставляли в засаде свои собственные головы.

Успешно проведенный набег укрепляет положение и повышает престиж вождя победившего племени. Материальные интересы, которые движут воинами, вполне понятны. Военные трофеи во все времена служили способом поправить свое финансовое положение. Но существуют и другие мотивы: нередко папуасы хотят умилостивить своих духов, контролирующих жизнь членов племени. В противном случае они лишают своего расположения деревню, из которой враги украли свиней или женщин. И, соответственно, возвращают это расположение после успешно проведенного акта отмщения.

У папуасов колдовством далеко не всегда занимаются здоровые и сильные люди. Чаще всего этот своеобразный институт служителей культа пополняют что называется инвалиды, т.е. те, кто физически и психически не способен участвовать в боевых действиях. Колдовством они находят свое место в племени, свой кусок хлеба и мяса.

У папуасов нет наследственной власти. Вождя каждый раз выбирают заново. У аборигенов ценится сильный хозяйственник, немного дипломат, хороший руководитель.

О существовании племени чоланайкенов в Слоновых горах индийского штата Керала стало известно совсем недавно. Местные жители боятся посещать эти труднодоступные районы джунглей. Чоланайкены не упоминаются ни в одном труде ученых-антропологов, изучавших племена Южной Индии. Ни по одной внешней характеристике чоланайкены не похожи на другие племена Южной Индии. Пока никто не знает, как они оказались в этих местах и кто их предки.

Недавно двое молодых индийских ученых посетили эти места и с разрешения старейшины одного из кланов провели целую неделю среди аборигенов. В племени насчитывается чуть более 100 человек, разделенных на 5 кланов. Цвет кожи у них, как ни странно, белый. Мужчины высокого роста, физически хорошо сложены, с правильными чертами лица. Молодые женщины и девушки отличаются красотой и строгостью нравов. Мужчины охотятся на животных и ловят рыбу, а женщины собирают ягоды, съедобные корни и дикий мед. Лук и стрелы — основное оружие. Для рыбной ловли используют корни неизвестного дерева, от соприкосновения с которыми рыба на короткое время парализуется и всплывает на поверхность. Каждому клану отведена своя территория для охоты, рыбной ловли и сбора даров леса.

Живут чоланайкены в глубоких пещерах с узким входом. На ночь и перед уходом на охоту вход заваливается каменными глыбами, закрывается бамбуковыми решетками, чтобы не проникли дикие звери. Пещер в этих местах предостаточно, и если молодая чета пожелает отделиться от родителей, то ей без труда находится новая «квартира». Браки организуются без свадебных церемоний. Старейшина идет на территорию другого клана вместе с женихом (где тому приглянулась девушка), и в случае ее согласия они возвращаются уже как муж и жена. Но девушка может и отказать жениху. Исследователи отметили высокие моральные устои строго моногамной семьи чоланайкенов¹³.

В одном из экзотических уголков планеты — джунглях самого большого острова Малайского архипелага Калимантан, — строго придерживаясь первобытно-общинных отношений, живут племена даяков. Цивилизация наступает на них со всех сторон, рядом с поселениями даяков — города с домами из стекла и бетона, с широкими автострадами, забытыми «фордами» и «мерседесами», но даяки с непонятным упорством ее отвергают. Здесь никогда

не бывает зимы, многоводные реки, вечнозеленые тропические леса с исключительно богатой флорой и фауной.

Дома в даякской деревне огромны. Обычно живут в них семьи-племена по 200—300 человек. Бамбуковые жилища стоят на сваях. На сваях же веранды-улицы, по которым можно обойти всю деревню, не спускаясь на землю. Внизу, в густой траве на зыбкой болотистой почве, не очень-то комфортно: снуют какие-то дикие зверьки, полно и ядовитых змей.

Даяки добывают себе пищу сами. Группами и в одиночку уходят они в джунгли, возвращаясь с различными плодами, дичью. Мальчишки ловят рыбу. Вокруг деревни — небольшие рисовые поля, с которых даяки несколько раз в году собирают урожай. У каждого уважающего себя мужчины есть сулепито — духовое ружье, из которого стреляют отравленными стрелами на расстояние до 60 м. Современными охотничьими ружьями принципиально не пользуются. Посредине деревни стоит квадратная хижина с остроконечной крышей. В ней размещается барэнда — место молений. Кроме общего духа племени каждая семья может иметь и своего, персонального. Для него возводится маленькая семейная барэнда¹⁴.

На юго-западе Китая еще сохранился уголок, где действует матриархат. Там живет племя мусуо. Отдаленность и труднодоступность места проживания мусуо позволила ему сохранить образ жизни, подобный тому, который вели в этих местах сотни лет назад. В большинстве китайских семей считается, что лучше иметь собаку, чем дочь, и к женщинам относятся в лучшем случае, как к людям второго сорта. В племени мусуо все наоборот. Там всем заправляют женщины. Но самый притягательный момент в жизни мусуо то, что женщины мусуо сами выбирают сексуальных партнеров и сами решают, сколько продлятся отношения¹⁵.

Несколько лет назад экспедиция российских путешественников из пяти человек под руководством А. Хижняка обнаружила затерянное в джунглях труднодоступных районов Амазонки на границе Венесуэлы и Бразилии племя индейцев, называющих себя яномани. Они поклоняются духам солнца, луны, воды, леса. Умерших сжигают на костре, а их прах ближайшие родственники хранят в специальных мешочках. В праздник поминовения мертвых прах смешивают с пищей и съедают. Вождь является одновременно колдуном и лекарем, который спасает людей с помощью трав, заклинаний и других магических ритуалов.

Яномани известны десятки ядовитых средств, которыми смазывают наконечники стрел. Кроме растительного кураре яды

изготавливают из змей, пауков, лягушек. Живут яномани в больших тростниковых хижинах на несколько семей. Занимаются в основном охотой и рыболовством. Женщины возделывают огород, собирают коренья и плоды. Как правило, аборигены — наркоманы: они привыкли одурманивать себя наркотическими растениями, которые вдыхают через специальные трубки. По праздникам изготавливают из корней и плодов хмельной напиток. Очень агрессивны и враждебны к белым людям¹⁶.

Когда западные корпорации проникнут в джунгли, они делают аборигенов чернорабочими на своих приисках. Такова цена модернизации по западному образцу.

Настоящих первобытных племен на Земле остается все меньше и меньше. Скоро их не останется совсем. С каждым годом современная цивилизация все глубже в джунгли вытесняет девственные первобытные племена, главное условие выживания которых — полная гармония с природой. Когда первобытные племена исчезнут окончательно, мы рискуем забыть, как развивалось человечество.

Как сообщает американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», на Филиппинах, в глубинных районах острова Палаван, обнаружено племя людей, живущих в пещерах, которые образовались на внутренних склонах огромного кратера потухшего вулкана. Эти люди до сих пор не имели никаких связей с внешним миром, хотя среди местного населения давно ходили мифы и предания о племени. Местность, где живут пещерные люди, недоступна из-за крутых скал и глубоких ущелий с отвесными склонами.

Как удалось теперь выяснить, затерянные в кратере имеют рост примерно полтора метра. Племя состоит из 30 семей по 8—10 человек и занимается примитивным сельским хозяйством, выращивая в долине на дне кратера сладкий картофель батат и другие культуры. Воды здесь достаточно, поскольку по долине протекает речка, берущая начало в одной из пещер. Люди добывают огонь, высекая его из камня, в качестве трута используют высушенный мох¹⁷.

3.2. Аборигены: вчера, сегодня, завтра

Аборигенами принято называть коренных жителей какой-либо местности, страны (например, аборигены в Австралии, маори в Новой Зеландии, северные народности в России), обитающих в ней с давних пор и сохраняющих, как правило, традиционный уклад жизни. Этимология слова (лат. *Aborigines* от *ab origine* —

от начала) подсказывает, почему оно чаще других встречается в сочинениях и научных отчетах антропологов, этнографов, историков. Они живут на своей земле что называется «от первых начал», а потому помнят историю своего народа, хранят его традиции и предания, выступая незаменимым источником информации для ученых, исследующих социальный строй и культуру древних племен.

Если исходить из широкой трактовки слова, то аборигенами можно назвать большинство живущих на Земле народов. Это и китайцы, и японцы, и африканцы, и индейцы. С несколько меньшим основанием аборигенами можно считать жителей Европы. Поскольку на европейском континенте постоянно происходили миграционные подвиги, обнаружить сегодня этнос, который долгое время жил бы на одной и той же территории, не смешиваясь и не взаимодействуя с другими, практически невозможно. Поэтому называть отдельные европейские народы аборигенами неправильно. К таким народам относят прежде всего коренных жителей Австралии. В Австралии 400 тыс. аборигенов составляют 2% ее населения.

По древнеримским преданиям так называлось древнее племя, обитавшее у подножия гор Апеннины. У древних римлян название для первобытных, коренных жителей страны соответствует греческим автохтонам. В этом же значении слово «абориген» перешло в новейшие языки. По римским сказаниям народ аборигенов, живший в Аппенинских горах, в местности Реате (теперь Ризети), и оттесненный сабинянами, выдвинулся на юг к устьям Тибра, где вытеснил сикулов и стал называться латинами, так что и римляне могут вести от них свое происхождение.

Аборигены Австралии — одна из наиболее древних на Земле цивилизаций. Она возникла намного раньше, как там появились белые переселенцы. В свое время Австралия, как и Америка, служила для Великобритании местом ссылки особенно опасных преступников и смутьянов. В конце XVIII в. Америка завоевала независимость и перестала служить ссыльной тюрьмой. Надо было искать новое, как можно более удаленное место, куда можно было бы без опаски отправлять «лишних» людей. И такое место нашлось — им стала Австралия. Этот материк открыл в 1770 г. капитан Кук и немедленно объявил английской колонией. Так вся территория Австралии стала считаться собственностью английской короны. Наличие на ней туземцев никем во внимание не принималось. В отличие от американских индейцев, считавших территорию, на которой проживало то или иное племя, собственностью племени, австралийские аборигены следовали другой тео-

рии. Они считали не землю собственностью племени, а племя — принадлежностью земли. Как и индейцы, австралийские аборигены относились к племенам охотников и собирателей, а потому вели бродячий образ жизни. Земля же приобретает цену и начинает цениться только на следующей, более высокой стадии развития, когда население переходит к земледелию. С индейцами завоевателям легче было решать вопросы собственности — землю можно было купить, пусть за нее и платилось ничего не стоящими стекляшками. Но сам процесс сделки происходил, и земля перешла из одних рук в другие.

В Австралии аборигены просто не понимали, как можно продавать то, чего у них не было. В результате белые колонисты, они же каторжные ссыльные, захватывали все новые земли, ничего за них не платя. Аборигены вначале считали, что соседство белого человека не будет помехой, но у колонистов появлялись стада овец, которые вытесняли коренных обитателей, вытаптывали то, что служило пищей для аборигенов. Отсутствие понятия собственности приводило к тому, что аборигены охотились на этих овец, как на любых других животных. Месть фермеров была жестокой: многие тысячи коренных жителей были истреблены, другие согнаны в резервации, где им оставили возможность жить по своим правилам и обычаям. Конечно, никто не думал, подходят ли для коренных австралийцев те места, которые были определены как резервации, смогут ли аборигены там выжить¹⁸.

Лучшие земли никто им, конечно, не выделял. Тот захват земель, что происходил в XIX в., стал причиной серьезных конфликтов в XX в. Отсутствие пусть формальных, но договоров о приобретении земли стало причиной многочисленных исков племен, претендующих на те или иные земли. (Теперь и среди аборигенов появились образованные люди, хотя их количество весьма невелико.) Только в 1967 г. было принято изменение к конституции, уравнивающее в правах аборигенов и остальное население Австралии. Самой большой победой аборигенов стало, пожалуй, решение Верховного суда Австралии, признавшего в 1992 г. исконное право на землю аборигенов и островитян Торресова пролива. Однако даже такое решение сопровождалось оговоркой, что оно не распространяется на территории, занимаемые нынче свободными землевладельцами. Именно с борьбой за свои права связаны выступления аборигенов в преддверии Олимпиады-2000, намеревавшихся сорвать ее вовсе. В то время как одни аборигены протестовали против Всемирных спортивных игр, другие аборигены удостоились чести нести в своих руках олимпийский факел.

Аборигены Австралии — самая древняя из живущих на Земле цивилизаций. И одна из наименее понятых нами. С XIX в. они считаются наиболее примитивной культурой на планете, живым воплощением предков современного человека. Хотя их искусство и культура включают такие памятники, которых попросту нет у белых австралийцев переселенцев, например, наскальной живописи, возраст которой порой превышает 20 тыс. лет. В действительности аборигены обладают развитой и многоплановой культурой, которая и формирует их деликатный и в то же время динамичный и насыщенный образ жизни. Религия аборигенов наиболее подробно рассматривалась Спенсером и Гилленом, Радклиффом-Брауном, Уорнером, Элышном, Берндтом, Штреловом, Станнером. Все согласны с Дюркгеймом в том, что сущность религии аборигенов составляет тотемизм. Их религия фактически получила название тотемической, и на эту тему было написано много трудов, основанных на информации, полученной из вторых рук. Блестящая работа Дюркгейма имела тот же недостаток. Она была написана без личного знакомства ученого с аборигенной Австралией, а кроме того, страдала недостаточностью источников информации. Радклифф-Браун полностью доверял и опирался на теоретическую по своему характеру работу Дюркгейма. Некоторые исследователи, подробно ознакомившись с культурой австралийских аборигенов, пришли к выводу о том, что это исчезающая субкультура. Они полагают, что современная урбанизация и городская культура поглотили или почти поглотили оригинальное искусство аборигенов, привели к их ассимиляции и практически полному растворению в постиндустриальном обществе. Их оппоненты придерживаются иной точки зрения, считая, что в труднодоступных уголках Австралии, прежде всего в горной ее части, эта субкультура сохранилась в нетронutom виде. Они признают, что вначале колонизация и ассимиляция аборигенов нанесли их культуре очень серьезный урон.

Однако начиная с 1930-х гг. правительство Австралии делает очень многое для ее сохранения и восстановления. Ретрибализация (от слова «триба» — племя), т.е. процесс возрождения аборигенной культуры, особенно активно происходил начиная с 1960-х гг. При поступлении в вуз при прочих равных условиях преимущество и значительные льготы получают аборигены. Так государство пытается восполнить несправедливость по отношению к коренному населению. Оно даже возводит небольшие домики, которые бесплатно предоставляются туземным семьям. Им выдают крупные пособия, которые многим позволяют не трудиться. В результате возник свой Гарлем, порочный круг пьянства и хулиганства.

Кроме того, аборигены в большом количестве вымирают из-за европейских болезней.

В городах аборигены выглядят нелепо в одежде европейского типа, чаще всего самой простой и грязной, чем непреодолимо напоминают «темноликих» бомжей. Хотя у себя в пустыне, в своей стихии, они, конечно, выглядят естественно. По наблюдениям многих туристов австралийские аборигены представляют сегодня печальное зрелище. Вырванные из древности охотники и собиратели принуждены жить цивилизованно. Нынешние аборигены пьют, не разбирая сортов алкоголя. Большая часть их спивается, не находя себе места в цивилизованной жизни и чувствуя себя игрушкой чужого мира. Закон о белой Австралии отменен в последнее время, страна обретает интернациональное лицо, пополняя свои ряды в основном выходцами из Азии. Аборигены тем временем все так же живут в резервациях и беспробудно пьют, не находя в себе сил влиться в общий строй изоцированной жизни, а желающих влиться часто поджидает безработица.

В наибольшей степени движение ретрибализации охватило сферу искусства. Сохранившееся в отдаленных частях Австралии истинное искусство аборигенов сегодня очень сильно влияет не только на произведения художников-неаборигенов, но и на тех аборигенов, которые давно переехали в город и почти утратили связь с традиционными истоками своей культуры. Сейчас искусство для аборигенов — единственно доступное занятие. Рисуя, они могут найти себе место в мире белых людей, стремящихся сделать карьеру, заработать денег, купить дом, съездить в Европу. Из всего того, что сейчас рисуют аборигены, далеко не все является «традиционным». Часто аборигены рисуют то, что больше нравится покупателям или самим авторам. Хотя есть, конечно, мастера, проникающие в собственные традиции, религию, но таких немного. Сегодня положение аборигенов не самое благоприятное. Среди них процент получивших образование в два-три раза ниже, чем среди остального населения. Поэтому они пока и остаются чужаками, непризнанным народом на континенте. Правда, белые австралийцы создают центры искусства и культуры аборигенов, делают о них передачи, открывают магазины, обеспечивают работу (чаще всего — кустарные промыслы и живопись), обучение и т.д.

Про аборигенов Австралии, исконных жителей страны, говорят так: это наиболее изученный и наименее понятый народ в мире. Примерно до XIX в. австралийские аборигены оставались единственной примитивной культурой в мире, известной тогда европейской науке, по которой судили о наших предках в целом.

Казалось, что наука знает все или почти все о них. Однако каждый год происходили все новые культурные открытия, и сейчас ученые в затруднении: знают ли они субкультуру и образ жизни аборигенов вообще, настолько они, если судить с антропологической точки зрения, явление сложное и неисследованное. Аборигены заселили Австралию, как минимум, 40 тыс. лет назад, приехав на ее северную оконечность из южных частей Азии, а белые австралийцы, выходцы преимущественно из Европы, причем англоговорящей ее части, появились на континенте чуть более 200 лет тому назад. Благодаря раннему заселению аборигенами материка произошла их относительная расовая и культурная изоляция. Австралийские аборигены на протяжении многих тысячелетий формировались как своеобразная этнокультурная общность вдали от мировых торговых и культурных путей. Изоляция придала уникальную специфику аборигенной субкультуре, сделала ее непохожей на прочие. Их общество технологически и экономически развивалось очень медленно и в ряде мест — глубинная часть Австралии, Новая Гвинея и Тасмания — сохранило первоначальную культурную форму даже до наших дней. Археологи обнаружили образцы кремации, наскальной живописи, бумеранги, каменные топоры, точильные камни, которые были изобретены человечеством на ранних стадиях исторического развития и повсеместно, кроме Австралии, исчезнувших. В Австралии раньше насчитывалось более 200 аборигенных языков, из которых большинство сегодня исчезли, а часть находится на грани исчезновения. О сохранившихся 40 языках в Интернете создано 140 сайтов, 30% которых — самими аборигенами. К древнейшим памятникам австралийских аборигенов относится наскальная живопись. Первым ее обнаружил в 1967 г. археолог К. Шрайер. На полуострове Арнемленд и в других местах были найдены изображения кенгуру и отпечатки ладоней, возраст которых оказался старше 12 тыс. лет. Затем в южной Австралии были обнаружены фрагменты наскальной живописи, выполненные охрой и датированные 20, 24 и 34 тыс. лет до н.э.

Помимо Австралии аборигены существуют и в других странах, в частности в Канаде. Аборигены Канады делятся на три основные группы — индейцев, инуитов (эскимосов) и метисов, — которые, в свою очередь, подразделяются на отдельные роды и общины с отличными друг от друга традициями и историей. В аборигенных общинах до сих пор говорят на 53 языках, принадлежащих к 11 основным языковым семьям. Подобно австралийским, они выступают за расширение своих прав. До пересмотра в 1951 г.

Индейского акта аборигенам, в том числе и музыкантам, запрещалось входить в рестораны и бары, имеющие лицензии на торговлю спиртными напитками. Были и другие существенные ограничения свобод. Тогда это вылилось не только в политический, но и в музыкальный протест. Музыканты-аборигены протестовали против насилия и расизма, предрассудков и стереотипности мышления.

Фолк-эра 1960-х гг. стала своеобразной творческой отдушиной, позволившей в музыке выразить свой протест и разочарования. Для творчески ориентированных аборигенов инструментом агрессии стала гитара. Музыка сегодняшних аборигенов восходит к песням протеста 1960—1970-х гг.

Сегодня лидер канадских аборигенов-индейцев Э. Харпер выступает с требованием о предоставлении им права на самоуправление. Но помимо политической деятельности канадские аборигены занимаются еще и культурной, создавая очень колоритные фольклорные ансамбли. Песенное творчество канадских аборигенов характеризуется одновременно мягкой лиричностью и социальной направленностью.

С недавнего времени возросло количество конкурсов с участием ансамблей традиционной музыки. Межплеменные обрядовые праздники, фестивали и благотворительные концерты питают культурные корни многих канадских артистов-аборигенов, которые включают в свою музыку элементы национальной ритмики. Проводимые под открытым небом мероприятия получили наибольшее распространение в канадских провинциях Саскачеван, Манитоба и Альберта и в американском штате Монтана. В свое время выжитые из канадских резерваций Индейским актом и вновь появившиеся после Первой мировой войны, аборигены развивают основной на сегодня стиль традиционной музыки. Он восходит к пляске травы — обрядовой форме, зародившейся 400 лет назад в племени омаха, обитавшем на территории нынешнего американского штата Южная Дакота. Другие племена переняли пляску у индейцев сиу. Из небольшого события за 40 лет Пау-Вау превратилось в грандиозные празднества, на которые съезжаются до 30 тыс. человек. Многочисленные туристы из разных стран все чаще посещают фестивали Пау-Вау и покупают изделия туземных ремесленников, дешевые украшения и кассеты. Сами аборигены могут на время забыть свою жизнь в резервациях и приобщиться к культурному действу. «Вклад аборигенов в канадскую культуру богат и уникален, — говорит Баффи Сент-Мари из племени кри, уроженка резервации Пиапот в Крейвене (Саскачеван), которую по праву называют основоположницей современной музыкальной

культуры аборигенов Канады. — Это национальное достояние, и многие канадцы лишают себя настоящего чуда»¹⁹.

Не только в Австралии и Канаде, но и в России существуют аборигены. Они находятся, а точнее находились, на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири. Некоторые из них продолжают обитать там, где они проживают уже тысячи лет, другие относятся к исчезнувшим народам. Первых называют коренными народами Севера, вторых — исчезнувшими аборигенами. Информация о них сохранилась в народных преданиях. К исчезнувшим этносам относится, в частности, чудь. Так называют народ-предшественник на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири; баргуты, обитавшие в Восточной Сибири. По преданиям, собранным Л.Е. Элиасовым, баргуты жили так богато, что шили себе шубы исключительно из соболя. В сказании используется также термин «самоедь». Этноним «самоедь», по мнению А. Титова, изучившего сказания XVI в., обозначает коренные народы Западной Сибири. Миссионер Г. Новицкий, подготовивший в 1715 г. «Краткое описание о народе остяцком», «чюцких» изображает как этнос, проживавший некогда на территории, занимаемой остяками (хантами), но давно исчезнувший.

Русские предания об исчезнувших народах привлекают внимание исследователей с XIX в. и к настоящему времени изучены достаточно полно: определены регионы бытования (Русский Север, Урал, Западная и Восточная Сибирь), описан сюжетный состав, выявлены основные мотивы. В научной литературе сформировалась традиция считать эти повествования историческими преданиями, достоверно изображающими события прошлого, несмотря на давно отмеченное исследователями сходство повествований, бытующих в разных регионах и даже в традициях разных этносов. Поскольку исчезнувшие аборигены являлись дописьменными культурами, то никаких фиксированных источников информации о них не сохранилось. Мы можем судить о них самих, о том, как они назывались и какой образ жизни вели, только по так называемым нарративным источникам, т.е. устным рассказам, преданиям. Из этих источников специалистам известны такие эпитеты-названия чуди, как «мелкие люди», «крупные люди», «мохнатые люди», «краснокожие люди», «черные люди», «белоглазые люди», «нехристь», «дикие люди», «сыроядцы», «рудокопы» и др. Такого рода оценочно-этические понятия описывают не только внешний вид аборигенов, но также их занятия, языческие верования, способ питания, образ жизни. Само слово «чудь» имеет значение чужой, чудной, необычный. Российские ученые,

в частности И.К. Феоктистова, С.Ю. Неклюдов, Р.А. Агеева, проанализировав доступный им материал, установили, что этноним «чудь» (чухна, чухарь) указывает на финно-угорские и прибалтийско-финские народы, население бассейна Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры; древнее население, оставившее городища и могильники; древний воинственный народ. Термины «чудь», «чухна», «чукча» или «чуча» употребляются также в бранном смысле: дикие, бестолковые, грязные люди. Но у некоторых народов понятие «чудь» связывается с образами великанов, колдунов; в саамском языке слово «чудь» получило значение «враг, грабитель, преследователь». По мнению Р.А. Агеевой, эти значения между собой связаны, и в русских диалектах слово «чудь» по созвучию сблизилось со словами «чужой», «чужак», «чудак», «чудной», испытав на себе их влияние. Как считает И.К. Феоктистова, слова и выражения «дикие», «грязные люди», «чухна — свинья», «грязный, как чуди» показывают связь с землей и имеют негативное значение. Подтверждение тому можно найти в словарях ненормативной лексики: словарях говоров, городского арго, воровского жаргона и т.п. В сибирских говорах «чухонь» в выражении «чухонь чухонью» обозначает «бестолковый человек». Итак, словарные материалы показывают, что слова «чудь», «чухна», «чухарь», «чухнарь» семантически между собой связаны. Кроме того, они связаны со значениями «грязный», «чуждый какому-либо сообществу», «черный», «дикий». Не случайным в связи с этим является и обобщенное наименование «дикари», «дикие люди» в качестве обозначения исчезнувшего этноса. Те малые народы Севера, которые сегодня обитают на территориях исчезнувших народов, чаще всего мифологизируют их образ, создавая немыслимые картины образа жизни, культурных ценностей, поверий и уровня жизни аборигенов-предшественников.

Исследователи отмечают, что во всех регионах бытования преданий об исчезнувших аборигенах рассказы связаны с остатками древних сооружений разного назначения, древних захоронений и т.п. или того, что осознается как «древности». Все они находятся в земле. В мифологической модели мира земля есть средоточие «нижнего» мира. Таким образом, земля одновременно есть почва (хранилище древностей) и область «нижнего» («иноного») мира. Все, что находится в земле, является, следовательно, элементом «иноного» мира. Думается, что именно это и определило совокупность мифологических мотивов образа аборигенов. По мнению И.К. Феоктистовой, реалии с самого начала получают мифологическую трактовку. В дальнейшем мифологическая

семантика может усиливаться (сравните выражение: обрастать легендами, обрастать слухами). То есть при определенных условиях «чужие» могут проявить признаки демонических существ либо врагов, такими же признаками могут обладать места их проживания или гибели, постройки, вещи — словом, все предметы и явления, с ними связанные²⁰.

В массовой прессе термин «аборигены» применяется также по отношению к современным народам Севера. Все чаще, когда о них заходит речь, журналисты и ученые ставят вопрос о том, выживут ли в XXI в. потомки «оленных» людей. Младенческая смертность среди аборигенов Севера выше, чем по республике Якутия в 5 раз. Согласно переписи населения Российской империи в 1897 г. в Якутии проживало 14 153 представителя коренных народов Севера. В 1987 г. численность аборигенов достигла 23 620 человек.

3.3. Исторические пережитки: трайбализм

Трайбализм, трибализм, трайбализация (англ. *tribalism*, от лат. *tribus* — племя) характеризует воспроизводство в современных условиях примитивной формы социальных отношений, присущих родоплеменному строю. В 1990-е гг. некоторые черты трайбализма — попытки возродить отдельные атрибуты родоплеменного устройства — наблюдались в Башкортостане.

Трайбализм — культурно-бытовая, культовая и общественно-политическая племенная обособленность, которая встречается в тех странах, где сосуществуют племенной строй и европейские политические институты — армия, чиновничество, одна или несколько партий, парламент и др.

В зарубежной и отечественной социологической литературе данное понятие, как это ни удивительно, наполняется совершенно разным смыслом. В первом случае его трактуют как дробление крупномасштабного общества с его анонимностью и отчуждением на небольшие сообщества-племена, куда современные горожане устремляются в поисках потерянной идентичности и близости отношений. Отчасти трайбализм совпадает с другим явлением — распадом господствующей культуры на множество субкультур и субгрупп — этнических, профессиональных, расовых, религиозных. Поэтому его трактуют еще и как приверженность локальным, чаще всего этническим ценностям в противовес общечеловеческим.

Было время, когда США именовали *плавильным котлом*: иностранцы, мигрировавшие сюда в XIX в. и в первой половине XX в.,

растворялись в единой общности, приобретая новое, наднациональное качество. Позже плавильный котел переименовали в *тарелку с салатом*, означавшую, что иммигранты уже не растворяются без остатка в новой исторической общности — американском народе, но сохраняют культурную самобытность, образуя замкнутые в себе диаспоры, которые к тому же требуют административно-правовой автономии²¹.

Новому поколению не нравятся обе модели: первая делает людей одинаковыми, а вторая — враждебными друг другу. Его представители заявляют, что проблема современной Америки заключается в ином — как сделать людей непохожими, но не враждебными друг другу, как сохранить сходство, не потеряв индивидуальных различий. Новая модель общества напоминает скорее некий *фрукт*, например яблоко или орех, в котором твердые семечки, олицетворяющие культурную самобытность многочисленных этносов в США, окружены мягкой и нежной мякотью-обществом, которое настолько демократично и гибко, что позволяет жить в гармонии самым разным индивидам и группам.

Другое значение, которое придается термину «трайбализм» за рубежом, носит скорее политический оттенок. Трайбализм помимо культурной самоидентификации предполагает так называемый парад суверенитетов и понимается как одно из проявлений межплеменной вражды.

Через эту стадию прошли, в частности, СССР и Югославия, где крупные этнические области потребовали политической независимости и преобразовались в самостоятельные государства. Отставание или настаивание на первенстве религиозных, этнических или расовых интересов вопреки общим интересам страны и общества также называется трайбализмом. Он ведет не просто к сегментации общества, как в случае с культурным трайбализмом, а к фрагментации государства, выделению автономных частей и его возможному распаду. Такой трайбализм рассматривается в США как потенциальная угроза национальной безопасности.

В теории государства и права трайбализм применяется для обозначения племенной разобщенности в странах тропической Африки, Океании и некоторых других регионов мира. Практика трайбализма заключается в покровительстве единоплеменникам в государственном аппарате, предоставлении привилегий выходцам из одной этнической группы при подборе и расстановке кадров в органах власти и соответственно дискриминации представителей иных этнических групп.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. почти все первые руководители республиканских партийных, советских, профсоюзных,

комсомольских органов Киргизии были представителями одного племени, уроженцами трех разных областей. В те годы растратившие огромные суммы государственных средств торговые работники, потерявшие сотни голов скота из колхозно-совхозных стад животноводы возмещали растрату за счет родственников и не несли уголовного наказания. В ходе недавних президентских выборов в Кыргызстане члены всех политических партий юга республики, казалось бы с диаметрально противоположными взглядами, на время отбросили все политические и идеологические противоречия, почти единогласно (как в прежние времена) проголосовали за лидера коммунистов земляка-сородича А. Масалиева²².

Трайбализм фактически сводит на нет принцип равноправия граждан и провоцирует гражданские войны (например, в Руанде, Сомали, Либереи). Недавние кровавые столкновения на религиозной почве в Нигерии, Занзибаре, Кот-д'Ивуаре, Кении и в некоторых других странах Черного континента усугубляются трайбализмом и племенной рознью — «застарелой и общей болезнью» этого континента²³.

Трайбализм — одна из острых проблем внутривнутриполитического развития большинства африканских стран. Дело в том, что огромная часть населения и по сей день живет в условиях, когда в той или иной степени продолжают существовать племенная организация общества и племенная структура населения. По некоторым оценкам, в Тропической Африке проживают свыше 3 тыс. различных племен, каждое из которых говорит на своем языке. Не учитывать племенные отношения в экономической, социальной и политической сфере общества невозможно. Формирование политических партий в Тропической Африке чаще всего происходит на племенной основе, ибо они отражают интересы в первую очередь племенной верхушки. На родственной основе создаются мелкие компании и семейный бизнес, возникают мастерские, лавочки, транспортные фирмы и даже небольшие банки. Хотя крупные промышленные компании и финансовые холдинги уже выходят за границы родственных отношений. В такой обстановке политическая жизнь часто сводится к столкновениям на почве межплеменной розни. Не случайно в ряде стран, например в Кении, при формировании правительства всегда учитывается необходимость сохранения «племенного равновесия» между его министрами.

Трайбализм, неразрывно связанный с политической и экономической замкнутостью и местническими интересами, объективно тормозит образование общетерриториальных партий. Многие африканские политики считают, что многопартийная система в

условиях континента способствует сохранению племенного дробления, и заявляют, что именно борьба против трайбализма требует введения однопартийности правления. Но что такое однопартийность, мы хорошо знаем на примере нашей страны. Как правило, это путь к диктатуре. Именно Африка в XX в. дала миру наибольшее количество марионеточных режимов, кровавых диктаторов, военных хунт, бесчисленных королей, шейхов, эмиров.

Трайбализм следует, видимо, осуждать, когда это явление направлено на раскол общества и служит идеологической базой сепаратизма. Однако нельзя не отметить и другую сторону трайбализма. В ЮАР и Родезии правительство применяло его для осуждения национально-освободительного движения. Воспользовавшись тем, что в общественном сознании трайбализм имеет негативный оттенок, правительство заклеило Национальный фронт освобождения Зимбабве (*ZAPU*), официально причислив его к оппозиционным силам, с которыми надо бороться. Подлили масла в огонь и журналисты, написавшие, что в него входят люди с примитивным племенным сознанием, далекие или чуждые цивилизованным ценностям²⁴.

Таким образом, трайбализм можно представить как идеологию родоплеменного обособления (сепаратизма), стремления законсервировать отжившие черты первобытно-родового строя (обычаи, первобытные верования, племенные языки, структуру племенного самоуправления и др.). Но важно при этом помнить, что этим термином, как идеологическим ярлыком, можно поворачивать в разные стороны, осуждая правого и виноватого.

Лидеры некоторых африканских стран, стремящиеся к объединению разноплеменного народа в единую нацию, которую только при таком единстве можно вывести на путь модернизации и процветания, осуждают трайбализм. Для них это не только исторический пережиток, мешающий прогрессу, но также идеология местных князьков, которые борются с центральной властью вовсе не ради благополучия своего племени, а ради корыстных политических интересов. В постколониальной Африке формирование в каждом государстве национального единства и общенационального сознания, вызревание чувства принадлежности к единому государству происходит в острой борьбе с сохраняющимися племенными структурами и племенным сознанием, чувством принадлежности в первую очередь к определенному племени, не признающему те или иные государственные границы²⁵.

Когда-то, на заре человеческой цивилизации, он воплощал несомненно позитивный механизм коллективного выживания и адаптации малого общества к меняющимся и рискоопасным внешним условиям. Однако позже он стал наследником совершен-

но чуждой современному обществу психологии — менталитета неприятия чужих по духу и крови. Социологи называют ее также менталитетом ин- и аутгруппы (от англ. *in-group/out-group*). Многовековая практика жизни под постоянной угрозой нападения «чужих», забота о безотлагательной защите «своих» любыми средствами закрепили у многих народов принципы: «Всегда прав сородич» и «Сначала защити своего, а потом разбирайся, кто прав».

Действительно, по многим признакам племя представляет особый тип общности людей — так называемую *закрытую группу*, куда доступ чужакам либо существенно ограничен, либо вовсе запрещен. Своими здесь могут быть только одноплеменники — братья по крови в прямом смысле. В соответствии с принципами трайбализма человек мог найти защиту только у своего рода. Эти принципы не только допускали, но и обязывали всех членов рода мстить за преступление, совершенное против любого его представителя. За проступок каждого члена рода также отвечал весь род.

Естественно, что племенной строй — серьезное препятствие к мирному сосуществованию сообществ, к смешению рас и культур, политическому плюрализму. Племена, равно как и касты, основаны на *эндогамии* (заключение браков исключительно между членами своей группы).

Племена очень редко встречаются, а тем более заключают между собой браки. В горной местности Новой Гвинеи, занимающей небольшую площадь, тысячелетиями обитают племена, которые, будучи отделены друг от друга непроходимыми препятствиями, ни разу не встречались и ничего не знали о существовании друг друга. Сходная ситуация и на Африканском континенте, где в ряде стран практически не существует единой ткани государства: оно как бы разорвано на клочки. В центре стоит племя, его интересы, вернее, интересы тех, кто командует в нем.

Трайбализм играл в истории как негативную, так и позитивную роль. Ему обязаны некоторые народы своим выживанием.

«История всех кочевых народов показывает, что лишь те из них, кто при отсутствии государственности наиболее последовательно придерживались принципов трайбализма, сумели сохранить свою этническую самостоятельность и целостность. Другие же — гунны, саки, усунь, половцы, — сформировавшиеся в племена почти одновременно с кыргызами, растворились среди иных этнических образований или стали известны под другими этническими названиями. В этом смысле — за сохранение самобытности и целостности народа — трайбализму должны быть благодарны не только прошлые и нынешние, но и будущие поколения кыргызов»²⁶.

Живучесть родоплеменного уклада в нынешнем мире объясняется множеством факторов, в том числе способностью племени брать на себя те функции, которые обязано выполнять государство. И не просто брать, но справляться с ними гораздо эффективнее. Речь идет о функции социального обеспечения и коллективной поддержки. Именно племенная организация является той силой, на которую сама жизнь возлагает обязательства по оказанию экономической и социальной помощи членам племени и военной защиты их от других племен. Племенная организация решает проблему пастбищ и водоемов, вершит суд.

Члены племени называют себя братьями, ревностно следят за сохранением уз солидарности, которые их охраняют или противопоставляют другим племенам всякий раз, когда целостности племени или интересам его членов что-нибудь угрожает. Любой министр или чиновник всегда старается сохранить связи со своим племенем, находя у него поддержку и в то же время поддерживая его.

«Житель той или иной африканской страны в большинстве случаев и по сей день ощущает себя прежде всего представителем определенного племени. Влияние трайбализма, племенных обычаев сказывается не только на массе крестьянства, составляющего огромное большинство населения в странах континента. Они воздействуют также и на образованную часть общества, из которой комплектуются правительственный аппарат и командный состав вооруженных сил. Министр или руководитель ведомства в большинстве случаев может быть уверен в своих сотрудниках, если он выберет их из членов своего племени. Часто африканские лидеры формируют свои правительства из соображений безопасности из своих соплеменников. Так, бывший президент Республики Берег Слоновой Кости (ныне Кот-д'Ивуар) назначал на высокие правительственные посты представителей племени бауле, выходцем из которого он сам был»²⁷.

Американцы пытаются придать трайбализму характер всемирной опасности. Они считают, что та борьба, которую ведут США и их союзники по антитеррористической коалиции, это война между новым миром и старым, центром которого выступает исламский фундаментализм, олицетворяющий родоплеменной строй. В конечном итоге это борьба между глобализацией и трайбализмом²⁸.

Глобализация, не знающая границ и преодолевающая все препятствия, соединяющая народы, живущие за тысячи километров друг от друга, действительно противостоит тенденции трайбали-

зации и изоляционизма. Она не позволяет народам оставаться в своем тесном миреке. Глобализацию вовсе неслучайно именуют высшим этапом культурной эволюции человечества. Она приучает народы терпимо относиться друг к другу, преодолевая психологию отчуждения и неприятия инородцев. В таком случае движение антиглобалистов, равно как и исламский фундаментализм, подпадают под неприятную категорию трайбализма. Если второй тип движения составляют носители реально существующего родоплеменного общества, в частности талибаны, то представителями первого выступают граждане западных стран, приобщенных ко всем благам современной цивилизации. Что самое удивительное, так это цели объединенной борьбы: в середине 2003 г., когда надвигалась угроза войны США против Ирака, в антивоенных колоннах вместе сошлись антиглобалисты и фундаменталисты, протестующие против монополии Америки, навязывания ею остальному миру ценностей насилия и нетерпимости. Получилось так, что против Америки люди боролись с позиций тех высоких ценностей, которые всегда разделяли американцы, а именно свободы, прав человека, мирного сосуществования, расовой и культурной терпимости.

На территории бывшего СССР, в социальном плане представлявшего весьма неоднородное образование, существовали крупные очаги родоплеменного строя. Прежде всего это республики Закавказья и Средней Азии. На период вхождения в СССР в 1922 г. они сохранили исторически пережиточный строй почти в первоначальном виде. Тем не менее советские ученые предпочитали изучать трайбализм на примере аборигенов Полинезии, Австралии, Африки и даже давно исчезнувших индейских племен Северной Америки, поскольку официально считалось, что родовой уклад на территории СССР уничтожен уже в 1920-е гг. и все народы, даже отставшие в своем развитии, стали «всесторонне развитой, процветающей социалистической нацией». Хотя в советское время и декларировалось с различных трибун об окончательном и бесповоротном преодолении племенных и иных трайбалистических пережитков в казахском обществе, желаемое выдавалось за действительное.

В этих условиях поиск проявлений пережитков «допотопных» родоплеменных отношений среди некоторых народов, в том числе и кыргызов и казахов, являлся политически опасным. Разумеется, родоплеменные отношения, формировавшиеся в течение многих тысячелетий, игравшие определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях и управлении, не могли исчезнуть в течение жизни двух-трех поколений.

Сегодня выяснилось, что советская власть не сумела побороть феномен трайбализма. Максимум, что она сделала, это создала ему некоторые препятствия, частично видоизменив его. После распада СССР и еще в конце 1980-х гг., с началом эпохи гласности и перестройки, наметился ренессанс родоплеменных пережитков. С явными проявлениями трайбализма современная кыргызская общественная практика столкнулась, начав выборы народных депутатов и руководителей трудовых коллективов из альтернативных кандидатов. В дальнейшем, охватывая все новые и новые стороны общественной жизни, этот феномен особенно обнажился в процессе строительства государственности современного Кыргызстана²⁹. Ныне о нем заговорили многие: политики, публицисты, ученые и «активисты». Подавляющая масса населения, увлеченная идеей «возрождения нации», относится к нему как к возвращению традиционного «журтчулука» (общности), издревле способствовавшего сплочению. Последние события в Кыргызстане: шумная кампания вокруг восстановления и уточнения родословия кыргызских племен — «санжыра»; появление сообществ земляков (читай «сородичей»); попытки проведения родоплеменных съездов; призывы к сохранению чистоты генофонда народа и другие перехлесты — показывают, что республика вовсе не свободна от проявлений трайбализма³⁰. Трайбализм получил возможность открыто, без опаски, как раньше, влиять на государственное строительство. И в Республике Казахстан наличие родоплеменной розни пришлось признать на всех уровнях. Более того, «в условиях осуществления приватизации и формирования национальной государственности... проблема трайбализма как одного из видов внутриэтнической дезинтеграции казахского этноса только обострилась»³¹.

В нынешнюю эпоху трайбализм оказался востребован самими разными политическими группировками и социальными силами. А в истории порою происходит так же, как и в экономике: спрос порождает предложение. Тем более если сделать предложение не составляет труда, поскольку оно, образно выражаясь, давно находилось в боковом кармане и лишь ожидало своего часа. Возрождение исторических пережитков возможно, таким образом, не только в силу повышенного спроса на него, но и по причине огромных запасов, сохранившихся в исторических кладовых. Африка и весь арабский мир, Индия и Китай — это ареалы сохранения родоплеменных укладов, которые сегодня поднимаются на поверхность из глубин традиционного общества. И не везде это происходит мирно. Две войны в Чечне — это противостояние одного общества, не до конца прошедшего путь индустриализа-

ции, сохранившего в своей социальной ткани поры традиционного уклада, и другого общества, покоящегося на родоплеменном фундаменте.

Чеченский боевик, бородатый и неграмотный, с мобильником в руках — это парадокс, но парадокс особой, переходной эпохи. Сословное деление современного казахского общества, которое является логическим продолжением недавнего родоплеменного прошлого, тоже покажется нонсенсом, если его рассматривать в системе политического плюрализма, многопартийности, интеграции в мировое сообщество. Процессы модернизации в таком обществе, углубляя социальное расслоение, не разрушают, а закрепляют родовую организацию. Поэтому трайбализм в Казахстане есть не любопытный пережиток и забавный атавизм, а реальное политическое явление, определяющее все сферы общественной жизни. Родоплеменное деление глубоко укоренилось в национальном менталитете, став, по сути, составной частью «коллективного бессознательного» казахского народа³².

Таким образом, о трайбализме нужно говорить в трех измерениях — политическом, социальном и культурном.

Под политическим трайбализмом мы понимаем явления, представляющие собой проникновение организованных групп, сформированных по родоплеменному признаку в систему государственной власти, и оказывающие влияние как на государственную, так и на региональную политику. Для трайбалистских отношений характерно то, что эти группы практически не связаны ответственными обязательствами перед государством.

Историко-культурный трайбализм — это сохранение принципов действия институтов прошлого, созданных на основе родового деления, на современном этапе.

Социальный трайбализм — это тип участия определенных групп на основе генеалогических связей для оказания социальной поддержки членам рода через существующие институты взаимопомощи. Род становится важнейшим социальным актором, основанным на чувствах родственной связанности, представляет собой некую корпорацию, внутри которой происходит тесное и регулярное общение на основе установленных ритуалов. В его основе лежит баланс рода и нации³³.

Трайбализм получил еще одну, скажем так, бытовую интерпретацию. Социологи полагают, что это присущее, в частности, россиянам стремление делать все и вся исключительно «по благу». Но по знакомству и по благу обычно оказывают услуги своим родственникам, а затем уже друзьям и выгодным знакомым. Термин «трайбализм», обозначающий родоплеменные пережитки,

подразумевает приоритет кровно-родственных отношений над всеми другими. Если при подборе кадров квалифицированного работника, обладающего нужными качествами для успешного выполнения дела, отодвигают в сторону ради своего родственника или свояка, то социологу следует фиксировать верный признак трайбализма. Родственник или свояк не могут быть плохими или хорошими, опытными или неопытными. Они просто есть и потому их принимают на работу.

Рыночное общество, построенное на рациональности и калькуляции, денежном и политическом расчете, несовместимо с историческими пережитками традиционного общества. Когда в таком обществе проявляются кровно-родственные отношения «землячества», свойства, блата, кумовства, клановости, то специалисты говорят о тенденциях трайбализации, которые свидетельствуют о том, что данная страна неокончательно встала на рыночный путь и сохраняет в социальной структуре мощный пласт архаических отношений и институтов.

3.4. Линиджи

Особую роль в социальном генезисе общества сыграла семейно-родственная система, получившая в этнографии и антропологии название линиджа.

Линидж — система чьих-то родственников, начиная с самых первых колен. Сегодня стало модным составлять свои родословные. Многие обращаются в специальные агентства, где восстанавливается история вашего семейства, пофамильно и поименно называются все родственники, в каком бы веке они ни жили, если, разумеется, о них сохранились какие-либо сведения. В США технология построения своего генеалогического древа, приобретшая индустриальный размах, называется линиджем. Стоит только в поисковой системе Интернета, например *Google*, включить слово «*Lineage*», как она немедленно обнаружит более 800 тыс. сайтов, которые включают не только научно-исследовательскую информацию, но и практическую: на этих сайтах вам помогут разыскать ваших родственников начиная с момента заселения Нового Света. Сайт *Wisconsin Lineage Links*³⁴ (*Wisconsin's Heritage & Lineage Societies*) свяжет пользователя со множеством обществ, фондов и клубов, которые так или иначе связаны с родственными социальными структурами, в частности «Дочери американских колонистов», «Основатели и патриоты Америки», «Общество пионеров Индианы», «Сыны ветеранов войн» и т.д. В США возникла организация *National Association of Juneteenth Lineage*, которая борется

за восстановление исторической справедливости по отношению к черному меньшинству, исправление учебников по истории, описание истинной картины рабства, восстановление честного имени и родственных корней первых поколений американских негров. Общество проводит многочисленные встречи и митинги афроамериканского населения США, требуя не только материального возмещения за два столетия невольничества, но и восстановления своего культурно-исторического наследия.

Понятие кровно-родственной связи, обозначающее связь ныне живущего поколения со своими предшественниками, приобретает еще и социокультурное измерение. Оно окружается мистическим ореолом, связью с потусторонним или астральным миром, помогая человеку осознать свою космическую и всемирно-историческую принадлежность. В том же Интернете можно встретить статьи под названием «По ту сторону линиджа», «Цикл линиджа» и многое другое на сайте, который так и называется — «Мир линиджа». Линидж превращается в еще один фантом массовой культуры, его связывают с фэнтези, комиксами, ужастиками, компьютерными играми и виртуальными мирами³⁵.

Линидж (англ. *lineage*, от лат. *linea* — линия, ряд, поколение, род) — принятое в современной этнографической литературе обозначение однолинейных (унилинейных) родственных групп. Они имеют либо отцовскую, либо материнскую филиацию и основаны на генеалогическом принципе. Группы с материнским счетом родства обозначаются как матрилиниджи, с отцовским — как патрилиниджи.

В интернет-версии словаря *Encarta*³⁶ сообщается о том, что *lineage* имеет два значения: 1) линия предков (*line of descent*) от первого колена к ныне живущим индивидам данной семьи; 2) группа людей, имеющих общего предка и на этой основе связанных кровно-родственными узами. В английский язык термин пришел из французского в XIV в. и произошел от слова *lignage* (*line*).

Линиджи — наиболее распространенная в догосударственных обществах форма родственных объединений, напоминающих род, клан, большую семью. Такие минимальные родственные ячейки называют еще фамилиями. Некоторые англоязычные авторы используют для этих целей также термин *ramage* (ветвь).

Цепочка предков, т.е. иерархическая организация родства по линии восходящих или нисходящих поколений, выступает социокультурной и демографической базой родоплеменной организации в первобытном обществе. В отличие от семей, родовые группы постоянны, они сохраняются в течение многих поколений. Антропологи выделяют несколько типов родовых групп. Линиджи

основываются на демонстративном учете предков, кланы — на договорном счете происхождения.

В первобытном обществе, построенном на принципах родовой организации, каждый род подразделялся на множество линиджей. В отечественной этнографии линидж принято именовать иначе, а именно большая семья — группа родственников, связанных общим хозяйством, имеющая своего главу и включающая в себя представителей нескольких поколений. М.О. Косвен в 1931 г. предложил термин «*патронимия*», который толковался им как группа больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и разделения одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое (т.е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи) наименование. Патронимия, как и род, экзогамна.

Если проводить биологическую аналогию с родом, то сразу же вспоминается семья муравьев — объединение сотен, тысяч, а иногда и миллионов индивидов, усилиями которых сооружается гнездо, выкармливается многочисленное потомство, охраняется муравейник и его кормовой участок от посягательств агрессивных соседей. Минимальная численность жизнеспособной семьи — около 100 тыс. особей.

Достигая определенных размеров (свыше 200 тыс. особей), семья муравьев начинает дробиться на части (колонны), каждая из которых вполне автономна и в состоянии полностью или почти полностью выполнять все необходимые для полноценного существования функции. Под одной крышей сосуществует несколько вполне сформировавшихся муравейников. Колонны — аналоги человеческим линиджам. Число колонн в муравейнике невелико: две, реже три (60–100 тыс. муравьев в одной колонне)³⁷.

Так как все члены линиджа, не вступившие в брак, а также женатые мужчины в патрилинидже и замужние женщины в матрилинидже, как правило, проживают вместе, они составляют ядро семейно-родственной группы, куда входят пришедшие по браку и ведущие происхождение от других линиджей жены и мужья членов данного линиджа. В результате кровно-родственная ячейка преобразуется в хозяйственную общность, классические примеры которой дают ирокезский матрилинидж (овачира) и югославский патрилинидж (задруга).

Отдельные линиджи, в особенности у племен и народов Африки, объединены реальными или фиктивными генеалогиями в более крупные общности, образуя таким образом линиджи разных уровней. В результате система линиджа в некоторых случаях может охватывать всех членов племени или даже целую народность³⁸.

В среднем линиджи включали в свой состав линейных родственников от трех до семи и даже десяти поколений. В отличие от него большая семья обычно ограничивалась тремя-четырьмя. В рамках такой группы сосредоточивалась вся хозяйственная жизнь, производство пищи и других благ, распределение их, кормление и первичное воспитание потомства, т.е. передача трудовых, культурных, социальных и бытовых навыков.

От рода линидж отличается тем, что происхождение в нем ведется не от мифического, а от реально существовавшего предка, что может быть прослежено и установлено.

От большой (3–4-поколенной) семьи, которая считается непременным признаком традиционного общества как в Европе, так и в других регионах мира, линидж отличается тем, что хозяйственные функции в нем занимают второстепенное место. Большая семья выступала ячейкой, в частности, раннеримского общества. Отсюда происходит ее современное название — патриархальная семья (фамилия). Ее глава — домовладыка (*pater familias*) — представлял членов семьи в генеалогической цепи предков-потомков. Его власть и авторитет были основаны на том же принципе агнатического родства, что и авторитет родовладыки (*pater gentis*) в гентильном коллективе, — оба были старшими по возрасту в своих коллективах. Агнатическое родство, а не экономическая власть домовладыки, которая образовалась во вторую очередь, было организующим началом фамилии. Большую роль играли фамильный культ предков, посмертные маски, жертвоприношения душам предков, культ семейного очага (ларов). После смерти отца власть наследовали сыновья, становившиеся домовладыками. Домовладыка обладал ничем не ограниченной «отцовской властью» (*patria potestas*) над своей фамилией. Поэтому слово «фамилия» обозначало не только входивших в ее состав членов семьи, но в не меньшей степени имущество. Дети, жена, которая условно считалась на положении дочери домовладыки (*filiae loco*), рабы — все они были лицами, подвластными домовладыке. Домовладыка был единственным представителем семейного коллектива в сфере частного права, он один имел право на семейное имущество, право заключать сделки, вести дела, право продажи, право жизни и смерти по отношению к членам фамилии. На этой основе формировалось представление о юридической *persona* римского гражданина — ее имел только домохозяин. Остальные члены семьи не имели юридических сношений с внешним миром³⁹.

Промежуточными родственными образованиями были различные патронимии и кланы, которые уже потеряли в основном непосредственно хозяйственное значение, распавшись на ряд линиджей.

Крупные родовые коллективы или их подразделения — *gentes* (линиджи) — претендовали на роль структурообразующей ячейки раннеримского общества в архаическую эпоху, которая, растянувшись на многие тысячелетия, завершилась в IV в. до н.э. С этого момента историки датируют начало формирования гражданского общества, где трибы племенного происхождения как центробразующий элемент отходят на второй план, а вперед выдвигается римская община. С этого времени она функционирует как единый гражданский механизм, центр всей политической и общественной жизни Древнего Рима. Но это уже совсем иная история, которая может интересовать нас лишь в связи с историей гражданского общества. А до того в социальной организации общества царствовал линидж.

Наиболее типичная организация древнеримского общества позднепервобытной эпохи, родовая, представлена 300 *gentes* (линиджей), которые одни исследователи трактуют как роды, а другие как родовые подразделения — линиджи. Первоначальные главы этих подразделений — отцы (*patres*) — были старшими мужчинами в коллективе. Их авторитет был незыблемым, они имели право распоряжаться всеми делами и имуществом своих младших сородичей. Собрание отцов заправляло всеми делами городской общины и контролировало жреческие должности, судопроизводство и отправление власти. Отцы составляли элиту раннеримского общества. Потомками отцов считались патриции (*patricii*). Сородичи — гентилы — носили одинаковое гентильное имя (*nomen*). Кроме отцов и патрициев (старших и младших сородичей) в состав гентильных коллективов входили клиенты. Связь клиентов с патрициями не считалась родственной, но походила на нее внешними признаками. Отцы были обязаны покровительствовать клиентам в общественной жизни, за что клиенты в свою очередь были обязаны почитанием и определенными услугами в пользу своих патронов. Право, закреплявшее отношения патрона—клиента, носило сакральный характер⁴⁰.

Специалисты считают линидж даже более устойчивой социальной организацией, чем род. В то время как с разложением первобытного общества родовая организация постепенно исчезает или ослабевает, институт линиджа сохраняется, особенно в высших слоях населения. Средневековые дворянские фамилии и даже современные монархические династии являются своего рода линиджами. Некоторые из них, непосредственно восходящие к родоначальнику или родоначальнице, стоящим у основания генеалогического древа, пользуются большим престижем и привилегиями.

Глава 4. ВОЖДЕСТВО: НАЧАЛО СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ¹

В социополитической эволюции человеческого общества вождества — следующий шаг после локальной группы. Последняя включает несколько семей (семейных групп), вождество — это объединение нескольких локальных групп под единым управлением. Именно поэтому в нем видят переходную форму на пути эволюционного развития государства, в связи с чем вождества называют протогосударственными образованиями (другие термины: предгосударство, прагосударство, раннее государство) за то, что там уже существовало имущественное неравенство людей (социальная дифференциация), но еще не появились классы, сословия и касты.

По существу, перед нами исходная, т.е. самая ранняя, форма единства общества и государства, достаточно зрелой формой которого выступал античный полис.

4.1. *Chieftdom* или *chieftaincy*

В античности общество мыслилось в неразрывном единстве с государством. Тогда и в голову не могло прийти, что до возникновения полиса, представляющего собой зримое воплощение этого единства, могла существовать хоть какая-либо форма общества. Но она была, и открыли ее, точнее сказать, смогли правильно осмыслить и встроить в единую систему научного знания, только в XX в., называется она вождеством. Платон и Аристотель, впрочем, как и другие античные «политологи», смотрели на другие, менее развитые народы как на варварские, а у нецивилизованных народов не может быть государства и общества — двух самых главных признаков цивилизации. Такое, скажем прямо, вполне убе-

длительное и логичное суждение продержалось 2,5 тыс. лет — вплоть до середины XX в., когда научная мысль наконец-то удосужилась разглядеть в нагромождении первобытных сообществ первые, пусть и не очень яркие кристаллы государственности.

Оппозиция «примитивное общество — цивилизованное общество» продержалась так долго не потому, что в реальном мире не было вождеств, а потом они вдруг появились. В том-то и дело, что они существовали бок о бок с нами, но ученые их не замечали. Вернее сказать, не могли подобрать им адекватных научных понятий. Таким образом, вождества как объект изучения существовали на протяжении 40 тыс. лет, а предметом научного исследования они стали чуть больше 40 лет назад. Оказалось, что самое трудное дело в науке — поиск не полярных и выразительных типов общества, а промежуточных, очень расплывчатых и разжиженных. Сегодня ясно, что вселенная так называемых примитивных обществ дает не менее широкую палитру переходных, промежуточных и полярных видов, типов и форм общественного устройства, чем мир цивилизованных обществ.

Вожжество (*hauptlingschaft, chieftdom, chefferie*) — иерархически организованный строй людей, в котором отсутствует разветвленный управленческий аппарат, выступающий неотъемлемой чертой зрелого государства. Вожжество основано на социальном ранжировании, но в его структуре преобладают кровно-родственные отношения. Престиж и состояние индивида обусловлены тем, как близко он отстоит от вождя (*cheif, chieftain*).

Терминологическая связь обозначений «вождество» и «вождь» теснее их этимологической связи. Всякое вождество возглавляется вождем, но не всякий вождь возглавляет вождество.

В отечественной культуре термин «вождь» имеет вполне определенную политическую нагрузку, связанную прежде всего с недавней эпохой культа личности и сталинщиной. К далекому прошлому понятие вождества не имеет никакого отношения, так как существовавшие и существующие на территории России малые народы (чукчи, эвенки, коряки и др.) никогда не именовались вождествами. Для их обозначения специалисты придумывали иные термины, поэтому вождь целиком остался в рамках современной политологической мысли. Возможно, с этим связана трудная судьба антропологического термина «вождество» в российской науке. В обыденном сознании, если он получит распространение, его будут связывать совсем с иными реалиями, нежели ранжированное общество, основанное на хозяйственном укладе охоты и собирательства, представляющее собой переходную форму социально-политической организации на пути эволюционного развития племени в государство.

В наше время термин «вождество» путают с вождизмом, понимая то и другое политологически. Это и понятно, так как Россия как никакое другое государство, если брать XX столетие, подходит под испытательный полигон для изучения вождизма как социополитического феномена. Если брать Интернет, то в Рамблере слово «вождество» встречается около 70 раз, а вождизм — 443 (16.10.2002 г.), в Google — 8460.

Наряду с терминами *chief* и *chiefdom* в зарубежной литературе широко используется другой — *chieftaincy*, который встречается в Интернете 4,5 тыс. раз. У этого слова, в отличие от *chiefdom*, более выражен политологический оттенок. С его помощью специалисты стремятся объяснить институт наследования или выборности власти в сложных вождествах, концентрацию власти и систему управления в колониальных странах и в регионе третьего мира, пути демократизации традиционных обществ². Таким образом, *chieftaincy* — это политический институт, а не социополитический тип общества, ступенька в социальной эволюции или хозяйственно-культурный уклад. Анализ существующей литературы и научных конференций, в том числе недавних, позволяет предполагать, что данный термин относится не к доземледельческим, а преимущественно земледельческим обществам, но расположенным в колониальных странах. Предводительство, если позволительно таким способом переводить на русский англоязычный термин *chieftaincy*, согласно современным трактовкам является собой синтез до- и постколониального политического порядка. Власть в руках деревенского старосты (вождя племени, главы рода) по нынешним меркам считается архаическим институтом власти, пережившим или переживающим срок жизни. Для социологов и политологов он представляет интерес потому, что позволяет лучше узнать, каким образом, не подвергая общество шоковой терапии, можно постепенно перевести традиционное, аграрно отсталое общество на путь модернизации, опираясь на сложившиеся институты и архаичные системы ценностей. Поскольку в африканских племенах власть вождя часто является ненаследуемой, ученые пытаются установить, можно ли интегрировать в единое целое механизм избрания племенного вождя и избирательную систему, присущую западным демократиям.

По отношению к США, где нет колониальных режимов, *chieftaincy* рассматривается как традиционный институт, основанный на принципах старшинства, сохранившихся у американских аборигенов с доколумбовых времен и относящихся к организации власти в племенном обществе³. Совет старейшин, или вождей, существовавший у индейцев, по мнению американских политологов и социологов, представляет собой прекрасный образец

республиканского устройства общества. Сам термин «сенат» (*senate*) восходит к словам старший (*senior*) и старшинство (*seniority*). Вождь избирался советом старейшин, подчинение ему было скорее добровольным, нежели авторитарным. Оно базировалось на мифологизации кровно-родственных и генеалогических отношений. Все члены племени, расслоившиеся со временем на множество поколений и родственных линий (линиджей), возводили свою родословную к одному предку, прямым потомком которого считался ныне живущий вождь. Его избирали не только в силу выдающихся личных качеств, но также по причине особой близости к корням родословного древа племени.

Таким образом, подчинение вождю означало на практике подчинение сыновей своему праотцу, а потому в социальном плане считалось совершенно естественным и логичным поступком. В доколумбовых *chieftaincies* власть, таким образом, основывалась на сложном переплетении избрания и первородства. В эпоху первых колонистов и завоевания государственной независимости США традиционные институты в значительном их числе были разрушены европейцами, установившими иерархический порядок. В конце XX в. США — признанное многоэтническое общество, в котором соблюдаются права меньшинств, культурное многообразие и вариативность. Все это заставляет социологов, политологов и антропологов более внимательно изучать те формы социальности, которые присущи аборигенному населению Америки, которое сегодня очень трепетно относится к охране и восстановлению национальных реликвий.

4.2. Исследование вождеств

В англоязычной, а теперь уже и во всей мировой литературе для обозначения вождества употребляется термин *chiefdom*. Поскольку концепция вождества была заимствована советскими учеными (А.М. Хазанов, Л.С. Васильев, Н.Н. Крадин, Ю.Е. Березкин) из зарубежной антропологии приблизительно в 1980-е гг., то сам этот термин еще не получил в России такого широкого распространения, как в западных странах. Видимо поэтому наряду с термином «вождество» нередко используют другой — чифдом. Сегодня теория вождеств активно разрабатывается также отечественными учеными как с исторических, так и социологических позиций. Научный вклад в развитие теории вождества и раннего государства внесли Л.С. Васильев, Т. Ёрл, Х. Классен, Н.Б. Кочакова, Л. Крэдер, Л.Е. Куббель, Э. Сервис, П. Скальник, М. Фрид и др.

О степени распространенности этих терминов свидетельствуют следующие факты. В русскоязычном Интернете термин «вождество» встречается 69 раз (23.10.2002 г.), термин «чифдом» — 16. Англоязычный сектор Интенета при слове *chiefdom* показывает 8410 документов. Конечно, электронные источники далеко не полно отражают всю научную литературу, разница между «нами» и «ими» достаточно очевидна.

Термин *chiefdom* в современном его значении в научный оборот первым ввел в 1955 г. К. Оберг в статье «Типы социальной структуры среди низинных племен Южной и Центральной Америки»⁴. Через четыре года новый термин применили американские этнографы Дж. Стюард и Л. Фарон⁵. Но и у них это все еще был именно термин, а не понятие, поскольку он явился результатом таксономического анализа социополитической организации некоторых групп, обитавших в Карибском регионе, а не следствием глубоко продуманной историко-сравнительной теории. В существовавшей на тот день классификации промежуточным группам места не нашлось, пришлось придумывать новое слово. Антропологи поначалу даже отказывали вождествам в какой-либо автономии, не уставая повторять, что вождества не обозначают какую-либо стадию развития в исторической схеме эволюции южно-американской культуры. Они не служат также примером ранней фазы культурного развития Центральных Анд и не обозначают скрытую форму становления собирателей, охотников или примитивных огородников тропической зоны.

Таким образом, мы можем утверждать, что понятие «вождество», без которого сегодня немислимо познать самую первую и самую длительную фазу в эволюции человеческого общества, появилось на свет как описательно-классификационный термин, который лишь постепенно насытился теоретическим содержанием, стал полем научного дискурса, неизменным предметом изучения антропологов, социологов и политологов всего мира.

Следующий и очень важный шаг сделал Э. Сервис⁶. Вождество получило второе рождение, теперь уже в качестве полноценного научного понятия. Поэтому считается, что понятие «вождество» (*chiefdom*) впервые ввел в научный оборот именно Э. Сервис, обозначив им универсальную форму политической и экономической организации, существенно отличающуюся от племени и государства. Работы Э. Сервиса, М. Салинза и их последователей получили поддержку не только антропологов, но и археологов, особенно в Британии и США. В 1970-е гг. с позиций концепции вождества стали анализироваться культуры позднего неолита, эпохи бронзы и начала железного века Западной Европы.

Свое открытие, в отличие от предшественников, Э. Сервис совершил не эмпирическим, а теоретическим путем. Его не устраивало противопоставление примитивного и цивилизованного обществ, между которыми невозможно поместить никаких промежуточных форм. Он прекрасно понимал, а исторические факты подтверждали, что эволюция человеческого общества так не происходит. Реальная жизнь знает не только крайности, но и множество пограничных форм. Именно поэтому оппозицию «примитивное—цивилизованное» Сервис заменил новой теоретической конструкцией, получившей название градуализма (*gradualism*), т.е. концепции постепенности, прохождения эволюции обществом или человеческим родом множества переходных и пограничных форм, движение к большому малыми шагами, реформистским, а не революционным или шоковым путем. В результате сложился социополитический континуум различных форм общества, на котором понятия «цивилизованное (или гражданское) общество» и «примитивное общество» не только представляли два полюса, но также выполняли функцию неких идеальных типов, которым в действительности ничего не соответствует. Они хороши как логический предел, до которого можно довести научное понятие, развивая или изучая все его потенциальные возможности, но не как сама реальность.

4.3. Теория и методология

Теоретико-методологическая необходимость в научном появлении нового понятия ощущается не только в рамках дихотомии «примитивное—цивилизованное». Без промежуточного феномена неясно, каким образом человечество перешло от эгалитарного общества (коллективная собственность, равенство, отсутствие классов) к элитарному (классы, неравенство, частная собственность). Историкам было совершенно очевидно, что первобытное общество — это эгалитарный тип, а древние империи инков, шумеров, египтян, греков и римлян — это элитарный тип. Появление государства ученые вовсе не случайно связывают с зарождением стратификации и классов: объединение племен резко увеличило численность населения, располагавшегося всего на нескольких ступеньках социальной пирамиды (бедные, зажиточные, богатые). Когда одна ступень заселена достаточно плотно, можно говорить о стратификации и больших социальных группах. А когда людей немного, но социальная дифференциация все равно существует? Как обозначать тот порядок, при котором в рамках одной

большой деревни, а именно так проживают некоторые племена в Новой Гвинее по сию пору, есть богатые, зажиточные и бедные?

Для обозначения социальной дифференциации в небольших сообществах антропологи договорились использовать термин «ранжированное общество». В нем есть социальная пирамида, но она невелика: на каждой ступеньке находится от нескольких человек до нескольких десятков. Разумеется, самые незаселенные этажи здания — верхние, где обитает сам вождь и его многочисленная (а часто и немногочисленная) челядь, составляющая прослойку так называемых бигменов.

Вождества служат переходной формой от простого к сложному обществу. Их историческими предшественниками выступают: 1) локальные группы, 2) образовавшиеся на этой базе племена. Таким образом, вождества выступают третьим или четвертым (прибавляя к первым двум самую раннюю фазу — человеческое стадо) звеном в социополитической эволюции общества. Это более крупные, чем племя, но более мелкие, нежели государство, объединения людей. Вождество образует множество деревень с населением в несколько тысяч человек, объединенных не государственными или административными, а некими условно-договорными и сакральными границами, которые могут отмечать какие-либо культовые сооружения, моленные камни, фетиши.

Вождества еще называют протогосударственными образованиями (другие термины: предгосударство, раннее государство) за то, что там уже существовало имущественное неравенство людей (социальная дифференциация), но еще не появились классы, сословия и касты. Социальное устройство, при котором нельзя говорить о стратификации больших социальных групп людей по слоям, расположенным на шкале неравенства сверху вниз из-за малой численности населения, но шкала неравенства все-таки существует, а ее ступеньки заполняются малыми группами либо отдельными индивидами, в науке называемыми ранжированным. Каждую ступеньку-ранг занимает ограниченное число индивидов.

С появлением понятия «ранжированное общество» все встало на свои места: между примитивным и цивилизованным обществом, между эгалитарным (уравнительным) и элитарным обществом, между нестратифицированным и стратифицированным обществом появилось переходное звено.

Для социологов вождество — это ранжированный порядок социального неравенства, для политологов — потестарный тип власти, для антропологов — гибрид простого и сложного сообщества, для археологов — культура охотников и собирателей, для экономистов — присваивающий тип хозяйства. Представитель каждой

социальной науки увидел в вождестве необходимое звено эволюции, наполнил свойственным его науке понятийным содержанием.

Выполнять роль переходной ступеньки оказалось занятием непростым. До сих пор вождество занимает в системе научного знания какое-то двусмысленное положение. С одной стороны, в нем сочетаются черты первобытности и государственности, дикости и цивилизованности, с другой — вождество не принадлежит ни первобытному догосударственному обществу, ни цивилизованному государственному. Именно в силу такой амбивалентности, логической неструктурированности понятия вокруг природы и отличительных черт вождества в научных кругах не утихают жаркие споры. Ситуация усугубляется еще и потому, что внутри вождества как предмета исследования ученые обнаружили многочисленные спецификации: несколько стадий в эволюции вождества как социополитического института, простые и сложные вождества, одновременность появления вождеств в различных регионах Земли, их культурное многообразие и т.д.

Вождества и государства, как и многие другие категории, используемые антропологами и социологами, являются идеальными типами. Подобные наименования подчеркивают социальные контрасты, тем самым отчасти искажая реальное положение вещей. Наиболее продвинутые, или сложные, вождества имеют много черт архаического государства, и вследствие этого их трудно приписать к той или иной категории. В этом смысле ученые говорят о том, что вождества — это форма социально-экономической организации и организации власти в эпоху далеко зашедшего разложения первобытного общества. Некоторые общества обладают признаками вождества, но сохраняют и племенные черты.

Историческое значение вождеств заключается в том, что примитивное общество в его первоначальном значении как эгалитарное или первобытное состояние нигде в мире уже не существует. Единственным осколком того далекого мира остались только вождества. Это единственный эмпирический факт, изучая который ученые могут судить об исходной ступеньке социальной эволюции. В связи с этим некоторые специалисты делают даже еще более резкие заявления. Так, А. Купер⁷ полагает, что «теория примитивного общества — это некий фантом, напоминающий флогистон у физиков». Антропологи могут получить примитивное общество только как результат исторической реконструкции, сняв слой за слоем позднейшие напластования и многочисленные модификации. Одним из них является вождество с целым сонмом своих вариантов.

По мнению большинства американских исследователей, главным образом представителей политической антропологии и археологии, в том числе Г. Фрайда⁸, переход к государственной форме социальной организации имел фундаментальное значение. Антропологи говорят еще так: это своеобразный мостик на пути от простого общества к сложному. Простым обществом они считают род и племя, а сложным — все государственно оформленные типы общества.

4.4. Время и место появления

Первые государства, или цивилизации (оба термина в антропологии нередко выступают синонимами), возникли в Старом Свете около 5,5 тыс. лет назад. В Перу они появились в 2700—1500 гг. до н.э.

На территории Америки археологи обнаружили следы всех типов общества: 1) ранние государства — в Мезоамерике и центральных Андах; 2) вождества — в южных Андах, на северо-западном побережье и в Западной Индии; 3) сложные вождества, достигавшие крупных размеров, — в Центральной Америке, северо-западной части Южной Америки, на востоке Гватемалы; 4) племена — в центральном районе Чили, в регионе Амазонки; 5) локальные группы — в Аргентине, Парагвае, Уругвае, Боливии.

Первые вождества сформировались, возможно, за тысячу лет до формирования государств, хотя до сегодняшнего дня сохранились лишь немногие из них. Образование архаического государства проходило через стадию вождества. Что касается отдельных регионов, включающих Карибский ареал (Карибские острова, Панама, Колумбия), низовья Амазонии, современный юго-восток США и Полинезию, то формирование государства там не было завершено, а возникли только вождества. Создание мегалитических культур в Европе относится к периоду расцвета вождеств. Одной из таких культур был построен Стоунхендж. Действительно, начиная со времени, когда люди от добывания пищи перешли к сельскохозяйственному производству и вплоть до экспансии Римской империи, большая часть Европы находилась на стадии вождества. Действительно, варвары, составлявшие периферию Римской империи, долгое время существовали при родоплеменном строе, единственной формой государственного правления у них было именно вождество. По мере превращения этих вождеств в централизованные государства, а подобная переплавка происходила в период всего Средневековья, этот тип социополитической

организации общества уходил в далекое прошлое. Лишь в заброшенных уголках планеты сегодня можно обнаружить живые осколки старины. Яркий пример сохранившихся по сию пору вождеств дают Полинезия, Новая Гвинея и Тропическая Африка.

Полинезию ученые называют лабораторией вождеств. В период между 200 г. до н.э. и 1000 г. н.э. полинезийцы, передвигаясь с острова на остров, основывали новые общины. Островная миграция напоминала какой-то гигантский социальный эксперимент. Огромный цветник островных вождеств, частью изолированных друг от друга, частью связанных взаимными сетями коммуникации, напоминал растянутое во времени карнавальное шествие большого количества людей: на каждом острове свои обычаи, обряды, ритуалы, празднества, церемонии, религиозные культы.

4.5. Размеры и численность

По численности вождество представляет достаточно крупное объединение, как правило, не меньшее, чем племя, и имеющее несколько звеньев субординации (вождь, субвожди, старосты). Такие социальные образования сильно различаются размерами, варьируя в пределах от 1 тыс. до 100 тыс. человек.

Размеры простых вождеств колеблются от 1 тыс. до 10 тыс. человек, они имеют два уровня политической иерархии (ее называют гексагональной структурой), ранговую систему социального расслоения. Численность сложных обществ — от 10 тыс. до 100 тыс. человек, несколько уровней политической иерархии и зачатки социальной стратификации.

Все население Гавайских островов составляет от 200 до 300 тыс. человек, и оно разделено на четыре крупных вождества. В стратификационном плане они делятся на две страты — рядовых людей и вождей. Корпоративной структуры и наличия линиджей не отмечено.

4.6. Социальная организация

Как уже говорилось, вождество основано на принципе ранжирования — различия в социальном статусе людей. Отдельные линиджи занимают неодинаковые позиции на шкале престижа, старший линидж и, следовательно, общество в целом управляется

лидером. Престиж и ранг определяется близостью к вождю, роль которого очень велика. При этом разделение на классы отсутствует. Вождество обычно имеет центр власти, часто с храмом, резиденцией вождя и мастерами-ремесленниками, которые вынуждены платить вождю излишками продукции. Здесь также могут происходить всякого рода обряды, церемонии, значимые для всего населения. В отличие от города со сложившейся бюрократией это не постоянный центр, но вокруг него всегда имеется какое-то число более мелких и в разной степени подчиненных ему поселений (иерархия местообитания).

Социальный статус в вождестве, основанном на родовом принципе, развивался в сторону большей устойчивости и продолжительности. По мере роста численности населения и степени сложности устройства поведение индивидуума в большей степени обуславливалось социальной структурой, нежели родовыми устоями.

Основные этнографические сведения о вождествах собраны учеными в Полинезии, где в тот период, когда европейцы проводили исследования, вождества были широко распространены. В вождествах все социальные отношения регулируются системой родства (*kinship*). Институт брака, порядок наследования сохраняются в той же форме, что и при племенной организации; возраст, принадлежность к старшему или младшему поколению, пол играют ту же роль. В этом заключено фундаментальное различие между вождеством и государством. Государство объединяет людей, не связанных родством, и возлагает на них обязанность сохранять верность правительству. Вождества были широко распространены в Полинезии в период исследований, проводившихся европейцами. Некоторые «сложные» вождества, как например древние Гавайи, обладают многими признаками архаического государства. Строительство монументальных сооружений началось еще в период вождества; *ceremonies of place* неизменно были связаны с устройством святилищ, где воздвигались храмы и скульптуры.

Субъединицами вождества, прежде всего сложного, выступают: семьи, расширенные родственные группы (кланы и линиджи), владеющие земельными угодьями, кросс-линиджи (фратеральные порядки), образованные ритуалом. В общине обычно действует равенство, но иногда с элементами гендерной стратификации. Социальная принадлежность, права и обязанности определяются на основе родовых отношений и брака. Сфера действия политической организации и политического правления ограничена. Напротив, в архаическом государстве основной отраслью экономики является сельское хозяйство (земледелие), а дифференци-

рованный доступ к ресурсам зависит от места человека в стратификации. Социальная принадлежность определяется скорее по территориальному признаку, нежели на основе родовых отношений, т.е. политические права и обязанности зависят главным образом от проживания в пределах данной административной единицы, а не от принадлежности к группе людей, связанных родовыми отношениями.

Именно в вождествах появились исторически первые признаки имущественного неравенства и управленческий аппарат, включавший: 1) вождя; 2) бигменов, т.е. зажиточных людей, пользовавшихся большим влиянием в общине; 3) простых людей, которых нанимали к себе на работу или в услужение бигмены.

В общине обычно действует равенство, но иногда с элементами гендерной стратификации. Социальная принадлежность, права и обязанности определяются на основе родовых отношений и брака. Сфера действия политической организации и политического правления ограничена. Напротив, в архаическом государстве основной отраслью экономики является сельское хозяйство (земледелие), а дифференцированный доступ к ресурсам зависит от места человека в стратификации. Социальная принадлежность определяется скорее по территориальному признаку, нежели на основе родовых отношений, т.е. политические права и обязанности зависят главным образом от проживания в пределах данной административной единицы, а не от принадлежности к группе людей, связанных родовыми отношениями. Государство обладает постоянной политической организацией и контролирует обширные территории.

Такой приток и отток ресурсов из центра, контролируемый верховным правителем, называется централизованным перераспределением (*chiefly redistribution*). Перераспределение имело свои экономические преимущества. Если разные районы специализировались на производстве определенных сельхозпродуктов, других изделий и услуг, то система перераспределения позволяла снабжать этими продуктами общество в целом. Это также стимулировало сельскохозяйственное производство, которое в результате давало излишек продукта, получаемый сверх того, что требовалось для поддержания существования. Создавались центральные хранилища для продуктов, запас которых был необходим в случае наступления голода. Экономика вождества и экономика архаического государства имеют много общего: в основе ее лежала интенсивная обработка земли, и в обоих случаях экономика управляла системой региональной торговли или обмена. Вождества, в которых сфера политического и экономического регули-

рования была более ограничена, оказались менее долговечны, так как они быстро повернули к централизованному правлению, что уже являлось одной из определяющих черт государства.

4.7. Политическая организация

Структуру органов власти родовой организации, в том числе вождества, можно представить следующим образом: общее собрание рода; совет старейшин (старейшина); вождь (военачальник, предводитель охоты).

Общее собрание решало все важнейшие общие дела, касающиеся всего рода. Собрание избирало старейшину, военных вождей, предводителей охоты, которые управляли повседневной жизнью родовой общины. Для решения особо важных дел собирався совет старейшин.

Черты власти родовой организации следующие:

1. Власть носила общественный характер, исходила от всего общества в целом (это проявлялось в том, что все важные дела решались общим собранием рода).

2. Власть строилась по кровно-родственному принципу, т.е. распространялась на всех членов рода независимо от места их нахождения.

3. Не существовало особого аппарата управления и принуждения (властные функции выполнялись в качестве почетной обязанности, старейшины и вожди не освобождались от производительного труда, а выполняли параллельно и управленческие, и производственные функции, — следовательно, властные структуры не были отделены от общества).

4. На занятие каких-либо должностей (вождя, старейшины) не влияло ни социальное, ни экономическое положение претендента, их власть базировалась исключительно на личных качествах: авторитете, мудрости, храбрости, опыте, уважении соплеменников.

5. Выполнение управленческих функций не давало никаких привилегий.

В родовой организации, как и во всяком обществе, существовало принуждение. Но оно носило общественный характер, исходило от рода в целом, а не от особого аппарата. Принуждение состояло, как правило, в наложении обязанностей за провинность, крайней формой было изгнание из общины. Не было и особого аппарата принуждения, ведения войн. Вооруженную силу составляли все мужчины, способные носить оружие. Все это позволяет охарактеризовать власть как первобытную общинную демократию,

не знавшую ни каких-либо имущественных, сословных, кастовых или классовых различий, ни государственно-политических форм. Социальные нормы в родовой организации были представлены табу (непререкаемые запреты), обычаями, ритуалами, религиозными нормами, мифами, которые создавали образцы для подражания героям.

Для организации власти в вождестве типична институционализованная власть наследственных руководителей-вождей, в большинстве своем принадлежащих к правящему роду и, как правило, ее двух-четырёхступенной иерархии. Главенство в вождестве может принадлежать различным группам элиты: старой родоплеменной верхушке, которая нередко принимает на себя также военные и жреческие функции; новым военным вождям или жрецам, оттесняющим в этих случаях старую верхушку на задний план. Для многих вождеств характерна острая борьба между всеми этими группами элиты.

В вождествах Полинезии вожди избирались пожизненно и регулировали производство, распределение и потребление. Полинезийские вожди для поддержания своего авторитета опирались на религию. Они контролировали производство тем, что запрещали (с помощью религиозных табу) или приказывали обрабатывать те или иные земли и возделывать те или иные культуры.

В литературе распространён взгляд на вождество как на непременно сакральные образования с культом вождей, смыкающийся с теорией сакрального происхождения государственной власти. В действительности вождества могут быть как сакральными (полинезийцы, многие племена Тропической Африки), так и не обладающими этим признаком (шотландские горцы, индейцы северо-западного побережья Северной Америки). В большинстве своем власть носит преимущественно военный характер (например, у ряда племен банту и всех кочевых скотоводов аридного пояса Евразии); в этом случае она вырастает непосредственно из военной демократии и может быть определена как военная иерархия.

В отличие от общины и племени характерной особенностью вождества является постоянное политическое правление на принадлежащей ему территории, на которой в деревнях и/или мелких поселениях проживает большое количество людей. Правление сосредоточено в руках вождя и его помощников, которые занимают политические должности. Должность носит постоянный характер, на место умершего или оставившего должность человека обязательно приходит новый. Благодаря тому что должности си-

стематически замешаются и никогда не пустуют, структура вождества сохраняется на протяжении многих поколений, обеспечивая постоянное политическое правление.

Количество уровней управления в вождествах колеблется от 2 до 10 и более. Однако несмотря внушительное число уровней, качество управления несравнимо с современными сложными обществами. Типичные примеры вождества представляют нгуни, венда, сото, тсвана и другие племена банту. Во главе их стояли наследственные вожди, присваивавшие труд соплеменников на общественных полях и определенную долю труда в их собственных хозяйствах, а также часть охотничьей и военной добычи и судебные штрафы. Вождям подчинялись субвожди и старосты, которые также отчуждали в свою пользу труд подчиненного им населения; кроме того, в их пользу, а также в пользу должностных лиц управленческого аппарата вождей и субвождей шла часть доходов вождя. Последний обладал огромной властью, вплоть до власти казнить без суда.

4.8. Хозяйственный уклад

С точки зрения хозяйственно-экономических отношений эпоха вождества занимает промежуточное место на исторической шкале — между первобытным собирательством и цивилизованным земледелием. Хотя у части существующих до сих пор или существовавших до недавнего времени сохранился первобытный хозяйственный уклад, а именно охота и собирательство, большинство вождеств все-таки заняты огородничеством как основным способом добывания средств к жизни.

Таким образом, в вождествах уже есть огородничество, но нет пашенного земледелия, есть избыточный продукт, но нет прибавочного. Огороды устраивались просто: часть леса выкорчевывалась, пни сжигали, а примитивными палками-копалками рыли ямки и сажали в них клубни диких овощей, которые со временем превращались в культурные. Перестали уничтожать не только дикие растения, но и диких животных уже не убивали. Конечно, причиной служил не гуманизм, которого у диких народов еще не было. Оказалось, что гораздо продуктивнее их поймать, доставить в лагерь, устроить им загон, кормить, а потом, когда возникнет потребность, заколоть. Тем самым решалась почти неразрешимая, особенно в теплом климате, задача хранения скоропортящихся продуктов.

Огородничество еще больше расширило горизонт человеческих знаний. Помимо названия и районов произрастания растений древнему человеку надо было знать, как они растут, когда происходит у них цветение, когда надо их сажать, а когда собирать урожай, как необходимо приготовить землю, когда и как поливать, освобождаться от сорняков и многое-многое другое. Поскольку поселения стали крупнее, то виды деятельности и формы социальных отношений — разнообразнее.

Для огородничества понадобились новые навыки — плетение корзин, в которых переносили урожай, и ткачество, которое, по всей видимости, служило одной из самых древних форм переработки продуктов сельского хозяйства.

К этому времени технический прогресс ушел далеко вперед. Усложнились орудия труда, возросла их производительность. Стало быть, один человек мог прокормить большее число людей, чем прежде. Временные лагеря превращаются в постоянные поселения, окруженные огородами и загонами для скота.

Небольшие группы из 40–60 человек объединялись друг с другом и создавали племена. Племя, ведущее оседлый образ жизни, называлось общиной. Несколько групп кровных родственников селились рядом и соединялись взаимными браками, а также кооперацией труда, взаимовыручкой, совместной охраной территории. Так постепенно зарождается *семья* уже в современном понимании.

Общины — объединения нескольких групп людей, связанных взаимными браками, кооперацией труда и общей территорией.

На смену бродячему образу жизни приходил оседлый. Однако в эпоху огородничества он не стал еще главной чертой жизни. Используя под огород один участок земли и истощив почву, люди бросали его и перебирались на новое. А поскольку земля истощалась быстро, то на одном месте община задерживалась всего на несколько лет.

Таким образом, *огородничество* — переходная форма от добывания из природы готовых продуктов (диких растений) к систематическому и интенсивному возращиванию окультуренных злаков. Небольшие огороды со временем уступили место обширным полям, примитивные деревянные мотыги — деревянному, а позже железному плугу.

В культурном отношении вождество представляет начальный этап длительного процесса разложения некогда единой (ученые говорят: синкретичной) культуры на народную и элитарную. Носителями и субъектами элитарной культуры, материальные

артефакты которой археологи обнаруживают в богатых захоронениях, выступали вожди и бигмены. Культурная дифференциация прослеживается также антропологами, но уже не по захоронениям, а по господствовавшим в отдаленную эпоху обычаям угощения. Полинезийские вожди устраивали пышные застолья, демонстрируя подданным свою власть и материальное могущество.

Такой обычай получил наименование *потлача* — архаического обмена сакральными предметами. Он представляет собой празднество, во время которого режут скот, уничтожают орудия труда, лодки, ковры, деньги, домашнюю утварь. Европейские наблюдатели, впервые столкнувшиеся с этим обычаем, посчитали его признаком дикости, бескультурия. Однако Б. Малиновский, первым давший ему научное объяснение, указал на другую, прагматическую функцию обычая: он удостоверяет бескорыстие жертвователя, демонстрирующего, что для друзей ему ничего не жаль.

«Потлач представляет собой важный и торжественный праздник, при котором одна из двух групп с большой помпой и разнообразными церемониями одаривает другую щедрыми дарами... Другая сторона обязана через какое-то время устроить ответный праздник и превзойти соперницу... Рождение, брак, инициация юношей, смерть, татуирование, установка намогильного памятника — все служит поводом для потлача», — описывает Й. Хейзинга этот обычай⁹.

Достаточно подробно потлач как ритуальное угощение первобытного коллектива со стороны вождя или бигмена описал М. Мосс¹⁰. Мосс видит в основе института потлача заботу о поддержании и повышении престижа племени. Обычай дарообмена и коллективного угощения был органично вплетен в существовавшую систему власти и распределения статусов. Вожди ранжируются отдельно — среди других вождей. Ранг определяется через механизм престижных церемоний, включающих сравнение вождей по объему собранного урожая и раздаточного угощения (кула). Власть на островах, как правило, наследуется.

Дары и угощения могли способствовать установлению дружеских отношений и мира. Но такого рода гостеприимство было недалеко от агрессивности: туземцы подчас вовсе не стремились доставить удовольствие тем, кого они одаривали и угощали, — напротив, они всеми возможными средствами старались их унижить, подавить своей щедростью. Угощение было сопряжено здесь с соперничеством и легко могло перейти в открытую борьбу. Потлач и был одной из форм борьбы между вождями за престиж и социальный статус. Рождение наследника вождя, женитьба

влиятельного человека племени, спор между двумя претендентами на пост вождя — все эти события отмечались потлачем, торжественно, с речами и возбужденными восклицаниями.

В Полинезии по известным дням, часто во время ритуальных торжеств, как, например, церемония сбора первых фруктов, люди из года в год преподносили часть своего урожая в подарок вождю через его представителей. Подарок попадал к вождю, но лишь после того, как проходил все ступени существующей иерархии. Вождь, будучи обязан делиться со своим родом, в свою очередь устраивал празднества и пиры для народа, возвращая таким образом большую часть того, что им было получено.

4.9. Сложное вождество Кахокиа

Культура Миссисипи в период 500—1300 гг. н.э. покрывала весь восток США от Миссисипи до Атлантики. Она не имела письменности и все данные исследователи получают из археологических раскопок, прежде всего из могильных курганов и захоронений, которые содержат множество церемониальных предметов и изображений¹¹.

Население Миссисипи было земледельческим. Главная сельскохозяйственная культура — кукуруза. Каждое хозяйство имело большие ямы—хранилища для урожая, а его излишки позволяли содержать знать и население крупных и мелких городов. Миссисипцы выращивали и несколько видов овощей. Вторым после продуктов сельского хозяйства источником пищи была рыба. Они также занимались охотой. Основной единицей экономической структуры было натуральное хозяйство, представлявшее одну или две жилых постройки и нескольких больших ям для хранения продуктов. Их занимала семья в среднем из 4—7 человек. Иногда отдельные хозяйства объединялись в деревни с обязательным центром для собраний местных жителей и проведения религиозных церемоний. Следующей ступенью были мелкие города с курганами, наличие которых означает присутствие представителей правящей элиты в этом поселении, а значит, и более насыщенную религиозную и политическую жизнь. Эти поселения уже могут считаться центрами власти, в них также было больше нежилых и культовых сооружений, вроде парилок (*sweatlodge*).

По типу социополитической организации культура Миссисипи представляла собой вождество или сложное вождество. Территориальным центром являлся Кахокиа, один из крупнейших го-

родов в XIII в., расположенный к северу от Мексики. В то время его население приближалось к 10–20 тыс. человек. То был крупнейший религиозный и политический центр культуры Миссисипи. Ученые нашли здесь 104 кургана, самый большой из них — курган Монкс, имеет основание 291×236 м и высоту 30 м. Курганы использовались не только для постройки храмов, но и резиденцией правителей и элиты. Кахокия окружали густонаселенные деревни и маленькие города с курганами и другими нежилыми постройками, селения без курганов с одной или двумя нежилыми постройками, наконец, отдельные хозяйства.

Крупные поселения Миссисипи обносились укрепленным частоколом, а иногда и рвом. Постройки из глины группировались вокруг главной площади, имевшей прямоугольную форму и окруженную курганами. Дома знати и правителей располагались на курганах. Простые жители обитали в небольших прямоугольных или округлых домах, покрытых тростником и установленных на сваях, что особенно важно для постоянно затапливаемого района. Под многими домами находились погребения.

Могильные курганы предназначались для захоронений знати. При раскопках одного из них внутри была обнаружена погребальная камера конической формы из кедровых бревен с большим количеством ценных предметов, имевших в том числе и церемониальное предназначение.

Главному вождю подчинялись вожди меньших курганных центров (возможно, его родственники), которые контролировали деревни и хозяйства. Они поставляли в столицу продовольствие и товары, содержали на свой счет столичную бюрократию.

Стоит отметить резкое имущественное расслоение миссисипского общества: тогда как в захоронениях знати и правителей находят большое количество ценных и прекрасно изготовленных артефактов, захоронения рядовых членов вождества достаточно бедны.

Во главе вождества стоял предводитель — вождь, сочетавший функции главнокомандующего, судьи и верховного жреца. Возможно, что фигура вождя обожествлялась, а его символом служило солнце. У племени натчез, которое рассматривается учеными как возможные потомки миссисипской культуры, вождя называли «братом солнца». Вероятно, клан вождя был правящей элитой, и другие важные должности в обществе занимали его родственники и люди, принадлежащие к тому же клану.

Символом власти вождей являлись также сокол и крест, заключенный в круг, или крест, в середине которого горит огонь.

Причем круг может иметь солнечные лучи, вероятно, изображая солнце. Возможно, это символы солнца и/или четырех сторон света. Вожди часто изображались в одежде сокола и со специфической раскраской на лице, имитирующей окраску головы сокола. Символика, связанная с соколом и вождем, имела военный смысл. На одном из сохранившихся изображений вождь одет в наряд сокола, он держит в руках крест и голову поверженного врага.

Современные ученые не знают наверняка, какие нынешние племена являются потомками представителей культуры Миссисипи, так как никаких прямых связей с предшественниками у них не прослеживается. Она исчезла еще до прихода на материк первых европейцев.

* * *

Подведем некоторые итоги. Переходной формой от простого к сложному обществу служат вождества. Их еще называют протогосударственными образованиями (другие термины: предгосударство, раннее государство) за то, что там уже существовало имущество, неравенство людей (социальная дифференциация), но еще не появились классы, сословия и касты.

Социальное устройство, при котором нельзя говорить о стратификации больших социальных групп людей по слоям, расположенным на шкале неравенства сверху вниз, из-за малой численности населения, но шкала неравенства все-таки существует, а ее ступеньки заполняются малыми группами либо отдельными индивидами, в науке называют ранжированным. Каждую ступеньку-ранг занимает ограниченное число индивидов.

Вождество — иерархически организованный строй людей, в котором отсутствует разветвленный управленческий аппарат, выступающий неотъемлемой чертой зрелого государства. По численности вождество представляет крупное объединение, как правило, не меньшее, чем племя. Вождества могут перерастать непосредственно в раннеклассовые общества и ранние государства, но могут также длительно консервироваться и даже регрессировать.

Глава 5. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Неолитическая революция считается самой величайшей революцией в истории человеческого общества. С ней не сравнится никакая другая, хотя освоение космоса и достижения электроники часто называют важнейшими революциями в истории человечества. На самом деле, полагают археологи и этнографы, никакие открытия последних 10 тыс. лет не идут ни в какое сравнение с тем грандиозным скачком, который совершило человечество благодаря одной из самых разумных революций — приручению животных и окультуриванию растений. Распространение земледелия считается вторым после искусства добывания огня величайшим достижением человечества. Неолитическую революцию обычно сравнивают с промышленной революцией XVIII–XIX вв., которая привела к смене феодального строя капиталистическим. Считается, что неолитическая революция имела даже более грандиозное влияние, чем промышленная. Ведь первая породила классовое общество, а вторая сменила один классовый строй другим.

5.1. Скачок в эволюции

За последний миллион лет было не менее шести ледниковых и межледниковых периодов. Похолодание привело к образованию четко обособленных климатических зон, границы которых были подвижными и зависели от продвижения или отступления ледников.

Как ни странно, именно на ледниковый период приходится максимальный прогресс в эволюции человеческого рода. С ним совпадают по времени быстрая эволюция приматов и появление на сцене человека. Культура и жизнедеятельность человека сыграли в этот период столь важную роль, что вся четвертичная система обозначается так же, как антропоген, т.е. «век человека». Для деления

антропогена на части применяются понятия, заимствованные из археологии. Так, европейский плейстоцен принято называть *палеолитом* (древним каменным веком), а голоцен порой разделяется на *мезолит* (средний каменный век) и *неолит* (новый каменный век).

Неолит, или новый каменный век, — эпоха, характеризующаяся применением каменных орудий и земледельческим хозяйством, — в отличие от палеолита и мезолита, когда основными видами человеческой деятельности были охота, рыболовство и собирательство. В число элементов материальной культуры неолита кроме остатков культурных растений и домашних животных входят шлифованные кремневые орудия и керамика. Следы древних поселений человека, умевшего владеть луком, изготавливать глиняную посуду и шлифовать топоры, обнаруживаются по всей Сибири. Главная особенность неолита — переход части мобильных групп охотников-собирателей к оседлому образу жизни с элементами приусаивающей и производящей деятельности.

Термин «неолитическая революция» в научный оборот ввел английский археолог Г. Чайлд (1892–1957). Он и его последователи видели в неолитической революции качественный скачок, поворотный момент в истории человеческого общества. **Неолитическая революция** — рождение земледелия и скотоводства. Эти новые занятия были делом мужчин. До неолитической революции человек в определенном смысле еще не выделился из животного мира: как и животные, он пользовался имевшейся в природе растительной пищей или подобно хищникам убивал и ел других животных. Производства как такового не было, поэтому говорить о труде, производительности труда до неолитической революции можно лишь условно. Революция заключалась именно в том, что с появлением земледелия и скотоводства человечество перешло от добывающего к производящему хозяйству: мотыжному земледелию и отгонному скотоводству. И это стало решающей предпосылкой перехода к цивилизации.

Промышленная революция длилась 100 лет, а неолитическая — в 100 раз дольше. Если учесть, что история первобытного общества началась 2 млн лет назад, то неолитическая революция заняла $\frac{1}{700}$ ее часть. Феодалное общество существовало в Европе 1200 лет (с V по XVII в.), значит, промышленная революция занимает $\frac{1}{12}$ ее часть. Таким образом, промышленная революция длилась, в сравнении с продолжительностью породившего ее способа производства, в 58,3 раза дольше, чем неолитическая революция. Иначе говоря, если условиться, что первая длилась один «час» от феодального «дня», то вторая составляла всего одну «минуту» от «дня» первобытной истории.

Переход к земледелию продолжался очень долго. Гораздо дольше, нежели переход к машинной технике. Специалисты подсчитали, что он продолжался 3 тыс. лет. Столько длилась первая мировая революция — неолитическая.

Следует отметить, что археологические эпохи, в частности палеолит, формировались на планете с разной скоростью и продолжались в разных регионах Земли неодинаковое время. Скажем, австралийские аборигены и сегодня живут в древнем каменном веке, т.е. в палеолите. То же самое происходит и с неолитом. В общем и целом неолит охватывает хронологические рамки 8–3 тыс. лет до н.э., но в разных регионах планеты его границы могут существенно различаться. Так, например, поселения неолитического периода на Восточном Средиземноморье датируются периодом 9–6 тыс. лет до н.э., а в Саратовской области неолит охватывает сравнительно небольшой период с 5 по 3 тыс. лет до н.э. В то время как на реке Хопре в Поволжье обитали племена еще эпохи позднего мезолита, жившие в VII–VI тысячелетии до н.э., на Ближнем Востоке 6 тыс. лет до н.э. уже закончился неолит. Эпоха неолита, нового каменного века, на территории Тюменской области началась в конце V тысячелетия до н.э. В Крыму неолит продолжался с VI по V тысячелетие до н.э.

А если рассматривать вопрос в очень широкой плоскости, т.е. с точки зрения тех исторических задач, которые поставила неолитическая революция, а не просто археологических эпох, то может оказаться, что и в XVII в. в России не был завершен этот глобальный процесс. Довольно высокоразвитые народы Центральной и Южной Америки, по всей вероятности, не умели обрабатывать металлы (и уж во всяком случае не знали железа) и оставались в неолите до XVI в., т.е. до начала испанской колонизации.

Таким образом, неолитическая революция независимо от того, в какое время она наступила и сколько продолжалась, в содержательном плане подразумевает период перехода от присваивающего труда (собирательство, охота) к производящему труду (земледелие, скотоводство, рыболовство), от бродячего к оседлому образу жизни.

Для неолита лесной зоны важным видом хозяйства становится рыболовство. В эпоху неолита Восточнее Урала до Енисея жили полуседлые рыболовы и охотники Западной Сибири, причем в долине Оби и к западу от нее роль рыболовства, вероятно, поднималась до уровня ведущего занятия. На Енисее, у Красноярска, они соприкасались с лесными охотниками и рыболовами Прибайкалья, в жизни которых охота имела решающий перевес. В тундре и лесотундре Восточной Сибири, на Таймыре, за Полярным

кругом бродили охотники на северного оленя и рыболовы Арктики. Активное рыболовство способствовало созданию определенных запасов, что в сочетании с охотой на зверя давало возможность жить на одном месте круглый год. В эпоху неолита человек стал изготавливать материал, природе неизвестный, — керамику. Посуда производилась вручную из глины (со значительными примесями песка или толченой ракушки) и обжигались в кострах. Изготовление керамики сыграло огромную роль в развитии производящего хозяйства и способствовало укреплению оседлости. Период заканчивается с переходом к производящему хозяйству неолита, основанному на скотоводстве и земледелии.

Обработка почвы в неолите оказала такое существенное влияние на жизнь человека, что ученым пришлось говорить о неолитической революции в истории человечества. Сознательное выращивание растений создало условия для развития общества, что привело к появлению первых цивилизаций (к III тысячелетию до н.э.). Наличие больших деревень и небольших поселений на их периферии указывает на разделение территории между общинами, занимавшимися земледелием, и внешним миром охотников-собирателей, обитавших в горах и пустынях.

В эпоху неолита орудия из камня уже шлифовались и сверлились, появились глиняная посуда, прядение и ткачество. В этот период человек изготавливал каменные орудия из серпентина (змеевика), роговой обманки, гранита, сланца, кремнёвого сланца, кремня, обсидиана и других минералов. Очень многие каменные орудия сглажены и отшлифованы, в этом их значительное отличие от каменных орудий палеолита, на поверхности которых всегда были видны следы оббивки. В те далекие времена камень был дороже золота: сознательно обработанный человеком, он служил орудием и оружием, облегчал борьбу за существование.

Примерно 10 тыс. лет назад, когда планета оказалась переполненной охотниками и собирателями, начался *первый глобальный продовольственный кризис*. Это случилось в конце каменного века. Примитивные орудия труда, известные охотникам и собирателям, позволяли вести только экстенсивное хозяйство. При нем дополнительная продукция получается только за счет расширения или захвата новых территорий.

Хотя численность первобытных людей не превышала 5–6 млн человек, но вследствие того что сырьевая база одной группы была очень большой и становилась еще больше по мере истощения природных ресурсов, свободного пространства на Земле становилось все меньше и меньше. Планета оказалась перенаселенной.

Возникла объективная надобность перехода от экстенсивного способа хозяйствования к интенсивному, при котором больше

продукта получают с той же территории благодаря более совершенным орудиям труда и его организации. *Выход из тяжелого кризиса* человечество нашло в переходе от собирательства сначала к огородничеству, а затем к земледелию.

Обработка почвы началась около VIII тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке (Турция, Ирак, Иран, Сирия, Иордания и Израиль), в области «плодородного полумесяца». Произошел переход от огородничества к земледелию. Жители этой части Земли стали первыми в мире земледельцами и пастухами. Древние жители Среднего Востока, пионеры в производстве продуктов, обогатили свое питание и добавили к повседневному рациону домашнюю пищу (пшеницу и ячмень, овец и гусей). Сотни тысяч лет до этого люди полагались на дикую пищу и щедрость природы.

Благодаря обработке земли людям эпохи неолита удалось впервые в истории приспособить естественную среду обитания к собственным потребностям. Люди каменного века были неразрывно связаны с природой и зависимы от нее, поскольку потребляли только естественные продукты. В эпоху неолита возникает уже производящее хозяйство. Достижения в хозяйственной жизни — получение излишков продовольствия, появление новых видов орудий труда и строительство оседлых поселений — делали человека относительно независимым от окружающей природы.

В период неолитической революции, продолжавшейся около семи тысячелетий, были заложены материальные и духовные основы культур Месопотамии, Египта, Китая, Японии и древней Америки. Коренное изменение материальной, художественной и религиозной сторон жизни людей произошло после появления письменности в Месопотамии и Египте к III тысячелетию до н.э.

Другая линия эволюции шла от охоты к скотоводству (пастушеству). Для многих обществ она оказалась тупиковой, поскольку и сегодня на планете встречаются отсталые пастушеские племена, так и не перешедшие к цивилизованному образу жизни. Правда, большинство скотоводческих обществ вступило на современную фазу развития, но сделало это позже земледельческих обществ. Одомашнивание диких животных привело к появлению пастушеского (или скотоводческого) общества и способствовало развитию земледелия.

Составной частью неолитической революции явилась революция domestikации — *domestication revolution* (рис. 25), которая заключается в приручении диких животных и окультуривании диких растений ради хозяйственных нужд человека, в результате чего на свет появились два типа общества: огородническое (*horticultural*) и пастушеское (*pastoral*).

Рис. 25. Революция доместикации

Революция доместикации представляет собой первый и самый крупный в истории человеческого общества процесс преобразования дикой природы. Он растянулся на несколько тысячелетий, в результате чего человеческое общество успело изменить свою структуру, тип стратификации, создать письменность и цивилизацию, построить города и перестроить систему социальных отношений. Ее результатом следует признать также изменение исторического типа адаптации человечества — отныне оно не просто приспосабливалось к данным природой условиям, в том числе пищевым запасам и ресурсам, а стало их рационально контролировать, производить и воспроизводить.

Заселив в верхнем палеолите континенты, отличавшиеся друг от друга своими природными ресурсами, люди оказались в неравных для развития общества условиях. Факторы окружающей среды могли не только ускорять или замедлять этот процесс, но и направлять его. Так, в основе экономики ближневосточных цивилизаций было возделывание пшеницы, ячменя, гороха, чечевицы, а также разведение коз, овец, свиней и крупного рогатого скота. Были одомашнены собаки, лошади, верблюды. В Америке животных, подходящих для domestikации, оказалось значительно меньше. В основном это были ламы, утки, индейки и пчелы. Но domestikация вообще никогда не играла существенной роли в Новом Свете. Среди же выращиваемых здесь культурных растений можно выделить маис, бобовые и тыквенные. Всего возделывалось не менее 20 съедобных культур, удвоивших впоследствии земледельческий потенциал мира¹.

На смену революции domestikации пришла вторая революция — *аграрная* (*agricultural revolution*). Обе они входят в состав более широкого понятия — неолитическая революция, выступая двумя последовательными этапами. Аграрная революция вызвана появлением земледелия и переходом от бродячего образа жизни к оседлому, зарождением крупных стационарных поселков, сменивших временные лагеря охотников и собирателей. На смену мотыге и палке-копалке — основным орудиям труда в огородническом обществе пришел запряженный плуг и появилась новая технология обработки земли — пашенное земледелие. Они вызвали небывалый рост производительности труда, а вслед за тем прирост прибавочного продукта, его концентрацию в руках немногих, социальное неравенство, образование классов, высвобождение части производственного времени на цели досуга и, как следствие, развитие культуры, искусства, науки и образования. Субъектами этих «непроизводительных занятий» стали лица свободных профессий, в том числе артисты, поэты и художники, и представители праздного класса — зажиточные и богатые слои населения, не занятые физическим трудом.

Повышение производительности труда привело к росту численности населения и обострило борьбу за источники питания и источники богатства. Элита общества, составлявшая меньшинство населения, сосредоточила в своих руках большинство богатств общества и держала остальную часть общества «на расстоянии» при помощи репрессивных механизмов подавления — армии, полиции, судов. Для их прокормления требовались огромные источники добавочной стоимости, которые были тем шире, чем боль-

ше расширялась территория государства и росла численность подданных. Древневосточные империи представляют собой образец авторитарных режимов, в подчинении которых находились огромные армии, совершавшие бесконечные набеги на соседей и завоевательные походы в другие страны.

В конце древнего каменного века люди заселили почти всю покрытую растительностью поверхность Земли, за исключением полярных областей и некоторых островов в южных широтах. Обрабатывать почву начали в зависимости от удаленности территории от ледников. Период таяния льда, т.е. конец палеолита, продолжался тысячелетия. В приграничных районах оно началось еще на рубеже XI—X тысячелетий до н.э., но уже через 2 тыс. лет ледник отступил из Центральной Европы. Скандинавия освободилась ото льда к VI тысячелетию до н.э. К северу передвинулась и граница тундры, за ней — граница хвойных и далее — лиственных лесов. Очагом неолитической революции, таким образом, стали самые удаленные от ледника области на Ближнем Востоке, в Месопотамии, Египте и Восточном Средиземноморье.

Обработка почвы началась около 8 тыс. лет до н.э. на Ближнем Востоке, в области «плодородного полумесяца», ограниченной отрогами горных цепей Загроса и Тавра и реками Тигр и Евфрат. Почти одновременно обрабатывать почву стали в Восточной Азии, Мексике и Перу. Британский ученый Г. Чайлд считает причиной зарождения земледелия изменение климата в конце ледникового периода: люди расселялись в пригодных для жизни районах, концентрация людей и недостаток продовольствия способствовали началу обработки почвы. Некоторые исследователи, например Р.Дж. Брейдвуд (1960), полагают, что климатические условия не играли столь значительной роли, так как раньше всего земледелие зародилось там, где длительное время сосуществовали рядом люди и животные.

5.2. Доместикация животных

Приручение диких животных — процесс доместикации — происходил одновременно с тем, как исторически эволюционировала первобытная экономика и человечество переходило от одного способа производства к другому. Как мы помним, самым древним хозяйственным укладом на земле были охота и собирательство. Они появились 40—100 тыс. лет назад. Вряд ли тогда человек, занятый еще собственным эволюционным совершенствованием,

улучшал и изменял породу зверей. На смену первому укладу пришли два вторых — скотоводство и земледелие. Случилось подобное 8–10 тыс. лет назад. С этого момента человек стал приручать диких животных, выводя домашние породы.

Какие же животные самые первые стали домашними? Однозначного ответа у археологов нет. Согласно одним данным это были коза и овца, стада которых 10 тыс. лет назад паслись на холмах Малой Азии (современная Турция). По другим сведениям ими стали собаки, т.е. одомашненные волки. В предках собаки прежде числилось три вида диких зверей — волк, шакал и американский койот. В последнее время подробное изучение поведения собаки, ее черепа и зубов, мозга, белков крови и других физиологических особенностей убедило ученых, что предком собаки был только волк.

Как бы то ни было, но те и другие нужны были человеку для хозяйственных нужд: собаки нужны для охранных целей, а парнокопытные являлись теми, кого охраняли. Собаки служили часовыми, транспортными средствами, помогали охотиться на буйволов и мастодонтов.

Новые исследования показали, что собаки жили вместе с людьми еще в каменном веке, вместе с человеком они пересекли Берингов пролив и заселили Новый мир. Скорее всего, собаки (*Canis familiaris*) были приручены в Восточной Азии в эпоху палеолита, примерно 15 тыс. лет назад. Жителям региона удалось вывести волков (*Canis lupus*), лишенных агрессивности. Такой вывод сделал П. Саволайнен, биолог Королевского технологического института (Стокгольм), сравнив гены собак и волков, живущих в различных регионах мира. В Китае, Таиланде, Камбодже, Тибете, Корее и Японии больше уникальных генетических типов собак, чем в Европе, Западной Азии, Африке и арктической Америке.

Как показали генетические исследования, проведенные группой ученых во главе с Дж. Леонард, биологом Национального музея естественной истории (Вашингтон), 12–14 тыс. лет назад собаки как минимум пяти различных генетических семейств вместе с человеком перешли из Сибири на Аляску, а потом дальше на юг по двум американским континентам. Ученые изучили ДНК собак, останки которых найдены в Мексике, Боливии, Перу и на Аляске. По своей генетической структуре американские собаки ближе к евразийским собакам и волкам, чем к американским серым волкам². Раньше считалось, что первые собаки появились на Ближнем Востоке. Эти данные строились на немногих

известных фактах археологических останков собак, самые древние из которых были найдены именно там. Но генетика показала, что только на опыте археологии нельзя уверенно говорить и делать выводы о реальной истории.

Собаки, появившиеся в Старом мире, прибыли в Новый мир с мигрирующими людьми. Таким образом, даже прежде чем развивалась торговля, люди распространили по миру собак. Исследователи все еще пока не знают, как и почему люди одомашнивали собак, но скорость, с которой стали размножать и выводить новые породы собак, указывает на то, что они являлись очень важными для людей даже тех эпох. Вполне возможно, что основным преимуществом было использование собак на охоте и в качестве охраны жилищ.

По словам Леонард, если собаки были приручены 15 тыс. лет назад, значит им удалось распространиться по всем трем континентам всего за несколько тысяч лет. В это время люди были охотниками-собираателями и жили относительно изолированными группами. Дж. Слаттон-Брок, специалист Лондонского зоологического музея, считает, что собаки появились не 15, а 7 тыс. лет назад. Тем не менее собаки и люди жили вместе задолго до этого, где-то 40 тыс. лет назад.

Этого времени хватило для того, чтобы человек и собака научились хорошо понимать друг друга. Исследования, проведенные лабораторией Б. Хэйра, показали, что собаки понимают, когда человек сообщает им, где спрятана пища, лучше, чем шимпанзе или выросшие в неволе волки. Шимпанзе и волки что называется не терлись бок о бок целыми тысячелетиями по соседству с человеком, а значит не сотрудничали, не учились уступать, прислушиваться, служить и тем самым зарабатывать себе пропитание. Одним словом, дикие животные не прошли путь социализации к человеческому сообществу. Собаки же эволюционировали вместе с людьми, а потому научились понимать человека. Вот почему мы можем сделать принципиально важный вывод: *одомашнивание* — с антропологической и социологической точек зрения — представляет собой *исторически длительный процесс социализации диких животных, в ходе которого они не только адаптируются к искусственной среде, но и меняют свою морфологическую структуру.*

И волки и люди — социальные животные со сложными отношениями в группе и, анализируя их, они могли перенять поведение друг у друга, говорят П. Такон и К. Пардо. Особенно на Австралийском континенте. Дикая собака Динго появилась приблизительно 4 тыс. лет назад. Но имеются человеческие рисунки

собак, которые принадлежат более раннему периоду времени. Эти рисунки показывают степень симбиоза собак с людьми. Те собаки жили непосредственно с человеком. Они мутировали из числа наиболее слабых волков, которые не могли выдержать конкуренцию с более сильными сородичами на воле и прибились к человеческому жилью. Возможно, они специализировались на подборе падали, валявшейся вокруг человеческих лагерей и пещер, собирая остатки пищи и кости. Позже конкуренция между собой заставила первых собак еще больше приблизиться к человеческому жилищу, чтобы собрать остатки пищи. В конце концов они просто совсем перебрались к человеку и стали ручными. Дом человека стал их домом. Таким образом, скорее собаки выбрали нас, чем мы их³.

А вот дикие кошки проходили исторический путь социализации иначе. Они — существа одинокие и не ходят подобно собакам стаями. Антропологи считают, что кошка незвано явилась к человеческому очагу. Люди не прогоняли кошек прочь и даже полюбили особенно смелых из них — не испытывающих перед ним страха и желания угодить. Уже позже человек смог оценить помощь кошки в борьбе против ненасытных полчищ крыс и мышей. Итак, из собак первыми «притулились» к человеку самые слабые особи, среди кошек — самые сильные.

На основании археологических свидетельств, полагают некоторые антропологи, можно заключить, что собаки были одомашнены первыми, поскольку вначале люди вели кочевой образ жизни и занимались преимущественно охотой, а собак можно было легко водить с собой и они помогали охотиться. Таким образом, domestикация волков потребовалась сразу двум хозяйственным укладам — охоте и скотоводству, а потому была произведена на стыке двух эпох.

У домашней свиньи тоже древняя история: приблизительно за 8 тыс. лет до н.э. свиней уже разводили народы, населявшие в то время Крым. И в других странах, например в Восточной Азии, были приручены дикие свиньи, но, очевидно, немного позднее. За 6,5 тыс. лет до н.э. в Греции уже были стада домашних коров. В Малой Азии найдены их останки, которые относятся к более поздней эпохе.

Группа непарнокопытных дала двух домашних животных: осла и лошадь. Осел приручен немного раньше лошади: в IV тысячелетии до н.э., в долине Нила. Лошадь — сравнительно молодое домашнее животное (вопреки прежним представлениям). Она была, как теперь полагают, приручена в южнорусских степях око-

ло 5 тыс. лет назад, а в других регионах планеты это могло произойти и раньше.

Парнокопытные — своего рода чемпионы. От них получилось больше всего домашних животных. Это козы, овцы, коровы, свиньи, верблюды и их американские родичи — ламы и альпаки. Обе разновидности верблюдов — азиатский двугорбый и африканский одногорбый — произошли, очевидно, от дикого центральноазиатского двугорбого верблюда. Около 7 тыс. лет назад в Китае и Таиланде были одомашнены собака, свинья, буйвол, козы и овцы.

Все домашние животные, кроме собаки и кошки, снабжали человека мясом. Это были запасы мяса на копытах — мобильные «холодильники» эпохи неолита. Собака сопровождала человека на охоте и помогала найти домашних животных — как сбежавших, так еще не прирученных.

Мир пернатых дал человечеству таких домашних животных, как голуби, гуси, утки, мускусные утки, индейки, куры и цесарки. Отряд грызунов дал наименьшее число домашних животных: одну лишь морскую свинку. Ее приручили индейцы инки. Разводили на мясо и как жертвенное животное при религиозных обрядах. Из отряда зайцеобразных одомашнен тоже только один зверек — всем известный кролик. Родина его предков — Северная Африка и юго-запад Европы.

Птицеводством мы обязаны индусам — именно в Индии 3 тыс. лет назад, по мнению ученых, зародилось эта отрасль животноводства. Первой одомашненной птицей стала курица. Культура разведения кур распространилась впоследствии в Персии, после этого в Египте, откуда она пришла и в Европу. Гуси и утки были одомашнены позднее, а индейки и вовсе попали в Европу только в XVI в. (первоначально они были одомашнены в Америке). Неприязательность кур и многие полезные качества куриного мяса предопределили ведущую роль, которую играют эти птицы в мировом птицеводстве. Сегодня на куриное мясо приходится 86% от общего производства мяса птицы в мире (в цифровом выражении это более 57 млн т курятины в год). Все это «хозяйство» произошло от банкивского петуха — дикой птицы, живущей в джунглях Юго-Восточной Азии.

Третий хозяйственный уклад, земледелие, появился либо одновременно с пастушеством, либо чуть позже него. Для его нужд потребовалось приручение кошки. Собака, корова и овца были одомашнены человеком много тысяч лет тому назад, еще в ту пору, когда люди вели кочевой образ жизни. Кошка же попала в поле зрения людей значительно позже, когда они осели на постоянном месте, растили зерновые культуры и имели запасы продовольствия.

Не сразу кошки и люди стали жить в согласии; в древности человек охотился на них, чтобы добыть себе мясо на пропитание и шкурки для одежды. Только когда люди заметили, как ловко кошки расправляются с грызунами, они по достоинству оценили это чудесное животное. Возможно, в ту пору людям казалось, что раз кошки могут справляться с полчищами крыс и мышей, значит они — божественный дар, посланный с небес. И человек начал приручать кошку, взял ее в свое жилище — так постепенно из дикого зверя кошка превратилась в милое домашнее животное. Это произошло примерно 5 тыс. лет назад, намного позднее, чем были приручены овцы, коровы и собаки.

Ни одно домашнее животное за всю историю своего существования не вызывало столь противоречивых суждений, как кошка: ее почитали как божество, ценили как врага мышей и крыс, преследовали как дьявольское отродье, затем оправдали и стали считать наравне с собакой лучшим другом семьи. Однако многие предубеждения против нее живут и поныне.

Домашняя кошка — не только спутник земледельческой цивилизации. В известной степени она творец нового способа хозяйства. Разумеется, не кошке обязан человек переходом к земледелию, а объективным условиям. Но закрепиться ему помогла именно кошка. Каким образом, спросите вы? Она ела мышей, которые съедали зерно.

Итак, не будь кошки, человечество не знало бы, что такое земледелие. А не будь его, не было бы государства, классов, городов, цивилизации. Человечество осталось бы на уровне каменного века. Ведь живут же современные бушмены Африки и аборигены Австралии в эпохе мезолита.

Правда, есть специалисты, опровергающую общепринятую точку зрения. Действительно, если первые сведения о домашней кошке относятся к IV—III тысячелетию до н.э., а к земледелию человечество начало свое восхождение 10 тыс. лет назад, то выходит, что около 5 тыс. лет человек хранил зерно, спасался от грызунов, не прибегая к помощи кошки. Выходит, что в Месопотамии и в Египте зерно хранили еще, как минимум, за 4—6 тыс. лет до одомашнивания кошки.

Ответов существует несколько. Во-первых, переход к земледелию в разных регионах происходил в разное время, а потому в Египте он мог совпасть с процессом одомашнивания. К тому же на первых, самых примитивных стадиях зерна еще было не так много, чтобы можно было разгуляться мышам, которых, кстати сказать, тогда еще могла и не быть. Во-вторых, кошка, существо

свободолюбивое и независимое, могла жить около людей очень долгое время, как бы выбирая, подружиться ей с двуногим существом и какая ей от этого польза. Вполне могло случиться так, что процесс одомашнивания кошки в отличие от всех других животных носил не принудительный, а добровольный характер: кошка выбирала человека, а не он ее. А принять такое решение ее могли заставить объективные обстоятельства — поиск новой экологической ниши, куда ее выгнали более сильные конкуренты, сокращение лесных угодий в связи с развитием земледелия.

Самые древние останки домашней кошки найдены в поселках первых земледельцев 9-тысячелетней давности. Вокруг этих поселений все испещрено ходами грызунов. Мыши и крысы уничтожали хлеб — и немало. Даже сейчас в Англии ежегодно 5 крыс съедают столько же зерна, сколько хватит человеку на целый год. Грызуны приносят вред и посевам. К ядам они привыкают, мышеловки обходят. Страшнее кошки для них до сих пор никого нет. Значит, кошка тоже немало послужила человеку.

Тем не менее свидетельства о раннем приручении кошки не вполне достоверны. Поэтому более осторожные ученые считают, что по-настоящему домашней кошка стала приблизительно 4 тыс. лет назад. А до этого жила вблизи деревень на положении полудиком-полудомашнем. Ловила мышей, люди ее не преследовали, а подкармливали и постепенно приручали. И это приручение, как ни у одного домашнего животного, продолжалось тысячелетия⁴.

Первое упоминание об одомашненном крупном рогатом скоте относится к IV тысячелетию до н.э. Но только во времена древних империй животноводство получило распространение. Первоначально крупный рогатый скот служил источником молока и мяса. Позже волы и буйволы стали использоваться как вьючные животные, а еще позже — как тягловая сила для плугов и повозок. Сельское хозяйство получило важнейший, помимо человеческого труда, источник энергии.

Лошадь была одомашнена в степях Украины и Казахстана примерно за 2,7 тыс. лет до н.э. Ее сила и скоростные качества впервые открыли возможность для развития наземных перевозок. Лошади использовались прежде всего в военных целях, и лишь позже они заменили волов.

Овладение искусством верховой езды позволило создать боевую кавалерию. Кочевники обрели средство для внезапных конных набегов. В отличие от народов, занимавшихся земледелием, они не были привязаны к постоянному месту, и весь мир мог стать жертвой их завоевательных нашествий. Именно благодаря своей

мобильности конные кочевые народы на протяжении тысячелетий, оставаясь воинственными и появляясь всегда внезапно, вели тот образ жизни, какой был типичен для первобытных племен бродячих охотников и собирателей.

Вслед за одомашниванием вола были изобретены плуг и колесо. В Египте и Месопотамии землю пахали с помощью плуга еще за 3,4 тыс. лет до н.э. Этот способ оставался основным приемом обработки почвы на протяжении 5 тыс. лет. Примерно в III тысячелетии до н.э. к деревянным саням, в которые запрягали волов, прикрепили колеса. В дальнейшем соединение деревянного колеса и оси было приспособлено к различным вращающимся механизмам, приводимым в движение животным, водой или ветром⁵.

5.3. Окультуривание растений

Окультуривание растений означает превращение диких растений в культурные злаки. Уже при собирательстве началось изменение дикорастущих растений в ходе подрезки, орошения, удобрения и т.п., а также возникла охрана их от других племен и закрепление в качестве собственности. Древний человек давно заметил, что в отличие от других они являются съедобными растениями. Дикую пшеницу, оказывается, можно есть и просто так.

Советский ученый Н.И. Вавилов в свое время разработал и обосновал метод, по которому оказалось возможным определять центры происхождения растительных культур. Согласно проведенным им исследованиям выяснилось, что подавляющее большинство из известных культурных растений ведет свое происхождение всего из восьми очагов. Все они сосредоточены преимущественно в горных тропических и субтропических областях — это Анды, Гималаи, горные регионы Африки и средиземноморских стран, горный Китай. В сущности, только узкая полоса суши земного шара сыграла основную роль в истории мирового земледелия, делает вывод ученый⁶.

В районе «плодородного полумесяца» (рис. 26) произрастал злак с крупными зернами. Это была дикая пшеница. Она размножается, когда зрелые колосья раскрываются и из них выпадают зерна. Длинная и жесткая ось помогает им с помощью ветра улетать далеко от материнского растения и после падения на землю прочно закрепляться в почве. Этот способ размножения, естественный в природе, создавал древнему собирателю неудобства. Он либо должен был собирать незрелые колосья, либо терял много зерен

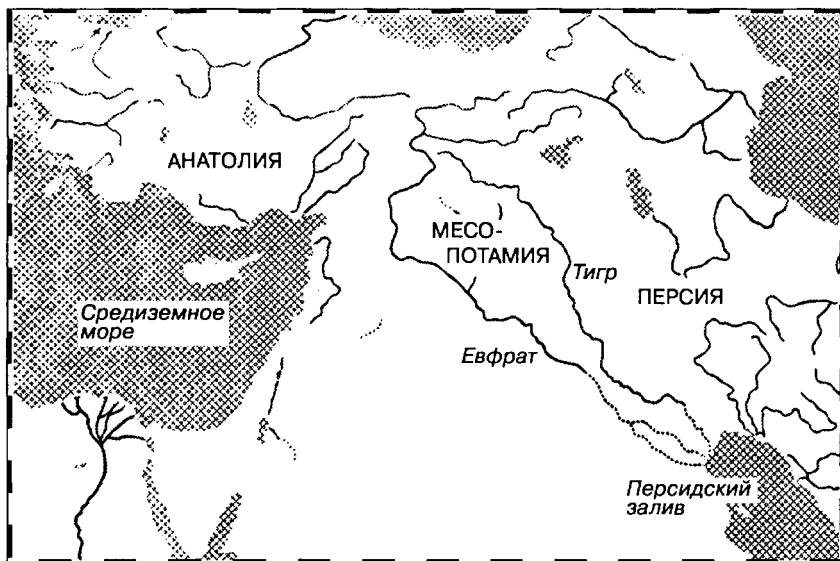

Рис. 26. Ближний Восток — родина земледелия

при сборе урожая. Вероятно, именно эти недостатки и стали причиной окультуривания пшеницы.

Первыми растениями, которые стали сеять люди, были пшеница и ячмень. Окультуренные растения настолько изменились по сравнению с дикорастущими, что выведенные сорта уже не могли произрастать без вмешательства человека. Опыты исследователя в области земледелия Д.Р. Харлана показали, что дикая пшеница отличалась такой густотой произрастания, что семья древнего собирателя за три недели работы могла собрать больше зерна, чем ей было необходимо на целый год.

И сегодня дикая пшеница в обильном количестве растет на холмистых склонах Ближнего Востока. Человек, работая по технологии неолита, без особых усилий может насобирать килограмм пшеницы. Дикорастущая пшеница быстро созревает, и урожай можно собирать с периодичностью в три недели. Семья опытных собирателей могла за эти три недели собрать достаточно пшеницы (около 1 т), чтобы питаться в течение целого года. Однако собрав пшеницу, ее надо было где-то хранить. Построили амбары. Их надо было охранять и долгое время оставаться поблизости от этого источника пищи. Так появился еще один стимул к оседлому образу жизни.

Когда урожай убирали в жилище, часть зерен, вероятно, теряли, и некоторые из них падали в плодородную почву, так как поселения обычно находились вблизи водоемов и вдали от гористой местности, где преимущественно произрастала дикая пшеница. Растения, взошедшие на следующий год, относились, как правило, к тому виду, который не мог разбрасывать зерна. Кроме того, они росли ближе к селению, поэтому их собирали в первую очередь. Постоянное повторение этого стихийного отбора привело к тому, что в конце концов самые большие и урожайные поля пшеницы оказались вблизи поселений. Так был сделан решающий шаг к обработке земли.

Иногда охотники и собиратели ухаживали за полезными растениями — пропалывали, подрезали, охраняли молодые побеги. Выкапывая съедобные клубни и корни, они прореживали густые заросли и перекапывали землю. Охотники и собиратели Юго-Восточной Азии умели даже пересаживать дикие клубнеплоды, аборигены Австралии иногда сажали косточки древесных и кустарниковых плодов, зерна злаков. Это касалось не только съедобных растений, но и таких, которые давали тень или отмечали границы общинных территорий.

Первыми растениями, которые окультурили примерно 8,8 тыс. лет назад в Китае, были рис и просо. Просо — высокое грубое травянистое растение, которое и сейчас растет в Северном Китае. Родиной его дикорастущего предка были безлесные районы в среднем течении Хуанхэ, где распространены лессовые почвы. Уже в начале III тысячелетия до н.э. в деревнях Северного Китая повсеместно выращивали просо. Эти поселения были довольно большими (в них иногда жили до 600 человек). Множество обнаруженных при раскопках хранилищ зерна свидетельствуют о высоком уровне земледелия. Просо, которым питается треть населения земного шара, в США используется в качестве корма для птиц.

Рис — важнейшую сельскохозяйственную культуру Китая — выращивают с конца III тысячелетия до н.э. Его дикая разновидность росла в субтропических районах Южного Китая. Доместикация же риса, вероятно, произошла в Южной Индии или Юго-Восточной Азии. Найдены подтверждения еще более ранней обработки почвы в Юго-Восточной Азии. В Таиланде были обнаружены семена культурных сортов фасоли и гороха, выращенных в VIII тысячелетии до н.э. Рис здесь возделывали, вероятно, на несколько тысячелетий раньше, чем в Китае.

В Америке — Мексике и Перу — среди первых растений человек окультурил кукурузу и картофель. В Мексике с ее разнообразными климатическими условиями и видами почв для этого были особенно хорошие предпосылки. В результате появилось несколько видов съедобных дикорастущих растений. Однако в Мексике они росли на обширных пространствах, поэтому в отличие от Ближнего Востока переход к оседлому образу жизни здесь произошел несколько позже. Первые развитые цивилизации в этом регионе сложились почти на 2 тыс. лет позже, чем в Месопотамии (к началу I тысячелетия до н.э.). В Центральной Америке важнейшим компонентом пищи была кукуруза. Первые находки, связанные с этим растением, относятся к периоду 5,2–3,4 тыс. лет до н.э. Еще раньше выращивали тыкву и бобы. Подтверждения существования земледелия в эпоху неолита в Америке были найдены в пещерах у Мексиканского залива южнее Рио-Гранде (около VII тысячелетия до н.э.).

Высокогорные районы Перу, богатые водой и животными, были заселены, вероятно, еще к XV тысячелетию до н.э. Наиболее древние находки, свидетельствующие о выращивании растений, датируют ранее 5600 г. до н.э. Особые климатические условия прибрежных областей Тихого океана не создавали благоприятных предпосылок для развития сельского хозяйства. Здесь хорошо росла только тыква. В этом районе растения систематически выращивали лишь с середины III тысячелетия до н.э., когда на Тихоокеанское побережье из внутренних районов континента проникла технология возделывания культур.

Так, почти во всех частях Старого Света стали культивировать пшеницу, ячмень, овес, чечевицу и горох; в Америке возделывали тыкву, авокадо, фасоль (бобы) и кукурузу; в Восточной Азии — миндаль, бобы, огурцы, горох, пшеницу и просо, которое вплоть до II тысячелетия до н.э. было в Китае важнее риса. Благодаря тому что пищи было достаточно, охотники меньше рисковали и гибли, они больше не убивали своих новорожденных (что неизбежно для выживания кочующих охотников). В результате существенно возросла численность населения. Часто людей на определенной территории становилось так много, что они не могли прокормиться, поэтому отдельные группы отправлялись на поиски новых мест.

Сегодня $\frac{2}{3}$ необходимых людям протеина и калорий дают хлебные злаки. В мировом рационе их процентный вклад ныне выглядит так: пшеница — 28%, кукуруза и маис — 27, рис — 25, ячмень — 10, другие злаки — 10%⁷.

5.4. Огородничество и фермерство

Охота и собирательство продолжалось сотни тысяч лет. Совсем недавно, по историческим меркам, человечество перешло к следующей стадии — огородничеству. Историки точно не знают, как давно это произошло. Зато им точно известно, когда на смену огородничеству пришла новая фаза развития — земледелие. Произошло это примерно 10–12 тыс. лет назад. Земледелие непосредственно выросло из огородничества — как его органичное продолжение. Разница между двумя укладами хозяйства невелика.

Примитивное фермерство, так еще называют раннюю фазу земледелия — огородничество, зародилось на Ближнем Востоке, а оттуда быстро распространилось в Западную Азию, Египет и Европу. Вначале человек окультурил дикую пшеницу и ячмень. Позже, примерно 7 тыс. лет назад, дошла очередь до садовых деревьев, риса и овощей.

Основу огородничества и примитивного фермерства составляет не земледелие, огромные поля и пшеница, а небольшие *огороды* и выращивание клубневых. По урожайности клубнеплоды примерно в 10 раз превосходят злаки и бобовые. Значит, для получения столь же высоких урожаев злаков и бобовых нужно было обрабатывать площадь в 10 раз большую, что требовало гораздо больших затрат. Выращивание злаков и бобовых быстрее истощало землю, чем разведение клубнеплодов, и это тоже усугубляло трудности. А с клубневыми вообще все было проще, например их не нужно было так тщательно охранять, как злаковые и бобовые. И убрать их было легче — меньше требовалось людей и их усилий: созревшие клубни могли месяцами храниться в земле, а злаки и бобовые нужно было убирать в короткие сроки⁸.

Но злаки и бобовые давали людям более сбалансированное питание. При таком питании люди скорее отказывались от образа жизни, продиктованного охотой и собирательством. Скорее, чем те, кто выращивал корнеплоды. Разной была и социокультурная обстановка, в которой совершался переход к земледелию. И это тоже влияло как на темпы, так и особенности перехода. В горах Мексики и Южной Америки земледелие зародилось в среде бродячих охотников и собирателей, в Сирии и Палестине, полагает В. Шнирельман, оно возникло у высокоразвитых полуоседлых охотников и собирателей, а в Юго-Восточной Азии — среди высокоразвитых племен рыболовов. В азиатских очагах становление земледелия сопровождалось одомашниванием животных, а в районах Нового Света домашних животных не было вовсе.

Переход к искусственному выращиванию зерновых произошел не сразу. Потребовался промежуточный этап, на котором чело-

вечество опробовало искусственное возвращение овощей. Таким образом, огородничество представляет собой как бы пробное, или пилотажное, исследование возможностей земледелия.

Земледелие органично выросло из огородничества, а потому и разница между двумя укладами хозяйства невелика. Л.Г. Морган определил ее так: «Огородничество предшествовало полевому земледелию, как (*hortos*) огород предшествовал полю (*ager*); и хотя последнее предполагает определенные границы, первое прямо означает “огороженное место”. Земледелие, однако, должно было быть древнее огорода; естественная последовательность такова: во-первых, обработка участков открытой наносной земли, во-вторых, огороженных мест или огородов, в-третьих обработка поля посредством плуга, влекомого силой животного»⁹.

При огородничестве трудятся вручную примитивными средствами труда. Иногда подобный тип хозяйствования называют **фермерством**. Культивирование корнеплодов соединялось с разведением рогатого скота. Постепенно от корнеплодов перешли к культивированию ячменя и пшеницы. Огородничество плавно перерастало в пашенное земледелие.

Огородничество еще больше расширило горизонт человеческих знаний. Помимо названия и районов произрастания растений древнему человеку надо было знать, как они растут, когда происходит у них цветение, когда надо их сажать, а когда собирать урожай, как необходимо приготовить землю, когда и как поливать, освобождаться от сорняков и многое-многое другое. Поскольку поселения стали крупнее, то виды деятельности и формы социальных отношений — разнообразнее.

Таким образом, *огородничество* — переходная форма от добычания из природы готовых продуктов (диких растений) к систематическому и интенсивному возвращению окультуренных злаков. Небольшие огороды со временем уступили место обширным полям, примитивные деревянные мотыги — деревянному, а позже железному плугу.

Итак, приручение животных и окультуривание растений резко изменили способ хозяйства и образ жизни человека. После периода охоты и собирательства пришло время земледелия, на смену бродяжеству пришла оседлость. Соединение животноводства и зерноводства привело к появлению современного типа сельского хозяйства — двухотраслевого или смешанного. Соединительным мостом между двумя гигантскими эпохами — собирательством (присваивающим хозяйством) и земледелием (производящим хозяйством) послужило огородничество, которое еще именуют первобытным фермерством.

5.5. Диета и питание

В результате развития земледелия резко изменилась диета человека не только по сравнению с гоминидами и приматами, но также охотниками и собирателями. Наряду с пшеницей в человеческом рационе важное место стало занимать молоко.

В отличие от всеядной диеты ранних гоминид и первобытных людей рацион земледельцев можно назвать избирательным. Он основывался на том, что вырастил сам человек, а не на том, что он находил готовым в природе. Земледелец мог подбирать в растениях нужное сочетание питательных и вкусовых элементов, варьируя такие качества растений, как урожайность, кустистость и морозостойкость.

Вместе с тем избирательность диеты означала ее специализацию и сужение ассортимента. Первые несколько тысяч лет, пока человечество экспериментировало в области растениеводства и селекции, рацион его был крайне скуден: различать дикие растения уже разучились, лекарственные и пищевые свойства позабыли, а новый хозяйственный уклад еще не обеспечивал необходимого разнообразия в рационе. «Неолитическая революция повлекла за собой и коренные изменения диеты, вряд ли пошедшие человеку на пользу. Состав рациона людей резко сузился. Даже сейчас разнообразие нашей диеты меньше, чем у первобытных людей. А еще совсем недавно в каждом отдельном районе возделывалось всего три, четыре, от силы пять видов культурных растений. Во многих местах однообразие питания было удручающим. В древнем Шумере, например, основу питания подавляющего большинства населения составлял ячмень и немного растительного масла. Овощей и фруктов было крайне мало, а поесть мяса простому шумерийцу удавалось только на храмовых праздниках»¹⁰.

Т. Маккена в книге «Пища богов» высказал предположение о том, что в пище древних людей, охотников и собирателей, содержались растительные алкалоиды, особенно галлюциногенные соединения, которые, вызывая мутацию психоактивных химических соединений, положительно влияли на размеры и функционирование мозга, а стало быть, и на развитие мышления. Малое количество псилоцибина, поступающего в пищу с некоторыми грибами, увеличивало активность переработки информации, усиливало остроту зрения, что не могло не повлиять на успех в охоте и собирательстве.

«Псилоцибиновые грибы благоприятствовали размножению, так как они являются стимуляторами центральной нервной системы,

имеют тенденции вызывать беспокойство и сексуальное возбуждение. Тенденция к регулированию и планированию половой активности внутри группы путем ее привязки к лунному циклу наличия грибов, могло быть первым важным шагом на пути к ритуалу и религии. Следовательно, введение псилоцибина в диету сместило параметры человеческого поведения в сторону деятельности, которая способствовала улучшению языка: обретение языка вело к большому запасу слов и развитию памяти. Потребляющие псилоцибин индивиды создавали эпигенетические правила и культурные формы, которые позволяли им выжить и размножаться интенсивнее других индивидов. Таким образом, популяция развивалась генетически и культурно»¹¹.

Действительно, галлюциногенные и психотропные средства являются неперенными элементами традиционной культуры многих народов мира. К какому бы региону мира мы ни обратились, обязательно встретим использование наркотиков местного происхождения. Народы Мексики издавна использовали галлюциногенный кактус пейот (мескал) и псилобициновые грибы, в Южной Америке жевали листья коки, в Северной и Центральной — вдыхали дым табака, народы Океании варили из корней перечных растений опьяняющий напиток — каву, в Азии потребляли различные снадобья на основе конопли и мака, в Центральной Африке — напитки из коры колы. Причем чаще всего потребление галлюциногенов связано с ритуально-обрядовой практикой и имеет очень древние исторические традиции, подтвержденные многочисленными письменными источниками и находками археологов¹².

При переходе к земледелию впервые появился кариес, который был неизвестен охотникам и собирателям. У них он, возможно, не успевал завестись в силу более короткой продолжительности жизни и употребления жестких стеблей растений. Они одновременно массируют десны, но также вызвали преждевременную стертость и расколы зубов. Укрепляли зубы первобытные люди, как и гоминиды, за счет плодов и мелких животных, корнеплодов, клубней и луковиц.

Антропологи и археологи утверждают, что предки человека в течение десятков и сотен тысяч лет питались смешанной пищей. Последнее характерно и для тех племен Индонезии, Филиппин, ряда стран Африки, которые совсем недавно находились на первобытном уровне. Известно, что пищевой рацион человека эпохи позднего палеолита (12–40 тыс. лет назад) составляли дикорастущие фрукты, овощи, листовые растения, корни, орехи, а также нежирное мясо. Первобытный человек инстинктивно догадывался о пользе подогретой на костре воды с добавками различных

трав, кореньев и ягод. Зерновые и молочные продукты в питании практически отсутствовали. Смешанное питание древнего человека подтверждается и химическим составом копролитов (окаменевшего кала), найденных на палеолитических стоянках. По другим данным наши далекие предки эпохи позднего палеолита потребляли много животного белка за счет мяса, что могло способствовать быстрому физическому развитию и половому созреванию, но не долголетию. Первобытные люди выживали, питаясь ягодами, плодами и съедобными растениями. Сегодня многие из нас выживают за счет полуфабрикатов, «фаст фуд» и искусственных продуктов.

В ходе эволюции питание людей менялось в силу многих причин, причем наши предки постепенно адаптировались к новой пище, в состав которой всегда в той или иной мере входили мясные и рыбные продукты. Рацион питания современного человека сложился около 250–300 лет назад. Новые археологические исследования свидетельствуют о том, что в пищевой рацион первобытных людей, живших 20–30 тыс. лет назад, входила рыба и водоплавающая птица.

Узнать, чем питались первобытные люди, жившие на территории Подмосковья около 5 тыс. лет назад, удалось недавно столичным археологам и биологам, исследовавшим их скелеты. По скелетам двух женщин и одного мужчины ученые практически полностью восстановили рацион питания древнего человека. Оказалось, что мужчины и женщины каменного века питались совершенно поразному. Представители сильного пола ели в основном мясо (чаще всего лося, медведя, бобра и других животных), а женщины и дети предпочитали рыбную диету. Результаты исследований показали, что «каменные» люди жили очень недолго. Большинство мужчин не доживали до 40 лет, женщины умирали еще раньше — обычно в 20–25 лет. По данным биологов, организм древних женщин очень изнашивался во время беременности и родов. Несмотря на короткий век, люди того времени болели крайне редко. Они не знали, что такое насморк, грибок на ногах, ОРЗ, грипп и венерические заболевания. Более того, каменный человек никогда не мучился зубной болью. Из-за постоянного пережевывания жесткой жилистой пищи зубы первобытного человека к 40 годам стирались почти до основания, однако в них не нашли кариеса¹³.

Как считают медики из университета Торонто, лучшая диета — эта та, которой придерживался наш далекий предок, пещерный человек. Экспериментально подтверждено, что у людей, всего две недели питающихся «первобытной диетой» — кореньями, семенами, орехами, ягодами и другими дарами природы, на 30% снижается уровень холестерина в крови¹⁴.

5.6. Скотоводство и кочевничество

Знания о разведении животных люди получили уже в верхнем палеолите, когда отдельных диких животных не убивали, а оставляли размножаться. Более совершенные способы охоты, например загонная охота, когда все стадо попадало в ловушку и животных можно было не спешить убивать, способствовали их одомашниванию. Разведение коз и овец имело еще и то преимущество, что эти животные жили стадами и поэтому привыкли следовать за вожаком.

Пастушество как одна из форм жизнеобеспечения, возможно, появилось даже раньше примитивного земледелия, поскольку оно возникло в природных условиях, которые мало пригодны для агрокультуры. *Пастушескими обществами* называют такие общества и типы хозяйствования, которым свойственны приручение животных и их содержание на подножном корму. Обычным местом их сосредоточения служат засушливые районы, где невозможны возделывание земли под пашню и земледелие из-за дефицита воды. Как правило, пастушеские общества превращаются в кочевые общества, где весь уклад жизни подчинен сезонным выгонам и перемещениям скота на новые пастбища.

Пастушество и скотоводство нередко употребляются как синонимы. На самом деле между ними существуют немалые различия. В русских деревнях, занятых земледелием, всегда существовал подсобный промысел — вспомогательная отрасль, а именно животноводство. Каждое утро пастух собирал по дворам стадо коров и овец, выгоняя их на близлежащее пастбище, а вечером возвращал их на место. Такую деятельность можно назвать пастушеством, но общество в целом отнести к скотоводческим либо кочевническим нельзя.

Ученые полагают, что специализированное пастушество развилось главным образом тогда, когда земледельческие народы расселились в природных средах с меньшей продуктивностью и, приспособиваясь к окружающим условиям, начали одомашнивание животных. Если в естественных условиях животные сами выбирали вожака, то теперь это делали люди, отдавая предпочтение более послушным и плодовитым животным. Находки в Иране свидетельствуют о том, что одомашненные козы и овцы существовали приблизительно с середины VII тысячелетия до н.э. Их выращивали не только на мясо, но и для получения молока и шерсти. Свиней, одомашненных здесь к началу VI тысячелетия до н.э., не разводили в больших количествах, потому что они требовали много корма и были переносчиками болезней. Туры на Ближнем

Востоке считались священными животными, символом мужественности и силы.

Из охоты постепенно выросло скотоводство, когда люди убедились, что приручать животных экономичнее, чем убивать их на охоте. Из собирательства выросло огородничество, а из него — земледелие. Для того чтобы кормить животное, надо создавать луга, где можно косить сено, и держать пастбища, куда на лето выгонять стадо.

В конце III тысячелетия до н.э. произошло первое крупное общественное разделение труда — пастушеские племена выделились из остальной массы населения. У них было в избытке молоко, молочные продукты и мясо, которых не хватало оседлым племенам. Помимо того скотоводческие племена имели шкуры, шерсть, козий пух, много пряжи и тканей. Но у них не было того, чего им остро не хватало, — растительной пищи. Постоянно заготавливая друг у друга дефицитные предметы, было крайне затратно и невыгодно: военные потери покрывали приобретенные блага. Самым разумным выходом было обмениваться и торговать тем, что у тебя есть и чем ты без труда можешь поделиться с другими. Так, вслед за первым мировым разделением труда формировался первый мировой рынок — регулярный обмен между кочевыми племенами и оседлым населением.

Скотоводство — более эффективный способ добывания средств существования, основанный на приручении (одомашнивании) диких животных. Наряду с земледельцами скотоводы, в отличие от охотников и собирателей, ведших кочевой образ жизни, принадлежат к другому, более высокому типу производства — добывающему. Социальный уклад большинства скотоводческих народов — родоплеменной. Специфика кочевого скотоводства, являющегося одной из разновидностей производящего хозяйства, не позволяла обществу подняться выше ранне-классовых отношений. Именно в такой обстановке жила большая часть кыргызов и казахов до начала 1930-х гг. Кочевое скотоводство мешало становлению земледелия и оседлости, консервировало доклассовые общественные отношения¹⁵.

Скотоводство широко распространено у народов к югу от Сахары в Экваториальной, Восточной и Южной Африке, на Мадагаскаре. Верблюд является основой пастушеской экономики у народов Северной Африки и на Аравийском полуострове. Оленеводство распространено среди северных народов, особенно в Сибири и Северной Скандинавии. Коневодство — основа хозяйства в Центральной Азии, выращивание лам и альпака — в южноамериканских Андах.

Скот — мера богатства и знатности у многих народов. Большинство пастушеских народов широко используют торговлю, чтобы пополнить свою диету продуктами, которые они сами не производят. Это ведет к формированию устойчивых рыночных отношений, караванной торговли, специализации и разделению труда в широких масштабах. Оживленные караванные пути поддерживали связи не только между оазисами в пустынях, но и между континентами. Верблюды обслуживали великие караванные пути из Центрального Китая в его западные провинции и Россию. Через долины Иордании проходили важнейшие караванные пути, соединяющие Китай, Индию и Аравию с Египтом и Средиземноморьем. Эти пути пронизывали насквозь целые континенты. Верблюды — корабли пустыни — внесли не меньший вклад в развитие мировой торговли и человеческой цивилизации, чем морские суда и каравеллы. Прокладывание дорог, по которым могли идти торговые караваны из одной части материка в другую, в истории человечества играло не менее важную роль, чем открытие новых земель. Ведь каждая такая дорога была нитью, связывающей страны и народы, объединяющей их без войн, завоеваний, гибели людей и разрушений.

Приручение животных и зарождение пастушества дали человечеству *новый источник энергии* — тягловый скот. На смену палкам-копалкам пришел плуг, запряженный волами. Резко поднялась производительность труда. Чтобы прокормить одного человека охотой и собирательством, требуется 2 км² площади, а при эффективном земледелии достаточно всего 100 м² земли. Переход от экстенсивного к интенсивному хозяйству длился несколько тысяч лет, в результате продуктивность земли выросла в 20 тыс. раз.

Развитие земледелия позволило использовать часть урожая для прокорма скота. Но чем больше было скота у хозяина, тем чаще приходилось использовать подножный корм и передвигаться в поисках пастбищ. Постепенно часть племен, особенно там, где с травами было плохо, начала специализироваться на скотоводстве. Напротив, другая часть племен твердо встала на путь развития земледелия. Ведь чем больше скота у хозяина, тем больше навоза для зерновых и тем выше их урожайность. Если, конечно, почва быстро воспринимает удобрение и воздает земледельцу прибавкой в урожае.

Когда удалось приручить волов, то с их помощью обработка земли поднялась на более высокий уровень. *Палочно-мотыжное огородничество сменилось пашенным земледелием*. Производительность упряжных плугов была в несколько раз выше, нежели при ручной обработке.

В заключение отметим, что один из возможных вариантов развития сельского хозяйства этого периода представлен на рис. 27.

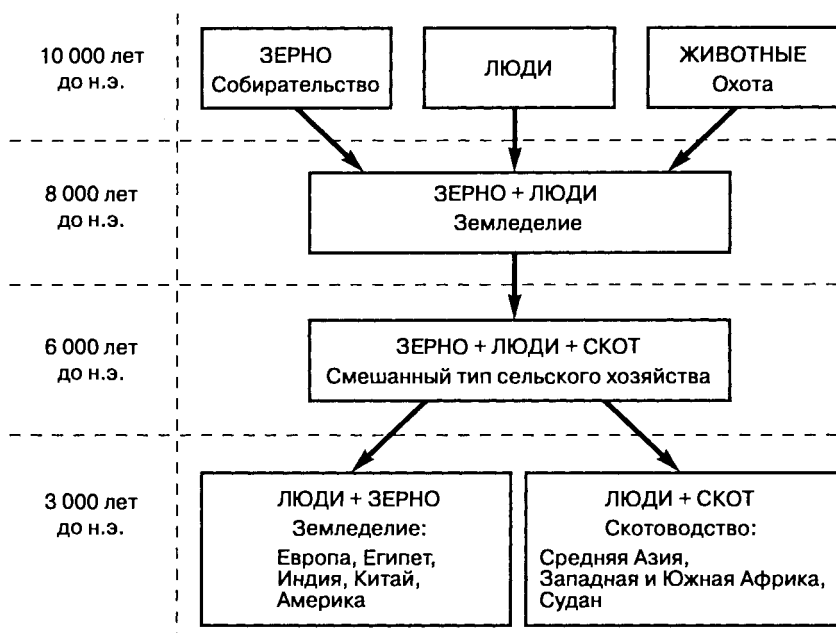

Рис. 27. Развитие сельского хозяйства по К. Дарлингтону (1971)

Поскольку стада животных должны регулярно перемещаться в поиске корма и воды, людям приходилось, передвигаясь вслед за ними, вести кочевой образ жизни. Его неправильно называть бродячим, поскольку бродячий образ жизни вели представители совсем другого, исторически более раннего, типа общества, а именно охотники и собиратели.

Историки считают общество кочевников (номадов) социально более свободным и политически независимым по сравнению с земледельческим. Действительно, кочевой образ жизни послужил основой для возникновения мощных империй, таких как монгольская держава или скифский союз племен, разорвавших земледельческие страны Азии и Восточной Европы вплоть до эпохи Средневековья. Они активно формировали политическое пространство Земли на протяжении 3,5 тыс. лет. Так, в начале II тысячелетия до н.э. весь цивилизованный мир пришел в смятение. Орды пастушеских народов, писал А. Мень¹⁶, появились на границах государств старой культуры. Казалось, какие-то загадочные силы вдохнули в миллионы людей непреодолимую страсть к передвижениям и завоеваниям. Народы и племена, в течение веков

не покидавшие насиженных мест, поднялись и огромными лавинами, тесня друг друга, потянулись через степи и пустыни, реки и горные хребты. Из Аравийских пустынь хлынули кочевники-амориты, наводнившие Двуречье; в Малой Азии появляются хетты; ахейцы вторгаются с севера на Балканский полуостров; у порога Индии показываются скотоводческие племена арьев. В IV–VI вв. н.э. геополитику в Европе формировало Великое переселение народов — варварские кочевые и полукочевые племена (франки, англ, саксы, германцы и др.) заполонили весь континент, разрушили мощную Римскую империю, смели старые социальные порядки, отбросив западную цивилизацию на несколько веков назад. Вплоть до VIII–IX вв. по Европе передвигались многочисленные племенные союзы, не сумевшие основать своих государств: германские (свевов, герулов, гепидов, скиров), тюркские (гуннов, аваров, протоболгар), иранские (аланов), славянские. Арабская экспансия в VII в. охватила Европу и со стороны Византии (особенно ее азиатских владений), и со стороны Испании, завоеванной арабами в начале VIII в. В 40-е гг. IX в. они утверждались и в Южной Италии, Сицилии, Сардинии, на Корсике. В X в. в Западную и Центральную Европу вторглись венгры (кочевники-скотоводы угро-финского происхождения), занявшие Паннонию. С конца VIII до середины XI в. Западную и Южную Европу опустошали набеги норманнов — северогерманских народов, населявших Скандинавские страны¹⁷.

Многие пастушеские народы не являются кочевыми и практикуют полукочевой, отгонный тип животноводческого хозяйствования. Стада перегоняются на сезонные пастбища в пределах ограниченной территории. Часто такие народы занимают с земледельческими народами разные природные ниши. Историческое сосуществование двух типов хозяйства сохранялось в местах проживания узбеков и киргизов, азербайджанцев и армян, русских и казахов.

Полукочевые общества практикуют смешанную экономику и занимаются также огородничеством, охотой на мелких животных или собирательством, правда, эти занятия носят побочный характер. Экологической проблемой для пастушеских обществ являются эрозия почвы и перевыпас скота, особенно когда используются привозные породы животных. Так, значительная часть территории Калмыкии подверглась в последние десятилетия опустыниванию по причине плохо контролируемого использования пастбищ.

На протяжении всего времени господства аграрной культуры росло число видов одомашненных животных и растений, а рано

начавшееся применение селекции постоянно совершенствовало их свойства. В первые тысячелетия технология сельскохозяйственного производства была достаточно примитивной: скот еще не использовали в качестве тягловой силы, орудия выделывали из камня и дерева, основным инструментом земледельцу служила палка-копалка. Тем не менее по сравнению с периодом собирательства и охоты продуктивность земли возросла во много раз.

5.7. Плюсы и минусы неолитической революции

Переход к земледелию означает окончательную смену бродячего образа жизни оседлым укладом. Раньше всего это случилось там, где позволял климат, — на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Здесь урожай хлебных злаков можно было собирать в течение шести месяцев. А разводя дополнительно скот, можно было подолгу оставаться на одном месте.

При земледелии одна семья способна обеспечить себя за один-два месяца, остальное рабочее время идет на производство прибавочного продукта, значительная часть которого отчуждается в пользу государства и правящего класса. Таким образом, именно при земледелии впервые за всю историю появляется *эксплуатация человека человеком*.

И все же человек обрабатывал землю недостаточно эффективно. Исключением служили редкие участки, расположенные по берегам и в дельтах рек, где продуктивность земледелия можно было увеличить с помощью ирригации. На большинстве других участков — а они относились к неполивным землям — единственным способом сельскохозяйственного освоения оставались рубка и выжигание растительности. Засевать такие участки было не очень выгодно. Как правило, уже после двух урожаев землю для восстановления плодородия приходилось оставлять под паром. Тем не менее и такой тип земледелия вполне подходил для оседлых поселений.

Земледельцы и кочевники как производители сильно зависели от сезонных колебаний погоды, солнца, дождей и разливов рек. Суровые природные условия не побуждали земледельца к эволюции и нововведениям. Сельскохозяйственные орудия и методы на протяжении тысячелетий оставались практически неизменными, аграрный способ производства с точки зрения научно-технической культуры оставался застойным.

Одним из основных отличий при переходе к оседлому образу жизни является изменение отношения к жилищам. Первоначальные поселения и стоянки охотников каменного века превращались в деревни земледельцев — новый тип поселений, которые вырастали в разных частях земного шара. Впервые они появились на Ближнем Востоке в начале VII тысячелетия до н.э. В развитых культурах неолита возникают крупные города, например Иерихон, насчитывавшие сотни и даже тысячи жителей. Первые дома оседлых людей представляли собой круглые постройки, напоминавшие временные жилища охотников и собирателей. На фундаменте в виде круга ставили остов из палок и покрывали его кожей или соломой. Оседлые поселенцы вскоре начали строить дома из глины, а позже — класть прочный каменный фундамент. При постройке нового жилья на месте разрушившегося или сгоревшего площадку под фундамент выравняли, обмазывая глиной. Постоянное жилье потребовало невиданного прежде культурного феномена — внутримодового и квартирного дизайна: забота о доме выражалась в появлении известковой обмазки полов и стен (цвет в основном красный или кремовый) и в перестраивании и возведении новых строений на прежнем месте. Бродягам-собирателям, постоянно перемещавшимся с места на место, никакой дизайн и домашний уют были не нужны.

Вместо круглых построек появились прямоугольные, к которым легче можно было сделать пристройки и тем самым увеличить жилую площадь. Двери, как правило, находились выше уровня земли. Иногда вход был в плоской крыше, поэтому попасть в дом можно было по деревянной лестнице. Пол был из утрамбованной глины, а стены белили гипсом и часто украшали красными полосами или другими рисунками. Спали обитатели этих домов на рогожах или на возвышавшемся ложе — скамейке, пищу готовили в специально отведенном месте. Уже в древние времена поселения были укреплены. Обычно вокруг деревни выкапывали ров и воздвигали вал. Одним из наиболее известных укрепленных городов был древний Иерихон. Его окружала стена шириной 1,75 м и высотой 3 м из камней, положенных друг на друга. Далее следовал вал из глины, а снаружи — 3-метровый ров, достигавший в некоторых местах 9-метровой ширины. К стене примыкала конусообразная башня высотой 9 м и такой же ширины в нижней части.

Позже из камня, дерева и сырцового кирпича строили трехэтажные дома с множеством помещений. Дома различных типов и размеров свидетельствуют о начинавшемся социальном расслоении населения. Жители Азии широко использовали зародившийся в Месопотамии способ возведения домов. В Китае же существовали и

круглые, и прямоугольные постройки; стены их, наклоненные к центру, переходили в куполообразные крыши.

В Южной Европе поселения строили главным образом на возвышенностях и обносили валами и рвами. Преобладали прямоугольные в плане, отдельно стоявшие довольно большие дома. Чем дальше на север проникали земледельческие культуры, тем очевиднее преобладала тенденция строительства больших одиночных домов с фундаментом в форме трапеции.

Земледельцы Северной и Центральной Европы жили в деревнях, насчитывавших до 300 жителей. Длина их деревянных домов достигала 30–45 м (максимально 65 м), а ширина 6–7 м. Покатые камышовые крыши прикрепляли к стенам из дубовых бревен, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. Внутри дома на возвышении хранили зерно. В доме жило несколько родственных семей.

Отношение первых земледельцев к обжитому и освоенному пространству прослеживается по изменению погребальных обрядов. Если в предшествующий период погребения совершались просто в пределах поселения, связывая умерших с общиной, то теперь они расположены в домах, что свидетельствует об укреплении связей внутри отдельных семей. Перемещение черепов и так называемые вторичные захоронения предполагают наличие культа предков. Вскоре появится еще один культурный феномен, окончательно зафиксировавший победу оседлости, — деревенские и городские *кладбища*. Живущие поколения стали мечтать о том, чтобы быть похороненными вместе со своими предками. Снос поселка, перемещение его на другое место становится невозможным вовсе не в силу технических причин, а исключительно благодаря культурным факторам. Поселок становится малой родиной потому, что хранит могилы предков и историческую память многих поколений.

Родовые группы охотников древнего каменного века, состоявшие из отдельных семей порой в несколько десятков человек, сменились земледельцами, в поселениях которых уже существовала дифференцированная социальная система. Первоначально единообразное общество все более отчетливо делилось на группы и социальные слои. Предметы, найденные в более древних захоронениях, свидетельствуют о равенстве жителей поселений независимо от пола. Полноправными членами общества были даже дети. Коллективизм этого образа жизни наиболее ярко проявлялся во время совместных работ на полях и при строительстве ирригационных сооружений. Однако уже начался первый этап специализации труда: ремесленники обрабатывали камни и металлы, изготавливали керамику, остальные добывали пищу.

Об особенностях социальной структуры можно судить по распространённым в Центральной Европе длинным домам, их население представляло собой уже отдельные сообщества. В одном таком доме жило, вероятно, от 30 до 60 человек, которые совместно строили укрепления и работали на полях. Это сообщество образовывали, как правило, кровные родственники. Они еще не знали частной собственности на землю, в то время она еще только зарождалась. Наибольшие изменения в социальные отношения земледельцев привнесли начавшиеся войны. Насилие существовало и во времена охотников и собирателей, но только появление собственности, проблемы ее приобретения, приумножения и защиты способствовали развитию специфически военного мышления. Впервые в истории ремесленники начали изготавливать оружие и другие технические средства для борьбы человека с человеком. Изменился и характер содержимого захоронений. Мужчин чаще погребали с оружием, особенно если это был известный воин. К III тысячелетию до н.э. глубокие изменения в социальной жизни привели к появлению института царской власти. В Египте более четко пролегла грань между правителем и остальными членами общества: царя, до этого лишь богатого и влиятельного человека, игравшего ведущую роль в обществе, приравнивали к божеству. От других людей его отделяла пропасть, созданная религией. Так некогда равноправное общество благодаря объединению религиозной и политической власти превратилось в абсолютную монархию с сильным аппаратом управления.

Продуктивность сельскохозяйственного труда повысилась, когда земледелие перешагнуло чисто деревенский этап развития. Зарождение городов, тем более формирование городской цивилизации благотворно повлияли на развитие сельского хозяйства. Город продавал деревне более совершенные орудия труда — вначале ручные, а затем механические. Город давал селу квалифицированные кадры, новые технологии, снабжал удобрениями, организовывал промышленную обработку сельхозпродуктов.

Самые ранние формы основных занятий — собирательство, охота и рыболовство — как подсобные сохраняются у многих этносов и до настоящего времени. Земледелие подразделяется по способам обработки почвы на *подсечно-огневое* (вырубка деревьев и кустарников на участке и сжигание их для удобрения почвы золой), *переложное* (другое название первого типа, связанное с необходимостью через определенное время забросить участок и перейти на новый), *ручное* (обработка ведется примитивными орудиями — палкой-копалкой, колом, кетменем и т.д.), *мотыжное* (вариант ручного, обработка земли производится с помощью широ-

ко распространенного орудия труда — мотыги), *пашенное*, или *плужное*. Различаются еще и такие виды земледелия, как *орошаемое*, *поливное*, *заливное* (распространено в рисоводческих странах, где рассаду риса высаживают на поле, залитое водой) и *богарное* (условное название для разведения сельскохозяйственных культур на сухих землях)¹⁸.

Пашенное земледелие буквально привязало людей к одному месту. Возникли *крупные постоянные поселения*. Крупными они стали благодаря тому, что 1 км² почвы стоил теперь гораздо больше, чем раньше. Экономия земли и особенности ее возделывания вынуждали людей «кучковаться» в новый тип социальной общности — *территориальные общины*. Да и продуктивность метра земли выросла: теперь он мог прокормить гораздо больше едоков.

Первые поселения возникли около мест обильного произрастания дикорастущих злаков. Тут же заводили скот: овцы и козы могли поедать стебли, остававшиеся после сбора зерна. Собиратели строили дома, хранилища для зерна и печи для его приготовления. Так они превращались в земледельцев.

Уже раннее земледелие позволяло производить продуктов больше, чем требовалось для поддержания жизни. В Шумере в 3000 г. до н.э. мужчине в месяц выдавали 36 кг зерна, а женщине — 18. Исходя из этих норм, российский археолог В.М. Массон рассчитал, что для прокорма среднего по численности (150–180 человек) шумерского поселка надо 44 т зерна. Чтобы его вырастить, двое взрослых от каждой семьи даже с примитивными каменными орудиями должны трудиться всего 1 месяц в году. Необходимое на год всему поселку зерно можно было собрать за 10 дней.

Производительность труда при орошаемом земледелии в Месопотамии в 3000 г. до н.э. была вдвое выше, чем в Шумере. Если земледельцу достаточно было 30 дней для обеспечения себя продуктами питания на год, то остальное время можно было тратить на строительство храмов и дворцов.

Неолитическая революция стала завершающим этапом развития простых обществ и прологом к сложному обществу. К сложным обществам относят такие, где появляется прибавочный продукт, товарно-денежные отношения, социальное неравенство и социальная стратификация (рабство, касты, сословия, классы), специализированный и широко разветвленный аппарат управления.

Социальным последствием неолитической революции стало появление аграрного общества. Специализация племен как на скотоводстве, так и на земледелии вызвала рост продукции, которую легко можно обменять на другие товары. *Избыточный продукт*, характерный для эпохи вождеств, сменился *прибавочным продуктом*,

который в отличие от первого можно использовать не только для продажи, но и для эксплуатации наемного труда. По существу, избыточный продукт ненамного превышал *жизненно необходимый продукт* и представлял собой скорее *продуктовые запасы*. При таком уровне человеку приходится влачить жалкое существование и весь рабочий день посвящать добыванию пищи. Недаром социологи говорят, что традиционное, и прежде всего первобытное общество, это то, где у людей нет досуга.

Итак, *сложное общество* — это *эпоха прибавочного продукта*. Он появился впервые за всю историю человечества. При земледелии большая часть рабочего времени идет на производство прибавочного продукта, значительная часть которого отчуждается в пользу государства и правящего класса.

Роль земледелия, как позитивная, так и негативная, в истории человеческого общества необычайно велика. Даже сегодня, в век межпланетных полетов и нанотехнологий, сельское хозяйство остается фактором глобального порядка. Вот лишь некоторые факты:

- ◆ Ни один вид животных, за исключением человека, никогда не занимался земледелием и фермерством.

- ◆ Именно земледелие привело к появлению человеческой цивилизации, письменности, классов, городов и т.п.

- ◆ Практически все население планеты, за малым исключением, существует сегодня благодаря продуктам, получаемым от земледелия.

- ◆ Почти вся земля, пригодная для пашни, сегодня отдана под земледелие.

- ◆ Возникнув 10 тыс. лет назад, земледелие пережило все другие хозяйственные уклады и типы экономики, не потеряв своей актуальности.

Земледелие — один из основных и важнейших элементов цивилизации как таковой. Это, по сути, аксиома современного взгляда на нашу историю. Именно с освоением земледелия и переходом к сопутствующему ему оседлому образу жизни связано формирование того, что мы понимаем под терминами «общество» и «цивилизация». Там, где не было перехода к земледелию, не возникала и цивилизация.

Если мы выстроим все изобретения и открытия человечества по возрастающей шкале, взяв за критерий тот позитивный эффект и пользу обществу, который они принесли, то на первом месте окажется не космонавтика, гениальная инженерия или ядерная энергия, даже не изобретение колеса или приручение огня, а земледелие и связанный с ним неразрывно процесс доместикации — приручения животных и окультуривания растений.

Но и негативный эффект земледелия немал. Приручение животных изменило генофонд животного мира, появились болезни, которых не знает дикий мир природы. Хотя переход к агрокультуре резко увеличил производительность общественного труда, он снизил качество жизни людей. Для своего собственного пропитания и прокорма первобытной семьи охотникам и собирателям приходилось трудиться гораздо меньше часов в сутки, чем их более цивилизованным, вооруженным плугом и тягловой силой потомкам. Неандертальцы и кроманьонцы не только меньше трудились, они выглядели здоровее, питаясь натуральной пищей, больше двигались, умели выживать в самых неблагоприятных условиях.

Рост производительности труда поднял общество на качественно новый уровень развития, произвел подлинную революцию как в экономической, так и в социальной сфере жизни. Земледелец производил продукции в десятки раз больше собирателя и во много раз больше своего непосредственного предшественника — примитивного фермера, занимавшегося огородничеством. На смену избыточному продукту, достаточному для пропитания нескольких человек, пришел прибавочный продукт, достаточный для пропитания целых классов, не занимавшихся полезным трудом. Земледелец производил то, что другие отнимали у него, заставляя трудиться еще больше, но уже не на себя, а на чужих людей.

Именно при земледелии появились не существовавшие прежде эксплуатация труда, отчуждение продукта, вопиющее социальное неравенство, праздные классы, управлявшие обществом, но не занятые общественно полезным трудом.

В таком случае непонятны причины, вынудившие общества охотников и собирателей, живших довольно неплохо, перейти к земледелию, когда им стало жить труднее. Что вынудило первобытных людей изобретать более совершенные орудия труда, приручать животных, окультуривать дикие растения, прекратить бродяжничество и заняться строительством постоянных поселков? Историки, антропологи и археология долгое время пытаются разгадать непростую загадку, выдвигая порой самые невероятные гипотезы: здесь перенаселенность Земли, резкое изменение климата, познавательное любопытство и гениальное прозрение, сужение ресурсной базы из-за превращения степей в пустыню, переход к частной собственности на землю, естественный отбор, изменение генетического кода, новая система адаптации к окружающей среде или нечто иное. Ни одна из них пока не нашла полного подтверждения фактами. Некоторые ученые, например А.Ю. Целлариус, уверенно заявляют, что виной всему экология.

«В истории последних веков не известно ни одного случая добровольного перехода охотничьих или скотоводческих племен к земледелию. Вероятно, так же обстояло дело и в прошлом. Премущество земледелия только в одном — с единицы площади можно прокормить больше ртов. Только изменение природных условий, голод и угроза гибели могли заставить племена перейти к не свойственному им способу добывания пищи. А это и есть экологическая катастрофа»¹⁹.

Итак, приблизительно 10 тыс. лет назад в разных уголках планеты появлялись группы людей, которые неожиданно для всех забросили прежний способ хозяйствования, собирательство, практиковавшийся до того десятки тысяч лет, и стали медленно переходить к новому образу жизни. Они приручали диких животных ради получения мяса и молока, окультуривали дикие овощи и растения ради выпечки хлеба и получения для организма дополнительных углеводов, огораживали участки земли, применяя для их распахки невиданные прежде орудия труда. Кожи животных они пускали на одежду и хозяйственный инвентарь. Со временем у них появились постоянные поселки, а из них выросли города, которые спустя 8 тыс. лет превратились в современные мегаполисы.

Неолитическая революция резко повлияла на поступательное движение общества, придав ему ускорение в социально-экономическом плане. Появление животноводства и земледелия существенно усилило антропогенное воздействие на окружающую среду. Существует мнение, что именно пастухи повинны в разрушении огромных территорий во всем мире, особенно в районах Средиземноморья и Ближнего Востока, да и других районах, способствуя аридизации огромных регионов²⁰. Что касается земледелия, то именно ему мы обязаны широкомасштабной эрозией и уничтожением лесов с помощью пожаров (подсечно-огневая система земледелия, переложное земледелие и т.д.), что привело к одному из самых существенных отрицательных экологических последствий — опустыниванию 2 млрд га ранее плодородных земель, что превышает площадь ныне обрабатываемых земель и пастбищ (около 1,5 млрд га). Классическим примером опустошения природы и в конце концов культуры явилась подсечно-огневая система земледелия майя, что послужило одной из причин гибели этой цивилизации.

«Неолитическая революция — это не только революция, связанная с решением продовольственной проблемы. Она дала людям более надежные и стабильные источники пищи, зависевшие от деятельности человека, что открыло возможность существенного роста их численности. Первобытное общество не требовало от

природы сверхъестественных потребностей, и она кормила людей, выделяя им излишки своих ресурсов. Но уже с началом агронеолитических трансформаций человек стал создавать запасы пищи, которые он уже не мог потребить, ибо они превышали его потребности. Именно это превышение плюс ускоренный рост населения и привели со временем к все большей деградации окружающей природы. Неолитическая революция — это и “продовольственная” и вместе с тем “демографическая революция”: открылись, казалось бы, неограниченные возможности роста населения земного шара. Экономические и демографические последствия неолитической трансформации сказались спустя тысячелетия, а еще позднее ощутились и экологические эффекты производящей экономики, ее несбалансированность с окружающей природной средой»²¹.

Хотя овладение огнем произошло в палеолите, тем не менее широкое его использование связано прежде всего с переходом к земледелию. Тот же огонь с помощью человека (в основном подсечно-огневая система) уничтожил огромное количество растений и животных, превратив некогда богатые лесами регионы планеты в бесплодные пустыни. И вот плачевный итог.

Начавшаяся 10 тыс. лет назад неолитическая революция, связанная с развитием земледелия, не прошла для природы незаметно. Существенные изменения в природные ландшафты стала вносить постройка городов, которая начала осуществляться на Ближнем Востоке около 5 тыс. лет назад. Добыча полезных ископаемых уже в древности нередко порождала экологические проблемы. Так, в VII—IV вв. до н.э. интенсивная разработка в Древней Греции серебряно-свинцовых рудников, которая требовала больших объемов крепежного леса, привела фактически к уничтожению лесов на Аттическом полуострове.

Десять тысяч лет назад человек впервые приручил животных, т.е. искусственно вывел для своих хозяйственных нужд таких животных, каких в природе не существовало. Сегодня человечество совершило новый прорыв в неизведанное: в конце XX в. оно придумало вначале технологию выведения диких животных в домашних условиях для их дальнейшего существования опять же в диких условиях, а затем способы клонирования животных, создания генетических двойников. С тревогой мировая общественность наблюдает, как сфера естественного все время сужается, а сфера искусственно созданного расширяется. В научно-фантастических фильмах нам рисуют такое общество, где основным населением становятся биороботы, а немногие оставшиеся люди превращены в рабов или загнаны в резервации.

Если сравнивать социальное окружение человека в начале и конце его исторического пути, то окажется, что в первобытные времена он существовал в мире, на 100% созданном из естественных вещей, а сегодня — на 100% из искусственных. Сегодня нас окружают предметы так называемой «второй природы» — результаты человеческой деятельности, 90% из которых были придуманы в XX столетии. Некоторые виды фауны уже просто исчезли в дикой природе и сохранились как содержанки зоопарков.

Если численность диких животных сокращается, то численность домашних животных, выращенных для прокормления человека, а также домашних паразитов-насекомых увеличивается. Каждый год в человеческом сообществе появляются десятки новых вирусов и заразных болезней, выкашивающих сотни тысяч людей. «Измюминкой», подготовленной напоследок умирающей природой, стал СПИД, противоядия против которого человечество так и не придумало. Совершенно нормальные растения, выполняющие позитивные функции в природе, например мак и коноплю, человек пустил на создание наркотиков, выполняющих разрушительную функцию. За сотни тысяч лет антисанитарного состояния человек создал новую среду, в которой развелось бесчисленное количество домашних паразитов типа тараканов, клопов, мух, блох. Для поддержания домашних животных и домашних паразитов он перевел около 40% дикой природы.

Более 6 млрд землян содержат для своего жизнеобеспечения свыше 3 млрд голов скота. Под пастбища используется около 23% всей суши, более 12% которой постоянно засеивается сельскохозяйственными культурами. Обработка пахотных земель ежегодно приводит к перемещению около 1 тыс. т земли на каждого человека. Но самое удивительное в другом: чем больше распахиваются земли, тем сильнее наступает пустыня. Она — вечный спутник земледельцев и буквально наступает им на пятки. Хозяйственная деятельность людей увеличивает площадь пустынь и приводит к уменьшению площади лесов. В середине 50-х гг. XX в. леса покрывали $\frac{1}{4}$ поверхности суши, а сейчас лишь $\frac{1}{5}$. В развивающихся странах в послевоенное время их площадь уменьшилась в 2 раза.

Глобальная закономерность такова: в каждую следующую историческую эпоху благодаря деятельности человека девственной природы уничтожалось больше, чем в предшествующий период. Уже в эпоху неолита «пирогенные ландшафты», созданные человеком, стали более заметной точкой на географической карте планеты, чем пустынные участки, получившиеся от естественных возгораний леса.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

- ¹ См.: *Летурно Ш.* Социология, основанная на этнографии [Пер. с фр.]. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1905.
- ² См.: Oxford Dictionary of Sociology / Marshall G. (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 500–501.
- ³ См.: Applied sociology: roles and activities of sociologists in diverse settings / Ed. by H.E. Freeman, R.R. Dynes, P.H. Rossi and W.F. Whyte. San Francisco etc.: Jossey-Bass Publishers, 1983. P. 314.
- ⁴ См.: *Валлерштайн И.* Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 129–147.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Kottak C.Ph.* Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 2.
- ⁷ См.: *Lenski G.* Human societies. A macrolevel introduction to sociology. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1970.

ЧАСТЬ I ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Глава 1. Предмет и отрасли антропологической науки

1.1. Научный статус антропологии

- ¹ *Константин (Горянов О.А.), епископ.* Религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Вестник образования и развития науки РАЕН. 2002. № 6 (1). С. 18–27.
- ² *Hundt M.* Anthropologium de hominis dignitate, natura et proprietatibus, de elementis, partibus et membris humani corporis. Leipzig, 1501.
- ³ *Casmann O.* Psychologia Anthropologica, sive Animae humanae doctrina. Anthropologiae p. 11, de fabrica humani corporis mtthodice descripta. Hanau, 1594.
- ⁴ *Михайлов И., диакон.* Наука о душе или ясное изображение ея совершенств, способностей и безсмертия. М.: Типография Решетникова, 1796.

- 5 Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994. С. 8–13.
- 6 Companion Encyclopedia of Anthropology/Ed. by T. Ingold. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. XIV.
- 7 Munro R. Anthropology. Encyclopaedia of Religion and Ethics/Ed. by J. Hastings: In 12 Vol. Edinburg; N.Y., 1908–1921. V. 1. P. 561.
- 8 Kottak C. Ph. Op. sit.
- 9 V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003.

1.2. АРХЕОЛОГИЯ

- 10 Археология// Энциклопедия «Кругосвет». — <http://www.rol.ru>.
- 11 В лингвистике нативизм — это учение, согласно которому язык является врожденным качеством человека, а в психологии и педагогике — учение о врожденных качествах человека. Перенесение этого термина в археологию и антропологию позволило расширить его содержание и трактовать нативизм как принадлежность культуры к своему первоначальному, т.е. как бы врожденному, виду, который практически у всех народов связан с язычеством как древнейшей формой религиозных верований.
- 12 Археологический словарь. — <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.
- 13 Черносвитов П.Ю. Освоение Крайнего Севера. Опыт имитативного моделирования по материалам археологии: Автореф. ...дис. канд. историч. наук. М., 1999.
- 14 См.: Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.
- 15 Более полные сведения об археологии в разных странах мира, ее теории и истории можно найти на сайте <http://www.archaeology.ru/index.html>.

1.3. СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- 16 Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М., 1997.
- 17 Резник Ю.М., Федоров Е.С. Антропология и социальная политика. М., 1997.
- 18 Крюков М.В. Социальная антропология. — <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.
- 19 См.: White L.A. Culturology// International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 3. N.Y.: The Free Press, 1968. P. 547–550.
- 20 Лурье С.В. Что изучает этнология? — <http://svlourie.narod.ru>.
- 21 Романов П.В. Процедуры стратегии, подходы «социальной этнографии»// Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–149; Козина И. Особенности стратегии *case study* при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России// Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5–6. С. 65–90.

1.4. ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- 22 Рулан Н. Юридическая антропология: Учеб. для вузов. М., 2000.
- 23 Олень всегда прав: Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2003.
- 24 Подробнее см.: Новикова Н.И. «Родовые угодья»: перспективы правового плюрализма (Представления представителей коренных народов и законодателей)// Государство и право. 2000. № 6.

- 25 Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / Сост., ред. и авт. вступ. ст. Ю.И. Семенов. М., 1998.
- 26 Рулан Н. Юридическая антропология: Учеб. для вузов / Пер. с фр. М., 1999.
- 1.5. Историческая антропология**
- 27 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993; Одиссей. Человек в истории. М., 1989–1996.
- 28 Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
- 29 Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2000.
- 30 Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22; Данилевский И.Н. На пути к антропологической истории России // Историческая антропология: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1998. С. 45–48; Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947; Бессмертный Ю.Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1998. С. 32–34; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февраля 1997 г. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: РГГУ, 1998; Ким С.Г. Основные тенденции исторической антропологии в Германии 1960–1980-х гг. // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994. С. 130–190; Гуревич А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестник АН СССР. 1989. № 7. С. 71–78; Эмар М. Аграрная история: от изучения экономики к исторической антропологии // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 130–137.
- 31 Burke P. The Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication. Cambridge, 1987; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февраля 1997 г. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: РГГУ, 1998; Ким С.Г. Основные тенденции исторической антропологии в Германии 1960–1980-х гг. // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994. С. 130–190; Ренина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 48–59.
- 32 Берк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 272–283; Burke P. The Historical Anthropology of Early Modern Italy: Essays on Perception and Communication. Cambridge, 1987.

- ³³ *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167–190; *Медик Х.* Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193–202; *Ревель Ж.* Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 236–261. (Краткий вариант той же работы опубл.: *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 110–127.)
- ³⁴ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77–100; *Оболенская С.В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 182–198.

1.6. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ³⁵ *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 306–315.
- ³⁶ Этнолингвистика. — <http://x.archaeology.nsc.ru>.
- ³⁷ *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: Учеб. пособие. СПб., 1995; *Кузнецов А.М.* Этнолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; *Юдин А.В.* Этнолингвистика // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998.
- ³⁸ *Боринская С.А.* Еще раз о происхождении человека. — <http://evolution.powernet.ru>.
- ³⁹ Сибирский посад. 2003. № 37 (543).
- ⁴⁰ См.: *Клакхон К.* Зеркало для человека: Введение в антропологию: Пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998.
- ⁴¹ *Урысон Е.В.* Языковая картина мира — обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопровы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
- ⁴² *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира–Уорфа. Ереван, 1968.
- ⁴³ *Гринберг Дж.* Антропологическая лингвистика: Вводный курс: Пер. с англ. М., 2004.
- ⁴⁴ *Хойер Г.* Антропологическая лингвистика: Пер. с англ. // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 284–306.
- ⁴⁵ *Юдин А.В.* Этнолингвистика на Западе. — <http://karija.narod.ru>.
- ⁴⁶ *Яковлева Е.А.* Антропологическая лингвистика как средство и цель лингвистического образования в школе и вузе // Проблемы воспитания и перестройки в учебно-образовательных учреждениях народного образования: Тез. докл. Уфа: Башкирск. гос. пед. ин-т, 1989. С. 146–147.
- ⁴⁷ Известный лингвист Анна Вежбицкая (р. 1938) начинала свои исследования в Польше, в середине 1960-х гг. она приезжает в Москву, где сотрудничает с представителями московской семантической школы. Позднее работала в США, а в начале 1970-х гг. переезжает в Австралию, где и преподает до сих пор, создав крупный лингвистический центр в Канберре.
- ⁴⁸ *Падучева Е.* Феномен Алены Вежбицкой // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 21.
- ⁴⁹ *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999; *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997; *Wierzbicka A.* The case for surface case. Ann Arbor, 1980.

- ⁵⁰ Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
- ⁵¹ Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
- ⁵² Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л., 1984; Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.

1.7. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁵³ Bock Ph. Rethinking Psychological Anthropology: Continuity and Change in the Study of Human Action. N.Y.: W. H. Freeman, 1988.
- ⁵⁴ Источник: Сектор археологической теории и информатики. — <http://www.sati.archaeology.nsc.ru:8101/>.
- ⁵⁵ Duijker H.C.J., Frijda N.H. National Character and National Stereotypes: Confluence. Amsterdam: North-Holl Publishing Company, 1960.
- ⁵⁶ Лурье С.В. Современная психологическая антропология. — <http://ethnopsychology.narod.ru>.
- ⁵⁷ Schwartz T. Anthropology and Psychology // New direction in Psychological Anthropology / Ed. by T. Schwartz, G.M. White, K.A. Lutz. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 333.
- ⁵⁸ Hsu F.L.K. Psychological Anthropology in the Behavioral Sciences. Handbook of International and Intercultural Communication // K.A. Molefi, W.B. Gudykunst (eds.). Newbury Park; L.; New Delhi: Sage Publication, 1989. P. 9–10.
- ⁵⁹ Spain D.H. Psychoanalytic Anthropology After Freud. N.Y.: Psyche Press, 1992.
- ⁶⁰ Bock Ph.K. (ed.) Handbook of Psychological Anthropology. Westport, Connecticut; L.: Greenwood Press, 1994.

1.8. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁶¹ Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999.
- ⁶² Цит. по: Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования. 1983. № 2. С. 45.
- ⁶³ Бутинов Н.А. Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: Наука, 1979.
- ⁶⁴ Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Указ. соч. С. 43–54.
- ⁶⁵ Пруденский Г.А. К изучению региональных особенностей экономического развития районов страны (вместо введения) // Региональные особенности экономического развития районов страны. М., 1966; Он же. Опыт социологических исследований // Экономические законы и руководство хозяйством. М., 1966.
- ⁶⁶ Некрасов Н.Н. Региональная экономика: Теория, проблемы, методы. М., 1978.

- ⁶⁷ *Костаков В.Г., Маневич Е.Л.* Важнейшие проблемы использования трудовых ресурсов // Региональные проблемы населения и трудовые ресурсы СССР. М.: Экономика, 1978.
- ⁶⁸ *Кириченко В.Н.* Пропорциональность экономического роста и эффективность // Коммунист. 1980. № 18.
- ⁶⁹ *Кириченко В.Н.* Указ. соч. С. 34.
- ⁷⁰ *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1965. № 4.
- ⁷¹ *Чеснов Я.В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии // Советская этнография. 1972. № 4.
- ⁷² *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* Указ. соч. С. 48.
- ⁷³ *Уишлейд Ф., Юилл Д.* Системы категоризации ареалов в Европе: возможные уроки для России // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. Вып. 2. Новосибирск, 2000.
- ⁷⁴ *Автономов В.С.* Экономическая антропология и модель человека // Очерки экономической антропологии. М., 1999.
- ⁷⁵ *Dalton J.* Economic anthropology and development: Essays on tribal and peasant economics. N.Y., 1971.
- ⁷⁶ *Sahlins M.* Poor man, rich man, chief: political types in Melanesia and Polynesia // Comparative studies in Society and History. 1963. № 5. P. 285–303; *Sahlins M.* Social stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958; *Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975; *Idem.* Primitive Social Organization. N.Y., 1971.
- ⁷⁷ *Vayda A.* Anthropological Perspectives on Tropical Deforestation? A Review Article // *Anthropos*. 1998. Vol. 93. No. 2. P. 573–579.

1.9. ПРИКЛАДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁷⁸ What is Applied Anthropology? — <http://www.colorado.edu>.

1.12. БИЗНЕС-АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁷⁹ *Jones D.* Hot asset in corporate: Anthropology degrees // USA Today. February 18, 1999.
- ⁸⁰ The New York Times. June 10, 1999.
- ⁸¹ *Hafner K.* Coming of Ages in Palo Alto: Anthropologists find a niche studying consumers for companies in Silicon Valley // The New York Times. June 10, 1999.
- ⁸² *Green J.* Ford's secret weapon: Anthropology // The Oakland Press. September 14, 1999.

1.13. АНТРОПОЗООЛОГИЯ

- ⁸³ *Шенель В.М.* Управленческая антропология. М., 2001.
- ⁸⁴ *Савельева В.В.* Художественная антропология. Алматы, 1999; *Удодов Б.М.* Пушкин: художественная антропология. Воронеж, 1999.
- ⁸⁵ *Бочаров В.В.* Антропология возраста: Научное исследование. СПб., 2001.
- ⁸⁶ *Шнирельман В.А.* Этнозоология. — <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>.

1.14. КИБЕРАНТРОПОЛОГИЯ

- ⁸⁷ К интерактивной антропологии. — <http://bspu.ab.ru>.

1.15. ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁸⁸ *Harper D.* An argument for visual sociology // Image-Based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers. L.; Bristol, PA: Falmer Press, 1998; *Рокитянский В.* Визуальная антропология: частное расследование. М., 2000.
- ⁸⁹ *Александров Е.В.* Обоснования и принципы визуально-антропологического мониторинга. — <http://www-koi8.socio.msu.ru>.
- ⁹⁰ Там же.

1.16. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁹¹ *Куликов П.К.* Педагогическая антропология. М., 1986; *Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология. М., 1998; *Максакова В.И.* Педагогическая антропология. М., 2001; *Огурцов А.П.* Педагогическая антропология: поиски и перспективы // Человек. 2002. № 1; *Самохин Ю.* Вероисповедание как феномен социальной и этнической адаптации человека. — <http://kraevedenie.chat.ru>; *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. Т. 1–2. Париж, 1953.
- ⁹² *Новичкова Г.А.* Историко-философские очерки западной педагогической антропологии. — М., 2001.
- ⁹³ *Loch W.* Die anthropologische Dimension der Padagogik. Essen, 1963; *Kochellis P.* Der wissenschaftliche Aspekt im padagogischen Denken // Wissenschaft und Weltbild, 1965. Bd. 18. Hf. 3; *Roth H.* Padagogische Anthropologie. Hannover, 1966; *Meinberg E.* Zur Entwicklung anthropologischer Konzepte in der Padagogik nach dem 2. Weltkrieg // Padagogische Rundschau. 1973. Bd. 32. Hf. 9. S. 695–712; *Idem.* Das Menschenbild der modernen Erziehungswissenschaft. Darmstadt, 1988; *Liedtke M.* Padagogische Anthropologie als anthropologische Fundierung der Erziehung // Diskussion: Padagogische Anthropologie. Munchen, 1980; *Loch W.* Der Mensch im Modus des Kennens. Anthropologische Fragen padagogischen Denkens // Diskussion Padagogische Anthropologie. Hrsg. E. Konig. Munchen, 1980; *Derbolav J.* Padagogische Antyropologie als Theorie der individuellen Selbstverwirklichung // Diskussion Padagogische Anthropologie. Munchen, 1980; Einführung in die padagogische Anthropologie. Hrsg. Ch.Wulf. Weinheim und Basel, 1994.
- ⁹⁴ Theorien und Konzepte der padagogische Anthropologie / Hrsg. J. Petersen und G.V. Reinert. Donauworth, 1994. S. 19–20.
- ⁹⁵ *Ушинский К.Д.* Педагогическая антропология. М., 2002.
- ⁹⁶ Педагогический энциклопедический словарь. — <http://www.dictionary.fio.ru>.
- ⁹⁷ *Огурцов А.П.* Педагогическая антропология: поиски и перспективы // Человек. 2002. № 1.
- ⁹⁸ *Бим-Бад Б.М.* Педагогическая антропология: Учеб. пособие. М., 1998.

1.17. РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ⁹⁹ *Бердяев Н.А.* Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 3–26; *Он же.* Стилизованное православие. — <http://www.magister.msk.ru>; *Он же.* О характере русской религиозной мысли XIX века. — <http://www.magister.msk.ru>.

- ¹⁰⁰ Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. — <http://www.pereplet.ru>.
- ¹⁰¹ Бердяев Н.А. О характере русской религиозной мысли XIX века. — <http://www.magister.msk.ru>.
- ¹⁰² Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 2. Метафизика жизни и Христианское Откровение. Казань, 1906.
- ¹⁰³ Кузьмицкас Б.Ю. Религиозно-философская антропология К. Ранера // Философия. Религия. Культура. М., 1980; Кимелев Ю.А. Современная буржуазная философско-религиозная антропология. М., 1985; Он же. Философия религии. Систематический очерк. М., 1998; Русская религиозная антропология: Антология: В 2 т. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. М., 1997; Уваров М.С. Религиозная антропология в ситуации постмодерна. — <http://anthropologia.spbu.ru>; Зеньковский В.В. Принципы православной антропологии // Вестник русского христианского движения. 1989. № 154. С. 81–96; Он же. Проблема воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993, 1996; Проблема телесности в антропологии исихазма // Новые идеи в философии: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Пермь, 1998. С. 176–178; Сердце в православной антропологии // Православный Летописец Санкт-Петербурга. 2000. № 1. С. 65–77; Непомнящий И. О православной антропологии. — <http://www.zavet.ru>.
- ¹⁰⁴ Прот. Иоанн Мейендорф. Православие в современном мире. Нью-Йорк, 1981; Хоружий С.С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека. — <http://www.pravoslavie.ru>.
- ¹⁰⁵ Семенова С.Г. Русский космизм. — <http://sufism.ru/barzah/cosm03.htm>.

1.18. Социология и антропология

- ¹⁰⁶ Kottak C. Anthropology: The Exploration of Human Diversity. 8th ed. N.Y., 2001.
- ¹⁰⁷ Гронас М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре. — <http://nlo.magazine.ru>.
- ¹⁰⁸ Шматко Н.А. Горизонты социоанализа. — <http://bourdieu.narod.ru>.
- ¹⁰⁹ Радклиф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 631.
- ¹¹⁰ Jenks C. Cultura. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 29–30.
- ¹¹¹ Ibid. P. 61.
- ¹¹² Kottak C. Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 2.

1.19. Этнология

- ¹¹³ См.: Крюков М.В. Этнология // Свод этнографических понятий и терминов. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- ¹¹⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 315.
- ¹¹⁵ Winthrop R.H. Dictionary of Concepts in Cultural Anthropology. N.Y.; Westport, Connecticut; L., 1991. P. 101.
- ¹¹⁶ Радклиф-Браун А.Р. Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 606.

- ¹¹⁷ Краткий этнологический словарь. М., 1995. С. 90.
- ¹¹⁸ *Лурье С.В.* Что изучает этнология? — <http://svlourie.parod.ru>.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Этнография и смежные дисциплины. М., 1994. С. 68.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ См.: *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966; *Залкинд Н.Г.* Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М., 1974.
- ¹²⁴ *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000.

1.20. Этносоциология

- ¹²⁵ *Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоклов А.А.* Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998.
- ¹²⁶ *Ковалевский М.М.* Социология. Т. 2. СПб., 1910. С. 1, 3.
- ¹²⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 279.
- ¹²⁸ *Сорокин П.А.* Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 108.
- ¹²⁹ *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 146.

1.21. Этнография

- ¹³⁰ *Бромлей Ю.В., Токарев С.А.* Этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 22.
- ¹³¹ Там же. С. 21–40.
- ¹³² *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000.
- ¹³³ *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и проблема его соотношения с предметом социальной антропологии // Наука о культуре и социальная практика: антропологическая перспектива. М., 1998. С. 7–39.
- ¹³⁴ Подробнее см.: *Семенов Ю.И.* Указ. соч.

1.22. Крестьяноведение

- ¹³⁵ *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 45–58; *Симуш П.И.* Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М., 1991; *Шанин Т.* Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 8–20.
- ¹³⁶ *Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000.
- ¹³⁷ Подробнее см.: *Гордон А.В.* Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 57–74.

- ¹³⁸ См.: *Гордон А.В.* Крестьяне и крестьянские движения Востока в западном крестьянстве // Крестьяне и крестьянские движения в странах Азии и Африки. М., 1977.
- ¹³⁹ Рефлективное крестьянство: Десятилетие исследований современной России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.
- ¹⁴⁰ *Рывкина Р.* Социология села // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 160–172.
- ¹⁴¹ *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- ¹⁴² *Шанин Т.* Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Крестьянство. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 9.
- ¹⁴³ См.: *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. — <http://nail.yabloko.ru>.
- ¹⁴⁴ Рефлективное крестьянство: Десятилетие исследований современной России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 102–103.
- ¹⁴⁵ *Гордон А.В.* Типология семейного хозяйствования в крестьянстве (90-е годы XIX в. — 90-е годы XX в.) // Крестьянство. Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999 / А.В. Гордон, Т. Шанин, Н.Е. Хитрина и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1999.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 6.
- ¹⁴⁷ *Крылов В.В.* Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях ИТР // Аграрные структуры стран Востока. М., 1977. С. 268–269; *Данилов В.П., Данилова Л.В., Растяжников В.Г.* Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры..., С. 11–12; *Фурсов А.И.* Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. М., 1986. С. 110–122.
- ¹⁴⁸ *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России. М., 1995. С. 223.
- ¹⁴⁹ См.: *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920.
- ¹⁵⁰ *Гордон А.В.* Типология семейного хозяйствования в крестьянстве (90-е годы XIX в. — 90-е годы XX в.) // Крестьянство. Теория. История. Современность: Ученые записки. 1999 / А.В. Гордон, Т. Шанин, Н.Е. Хитрина и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1999. С. 6–7.

1.23. Этнография детства

- ¹⁵¹ Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 2.
- ¹⁵² *Осорина М.В.* Детский фольклор: Зачем он нужен? // Знание — сила. 1985. № 4.
- ¹⁵³ *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. С. 8.
- ¹⁵⁴ См.: Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992.
- ¹⁵⁵ Под меркантилизацией понимается проникновение коммерческого начала в организацию, издание и содержание детской культуры, под вестернизацией — проникновение, а затем и вытеснение из сознания детишек ценностей родной культуры зарубежными героями и идеалами, под демонизацией — пропаганда культа насилия, вражды, победы злого начала, пропаганда сатанинского начала в культуре.

- ¹⁵⁶ *Абраменкова В.В.* Соррадование и сострадание в детской картине мира. М., 1999; *Она же.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.; Воронеж, 2000; *Она же.* Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 3–16.
- ¹⁵⁷ *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 3–16.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ См.: *Чередникова М.П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995; *Трыкова О.Ю.* Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой. Ярославль, 1997; *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.

1.24. НЕКРОСОЦИОЛОГИЯ

- ¹⁶⁰ См.: *Ионин Л.Г.* Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997. С. 50–89.
- ¹⁶¹ Там же. С. 58.
- ¹⁶² *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1973. С. 292–293.
- ¹⁶³ См.: *Ионин Л.Г.* Указ. соч. С. 60.

Глава 2. Количественная и качественная методология

2.1. ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР ДВУХ СТРАТЕГИЙ

- ¹ *Толстова Ю.Н.* О системности социологических объектов (размышления над некоторыми публикациями) // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 119–131.
- ² Впрочем, похожее обвинение можно выдвинуть и против одного из столпов количественной методологии, а именно О. Конта, который тоже не провел ни одного эмпирического исследования. Все они на что-то намекали, к чему-то призывали, очень много философствовали, а теперь их потомки выуживают из сочинений классиков удобные для себя определения и доказательства.
- ³ *Whyte W.F.* Street corner society: The social structure of an Italian slum. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- ⁴ В 1922 г. австрийский философ М. Шлик организовал семинар при кафедре философии индуктивных наук Венского университета. На его основе в конце 20-х гг. и возник Венский кружок, объединивший философов, математиков и других ученых. В 1929 г. Р. Карнап, Г. Ган и О. Нейрат опубликовали манифест Венского кружка, а с 1930 по 1939 г. венские ученые вместе с берлинскими коллегами издавали журнал *Erkenntnis*. В первом номере журнала была опубликована статья М. Шлика под названием «Переворот в философии». Философская доктрина Венского кружка получила название логического позитивизма или логического эмпиризма. Переворот в философии, декларируемый логическими позитивистами, заключался в постановке новых задач философского исследования и установлении его новых принципов.

- ⁵ Ландберг (Lundberg) Джордж Эндру (1895–1966), американский социолог, сторонник перенесения методов естественных наук в социологию.
- ⁶ Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1957. P. 390.
- ⁷ *Sociology: the progress of a Decade* / Ed. by Lipset S.M., Smelser N.J. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1961.
- ⁸ Первую фокус-группу Р. Мертон и П. Лазарсфельд провели в 1941 г., изучая эффективность работы радио во время Второй мировой войны.
- ⁹ Merton R.K., Fiske V., Kendall P.L. *The Focused Interview: A Manual of Problems and Procedures*. 2nd ed. N.Y.: The Free Press, 1990.
- ¹⁰ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 155.
- ¹¹ Katz J. *A Theory of Qualitative Methodology: The Social System of Analytical-Fieldwork* // *Contemporary Field Research. Prospect Heights* / Ed. R. Emerson. Illinois: Waveland Press, 1983. P. 127–148.
- ¹² Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная социология: взгляд сквозь призму понимания эмпирического исследования как измерения // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 101–109.
- ¹³ Новые направления в социологической теории / Под ред. Г.В. Осипова; Пер. с англ. Л.Г. Ионина. М.: Прогресс, 1978.
- ¹⁴ Tesch R. *Qualitative research: analysis types & software tools*. N.Y.: Falmer Press, 1990. P. 2.

2.2. ДВЕ СТРАТЕГИИ: АНТАГОНИСТЫ ИЛИ ПРОТАГОНИСТЫ

- ¹⁵ Нанеишвили Б. Применение глубинных интервью в маркетинговых исследованиях. — <http://marketingmix.ru>.
- ¹⁶ Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / Отв. ред. Я. Гишинский. М.: ИС РАН, 1992. С. 135–182.
- ¹⁷ Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «Круглого стола») // Социология-4М. 1995. № 5–6. С. 7.
- ¹⁸ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996; Алексеев А.Н. Драматическая социология. Кн. 1, 2. М.: ИС РАН, 1997.
- ¹⁹ Социология-4М. 1997. № 7, 9.
- ²⁰ Саганенко Г.И. Сопоставление несопоставимого: обоснование сравнительного исследования на базе открытых вопросов. — <http://www.nir.ru>.

2.3. ДВЕ МЕТОДОЛОГИИ — ДВА ЗНАЧЕНИЯ

- ²¹ Tesch R. *Qualitative research*. N.Y.: The Fahner Press, 1990. P. 58.
- ²² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. — <http://naif.yabloko.ru>.
- ²³ Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «Круглого стола») // Социология-4М. 1995. № 5–6. С. 10.
- ²⁴ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 14–15.

- ²⁵ *Strauss A., Corbin J.* Basics of qualitative research. L.: Sage Publications, 1990. P. 17.
- ²⁶ См.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. — <http://nail.yabloko.ru>.
- ²⁷ Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований современной России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 104.
- ²⁸ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. — <http://nail.yabloko.ru>.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Дубровский Д.И., Черносветов Е.В. К анализу структуры субъективной реальности (ценностно-смысловой аспект) // Вопросы философии. 1979. № 3. С. 59.
- ³¹ *Geertz C.* The interpretation of culture. L.: Fontana Press, 1997; *Leach A.R.* Social anthropology. L.: Fontana Press, 1982; *Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography. L.: Routledge, 1995.
- ³² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. — <http://nail.yabloko.ru>.

2.4. Принцип дополнительности двух методологий

- ³³ Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная социология: взгляд сквозь призму понимания эмпирического исследования как измерения // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 103.
- ³⁴ Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «Круглого стола») // Социология-4М. 1995. № 5–6. С. 5–15.
- ³⁵ *Tesch R.* Qualitative Research Analysis Types and Software Tools. N.Y.; Philadelphia; L.: The Falmer Press, 1990. P. 95.
- ³⁶ Ключкина О.Б. Построение теории на основе качественных данных: из истории развития методологического направления // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92.
- ³⁷ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998. С. 128.
- ³⁸ Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «Круглого стола») // Социология-4М. 1995. № 5–6. С. 12.

2.5. Сущность и структура граунд-теории

- ³⁹ В отечественной литературе можно встретить самые разные транскрипции двух фамилий, а именно: а) Глейзер, Глезер, Гласер; б) Стросс, Страус, Страусс, Штраусс.
- ⁴⁰ *Glaser B.G., Strauss A.L.* The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. Chicago: Aldine, 1967.
- ⁴¹ Oxford Dictionary of Sociology/ Marshall G. (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 265.
- ⁴² *Glaser B.G.* The Grounded Theory Perspective: Conceptualization Contrasted with Description. — <http://www.groundedtheory.com/soc14.html>.

- ⁴³ Авторы новой методологии подчеркивали, что она только кажется весьма простым делом. На ее изучение потребуется минимум 1,5 года. Постичь это искусство очень сложно, не имея большого жизненного (социального) опыта (*Glaser B.G. The Grounded Theory Perspective: Conceptualization Contrasted with Description.* — <http://www.groundedtheory.com>).
- ⁴⁴ *Oxford Dictionary of Sociology/ Marshall G. (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1998. P. 265–266.*
- ⁴⁵ *Strauss A., Corbin J. Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques.* L.: Sage, 1990.
- ⁴⁶ Так на профессиональном жаргоне именуют нерасшифрованные и необработанные записи живого разговора ученого с интервьюируемым.
- ⁴⁷ *Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М., 2001. С. 20–21.*
- ⁴⁸ *Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research.* Chicago: Aldine, 1967. P. 1.
- ⁴⁹ *Idem.* P. 16.
- ⁵⁰ *Siegel P.H. A Comment on the Application of Grounded Theory to Accounting Research.* — <http://hsb.baylor.edu>.
- ⁵¹ *Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory.* Chicago: Aldine, 1967.
- ⁵² *Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research.* Newbury Park, Ca: Sage, 1990.
- ⁵³ *Glaser B.G. Doing Grounded Theory: Issues and Discussions.* Sociology Press, 1998. P. 150.
- ⁵⁴ *Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research.* Newbury Park, Ca: Sage, 1990.
- ⁵⁵ *Glaser B.G. Doing Grounded Theory: Issues and Discussions.* Sociology Press, 1998. P. 62.
- ⁵⁶ *Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research.* Newbury Park, Ca: Sage, 1990.
- ⁵⁷ *Glaser B.G. Doing Grounded Theory: Issues and Discussions.* Sociology Press, 1998. P. 115.
- ⁵⁸ *Glaser B.G. Gerund Grounded Theory: The Basic Social Process: Diss.* Sociology Press, 1996. P. 120.
- ⁵⁹ *Siegel P.H. A Comment on the Application of Grounded Theory to Accounting Research.* — <http://hsb.baylor.edu>.
- ⁶⁰ *Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research.* Newbury Park, Ca: Sage, 1990.
- ⁶¹ *Glaser B.G. Basics of grounded theory analysis.* Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992.
- ⁶² *Pickard A.J. The impact of access to electronic and digital information resources on learning opportunities for young people: a grounded theory approach.* — <http://informationr.net>.
- ⁶³ *Glaser B.G., Strauss A.L. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research.* Chicago: Aldine, 1967. P. 3.
- ⁶⁴ *Glaser B.G. Doing Grounded Theory: Issues and Discussions.* Sociology Press, 1998. P. 50.
- ⁶⁵ *Vickery B.C., ed. Faceted Classification: A Guide to Construction and Use of Special Schemes.* L.: Aslib, 1960.
- ⁶⁶ Веб-адрес института: <http://www.groundedtheory.com>.
- ⁶⁷ Веб-адрес журнала: <http://www.groundedtheory.com/review.html>.

Глава 3. Виды исследования и методы анализа

3.1. Принципы антропологического исследования

- ¹ *Kottak C.* Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 28–32.
- ² Ibid.
- ³ Ibid. P. 22–35.
- ⁴ Ibid.

3.2. Аналитические методы

- ⁵ *Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.* Variations in value orientations. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Тайлор Э.* Первобытная культура. М., 1989. С. 6–7.
- ⁸ *Murdock G.* Ethnographic Atlas. Pittsburg, 1967.
- ⁹ *Мердок Дж.П.* Социальная структура / Пер. с англ. А.В. Коротаева. М., 2003.
- ¹⁰ *Murdock G.* Africa: Its Peoples and Their Culture History. N.Y., 1959.

3.4. Виды эмпирического исследования

- ¹¹ *Вайнштейн С.И.* Полевая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.

3.6. Повторные исследования

- ¹² *Паицорковский В.В.* Возрождение сельского уклада // Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий. М.: ИСЭПН РАН, 1996. С. 185–196.
- ¹³ Копанка 25 лет спустя. М., 1965; *Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования. 2000. № 4.

3.7. Полевое исследование

- ¹⁴ Информация с веб-сайта <http://archeology.narod.ru/researches-ru.htm>.
- ¹⁵ *Вайнштейн С.И.* Полевая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- ¹⁶ *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000.
- ¹⁷ *Маслова О.М.* Методика полевых исследований в социологии. — <http://rc.msses.ru/rc/Mpis.htm>.
- ¹⁸ *Попов Е.В.* Планирование маркетинговых исследований на предприятии. — <http://www.bma.ru/lib/lib8.htm>.
- ¹⁹ *Ньюман Л.* Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 110–121.
- ²⁰ *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000.
- ²¹ Подробнее см.: *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. М., 1986.

- 22 *Христофорова О.Б.* Полевые методы в визуальной антропологии. — <http://ivgi.rsuh.ru>.
- 23 Подробнее см.: *Романов П.В.* Полевые методы социальной антропологии организации // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 102–108.

3.8. Анализ случая

- 24 *Вайнштейн С.И.* Полевая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- 25 *Mitchell J. C.* Case and Situation Analysis // *The Sociological Rev.*, 1983. Vol. 31. P. 191–192.
- 26 *Yin R. K.* Case Study Research: Design and Methods. Beverly Hills: Sage, 1984. P. 23.
- 27 Applied Qualitative Research / Walker R. (eds). Gower Publishing Company Ltd., 1985. P. 4–7.
- 28 *Platt J.* What Can Case Studies Do? // *Studies in Qualitative Methodology*. 1988. № 1.
- 29 *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований: Учеб. для вузов. М., 1995. С. 18.
- 30 *Hagood M.* Statistics for sociologists. N.Y., 1941.
- 31 *Романов П.В.* Полевые методы социальной антропологии организации // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 102.
- 32 Case study research. — <http://kerlins.net/bobbi/research/qualresearch/bibliography/casestudy.html>.
- 33 *Козина И.* Case study: некоторые методические проблемы. — <http://www.socnet.narod.ru/Rubez/10-11/kozina.htm>.
- 34 Там же.
- 35 *Романов П.В.* Процедуры стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–149; *Козина И.* Особенности стратегии *case study* при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5–6. С. 65–90.
- 36 Служба социального развития предприятия: Практик. пособие / Герчиков В.И., Кравченко А.И., Крылова Н.В. М.: Наука, 1989. С. 115.

3.9. Социография

- 37 Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., Наука, 1986. С. 360–361.
- 38 См.: Общественные науки за рубежом // РЖ «Философия и социология». 1982. Сер. 3. № 3. С. 142–143.
- 39 *Tar S.* A mi utcánk. Budapest: Magvető — AB-Beszélő, 1995.
- 40 См.: *Гусев Ю.* Растеряева улица в середине Европы // Иностранная литература. 1997. № 3.
- 41 Там же.

3.10. Биографический метод

- 42 *Hakim C.* Research Design: Strategies and Choices in the Design of Social Research. L.: Alien & Unwin, 1987. P. 65–66.
- 43 Life History. — <http://rouncefield.homestead.com>.

- ⁴⁴ *Becker H.S.* Sociological Work: Method and Substance. Chicago: Aldine, 1970; *Brown G.W., Harris T.O.* Social Origins of Depression: A Study of Psychiatric Disorder in Women. N.Y.: Free Press, 1978.
- ⁴⁵ *Берто Д., Берто-Вьям И.* Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 106–121.
- ⁴⁶ Автобиография — авторское повествование о собственной жизни, или нарратив.
- ⁴⁷ *Знаецкий Ф.* Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1.
- ⁴⁸ *Shaw C.R.* The Jack-Roller. A Delinquent Boy's Own Story. Chicago: The University of Chicago Press, 1966.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998.
- ⁵⁰ *Denzin N.K.* Interpretative biography. N.Y.: Sage, 1989.
- ⁵¹ *McNeil P.* Research Methods. L.: Routledge, 1990.
- ⁵² См.: веб-сайт Biographical Films & Videos — <http://www.frif.com/subjects/biograph.html>.
- ⁵³ См.: веб-сайт <http://www.anthja.com>.

3.11. НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

- ⁵⁴ *Bernard H.R.* Research methods in anthropology. Qualitative and Quantitative Approaches. L.: Altamira Press, 1994. P. 25–39.
- ⁵⁵ Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов / Под ред. Ф.Э. Шереги, М.К. Горшкова. М., 1995. С. 162–164.
- ⁵⁶ *Bernard H.R.* Research methods in anthropology. Qualitative and Quantitative Approaches. L.: Altamira Press, 1994.
- ⁵⁷ Ibid. P. 56.
- ⁵⁸ Ibid. P. 53–58.
- ⁵⁹ Ibid. P. 57.

3.12. СОЦИОДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ И ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

- ⁶⁰ *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 78.

3.13. СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

- ⁶¹ *Кудрявцев М.Н.* Экспериментальные методы исследования в системе исторических наук. — <http://www.cbook.ru/peoples/obzor/index.shtml>.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.

Глава 4. Методы эмпирического исследования

4.1. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ НАУЧНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

- ¹ *Ньюман Л.* Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 111.

- ² Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 122.

4.2. ВИДЫ НАБЛЮДЕНИЯ

- ³ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 122.
- ⁴ Подробнее см.: Алексеев А.Н. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности: Из опыта «экспериментальной социологии». Томск, 1982; *Он же*. Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии. М.: РАН, 1993.
- ⁵ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 235.

4.3. ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

- ⁶ White W.E. Street corner society. Chicago, 1943.
- ⁷ Yablonsky L. Experiences with the Criminal Community // Applied sociology: opportunities and problems / Ed. by A.W. Gouldner and S.M. Miller. N.Y.: Free Press, 1965. P. 55–72.
- ⁸ Ibid. P. 70.
- ⁹ Girtler R. Vagabunden in der Grossstadt. Teilnehmende Beobachtung in der Lebenswelt der «Sandler» Wiens. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1980.
- ¹⁰ Анский С. Народ и книга (Опыт характеристики народного читателя). М., 1913.
- ¹¹ См.: Социологические исследования. 1990. № 2.
- ¹² Информация с веб-страницы <http://www.prodesign.ru/likbez/pr/pr4.htm>.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Кудрявцева М. Драматургия попрошайничества. — http://www.indepsocres.spb.ru/sbrnik9/9_kudr.htm.
- ¹⁶ Олшанский В.Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 242–251.
- ¹⁷ Whyte W.F. Street corner society: The social structure of an Italian slum. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- ¹⁸ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- ¹⁹ Словарь прикладной социологии / Сост. К.В. Шульга; Редкол.: Г.П. Давидюк (отв. ред.) и др. Минск: Изд-во «Университетское», 1984. С. 87.

4.4. НАБЛЮДЕНИЕ У ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ

- ²⁰ Сусоколов А.А. Наблюдение // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.

- ²¹ Христофорова О.Б. Полевые методы в визуальной антропологии. — <http://ivgi.rsuh.ru>.
- ²² Kottak C.Ph. Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 22–35.

4.5. КВАЗИАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

- ²³ Lynch M., Livingston E., Garfinkel H. Temporal order in laboratory work // Science observed: Perspectives on the social study of science. L. etc., 1983. P. 205–238.
- ²⁴ Latour B. et al. Laboratory life: the social construction of scientific facts. Calif.; L.: Sage, 1979.

4.6. ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДА

- ²⁵ Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов. М., 1995. С. 124.

4.7. ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРВЬЮ

- ²⁶ Christoffersen M.N., Andersen B.H. Abent Interview: En gennemgang af tidligere anvendelser af ikke-standardiserede, intensive interviewsamtaler. København: Studie/Socialforskningsinst, 1982.
- ²⁷ Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 103–110.
- ²⁸ В зарубежной литературе за термином «неформализованное интервью» тянется длинный синонимический ряд: «неструктурированное», «нестандартизованное», «свободное», «открытое», «глубинное», «интенсивное», «исследовательское», «качественное». Хотя, как показывает специальный анализ, они далеко не всегда являются синонимами в полном смысле слова. Примечательно и другое: общепринятых определений этих терминов не существует, каждый автор произвольно считает их синонимами либо предлагает на основе не совсем ясных и убедительных критериев различать их.
- ²⁹ Некоторые специалисты считают, что фокусированное интервью не тождественно направленному, поскольку наличие проблемного фокуса — это не то же самое, что степень «управления» ответами респондента со стороны интервьюера. Фокусированное интервью может быть как направленным, так и ненаправленным (С. Белановский).
- ³⁰ Если вы используете поисковую программу Интернета, то получите ответ: не найдено ни одного документа, соответствующего запросу «самофокусирующегося» интервью.
- ³¹ Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов. М., 1995; Голубков Е.П. Маркетинговые исследования // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 1.
- ³² Вайнштейн С.И. Полевая этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.

4.8. ФОРМАЛИЗОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

- ³³ Геринг А.Г., Огородникова И.А. Скажите, пожалуйста: к вопросу об особенностях метода интервьюирования // Вестн. Омск. ун-та. 1999. Вып. 4. С. 119–122.

- ³⁴ *Нозль Э.* Массовые опросы: Введение в методику демоскопии. М., 1993. С. 82–83.
- ³⁵ *Чернобабин С.Н.* Жилищный вопрос в условиях перехода к рынку // Социологические исследования. 1993. № 5. С. 99.
- ³⁶ *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология: Методы исследования. М., 1997. С. 234.
- ³⁷ *Геринг А.Г., Огородникова И.А.* Указ. соч. С. 120.
- ³⁸ Основы прикладной социологии: Учеб. для вузов. М., 1995. С. 118.

4.9. СВОБОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- ³⁹ *Иванов М.А.* Беседа как метод исследования // Социологические исследования. 1989. № 4.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998. С. 416; *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 39.

4.10. ЭФФЕКТ ИНТЕРВЬЮЕРА

- ⁴³ *Погосян Г.А.* Форма вопроса и целевая установка исследователя // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 162–167.
- ⁴⁴ *Бутенко И.А.* Стандартизированное интервью и новые технологии // Социологические исследования. 1997. № 11. С. 100–106.

4.11. АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- ⁴⁵ *Романов П.В.* Полевые методы социальной антропологии организации // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 105.
- ⁴⁶ См.: *Latour B. et al.* Laboratory life: the social construction of scientific facts. Calif.; L.: Sage, 1979.
- ⁴⁷ *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1918.
- ⁴⁸ *Lasswell H.D.* Analysing the content of mass communication: A brief introduction. N.Y., 1942; *Berelson B.* Content-analysis in communication research. N.Y., 1952.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Манекин Р.В.* Контент-анализ как метод исторического исследования. — <http://manekin.narod.ru/contentM.htm>.
- ⁵⁰ См.: Практикум по социологии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 86.

4.12. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ

- ⁵¹ *Григорьев С.И., Растов Ю.Е.* Основы современной социологии: Учеб. пособие. — <http://irbis.asu.ru/mmc/grig/4.1.ru.shtml>.
- ⁵² *Тихонов В.И.* Проблемы категоризации при контент-анализе // Круг идей: модели и технологии исторической информатики: Тр. III конф. ассоциации «История и компьютер». М., 1996. С. 278–289; *Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф.* Об адекватном представлении структуры источников в базе данных (построение компьютерной модели личного дела лишенца в системе обработки исторических данных КЛИО) // Компьютер и историческое знание. Барнаул, 1994.

- ⁵³ Керов В.В. Контент-анализ религиозно-этических комплексов как моделирование системы семантической сопряженности понятий: «деятельное страдание» в раннем староверии. — <http://www.hist.msu.ru/Association/НАС/aik/polit.htm>.
- ⁵⁴ Сафронов А.А. Опыт компьютерной обработки данных о грамотности населения Урала по материалам первой всеобщей переписи населения России 1897 г. — <http://main.hist.msu.ru/Association/НАС/aik/econ.htm>.
- ⁵⁵ Пачкунова Е.Э. Место и роль женщины в жизни новгородского общества XII–XIV вв. На материале берестяных грамот. — <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Pachkun.htm>.

ЧАСТЬ II АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Глава 1. Биологическая и культурная эволюция

1.1. АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ: ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ...

- ¹ Включая кроманьонского человека.
- ² Шестопалов И.П. Биосфера и ноосфера В.И. Вернадского. — http://advsoft.1september.ru/fiz/1999/no46_1.htm.
- ³ Кейн Р. Мозг человека и беспомощность престарелых // Третий возраст. Им-пакт: Наука и общество. 1990. № 1. С. 31.
- ⁴ См.: Amer. J. Phys. Anthropol. 1997. Suppl. № 24. P. 210.
- ⁵ Кейн Р. Мозг человека и беспомощность престарелых // Третий возраст. Им-пакт: Наука и общество. 1990. № 1. С. 33.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Информация с веб-сайта: <http://www.rol.ru>.

1.2. ДОСТИЖЕНИЯ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

- ⁸ Богомольная Л. Новый анализ ДНК: как возник современный человек? — <http://www.nature.ru/db/msg.html?mid=1185090&s=>.
- ⁹ Хрисанова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1991. С. 37–38.

1.3. ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЖИВОТНОГО МИРА

- ¹⁰ Информация с веб-сайта: <http://www.examen.ru>.

1.6. ПОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

- ¹¹ Кууси П. Закономерности эволюции культуры // Этот человеческий мир. М., 1989.

1.7. ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

- ¹² Ефремов И.Л. Лезвие бритвы. М., 1978.
- ¹³ Буровский А.М. Идиллический палеолит? // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 163–174.
- ¹⁴ Низиретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика исторического прогресса. М., 1996.

- ¹⁵ Бибииков С.А. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981.
- ¹⁶ Буровский А.М. Идиллический палеолит? // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 169.
- ¹⁷ Верещагин Н.К. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. Л., 1971.
- ¹⁸ Vereshchagin N.K. Primitive hunters and pleistocene extinction in the Soviet Union // P. Martin, H.E. Wright (eds.). Pleistocene extinction. New Haven; L., 1967.
- ¹⁹ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.
- ²⁰ Членов М.А., Крупник И.И. В поисках древних культур Чукотки // Природа. 1984. № 6.
- ²¹ Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1856 г. М., 1956; Питтнем Э. Восемь лет среди пигмеев. М., 1958.

1.8. ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА БЫЛ АГРЕССИВНЫМ?

- ²² Артемова О.Ю. Дети в обществе аборигенов Австралии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992. С. 20–32, 43.

Глава 2. Исторические вехи антропогенеза

2.1. АВСТРАЛОПИТЕКИ

- ¹ Веб-сайт: http://anthro.palomar.edu/hominid/australo_2.htm.
- ² Early Transitional Species. — http://anthro.palomar.edu/hominid/australo_2.htm.
- ³ Тайны прошлого. — <http://srubnik.boom.ru/1.htm>.
- ⁴ Австралопитеки. — <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w4.htm>.
- ⁵ Источник: <http://SciTecLibrary.com>.
- ⁶ Австралопитеки. — <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w4.htm>.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Так в Чаде обычно называют детей, рожденных в сухой сезон.
- ⁹ Wednesday, 10 July, 2002. — <http://news.bbc.co.uk/1/hi/sci/tech/2118055.stm>.

2.3. *НОМО ERECTUS*

- ¹⁰ Homo erectus: The first large-brained humans. — http://www.wsu.edu:8001/vwsu/gedned/learn-modules/top_longfor/timeline/erectus/erectus-a.html.
- ¹¹ Позже его поименуют также тринильским человеком — по месту находки.
- ¹² Античные государственные мастерские, где трудились сотни рабов, неслучайно назывались эргастериями.
- ¹³ Homo ergaster. — <http://www.mnh.si.edu/anthro/humanorigins/ha/erg.html>.

2.4. НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

2.4.1. Венец творения и тупиковая модель

- ¹⁴ The Encyclopedia of World History: Ancient, Medieval, and Modern. 6th ed./ Ed. by P.N. Stearns. Boston: Houghton Mifflin, 2001.

2.4.2. Внешний вид

- ¹⁵ *Holliday T.W.* Postcranial evidence of cold adaptation in European Neandertals// *Amer. J. Phys. Anthropol.* Vol. 104. № 2. P. 245–258.
- ¹⁶ В среднем был даже больше — 1418 см³.

2.4.3. Среда обитания

- ¹⁷ Неандертальцы, или палеантропы. — <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w7.htm>.
- ¹⁸ *Козлова М.С.* Эволюционная судьба *homo sapiens*// *Человек.* 2000. № 1.
- ¹⁹ Да, были люди... Неандертальцы на канале Discovery Sci-Trek. — <http://tv.comcor-tv.ru/anons.html?id=192415>.
- ²⁰ Там же.

2.4.4. Общественный строй

- ²¹ *Аугуста Й.* Великие открытия/ Пер. М. Черненко и В. Шибяева. — <http://www.library.by/data/009/024.htm>.
- ²² *Дейниченко П.* Соната для пещерного медведя. — <http://boombook.boom.ru/archive/neandertalUG.html>.
- ²³ *Аугуста Й.* Указ. соч.
- ²⁴ Источник: <http://www.biodan.narod.ru>.

2.4.5. Зачатки духовной жизни

- ²⁵ *Муравник Г.Л.* Парадокс человека: новый взгляд на старую проблему. — <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/par-chel.htm>.
- ²⁶ Подробнее см.: <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w7.htm>.

2.4.6. Мы — не родственники

- ²⁷ *Муравник Г.Л.* Парадокс человека: новый взгляд на старую проблему. — <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/par-chel.htm>.
- ²⁸ См.: *Cell.* 1997. № 1. P. 19.
- ²⁹ *Стрингер К.Б.* Происхождение современных людей// *В мире науки.* 1991. № 2. С. 60.
- ³⁰ *Зайцев К.* Неандертальцы нам не родственники (2001). — <http://xTerra.ru>.
- ³¹ См. веб-сайт: <http://www.compulenta.ru/news/2001/8/1/16710/>.
- ³² *Максимов Н.* Неандерталец с Кавказа. Загадки проясняются. — http://www.znanie-sila.ru/online/issue_839.html.

2.4.7. Неандертальцы и кроманьонцы: друзья или враги?

- ³³ *Баньоне Дж.* Неандерталец был мужественным альтруистом. — <http://www.inosmi.ru/print/142797.html>.
- ³⁴ *Кара-Мурза В.* Все мы — неандертальцы? — <http://www.samara.ru/paper/41/722/12794/>.
- ³⁵ *Валентинов А.* На полпути к человеку. — <http://www.rg.ru/teoria/articles/hist/4.htm>.

³⁶ *Валентинов В.* Неандертальцы постов не знали. — <http://www.rg.ru/teoria/articles/hist/9.htm>.

³⁷ *Максимов Н.* Первые художники Земли. — <http://old.vesti.ru/nauka/2000/05/05/artists/>.

2.4.8. Первая глобальная война

³⁸ Неандертальцы. — <http://srbnik.boom.ru/2.htm>.

³⁹ *Баньоне Дж.* Неандерталец был мужественным альтруистом. — <http://www.inosmi.ru/print/142797.html>.

⁴⁰ Неандертальцы — враги наших предков (2001). — <http://old.topnew.ru/science/may/220501/neandert.htm>.

⁴¹ *Баньоне Дж.* Неандерталец был мужественным альтруистом. — <http://www.inosmi.ru/print/142797.html>.

2.5. Кроманьонский человек

2.5.1. Появление и расселение

⁴² Источники: Хронология человечества (CD-версия, 1997); На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989; *Муравник Г.Л.* Парадокс человека: новый взгляд на старую проблему. — <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/par-chel.htm>; <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w9.htm>; *Stringer C., McKie R.* African exodus: The origin of modern humanity. N.Y.: Henry Holt, 1998; *Gould S.J.* Mismeasure of man. N.Y.: Norton, 1981; <http://user.cityline.ru/~hronos/istgeo/11.htm>; <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w9.htm>.

⁴³ *Максимов Н.* Первые художники Земли. — <http://old.vesti.ru/nauka/2000/05/05/artists/>.

⁴⁴ *Павлов П.* Первоначальное заселение человеком тундровой зоны северо-востока Европы // Вестн. Ин-та биологии РАН. 1999. № 16.

⁴⁵ Неоантропы. — <http://schools.techno.ru/sch758/antropogenez/w8.htm>.

2.5.2. Внешний вид

⁴⁶ *Дилтс Р.* Мудрость и Закон необходимого разнообразия. — <http://subscribe.ru/archive/help.nlp/200109/13103250.html>.

2.5.4. Искусство

⁴⁷ *Kottak C.Ph.* Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 189–190.

⁴⁸ World's oldest hat revealed // BBC News. — <http://news.bbc.co.uk/1/hi/sci/tech/725803.stm>.

⁴⁹ *Максимов Н.* Первые художники Земли. — <http://old.vesti.ru/nauka/2000/05/05/artists/>.

⁵⁰ *Максимов Н.* Охотники за мамонтами приближаются к Москве. — http://znanie-sila.ru/news/issue_110.html.

⁵¹ Earliest evidence of art found // BBC News. — <http://news.bbc.co.uk/1/hi/sci/tech/733747.stm>.

Глава 3. Теория происхождения человека

3.1. ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗ

- ¹ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.
- ² См.: Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990.
- ³ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 237, 238; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983.
- ⁴ См.: Козлова М.С. Эволюционная судьба *homo sapiens*//Человек. 2000. № 1.
- ⁵ Козлова М.С. Путь гоминид как адаптивная стратегия//Человек. 1999. № 1.
- ⁶ Зубов А.А. Антропогенез как фаза эволюции живого мира//Биологические предпосылки гоминизации. М., 1976. С. 7–19.

3.2. КРЕАЦИОНИЗМ

- ⁷ Ефремов К. Происхождение. Было или не было?//Знание — сила. 1999. № 4.
- ⁸ См.: Гиш Д. Ученые креационисты отвечают своим критикам. СПб., 1995.
- ⁹ Боринская С.А. Еще раз о происхождении человека. — <http://evolution.powernet.ru/library/descent.htm>.
- ¹⁰ См. веб-сайты: <http://emporium.turnpike.net/C/cs/links.htm>; <http://engine.tumpike.net/cgi-bin/htmlscript?~cs/searchi.htm>.
- ¹¹ Подробнее см. веб-сайт: <http://www.icr.org/>.

3.3. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

- ¹² Малайское слово «орангутан» в переводе означает «лесной человек».

3.5. ТЕОРИЯ ДАРВИНА

- ¹³ Муравник Г.Л. Парадокс человека: новый взгляд на старую проблему. — <http://www.synergia.itn.ru/kerigma/rek-lit/nauka/stat/par-chel.htm>.

3.6. КОНТРАРГУМЕНТЫ УОЛЛЕСА

- ¹⁴ Уоллес А. Дарвинизм. М., 1898. С. 382.
- ¹⁵ Там же. С. 730.
- ¹⁶ Много позже их добыл сторонник дарвиновской теории Эжен Дюбуа. Он поверил в существование питекантропа и был твердо убежден, что подтверждение этой гипотезы послужит лучшим доказательством истинности эволюционного учения Дарвина. Так и случилось: в 1892 г. на Яве он обнаружил останки питекантропа.

3.7. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ ЭНГЕЛЬСА

- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 486.
- ¹⁸ Подробнее см.: Антонов А.С. Вся Звездная Радуга. — <http://www.espada.nm.ru/index.htm>.

3.8. Синтетическая теория эволюции

- ¹⁹ Добржанский Феодосий Григорьевич (*Dobzhansky Theodosius*) (1900–1975), русский, а затем американский генетик, один из основоположников популяционной генетики. Преподавал в Киевском и Петроградском университетах, в 1930 г. эмигрировал из СССР. С 1940 г. — профессор Колумбийского университета, в 1972–1975 гг. — профессор Калифорнийского университета. Член Лондонского королевского общества, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Шведской академии наук, Датского королевского общества; награжден медалью Эллиота Национальной академии наук США. У него много учеников из разных стран мира, ставших впоследствии известными учеными.
- ²⁰ См.: *Crow F., Kimura M.* An introduction to population genetics theory. N.Y.: Harper & Row, 1970; *Nagylaki T.* Introduction to theoretical population genetics. Berlin: Springer Verlag, 1992; *Свирижев Ю.М., Пасеков В.П.* Основы математической генетики. М.: Наука, 1982; *Моран П.* Статистические процессы эволюционной теории. М.: Наука, 1973.
- ²¹ Современная биологическая картина мира. — http://vfengec.vbg.ru/econ_lek/101/S11.htm.
- ²² То есть сформировавшихся в процессе индивидуального развития организма.
- ²³ В последнее время выяснилось, что теоретическая картина СТЭ расходится с данными палеонтологической летописи, которая оказалась достаточно прерывистой. Из данных раскопок следует, что новые формы живых организмов появлялись скорее скачкообразно, нежели путем последовательной «шлифовки», как того требует классическая теоретическая схема. — <http://www.kv.by/index2001354401.htm>.

3.10. Космизм

- ²⁴ Подробнее об аргументах за и против подлинности находок в пользу космической версии происхождения жизни на Земле см.: *Кремо М., Томпсон Р.* Запрещенная археология. — <http://www.philosophy.ru/library/cremo/>.
- ²⁵ Подробнее см.: *Мельниченко А.* Обезьяна произошла от человека // Начало. 1991. № 16.
- ²⁶ Каменная летопись. — <http://www.klein.zen.ru/old/chronicle.htm>.

3.11. Теории моно- и полицентризма

- ²⁷ Источник: <http://SciTecLibrary.com>. — <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/2943.html>.
- ²⁸ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ²⁹ Каменная летопись. — <http://www.klein.zen.ru/old/chronicle.htm>.

Глава 4. Общество социальных животных

4.2. Социальные животные — кто они?

- ¹ Человек и общество. Кн. 1. Что такое общество? / Под ред. В.И. Купцова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28.
- ² *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.

4.3. Социальность и эвосоциальность

- 3 Источники: Behavioral Ecology and Sociobiology. Vol. 47, Issue 5 (2000). P. 293–303; *Alexander R.D., Noonan K.M., Crespi B.J.* The evolution of eusociality// The Biology of the Naked Mole-rat./Ed. by P.W. Sherman, J.U.M. Jarvis, R.D. Alexander. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–44.
- 4 Иногда термин «эвосоциальность» записывается так: (*eu*)sociality.
- 5 Wikipedia encyclopedia, 2002. — <http://www.wikipedia.org/wiki/Eusocial>.
- 6 Eusocial//A Dictionary of Biology. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 7 См.: *Sherman P.W., Jarvis J.U.M., Alexander R.D.* (Eds). The Biology of the Naked Mole-Rat. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
- 8 Caste//A Dictionary of Biology. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 9 См.: *Wilson E.* The Insect societies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.
- 10 Яйцеклетки живых существ, у которых ядра с гаплоидным (одинарным) и диплоидным (двойным) набором хромосом. Диплоидный набор содержит полный набор хромосом (по одной хромосоме в каждой паре от матери и от отца), гаплоидный — неполный набор.
- 11 Аллели (от греч. *allelon* — друг друга, взаимно) (аллеломорфы), различные формы одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках (локусах) гомологичных (парных) хромосом; определяют варианты развития одного и того же признака.
- 12 *Crow G.* Social Solidarities. UK: Open University Press, 2002; *Bonaeau E.* Self-organization in social insects//Trends In Ecol Evol. 1997. Vol. 12. P. 188–193; *Foin T. et al.* Kin selection and social insects//Bioscience. 1998. Vol. 48. P. 165–176; *Queller D. et al.* Unrelated helpers in social insects//Nature. 2000. Vol. 405. P. 784–787; *Thorne B.* Evolution of eusociality in termites//Annual Review of Ecology and Systematics. 1997. Vol. 28. P. 27–55.
- 13 Insect sociality. — <http://courses.washington.edu/insects>.
- 14 Insect societies. — <http://loki.stockton.edu/~cromartw/Entomology/social1.html>.
- 15 Муравьи//Энциклопедия «Кругосвет», 2001.
- 16 Social Insects. — <http://www.d.umn.edu/~tcraig/EntEusocial.htm>.

4.4. Пчелиный общественный уклад

- 17 Информация с веб-сайтов: <http://fio.novgorod.ru/projects/project28/vveden.html>; http://www.marstu.mari.ru:8101/mmlab/home/students/bees/gnezdo_.htm; <http://www.easyc.vipcentr.ru/index.html>; <http://www.vsu.ru/~vsue3e06/Biology/Biology.htm>; http://www.everythingabout.net/articles/biology/animals/arthropods/insects/bees/more_bees.html.

4.5. Муравьиные мегаполисы

- 18 *Holldobler B., Wilson E.O.* The ants. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
- 19 *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
- 20 The New Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Vol. 1. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1987. P. 437; Муравьи//Энциклопедия «Кругосвет», 2001; Ant societies. — <http://www.sasionline.org/antsfiles/pages/atta/Atta.html>.

- 21 *Misra B.* The tiny world of Ants. — <http://209.196.185.114/earth/ants/>.
- 22 1 квадрион равен 1 000 000 000 000 000 (единица с 15 нулями).
- 23 Social Insects. — <http://www.d.umn.edu/~tcraig/EntEusocial.htm>.
- 24 *Huffaker C.B., Rabb R.L.* (eds.) Ecological entomology. N.Y.: John Wiley and Sons, 1997.
- 25 The New Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Vol. 5. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1987. P. 733.
- 26 *Полянская И.* Термиты. — <http://kinderino.ru/vokrug/krnoghv/termite.html>;
Песков В. Дворцы из глины // Комсомольская правда. 2001. 25 мая.
- 27 *Коротков К., Кузнецов А.* Выйдут ли муравьи в космос? — <http://m6.boom.ru/mat01.htm>.
- 28 Как у пчел и ос, их называют трутнями (*drones*). С определенной точки зрения это правильно, поскольку муравьи эволюционно произошли от ос.
- 29 *Anderson C., McShea D.W.* Intermediate-level parts in insect societies: adaptive structures that ants build away from the nest // *Insectes Sociaux*. 2001. Vol. 48. No. 4. P. 291–301.
- 30 *Anderson C., Franks N.R., McShea D.W.* The complexity and hierarchical nature of tasks in insect societies // *Animal Behaviour*. 2001. Vol. 62. P. 643–651.
- 31 *Aoki S.* Evolution of sterile soldiers in aphids // *Animal Societies: Theories and facts* (eds. Y. Ito, J.L. Brown, and J. Kikkawa). Tokyo, 1987. P. 53–65.
- 32 *Песков В.* Дворцы из глины // Комсомольская правда. 2001. 25 мая.
- 33 *Misra B.* The tiny world of Ants. — <http://209.196.185.114/earth/ants/>.
- 34 Ant // *The Macmillan Encyclopedia*. Market House Books Ltd., 2000.
- 35 *Александровский Г.* Эволюция муравьев длится 100 миллионов лет. Как оценить ее в век компьютеров и генетики? (По материалам журнала *Der Spiegel*). — <http://www.follow.ru/article/234>.
- 36 *Dunne G.W., Eisenbeis R.F.* Ant societies // *Nature Bulletin*. 1974. No. 518-A. February 23.
- 37 *Богомолова В.* Легко ли быть муравьем? — <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>.
- 38 *Anderson C., Ratnieks F.L.* Worker allocation in insect societies: coordination of nectar foragers and nectar receivers in honey bee colonies // *Behav. Ecol. Sociobiol*. 1999. Vol. 46. P. 73–81.
- 39 Муравьи // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.
- 40 *Heylighen F., Campbell D.T.* Selection of Organization at the Social Level: obstacles and facilitators of metasystem transitions // *World Futures: the Journal of General Evolution*. 1995. Vol. 45. P. 181–212.
- 41 Муравьи // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.
- 42 *Лачинов В.* Муравей себе на уме. — http://www.poptsov.ru/alfavit/archives/1999/49_99/5.htm.
- 43 *Misra B.* The tiny world of Ants. — <http://209.196.185.114/earth/ants/>.
- 44 Муравейник. — <http://www.star.spb.ru/~felix/apn/COLL/NW/STORY062.HTM>.
- 45 *Александровский Г.* Эволюция муравьев длится 100 миллионов лет. Как оценить ее в век компьютеров и генетики? (По материалам журнала *Der Spiegel*). — <http://www.follow.ru/article/234>.

- ⁴⁶ *Wilson E.O.* The insect societies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- ⁴⁷ *Schmid-Hempel P.* Parasites of Social Insects. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- ⁴⁸ *Богомолова В.* Легко ли быть муравьем? — <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Conflict in insect societies. — <http://www.kuleuven.ac.be/bio/ento/conflict.htm>.
- ⁵¹ *Wenseleers T.* Conflict from Cell to Colony. Belgium: University of Leuven, 2001.
- ⁵² Conflict in insect societies. — <http://www.kuleuven.ac.be/bio/ento/conflict.htm>.
- ⁵³ *Erber J., Page R.* The Evolutionary Dynamics of Social Organization in Insect Societies // The Bulletin of the Santa Fe Institute. Electronic Issues. 2001. Summer. Vol. 16. No. 1.
- ⁵⁴ *Богомолова В.* Легко ли быть муравьем? — <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>.
- ⁵⁵ *Heinze J., Holldobler B., Peeters C.* Conflict and cooperation in ant societies // Naturwissenschaften. 1994. Vol. 81. P. 489–497.
- ⁵⁶ *Богомолова В.* Легко ли быть муравьем? — <http://kokshetau.online.kz/ot/40.htm>; *Он же.* Тайны муравьиного народа. — <http://elk.far.ru/pub/ants2.htm>.
- ⁵⁷ *Anderson C., Ratnieks F.L.* Task partitioning in insect societies: novel situations // Insectes Sociaux. 2000. Vol. 47. No. 2. P. 198–199.
- ⁵⁸ *Holldobler B., Wilson E.O.* The ants. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
- ⁵⁹ *Huffaker C.B., Rabb R.L.* (eds.) Ecological entomology. N.Y.: John Wiley and Sons, 1997.
- ⁶⁰ Муравьи // Энциклопедия «Кругосвет», 2001.
- ⁶¹ Муравьи на тропе войны // Вокруг света. — <http://elk.far.ru/pub/ants3.htm>.
- ⁶² *Franks N.R., Sendova-Franks A.B., Anderson C.* Division of labour within teams of New World and Old World Army Ants // Anim. Behav. 2001. Vol. 62. P. 635–642.
- ⁶³ Тайны муравьиного народа. — <http://elk.far.ru/pub/ants2.htm>.

4.6. Лестница социальной эволюции

- ⁶⁴ Более того, как показывают данные некоторых энтомологических исследований, они тянут его в *разные* стороны, и перемещение в определенном направлении происходит лишь в результате равнодействующей от векторного сложения сил.
- ⁶⁵ Что означает значительное увеличение числа степеней свободы.
- ⁶⁶ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.

4.7. Общество животных и людей: эволюционный момент

- ⁶⁷ *Dautenhahn K.* Social Brain. — <http://homepages.feis.herts.ac.uk/~nehaniv/al7ev/dautenhahn/node2.html>.
- ⁶⁸ *Шилов И.А.* Эколого-физиологические основы популяционных отношений у животных. М., 1977. С. 199.
- ⁶⁹ *Ферстер Г.* Биологика. Проблемы бионики. М., 1965.
- ⁷⁰ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.

Глава 5. Предчеловеческое стадо

- ¹ Гоминиды — самое высокоорганизованное семейство человекообразных приматов, которое включает и человека, и его предшественников.

5.1. Анонимная сплоченность

- ² *Лоренц К.* Анонимная стая. — <http://bookap.by.ru/genpsy/agression/gl9.htm>.
- ³ Конрад Лоренц (1903—1989) — выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников этологии, науки о поведении животных.
- ⁴ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ⁵ *Лоренц К.* Анонимная стая. — <http://bookap.by.ru/genpsy/agression/gl9.htm>.

5.2. ТАНДЕМ И ГАРЕМ

- ⁶ *Дольник В.Р.* Homo militaris. — <http://www.follow.ru/article/263>.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1956.
- ⁹ *Баскин Л.М.* Олени против волков. М.: Знание, 1976. С. 131.
- ¹⁰ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ¹¹ *Шилов И.А.* Физиологическая экология животных: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1985. С. 197.
- ¹² *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ¹³ *Баскин Л.М.* Олени против волков. М.: Знание, 1976; *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ¹⁴ *Алексеев В.П.* Историческая антропология: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979; *Алексеев В.П.* Становление человечества. М.: Политиздат, 1984.

5.3. ТЕРРИТОРИЯ И ПОЛОВОЙ ДИМОРФИЗМ

- ¹⁵ Информация с образовательного сервера «Экзамены Online». — <http://www.examen.ru>.

5.4. ИЕРАРХИЯ И ВОЖАЧЕСТВО

- ¹⁶ *Алексеев В.М.* Физические принципы антропосоциогенеза (2001). — <http://valexeev.narod.ru/dem1.htm>.
- ¹⁷ *Баскин Л.М.* Олени против волков. М.: Знание, 1976. С. 92.

5.5. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

- ¹⁸ При подготовке данного материала использовалась информация с образовательного сервера «Экзамены Online». — <http://www.examen.ru>.

- ¹⁹ В качестве «модельного предка» человеческой и шимпанзоидной линии некоторые антропологи рассматривают карликового шимпанзе — бонобо — из джунглей Экваториальной Африки. (См.: *Хрисанова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М., 1991. С. 37–38).

5.6. ПЕРЕХОД К СТАДУ ПРЕДЛЮДЕЙ

- ²⁰ Первыми начали заботиться о своих больных соплеменниках и хоронить умерших неандертальцы.
- ²¹ *Бутовская М.Л.* Эволюция человека и его социальной структуры. — <http://www.follow.ru/article/186>.
- ²² *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М., 1995. С. 183.
- ²³ Там же. С. 181–182.
- ²⁴ См.: *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.

Глава 6. Человеческое стадо

6.1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 487–490.
- ² См.: *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. М., 1966; *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977; *Боршковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. М., 1979.
- ³ См.: *Карabanова С.Ф.* Теория и практика домоведения (конспект лекций). — http://abc.vvsu.ru/Books/1_domoved/page0007.asp.
- ⁴ *Мытник Т.В.* Становление человека и человеческого общества. Возникновение медицины. — <http://hippocrate.narod.ru/library/v/stan.htm>.
- ⁵ *Семенов Ю.И.* На заре человеческой истории. М., 1987.

6.2. СОЦИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ

- ⁶ *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М., 1983. С. 70.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М., 1996.
- ⁹ *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934. С. 25.

6.3. ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

- ¹⁰ *Мытник Т.В.* Становление человека и человеческого общества. Возникновение медицины. — <http://hippocrate.narod.ru/library/v/stan.htm>.
- ¹¹ См.: *Природа*. 1998. № 9.

6.4. ТОТЕМИЗМ

- ¹² Второй великий нежный поворот. — <http://ideabank.narod.ru/11.htm>.

ЧАСТЬ III ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 1. Типология и эволюция обществ

1.1. Циклические модели времени

- ¹ См.: Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999. С. 230–241, 252–261.
- ² См.: Философские концепции исторического процесса. — <http://mahitec.narod.ru/download.files/filosofia/filosofia12.html>.

1.2. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

- ³ Service E.R. Primitive Social Organization. N.Y.: Random House, 1962.
- ⁴ Название «мадленская культура» происходит от пещеры Ла Мадлен около Тюрзака в департаменте Дордонь, «солютрейская» — от Сольютре около города Макон в департаменте Сона и Луара, «ориньякская» — от названия местечка Ориньяк в департаменте Верхняя Гаронна, «мустьерская» — от Ле Мустье на правом берегу реки Везер, недалеко от городка Пейзак в департаменте Дордонь, «ашельская» — от Сент-Ашель под Амьеном в долине Соммы, «абвилльская» — от названия города Абвилль, севернее Парижа, в департаменте Сомма.
- ⁵ McLuhan M. Understanding media. N.Y., 1964.
- ⁶ Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934.
- ⁷ Подробнее см.: Анурин В.Ф. Основы социологических знаний: Курс лекций по общей социологии. Н. Новгород: НКИ, 1998.
- ⁸ Морган Г. Цит. соч. С. 25–26.
- ⁹ Там же. С. 21.

1.3. ДОПИСЬМЕННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

- ¹⁰ Green A.W. Sociology. An Analysis of Life in Modern Society. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1968. P. 89.

1.4. ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА

- ¹¹ Child G. The Danube in Prehistory. Oxford: Oxford University Press, 1929; Child G. What happened in history? Baltimore: Penguin, 1942; Child G.V. The urban revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3–17.

1.5. СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

- ¹² Markley O.W. A Forum of Futurists // Planning Review. 1995. Vol. 23. No. 6. P. 13–15; 21st century earth. Opposing Viewpoints / Ed. by O.W. Markley, W.R. McCuan. Greenhaven Press, 1996; Markley O.W. Visionary Futures: Guided Imagery in Teaching and Learning About the Future. American Behavioral Scientist, Sage, 1998; Markley O.W. Global Consciousness: An Alternative Future of Choice Futures. Butterworth-Heinemann, 1996.
- ¹³ Lenski G. Human societies. A macrolevel introduction to sociology. N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1970.

1.6. ФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.
¹⁵ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.

1.7. ОТ МЕХАНИЧЕСКОЙ К ОРГАНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

- ¹⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 63.
¹⁷ Там же. С. 103.
¹⁸ Там же. С. 104.
¹⁹ Там же. С. 108.
²⁰ Там же. С. 121.
²¹ Там же. С. 127.
²² Там же. С. 227.
²³ Там же. С. 228.
²⁴ Там же. С. 138.
²⁵ Там же. С. 142.
²⁶ Там же. С. 143.
²⁷ Там же. С. 144.
²⁸ Там же. С. 266–267.
²⁹ Там же. С. 271.
³⁰ Там же.

1.8. ТЕОРИЯ Д. БЕЛЛА

- ³¹ Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. N.Y., 1973.
³² См.: Kahn H., Wiener A. The Next Thirty Three Years: A Framework for Speculation // Daedalus. Summer 1967. P. 716–718.
³³ Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 71–78.
³⁴ Crook S., Pakulsky J., Waters M. Postmodernisation: change in advanced society. L., 1992; Lash S. Sociology of Postmodernism. N.Y., 1990; Lash S., Friedman J. Ed. by modernity and identity. Oxford, 1992.
³⁵ Toffler A. The Third Wave. 12th print. Toronto etc: Bantam Books, 1987.
³⁶ Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 71–78.

1.9. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

- ³⁷ Это сделано намеренно — в пику формационной теории Маркса, которую называют экономическим подходом.
³⁸ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. М.: Прогресс — Культура, 1995.
³⁹ Икэда Д. Новые волны мира к XXI веку: Пер. с яп. Токио: Сока Гаккай Интер., 1987.

- ⁴⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. М., 1986.
- ⁴¹ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- ⁴² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.: В 3 т. М., 1992.
- ⁴³ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest 1989. Vol. 16 (Summer). P. 3—13; *Idem*. Social Capital and Global Economy // Foreign Affairs. 1995. Vol. 75 (September/October). P. 89—103.
- ⁴⁴ Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72 (Summer). P. 22—48; *Idem*. If not Civilizations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72 (November/December). P. 41—45; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 4. С. 33—48.

Глава 2. Общество охотников и собирателей

2.1. ПЕРВЫЕ ДНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

- ¹ Подробнее см.: The Encyclopedia of World History: Ancient, Medieval, and Modern. 6th ed./Ed. by P.N. Stearns. Boston: Houghton Mifflin, 2001.
- ² Kottak C. Ph. Anthropology: The Exploration of Human Diversity. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994. P. 187—188.
- ³ *Ibid.* P. 198—200.
- ⁴ Bower J., Lubell D. (eds.). Prehistoric Cultures and Environments in the Late Quaternary of Africa. Cambridge, 1988.
- ⁵ Bar-Yosef O., Akazava T. (eds.). Neandertals and Modern Humans in West Asia. N.Y.: Plenum Press, 1997.
- ⁶ Trivers R.L. Social Evolution. Menlo Park, CA: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc., 1985.
- ⁷ Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М.: Изд-во МГУК, 2000. С. 38.
- ⁸ Вишняцкий Л. От пользы к выгоде // Знание — сила. 1990. № 6.
- ⁹ Рац М. О собирательстве: Заметки библиофила. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

2.2. АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ

- ¹⁰ Источник: <http://SciTecLibrary.com>.
- ¹¹ Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 38—39.
- ¹² См.: Хэнкок Г. Следы богов. М., 1997.
- ¹³ Дорст Ж. Влияние человека на природу // Смитт Р.Л. Наш дом — планета Земля: Полемиические очерки об экологии человека. М., 1982. С. 127.

2.3. НАШИ ПРИМИТИВНЫЕ СОВРЕМЕННОКИ

- ¹⁴ Источник: <http://www.unknownplanet.ru>.
- ¹⁵ Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры — диалог народов мира. 1983. № 1. С. 108.
- ¹⁶ См.: <http://www.vokrugsveta.ru>.

2.4. Историко-социологические взгляды А. Клауфмана

- 17 *Клауфман А.А.* Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910. С. 10.
- 18 Там же. С. 11–12.
- 19 Там же. С. 12–13.
- 20 Там же. С. 13.
- 21 Там же. С. 14–17.
- 22 Там же. С. 16.
- 23 Там же. С. 19.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 20–21.
- 26 Там же. С. 22–23.
- 27 Там же. С. 26.
- 28 Там же. С. 28.
- 29 Там же. С. 29.
- 30 Там же.
- 31 Там же.

Глава 3. Родоплеменной строй

3.1. Исторические оригиналы

- 1 Линидж (англ. *lineage*, от лат. *linea* — линия, ряд, поколение, род) — система чьих-то родственников, начиная с самых первых колен.
- 2 *Wiley D.* Using «tribe» and «tribalism» categories to misunderstand african societies. — http://www.sas.upenn.edu/African_Studies/K-12/Tribe.html.
- 3 В античном мире русскому слову «род» соответствовал термин «гене», отсюда понятия «гентильный коллектив (общность)», «гентильная организация» в значении родовой коллектив, родовой организация.
- 4 Он был состоятельным человеком, ученым, адвокатом, 40 лет жизни посвятил изучению ирокезов и других индейских племен. Жизнь с индейцами внушила ему глубокое уважение к их самобытной культуре, которое позже он пытался привить американскому обществу, публично выступая в защиту «краснокожих». В качестве адвоката Морган успешно отстаивал в суде право ирокезов на землю, за что был торжественно посвящен в члены индейского племени сенека.
- 5 Иногда термин «фратрия» ошибочно применяется как аналог рода.
- 6 История мировых цивилизаций. — <http://www.distance.ru/4stud/umk/imc/imc09.html>.
- 7 *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 69.
- 8 См.: Лиги Ирокезов. — http://www.mesoamerica.ru/indians/north/ir_history.html.
- 9 Sociopolitical organization (1999). — http://www.cabrillo.cc.ca.us/~crsmith/sociopolit_org.html.
- 10 Множество интересных сведений о путешествиях О. Алиева находится на сайте «Неизвестная планета». — <http://www.unknownplanet.ru>.

- ¹¹ Экспедиции: Острова Суматра и Ментавай // Журнал «Неизвестная планета». — http://www.unknownplanet.ru/expeditions_sumatra.shtml.
- ¹² В июле 1991 г. Уолтер Бодмер, президент *Human Genome Organization* (Организация человеческого генома), объявил, что йаномами являются первым племенем, гены которого будут заморожены и помещены в архив Лондонского музея человеческой генетики.
- ¹³ См.: <http://komok.ru>.
- ¹⁴ Кушмов Ф. Загадочные племена Земли. — <http://kokshetau.online.kz/ot/zagad.htm>.
- ¹⁵ Бондарев А. Племя красных фонарей. — <http://www.rgz.ru/arhiv/28.03.2001/planeta/txt1.html>.
- ¹⁶ См.: <http://komok.ru>.
- ¹⁷ Кушмов Ф. Загадочные племена Земли. — <http://kokshetau.online.kz/ot/zagad.htm>.

3.2. АБОРИГЕНЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- ¹⁸ См.: <http://listovka.list.ru>.
- ¹⁹ См.: <http://www.first-americans.spb.ru>.
- ²⁰ См.: <http://www.univer.omsk.su>.

3.3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ: ТРАЙБАЛИЗМ

- ²¹ Tribalism in the U.S. — <http://www.cornerstone.edu/Offices.nsf/>.
- ²² Джунушалиев Д., Плоских В. Трейбализм и проблемы развития Кыргызстана. — http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml.
- ²³ Тарутин И. Религиозные конфликты раздирают Африку // Независимая газета. 2001. № 33. 23 февр.
- ²⁴ Wiley D. Using «tribe» and «tribalism» categories to misunderstand african societies. — http://www.sas.upenn.edu/African_Studies/K-12/Tribe.html.
- ²⁵ Этингер Я. Трейбализм подрывает Африку. Роль племенного фактора на Черном континенте. — http://www.ng.ru/world/2001-04-04/6_africa.html.
- ²⁶ Джунушалиев Д., Плоских В. Трейбализм и проблемы развития Кыргызстана. — http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml.
- ²⁷ Этингер Я. Трейбализм подрывает Африку. Роль племенного фактора на Черном континенте. — http://www.ng.ru/world/2001-04-04/6_africa.html.
- ²⁸ Lazar W. Tribalism vs. Globalization. — http://www.billsaysthis.com/content/misc/tribe_vs_glob.phtml.
- ²⁹ Hvoslef E. H. Tribalism and modernity in Kirgizia // Ethnic encounter and culture change. Papers from the Third Nordic Conference on Middle Eastern Studies, Joensuu June 1995. L.: C. Hurst & Co (Publishers) Ltd., 1997. P. 96–108.
- ³⁰ Джунушалиев Д., Плоских В. Трейбализм и проблемы развития Кыргызстана. — http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml.
- ³¹ Казахстан на пути к устойчивому развитию / Ред. А. Нысанбаев. Алматы, 1996. С. 19.
- ³² Хлюпин В. Казахстанская политическая элита: между модернизацией и трейбализмом. — http://iicas.org/articles/pub_27_05_00.htm.
- ³³ Умбеталиева Т. Б. Явление трейбализма в Казахстане. — <http://www.kisi.kz/Parts/IntPol/KS-3%20Umbetalieva.html>.

3.4. Линиджи

- ³⁴ См.: <http://my.exescpc.com/~drg/drgll.html>.
- ³⁵ См. веб-сайты: http://www.lineage2.com/main_eng.html; <http://www.apple.com/games/trailers/lineage/>; <http://www.dustindefoe.com/lineage/>; <http://www.stratics.com/content/portals/lineage/index.php> и др.
- ³⁶ См.: <http://encarta.msn.com/encnet/features/dictionary/>.
- ³⁷ См.: *Захаров А.А.* Муравей, семья, колония. М.: Наука, 1978.
- ³⁸ *Дрэггер Л.* Линидж. — http://x.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=677.
- ³⁹ *Коптев А.В.* Римское право в архаическую эпоху. — <http://liber.rsuh.ru/Fulltext/Rome/publik/koptev/kopt17.htm>.
- ⁴⁰ Там же.

Глава 4. Вождество: начало социополитической эволюции

- ¹ При подготовке данного материала использовались следующие источники: *Васильев Л.С.* Протогосударство — чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175; *Березкин Ю.Е.* Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 3–24; *Корякова Л.Н.* Археология раннего железного века Евразии: Учеб. пособие. Ч. 1. Екатеринбург, 2002; *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние политические организации. М.: Восточная литература, 1995. С. 16–61; *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988; *Перици А.И.* Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. С. 3–7; *Anderson D.G.* The Savannah River Chiefdoms: Political Change in the Late Prehistoric Southeast. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1994; *Barker A.W.* Chiefdoms and the Economics of Perversity. Ann Arbor: University Microfilms, 1999; *Bogucki P.* The Origins of Human Society. Oxford, UK, Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 1999; *Campbell B.G., Loy J.D.* Humankind Emerging. 8th ed. Allyn & Bacon, 1999; *Carneiro R.* The chiefdom: precursor of the state // G. Jons and R. Kautz (eds.). The transition to statehood in the new World. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79; Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity/Ed. by G. Stein, M. Rothman. Madison: Prehistory Press, 1994; *Child A.B., Child I.L.* Religion and Magic in the Life of Traditional Peoples. Prentice Hall, 1992.

4.1. CHIEFDOM ИЛИ CHIEFTAINCY

- ² Chieftaincy and the postcolonial state in West Africa. — <http://asc.leidenuniv.nl/events/event1017154144.htm>; African Chieftaincy in a New Socio-Political Landscape/Ed. by Rijk van Dijk & E. Adriaan B. van Rouveroy van Nieuwaal. Hamburg: Lit Verlag, 1999.
- ³ См.: Chiefdoms And Chieftaincy In The Americas/Ed. by E.M. Redmond; Foreword by N.L. Whitehead. Hardcover: University Press of Florida, 1998.

4.2. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЖДЕСТВ

- ⁴ *Oberg K.* Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. 1955. Vol. 57. P. 472–488.
- ⁵ *Steward J., Faron L.* Native Peoples of South America. N.Y.: McGraw-Hill, 1959.
- ⁶ *Service E.R.* Primitive Social Organization. N.Y.: Random House, 1962.

4.3. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- ⁷ *Kuper A.* The Invention of Primitive Society. L.: Routledge, 1988.
- ⁸ *Freid G.M.* The evolution of political society: an essay in political economy. N.Y.: Random House, 1967.

4.8. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

- ⁹ *Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1992. С. 74.
- ¹⁰ *Мосс М.* Эссе о даре. Фрагменты/Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996.

4.9. СЛОЖНОЕ ВОЖДЕСТВО КАХОКИА

- ¹¹ Подробнее см.: Древние культуры Северной Америки. — http://www.mesoamerica.ru/indians/north/old_nations.html.

Глава 5. Неолитическая революция

5.1. СКАЧОК В ЭВОЛЮЦИИ

- ¹ *Козлова М.С.* Эволюционная судьба *homo sapiens* // Человек. 2000. № 1.

5.2. ДОМЕСТИКАЦИЯ ЖИВОТНЫХ

- ² *Пауэлл К.* Человек приручил собаку еще в каменном веке. — <http://www.inopressa.ru.22.11.2002>.
- ³ См.: <http://SciTecLibrary.com>.
- ⁴ *Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. М., 1996.
- ⁵ *Кууси П.* Этот человеческий мир. М., 1988. С. 147–151.

5.3. ОКУЛЬТУРИВАНИЕ РАСТЕНИЙ

- ⁶ См.: *Вавилов Н.И.* Проблема происхождения культурных растений. М.; Л., 1926.
- ⁷ *Pedersen B., Knudsen K.E.B., Eggum B.O.* Nutritive value of cereal products with emphasis on the effect of milling // *World review of nutrition and dietetics*. 1989. Vol. 60. P. 1–91.

5.4. ОГОРОДНИЧЕСТВО И ФЕРМЕРСТВО

- ⁸ *Шнирельман В.* Что такое «неолитическая революция»? // Знание — сила. 1988. № 10. С. 52–58.
- ⁹ *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934. С. 17.

5.5. ДИЕТА И ПИТАНИЕ

- ¹⁰ *Целлариус А.Ю.* О золотом веке, гармонии и прогрессе с точки зрения эколога. — http://advsoft.1september.ru/bio/2000/no02_1.htm.
- ¹¹ *Маккена Т.* Пища богов: поиск первоначального древа знания. М., 1995. С. 214.
- ¹² *Шаповалов А.В.* Магический гриб мухомор. — <http://www.zaimka.ru/culture/shapovalov1.shtml>.
- ¹³ Источник: Московский комсомолец. 1999. 13 окт.
- ¹⁴ Russian Canadian Info. — http://www.ruscanada.com/archiv/05_25_01/9.htm.

5.6. СКОТОВОДСТВО И КОЧЕВНИЧЕСТВО

- ¹⁵ *Джунушалиев Д., Плоских В.* Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана. — http://www.ca-c.org/journal/cac09_2000/17.Dzhunu.shtml.
- ¹⁶ *Мень А.* Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих учителей. Ч. 2.: Первые цивилизации. М., 1991.
- ¹⁷ *Гутнова Е.В., Удальцова З.В.* Генезис феодализма в Европе. — <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/HistE/v2/01.html#11>.

5.7. ПЛЮСЫ И МИНУСЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- ¹⁸ *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 76.
- ¹⁹ *Целлариус А.Ю.* Указ. соч.
- ²⁰ *Дорст Ж.* Влияние человека на природу // *Смитт Р.Л.* Наш дом — планета Земля: Полемические очерки об экологии человека. М., 1982. С. 130.
- ²¹ См.: *Ващекин Н.П., Мунтян М.А., Урсул А.Д.* Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. М.: Изд-во МГУК, 2000. С. 42.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Австралопитеки — высшие человекообразные приматы, передвигавшиеся на двух ногах.

Автобиография — авторское повествование о собственной жизни, или нарратив.

Аккультурация — адаптация индивидов или групп к какой-либо культуре.

Аллель — один из нескольких вариантов гена, которые могут находиться в данном локусе хромосомы.

Антропогенез — процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи.

Антропологическая лингвистика — изучение языков, не имеющих письменности.

Архантропы — (от греч. *archaios* — древний и *anthropos* — человек) древнейшие ископаемые люди (питекантроп, синантроп и др.), близкие по уровню эволюционного развития и характеру культуры.

Атавизмы — признаки, отсутствующие у ближайших, но свойственные очень далеким предкам человека.

Бигмены — (от англ. *big men* — большие люди) тип лидеров, власть которых, не имея наследственного характера, основывается на обладании богатством и на проявлении высокой социальной активности.

Витализм — (от лат. *vitalis* — жизненный) течение в биологии, признающее наличие в организмах нематериальной сверхъестественной силы («жизненная сила», «душа», «архей» и др.), управляющей жизненными явлениями.

Генотип — совокупность всех генов данного организма.

Глобализм — доктрина распространения западных ценностей не только на отдельные страны, но и на все мировое сообщество.

Гомеостазис — поддержание стабильного равновесия в организме или сверхорганизме.

Гоминиды — самое высокоорганизованное семейство человекообразных приматов, которое включает и человека, и его предшественников.

Гоминизация — (от лат. *homo* — человек) процесс очеловечения обезьяны — от появления первых специфически человеческих особенностей до возникновения вида человека разумного.

Гоминоиды — семейство человекообразных существ из семейства приматов.

Грацилизация — утончение покровных костей черепной коробки.

Двуногая локомоция — прямохождение, передвижение приматов на двух конечностях.

Диплоид — (от греч. *diploos* — двойной и *eidos* — вид) клетка или особь с двумя гомологичными наборами хромосом.

Дисконтинуитет — наличие резкого скачка («цезуры») при переходе от Античности к Средневековью.

Домашнее хозяйство — совокупность лиц, проживающих в одном помещении.

Доместикация — приручение диких животных и окультуривание растений.

Зинджантроп — ранний представитель австралопитеков, обнаруженный в первом слое Олдувая, жил около 1,75 млн лет назад.

Инбридинг — скрещивание близкородственных особей в пределах одной популяции.

Индустрия (в археологии) — совокупность одинаковых по форме и технике орудий труда, изготовленных первобытным человеком.

Инкорпорированный — обретший носителя, тело; интегрированный в субстрат (о свойстве).

Инцест — брачно-половые отношения между ближайшими родственниками (отцом и дочерью, матерью и сыном, родными братом и сестрой).

Ископаемые переходные формы — формы организмов, сочетающие в себе признаки более старых и более молодых групп.

Кастовый полиморфизм — различные морфологические формы особей, выполняют разные трудовые функции в колонии муравьев.

Касты — сегменты популяции социальных насекомых, выполняющие разные функции и занимающие неодинаковое место внутри сообщества, различаются морфологически.

Контент-анализ — количественный метод анализа документов.

Континуитет — непрерывное эволюционное развитие при переходе от Античности к Средневековью.

Креационизм — религиозное учение о сотворении мира богом из ничего.

Линидж — обозначение однолинейных родственных групп.

Майорат — обычай, по которому общественный статус, титул или имущество наследуются старшими сыновьями или дочерьми либо представителями старших родственных линий.

Маргинальность — промежуточное положение индивида или социальной группы в социальной структуре общества.

Мезолит — эпоха каменного века, следующая за палеолитом.

Модернизация — процесс перехода от традиционного, аграрного общества к обществам современным, индустриальным.

Монофилия — происхождения от одного предка.

Нарратив — устный рассказ.

Неандерталец — ископаемый предок современного человека.

Некрофагия — трупоедение.

Неоламаркизм — совокупность разнородных концепций в эволюционном учении, возникших во второй половине XIX в. в связи с развитием отдельных положений ламаркизма.

Неолит — новокаменный век, охватывает VIII—III тысячелетие до н.э.; последняя в развитии современного человечества эпоха каменного века.

Номады — кочевники.

Нуклеарная семья — семья, состоящая из родителей и детей, т.е. социального и биологического ядра, достаточного для воспроизводства потомства и общественных связей.

Нуклеус — специально обработанный камень, с которого скалывали пластины для изготовления орудий.

Община родовая — поселение, все члены которого объединены кровно-родственными связями и ведут совместное хозяйство, сообща владеют средствами производства.

Общины — объединения нескольких групп людей, связанных взаимными браками, кооперацией труда и общей территорией.

Огородничество — ранняя стадия земледелия, обработка небольших участков земли палками-копалками и выращивание клубней полудиких растений.

Отщеп — осколок, отбитый с поверхности камня (нуклеуса) при обработке ударом или отжимом.

Палеоантропы — собирательное название древних людей Африки, Европы и Азии, живших 30–300 тыс. лет назад.

Палеолит — древний каменный век.

Питекантроп — обезьяночеловек.

Плейстоцен — эпоха, которая по геохронологии началась 1,8 млн лет назад, закончилась около 10 тыс. лет назад.

Племя — тип этнической и социальной общности людей первобытно-общинного строя из нескольких родов, основанный на этнической и социальной однородности родов (кровно-родственных связях, единстве территории, языка, обычаях, культуре, проявлении самосознания и самоназвания).

Полиморфизм — морфологические различия между представителями касты социальных насекомых, обусловленные внешними (инвайроментальными) факторами.

Популяция — совокупность особей одного вида, населяющих определенную территорию, более или менее изолированную от соседних совокупностей того же вида.

Потестарная организация — догосударственная организация власти.

Промискуитет — предполагаемая стадия ничем не ограниченных отношений между полами, предшествующих установлению каких-либо норм брака и семьи.

Раса — группа людей, выделяемая на основании родства по происхождению, проявляющегося во внешне сходных физических признаках и общности территорий.

Род — коллектив кровных родственников, имевших общего предка, общее родовое имя.

Сапиентация — очеловечивание обезьяны; исторический процесс приращения человеческих черт у гоминид.

Сверхорганизм — колония социальных насекомых, описываемая как многоклеточное живое существо; каждая особь уподобляется отдельной клетке.

Синантроп — пекинский человек, название одной из разновидностей *Homo erectus*, обнаруженной в Чжоукоудяне.

Социальные насекомые — насекомые, ведущие в колониях коллективный образ жизни.

Стоянка — временное поселение первобытных людей.

Традиционное общество — доиндустриальное, преимущественно аграрное, сельское общество, которое противопоставляется современному индустриальному обществу.

Чоппер — крупное продолговатое каменное орудие из гальки, обработанное одним-двумя грубыми ударами с одной стороны (унифас) с помощью отбойника, вследствие чего получают один скол и одна поверхность; был распространен в нижнем палеолите.

Чоппинг — крупное каменное орудие из гальки, обработанное несколькими ударами с двух сторон.

Эвсоциальные системы — социальные системы, характеризующиеся набором таких черт, как родительская забота о подрастающем поколении, сосуществование нескольких поколений и репродуктивное разделение труда (колонии муравьев, термиты, осы и пчелы).

Эвсоциальный — (очень) общественный, истинно социальный.

Экзогамия — запрет браков в пределах одного коллектива.

Эндогамия — разрешение брачных связей внутри одного коллектива, племени.

Эолиты — отщепы, слегка подправленные, но сохранившие естественную форму камни, используемые в роли орудия труда.

Band — локальная группа первобытных людей, в которой еще не произошло разделения труда на основе пола и возраста.

Chief — вождь, политический лидер примитивных социальных групп, таких как локальная группа, племя, союз племен, вождество.

Homo erectus — человек прямоходящий, или питекантроп — вымерший вид человека. Жил в среднем плейстоцене, около полутора миллиона лет назад.

Homo habilis — человек умелый, ранний вид человека, останки которого обнаружены в том же слое, что и кости зинджантропа (австралопитека бойсовского — *australopithecus boisei*) в Олдувае.

Homo sapiens — человек разумный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1978.
2. *Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—22.
3. *Алексеев В.П.* В поисках предков. Антропология и история. М., 1972.
4. *Алексеев В.П.* Возникновение человека и общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 5—48.
5. *Алексеев В.П.* Историческая антропология: Учеб. пособие. М., 1979.
6. *Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978.
7. *Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984.
8. *Алексеев В.П.* Человек: эволюция и таксономия (некоторые теоретические вопросы). М., 1985.
9. *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986.
10. Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина. М., 2000.
11. *Амальрик А., Монгайт А.Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1960.
12. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / Под ред. Ю.М. Малинович. Иркутск, 2003.
13. Антропологическая реконструкция / Отв. ред. Т.С. Балуева, Г.В. Лебединская. М., 1991.
14. Антропологические исследования. Кн. 1—2. Материалы и исследования по антропологии 80-х годов. Вып. X. М., 1992.
15. *Балезин А.С.* Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986.
16. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии М., 2000.
17. *Белик А.А.* Культурология: антропологические теории культур. М., 1998.
18. *Белков П.Л.* Племя и вождество: к определению понятий // Племя и государство в Африке. М., 1991. С. 36—50.
19. *Бёрк П.* Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 272—283.
20. Биографический метод: История. Методология. Практика. М., 1994.

21. *Боас Ф.* Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
22. *Боас Ф.* Методы этнологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
23. *Боас Ф.* Ум первобытного человека. М.—Л., 1926.
24. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
25. *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
26. *Бочаров В.В.* Антропология возраста: Научное исследование: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 2001.
27. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990.
28. *Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества: поведенческие аспекты эволюции человека. М., 1993.
29. *Вайнштейн С.И.* Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Советская этнография. 1985. № 3.
30. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография в структуре этнографической науки // Советская этнография. 1987. № 4.
31. *Ван Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999.
32. *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. № 6. 1981. С. 157—175.
33. *Вейс Г.* Внешний быт народов с древнейших до нынешних времен. Т. 1—2. М., 1874.
34. *Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И.* Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10.
35. *Веселкин Е.А.* Культурная антропология США: Теория и действительность // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991. С. 3—23.
36. Вестник антропологии: Альманах. Вып. 1—5 / Гл. ред. С.В. Васильев. М.: ИЭА РАН, 1995—1998.
37. *Воронкова Л.Н.* Культурная антропология как наука. М., 1987;
38. *Гадло А.В., Верняев И.И., Козьмин В.А.* Из опыта работы кафедры этнографии и антропологии по созданию электронной библиотеки и Web-сервера: «Этнонациональные общности России: историко-демографическая и этносоциокультурная характеристика» // Альманах «Университетский историк». Вып. 1. СПб., 2002.
39. *Герасимов М.* Люди каменного века. М., 1964.
40. *Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 171—200.
41. *Годелье М.* Действительно ли социальная антропология неразрывно связана с Западом, где она зародилась? // Международный журнал социальных наук. 1995. № 10. С. 175—196.
42. *Годинер Э.С.* Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.

43. Громов Г. Методика этнографических исследований. М., 1966.
44. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
45. Гуляев В.Г. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
46. Гуревич А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестник АН СССР. 1989. № 7. С. 71–78.
47. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56–70.
48. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа Анналов. М., 1993.
49. Гуревич П.С. Философская антропология: Учеб. пособие. М., 1997.
50. Данилевский И.Н. На пути к антропологической истории России // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 45–48.
51. Дерягина М.А., Бутовская М.Л. Этология приматов: Учеб. пособие. М., 1992.
52. Джохансон Д., Иди М. Люси: истоки рода человеческого. М.: Мир, 1984.
53. Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г. Культурная антропология: Учеб. пособие. СПб., 1996.
54. Женщина в аспекте физической антропологии / Отв. ред. Г.А. Аксянова. М., 1994.
55. Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Харьков, 1924.
56. Зубов А.А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 20–35.
57. Зубов А.А. О систематике австралопитековых // Вопросы антропологии. 1964. № 17. С. 99–105.
58. Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М., 1968.
59. Иванов В.В. К вопросу о содержании и развитии сравнительно-исторического метода // Методологические и историографические вопр. ист. науки. Томск, 1967. Вып. 5.
60. Иванов В.В. Культурная антропология и история культуры // Одиссей. М., 1989.
61. Информационное обеспечение культурно-антропологических исследований в США: Научно-аналитический обзор. М., 1992.
62. Ионин Л.Г. К антропологии повседневности // Свобода в СССР. М., 1997.
63. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докл. и сообщ. научной конф. Москва, 4–6 февраля 1997 г. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: РГГУ, 1998.
64. История ментальностей, историческая антропология. М., 1996.
65. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М., 1983.
66. Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л., 1991.

67. Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979.
68. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию: Пер. с англ / Под ред. А.А. Панченко. СПб., 1998.
69. Кларк Г. Доисторическая Европа. М., 1953.
70. Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М., 1977.
71. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.
72. Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002.
73. Козлова М.С. Эволюционная судьба *homo sapiens* // Человек. 2000. № 1.
74. Констэбл Дж. Возникновение человека. Недостающее звено. М., 1979.
75. Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1978.
76. Корякова Л.Н. Археология раннего железного века Евразии: Учеб. пособие. Ч. I. Екатеринбург, 2002.
77. Кравченко А.И. Социальная антропология. М., 2003.
78. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние политические организации. М.: Восточная литература, 1995. С. 16–61.
79. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.
80. Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. М., 2001.
81. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX — начале XX века. Т. 1–2. М., 2003.
82. Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.
83. Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90–106.
84. Кром М.М. Историческая антропология русского средневековья: Контуры нового направления // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 61–68.
85. Крюков М.В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: Проблема критериев стадияльной глубины // Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М., 1979.
86. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
87. Культурная антропология. СПб., 1996.
88. Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель. Л., 1991.
89. Ларичев В.Е. Поиски предков Адама. М., 1978.
90. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
91. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4.
92. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
93. Летурно Ш. Социология, основанная на этнографии. Вып. I–III. СПб., 1897–1898.

94. *Лики Л.* На 1 750 000 лет в прошлое человека // Наука и человечество. М., 1963.
95. *Линтон Р.* Личность, культура и общество // Личность, культура и общество, 2001, Вып. 1.
96. *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998.
97. *Лыниша В.А.* Гордон Чайлд и американский неозволюционизм // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 3–17.
98. *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974.
99. *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М., 1999.
100. *Маркарян Э.С.* Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории. 1966. № 7.
101. *Марков Б.В.* Философская антропология. СПб., 1997.
102. *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
103. *Мартынов А.И.* Археология. М., 1996.
104. *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
105. *Массон В.Н.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
106. *Матюшин Г.Н.* У колыбели истории. М., 1972.
107. *Мердок Дж.П.* Социальная структура / Пер. и коммент. А.В. Коротаева. М., 2003.
108. *Мид М.* Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988.
109. *Морган Л.Г.* Древнее общество. СПб., 1935.
110. *Мосс М.* Общества, обмен, личность. М., 1997.
111. *Новичкова Г.А.* Историко-философские очерки западной педагогической антропологии. М., 2001.
112. Новые методы — новые подходы в современной антропологии: Материалы Первой конференции Российского отделения Европейской антропологической ассоциации. М.: Старый Сад, 1997.
113. *Норбер Р.* Юридическая антропология: Учебник для вузов. М., 2000.
114. Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2002.
115. Опыт этносоциологического исследования образа жизни (По материалам Молдавской ССР). М., 1980.
116. *Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию: Учеб. пособие. М., 1994.
117. *Островский А.В.* История цивилизаций: Учебник. СПб., 2000.
118. Первобытное общество. М., 1975.
119. *Першиц А.И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза // Народы Азии и Африки. 1980. № 4.
120. *Першиц А.И., Мончайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М., 1982.
121. *Першиц А.И.* Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 3–7.

122. Полевые исследования Института этнографии. 1974–1983. М., 1975–1987.
123. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.
124. *Придо Т.* Возникновение человека. Кроманьонский человек. М., 1979.
125. *Природа и древний человек.* М., 1981.
126. *Проблемы типологии в этнографии.* М., 1979.
127. *Происхождение вещей. Очерк первобытной культуры / Под ред. Е.В. Смирницкой.* М., 1995.
128. *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 1–4. СПб., 1890–1892.
129. *Радклифф-Браун А.* Методы этнологии и социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
130. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности.* М., 1995.
131. *Ранние формы социальной стратификации.* М., 1993.
132. *Ранов В.А.* Древнейшие страницы истории человечества. М., 1988.
133. *Рапппорт Р.А.* Эволюция человечества и будущее антропологии // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 18–30.
134. *Резник Ю.М.* Социальная антропология в вузе: опыт построения курса // Высшее образование в России. 1997. № 4.
135. *Резник Ю.М.* Социальная антропология как научная дисциплина // Социологические исследования. 1997. № 5.
136. *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181.
137. *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977.
138. *Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М., 1978.
139. *Романов П.В.* Социальная антропология организаций: история, эпистемология и основные методологические принципы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Вып. 4.
140. *Руководство по методологии культурно-антропологических исследований.* М., 1994.
141. *Рулан Н.* Юридическая антропология: Учеб. для вузов: Пер. с фр. М., 2000.
142. *Румянцев А.М.* Первобытный способ производства // Политико-экономические очерки. М., 1987.
143. *Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
144. *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
145. *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
146. *Семенов С.А., Коробкова Т.Ф.* Технология древнейших производств. Л., 1983.
147. *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. М., 2002.
148. *Скальчик П.* Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Советская этнография. 1991. № 3.

149. *Скленарж К.* За пещерным человеком. М.: Знание, 1987.
150. Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995.
151. Современная психологическая антропология. М., 2001.
152. Социально-экономическая и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.
153. *Траусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М., 2001.
154. *Суразаков А.С.* К проблеме социологических реконструкций в археологии // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 577–580.
155. *Сэпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
156. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.
157. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М., 1978.
158. *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966.
159. *Тэйлор Эд.Б.* Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. М.—Пг., 1924.
160. У истоков человечества. Основные проблемы антропогенеза. М., 1964.
161. *Уайт Э., Браун Д.М.* Возникновение человека. Первые люди. М., 1978.
162. *Ушинский К.Д.* Педагогическая антропология. М., 2002.
163. *Фальк-Ренне А.* Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М.: Наука, 1985.
164. *Хоружий С.С.* К антропологической модели третьего тысячелетия // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. 2000. № 3. С. 18–36.
165. *Хрисанова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М., 1991.
166. *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949.
167. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
168. *Чебоксаров Н.Н.* Народы, расы, культуры. М., 1985.
169. *Членов М.А.* Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.
170. *Шепель В.М.* Управленческая антропология. М.: Дом педагогики, 2001.
171. *Шмелева М.Я.* Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3.
172. *Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
173. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. М., 1980.
174. *Эванс-Причард Э.* Сравнительный метод в социальной антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
175. *Эванс-Причард Э.Э.* Нуэры. М.: Наука, 1985.

176. Элез А.Й. Критика этнологии. М., 2001.
177. Эмар М. Аграрная история: от изучения экономики к исторической антропологии // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 130–137.
178. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
179. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
180. Этнография: Учебник / Под ред. Ю.В. Бромлея, Г.Е. Маркова. М., 1982.
181. Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.
182. Этнология в США и Канаде. М., 1989.
183. Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
184. *Aguilera F.E.* Is Anthropology Good for the Company? // *American Anthropologist*. 1996. Vol. 98. No. 4. P. 735–742.
185. *Alexander R.D.* Darwinism and Human Affairs, L.: Pitman, 1980.
186. *Alexander R.D., Noonan K.M., Crespi B.J.* The evolution of eusociality // *The Biology of the Naked Mole-rat.* / Ed. by P.W. Sherman, J.U.M. Jarvis, & R.D. Alexander. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–44.
187. *Anderson C., Franks N.R., McShea D.W.* The complexity and hierarchical nature of tasks in insect societies // *Animal Behaviour*. 2001. Vol. 62. P. 643–651.
188. *Anderson C., Ratnieks F.L.* Worker allocation in insect societies: coordination of nectar foragers and nectar receivers in honey bee colonies // *Behav. Ecol. Sociobiol.* 1999. Vol. 46. P. 73–81.
189. *Anderson D.G.* Fluctuations Between Simple and Complex Chiefdoms: Cycling in the Late Prehistoric Southeast // *Political Structure and Change in the Prehistoric Southeastern United States:* Ed. by J.F. Scarry. University Presses of Florida, 1996. P. 231–252.
190. *Anderson D.G.* The Savannah River Chiefdoms: Political Change in the Late Prehistoric Southeast. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1994.
191. *Anderson G.L.* Critical ethnology in education. Review of Educational Research // *Amer. Educational Research J.* 1989. Vol. 59. No. 3. P. 249–270.
192. *Animal Societies: Theories and Facts.* Tokyo, 1987.
193. *Anthony D.W.* Migration in Archaeology: The Baby and the Bathwater. *American Anthropologist*. Vol. 92. No. 4. 1990. P. 895–914.
194. *Anthropology and Anthropologists: the modern British school.* L.: Routledge, 1983.
195. *Anthropology of organizations* / Ed. by S. Wright. L.; N.Y., 1994.
196. *Baba M.L.* Business and Industrial Anthropology: An Overview // *NAPA Bulletin*. 1986. 2.

197. *Bailey G.* Hunter-Gatherer Economy in Prehistory: A European Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
198. *Balandier G.* Anthropologie politique. P., 1967.
199. *Banner J.T.* The Evolution of Culture in Animals. Princeton: Princeton University Press, 1980.
200. *Barker A.W.* Chiefdoms and the Economics of Perversity. Ann Arbor: University Microfilms, 1999.
201. *Barnard A.* Contemporary Hunter-Gatherers: Current Theoretical Issues in Ecology and Social Organization // Annual Review of Anthropology. 1983. Vol. 12. P. 193–214.
202. *Barnard A.* History and Theory in Anthropology. Cambridge University Press, 2000.
203. *Barnard A., Spencer J.* (ed.). Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. L.; N.Y.: Routledge, 1996.
204. *Barrett S.R.* The Rebirth of Anthropological Theory. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 1984.
205. *Bartz S.H.* Evolution of eusociality in termites // Proc. Natl. Acad. Sci. USA, 1979. Vol. 76. P. 5764–5768.
206. *Bates D.G., Fratkin E.M.* Cultural Anthropology. N.Y.: Allyn & Bacon, 2003.
207. *Bates D.G., Rassam A.* Peoples and Cultures of the Middle East. Prentice Hall, 2000.
208. *Begler E.B.* Sex, Status and Authority in Egalitarian Society // American Anthropologist. 1978. Vol. 79. No. 2. P. 309–316.
209. *Bender B.* Gatherer-Hunter to Farmer: A Social Perspective // World Archaeology. 1978. Vol. 10. P. 204–219.
210. *Bettinger R.L.* Hunter-Gatherers: Archaeological and Evolutionary Theory. N.Y.: Plenum Press, 1991.
211. Between Bands and States / S.A. Gregg (ed.). Carbondale: Southern Illinois University at Carbondale, 1991.
212. *Bicchieri M.G.* Hunters and Gatherers Today. N.Y.: Holt, Rinehart, and Winston, 1972.
213. *Bidney D.* Theoretical Anthropology. N.Y.: Schocken Books, 1967.
214. *Boas F.* Anthropology and Modern Life. N.Y.: Norton, 1928.
215. *Bock Ph.* Rethinking Psychological Anthropology: Continuity and Change in the Study of Human Action. N.Y.: W.H. Freeman, 1988.
216. *Bock P.K.* (ed.) Handbook of Psychological Anthropology. Westport, Connecticut; L.: Greenwood Press, 1994.
217. *Bogucki P.* The Origins of Human Society. Oxford, UK, and Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1999.
218. *Bonaeau E.* Self-organization in social insects // Trends In Ecol Evol. 1997. Vol. 12. P. 188–193.
219. *Bonvillain N.* Language, Culture, and Communication: The Meaning of Messages. Prentice Hall, 2002.
220. *Borofsky R.N.Y.* Assessing Cultural Anthropology. N.Y., 1994.
221. *Bowie F.* The anthropology of religion: an introduction. Oxford: Blackwell, 2000.

222. *Burgess R.G.* In the field. L.: Unwin Hyman, 1984.
223. *Champion T.C.* (ed.) Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology. L.: Routledge, 1995.
224. *Chapman M.* Social Anthropology, Business Studies, and Cultural Issues. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997.
225. *Chapple E.D.* Applied Anthropology in Industry // *Anthropolog Today* / A.L. Kroeber (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 819–831.
226. *Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity* / Ed. by G. Stein and M. Rothman. Madison: Prehistory Press, 1994.
227. *Chiefdoms: Power, Economy, Ideology* / Ed. by Timothy Earle. N.Y.: Cambridge University Press, 1991.
228. *Childe G.V.* The urban revolution // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3–17.
229. *Collier J.Jr.* Ethnographic film // *Visual Anthropology*. University of New Mexico Press. 1986. P. 151–173.
230. *Crow G.* Social Solidarities. UK: Open University Press, 2002.
231. *D'Andrade R.* The Development of Cognitive Anthropology. N.Y.: Cambridge University Press, 1995.
232. *Dalton J.* Economic anthropology and development: Essays on tribal and peasant economics. N.Y., 1971.
233. *Denzin N.K.* The Research Act. Chicago: Aldine, 1978.
234. *Dey I.* Grounding grounded theory. N.Y.: Academic Press, 2000.
235. *Dictionary of Concepts in Cultural Anthropology*. Robert H. Winthrop. 1991.
236. *Eddy E.M., Partridge W.L.* eds. *Applied Anthropology in America*. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
237. *Ember C., Ember M.* *Anthropology: A Brief Introduction*. Prentice Hall, 2003.
238. *Encyclopedia of World Cultures*. Boston: G.K. Hall & Co., 1993.
239. *Ervin A.M.* *Applied Anthropology: Tools and Perspectives for Contemporary Practice*. N.Y.: Allyn & Bacon, 2000.
240. *Fagan B.M.* *World Prehistory: A Brief Introduction*. Prentice Hall, 2001.
241. *Fluehr-Lobban C.* Professional Ethics and Anthropology: Tensions Between its Academic and Applied Branches // *Business & Professional Ethics J.* 1991. Vol. 10 (Winter). P. 57–68.
242. *Foster G.M.* *Applied Anthropology*. Boston: Little, Brown, 1969.
243. *Geertz C.* *The Interpretation of Cultures*. N.Y., 1973.
244. *Goldman-Segall R.* Learning Constellations: A multi-media ethnographic research tool // I. Harel (Ed.). *Constructionism*, Norwood, NJ: Ablex Publishers, 1991. P. 467–496.
245. *Gwynne M.A.* *Anthropology Career Resources Handbook*. N.Y.: Allyn & Bacon, 2003.
246. *Hammersley M., Atkinson P.* *Ethnography: Principles in Practice*. L.; N.Y.: Routledge Publishers. 1983.

247. *Harper C.L., Le Beau B.F.* Food, Society, and Environment. Prentice Hall, 2002.
248. *Harris D.R.* (ed.). The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia. L.: University College London Press, 1996.
249. *Harris M.* Culture, People, Nature: An Introduction to General Anthropology. N.Y.: Allyn & Bacon, 1997.
250. *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. A history of theories of culture. N.Y.: Crowell, 1968.
251. *Harris M., Johnson O.* Cultural Anthropology. N.Y.: Allyn & Bacon, 2003.
252. *Heider K.G.* Seeing Anthropology: Cultural Anthropology Through Film. N.Y.: Allyn & Bacon, 2004.
253. *Heider K.G.* Seeing Anthropology: Cultural Anthropology through Film. N.Y.: Allyn & Bacon, 2000.
254. *Heyes C.M., Galef* (eds.). The Roots of Culture. San Diego, CA: Academic Press, 1996.
255. *Hirschberg S., Hirschberg T.* One World, Many Cultures. Longman, 2000.
256. History of Anthropology / Ed. by G. Stocking. Madison: University of Wisconsin Press, 1983–1985. Vol. 1–3.
257. *Hochings P.* Principles of Visual Anthropology. P.: Mouton Publishers, 1975.
258. *Hodder I.* The archaeological process. An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 1999.
259. *Hodder I.* Theory and practice in archaeology. L.: Routledge, 1992.
260. Hunter-gatherer economy in prehistory / G. Bailey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
261. Hunters and Gatherers: History, Evolution and Social Change / T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn (eds.). N.Y.: Berg, 1991.
262. *Jonson M.* Archaeological theory. Oxford: Blackwell, 1999.
263. *Jordon A.* Practicing Anthropology in Corporate America: Consulting on Organizational Culture. Arlington, VA: National Association for the Practice of Anthropology, 1994.
264. *Knight C.* Blood Relation. Menstruation and the Origin of Culture. New Haven; L.: Yale University Press, 1991.
265. *Kroeber A.K.* (ed.). Anthropology Today. Chicago, Ill.: The University of Chicago Press, 1953.
266. *Laabs J.J.* Corporate Anthropologists // Personnel Journal. 1992. Vol. 7. No. 1. P. 81–87.
267. *Lamont M., Thivenot L.* Rethinking comparative cultural sociology: repertoires of evaluation in France and the United States. L.: CUP, 2000.
268. *Leacock R.* Ethnographic observation // P. Hockings (Ed.). Principles of Visual Anthropology. P.: Mouton Publishers, 1975. P. 147–149.
269. *Lenski G.* Societal Taxonomies: Mapping the Social Universe // Annu. Rev. Sociol. 1994. Vol. 20. P. 1–26.
270. *Levinson D., Ember M.* (ed.). Encyclopedia of Cultural Anthropology. N.Y.: Henry Holt and Co., 1996.

271. *Macionis J.J.* Sociology: a global introduction / J.J. Macionis, K. Plummer. 2th ed. Harlow: Prentice Hall, 2002.
272. Main Currents in Cultural Anthropology / Ed. by R. Naroll, F. Naroll. N.Y.: Appleton etc., 1973.
273. *Malinowski B.* A Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1944.
274. *Malinowski B.* The Dynamics of Culture Change. New Haven, CT: Yale University Press, 1961.
275. Man Makes Himself. A Reader in Modern Cultural Anthropology / Ed. by E.A. Hammel, W.S. Simmons. Boston: Little, Brown, & Co, 1970.
276. *Marcus G.E., Fischer M.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago: University Chicago Press, 1986.
277. *McCurdy D.W.* Using Anthropology. In Conformity and Conflict: Readings in Cultural Anthropology. 9th ed. N.Y.: Longman, 1997.
278. *McDonald J.H.* The Applied Anthropology Reader. N.Y.: Allyn & Bacon, 2002.
279. *Mead M.* Visual anthropology // P. Hockings (Ed.). Principles of Visual Anthropology. P.: Mouton Publishers, 1975. P. 3–10.
280. *Michner C.D.* The Social Behavior of Bees: A Comparative Study. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
281. *Miller R.D.* Cultural Anthropology (Study Edition). N.Y.: Allyn & Bacon, 2004.
282. *Molnar S.* Human Variation, Races, Types, and Ethnic Groups. Allyn & Bacon, 2001.
283. *Munroe H., Munroe R.L., Whiting B. B.* (eds.) Handbook of Cross-cultural Human Development. N.Y.: Garland, 1981.
284. *Murdock G.P.* World Ethnographic Sample // Amer. Anthropologist. 1957. Vol. 59. P. 664–687.
285. *Penniman T.K.* A Hundred Years of Anthropology. L., 1965.
286. *Peregrine P.N.* World Prehistory: Two Million Years of Human Life. Prentice Hall, 2002.
287. *Perry R.J.* Five Key Concepts in Anthropological Thinking. Prentice Hall, 2002.
288. *Poirier F.E., McKee J.K.* Understanding Human Evolution. Prentice Hall, 1998.
289. Qualitative research methods / Ed. by D. Weinberg. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2001.
290. *Radcliffe-Brown A.R.* Method in Social Anthropology. Selected Essays by A. R. Radcliffe-Brown. Chicago & L.: The University of Chicago Press, 1958.
291. *Radin P.* The Method and Theory of Ethnology. South Hadley, Mass.: Bergin & Garvey Publishers, 1987.
292. *Renfrew C.* Approaches to Social Archaeology. Edinburgh, 1984.
293. *Riches D.* Hunter-Gatherer Structural Transformations // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1995. Vol. 1. No. 4. P. 679–701.
294. *Scarre C., Fagan B.M.* Ancient Civilizations. Prentice Hall, 2002.

295. *Schmookler A.B.* The Parable Of The Tribes. Berkeley: University Of California Press, 1984.
296. *Scupin R.* Cultural Anthropology: A Global Perspective. Prentice Hall, 2002.
297. *Scupin R., DeCorse Christopher R.* Anthropology: A Global Perspective. Prentice Hall, 2001.
298. *Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.
299. *Service E.* Primitive Social Organization. N.Y., 1971.
300. *Smith S., Young P.D.* Cultural Anthropology: Understanding a World in Transition. N.Y.: Allyn & Bacon, 1998.
301. Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating / C.L. Redman et al. (eds.). N.Y.: Academic Press, 1978.
302. *Spindler G.D.* (ed.) The Making of Psychological Anthropology. Berkeley: University of California Press, 1978.
303. *Spradley J., McCurdy D.W.* Conformity and Conflict: Readings in Cultural Anthropology. N.Y.: Allyn & Bacon, 2003.
304. *Strier K.B.* Primate Behavioral Ecology. N.Y.: Allyn & Bacon, 2002.
305. *Tedlock B.* From participant observation to the observation of participation: the emergence of narrative ethnography // J. of anthropological research. 1991. Vol. 47. No. 1.
306. The Darwinian heritage and sociobiology / Ed. by J.M.G. van der Dennen, D. Smillie, D.R. Wilson. L.: Praeger Publishers, 1999.
307. *Wenke R.J.* Patterns in Prehistory: Humankind's First Three Million Years. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
308. *White L.* The Science of Culture. N.Y.: Farrar & Straus, 1949.
309. *Whitley J.* Too many ancestors // Antiquity. 2002. Vol. 76. P. 119–126.
310. *Whitten Ph.* Anthropology: Contemporary Perspectives. N.Y.: Allyn & Bacon, 2001.
311. *Wilson E.* The Insect societies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976.
312. *Wilson E.O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
313. *Winthrop R.H.* Dictionary of Concepts in Cultural Anthropology. N.Y.; Westport, Connecticut; L., 1991.
314. *Wissler C.* An Introduction to Social Anthropology. N.Y.: Henry Holt, 1929.
315. *Wulff R., Fiske S.J., eds.* Anthropological Praxis: Translating Knowledge into Action. Boulder, CO: Westview Press, 1987.

Учебное издание

**Добреньков Владимир Иванович
Кравченко Альберт Иванович**

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебник

Редактор *Л.Б. Герцвольф*
Корректор *Т.Г. Беляева*
Художники *В.А. Чернецов, Н.С. Шувалова*

Оригинал-макет подготовлен Издательским Домом «ИНФРА-М»
Компьютерная верстка *В.Г. Курочкин*

*Художественное оформление серии выполнено
Издательством Московского университета и издательством «Проспект»
по заказу Московского университета*

ЛР № 070824 от 21.01.93 г.

Сдано в набор 06.09.2004. Подписано в печать 22.11.2004.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Newtop.

Усл. печ. л. 43,00. Уч.-изд. л. 45,85.

Тираж 2500 экз. Заказ № 0415210.

Цена свободная.

Издательский Дом «ИНФРА-М»
127214, Москва, Дмитровское ш., 107
Тел.: (095) 485-71-77. Факс.: (095) 485-53-18.
E-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

